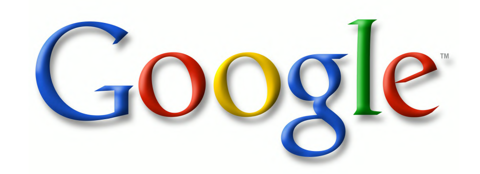
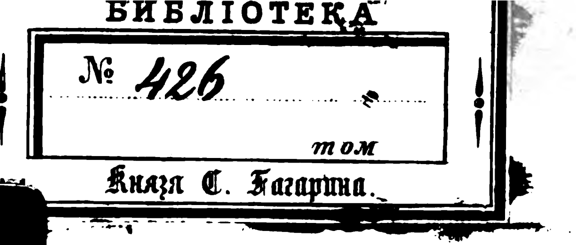
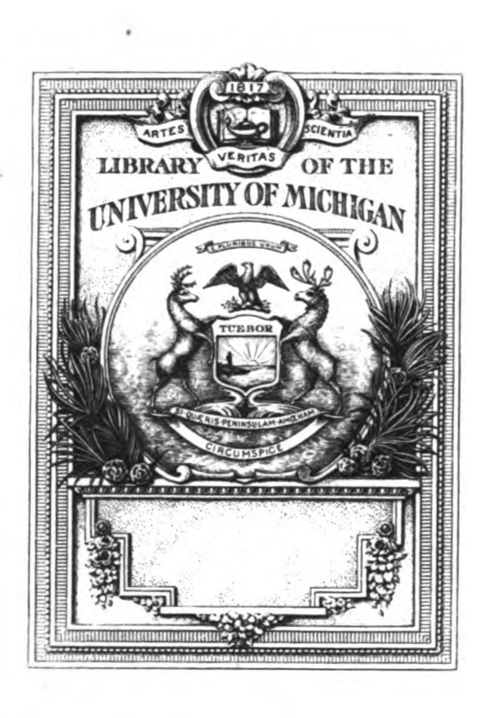
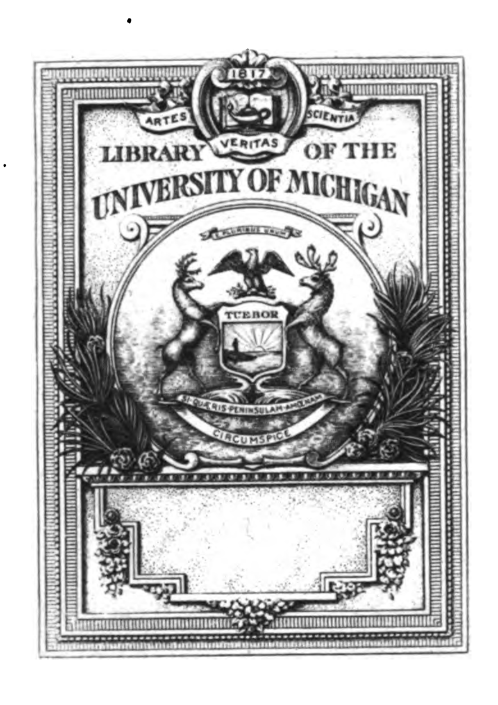

БИБЛІОТЕКА
№ 426
том
Князя С. Гагарина.

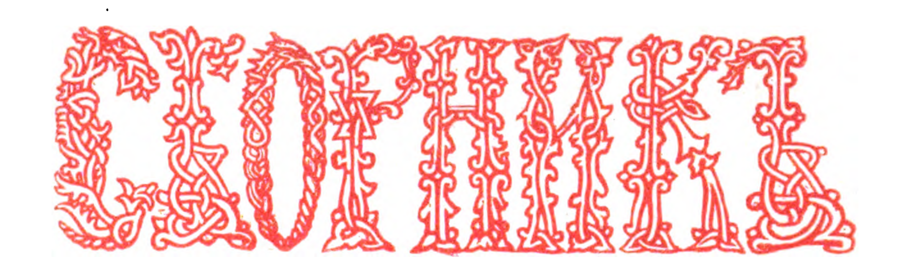

1817
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

БИБЛІОТЕКА
№ 426
том
Князя С. Гагарина.

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

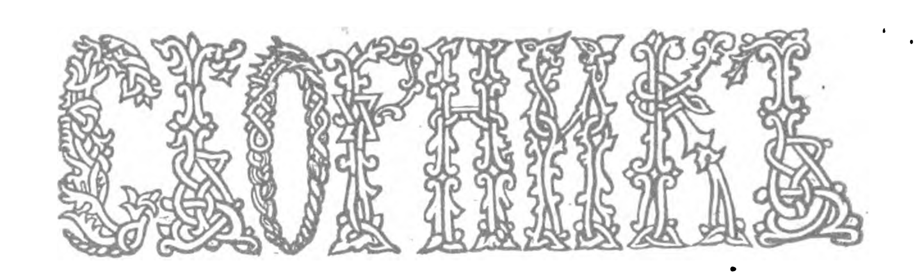
Printed in Russia

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1876

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ секретаря Общества **А. А. Половцова.**

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.

Quid enim plano aditur excelsum?

Намѣреніе воздвигнуть памятникъ Петру Великому, изъявлено было впервые Императрицею Елисаветою Петровною, въ самомъ началѣ ея царствованія. Обращаясь къ воспоминанію о достославномъ своемъ родителѣ во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ мѣропріятіяхъ, Императрица, въ сооруженіи ему монумента, могла безъ сомнѣнія видѣть не только выраженіе дочеринскаго почитанія, но также и дань народной признательности къ исполинскимъ трудамъ неутомимаго преобразователя. 22 іюля 1743 года Императрица указала «архитектору и скульптору графу Дерастрелію «по апробованнымъ отъ Ея Императорскаго Величества моделямъ «Государя Императора Петра Великаго два портрета мѣдные «сдѣлать», но 18 ноября 1744 года графъ де-Растрелли умеръ и порученное ему дѣло возложено на служившаго при немъ помощникомъ, италіанца, штукарнаго дѣла мастера Мартелія, который сказкою въ Канцеляріи строеній о себѣ показалъ, что «имѣетъ искусство дѣлать отличныя изъ серебра и мѣди портреты «и прочія мастерства знаетъ». По винѣ ли штукарнаго дѣла мастера, потому ли что иныя хлопоты занимали лицъ, которыя могли бы содѣйствовать успѣху порученнаго имъ дѣла, но сооруженіе памятника подвигалось медленно; въ концѣ 1753 года Мартелій требовалъ для выливанія: мѣдныхъ склявъ, кракштейновъ, барлевыхъ и прочихъ украшеніевъ; въ концѣ 1761 года онъ доносилъ, что конный портретъ имъ отлитъ, н[illegible] ай

въ которомъ статуя поставлена грозитъ разрушеніемъ отъ ветхости и просилъ 400 рублей на починку этого сарая.

Донесеніе объ этомъ попало не во время, Императрица Елисавета скончалась 25 декабря 1761 года; въ зимнемъ дворцѣ поклоненіе памяти Петра I уступило мѣсто благоговѣнію предъ Фридрихомъ II, объ искусствѣ не могло быть рѣчи, среди шумныхъ и дымныхъ военныхъ празднествъ; при дворѣ говорилось лишь о новыхъ мундирахъ, о приготовленіяхъ къ походу противъ Даніи на защиту Голштинскаго герцогства и т. п., но 30 іюня 1762 года вступила на престолъ Императрица Екатерина II и все касавшееся Русской народной славы возъимѣло мудрую и мощную покровительницу.

Правительствующій Сенатъ, въ то самое время какъ въ немъ производился процессъ о государственномъ преступленіи Мировича, нашелъ возможность разсмотрѣть скромное ходатайство Мартелія; деньги нужныя для починки анбара были отпущены, относительно же дальнѣйшихъ издержекъ на выдѣлку пьедестала и вообще относительно окончанія цѣлаго памятника заключено было: какъ въ Сенатѣ неизвѣстно, означенная статуя Ея Императорскимъ Величествомъ апробована ли и такова ли чтобъ угодно было Ея Императорскому Величеству повелѣть, по прожекту Мартелія оную совсѣмъ окончать, того ради господину генералу поручику Бецкому о семъ разсмотря доложить Ея Императорскому Величеству и какая на то послѣдуетъ Высочайшая резолюція о томъ въ Сенатѣ представить.

Во исполненіе такого указа, Бецкій 17 октября 1764 года донесъ Сенату, что упомянутый портретъ Ея Императорское Величество апробовать не соизволила *), въ разсужденіи что сдѣланъ не такимъ искусствомъ, каково бы должно представить толь великаго монарха и служить ко украшенію столичнаго города С.-Петербурга, для чего Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть ему Бецкому соизволила, собрать о лучшемъ сдѣланіи и изображеніи разные прожекты со мнѣніями.

*) Отлитая Мартеліемъ статуя была при Императорѣ Павлѣ поставлена на площади предъ Инженернымъ замкомъ, гдѣ находится и донынѣ.

Какъ ни коротки эти чисто офиціальныя выраженія служебнаго донесенія, однако въ нихъ уже слышится и тонкое художественное чутье и твердая не легко смущающаяся воля Государыни. Не смотря на бѣдность окружающей ее съ дѣтства артистической обстановки, ее не удовлетворяетъ трудъ штукарнаго мастера, она не поддается соблазну торопливо воспользоваться тѣмъ что уже готово, она предпочитаетъ искать чего то что ей еще неизвѣстно, она не страшится трудностей, которыми изобиловало начало ея царствованія и которыя на поприщѣ искусства были чуть ли не многочисленнѣе чѣмъ на всякомъ другомъ.

Дѣйствительно въ Россіи искусство было еще въ крайнемъ младенчествѣ. Великій двигатель отечественнаго просвѣщенія безсмертный Петръ не оставилъ безъ вниманія и художественное образованіе своего народа. Онъ выписалъ иностранныхъ художниковъ, явились живописцы: Данауеръ, Баварецъ учившійся въ Венеціи и Голландіи, оставившій нѣсколько портретовъ Императора, Императрицы, Великихъ Княженъ, портретовъ, о которыхъ съ похвалою отзывается Беркгольцъ, видѣвшій ихъ въ мастерской художника; Кселль, Швейцарецъ особенно искусный въ изображеніи мертвой природы, приглашенный Петромъ въ 1717 г. въ Амстердамѣ и остававшійся въ Россіи до смерти своей въ 1745; Тарсія, Венеціанецъ, съ большимъ талантомъ расписывавшій плафоны вновь воздвигавшихся въ Петербургѣ дворцовъ; Каравакъ, гасконецъ выписанный въ качествѣ миніатюриста, но впослѣдствіи при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ прославившійся потолкомъ большой залы зимняго дворца и портретомъ Бирона. Кромѣ этихъ живописцевъ до насъ дошли еще имена и другихъ художниковъ, какъ напримѣръ: граверовъ Шхонебека и Пикара, ваятелей графа Растрелли и Оснера; архитекторовъ: Кирштейна, начавшаго постройку Петропавловской крѣпости, Гана и Швертфегера, строившихъ Александро-Невскую Лавру; Шлюттера, строителя лѣтняго дворца, на мѣстѣ коего возвышается теперь Инженерный замокъ; Тресино, завѣдывавшаго устройствомъ Васильевскаго острова; Матернони, Гребеля, Ерда, Гастана, трудившихся надъ зданіями Академіи Наукъ; Ферстера и Брун-

штейна, первыхъ зодчихъ Царскаго Села; Леблонда, разбившаго Петергофскій садъ и заложившаго тамошній дворецъ; Микети, работавшаго въ Стрѣльнѣ; Лена, въ Кронштадтѣ. Подъ руководствомъ этихъ художниковъ, благодаря учрежденной при с.-петербургской типографіи школѣ рисованія, подъ вліяніемъ видѣннаго въ заграничныхъ путешествіяхъ, стали образовываться русскіе ученики. Живописцы: Матвѣевъ, Никитинъ, Василевскій, Меркурьевъ, Захарестъ; граверы: братья Зубовы и Бунинъ; архитекторы: Земковъ и Еропкинъ начинали радовать Петра успѣшностью своихъ трудовъ, когда смерть Государя внезапно лишила ихъ покровителя и остановила успѣхъ большинства его предпріятій.

Въ послѣдующіе за тѣмъ тридцать слишкомъ лѣтъ, до плодотворныхъ стараній незабвеннаго на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія И. И. Шувалова, въ Петербургѣ не переводились иноземные артисты, но появленіе ихъ большею частью имѣло цѣлью осуществленіе какой либо опредѣленной задачи, безъ всякаго отношенія къ дѣлу развитія въ Россіи художественнаго образованія. При Петрѣ I встрѣчаемъ имя Брауншвейгскаго уроженца Люттена, при Аннѣ Іоанновнѣ Гамбургскаго уроженца Франкарда, пріѣхавшаго съ труппою италіанскихъ актеровъ, Болонезца Бона, а также гравера Иссенца Вортмана, о которомъ слѣдуетъ упомянуть что подъ его руководствомъ занимались нѣсколько русскихъ учениковъ исполнявшихъ заказы Академіи Наукъ.

При Елисаветѣ Петровнѣ, Христофоръ Гротъ былъ придворнымъ портретистомъ; не удовлетворяясь его произведеніями Императрица выписала пользовавшагося извѣстностью француза Токе, тоже написавшаго прекрасный нортретъ Государыни; впослѣдствіи въ 1757 г. былъ выписанъ изъ Дрездена Ротари. котораго многочисленные портреты дошли до насъ. Въ это же время были болѣе или менѣе извѣстны какъ живописцы: Фридрихъ Гротъ, писавшій нреимущественно звѣрей и наполнившій своими произведеніями цѣлую залу Царскосельскаго дворца; Гриммель, который занимался писаніемъ образовъ; Валеріани и Перезинотти, расписывавшіе на потолкахъ царскосельскаго

дворца аллегоріи, сочиненныя Штелинымъ; Градици и Леиринсъ, которые украшали отдѣлывавшійся въ то время Зимній дворецъ. послѣдній много путешествовалъ по Россіи и оставилъ весьма любопытные рисунки русскихъ типовъ; Девели, выписанный въ 1754 г. изъ Англіи, расписалъ плафонъ китайской гостиной въ Царскомъ Селѣ; Самсои, который писалъ миніатюры для жалованныхъ Государынею табакерокъ. Въ числѣ граверовъ упоминается имя Штенглина; изъ архитекторовъ прославился графъ Растрелли младшій, хотя впрочемъ большинство его построекъ относится къ Екатерининскому царствованію; послѣ графа Растрелли упоминаются имена Вюста и Риналди.

Въ 1757 году Иванъ Ивановичъ Шуваловъ вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о томъ, что «необ-«ходимо установить академію художествъ, которой плоды, когда «приведутся въ состояніе не только будетъ славою здѣшней «Имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ «работамъ, за которыя иностранные посредственнаго знанія, «получая великія деньги обогатясь возвращаются не оставя по «сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ кото-«рый бы умѣлъ что дѣлать». Академію Шуваловъ полагалъ учредить въ Петербургѣ, «по причинѣ что лучшіе мастера не «хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора «работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣш-«ней жизни». Согласно этому представленію Ив. Ив. Шувалова Сенатъ опредѣлилъ: Академію художествъ здѣсь въ С.-Петербургѣ учредить, съ назначеніемъ 6000 р. ежегоднаго содержанія.

Вслѣдствіе просьбы Ив. Ив. Шувалова. Парижская академія живописи и скульптуры выслала въ Петербургъ двухъ своихъ членовъ: живописца Лорена и скульптора Жиле, изъ Берлина былъ выписанъ граверъ Шмидтъ, Лоренъ вскорѣ умеръ и замѣненъ сначала Девели, а потомъ Лагрене. Не доставало профессора архитектуры и съ этою цѣлію вызвали Валуа. Изъ русскихъ питомцевъ только что созданной академіи, не замедлили обратить на себя вниманіе граверъ Чемезовъ, архитекторы Кокориновъ и Баженовъ, живописецъ Лосенковъ; двое послѣднихъ были отправлены за границу для усовершенствованія.

Горячо принимая къ сердцу судьбы, обязаннаго ему существованіемъ учрежденія, Шуваловъ пожертвовалъ на пользу его свою картинную галлерею, часто посѣщалъ академію, но кажется не всегда оставался доволенъ тѣмъ что видѣлъ, такъ напр. пріѣхавъ 30 мая 1762 г. въ 4 часа по полудни онъ не засталъ еще въ академіи и третьей части учениковъ, при чемъ караульный офицеръ объяснилъ ему, что виною тому учителя, которые очень поздно приходятъ Не смотря на неизбѣжныя, частныя неустройства. дѣло благодаря попеченіямъ Шувалова подвигалось, число учителей и учениковъ множилось; въ началѣ 1763 г. Шуваловъ представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II проэктъ регламента для академіи, но вслѣдъ за тѣмъ подъ вліяніемъ нерасположенія новыхъ людей къ представителямъ прошедшаго царствованія, Шуваловъ уѣхалъ за границу и Высочайшимъ указомъ 3 марта 1763 года, управленіе Академіею ввѣрено генералъ поручику Ивапу Ивановичу Бецкому.

Родившись въ Швеціи, проведя молодость въ путешествіяхъ и дипломатической службѣ, бывъ знакомъ съ семействомъ Императрицы Екатерины II прежде прибытія ея въ Россію, находясь по сестрѣ своей въ свойствѣ съ Гольштинскимъ домомъ, не принадлежа къ числу родовитыхъ русскихъ враговъ всего чужеземнаго, Бецкій съ самаго начала вступленія Императрицы на престолъ могъ сдѣлаться и дѣйствительно сдѣлался приближеннымъ, почти домашнимъ человѣкомъ при дворѣ. Выдѣляясь изъ рядовъ молодыхъ отважныхъ бойцовъ, кипѣвшихъ жаждою славолюбивой дѣятельности, степенный, шестидесятилѣтній Бецкій, всегда готовый прочитать письмо, только что полученное отъ Гримма или г-жи Жофренъ, готовый безмолвно выслушать, безпрекословно исполнить, олицетворялъ своимъ обществомъ то временное успокоеніе, въ которомъ нуждаются самые неутомимые труженики. Разговоръ о погодѣ, невинная сплетня, журнальная [illegible], безобидная шутка, все это можетъ занимать не однихъ [illegible]ъ людей, а раздѣлить подобное занятіе съ человѣкомъ [illegible] благовоспитаннымъ, умѣющимъ цѣнить довѣріе, не ищу[illegible] случая ввернуть намёкъ или сарказмъ, составляетъ удо-

вольствіе, которымъ сильные міра не могутъ не дорожить болѣе другихъ.

При Петрѣ III Бецкій былъ назначенъ главнымъ директоромъ Канцеляріи строеній; когда стало приближаться время вступленія на престолъ Императрицы Екатерины, то осторожный генералъ-поручикъ, по выраженію французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Беранже, участвовалъ въ переворотѣ только пожеланіями успѣха, но за то вслѣдъ за тѣмъ, по словамъ того же очевидца, не покидалъ пріемной комнаты Государыни. На четвертый день послѣ воцаренія произошла та комическая сцена, разсказываемая княгинею Дашковою, когда Бецкій на колѣняхъ умолялъ Императрицу признать въ немъ единственнаго виновника ея воцаренія, и Императрица, чтобы доказать что была обязана ему короною, поручила Бецкому заказать корону для коронаціи. Такими шутками однако не всегда можно было отдѣлываться отъ честолюбивыхъ притязаній Александровскаго кавалера; Екатерина чувствовала это, но чувствовала также и то, что дѣла государственныя были не по плечу ея невозмутимо-пріятному собесѣднику. Одинъ тревожный пламень горячей любви къ отечеству успѣшно освѣщаетъ путь трудящихся на пользу судебъ его. Такіе двигатели своей родины привлекаютъ потомство, одушевляютъ своихъ сотрудниковъ, творятъ вокругъ себя любовь и ненависть, но никогда не обладаютъ тѣми успокоительными качествами, которыя отличали Дѣйствительнаго Камергера Бецкаго. Въ небольшомъ ея хозяйствѣ, какъ выражалась вослѣдствіи Императрица разговаривая однажды съ Сегюромъ о государственномъ управленіи, въ небольшомъ хозяйствѣ этомъ, могли найти примѣненіе самыя разнородныя способности. Ввѣряя политику Панину, арміи Румянцеву-Задунайскому, Суворову-Рымникскому, Потемкину-Таврическому, корабли Орлову-Чесменскому, финансы князю Вяземскому, правосудіе Сенату, Екатерина II удѣлила Бецкому призрѣніе несчастныхъ дѣтей съ судьбою коихъ его связывало собственное его рожденіе, она поручила ему свои сады, дворцы, гдѣ съ каждымъ днемъ ширилась доля искусства и наконецъ ввѣрила храмъ художества — академію.

Исполняя порученіе Императрицы о прінсканіи художника

способнаго создать памятникъ достойный славы Великаго Петра, президентъ Академіи вошелъ чрезъ князя Дмитрія Алексѣевича Голицына въ сношеніе съ парижскими художниками. Мысль о сооруженіи памятника, только не Петру I, а самой Екатеринѣ II уже подвергалась изученію со стороны Бецкаго. Въ самые первые дни новаго царствованія Сенатъ возымѣлъ мысль воздвигнуть памятникъ Императрицѣ; призванный въ присутствіе Сената 21 августа 1762 г. Бецкій представлялъ тогда свои соображенія *), но, вѣроятно согласно волѣ Государыни, не было даже дано хода этому дѣлу, точно также какъ въ 1766 г., когда о томъ ходатайствовали собравшіеся въ Москвѣ депутаты Коммиссіи для составленія Уложенія. Принимаясь теперь за памятникъ Петру I и исполняя въ этомъ случаѣ и волю Государыни и въ извѣстной степени служебныя свои обязанности, Бецкій, чрезъ посредство Русскаго посланника въ Парижѣ, обратился къ французскимъ художникамъ и любителямъ художествъ и по полученіи отъ нихъ отвѣтовъ представилъ Сенату о сущности этой переписки или скорѣе о сущности выработавшагося въ немъ по этому предмету взгляда.

Посвящая значительную часть своей записки **) изученію вопроса: какое пространство и форму должна будетъ имѣть площадь, на которой поставленъ будетъ памятникъ, Бецкій въ заключеніи своемъ такъ перечисляетъ главныя стороны предстоявшей ваятелю задачи: 1) что Россія есть наиболѣе обширное въ свѣтѣ государство, 2) что Петръ I болѣе другихъ государей трудился на пользу своего народа, 3) главнѣйшія выигранныя имъ сраженія, 4) мудрость его какъ законодателя, 5) любознательность подвигшую его къ заграничнымъ путешествіямъ и изученію ремеслъ съ удаленіемъ на время отъ престола, 6) что памятникъ, воздвигнутъ Государынею слѣдующею по стопамъ его, 7) что загробная похвала чужда лести и что слѣдовательно посмертные памятники составляютъ неподкупную награду монар-

---

[illegible]. приложеніе I.

[illegible]аписка эта кажется во многомъ заимствована изъ записки нѣкоего Билн[illegible], хранящейся въ Государственномъ Архивѣ и помѣщаемой въ приложеніи II.

ховъ *). Конечно все это и многое близкое къ этому могло быть высказано и не президентомъ Академіи художествъ, но безъ сомнѣнія слова его были приняты съ великимъ уваженіемъ въ стѣнахъ Сената, гдѣ слово художество раздавалось чуть ли не въ первые.

Оставалось пріискать художника способнаго достойно исполнить великую задачу; этотъ трудъ едва ли можно было поручить удачнѣе кому либо другому какъ нашему посланнику въ Парижѣ князю Д. А. Голицыну. Проживая въ Парижѣ уже двѣнадцать лѣтъ, съ двадцатилѣтняго своего возраста, холостой, веселый по характеру, князь жилъ почти на товарищеской ногѣ съ литераторами и художниками, предводительствовавшими духовнымъ движеніемъ Франціи; отыскать исполнителя желанія Императрицы было для него легче чѣмъ для всякаго инаго Русскаго. Къ тому же расположеніе Екатерины II покровительствовать наукѣ, искусству уже было извѣстно въ Парижѣ. Тамъ знали что Государыня состояла въ перепискѣ съ Вольтеромъ, съ Гриммомъ, съ г-жею Жоффренъ, что она предлагала Даламберу быть воспитателемъ Великаго Князя, что она незадолго предъ тѣмъ. въ мартѣ 1765 г., купила у Дидерота его библіотеку, предоставивъ владѣльцу пользоваться ею пожизненно; нѣкоторые французскіе художники уже трудились для Русской царицы, напр. академикъ Васе сдѣлалъ по ея заказу проэктъ тронной залы. Все это и въ особенности дружба князя Голицына съ Дидеротомъ облегчали порученный ему выборъ и выборъ этотъ вскорѣ палъ на Фальконета. Дидеротъ уже въ 1765 году **) увѣдомлялъ Бецкаго о согласіи Фальконета принять на себя предложенный ему трудъ, а 31 августа 1766 г. князь Голицынъ писалъ Н. И. Панину ***): «я долженъ отдать справедливость маркизу Мариньи и герцогу Шуазель, которые сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы «облегчить мнѣ достиженіе моей цѣли. Я не долженъ умолчать «о чертѣ безкорыстія Г. Фальконета. Ваше Превосходительство

*) См. приложеніе III.

**) См. приложеніе IV.

***) См. приложеніе V.

«могли видѣть по запискамъ другихъ художниковъ, сообщеннымъ «мною Г. Бецкому, что самое скромное требованіе простиралось «до 450 тысячъ ливровъ. Согласно съ этимъ я счелъ себя въ «правѣ предложить 300 тысячъ, но Г. Фальконетъ самъ нашелъ «такую цифру вознагражденія преувеличенною, и что я ни дѣ«лалъ, я не могъ уговорить его назначить болѣе 200 тысячъ. «Путевыя и всѣ остальныя издержки точно также гораздо ниже «того что запрашивали другіе художники. Считаю лишнимъ «настаивать на подобной чертѣ безкорыстія, зная въ какой мѣрѣ «добродѣтель и честность Вами цѣнятся, я увѣренъ что безко«рыстіе Фальконета не оставитъ его въ накладѣ.»

Контрактомъ заключеннымъ при этомъ было договорено слѣдующее: Фальконетъ обязывается отправиться въ Россію въ теченіе Сентября 1766 г. съ тремя мастеровыми, изъ числа ихъ два скульптора съ жалованіемъ 6 и 5 тысячъ, одинъ литейщикъ съ жалованіемъ 4 тысячъ ливровъ. На путешествіе имъ выдавалось 12 тысячъ ливровъ и карета; та же сумма назначалась на обратное путешествіе во Францію. Начатыя Фальконетомъ статуи, а также вещи его перевозятся на счетъ Русскаго правительства. Фальконету предоставляется квартира чистая и удобная по близости отъ мастерской, карета для повседневнаго употребленія, скромный и здоровый столъ, съ правомъ приглашать одного или двухъ знакомыхъ, вообще онъ освобождается отъ всякихъ хлопотъ по своему домашнему хозяйству, которое онъ не въ состояніи на себя принять и которое лишь затруднило бы его. Приказанія Фальконетъ долженъ получать, только отъ Государыни, непосредственно. или чрезъ Министра. Вознагражденіе назначается ежегодно двадцать пять тысячъ франковъ въ теченіе восьми лѣтъ; если работа продлится менѣе шести лѣтъ то всетаки будетъ выплачепо сполна 200 т. франковъ; если бы по болѣзни или другимъ непредвидѣннымъ случайностямъ работа затянулась далѣе восьмилѣтняго срока, то Фальконетъ предоставляетъ рѣшеніе участи своей великодушію Ея Величества. сохраняя за собою лишь право продолжать жить на казенной квартирѣ.

[illegible] поряженія князя Голицына удостоились одобренія; 15 сен[illegible] 766 г., Бецкій донесъ Сенату что контрактъ заключенный

съ профессоромъ Фальконетомъ былъ привезенъ изъ Парижа чрезъ нарочнаго курьера и что Ея Императорское Величество контрактъ этотъ изустно апробовать соизволила. Одновременно князь Голицынъ увѣдомлялъ Н. И. Панина, что удостоился въ великое себѣ удовольствіе получить Всемилостивѣйшую Е. И. В. апробацію и что «не укоснулъ сдѣлать именемъ нашего «двора благодарительныя привѣтстія Дюку Шуазелю и Маркизу «Мариньи за ихъ способствованія въ вызовѣ Фальконета».

Предпринимавшій столь трудное дѣло и столь дальнее путешествіе художникъ, былъ не одинъ изъ тѣхъ бѣжавшихъ въ Россію иностранцевъ, которымъ не посчастливилось дома, и которые думали сыскать легкій хлѣбъ въ варварской, на ихъ глаза, странѣ, нѣтъ, Фальконету было ровно пятьдесятъ лѣтъ и въ эти пятьдесятъ лѣтъ онъ успѣлъ уже заслужить почетное мѣсто среди своихъ согражданъ. Молодость и даже дѣтство онъ провелъ въ тяжелой, упорной борьбѣ съ трудностями жизни, эта борьба придала его характеру ту твердость, безъ которой невозможенъ серьезный успѣхъ. Бѣдность его родителей первоначально ограничила его образованіе грамотностію въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; онъ умѣлъ лишь читать и писать когда поступилъ въ ученіе къ рѣщику, занимавшемуся преимущественно выдѣлкою болвановъ подъ парики. Въ промежутки свободнаго времени, чувствовавшій свое призваніе ребенокъ, покупалъ рисунки и пытался осуществить ихъ рѣзцемъ. На семнадцатомъ году онъ рѣшился явиться къ славившемуся въ то время скульптору Лемуану съ просьбою пособить ему сдѣлаться художникомъ. Юноша полюбился Лемуану, не замедлилъ сдѣлаться его ученикомъ и во всю жизнь сохранилъ живую благодарность къ своему учителю. Въ 1745 г. Фальконетъ, за сочиненую имъ модель Милона Кротонскаго терзаемаго львами, былъ принятъ членомъ Королевской Академіи живописи и скульптуры. Въ 1747 г. онъ представилъ на выставку модель Еригоны и бюстъ доктора Фальконета; въ этомъ же году ему заказана была группа оставшаяся неоконченною: король Людовикъ XV въ объятіяхъ Франціи. Въ 1750 г. онъ выставилъ модель Флоры, въ 1751 г. статую музыки, заказанную маркизою Помпадуръ, въ 1754 г. за исполненнаго въ

мраморѣ Милона Кротонскаго Фальконетъ назначенъ профессоромъ. Въ 1755 г. онъ сочинилъ модель группы Благовѣщенія, заказанной и исполненной для церкви Св. Рока; въ той же церкви поставлены были Фальконетомъ восемь фигуръ принадлежавшихъ къ группѣ распятія *). Все это погибло при опустошеніи храмовъ революціею. Въ 1755 г. Фальконетъ по заказу маркизы Помпадуръ сдѣлалъ статую грозящаго амура; въ 1757 г. онъ выставилъ купающуюся нимфу и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ къ завѣдыванію скульптурною частью работъ Севрской фарфоровой фабрики. Въ 1763 г. на выставку была представлена Фальконетомъ статуя Пигмаліона; въ каталогѣ выставки 1765 г. значится его работы изображеніе сидящей женщины, по описанію долженствовавшей представлять зиму. Предъ отъѣздомъ своимъ, Фальконетъ работалъ надъ двумя большими статуями заказанными Герцогомъ Виртембергскимъ и изображавшими одна славу государей, а другая пышность государей; по ходатайству князя Голицына, герцогъ Виртембергскій уступилъ обѣ эти статуи Императрицѣ Екатеринѣ. 10 сентября 1766 г. Фальконетъ выѣхалъ изъ Парижа; вещи его отправлены были моремъ чрезъ Руанъ и изъ дошедшаго до насъ списка этимъ вещамъ, оказывается что на 25 ящиковъ одинъ только содержалъ пожитки художника, остальные наполнены были книгами, гравюрами, мраморомъ, а также слѣпками и снимками для Академіи Художествъ. Рекомендуя Фальконета Вице-Канцлеру, Кн. Д. А. Голицынъ просилъ оказать милости «сему честному и почтенному человѣку, истинно честью и сенти-«ментами преисполненному старику и мало примѣровъ столь «великаго безкорыстія какъ его».

Вмѣстѣ съ Фальконетомъ отправилась въ Россію восемнадцатилѣтняя, талантливая ученица его дѣвица Колло. Объ отъѣздѣ ихъ корреспонденція Гримма оповѣстила Европу, примѣшивая къ своему повѣствованію и похвалы Императрицѣ и комплименты художнику и назидательное слово потомству.

Во время пріѣзда Фальконета въ Петербургъ Екатерина II находилась въ Москвѣ, гдѣ произошло незадолго предъ тѣмъ

---

*) См. приложеніе VI.

открытіе Коммиссіи депутатовъ для составленія проэкта Уложенія; Бецкій сопровождалъ Императрицу, но вслѣдствіе его предложенія Канцеляріи строеній, сдѣланы надлежащія распоряженія какъ для помѣщенія Фальконета и его спутниковъ, такъ и для доставленія имъ способовъ немедленно приняться за работу. Сенатъ предписалъ статсъ-конторѣ отпустить десять тысячъ, на первоначальные расходы и выслалъ въ Ригу нарочнаго на встрѣчу Фальконету; вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ поручилъ Бецкому сдѣлать исчисленіе всей потребной на сооруженіе памятника суммы.

Переселясь въ страну удаленную отъ тогдашняго законодательнаго центра умственнаго и художественнаго движенія, разлучась на долго съ обаятельнымъ, неистощимымъ, кипучимъ Парижемъ, Фальконетъ тщетно озирался вокругъ себя и ничто не напоминало ему тѣхъ людей, которыхъ онъ оставилъ въ своемъ отечествѣ. Около него готовились и начинали твориться памятныя въ исторіи нашего государства дѣла, но они вершились не въ мастерскихъ, не въ гостиныхъ, а въ кабинетахъ, совѣтахъ, коммиссіяхъ на площадяхъ и поляхъ. Много трудилось Русскихъ людей, но труды эти не могли сблизить ихъ съ французскимъ художникомъ; тяжелые подвиги ихъ на пользу отечества были если не непонятны, то не притягательны для иноземца; въ говорѣ ихъ не слышалось ничего схожаго съ свободной отъ гнета мѣста и времени международной рѣчи искусства. О широкомъ пониманіи художества разумѣется не могло быть и рѣчи; суровость климата, новость сношеній съ Европою, трудности путешествій, отсутствіе всякого рода коллекцій, весь складъ народной жизни задерживали развитіе любви къ искусству въ Русскомъ обществѣ, тѣмъ не менѣе любовь эта начинала пробиваться если не какъ здоровый отростокъ могучаго дерева, то по крайней мѣрѣ какъ озимый всходъ, отдѣленный отъ цвѣта и зрѣлости продолжительною снѣжною зимою. Любовь эта разумѣется еще далека была отъ возвышеннаго духовнаго безкорыстнаго наслажденія, осуществленнымъ поэтическимъ идеаломъ, но она начинала уничтожать равнодушіе къ впечатлѣніямъ формы, цвѣта и звука. Въ Петербургѣ строились

дворцы, давались великолѣпные праздники; подъ вліяніемъ двора, Петербургское общество начинало смутно сознавать, что богатство безъ искусства близко къ бѣдности; графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, Степанъ Федоровичъ Апраксинъ, князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ и въ особенности графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ — отличались чрезмѣрною пышностью. Нѣкто князь Одоевскій раззорившись на оркестръ музыкантовъ обратилъ этотъ оркестръ въ источникъ дохода; Вице-Канцлеръ графъ Воронцовъ отстроивъ новый домъ наполнилъ его мебелью, нѣкогда принадлежавшею Маркизѣ Помпадуръ. Домъ Ивана Ивановича Шувалова былъ на столько же богато украшенъ снаружи, какъ роскошно убранъ внутри. Путешествіе перестало быть смѣшиваемо съ ссылкою. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, по выраженію князя Щербатова «къ несчастію Россіи не малое время путешество-«валъ въ чужихъ краяхъ, видѣлъ все что сластолюбіе, роскошь «при другихъ Европейскихъ дворахъ наипріятнѣйшаго имѣютъ; «онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію и всѣмъ симъ «отечество свое снабжать тщился»; столь вліятельный при Елисаветѣ Петровнѣ, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, получилъ воспитаніе за границею. Конечно, въ большой части случаевъ, изъ за-границы выписывались, какъ свидѣтельствуетъ переписка графа Воронцова: штофы, атласы, гродетуръ густу преизряднаго, цукъ шоръ, бочка Сидора Норманскаго, порселиновой теринецъ, но рядомъ съ этимъ, безъ сомнѣнія, привозимы были и предметы художественные, такъ напр. графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ лично купилъ въ Парижѣ нѣсколько хорошихъ картинъ при продажѣ извѣстныхъ галлерей.

Сама Императрица хотя впослѣдствіи и доказала свое расположеніе къ искусству, но въ началѣ своего царствованія не имѣла возможности изощрить артистическаго вкуса. Первая значительная коллекція картинъ пріобрѣтена ею лишь два года послѣ пріѣзда Фальконета въ Россію; до тѣхъ поръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ картинъ голландской школы и весьма немногихъ статуй, купленныхъ Петромъ Великимъ, едва ли Екатерина II и могла видѣть сколько нибудь за-

мѣчательныя художественныя произведенія. Она неусыпно трудилась надъ своимъ собственнымъ образованіемъ, но труды эти, какъ чтеніе Платона или Тацита, изученіе Белева словаря, на каждый томъ коего Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна полагала полгода, труды эти вели къ изученію искусства весьма окольными путями. Расположеніе Государыни къ французской литературѣ конечно могло служить въ этомъ отношеніи ближайшимъ проводникомъ. Императрица, по собственному свидѣтельству, любила Лесажа, Мольера, Корнеля, изъ Расиновыхъ трагедій ей нравилась лишь одна: Митридатъ; Рабеле, Скаронъ заставляли ее смѣяться, здравый смыслъ Монтескье особенно плѣнялъ ее. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она начала переписываться съ Вольтеромъ. Переписка эта по сознанію одного изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ критиковъ *) не въ пользу философа. Представитель французскаго глубокомысленнаго остроумія не замедлилъ предъ снисходительнымъ, но вѣрнымъ умомъ Государыни, явиться какимъ то шутливымъ льстецомъ, попрошайкой и къ стыду своему не могъ не положить начало разочарованію своего кореспондента, тому разочарованію на которое Государыня впослѣдствіи жаловалась принцу де Линю. Тѣмъ не менѣе Дидеротъ, Гриммъ д'Аламберъ, Мармонтель также удостоились чести получить письма отъ Императрицы.

О пріѣздѣ Фальконета Императрица въ письмѣ къ M-me Жофренъ выражалась такъ: «Mr. Diderot m'a fait faire l'acquisition d'un homme, qui je crois n'a pas son pareil c'est Falconet, il va incessamment commencer la statue de Pierre le Grand; s'il y a des artistes qui l'égalent dans son état, l'on peut avancer je pense hardiment, qu'il n'y en a point qui lui soient à comparer par ses sentiments, en un mot il est l'ami de l'âme de Diderot.» (Дидеротъ доставилъ мнѣ человѣка, которому нѣтъ подобнаго, это Фальконетъ, онъ вскорѣ начнетъ статую Петра Великаго; если есть художники равные ему по таланту, то смѣло можно сказать, что никто изъ нихъ не можетъ сравниться съ нимъ въ чувствахъ, словомъ онъ другъ души Дидерота). Государыню интересовалъ

*) St. Beuve Nouveaux Lundi, T. II, p. 223.

не столько ваятель, сколько представитель парижскаго литературнаго кружка, онъ являлся живымъ отголоскомъ энциклопедистовъ, присылавшихъ до сихъ поръ одни свои сочиненія, а не друзей своихъ; рѣчь Фальконета уже по одному несходству своему съ языкомъ царедворцевъ, должна была привлекать Императрицу, она любила выслушивать самые разнородные взгляды; но до разговора съ Фальконетомъ еще было далеко, дворъ возвращался въ Петербургъ лишь чрезъ годъ и вотъ для сокращенія этого времени Государыня говаривавшая что «не пописавши и дня прожить нельзя» взялась за перо и вступила въ переписку съ художникомъ.

«Угадайте кто Вамъ пишетъ и отвѣчайте безъ формальностей, безъ длинныхъ эпитетовъ», говоритъ она Фальконету, чтобы дать понять ему, что она хочетъ отъ него простаго обмѣна мыслей о предметахъ ее интересующихъ, а отнюдь не дѣловаго, тѣмъ менѣе подобострастнаго писанія. Точно также она впослѣдствіи говорила Гримму: садитесь и давайте разговаривать. Усадивъ такимъ образомъ своего собесѣдника или корреспондента, установивъ между собою и имъ нравственное равенство, Екатерина II непринужденно высказывалась и вызывала другихъ на непринужденность; натянутость, театральность, формализмъ исчезали, какъ исчезали онѣ предъ Петромъ Великимъ на корабельной верфи или въ веселой ассамблеи, умъ и душа являлись безъ прикрасъ на судъ этихъ великихъ знатоковъ человѣческаго сердца, личность отступала, впередъ выдвигалась истина и въ соприкосновеніи съ нею выросталъ или умалялся полезный или вредный для Россіи человѣкъ.

Съ первыхъ словъ Государыня упоминаетъ о только что прочитанной ею статьѣ изъ Энциклопедіи, высказываетъ желаніе видѣть въ Россіи Дидерота, проситъ возвратить письма Вольтера и выражаетъ увѣренность, что памятникъ удастся. Фальконетъ крайне польщенный такою неожиданною перепиской, находитъ привлекательною свою будущность, утверждаетъ что любезность Императрицы заставляетъ его двадцать разъ передѣлывать свою работу и обѣщаетъ послать Дидероту приглашеніе на пріѣздъ въ Россію.

Около этого времени между Фальконетомъ и Дидеротомъ завязался споръ о томъ, какое значеніе придавать суду потомства. Государыня, прочитавъ ихъ пренія, спрашиваетъ Фальконета, пренебрегавшаго судомъ потомства, согласенъ ли онъ стереть свое имя подъ статуями, поставленными имъ въ церкви Св. Рока? Фальконетъ отвѣчаетъ, что статуи эти бездѣлица, сравнительно съ статуею Петра Великаго, а что онъ соглашается не подписывать подъ этою статуею своего имени, если работа его понравится Государынѣ. «Ваше Величество «и моя совѣсть, вотъ для меня потомство», пишетъ Фальконетъ. «Какъ можете Вы полагаться на мой судъ», возражаетъ Екатерина II, «я и рисовать не умѣю. Ваша статуя будетъ «можетъ быть первая хорошая, мною видѣнная. Всякій «школьникъ больше моего смыслитъ въ Вашемъ искусствѣ». Вопросъ этотъ заживо затрогиваетъ Фальконета и онъ спѣшитъ отвѣтить, что выраженіе характера, дѣйствія, страсти, запечатлѣваются въ памяти, и что воспроизведеніе ихъ подлежитъ оцѣнкѣ столь чуткаго смысла Государыни, независимо отъ техническихъ подробностей. На Дидерота Фальконетъ жалуется сначала за молчаніе, а потомъ сообщаетъ письмо его, излагающее причины, препятствующія пріѣзду его въ Россію; въ этомъ же письмѣ Дидеротъ увѣдомляетъ о пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ княземъ Голицынымъ для Императрицы. Дидеротъ предлагаетъ также съ своей стороны покупку гравировальныхъ досокъ, желая вѣроятно удружить граверу Леба, но честность Фальконета не подкупается дружбою и онъ уговариваетъ Государыню отвергнуть предложеніе покровительствуемаго ею философа. Между тѣмъ въ Москву пріѣхалъ другой пріятель Дидерота, Ларивьеръ, и своимъ вздорнымъ поведеніемъ не замедлилъ навлечь на себя неудовольствіе и графа Панина и Екатерины II; безпристрастный Фальконетъ опять, не задумываясь, осуждаетъ своего соотечественника. Изъ писемъ, относящихся къ этой эпохѣ, т. е. ко времени пребыванія двора въ Москвѣ, узнаемъ, что Фальконетъ оканчивалъ начатую имъ во Франціи статую зимы, а ученица его Колло дѣлала мраморный бюстъ своего учителя;

въ это же время, вѣроятно вслѣдствіе выраженнаго Императрицею желанія, Фальконетъ пытался вызвать другихъ художниковъ изъ Франціи, за что навлекъ на себя гнѣвъ герцога де Шуазеля.

Въ самомъ началѣ 1767 года Фальконетъ получилъ отъ Бецкаго предложеніе, заняться статуею Императрицы Екатерины II съ просьбою, объявить цѣну, за которую онъ готовъ принять на себя этотъ трудъ.

Фальконетъ съ радостью принялъ предложеніе Бецкаго, но отказался на-отрѣзъ отъ всякаго вознагражденія, утверждая что плата, назначенная ему за статую Петра Великаго, достаточно обезпечиваетъ его въ будущемъ *).

По возвращеніи двора въ Петербургъ въ концѣ января 1768 года, Государыня, безъ сомнѣнія, не замедлила и видѣть Фальконета и разговаривать съ нимъ; къ сожалѣнію о свиданіи этомъ до насъ не дошло никакихъ извѣстій. Самую мастерскую Императрица посѣтила не ранѣе 12-го апрѣля; въ этотъ день, какъ выражается камеръ-фурьерскій журналъ, Ея Императорское Величество соизволила предпріять отсутствіе въ Село Царское и въ проѣздъ изволила быть въ *портретолительномъ* домѣ, состоящемъ близъ каменнаго Е. В.. дворца, гдѣ изволила побыть нѣсколько времени. По всей вѣроятности дѣла и хлопоты всякаго рода заставляли не разъ откладывать посѣщеніе модели памятника, но Государыня во что бы то ни стало хотѣла порадовать художника, прежде переѣзда въ Царское Село, и потому заѣхала къ нему. хотя бы въ дорожномъ своемъ экипажѣ. Замѣтка камеръ-фурьера, что Е. И. В. изволила побыть въ портретолительномъ домѣ нѣсколько времени, заставляетъ предполагать, что видѣнное и слышанное тамъ понравилось Екатеринѣ II, и заключеніе это подтверждается письмомъ Фальконета, написаннымъ чрезъ четыре дня спустя, письмомъ не совсѣмъ понятнымъ для того, кто не слыхалъ разговора въ мастерской, разговора очевидно шутливаго, милостиваго. И такъ художникъ понравился Царицѣ и въ свою очередь былъ очарованъ

---

*) См. приложеніе VII.

ея ласковымъ умомъ. Но подобное счастливое сближенiе Государыни съ профессоромъ скульптуры могло показаться если не опаснымъ, то во всякомъ случаѣ нарушающимъ стройность чиноначальственной iерархiи; между ними по самому смыслу контракта, опредѣлявшаго обязанности скульптора, стоялъ Бецкiй и онъ не замедлилъ о томъ напомнить. Въ письмѣ отъ 11 мая 1768 года Фальконетъ увѣдомляетъ о данномъ ему Бецкимъ порученiи, написать свои замѣчанiя на Мадритскую статую Филиппа II. Находя ее столь дурно сдѣланною, что о ней не стоитъ говорить, Фальконетъ распространяется о статуѣ Марка Аврелiя и высказываетъ убѣжденiе, что каковы бы ни были художественныя произведенiя древнихъ, намъ еще остается дѣла довольно; къ тому же всякiй портретъ, выражая характеръ своего оригинала, можетъ быть сдѣланъ иначе. Императрица сразу почувствовала что порученiе Бецкаго и не по душѣ художнику, да и вполнѣ безполезно. «Не слушайте плохiя разсужденiя людей, ничего не смыслящихъ, идите своею дорогою», пишетъ она ему, «вы сдѣлаете во сто разъ лучше, чѣмъ давая слишкомъ много «простора неумѣстнымъ разсужденiямъ». Чтобы сгладить шороховатость выраженнаго Фальконетомъ впечатлѣнiя, Государыня хвалитъ видѣнную ею модель, заказываетъ г-жѣ Колло мраморные бюсты Генриха IV и Сюлли. Фальконетъ забываетъ и Бецкаго и его порученiе, благодаритъ Государыню за заказы, благодаритъ Провидѣнiе за избавленiе Государыни отъ лихорадки. Императрица въ свою очередь поощряетъ прилежанiе г-жи Колло, тотчасъ принявшейся за бюстъ Генриха IV, лестно жалѣетъ о невозможности получить сдѣланную Фальконетомъ до прiѣзда въ Россiю, группу Пигмалiона *). Переписка опять возвращается къ Дидероту, которому Фальконетъ передаетъ порученiя Государыни, и о покупкѣ картинъ и о книгѣ Рюльера, журитъ за присылку Ларивьера и пр. Въ одномъ изъ писемъ къ своему прiятелю, Фальконетъ сообщаетъ любопытныя подробности и о ходѣ своей работы и о душевномъ своемъ въ эту эпоху настроенiи. «Моя мастерская заперта», пишетъ онъ, «я

*) См. приложенiе VIII.

«по возможности удаляю докучливыхъ посѣтителей. Я призываю «нашихъ великихъ художниковъ, призываю тѣхъ, которые уже «давно не существуютъ, но какъ ни стараюсь, дѣйствительность «отказываетъ мнѣ въ присутствіи тѣхъ и другихъ. Я одинъ, «другъ мой, а ты слишкомъ далеко, чтобы видѣть меня и быть «мною услышаннымъ. Послушай однако и не слишкомъ жалѣй «обо мнѣ. Важность предмета, меня занимающаго и послѣдняго «предмета занятій моихъ въ теченіе остающихся мнѣ годовъ «жизни, возбуждаетъ всю мою дѣятельность. Постоянное одоб«реніе Императрицы согрѣваетъ душу мою, облагораживаетъ ее, «расширяетъ ее такъ, что пріѣзжай я въ Петербургъ безъ «сердца, эта августѣйшая волшебница создала бы во мнѣ «душу, которая бы того и гляди выскочила изъ обычныхъ пре«дѣловъ».

При такомъ настроеніи понятно, что въ письмѣ отъ 13 іюня Фальконетъ увѣдомляетъ Императрицу о сдѣланномъ имъ проэктѣ памятника ей, но Государыня отвѣчаетъ ему на слѣдующій же день и проходитъ молчаніемъ мысль о памятникѣ ей самой. Вѣроятно около этого же времени послѣдовалъ отказъ по тому же предмету и со стороны Бецкаго; на безкорыстное предложеніе Фальконета безвозмездно заняться памятникомъ Императрицы, Бецкій отвѣчалъ: «это очень ловко». Обиженный художникъ тотчасъ разбилъ изготовленную имъ модель памятника.

Отношенія эти еще не измѣняютъ однако благорасположенія Государыни. Письма продолжаютъ слѣдовать одно за другимъ; такъ въ теченіе шести недѣль, съ 13 іюня по 1 августа, мы ихъ насчитываемъ девять; въ нихъ, между прочимъ, Фальконетъ предлагаетъ прибавить на памятникѣ аллегорію змѣи и мимоходомъ излагаетъ весьма вѣрный взглядъ на значеніе аллегоріи вообще; Императрица выказываетъ Фальконету такое довѣріе, что онъ рѣшается рекомендовать ей, на мѣсто неудавшагося Ларивьера, пріѣхавшаго изъ Англіи адвоката Девильера, но Государыня осторожно отсылаетъ это предложеніе на усмотрѣніе Гр. А. П. Шувалова, что впрочемъ нисколько не охлаждаетъ расположенія ея, напротивъ,

тонъ писемъ остается тотъ же; въ одномъ изъ нихъ Екатерина II дѣлится съ Фальконетомъ даже впечатлѣніями по поводу произведеннаго ею смотра флоту. Въ іюлѣ мѣсяцѣ состоялась покупка знаменитой картинной галлереи графа Брюля *); коллекція эта была куплена нашимъ посланникомъ при Саксонскомъ дворѣ княземъ А. П. Бѣлосельскимъ, за крупную по тому времени сумму ста восьмидесяти тысячъ гульденовъ и отправлена въ Россію водою изъ Любека въ августѣ мѣсяцѣ; по прибытіи этихъ сокровищъ въ Петербургъ, Екатерина II, восхищаясь своимъ пріобрѣтеніемъ, положившимъ серьезное основаніе эрмитажному музею, тотчасъ приглашаетъ Фальконета взглянуть на него. Вслѣдъ за тѣмъ Императрица прививаетъ себѣ оспу и Фальконетъ спѣшитъ поздравить ее съ этимъ смѣлымъ поступкомъ, посмѣиваясь вмѣстѣ съ Государынею надъ приговоромъ Сорбоны, отвергнувшей пользу оспопрививанія.

Въ такомъ милостивомъ расположеніи Императрицы къ художнику наступаетъ 1769 годъ; съ начала зимы и возвращеніемъ двора въ Петербургъ переписка снова прекращается, но въ февралѣ мѣсяцѣ Государыня пишетъ Фальконету нѣсколько словъ, успокоивая его относительно ходатайства какого то антрепренера, желавшаго устроить театръ на мѣстѣ его мастерской. Такое ходатайство конечно не имѣло права ни безпокоить Фальконета, ни отнимать времени у Екатерины II, но видно отъ нея одной, Фальконетъ могъ ожидать защиты, имя Бецкаго умалчивается при этомъ случаѣ и умолчаніе это нельзя оставить безъ вниманія. Съ переѣздомъ Государыни въ Царское Село переписка снова оживляется. 8 мая Фальконетъ увѣдомляетъ Императрицу о неудачѣ отливки статуи амура, благодаря невѣжеству литейщика; сообщаетъ что рѣшился взяться за отливку этой статуи самъ; за тѣмъ, переходя къ вопросу объ отливкѣ большой своей статуи, подсмѣивается надъ полковникомъ Мелисино, вызвавшимся исполнить это трудное дѣло, если ему дана будетъ орденская лента. Конецъ этого письма крайне замѣчателенъ какъ доказательство прозорливости Фальконета не въ одномъ

---

*) См. приложеніе IX.

дѣлѣ искусства; говоря о Вольтерѣ, онъ восклицаетъ: *Вольтеръ ты кончаешь, но свѣточъ твой не угасаетъ. Отъ чрезмѣрнаго приближенія твоего свѣтила не загорится ли благоустройство гражданскихъ обществъ? Легко разрушать фанатизмъ и глупость, но господа, что воздвигнете вы на пустомъ мѣстѣ? Напрасно проповѣдуете вы атеизмъ! Грубый умъ невѣжества, не видя болѣе своего бога въ стѣнахъ, вообразитъ себѣ, что его не существуетъ вовсе: а съ утратою вѣры въ бога сохранитъ ли онъ вѣру въ государя?... Если узда не всегда сдерживаетъ крутое животное, то что станется съ разнузданнымъ дикимъ звѣремъ? Не дано всякому знать все.*

Читая слова эти, написанныя въ моментъ всеобщаго восхищенія энциклопедистами и за двадцать лѣтъ до революціи, нельзя не удивляться глубинѣ взгляда, прямодушію Фальконета, который былъ пріятелемъ энциклопедистовъ, зналъ, что они пользуются расположеніемъ Екатерины II и не смотря на то, говоря о маститомъ патріархѣ ихъ, блестяще доживавшемъ свой вѣкъ, не остановился высказать тяжелый ему упрекъ, горько подтвержденный міровыми событіями. Эта нелицемѣрная правдивость составляетъ отличительную черту характера нашего художника, и едва ли не ей онъ обязанъ одною изъ привлекательныхъ сторонъ своего таланта, его мысль, его чувство въ художественномъ своемъ выраженіи не имѣютъ ничего двусмысленнаго, онъ смѣло высказываетъ то что у него на душѣ, и эта смѣлость привлекаетъ зрителя... Но смѣлость эта была не по сердцу президенту академіи; въ маѣ 1769 года И. И. Бецкій, съ которымъ отношенія начинали дѣлаться натянутыми, предложилъ Фальконету взять ученика, угрожая, въ случаѣ отказа, неудовольствіемъ Императрицы. Фальконетъ 14 мая поспѣшилъ снова прибѣгнуть къ защитѣ Государыни, увѣряя ее, что молодой неучъ помѣшаетъ ему работать, нарушитъ его духовную свободу, необходимую для успѣха. Государыня отвѣчаетъ на слѣдующій же день весьма любезною запискою, но о Бецкомъ въ этой запискѣ опять не упоминается ни слова, она радуется тому, что ей удалось получить модель группы Пигмаліона (см. стр. 41, 70 и 71), спрашиваетъ сколько слѣдуетъ за нее заплатить, сооб-

щаетъ извѣстія о турецкихъ трофеяхъ, смѣется надъ совѣтомъ, даннымъ Фальконету, направить одинъ глазъ статуи Петра I на адмиралтейство, а другой на двѣнадцать коллегій. Все это сказано крайне милостиво для ея корреспондента, но на жалобу противъ Бецкаго отвѣта нѣтъ, защищать его быть можетъ было трудно, а обвинять непріятно.

Не смотря на такое молчаніе, письмо должно было вдвойнѣ повеселить Фальконета, такъ какъ неизвѣстный, совѣтывавшій ему направить глаза въ разныя стороны, былъ никто иной какъ самъ Бецкій, изложившій это мнѣніе въ сообщенныхъ имъ скульптору соображеніяхъ о сооруженіи памятника. Въ послѣдующихъ письмахъ имя Дидерота снова произносится Фальконетомъ, Дидеротъ увѣдомляетъ что купилъ для Императрицы четыре картины въ коллекціи Генья *), высылаетъ каталогъ коллекціи Де-Лаливъ, но въ концѣ лѣта, именно 31 іюля, Фальконетъ опять представляетъ на судъ Государыни свое разномысліе съ Бецкимъ. Рѣчь идетъ о змѣѣ ползущей подъ ногами Петрова коня; Бецкій требуетъ ея уничтоженія, Фальконетъ, защищая придуманное имъ изображеніе зависти, обычномъ спутникѣ великихъ людей, доказываетъ необходимость дать своему тяжеловѣсному всаднику опору, подкрѣпляя это заключеніе сдѣланными имъ вычисленіями. На этотъ разъ молчать было невозможно, и Государыня отвѣчаетъ: ваши доводы относительно змѣи справедливы. Случайно ли, нѣтъ ли, но записка, содержащая этотъ отвѣтъ, несравненно короче всѣхъ предшествовавшихъ. Въ сентябрѣ 1769 г. Фальконетъ поздравляетъ Императрицу по случаю побѣдъ, одержанныхъ надъ Турками. Екатерина II, отвѣчая весьма любезно на эти поздравленія и замѣчая что успѣхъ возбуждаетъ зависть, дѣлаетъ сближеніе между собою и художникомъ, совѣтуя ему идти своею дорогою, не обращая вниманія на завистниковъ. «Побѣждайте препятствія», говоритъ Государыня, «и смѣйтесь надъ всѣмъ остальнымъ; препятствія «сотворены для того, чтобы искусные люди отвращали ихъ и «тѣмъ умножали свою славу».

---

*) См. приложеніе X.

Въ это время модель статуи была уже вполнѣ окончена, какъ увѣдомляетъ Дидерота пріѣхавшій изъ Парижа въ Петербургъ князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ; надлежало приступить къ отливкѣ, но не смотря на самую дѣятельную переписку, надежнаго литейщика отыскать было невозможно, и Бецкій рѣшился обратиться къ Фальконету съ просьбою, самому принять на себя этотъ трудъ. 14 августа 1769 года онъ писалъ ему: «Вашъ образъ мыслей, безкорыстіе ваше мнѣ слишкомъ из«вѣстны, для того чтобы не быть увѣреннымъ, что всякій отвѣтъ «Вашъ будетъ имѣть въ виду исключительно усердіе къ службѣ «Ея Императорскаго Величества и наилучшее осуществленіе «принятой Вами на себя задачи. Желательно было бы, чтобы «Вы сами направляли отлитіе конной статуи Петра Великаго. «Трудъ этотъ подъ Вашимъ руководствомъ, подъ Вашимъ по«печеніемъ не можетъ не внушать намъ полнѣйшаго довѣрія; «слѣдовательно, получивъ уполномочіе на все что можетъ ока«заться нужнымъ для достиженія успѣха, Вы насладитесь «вящимъ довѣріемъ, успокоивъ наше собственное. Хотя дѣй«ствительно были примѣры тому, что искуснымъ работникамъ «не удавалось исполнить важныхъ отливокъ, но это не должно «обезкураживать Васъ въ настоящемъ случаѣ. Они быть можетъ «не имѣли Вашихъ свѣдѣній и способностей, что должно вполнѣ «успокоивать Васъ; настоящее письмо должно служить огражде«ніемъ и возраженіемъ противъ нападковъ, коихъ Вы могли бы «опасаться». На это письмо Фальконетъ отвѣчалъ отказомъ. Мѣсяцъ спустя Императрица, приглашая къ себѣ Фальконета, спрашиваетъ его о поводахъ сдѣланнаго Бецкому отказа; она подозрѣваетъ, что есть сокровенныя къ тому причины и вызываетъ художника на откровенность, чувствуя что откровенность эта между нимъ и Бецкимъ невозможна. Фальконетъ откликается на такой вызовъ, онъ пишетъ, что первоначально онъ самъ предложилъ взяться за отливку, но предложеніе это провалялось у Бецкаго двѣ недѣли безъ отвѣта, а наконецъ послѣдовалъ отвѣтъ двусмысленный, неясный, обличавшій и незнаніе дѣла и обидное пренебреженіе; къ этому Фальконетъ прибавлялъ, что не знаетъ достаточно техническую сторону

работы и что для ознакомленія съ нею выписалъ изъ Парижа нужное для того руководство.

Отвѣтъ на такое объясненіе послѣдовалъ опять весьма краткій: «я ясно выразила свое намѣреніе», писала Императрица, «чтобы Вы были довольны и чтобы Вамъ не надоѣдали». Такое ясное выраженіе намѣреній хотя и составляло для Фальконета побѣду, но побѣду весьма дорогую и опасную. Нерасположеніе Бецкаго должно было лишь усилиться, сама Государыня, окруженная постоянною войною самолюбій и находившая до сихъ поръ отдохновеніе отъ этой войны въ чуждомъ воюющимъ художникѣ-философѣ, не могла не пожалѣть, что и эти отношенія заразились всеотравляющимъ ядомъ человѣческаго себялюбія; конечно справедливость была на сторонѣ пришельца, согласно съ этимъ и былъ изреченъ приговоръ, но обязанность судьи подъ часъ весьма тяжела, особливо въ отношеніи людей къ намъ близкихъ; чтобы избавиться отъ этой обязанности можно иной разъ пожертвовать даже и пріятною бесѣдою. Бесѣда однако еще не прекращалась, но тонъ, характеръ, объемъ писемъ Государыни съ этого времени стали болѣе и болѣе измѣняться, прежняя простота, задушевность, увлеченіе начинаютъ исчезать, уступая мѣсто лаконическому разговору о дѣлахъ, о фактахъ, неотражающихъ тѣхъ безцѣльныхъ впечатлѣній, которыя составляютъ роскошь и прелесть душевной жизни.

Первымъ изъ такихъ дѣлъ, является книга абата Шапа о Россіи и намѣреніе написать на нее опроверженіе, потомъ Императрица проситъ у Фальконета рисунковъ для серебрянаго сервиза заказываемаго извѣстному въ то время Руатье, выражаетъ желаніе видѣть статую зимы, посылаетъ чрезъ него денежное пособіе покровительствуемому имъ де-Вилеру, который исправлялъ сдѣланный Козицкимъ латинскій переводъ знаменитаго Наказа.

Весною 1770 г. модель статуи Петра Великаго была открыта для публики, сужденія ея и въ особенности невѣжественное мнѣніе, высказанное исправлявшимъ должность оберъ-прокурора Синода, задѣли за живо Фальконета и онъ, по принятому имъ обыкновенію

повергаетъ себя на судъ Государыни, которая по прежнему совѣтуетъ смѣяться надъ глупцами и продолжать идти своимъ путемъ. Вслѣдъ за тѣмъ Императрица высказываетъ желаніе, чтобы сдѣланъ былъ рисунокъ съ модели; трудъ этотъ поручается Лосенкову. Чуждый всякаго національнаго кумовства, Фальконетъ ходатайствуетъ предъ Государынею за бѣднаго Русскаго художника, изнемогающаго подъ административнымъ гнетомъ, болѣе сильнымъ чѣмъ благорасположеніе самой Екатерины II. Императрица благосклонно принимаетъ это ходатайство; еще благосклоннѣе она принимаетъ предлагаемую Фальконетомъ надпись: Petro primo Catharina Secunda. Такъ проходитъ 1770 годъ. Весною 1771 года Фальконетъ обратился къ Императрицѣ съ новыми жалобами на Бецкаго; онъ утверждалъ, что рядомъ съ его мастерской были предприняты строительныя работы такого рода, что производимое ими сотрясеніе должно было разрушить всю его мастерскую съ находившеюся въ ней моделью. Левекъ разсказываетъ, что Императрица прибыла въ мастерскую, взяла Фальконета за руку и, выйдя съ нимъ къ рабочимъ, просила его опредѣлить черту, до которой имъ позволено бы было подвигаться впередъ. Хотя въ перепискѣ Фальконета мы и не видимъ подтвержденія этого разсказа, тѣмъ не менѣе несомнѣнно то, что просьба нашего скульптора была исполнена: Всемогущая десница спасла насъ, пишетъ онъ въ письмѣ своемъ отъ 23 Іюня 1771 г. Это спасеніе отъ бѣды, вѣроятно нѣсколько преувеличенной воображеніемъ, не обезоружило однако раздраженія Фальконета въ отношеніи Бецкаго; съ свойственною ему рѣзкостью, легко переходящею въ запальчивость, онъ нисколько не скрываетъ чувствъ своихъ предъ Императрицею и, по собственному своему сознанію, навлекаетъ на себя неудовольствіе ея; письма Государыни дѣлаются еще рѣже и короче.

Въ ожиданіи пріисканія литейщика, чтобы не терять времени, приступлено было къ заготовленію подножнаго камня. Еще въ Іюлѣ 1768 г. Академія Художествъ объявила, что для подножія къ памятнику нуженъ камень въ пять саженъ длины, двѣ сажени и полъ аршина ширины, одну сажень и два аршина вышины. Не

надѣясь получить камень такихъ размѣровъ, Фальконетъ начерталъ предположенія о томъ, чтобы составить подножіе изъ двѣнадцати, а потомъ изъ шести камней, связанныхъ желѣзомъ или мѣдью. Въ Сентябрѣ того же года, казенный крестьянинъ селенія Лахты Семенъ Вишняковъ увѣдомилъ графа Карбури, служившаго адъютантомъ при Бецкомъ, что въ шести верстахъ отъ берега Финскаго залива и въ двадцати верстахъ водою отъ Петербурга, находится огромный камень извѣстный въ окрестности, подъ названіемъ Каменной горы, камень отвѣчающій условіямъ, назначеннымъ академіею. По освидѣтельствованіи камня этого графомъ Карбури, онъ оказался лежащимъ въ трудно проходимомъ болотѣ, имѣлъ форму паралелипида сорока двухъ футовъ длины, двадцати семи ширины, двадцати одного вышины. И Бецкій и Фальконетъ нашли его вполнѣ пригоднымъ; сомнѣвались только въ возможности перевести эту огромную тяжесть.

По засвидѣтельствованію Фальконета, камень этотъ первоначально долженъ былъ вѣсить отъ четырехъ до пяти милліоновъ фунтовъ, около двухъ милліоновъ фунтовъ было сколото покуда камень лежалъ на мѣстѣ и по желанію художника, слѣдовало продолжать эту работу, доколѣ камень приблизился бы къ размѣрамъ, указаннымъ для пьедестала моделью; но ему отвѣчено было, что окончательное скалываніе излишнихъ частей камня можетъ послѣдовать въ мастерской и что чѣмъ больше будетъ камень, тѣмъ болѣе шума перевозка его надѣлаетъ въ Европѣ. Фальконетъ, не отвѣчавшій ни за исправность перевозки, порученной графу Карбури, ни за излишнія при этомъ издержки, не могъ, да и не имѣлъ права настаивать на своемъ мнѣніи, и вслѣдъ за тѣмъ приступлено было къ перевозкѣ камня, имѣвшаго уже всего 17 футовъ высоты.

Прежде всего расчищена дорога къ морю и забиты сваи въ тѣхъ частяхъ болота, которыя казались недостаточно замерзшими, за тѣмъ дѣйствіемъ рычаговъ камень былъ въ Мартѣ 1769 г. опрокинутъ на деревянную площадку, лежавшую на двойномъ ряду окованныхъ желѣзомъ брусьевъ; верхніе брусья были прикрѣ-

плены къ площадкѣ, а нижніе подкладывались въ видѣ рельсовъ и въ тѣхъ и въ другихъ были выдолблены желоба, вмѣщавшіе мѣдные шары, на коихъ и катился камень. Для приведенія этой массы въ движеніе нужно было на ровномъ мѣстѣ шестьдесятъ четыре человѣка; па мѣстности сколько нибудь нокатой число это удвоивалось и даже утроивалось. Стоявшій на самомъ камнѣ барабанщикъ подавалъ сигналы, дѣлавшіе усилія рабочихъ болѣе дружными, Императрица и В. Князь съ многочисленною свитою пріѣзжали смотрѣть на эту работу, и извѣстный миніатюристъ Фапъ Бларемберіъ, находившійся въ то время въ Россіи, сохранилъ картину этаго посѣщенія. Не безъ затрудненій уложили камень на плотъ, помѣщенный между двухъ судовъ, и въ такомъ видѣ перевезли его малой Невкой въ Неву. 22 Сентября, въ день коронованія Императрицы, онъ прошелъ подъ окнами зимняго дворца, а на слѣдующій день выгрузился на Сенатской площади. 11 Октября 1770 г., принцъ Генрихъ Прусскій, пріѣхавшій въ Россію, для склоненія Екатерины II къ раздѣлу Польши, «изволилъ» по словамъ камеръ-фурьерскаго журнала, «имѣть выходъ къ Исакіевскому мосту, гдѣ изволилъ смотрѣть большой камень. привезенный на судахъ съ Лахты». Вся перевозка этой скалы, по засвидѣтельствованію завѣдывавшаго ею графа Карбури, обошлась въ 70.000 р. Согласно ожиданіямъ Бецкаго, извѣстія о перевозкѣ этой разнеслись по Европѣ; въ мемуарахъ Bachaumont, подъ числомъ 3 Ноября 1771 г., мы читаемъ: Des curieux ont ici des morceaux de ce rocher épouvantable, que l'Impératrice de Russie a fait transporter à Pétersbourg, pour servir de base à la fameuse statue de Pierre le Grand, dont est chargé le Sr. Falconet, sculpteur. C'est une espèce de granit dont la pesanteur, calculée selon les proportions de la masse entière, donne un résultat de trois milliards deux cents millions. Le transport de ce rocher énorme traîné plus de quarante lieues de loin, surpasse de plus de deux tiers les travaux romains en pareil genre, puisque l'obélisque le plus énorme qu'ils aient voituré n'avaient que neuf cents millions de poids. Обтесываніе этого камня, доставленіи его на мѣсто, послужило новымъ предметомъ все ливавшагося между Фальконетомъ и Бецкимъ раздора. Первый таивалъ на томъ, чтобы подножіе имѣло пропорціональную

самому памятнику форму, вторый особенно дорожилъ громадностью размѣровъ камня и желалъ сохранить эти размѣры, по возможности неприкосновенными. Положеніе Фальконета дѣлалось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе, литейщика все еще не находили, надъ моделью нечего было дѣлать, другихъ работъ ему не заказывали; вылѣпленный имъ проэктъ памятника самой Екатеринѣ II оставленъ безъ вниманія. Тяготясь бездѣятельностью, Фальконетъ оставилъ рѣзецъ и принялся за перо.

Еще до пріѣзда въ Россію, Фальконетъ занимался литературою и въ особенности литературою искусства. Въ 1760 г. составители знаменитой энциклопедіи обратились къ нему съ просьбою, написать что нибудь о словѣ: скульптура. По этому поводу онъ сочинилъ рѣчь, которая и была прочтена въ засѣданіи академіи. Большая часть этой рѣчи посвящена сравненію живописи съ ваяніемъ; при чемъ конечно за послѣднимъ удерживается первенство, особливо въ виду трудностей, выпадающихъ на долю скульптора и не встрѣчаемыхъ живописцемъ. Въ началѣ рѣчи этой Фальконетъ высказываетъ объ искусствѣ нѣсколько общихъ мыслей, сохранившимъ свое значеніе и доселѣ; напримѣръ, онъ такъ опредѣляетъ идеалъ въ смыслѣ художественномъ: «прекрасное существуетъ разбросанно, разъединенно въ различныхъ частяхъ вселенной; почувствовать, собрать, сблизить, избрать, значитъ изобразить въ искусствѣ то прекрасное, что называется идеаломъ, но что имѣетъ основу свою въ природѣ.» Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Фальконетъ нерѣдко писалъ замѣтки на слышанныя имъ мнѣнія или возраженія, на газетныя статьи, распространявшія невѣрные слухи о его работѣ. Первый болѣе серьезный литературный трудъ составленъ имъ весною 1770 г. въ формѣ замѣчаній на конную статую Марка-Аврелія. Получивъ слѣпокъ съ этой статуи, Фальконетъ произноситъ о ней весьма строгое сужденіе; онъ находитъ, что конь Марка-Аврелія сдѣланъ съ нарушеніемъ правилъ оптики, что вся голова его холодна, жестка, невыразительна, что по размѣрамъ и движеніямъ ногъ лошадь эта бѣжала бы задними ногами, не двигаясь съ мѣста передними. Противуположный этому отзывъ содержался въ исторіи искусства, изданной Винкельманомъ въ 1764 г. Фальконетъ опровергаетъ

основательность этого отзыва, приводя мнѣніе, высказанное Винкельманомъ въ 1756 г. въ сочиненіи о подражаніи греческимъ произведеніямъ живописи и скульптуры. Мнѣніе это заключалось въ томъ, что, судя по дошедшимъ до насъ изображеніямъ лошадей, Греки не знали лучшихъ, чуждыхъ климату ихъ конскихъ породъ. Разнорѣчіе это съ отцемъ новѣйшей художественной критики весьма характеристично. Винкельманъ и Фальконетъ, посвятивъ жизнь свою искусству, шли двумя совершенно противуположными путями. Первый, изъ ничтожнаго нѣмецкаго городка, силою глубоко научнаго труда, переселился въ Римъ и здѣсь. наслаждаясь остатками античнаго міра, покровительствомъ просвѣщеннаго князя церкви, обогатилъ сокровищницу человѣческихъ знаній учеными изслѣдованіями объ искусствѣ, основанными на превосходномъ изученіи классической древности. Фальконетъ напротивъ, оставаясь до 50 лѣтняго возраста въ Парижѣ, центрѣ за эту эпоху Европейскаго искусства, работая постоянно подъ впечатлѣніемъ среды его окружавшей, переселясь на сѣверъ, гдѣ ничто не напоминало вѣкъ Перикла, сосредоточивался въ выполненіи своего личнаго художественнаго вдохновенія. Понятно, что впечатлѣнія и взгляды ихъ должны были сильно различествовать. У писателя Винкельмана, слившагося съ прошедшимъ, уваженіе къ нему стояло на первомъ планѣ, у художника Фальконета, влюбленнаго въ успѣхи своего искусства, настоящее и будущее брали верхъ надъ прошедшимъ. Винкельманъ, говоря о статуѣ Марка-Аврелія, останавливается преимущественно на исторіи ея и лишь вскользь удѣляетъ самой статуи лестный отзывъ, какъ бы вѣжливую фразу, обусловленную требованіями общежитія. Фальконетъ. по всей вѣроятности болѣе компетентный судья чисто художественной стороны вопроса. быть можетъ слишкомъ строго осуждаетъ и Винкельмана и статую Марка-Аврелія. Предъ нимъ гипсовые слѣпки и онъ немилосердо мѣритъ и разбираетъ ихъ, предъ Винкельманомъ былъ Капитолій, служащій рамкою статуи, было и чудное Италіанское небо; впечатлѣнія ихъ поневолѣ должны были быть различны, и хотя безусловная правда по всей вѣроятности и была на сторонѣ Фальконета, однако онъ слишкомъ строго осуждаетъ Винкельмана, занодозрѣвая

его даже въ перемѣнѣ взгляда, вслѣдствіе перемѣны къ лучшему его положенія въ Римѣ. Винкельмана уже не было на свѣтѣ, онъ былъ убитъ въ 1768 г., его пріятель Менгсъ счелъ нужнымъ вступиться за своего друга и обратился къ Фальконету съ письмомъ, въ которомъ пенялъ на его излишнюю горечь, сознавая, при этомъ, что Винкельманъ, не бывъ самъ художникомъ, преувеличилъ похвалу коня Марка-Аврелія, главнымъ образомъ по сравненію съ другими существующими въ Италіи конными статуями. Фальконетъ отвѣчалъ, что дѣйствительно во время написанія своихъ замѣчаній на статую Марка-Аврелія онъ находился въ тягостномъ состояніи. Секретарь парижской академіи Кошенъ увѣдомлялъ Фальконета, что совершенно раздѣляетъ его взглядъ.

Вся эта полемика живо рисуетъ Фальконета; нервный, раздражительный, нѣсколько озлобленный на окружавшую его среду, онъ, при всей своей правдивости, легко впадаетъ въ крайность и эта черта во многомъ объясняетъ его житейскія неудачи. Онъ особенно благоговѣлъ предъ именемъ Сократа, съ лицемъ котораго находилъ въ себѣ сходство, но, гордясь этимъ сходствомъ, онъ добивался чаши съ ядомъ, а не выжидалъ спокойно момента ея поднесенія.

Самое обширное изъ литературныхъ трудовъ Фальконета составляютъ примѣчанія на 34, 35 и 36 главы Плинія старшаго. Изъ сочиненій этого писателя до насъ дошла только его естественная исторія, которой онъ придаетъ впрочемъ чрезвычайно обширное значеніе; онъ писалъ еще и о краснорѣчіи, и о слогѣ, и о войнахъ съ Германцами, и объ умѣніи метать копіемъ, и вѣроятно о многомъ другомъ, что не сохранилось даже и въ заглавіи. Его литературная дѣятельность шла рука объ руку съ государственною, онъ былъ и правителемъ Испаніи, и командовалъ флотомъ, его постоянно сопровождали секретари, обязанные даже на прогулкѣ писать подъ его диктовку или читать что либо вслухъ. Неутомимое трудолюбіе, разносторонность свѣдѣній, жажда познанія, пресѣкшая его жизнь на пятьдесятъ шестомъ году, сдѣлавъ Плинія жертвою изверженія Везувія — вотъ отличительныя черты этого замѣчательнаго человѣка.

Въ эпоху возрожденія книга его, представлявшая какъ бы сводъ того что было извѣстно Римскому міру, не могла не сдѣлаться предметомъ особаго уваженія; къ срединѣ XVIII в. это уваженіе не только не ослабѣло, а быть можетъ еще болѣе усилилось. Философскія воззрѣнія Плинія были весьма по сердцу французскимъ энциклопедистамъ; они, подобно Плинію, искали новыхъ разрѣшеній жизненнымъ задачамъ, прошедшее казалось утомительнымъ и безнадежнымъ, смутно чувствовалось приближеніе чего то новаго, инаго, какой то переворотъ въ умахъ и мнѣніяхъ, люди казались испортившими дѣло природы, къ этой природѣ, къ ея простотѣ, естественности надлежало вернуться для достиженія истины.

Французскіе переводчики и коментаторы той части сочиненія Плинія, которая касается искусства, не помыслили въ чемъ либо отдѣлиться отъ своихъ литературныхъ собратій. Многочисленные промахи, противурѣчія, невѣрности Плинія, повидимому мало знакомаго съ искусствомъ, пройдены молчаніемъ со стороны кавалера де Жокура, графа Кайлюса, г. Поинсине, г. Бротье и другихъ; напротивъ, писанія ихъ наполнены постоянными похвальными отзывами, подъ часъ весьма мало заслуженными. Въ С.-Петербургской Императорской библіотекѣ находилась неизданная рукопись сочиненія Плинія, Фальконетъ извлекъ изъ нея существенныя мѣста, относившіяся до живописи и ваянія, перевелъ ихъ на французскій языкъ и снабдилъ примѣчаніями. Читая ихъ, невольно приходишь къ заключенію, что трудолюбивый Плиній, сообщая намъ бездну крайне любопытныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ исторіи античнаго искусства, не всегда строго разбиралъ эти свѣдѣнія и самъ былъ далеко не знатокъ въ художествѣ, почему и слова его требуютъ критической оцѣнки. Вдаваясь въ такую оцѣнку, Фальконетъ иной разъ довольно рѣзко опровергаетъ Плинія, но почти всегда заставляетъ согласиться съ собою читателя; какъ, напримѣръ, повѣрить Плинію въ томъ, что Лизиппъ сдѣлалъ болѣе 1500 статуй, или въ томъ, что Силаніонъ сдѣлался хорошимъ скульпторомъ, потому что ни у кого не учился; какъ раздѣлить восхищеніе Плинія, соразмѣряющееся съ громадностью размѣровъ скульптурныхъ произведеній; воз-

можно ли признать вмѣстѣ съ нимъ что звѣри и птицы суть лучшіе цѣнители искусства и что картины и изображенія, принимаемыя ими за живыя, доказываютъ превосходство таланта художника, или что достаточно выставить живописное изображеніе дракона для того, чтобъ прекратить пѣніе птицъ въ извѣстной мѣстности. Такихъ и тому подобныхъ странностей Фальконетъ насчитываетъ весьма значительное число, стараясь доказать, что Плиній былъ только собиратель свѣдѣній и понятій своего времени, собиратель болѣе неутомимый, чѣмъ разборчивый. Отсюда Фальконетъ выводитъ заключеніе, что мнѣнія Плинія не могутъ почитаться непогрѣшимыми или вообще заслуживающими авторитета въ глазахъ цѣнителей искусства. Таковъ общій смыслъ сказаннаго Фальконетомъ о Плиніѣ, но въ подробностяхъ своего разсужденія, онъ имѣлъ въ виду своихъ современниковъ болѣе, чѣмъ знаменитаго Римлянина. Художественная критика начинала лишь возникать въ половинѣ XVIII в.; въ Германіи творенія Винкельмана и Лесинга открывали новые взгляды на тѣ истины, которыя служатъ основою искусства; но во Франціи умственное броженіе не коснулось еще сферы художества; сочиненія въ родѣ книгъ абатовъ Батё или Дюбоса содержали лишь самыя поверхностныя и шаткія воззрѣнія на теорію искусства. За отсутствіемъ осязательнаго кодекса, толпа поклонялась старинѣ во что бы то ни стало, и это часто безсмысленное поклоненіе конечно не могло приходиться по душѣ художнику, полному самостоятельнаго, энергическаго трудолюбія.

Свои замѣчанія на текстъ Плинія Фальконетъ въ Іюнѣ 1772 г. представилъ Императрицѣ; къ сожалѣнію отзыва о нихъ Государыни не находимъ. Она отвѣчаетъ Фальконету отказомъ на просьбу о повышеніи графа Карбури, помогавшаго Фальконету въ его приготовленіяхъ къ отливкѣ статуи, подшучиваетъ надъ какимъ то французомъ, желающимъ представить ей проэктъ быстраго скопленія значительныхъ капиталовъ, заказываетъ Фальконету бронзовую копію съ статуи юноши, вынимающаго занозу, хвалитъ вновь сдѣланный бюстъ Дидерота, выражаетъ сожалѣніе о томъ, что самъ Дидеротъ медлитъ пріѣздомъ въ Россію. Таково содержаніе переписки Государыни съ Фальконетомъ за 1772 и начало

1773 года. Въ Іюлѣ этого года пріѣхала въ Царское село Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская съ тремя дочерьми; одна изъ нихъ не замедлила сдѣлаться Великою Княгинею Натальею Алексѣевною. Происходившія по случаю бракосочетанія Великаго Князя торжества, безъ сомнѣнія не нарушали ни спокойствія, ни занятій Фальконета, но пріѣздъ Ландграфини не былъ лишенъ для него значенія, потому что сопровождался пріѣздомъ Дидерота и Гримма. Ландграфиня Каролина, по уму своему и любви къ просвѣщенію, занимала видное мѣсто среди своихъ современниковъ; получивъ стараніями матери своей хорошее образованіе, побывавъ до замужества неоднократно въ Парижѣ, гдѣ родители ея владѣли домомъ, Ландграфиня не могла довольствоваться провинціальной, казарменной жизнью, которою наслаждался мужъ ея Ландграфъ Людвигъ. Она вступила въ переписку съ Вольтеромъ, Гриммомъ, Гельвеціемъ, собрала около себя нѣсколько нѣмецкихъ ученыхъ и сдѣлалась центромъ небольшаго литературнаго кружка, слѣдуя въ этомъ отчасти собственному расположенію, отчасти примѣру Фридриха II, съ которымъ она находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ и по совѣту коего пріѣхала въ Россію. Давнишній литературный пріятель Ландграфини Гриммъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая сына ея, весьма быть можетъ, что пріѣздъ Гримма имѣлъ вліяніе и на рѣшимость Дидерота, столь давно собиравшагося и все откладывавшаго свою поѣздку. Оба они были очарованы пріемомъ Императрицы; въ продолжительныхъ бесѣдахъ запросто, имъ дано было и высказаться сполна и надивиться досыта той вѣрности взгляда, тому доброжелательному чувству безпристрастія, которыя отличали Екатерину II. Обласканные, осыпанные знаками царскаго вниманія и милости, оба философа провели зиму 1774 г. въ Петербургѣ и лишь весною покинули Россію.

Къ сожалѣнію переписка Фальконета не сохранила слѣдовъ этаго пребыванія; съ Гриммомъ онъ кажется никогда близокъ не былъ, а съ Дидеротомъ у нихъ произошла размолвка при самомъ его пріѣздѣ. Дидеротъ разсчитывалъ остановиться у Фальконета, но Фальконетъ не могъ его принять, потому что не задолго предъ

тѣмъ къ нему пріѣхалъ сынъ его, и Дидеротъ, по свидѣтельству дочери своей недовольный такимъ отказомъ, поселился у Нарышкина, который пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ изъ Гаги. Не смотря на это небольшое недоразумѣніе, Дидеротъ вотъ что писалъ своему пріятелю 6 Декабря 1773 г.: «зная дружбу мою къ Вамъ, Вы «понимаете какъ я былъ озабоченъ, входя въ вашу мастерскую; но «я видѣлъ, хорошо видѣлъ, и отказываюсь судить о какомъ бы то «ни было скульптурномъ произведеніи, если исполненіе не отвѣ-«чаетъ вполнѣ благородству и возвышенности мысли. Я сказалъ «вамъ въ пылу перваго впечатлѣнія и повторяю хладнокровно, «что Бушардонъ, предъ именемъ коего вы скромно преклоняетесь, «вошелъ въ манежъ, гдѣ видѣлъ лошадей, красивыхъ лошадей, ко-«торыхъ онъ внимательно изучилъ и превосходно передалъ, но онъ «никогда не входилъ въ конюшни Діомеда или Ахиллеса и не ви-«далъ коней ихъ. Вы, другъ мой, представили ихъ моему изобра-«женію такъ, какъ древній поэтъ показалъ мнѣ ихъ.

«Истина природы сохранила всю чистоту свою; но геній вашъ «слилъ съ нею блескъ всеувеличивающей и изумляющей поэзіи. «Конь вашъ не есть снимокъ съ красивѣйшаго изъ существующихъ «коней, точно также какъ Аполлонъ Бельведерскій не есть повто-«реніе красивѣйшаго изъ людей: и тотъ и другой суть произведе-«нія и творца и художника. Онъ колосаленъ, но легокъ; онъ мо-«щенъ и граціозенъ; его голова полна ума и жизни. Сколько я могъ «судить, онъ исполненъ съ крайнею наблюдательностью, но глу-«боко изученныя подробности не вредятъ общему впечатлѣнію; «все сдѣлано широко. Ни напряженія, ни труда не чувствуешь «нигдѣ; подумаешь, что это работа одного дня. Позвольте мнѣ «высказать жесткую истину. Я зналъ васъ за человѣка очень ис-«куснаго, но никакъ не предполагалъ у васъ въ головѣ ничего «подобнаго. Да и возможно ли предполагать, что этотъ поразитель-«ный образъ мѣстится рядомъ съ деликатнымъ изображеніемъ Пиг-«маліона. Оба творенія рѣдкаго совершенства, но потому то каза-«лось бы должны исключать другъ друга. Вы съумѣли сдѣлать «въ жизни и прелестную идиллію и отрывокъ великой эпической «поэмы.

«Герой сидитъ хорошо. Герой и конь сливаются въ прекраснаго

«кентавра, коего человѣческая, мыслящая часть по своему спокой-«ствію составляетъ чудный контрастъ съ животною, вскручиваю-«щеюся частью. Рука эта хорошо повелѣваетъ и покровительству-«етъ; ликъ этотъ внушаетъ уваженіе и довѣріе; голова эта прево-«сходнаго характера, она исполнена съ глубокимъ знаніемъ и воз-«вышеннымъ чувствомъ; это чудесная вещь... Первый взглядъ... Но «я чуть не забылъ поговорить объ одѣяніи, оно просто, безъ роско-«ши, оно украшаетъ, не слишкомъ привлекая глазъ, оно исполнено «въ высокомъ стилѣ, приличествовавшемъ герою и всему памятнику. «Первый взглядъ останавливаетъ и производитъ сильное впечатлѣ-«ніе. Впечатлѣнію этому предаешься и предаешься на долго. По-«дробностей не разсматриваешь, это не приходитъ въ голову, но «когда, отдавъ дань удивленія цѣлому, переходишь къ изученію по-«дробностей; когда ищешь недостатковъ, сравнивая размѣры раз-«ныхъ частей животнаго, и находишь ихъ вполнѣ соразмѣрными; «когда берешь отдѣльную часть, и находишь въ ней чистоту стро-«гаго подражанія рѣдкому образцу; когда тѣже критическія наблю-«денія дѣлаешь надъ героемъ; когда возвращаешься къ цѣлому и «внезапно сближаешь обѣ главныя части: тогда оправдывается вос-«хищеніе, испытанное при первомъ впечатлѣніи. Смотришь съ раз-«ныхъ сторонъ, ищешь невыгодную поверхность — и не находишь «ее. Вглядываясь съ лѣвой стороны и предугадывая чрезъ гипсъ, «мраморъ или бронзу правую сторону статуи, содрагаешься отъ «удовольствія, видя съ какою поразительною точностью обѣ сто-«роны сходятся. Это я сдѣлалъ со всѣхъ сторонъ вашего произве-«денія и всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ. Трудъ этотъ, другъ «мой, какъ истинно прекрасное произведеніе, отличается тѣмъ, что «кажется прекраснымъ когда его видишь въ первый разъ, а во вто-«рой, третій, четвертый разъ представляется еще болѣе прекрас-«нымъ, покидаешь его съ сожалѣніемъ и всегда охотно къ нему «возвращаешься».

Такой отзывъ интересенъ для насъ, не только какъ выраженіе мнѣнія одного изъ лучшихъ знатоковъ искусства, но еще какъ доказательство того, что отношенія Фальконета къ Дидероту при встрѣчѣ ихъ въ Петербургѣ не были столь натянуты, какъ утверждаетъ г-жа Вандель. Подтвержденіе этому, до извѣстной степени,

мы находимъ и въ письмахъ Фальконета за это время, такъ въ письмѣ отъ 2 Декабря онъ проситъ у Государыни поручить Дидероту, заходящему изъ зимняго дворца въ мастерскую, принести Андреевскую ленту, необходимую Фальконету сыну для окончанія портрета Императрицы; въ другой разъ, говоря о своемъ пріятелѣ, онъ выражаетъ надежду, что Государыня нашла въ немъ душу мягкую, честную, чувствительную, умъ, полный силы, смѣлости, энергіи, что Дидеротъ представится ей такимъ, какимъ изображалъ его заранѣе Фальконетъ.

Надежда эта повидимому осуществилась. Дидеротъ не могъ не понравиться Императрицѣ. Его пылкій умъ, блестящая рѣчь, живость въ пріемахъ, привычка вести пренія съ образованнѣйшими и благовоспитаннѣйшими людьми своего вѣка, все это дѣлало изъ него привлекательнаго собесѣдника, а противуположность этой совокупности свойствъ, со всѣмъ тѣмъ что окружало Государыню, придавало несомнѣнно въ глазахъ ея еще болѣе цѣны сношеніямъ съ Дидеротомъ. Она проводила долгіе часы въ разговорахъ съ нимъ, выслушивала сужденія его обо всемъ, не исключая и дѣлъ государственныхъ; но, отдавая справедливость свойствамъ его ума и обширности его познаній, по свидѣтельству Сегюра, не оставила безъ вниманія ту долю увлеченія, ту непрактичность, которая отличала французскаго философа, наравнѣ съ другими его собратіями, и которая вскорѣ отозвалась такими ужасными послѣдствіями.

4 Марта 1774 г. Дидеротъ уѣхалъ, а Фальконетъ остался во ожиданіи отливки статуи. На основаніи заключеннаго съ Фальконетомъ договора, трудъ этотъ долженъ былъ быть исполненъ особымъ литейщикомъ, но надежнаго литейщика не отыскивалось; и уже въ Августѣ 1769 г. Бецкій письменно уговаривалъ Фальконета рѣшиться взять на себя отливку оконченной имъ модели *). Письмо его, наполненное лестными отзывами, обѣщаетъ художнику защиту противъ могущихъ возникнуть на него по поводу отливки нареканій. Но страхъ подвергнуться нареканіямъ столь же мало могъ остановить въ чемъ либо Фальконета, сколько само-

*) См. приложеніе XI.

любивые разсчеты могли подвинуть его на дѣятельность. Его останавливало сознаніе трудности мало знакомаго ему дѣла, дѣла, котораго онъ съ самаго начала не принималъ на себя, дѣла, которое онъ хотѣлъ прежде изучить основательно. Вотъ почему онъ отвѣчалъ отказомъ не только Бецкому, но и самой Императрицѣ, вотъ почему онъ прежде всего принялся читать все то что было написано объ этомъ предметѣ, начиная съ Вазари и кончая французскими художниками XVIII вѣка. По мѣрѣ изученія этого вопроса трудности въ глазахъ его не уменьшались, а увеличивались, какъ видимъ изъ письма его Бецкому отъ 3 Апрѣля 1771 года *). Между тѣмъ, по рекомендаціи парижскаго архитектора Геньера, прибылъ въ Петербургъ литейщикъ Ерсманъ, договорившійся исполнить работу отливки за 140.000 ливровъ. Ерсманъ приступилъ къ приготовительнымъ работамъ, но рѣшительно отказался дать передней части коня толщину въ три линіи, необходимую для равновѣсія. Архитекторъ Фельтенъ, завѣдывавшій приготовленіями къ отливкѣ, убѣдясь въ несостоятельности Ерсмана, потребовалъ его увольненія; Ерсманъ уѣхалъ.

Въ Августѣ 1774 года Фальконетъ, считая себя довольно подготовленнымъ и сдѣлавъ предварительно опытъ отливки надъ статуею юноши, вынимающаго занозу, рѣшился принять на себя окончательное осуществленіе своего художественнаго творенія. Принимая на себя это новое дѣло, Фальконетъ явилъ новое доказательство своему безкорыстію, онъ удовольствовался 80.000 ливровъ, остававшимися изъ асигнованной Ерсману суммы, и обѣщалъ по 15.000 л. двумъ находившимся при немъ лицамъ, взявшимся помогать ему въ дѣлѣ отливки. Не смотря на умѣренность такого вознагражденія, Фальконетъ не получалъ по этому предмету никакого отвѣта отъ Бецкаго и, продолжая работать, счелъ необходимымъ довести обо всемъ до свѣдѣнія Императрицы; отвѣта ни на это ни на какое другое письмо нашего художника болѣе не послѣдовало; послѣдняя записка Государыни имѣетъ числомъ 4 Декабря 1774 г., она содержитъ лишь нѣсколько короткихъ словъ, относительно портре-

*) См. приложеніе XII.

товъ, написанныхъ Фальконетомъ сыномъ и бюстахъ Великаго Князя и Великой Княгини. О статуѣ Петра, о художествѣ, о литературѣ, о всемъ томъ что въ началѣ наполняло переписку великой жены съ великимъ художникомъ нѣтъ болѣе помину, а между тѣмъ этому художнику, забытому Государыней, оставалось прожить еще четыре года въ Россіи, оставалось довершить самую тяжкую, чисто матеріальную сторону своего вдохновеннаго труда.

Лѣтомъ 1775 г. дворъ находился въ Москвѣ для празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, Фальконетъ продолжалъ работать и въ концѣ Августа могъ наконецъ приступить къ отливкѣ; отливка эта, не смотря на всѣ старанія Фальконета, не удалась.

Бывшій помощникъ Ерсмана Помель, дежурившій ночью, въ то время когда окончательно расплавленный металъ переливался въ форму, легъ спать, рабочіе развели чрезмѣрный огонь, который испепелилъ трубку, служившую проводникамъ бронзовой массѣ, хотя массы этой и было приготовлено гораздо болѣе потребнаго количества, тѣмъ не менѣе ея не хватило для головы всадника и верхней части коня *). Донося объ этомъ Императрицѣ, Фальконетъ особенно настаиваетъ на присутствіи духа и мужествѣ артилерійскаго литейщика Кайлова, погасившаго пламень, распространенный пролившеюся бронзовою массою въ то время, когда всѣ присутствовавшіе разбѣжались, опасаясь пожара.

Въ Ноябрѣ 1777 года Фальконетъ отлилъ вновь недостававшія части своей статуи, отливка удалась вполнѣ, рѣзецъ художника сгладилъ шероховатые слѣды спайки; лѣтомъ 1778 г. его мѣдный всадникъ былъ таковъ, какимъ мы видимъ его нынѣ. Оставалось выдать художнику причитавшіяся за отливку деньги, но и здѣсь встрѣчаются какія то затрудненія, упоминается о дороговизнѣ его труда **) и все улаживается опять лишь призывомъ на помощь Державной воли.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, въ первыхъ числахъ Сентября 1778 г., Фальконетъ написалъ послѣднее письмо Императрицѣ; цѣль этого письма опровергнуть тѣ ложные слухи, которые

*) См. приложеніе XIII.

**) См. приложеніе XIV.

недоброжелатели его распространяли о прочности и устойчивости его творенія. «Я не считалъ себя въ правѣ уѣхать», говоритъ онъ, «не высказавъ Вашему Императорскому Величеству истину о предметѣ, котораго Вы еще не видѣли...» И такъ, проработавъ двѣнадцать лѣтъ, преодолѣвъ всѣ встрѣченныя имъ трудности, исполнивъ превосходно предпринятую имъ задачу, одаривъ Россію однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новѣйшаго искусства, Фальконетъ былъ лишенъ возможности показать трудъ свой Императрицѣ Екатеринѣ. Легко вообразить въ какомъ настроеніи духа онъ покинулъ Петербургъ.

По дорогѣ въ Парижъ онъ заѣхалъ къ князю Голицыну въ Гагу. Возвратясь во Францію, онъ просилъ быть зачисленнымъ въ такъ называемые ветераны Академіи, но вслѣдъ за тѣмъ открылась вакансія помощника ректора и хотя званіе ветерана исключало право полученія какой либо должности, тѣмъ не менѣе Академія назначила его помощникомъ ректора, хотя и съ нарушеніемъ существовавшаго на то порядка. Неся академическія обязанности, Фальконетъ снова сталъ посвящать часть трудовъ своихъ Севрской фабрикѣ; къ этому времени его дѣятельности относится участіе въ томъ превосходномъ туалетномъ сервизѣ, который Марія Антуанета подарила въ 1783 г. Великой Княгинѣ Маріи Федоровнѣ и который до сихъ поръ хранится во дворцѣ г. Павловска. Ничего большаго, замѣчательнаго Фальконетъ не произвелъ болѣе, вернувшись изъ Россіи.

Увѣковѣчившій имя его въ Россіи памятникъ былъ лучшимъ, послѣднимъ его произведеніемъ. 7 Августа 1782 г. послѣдовало его открытіе. За нѣсколько дней до торжества открытія памятника, деревянный заборъ его окружавшій, былъ замѣненъ полотняными щитами, на которыхъ изображены были пестро раскрашенныя горы; щиты эти имѣли пять саженъ вышины и тридцать двѣ длины. Въ день, назначенный для открытія, съ утра погода была пасмурная и дождливая; къ полудню однако солнце показалось и толпы народа не замедлили покрыть площадь съ устроенными на подмостками; валъ, окружавшій адмиралтейство, окна и даже ши сосѣднихъ домовъ—все было наполнено зрителями. Въ двѣ-.ать часовъ расположились участвовавшія въ церемоніи вой-

ска, въ числѣ 15 тысячъ, то были полки: Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Конный, Бомбардирскій, Кіевскій пѣхотный, Новотроицкій, Кирасирскій. На Невѣ разставлены были военныя суда. Въ три часа пріѣхалъ фельдмаршалъ Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, принявъ рапорты отъ полковыхъ командировъ, онъ приблизился къ берегу Невы, гдѣ Правительствующій Сенатъ ожидалъ прибытія Императрицы.

Въ четыре часа подъѣхала Императорская шлюбка. На берегу встрѣтили Императрицу Сенаторы и Генералъ Прокуроръ Князь Вяземскій. Въ сопровожденіи двора и кавалергардовъ Государыня изволила шествовать въ зданіе Правительствующаго Сената, гдѣ и помѣстилась на балконѣ.

По воспослѣдованіи сигнала мгновенно слетѣли нолотняные занавѣсы, скрывавшіе памятникъ. Побѣдоносныя знамена преклонились, звуки военной музыки, ружейная и пушечная пальба слились въ одинъ радостный шумъ. Обязанные своимъ существованіемъ Петру: Петербургъ, русское войско, флотъ, Сенатъ привѣтствовали представшее предъ ними величественное изображеніе основателя ихъ.

Въ это время Бецкій поднесъ Государынѣ, выбитую на этотъ случай медаль: на одной сторонѣ ея представленъ былъ памятникъ, на другой изображена сама Государыня.

За тѣмъ войскамъ произведенъ былъ парадъ; послѣ чего Императрица возвратилась во дворецъ.

Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, въ этотъ день подписаннымъ, Екатерина II, даруя облегченіе участи преступникамъ и несостоятельнымъ должникамъ, принесла Всевышнему промыслу благодаренія за умноженіе изобилія, утвержденіе спокойствія, приращеніе величія и могущества Имперіи въ двадцатилѣтнее ея царствованіе. Устроитель этого торжества И. И. Бецкій вслѣдъ за тѣмъ 22-го Сентября получилъ ленту вновь учрежденнаго въ тотъ день Ордена Св. Владиміра.

9 Августа Императрица въ письмѣ путешествовавшему по Европѣ Великому Князю Павлу Петровичу писала: «La statue de Pierre premier a été découverte pour la première fois; elle est très belle». Всѣ были довольны, и Государыня и Бецкій и вся сколько

нибудь просвѣщенная часть Русской публики и наконецъ весь народъ Русскій, надъ коимъ по выраженію манифеста: «въ память преславнаго монарха возсіяло Императорское милосердіе». Одинъ Фальконетъ былъ далекъ отъ этаго всеобщаго радостнаго настроенія. Огорченіе, вывезенное имъ изъ Петербурга, не изгладилось, года умножались, старость надвигалась, работа не давалась, какъ прежде, уже пора было подумать объ отдохновеніи. Чтобы отдохнуть, Фальконетъ собрался попутешествовать по Италіи, но въ самый день, назначенный для отъѣзда, 3 Мая 1783 г., онъ былъ пораженъ ударомъ паралича. Съ этаго дня онъ не выходилъ болѣе изъ комнаты, покуда 24 Января 1791 г. смерть не пресѣкла его трудовую, полную порыва и энергіи жизнь.

Таковы, сколько намъ извѣстно, обстоятельства, сопровождавшія сооруженіе лучшаго на Русской землѣ памятника, такова лѣтопись отношеній великой Государыни къ талантливому исполнителю ея славнаго предначертанія.

Подъ обаяніемъ ея царственно привлекательнаго лика, влекомый любовью къ искусству, пренебрегая матеріальными выгодами, онъ покидаетъ отечество, друзей, переселяется на холодные берега Невы. Привѣтливый пріемъ, мудрая ласковая рѣчь, пониманіе лучшихъ струнъ сердца, изумительная прозорливость, уваженіе къ человѣческой личности и все это, встрѣченное на высотѣ могущественнаго трона обхватываетъ душу художника; ни о какихъ лишеніяхъ не можетъ быть рѣчи, онъ бредитъ объ одномъ— сдѣлать статую самой Екатерины II, онъ умоляетъ своего лучшаго пріятеля пріѣхать на поклоненіе Государынѣ.

Но Государыню занимаетъ не одно искусство, а благо милліоновъ подданныхъ; появленіе Фальконета новость, но за этою новостью слѣдуютъ другія, и Польская война, и Турецкая война, и чума, и Пугачевъ и многое иное; на все это нужны люди и ко всему этому они примѣшиваютъ свое самолюбіе, свою зависть и ненависть, словомъ свою личность. Одинъ изъ нихъ, ставшій между Царицею и художникомъ, особенно дорожитъ неприкосновенностью своего царедворческаго положенія, своимъ внѣшнимъ значеніемъ, непоколебимостью установленнаго годами авторитета, а Фальконетъ, вспыльчивый, подъ часъ упрямый, незнакомый ни съ петербург-

скою, ни съ придворною жизнью, готовый жертвовать самолюбіемъ только друзьямъ, а отнюдь не противникамъ, упорствуетъ и скоро упрочиваетъ за собою полное нерасположеніе начальствующаго надъ нимъ Президента Академіи Художествъ.

Императрица чувствуетъ неловкость положенія, она старается выйти изъ затрудненія то молчаніемъ, то шуткою, но мудрыя политическія мѣры ея, нерѣдко умиротворявшія вражды государственныя, не успѣваютъ обезоружить двухъ уязвленныхъ самолюбій; Фальконетъ трудится, оканчиваетъ модель, принимаетъ на себя самую отливку, смѣло подвергаясь отвѣтственности, до него не относившейся, но все это не измѣняетъ, а скорѣе ухудшаетъ отношенія его къ Бецкому; а между тѣмъ этотъ Бецкій домашній человѣкъ у Императрицы, онъ имѣетъ возможность воспользоваться всякой минутой хорошаго расположенія духа, всякимъ кстати или не кстати сказаннымъ словомъ, тогда какъ Фальконетъ запертъ въ своей мастерской и утруждаетъ оттуда Государыню посланіями, которыя начинаютъ дѣлаться докучливыми. Къ тому же самое изготовленіе памятника затягивается на гораздо болѣе продолжительное время чѣмъ предполагалось, конечно виноватъ не Фальконетъ, а невозможность найти литейщика. но тѣмъ не менѣе отъ этаго предпріятіе, а можетъ быть и самъ предприниматель, дѣлаются менѣе привлекательными. Наконецъ Фальконетъ рѣшается взять на себя отливку и отливка эта не удается; въ то время какъ происходитъ эта неудача, Императрица находится въ Москвѣ и безъ сомнѣнія словесныя объясненія окружавшихъ были сильнѣе письменныхъ оправданій художника. Наконецъ статуя изготовлена окончательно и ничто не мѣшаетъ Фальконету возвратиться во Францію, но и теперь возникаютъ какіе то денежные расчеты, о разрѣшеніи коихъ онъ снова безпокоитъ Императрицу. Императрица признаетъ его требованіе правильнымъ, но не только не позволяетъ Фальконету простится съ нею, а даже не удостоиваетъ взглядомъ его произведеніе; правда, увидавъ это произведеніе, она находитъ его превосходнымъ, но при этомъ ни одного слова не посвящено человѣку, который посвятилъ двѣнадцать лѣтъ своей жизни, чтобы создать это превосходное твореніе. Воспоминаніе о скучныхъ, тягостныхъ жалобахъ его осталось господствующимъ

впечатлѣніемъ въ умѣ Государыни, удрученной и безъ того множествомъ скучныхъ, тяжелыхъ дѣлъ.

Въ началѣ переписки своей съ Фальконетомъ Императрица Екатерина II, бесѣдуя съ нимъ, отдыхаетъ отъ этихъ тяжелыхъ дѣлъ; читая эти бесѣды, нельзя не жалѣть, что они прекращаются чуть не на третьемъ годѣ, вмѣсто чѣмъ продолжаться до тринадцатаго, что такія исключительныя возвышенныя отношенія двухъ замѣчательныхъ людей были столь недолговѣчны, что даровитому художнику, обогатившему наше отечество, выпала горькая доля дожить до равнодушія Государыни, что между нимъ и трономъ очутился не Князь Я. Ф. Долгоруковъ, не И. И. Шуваловъ, не Графъ Н. И. Панинъ, не одинъ изъ тѣхъ людей, въ коихъ любовь къ правдѣ, къ отечеству сильнѣе себялюбивыхъ помысловъ, людей коими Русская земля никогда не оскудѣвала. Но выше всѣхъ этихъ сожалѣній стоитъ благодарность къ Императрицѣ Екатеринѣ II, успѣвшей среди своихъ громадныхъ государственныхъ занятій добыть лучь художественнаго свѣта чрезъ то окно, что прорубилъ въ Европу ея безсмертный предшественникъ, благодарность къ художнику, подъ рѣзцомъ коего предъ нами:

Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.

А. ПОЛОВЦОВЪ.

С.-Петербургъ, Февраль 1876 г.

Печатаемыя здѣсь письма Императрицы Екатерины II, по смерти Фальконета и сына его перешли къ дочери послѣдняго, баронессѣ Янковичъ, которая въ іюлѣ 1865 года отдала ихъ русскому послу въ Парижѣ, барону А. Ф. Будбергу *). Согласно ходатайству князя Петра Андреевича Вяземскаго, письма эти были переданы въ редакцію Сборника, при чемъ Директоръ Государственнаго архива К. К. Злобинъ обязательно сообщилъ письма Фальконета къ Императрицѣ.

Издавая нынѣ эту переписку, считаю обязанностью принести искреннюю благодарность: К. К. Злобину, дозволившему мнѣ справками въ Государственномъ архивѣ пополнить нѣкоторые пробѣлы этой переписки; А. Ф. Бычкову, сообщившему мнѣ изъ Императорской Публичной Библіотеки нѣсколько неизданныхъ бумагъ Дидерота; Н. В. Калачеву, доставившему мнѣ копіи съ Сенатскаго дѣла о постройкѣ памятника Петру I, Барону Ѳ. А. Бюлеру сообщившему мнѣ переписку Кн. Д. А. Голицына съ Вице-Канцлеромъ Кн. А. М. Голицынымъ и наконецъ Гг. Рамбо и Курно которые передали мнѣ свѣденія о бумагахъ Фальконета, хранящихся въ библіотекѣ г. Нанси.

А. Половцовъ.

---

*) См. приложеніе XV.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

— —

ПЕРЕПИСКА
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
СЪ ФАЛЬКОНЕТОМЪ.

1767.

№ 1.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 18 Февраля 1767 г.

A Moscou ([1]), ce 18 Février 1767.

J'ai lu hier dans l'Encyclopédie à l'article Ordre Religieux ([2]) que Votre Roi St. Louis disait que s'il pouvait partager sa personne en deux, il le ferait et donnerait une de ses moitiés aux frères Prêcheurs, et l'autre au frères Mineurs. Vous voyez bien qu'il ne restait pas beaucoup à ce bon Roi pour Son Royaume; j'ai mal dit en disant bon Roi, il fallait dire *bon homme*, car un bon homme peut faire des contes pareils, mais un bon Roi fait mieux d'être en entier à son Royaume, et de ne pas partager ses moitiés à des Religieux mendiants; encore s'il avait parlé comme Chimène dans le Cid, nommant ses deux moitiés et marchant avec une troisième, l'on aurait pu croire que c'est méprise, et qu'in petto il a gardé quelque chose

---

№ 1. Москва ([1]). Я читала вчера въ Энциклопедіи подъ статьею: Монашескіе ордена ([2]), что Вашъ король Людовикъ Святый говаривалъ, что если бы онъ раздѣлилъ себя на двое, то одну половину отдалъ бы братьямъ проповѣдникамъ (Доминиканцамъ), а другую братьямъ миноритамъ (Францисканцамъ). Вы видите, что этому доброму королю нечего было удѣлить своему королевству; я дурно выразилась, сказавъ добрый король, надо было назвать его добрымъ простякомъ, потому что лишь простякъ можетъ нести подобный вздоръ, а добрый король сдѣлаетъ лучше, отдавшись всецѣло своему королевству, не расточая своихъ половинъ нищенствующимъ монахамъ; пусть бы хоть онъ говорилъ какъ Химена въ Сидѣ, перечисляющая двѣ свои половины и идущая впередъ третьею, можно бы приписать это ошибкѣ и думать, что король тайкомъ что нибудь сохранилъ для своего королевства, такъ нѣтъ таки онъ утверж-

pour Son Royaume, mais point du tout, il parle positivement, il n'a que deux moitiés, et il en a disposé. Il a été récompensé de sa générosité, il est canonisé, nommé le meilleur des Rois, on lui prête toutes les vertus, et on le propose pour modèle à tous ceux qu'on veut modeler; il est vrai qu'il n'y a rien de plus louable que la reconnaissance, recevez mes compliments sur celle-ci, c'est bien fait que d'encourager ainsi le mérite par tout ce qui peut élever l'âme.

Moi qui vous parle, je n'ai que deux yeux: je ne peux pas me passer de l'un, il doit vaquer à mes affaires, mais de l'autre, je lorgne d'ici cette bête spirituelle qui occupe le milieu de votre atelier, et j'ai grand peur que vous ne lui donniez trop de cervelle. Tenez, je crois bonnement que vous n'êtes pas propre à faire des bêtes, je parie que votre cheval parlera, et si l'on n'entendra pas ce qu'il dira, c'est que la coutume d'entendre hennir les chevaux fera prendre son parler pour un hennissement. En lisant ceci vous direz:

1. Comment peut-elle voir cela de cent lieues?

2. Oh! qu'on me laisse faire!

3. J'ai des bêtes à mon choix, on m'en amènera tant que j'en voudrai.

Voici ma réponse:

1. Ma vue s'est fortifiée par la lettre sur les aveugles que je vous renvoie avec remerciements.

2. Prenez-vous-en à vous-même et une autre fois ne prétendez pas que je dise mon avis.

3. Vous n'avez pas besoin qu'on vous explique cet atricle.

даетъ положительно, что у него всего двѣ половины и что онъ обѣими распорядился. За то онъ и награжденъ за свою щедрость, онъ признанъ Святымъ, какъ лучшій изъ государей, ему приписываютъ всѣ добродѣтели, его ставятъ въ примѣръ всякому, кого хотятъ сдѣлать примѣрнымъ, правда что признательность дѣло весьма похвальное, такъ примите поздравленія мои по поводу этого случая признательности, прекрасное дѣло поощрять добродѣтель всѣми способами, могущими возвысить душу.

Я, съ вами разговаривающая, имѣю лишь два глаза: одинъ необходимъ мнѣ, чтобы смотрѣть за дѣлами, но другимъ я отсюда всматриваюсь въ того умнаго звѣря, который занимаетъ средину вашей мастерской, и ужасно боюсь, чтобы вы не дали ему слишкомъ много мозга. Знаете ли что, я просто думаю, что не вамъ дѣлать глупыхъ животныхъ, бьюсь объ закладъ, что вашъ конь заговоритъ, и если не возможно будетъ разобрать его рѣчи, такъ потому только, что, по закоренѣлой привычкѣ слышать ржаніе лошадей, слова его будутъ приняты за ржаніе. Читая это, вы скажете:

1) Какъ она можетъ видѣть за тридевять земель?

2) Пусть бы не мѣшали мнѣ только въ моей работѣ.

3) У меня животныхъ довольно на ръ, мнѣ будутъ приводить ихъ, ько мнѣ захочется.

Вотъ мой отвѣтъ:

1) Зрѣніе мое укрѣпилось по прочтеніи письма о слѣпцахъ, которое возвращаю вамъ съ благодарностью.

2) Впередъ пеняйте на самого себя и не спрашивайте моего мнѣнія.

3) По этой статьѣ вы не нуждаетесь въ коментаріяхъ.

Adieu, Monsieur, portez-vous bien, allons, devinez qui vous écrit; si vous répondez, ne vous gênez point: n'employez aucune formalité, surtout n'allongez point les lignes par des épithètes dont je ne me soucie pas. Vous en avez vu de pareilles dans les lettres de M-r d'Alembert (3), renvoyez-moi quand vous n'en aurez plus que faire les lettres de M-r de Voltaire (4).

№ 2.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 10 Марта 1767 г.

Moscou, 10 Mars 1767.

La lettre ci-jointe était écrite dès mon arrivée en cette ville, mais le lendemain ou quelques jours après, quelqu'un est entré dans ma chambre et ayant trouvé le livre sur les aveugles (5), m'a prié de le lui prêter, ce qui a retardé l'envoi de la ci-jointe; la voilà et votre livre aussi. Rectifiez donc M-r Cochin (6), il croit que c'est uniquement pour la guerre que mes cadets sont élevés: l'Ecole Militaire de Paris lui a peut-être fait prendre le change, mes cadets seront tout ce qu'ils voudront et choisiront leur état selon leurs goûts et inclinations.

Au sujet de M-r Diderot, je vous dirai que je le voudrais ici et pour lui éviter des persécutions futures, que je crains toujours pour lui et par ceque l'on souhaite volontiers de voir des gens de mérite; pour la destination, je ne puis en décider: en premier lieu, parceque je ne voudrais point le gêner dans son propre choix, et puis aussi voudrais-je le connaître plus précisément avant que de lui rien proposer; toujours est-il bien sûr que s'il

---

Прощайте, будьте здоровы, ну угадайте кто вамъ пишетъ, если будете отвѣчать, то не стѣсняйтесь никакими формальностями, особливо не удлиняйте строкъ эпитетами, за которыми я не гонюсь. Вы видали ихъ въ письмахъ г. д'Аламберта (3), возвратите мнѣ письма г. Вольтера (4), когда онѣ вамъ не будутъ болѣе нужны.

№ 2. Прилагаемое при семъ письмо было написано тотчасъ по прiѣздѣ въ этотъ городъ, но на другой день или чрезъ нѣсколько дней кто то вошелъ въ мою комнату и, увидавъ книгу о слѣпцахъ (5), просилъ меня одолжить ее ему, что и замедлило отправленiе моего письма, вотъ оно и книга ваша тоже. Вразумите г. Кошена (6), онъ думаетъ, что мои кадеты воспитываются единственно для того, чтобы воевать. Парижское военное училище быть можетъ ввело его въ заблужденiе, мои кадеты пребудутъ безмятежными, будутъ избирать состоянiе по своему вкусу и способностямъ.

Что касается г. Дидерота, то скажу вамъ, что я желала бы видѣть его здѣсь и для того, чтобы отвратить отъ него преслѣдованiя въ будущемъ, которыхъ я за него опасаюсь, и потому что охотно желаешь видѣться съ людьми достойными; о томъ, какое ему дать назначенiе, не могу рѣшить, такъ какъ, во-первыхъ, не желала бы стѣснять его въ выборѣ, а во-вторыхъ, хотѣла бы ознакомиться съ нимъ ближе, прежде чѣмъ предложить ему что-либо; во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что

venait et que je suivisse mon goût, je le garderais pour moi et mon instruction sans contredit. Adieu, Monsieur Falconet, portez-vous bien, j'espère qu'à mon retour la toilette de Pierre-le-Grand sera faite, l'on m'a dit qu'après mon départ il existait déjà, mais en grand déshabillé.

№ 3.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 16 Марта 1767 г.

A St-Pétersbourg, le 16 Mars 1767.

Madame,

Il y a longtemps que j'ai une forte disposition à certaine folie: les bontés dont V. M. I. daigne m'honorer ont bien et dûment constaté ce délire et l'ont décidé désormais incurable. Le voici:

Tous les hommes que j'ai vus s'accordent à soutenir qu'il y a dans la vie plus de maux que de plaisirs. Tandis que moi, j'ai toujours été assez malheureux pour éprouver, sentir, croire et soutenir le contraire. Il n'y a donc que vice du cerveau qui me fasse ainsi conclure à rebours de tous les hommes. Hélas! les plus belles et sans doute les dernières années de ma vie ne me guériront pas. Je dirais à quelques hommes: Un fabricant d'étoffes en a ses magasins remplis. Vous fabriquez des maux et vous vous plaignez d'en être environné! Eh! mes amis, fabriquez des plaisirs; Vous serez au milieu de votre magasin. Eh bien, ces fabricants se moquaient de moi et cherchaïent du plaisir.

если бы онъ пріѣхалъ и если бы я послѣдовала своему влеченію, то онъ остался бы при мнѣ, для моего наставленія. Прощайте, г. Фальконетъ, будьде здоровы, надѣюсь, что къ моему пріѣзду туалетъ Петра Великаго будетъ оконченъ; мнѣ сказывали, что послѣ моего отъѣзда онъ существовалъ уже, но въ большомъ негляже.

№ 3. Давно уже я сильно расположенъ къ нѣкоторому безумію. Милости, коими Ваше Величество удостоиваете меня, положительнымъ образомъ доказали этотъ бредъ и объявили его неизлечимымъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Всѣ люди, которыхъ я видѣлъ, единогласно утверждаютъ, что въ жизни гораздо болѣе золъ, чѣмъ удовольствій; между тѣмъ какъ я всегда былъ на столько несчастливъ, чтобы испытать, чувствовать, вѣрить и утверждать противное Стало быть есть мозговой недостатокъ, который заставляетъ меня такимъ образомъ выводить заключеніе, противоположное заключенію всѣхъ прочихъ людей. Увы! самые лучшіе и безъ сомнѣнія послѣдніе годы моей жизни не вылечатъ меня. Я говорю нѣкоторымъ людямъ: у фабриканта матерій магазины наполнены оными; вы же фабрикуете зло и жалуетесь что имъ окружены! Э, друзья мои, фабрикуйте удовольствія, вы будете посреди вашего магазина. Что же? Эти фабриканты смѣялись надо мною и искали удовольствій.

Si nous passions légèrement sur les chagrins, si nous ne leur donnions que l'attention qu'il faut pour nous instruire, (ce serait en tirer du plaisir), si nous appuyions sur tous les agréments, que nous les repassions souvent et avec complaisance dans notre esprit, notre âme serait dans un bonheur perpétuel. Les idées agréables viendraient relancer le chagrin et le renvoyer d'où souvent notre imagination l'avait tiré. Ou je suis bien trompé, ou c'était le secret du bon Epicure. J'en demande pardon à V. M., mais c'est là ma philosophie de tous les jours: le stoïcisme n'est que pour les dimanches.

Jamais le *tantum religio potuit suadere malorum* n'a convenu à aucun Prince mieux qu'à notre bon Saint de France. Il était à la fois juste, ferme et stupide. Est-ce l'organisation, est-ce l'éducation? il tenait la fermeté de sa mère et, grâce à cette bonne constitution, la pagnoterie n'avait pas effacé en lui toute justice. Sans la superstition c'eût été seulement un grand homme; on en a fait un saint par-dessus le marché. Qu'il faisait bon voir cette mère rompre la prison où de gras chanoines faisaient périr des malheureux! Qu'elle était belle! à plus de 60 ans ce jour là! Tandis que son fils donnait de son mieux un démenti à la Providence qui voulait que le sacré tombeau fût à perpetuité sous l'empire du démon. Elle donnait un autre démenti à des coquins dont elle vint à bout mieux que son fils de la Providence.

Depuis que Pierre-le-Grand est habillé, qu'il a une physionomie, une

---

Еслибы мы слегка пропускали горести, еслибы имъ давали только то вниманіе, которое нужно для нашего образованія, (что значило бы извлекать изъ нихъ удовольствіе), еслибы мы налегали на пріятную сторону жизни, часто и снисходительно вспоминали бы о ней въ нашемъ умѣ, то душа наша была бы въ совершенномъ счастіи. Пріятныя мысли отъискивали бы горе и изгоняли его туда, откуда часто воображеніе наше извлекало его. Если я не ошибаюсь, это и было тайною добраго Эпикура. Прошу извиненія Вашего Величества, но это есть моя философія каждаго дня; стоицизмъ оставляется только на воскресенье.

Никогда изреченіе: *столько золъ могла навлечь религія*, такъ не подходило ни къ какому Государю, какъ нашему доброму Святому Людовику. Онъ въ одно время былъ справедливъ, твердъ и глупъ. Дѣло ли это природы или воспитанія? Твердость онъ наслѣдовалъ отъ матери и, благодаря доброму сложенію, робость не совсѣмъ изгладила въ немъ справедливость. Безъ суевѣрія онъ былъ бы только великимъ человѣкомъ; изъ него еще сдѣлали святаго. Какъ отрадно было видѣть эту мать, разрушающею тюрьму, въ которой жирные каноники губили несчастныхъ. Какъ была она хороша въ 60 лѣтъ въ этотъ день! Между тѣмъ какъ сынъ ея изобличалъ Провидѣніе, которое хотѣло, чтобы священная гробница на вѣкъ оставалась во власти демона. Она въ то же время изобличала мошенниковъ, съ которыми она лучше справилась, чѣмъ сынъ ея съ Провидѣніемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій одѣтъ, имѣетъ физіономію, дѣйствіе, выра-

action, une expression et que la tête de son coursier est étudiée, on voit très-bien que mon cheval n'est plus qu'une bête, mais de toutes celles de son espèce il convient qu'elle soit des plus spirituelles.

Je n'aurais jamais cru V. M. aussi difficile en sculpture, Vous ne quittez point mon atelier et voilà plus de vingt fois, Madame, que Vous me faites recommencer des choses dont plusieurs personnes étaient assez contentes.

Je vais écrire à mon ami Diderot (7); je vais rectifier M. Cochin, je finis de faire copier la dispute sur la postérité (8). Si Vous le permettez, Madame, je Vous l'enverrai, et si Vous croyez que cet amusement de deux rêveurs en vaille la peine, je le ferai imprimer ici, avec les corrections que Vous êtes très-humblement suppliée d'y faire.

Le Ministre de l'Angleterre a demandé à M-lle Collot (9) un plâtre du buste de V. M. pour envoyer à Londres. Le donnera-t-elle? Cette pauvre fille y perdrait trop, si elle était privée de Vos avis; la dernière preuve est le portrait fort ressemblant de S. E. M. le Comte Orloff.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale le très-humble et très-obéissant serviteur Falconet.

V. M. ne me dit pas si je me suis trompé dans ma lettre à M. Betzki au sujet du Chevalier de Jaucourt (10).

женіе и съ тѣхъ поръ какъ голова его коня изучена, видно очень хорошо, что лошадь моя не болѣе какъ животное, но изъ всѣхъ, ей подобныхъ, ей надлежитъ быть самой умной.

Я бы никогда не думалъ, что Ваше Величество такъ строги въ скульптурѣ. Вы не покидаете моей мастерской и вотъ уже болѣе 20 разъ Вы заставляете меня начинать снова то, чѣмъ многіе были довольны.

Я напишу моему другу Дидероту (7); я поправлю г. Кошена; копію со спора о потомствѣ (8) оканчиваютъ. Если Вы позволите, я Вамъ пришлю ее и если Вы полагаете, что эта забава двухъ мечтателей того стоитъ, я ее напечатаю съ тѣми исправленіями, которыя почтительнѣйше прошу Васъ сдѣлать.

Англійскій посланникъ просилъ у Г-жи Колло (9) гипсовый бюстъ Вашего Величества для отправленія въ Лондонъ. Дастъ ли она его? Эта бѣдная дѣвушка много бы потеряла, еслибы Вы лишили ее Вашего совѣта; послѣднее доказательство тому — весьма сходный портретъ графа Орлова.

Есмь съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Фальконетъ.

Ваше Величество не сказали мнѣ, ошибся ли я въ своемъ письмѣ Г. Бецкому на счетъ кавалера де Жокура (10).

№ 4.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 19 Марта 1767 г.

A St. Pétersbourg, le 19 Mars 1767.

Madame,

Votre Majesté Impériale m'accorde une permission dont il est difficile de ne pas abuser. Ma première lettre est trop longue; mon grand discours sur le plaisir n'est peut-être rien moins que plaisant.

Voltaire fait des compliments d'un homme qui a singulièrement d'esprit, un peu d'âge, un grand usage du monde et d'écrire. Je n'aime point sa *Terrible ruche* (11). D'ailleurs, je ne me connais pas assez en astres(12) pour savoir si Votre Majesté en est un. Mais je pense me connaître assez en femmes pour croire que si vous étiez chargée de conduire notre globe, Vous Vous en acquitteriez mieux qu'aucun des hommes qui l'habitent.

Si je ne fais pas bien de garder encore *l'Abrégé de Fleury*(13), que j'ai lu, vous aurez la bonté d'en ordonner autrement. Je relis le *Portatif* (14), dernière édition: c'est, en vérité, un bon service que la philosophie rend aux gouverneurs et aux gouvernés. Enfin, presque tous les uns, et la meilleure partie des autres comprennent que, pour aller mieux, tout doit se passer uniquement entre eux. Si je laisse dire le voisin *Polichinelle* qui me crie sans cesse, *entrez chez vous* et qui me promet des bonbons qu'il n'a pas; j'aimerais bien mieux mon père et ma mère.

№ 4. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество удостоиваете меня позволеніемъ, которое трудно не употребить во зло. Первое письмо мое слишкомъ длинно; длинная рѣчь моя объ удовольствіи едва ли забавна.

Вольтеръ дѣлаетъ комплименты какъ человѣкъ необыкновенно умный, не молодой и имѣющій большой навыкъ свѣта и писанія. Я не люблю его *Ужаснаго улья*(11). При томъ же я не довольно знатокъ въ небесныхъ свѣтилахъ (12), чтобъ знать свѣтило ли Ваше Величество. Но я полагаю, что довольно хорошо знаю женщинъ, чтобы думать, что еслибы Вамъ поручено было управлять нашимъ земнымъ шаромъ, Вы исполнили бы это лучше всякаго мущины, на немъ живущаго.

Если я дурно дѣлаю, что еще не отдаю *Сокращеніе Флери* (13), которое я прочелъ, то прошу Васъ приказать мнѣ его возвратить. Я перечитываю *Portatif* (14) послѣднее изданіе: это истинно большая услуга, оказываемая философіею правителямъ и управляемымъ. Наконецъ почти всѣ, какъ тѣ, такъ и большая часть другихъ понимаютъ, что дабы все шло лучше, все должно происходить единственно между ними. Еслибы я не слушалъ моего сосѣда *Полишинеля*, который постоянно мнѣ кричитъ *ступайте домой* и сулитъ мнѣ конфекты, которыхъ у него нѣтъ, я бы гораздо болѣе любилъ отца и мать.

№ 5.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, изъ Москвы, 28 Марта 1767 г.

Moscou, ce 28 Mars 1767.

Je commencerai celle-ci, Monsieur, par répondre à Vos questions et puis je dirai ce que je pourrai.

Votre jugement au sujet du Chevalier de Jaucourt et de son article *Russie* (15) est juste. Lisez l'article *joli* (16), il y a un paragraphe qui me tournerait la tête, si elle ne l'était déjà.

Puisque Vous désirez que je donne mes avis à M-lle Collot, Vous pouvez lui dire qu'elle fera de son ouvrage tel usage qu'elle jugera à propos; j'y donne les mains avec plaisir, surtout depuis que j'ai lu la sentence. *Eh! mes amis, fabriquez des plaisirs.*

Envoyez-moi Votre dispute sur la postérité. Je Vous dirai sincèrement ce que j'y trouverai à redire, s'entend si la question n'est pas traitée d'une façon qui soit au-dessus de ma portée. Je serais tentée de supposer qu'il n'y a rien à corriger, mais j'ai vu couché tout au long par écrit que M. Falconet ne prétend point faire de son Pierre-le-Grand un chef-d'oeuvre, qu'il n'est pas venu au monde pour cela, qu'il n'en fera pas, qu'on fera bien de se détromper etc. Mais voilà un singulier entêtement; je crois moi, que c'est le climat qui commence à influer sur Vous; les Français tout naturellement plus souples, plus pliants et si je dois trancher le mot, plus prévenus d'eux-mêmes, il n'y a que l'air du Nord qui peut rendre un quelqu'un aussi peu complai-

---

№ 5. Начну это письмо отвѣтами на Ваши вопросы, а потомъ скажу что могу.

Сужденіе Ваше на счетъ кавалера де-Жокура и его статьи *Россія* (15) справедливо. Прочтите статью *красивое* (16), есть параграфъ, который бы вскружилъ мнѣ голову, если бы уже голова не была вскружена.

Такъ какъ Вы желаете, чтобы я сказала свое мнѣніе Г-жѣ Колло, то Вы можете ей сказать, чтобы она сдѣлала изъ своей работы употребленіе какое сочтетъ нужнымъ; я на это соглашаюсь съ удовольствіемъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ я прочла сентенцію: *Э! друзья мои, сочиняйте удовольствія.*

Пришлите мнѣ Вашъ споръ о потомствѣ. Я скажу Вамъ откровенно, что я найду въ немъ худаго, конечно, если вопросъ этотъ не свыше моего пониманія. Мнѣ бы хотѣлось думать, что нечего исправлять, но я видѣла ясно написаннымъ, что г. Фальконетъ вовсе не намѣренъ дѣлать изъ своего Петра Великаго образцовое произведеніе, что онъ не за тѣмъ явился на свѣтъ, что онъ его не сдѣлаетъ, что слѣдовало бы въ этомъ разувѣриться, и пр. Но вотъ странное упрямство: я думаю, что климатъ начинаетъ имѣть на Васъ вліяніе. Французы отъ природы гораздо сговорчивѣе, гораздо податливѣе, и, сказать правду, гораздо болѣе думаютъ о себѣ. Одинъ только сѣверный воздухъ можетъ

sant. Je dirais que c'est pure malice si je n'avais vu que Vous promettez de faire de Votre mieux. Eh bien, faites-le, nous serons tous contents et nous ne disputerons point sur les mots.

Je me réjouis de voir par ce que Vous appelez *Votre folie* que Vous avez naturellement l'imagination couleur de rose, passez-moi le terme; je ne l'aime pas depuis que Vous m'avez dit que faute d'être tel, le Paralytique de Greuze([17]) n'avait pas fait fortune en France. Cependant je le trouve de cette couleur, mais dans le sens du sublime beau et non pas de l'agréable joli. Pour entendre ce galimatias, je Vous renvoie a l'article *joli*, où Vous trouverez que nous sommes condamnés à nous passer du second qui appartient tout entier aux puissances du Midi; je ne sais, si l'inquisition est du nombre, un mauvais plaisaint dirait: il est vrai qu'il faut vivre et laisser vivre.

Gardez le livre qui m'appartient autant que Vous voudrez. J'ai assez de l'Encyclopédie. Je ne puis quitter ce livre. C'est une source inépuisable d'excellentes choses où cependant il y a par-ci par-là de grandes inexactitudes. Mais il ne faut pas s'en étonner, car quelles contradictions et dégoûts n'ont-ils pas essuyés, et assurément ils ont témoigné un grand courage et un désir invincible de servir et d'instruire l'espèce qui les persécutait, et leur criait: Point d'instruction, nous ne voulons rien savoir.

Mes respects à Pierre-le-Grand tout habillé. Il a une physionomie, une

---

сдѣлать такъ мало снисходительнымъ. Я бы сказала, что это ничто иное какъ чистая хитрость, еслибъ я не видала, что Вы обѣщаете сдѣлать какъ съумѣете лучше. Такъ дѣлайте же, мы всѣ будемъ довольны и не станемъ спорить о выраженіяхъ.

Я радуюсь видѣть по тому, что Вы называете *вашимъ безумствомъ*, что у Васъ воображеніе отъ природы розоваго цвѣта; простите мнѣ это выраженіе; я не люблю его съ тѣхъ поръ, какъ Вы мнѣ сказали, что, не будучи таковымъ, Паралитику Греза([17]) не посчастливилось во Франціи. Впрочемъ я нахожу его розоваго цвѣта, но въ смыслѣ высоко-прекраснаго, а не пріятно-хорошенькаго. Чтобы понять эту галиматью, я отсылаю Васъ къ статьѣ *о красивомъ*, гдѣ Вы найдете, что мы осуждены обходиться безъ послѣдняго, которое всецѣло принадлежитъ обитателямъ юга; не знаю, входитъ ли въ число ихъ и инквизиція; злой шутникъ сказалъ бы: правда, что надо жить и давать жить.

Держите у себя принадлежащую мнѣ книгу сколько хотите. Мнѣ довольно Энциклопедіи; я съ ней не могу разстаться. Это неисчерпаемый источникъ превосходныхъ вещей, гдѣ однако мѣстами встрѣчаются большія невѣрности. Впрочемъ этому не надо удивляться, ибо какихъ противорѣчій и какихъ неудачъ они не испытали, а конечно они оказали большое мужество и непреодолимое желаніе руководить и поучать людей, которые ихъ преслѣдовали и кричали имъ: не нужно образованія, мы ничего не хотимъ знать.

Мое привѣтствіе Петру Великому одѣтому. Онъ имѣетъ физіономію, дѣйствіе,

action, une expression, et la tête de son coursier est étudiée; — voilà ce que vous me dites, et voilà ce que je regrette bien de ne pas voir. Vous ne me dites rien de son bras qu'il étend sur son Empire. Le comte Orloff dit, que ce bras est ce qu'il trouve de plus difficile et de plus délicat à traiter, et qu'il n'y a que vous qui puissiez trouver la vraie expression du bras. Vous voyez que lorsqu'il disait cela il ignorait que vous eussiez renoncé au chef-d'oeuvre. N'allez pas dire encore que je suis difficile et surtout ne vous arrêtez pas à ce que je dis, car je puis dire très-mal; allez votre train. Adieu, Monsieur Falconet, portez-vous bien et soyez assuré que je suis bien impatiente de voir et vous et votre ouvrage à Pétersbourg; cet endroit-là ressemble au commencement du printemps et celui-ci à un vilain automne. Je partirai d'ici à la fin du mois d'Avril, pour me rapprocher de Pétersbourg par Kazan.

№ 6.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 7 Іюня 1767 г.

1767 ce 7 Juin, d'un coin de l'Asie ([18]).

Je ne puis décider, vous êtes tous les deux très disposés à rester chacun de son avis, et j'aurais beau dire tout ce que je voudrais, l'un ou l'autre me ferait des objections, et la dispute recommencerait. Si Vous m'aviez dit *dites-nous votre avis*, j'aurais su que répondre, mais Vous me dites *décidez*. Je ne puis. Si je me déclare pour M-r Diderot, M-r Falconet ne sera pas,

---

выраженіе и голова его коня изучена; — вотъ, что Вы мнѣ пишете и чего, къ сожалѣнію, я не могу видѣть. Вы мнѣ ничего не говорите объ его рукѣ, которую онъ простираетъ надъ своимъ государствомъ. Графъ Орловъ находитъ, что эта рука представляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ частей работы, и что только Вы могли бы найти этой рукѣ надлежащее выраженіе. Вы видите, что онъ говорилъ это тогда, когда не зналъ еще, что Вы отказались отъ образцоваго произведенія. Не говорите же болѣе, что я строга, а главное, не останавливайтесь на моихъ замѣчаніяхъ, такъ какъ я могу говорить невѣрно; продолжайте своимъ порядкомъ. Прощайте г. Фальконетъ, будьте здоровы и вѣрьте, что я съ нетерпѣніемъ жду увидѣть Васъ и Вашу работу въ С.-Перербургѣ; тотъ городъ похожъ на начинающуюся весну, между тѣмъ, какъ здѣсь отзываетъ глубокою осенью. Я уѣду отсюда въ концѣ апрѣля, чтобы вернуться въ Петербургъ черезъ Казань.

№ 6. Изъ уголка Азіи([18]). Я не могу рѣшить: вы оба повидимому намѣрены остаться каждый при своемъ мнѣніи и чтобы я ни говорила, тотъ и другой вы будете противорѣчить и споръ возобновится. Еслибы Вы мнѣ сказали: скажите намъ Ваше мнѣніе, я бы знала, что отвѣчать, но Вы просите моего рѣшенія — этого я не могу. Если я возьму сторону г. Дидерота, г. Фальконетъ не будетъ этимъ убѣжденъ; если же я скажу, что

de l'humeur qu'il est, persuadé pour cela; et si c'est à ce dernier que je donne raison, la logique de l'autre agira contre moi. Mais voyons un peu: ne vous disputeriez-vous pas en théologiens, l'un dit tout net: J'en veux à la postérité, j'y cours; l'autre: Je ne la méprise pas, ce n'est pas pourtant pour elle, bien au juste, que je me donne de la peine, je veux bien faire, et c'est l'approbation de mes contemporains que je désire. Eh bien! Monsieur Falconet, pour Vos contemporains Vous avez mis Votre nom à St. Roch ([19]), Monsieur Diderot, effaçons ce nom: à présent les contemporains l'ont vu, peut-être quelqu'un y mettra celui d'un autre. M-r Falconet, une réponse, s'il vous plaît à cette proposition: si vous y mettez un *mais*, elle deviendra épineuse pour votre cause. Vous avez trouvé que vos contemporains souvent n'ont pas raison, et qu'il en est de même de la postérité ([20]). Votre âme fière et vraie en veut à l'approbation du petit nombre des connaisseurs, et pourquoi serait-ce à celle de ceux de votre siècle? que vous ont fait ceux qui les suivront pour ne pas vouloir leur plaire? serait-ce parceque vous ne les connaissez pas, faut-il n'être complaisant qu'avec ceux que vous connaissez, donneriez-vous un coup de poing à un inconnu, et pourquoi donc auriez-vous si peu d'égard pour nos petits-fils? Mais Votre Pierre-le-Grand prouvera à la postérité non-seulement votre bonne volonté pour les contemporains, mais encore votre complaisance pour la postérité, car vous ne vous en tiendrez pas au cheval de terre glaise, mais vous finirez celui de fonte, disant toujours: je fais bien parce qu'il ne faut pas mal faire ce qu'on a entrepris.

правъ сей послѣдній, логика будетъ противъ меня. Но посмотримъ, не спорите ли вы какъ богословы? одинъ говоритъ прямо: я работаю для потомства, я къ этому стремлюсь; другой говоритъ: я не презираю потомства, но собственно не для него прилагаю свое стараніе, я хочу дѣлать хорошо и желаю одобренія современниковъ. И такъ, г. Фальконетъ, для Вашихъ современниковъ Вы связали имя свое съ статуею Св. Рока ([19]), г. Дидеротъ, сотремте это имя, теперь современники уже видѣли его, и напишемте на его мѣсто другое. Г. Фальконетъ, прошу васъ отвѣчать на это предложеніе. Если вы при этомъ скажете *но*, предложеніе это сдѣлается щекотливымъ для васъ. Вы нашли, что современники ваши часто неправы и что тоже можно сказать и о потомствѣ ([20]). Ваша гордая душа хочетъ одобренія маленькаго числа знатоковъ и почему же именно хотите вы чтобы то были люди вашего вѣка? Что вамъ сдѣлали тѣ, которые придутъ послѣ нихъ, чтобы не хотѣть имъ нравиться? Развѣ потому, что вы ихъ не знаете? Развѣ надобно быть снисходительнымъ только для тѣхъ кого знаешь? Ударите ли вы незнакомца? Почему же оказывать такъ мало вниманія внукамъ нашимъ? Но вашъ Петръ I докажетъ потомству не только ваше доброе намѣреніе въ отношеніи къ современникамъ, но и любезность къ потомству, ибо вы не ограничитесь глиняною лошадью, но окончите и литую, всегда говоря съ гордостью: я дѣлаю хорошо, потому что не долженъ дѣлать дурно, что предпринялъ. Но злосчастная эта лошадь,

Mais ce cheval court malgré vous et d'entre vos doigts appliqués sur la terre glaise, tout droit à la postérité, qui en connaîtra, à coup sûr, plus la perfection que les contemporains. Marquez à votre grand ouvrage où vous en étiez lorsque vous reçûtes ce billet; en revenant j'examinerai si cette dernière phrase vous a fait rebrousser chemin. Adieu, Monsieur Falconet, portez-vous bien, je serai bientôt de retour.

C'est un vrai plaisir que de lire une dispute sans aigreur et traitée cependant avec autant de chaleur que d'agrément, je vous renvoie votre livre, grand merci.

№ 7.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 21 Іюня 1767 г.

De St-Pétersbourg, le 21 Juin 1767.

Madame,

Votre Majesté Impériale m'invite à me jeter dans le bras de la postérité, tandis qu'elle fait tout ce qu'il faut pour m'empêcher de lui jeter seulement un coup d'oeil. Je ne veux pour accorder cette contradiction que mériter votre suffrage, la postérité sera contente.

Mon ouvrage de St. Roch est une babiole, en comparaison de la statue de Pierre-le-Grand. C'est de celle-ci que je consens qu'on ôte mon nom, qu'on y mette celui d'un autre et qu'on oublie même que je l'ai faite, pourvu que Votre Majesté ait donné le signe d'approbation et s'en souvienne. Voilà ma réponse sans *mais*, ainsi que vous m'ordonnez de la faire.

вопреки вамъ и между пальцами вашими, касающимися глины, скачетъ прямо къ потомству, которое конечно лучше современниковъ оцѣнитъ ея совершенство. Отмѣтьте на вашемъ большомъ трудѣ гдѣ вы остановились, когда получили эту записку. По возвращеніи я посмотрю на сколько эта послѣдняя фраза заставила васъ пойти вспять. Прощайте, г. Фальконетъ, будьте здоровы, я скоро вернусь.

Читать споръ, чуждый язвительности и не смотря на то полный жара и пріятности, составляетъ настоящее удовольствіе. Съ благодарностью возвращаю вамъ вашу книгу.

№ 7. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество совѣтуете мнѣ броситься въ объятія потомства, а въ то же время Вы не даете мнѣ бросить ей и бѣглый взглядъ. Чтобы согласить это противорѣчіе, я хочу заслужить лишь одобреніе Ваше, тогда потомство уже будетъ довольно.

Работа моя въ церкви Св. Рока пустяки въ сравненіи съ статуею Петра Великаго. Я соглашаюсь однако чтобы имя мое было умолчано, забыто, подмѣнено другимъ, только бы Ваше Величество выразили свое одобреніе и сохранили о томъ воспоминаніе. Вотъ мой отвѣтъ безъ *но*, такъ какъ Вы мнѣ то приказали.

Sans doute qu'il ne faut donner de coup de poing à personne; mais quel mal fait-on à celui qui voit un bon ouvrage qui ne lui a pas été dédié? Je respecte l'Empereur de la Chine, s'il mérite de l'être. Je n'ai cependant jamais pensé à lui pour faire mon modèle, et je ne crois pas qu'en cela j'aie *manqué d'égard* pour l'Empereur de la Chine. C'est là, tout juste, l'idée que j'ai de la postérité, relativement aux beaux-arts.

Il y a des actes qui ne peuvent être faits qu'en vue de la postérité. Pierre Ier déplaisait à ceux qui l'environnaient; mais le grand homme voyait ceux qui n'étaient pas encore et qui le bénissaient. Le philosophe qui conduit des aveugles hors du chemin de la sottise est frappé de leur bâton, mais la postérité lui en tient bon compte. Il n'est pas étonnant que Votre Majesté soit enthousiaste de ces vertus: ce sont les siennes. Mais le plus ou moins de succès d'une statue intéresse peu l'humanité. C'est toujours un mémorial du héros représenté; ce qui peut arriver de pire, c'est que, si la statue est très-mauvaise, elle décèlera le mauvais goût de ceux qui auront choisi le statuaire, et les beaux-arts futurs auront un objet d'instruction et d'émulation de moins.

Non, Madame, Votre dernière phrase ne me fera pas *rebrousser chemin.* Je n'ai jamais dit, ni pensé que je ne voulais pas aller à la postérité. Si je marche de compagnie avec ceux qui y vont, il est démontré que j'irai comme eux. Diderot y court et dit: Je cours à la postérité. Je cours avec

---

Конечно никого не слѣдуетъ бить кулакомъ, но какое же дѣлаешь зло человѣку, показывая ему произведеніе, не ему посвященное. Уважаю Китайскаго Императора, если онъ того заслуживаетъ, но тѣмъ не менѣе никогда я о немъ не думалъ, дѣлая свою модель и не думаю, чтобы въ этомъ случаѣ я оказалъ непочтеніе Китайскому Императору. Вотъ мысль моя объ искусствѣ, относительно сужденій потомства.

Есть такія дѣянія, которыя совершаются лишь для потомства. Петръ I не нравился окружавшимъ его современникамъ, но великій человѣкъ видѣлъ тѣхъ, кои не существовали еще и благословляли его. Философу, уводящему слѣпцовъ съ путей безсмыслія, приходится терпѣть палочные удары; но потомство возблагодаритъ его. Не мудрено, что Ваше Величество восторгаетесь этими добродѣтелями; онѣ — ваши. Но бóльшій или мéньшій успѣхъ статуи мало интересуетъ человѣчество. Она всегда памятникъ изображаемаго героя; что можетъ случиться худшаго, такъ это то, что ежели статуя очень дурна, то она будетъ указывать на безвкусіе избравшихъ ваятеля, и изящныя искусства будутъ имѣть, въ будущемъ, однимъ предметомъ меньше для назиданія и соревнованія.

Нѣтъ, Государыня, послѣдняя фраза Ваша не заставитъ меня обратиться вспять. Я никогда не говорилъ и не думалъ, что не хочу перейти въ потомство. Если я иду въ обществѣ съ тѣми, кои туда направляются, то я несомнѣнно дойду туда же. Дидеротъ бѣжитъ и говоритъ: я устремляюсь къ потомству; я бѣгу съ нимъ и не говорю ни слова. Иные люди разговариваютъ на ходу, другіе не открываютъ рта.

lui, et je ne dis mot. Il y a des gens qui parlent en marchant et d'autres qui n'ouvrent pas la bouche.

Votre Majesté et ma conscience, voilà ma postérité (l'autre viendra quand elle voudra). Qu'il s'y joigne quelques suffrages recommandables, ils seront les très-bien venus. C'est mon dernier mot que je Vous supplie, Madame, de vouloir bien entendre et croire; parce que c'est l'expression de mon âme, et mon âme est vraie.

№ 8.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 3 Августа 1767 г.

A Moscou, ce 3 d'Août 1767.

M-r Falconet, j'ai tant remis d'un jour à un autre à Vous faire ma réponse, j'ai tant changé de gîtes ce printemps([21]) qu'il n'y a que ce matin que j'ai déterré d'entre mes papiers Votre dernière lettre. Mais, avant toute chose, sachez et ne doutez plus que je retournerai à l'entour de Noël à Pétersbourg; et il n'y a eu aucun doute réel sur ce retour, mais il y a ici des nouvellistes, tout comme à Paris qui voient, ou peu s'en faut, la lune en plein jour et qui raisonnent d'après ce qu'ils prétendent voir. Dites-moi, je Vous prie, n'y a-t-il point de réponse de M-r Diderot? Je renonce, non pas à la postérité, mais à la dispute sur la postérité, puisque Vous y courez sans dire mot. Vos désirs muets seront, je crois, remplis, et Pierre Ier Vous y mènera lui-même. Votre Majesté, dites-Vous, et ma conscience,—voilà ma postérité, et *l'autre viendra quand elle voudra*. Je crois.

Ваше Величество и моя совѣсть, вотъ мое потомство (а то пускай придетъ когда ему вздумается), да присоединятся къ нимъ нѣсколько достопочтенныхъ отзывовъ, я имъ буду душевно радъ.

Вотъ мое послѣднее слово, которое прошу Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, выслушать и которому умоляю Васъ вѣрить, потому что оно есть выраженіе души моей, а душа моя правдива.

№ 8. Г. Фальконетъ, я столько со дня на день откладывала отвѣчать вамъ, столько нынѣшней весной перемѣнила жилищъ([21]), что только сегодня утромъ отрыла въ своихъ бумагахъ послѣднее письмо ваше. Но прежде всего знайте и не сомнѣвайтесь, что я около Рождества возвращусь въ Петербургъ, да и не было никакого истиннаго сомнѣнія въ этомъ возвращеніи; но и здѣсь, также какъ въ Парижѣ, есть вѣстовщики, которые среди бѣлаго дня видятъ луну и которые разсуждаютъ, смотря по тому, что имъ кажется видѣть. Скажите мнѣ пожалуйста: нѣтъ ли отвѣта отъ г. Дидерота. Я отказываюсь не отъ потомства, но отъ спора о потомствѣ, потому что вы перейдете къ потомству, не говоря ни слова. Ваши нѣмыя желанія, я думаю, будутъ исполнены и Петръ I самъ приведетъ васъ туда. Ваше Величество, говорите вы, и моя совѣсть—вотъ мое потомство, *а другое придетъ когда захочетъ.* Я думаю, что

que Vous avez fait de Votre mieux, mais comment pouvez-Vous Vous en remettre à mon suffrage? Je ne sais pas dessiner. Ce sera peut-être la première bonne statue que je verrai de ma vie. Comment pouvez-Vous Vous contenter d'un suffrage si mince? Le moindre écolier en sait plus que moi sur Votre art. D'un côté Vous êtes bien difficile, de l'autre bien peu, ou bien Vous Vous suffirez donc tout seul, puisque *l'autre* est en ligne de compte avec l'eau de la Néva qui passe sous le pont. Adieu, M-r Falconet, portez-Vous bien, je suis si occupée que ces jours-ci j'ai allégé mes épaules d'un grand fardeau (22) que j'ai à peine le temps de Vous dire ces mots.

№ 9.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 16 Августа 1767 г.

De St-Pétersbourg, le 16 Août 1767.

Madame,

Votre Majesté Impériale a regardé, sans doute, comme la plus forte de mes raisons, les quatre mots auxquels elle a daigné répondre et si ma lettre... Mais il s'agit bien ici de ma lettre et de mes raisons! C'est du bonheur et de la gloire que vous assurez à Votre Empire que tous les hommes doivent parler et ils en parleront. C'est de votre retour qui vous rendra enfin à nos désirs que nous devons nous occuper, et nous nous en occupons.

Quum tot sustineas et tanta negotia *sola*, res *Russias*... moribus ornes, legibus emendas, aurait dit Horace à Votre Majesté, s'il fût venu quelques

---

вы исполнили вашъ трудъ какъ могли лучше, но какъ вы можете полагаться на мои мнѣнія? Я не умѣю рисовать. Это можетъ быть будетъ первая хорошая статуя, которую я увижу въ своей жизни. Какъ же вы можете довольствоваться такимъ ничтожнымъ мнѣніемъ. Всякій ученикъ болѣе моего имѣетъ понятія въ вашемъ искусствѣ. Съ одной стороны вы очень взыскательны, съ другой очень мало. Стало быть вамъ довольно себя одного, потому что *другое* входитъ въ расчетъ съ Невской водой, которая течетъ подъ мостомъ. Прощайте, г. Фальконетъ, будьте здоровы. Я такъ занята, что едва освободила свои плечи отъ большаго бремени (22), и лишь едва имѣю время сказать вамъ эти нѣсколько словъ.

№ 9. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Величество, безъ сомнѣнія, приняли за сильнѣйшій изъ моихъ доводовъ тѣ четыре слова, на которыя Вамъ угодно было отвѣчать мнѣ, и если письмо мое... Но не о письмѣ моемъ и не о доводахъ моихъ можетъ идти рѣчь! О счастіи и славѣ, кои вы упрочиваете за Имперіею Вашею, должны и будутъ говорить всѣ люди. Намъ слѣдуетъ предаться и мы предаемся мысли о возвращеніи Вашемъ, которое наконецъ увѣнчаетъ желанія наши.

Когда ты одна несешь бремя столькихъ дѣлъ на пользу Россіи... украшаешь ее обычаями, исправляешь законами, сказалъ бы Горацій Вашему Величеству, еслг

siècles plus tard et la flatterie n'y aurait pas eu plus de part qu'elle n'y en eut lorsqu'il s'adressait à Auguste qui, alors, méritait l'éloge. Mais je fais parler Horace en latin. Pourquoi pas, puisque c'est sa langue et qu'elle est entendue.

Ce n'est ni ma lettre ni la dispute sur la postérité que je veux reprendre. Mais Votre Majesté me fait une question, il faut répondre. *Comment pouvez-vous vous en remettre à mon suffrage, je ne sais pas même dessiner?* Voici comment.

On n'a pas besoin du dessin pour dire voilà un bel homme, quand on voit un bel homme. On ne prend pas le crayon pour connaître un caractère, une action, une passion, une expression quelconque, parce que l'habitude a si bien dessiné tous ces objets dans la mémoire qu'on ne saurait les méconnaître. Les voit-on représentés, on les juge comme autant de portraits de sa connaissance. Surtout quand on a un discernement aussi juste, un tact aussi fin que je l'ai admiré tant de fois. S'il y a des détails qui tiennent absolument au technique, et qui ne sont bien connus que des gens du métier; ce sont des moyens d'exécution qui, loin d'empêcher, aident tous les yeux à mieux juger par l'intérêt que ces moyens jettent dans l'ouvrage.

Si je suis difficile en me voulant moi-même pour juge, il est donc démontré que je le suis bien davantage en voulant aussi Votre Majesté. Ce n'est point le suffrage de l'Impératrice qui me touche le plus, quoiqu'il soit

---

онъ родился нѣсколькими вѣками позже, и лесть была бы столько же чужда словамъ его, какъ и тогда, когда онъ обращалъ ихъ къ заслуживавшему въ ту пору хваленія Августу. Но я заставляю Горація говорить по-латыни. А почему же бы и не такъ, вѣдь то его языкъ и Вы ему внемлете.

Я не хочу продолжать ни письма моего, ни спора о потомствѣ. Ваше Величество предлагаете мнѣ вопросъ, надо отвѣчать: «Какъ можете вы полагаться на мое сужденіе, я даже не умѣю рисовать». Вотъ какъ.

Нѣтъ надобности въ рисованіи чтобы сказать: вотъ красивый человѣкъ, при видѣ красиваго человѣка. Не берутъ въ руки карандаша чтобы познать характеръ, поступокъ, страсть, какое-либо выраженіе, потому что привычка такъ хорошо начертила всѣ эти предметы въ памяти, что ихъ нельзя не распознать. Ихъ изображенія невольно представляются портретами знакомыхъ. Особливо когда обладаешь тѣмъ вѣрно-разборчивымъ умомъ, тѣмъ тонкимъ чутьемъ, которымъ я столь часто имѣлъ случай дивиться. Если нѣкоторыя подробности чисто техническаго свойства извѣстны только людямъ, посвятившимъ себя дѣлу, то онѣ составляютъ лишь средства исполненія, которыя не препятствуютъ, а пособляютъ всякому глазу лучше судить, придавая привлекательность произведенію.

И такъ если я не снисходителенъ, избирая себѣ судьею самого себя, то очевидно строгость моя не оскудѣваетъ, желая имѣть судьею Ваше Величество. Меня затрогиваетъ за живое не отзывъ Императрицы, какъ онъ ни достоинъ уваженія,

infiniment respectable; c'est le Vôtre, Madame, c'est celui de cet être doué de la meilleure organisation possible. Je ne demande pas ce suffrage précieux; je travaille pour le mériter. Si je l'obtiens, je défierai les plus heureux et les plus célèbres artistes.

Oui, Madame, tant que le bronze de Pierre I-r et celui de Catherine Seconde dureront; on lira au bas *F. fecit.* Ce petit nom se trouvera encore au bout de quelques lignes dans quelques coins des archives littéraires. Oh! cela est certain, Diderot m'en assure; mais *c'est l'eau de la Néva qui passe sous le pont.* La goutte qui m'est destinée, qui n'est pas encore sortie de la source, viendra-t-elle jusqu'à moi? ne sera-t-elle pas évaporée ou puisée en chemin? Si elle passe elle sera pour d'autres qui la boivent, peut-être à ma santé: Grand bien leur fasse, je les en remercie d'avance, et je m'en tiens pour le plus sûr, au suffrage qui ne sait pas dessiner. Ce témoignage et le mien me répondront de tous ceux dont je ne me soucie.

Je n'ai d'autre réponse de M. Diderot que la lettre que j'ai envoyeé ces jours-ci à M. le Général: peut être que M. de la Rivière en apportera une (23). Quoiqu'il en soit, il ne paraît pas que M. Diderot eût reçu la lettre de M. de Betzky lorsqu'il écrivait celle que j'envoie à Moscou avec celle de M. de Bourlamaque (24).

J'avais cru trop légèrement que *la lettre sur les* panégyriques pouvait

---

нѣтъ, меня смущаетъ одобреніе Ваше, одобреніе существа столь щедро одареннаго. Я не выпрашиваю лестный приговоръ, я тружусь чтобы заслужить его. Если я его удостоюсь, то почту себя достойнымъ зависти для самыхъ счастливыхъ и знаменитыхъ художниковъ.

Да, Всемилостивѣйшая Государыня, покуда бронзовыя изображенія Петра I и Екатерины II будутъ существовать, до тѣхъ поръ подъ ними читать будутъ: «Ф. дѣлалъ». Это негромкое имя отыщется еще подъ какими нибудь строками, въ какомъ нибудь уголкѣ литературнаго архива. Это несомнѣнно, въ томъ меня увѣряетъ Дидеротъ; но *это невская вода текущая подъ мостомъ.* Предназначенная мнѣ капля, непокинувшая еще родника, достигнетъ ли до меня? не испарится ли она или не будетъ зачерпнута на пути? Если она протечетъ мимо, то достанется другимъ, кои быть можетъ выпьютъ ее за мое здоровье. Да благо имъ будетъ, благодарю ихъ заранѣе и держусь того что вѣрнѣе, держусь оцѣнки незнающей рисованія. Этотъ и мой собственный приговоръ замѣняютъ для меня всякое иное сужденіе, къ которому я равнодушенъ.

Отъ Дидерота не имѣю иного отвѣта, какъ письмо посланное мною на дняхъ Генералу; быть можетъ г. де-ла-Ривьеръ привезетъ что нибудь (23). Какъ бы то ни было, повидимому Дидеротъ не получалъ письма отъ Бецкаго, когда писалъ то, которое я посылаю въ Москву вмѣстѣ съ письмомъ Бурламаки (24).

Я слишкомъ опрометчиво предположилъ что письмо о панегирикахъ писано Да-

être de M. d'Alembert; M. le Général m'en a envoyé un autre exemplaire; je l'ai relu, elle est de M. de Voltaire.

№ 10.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 30 Сентября 1767 г.

De St-Pétersbourg, le 30 Septembre 1767.

Madame,

Les dieux savent toujours la vérité; on devrait toujours la dire aux souverains qui les représentent, et ceux à qui on doit la faire ne devraient pas régner. Il y a longtemps qu'on le sait: le fait-on davantage?

Le philosophe de Votre Majesté Impériale, qui vous dira toujours vrai, vient de m'envoyer 20 pages où il y a bien 20 folies. Il n'importe; ce sont au moins 20 vérités. Elles vous sont dues, Madame, et votre sculpteur, qui, par parenthèse, ne répond plus de sa tête, *confie* les 20 pages de son ami à Votre Majesté Impériale. Il ose se servir du terme *confier*; parce qu'il y a dans la lettre de Diderot des choses sacrées, qui ne doivent sortir du sein des deux amis que pour être confiées à leur souveraine.

№ 11.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 15 Октября 1767 г.

De St-Pétersbourg, le 15 Octobre 1767.

Madame,

A tant de douceurs que Votre Majesté Impériale à répandues sur mes jours, elle joint encore celle de rendre elle-même témoignage de moi, et

---

ламбертомъ. Генералъ прислалъ мнѣ другой экземпляръ; я перечиталъ его, оно принадлежитъ Вольтеру.

№ 10. Всемилостивѣйшая Государыня,

Боги всегда знаютъ истину; царствующимъ—представителямъ боговъ слѣдовало бы всегда говорить всю правду; тѣ, для коихъ ее приходится сочинять не должны бы царствовать: это давно извѣстно; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы оно дѣлалось.

Философъ Вашего Величества, который всегда будетъ правдивъ предъ Вами, прислалъ мнѣ двадцать страницъ, въ коихъ конечно есть двадцать нелѣпостей. Что за бѣда; это по меньшей мѣрѣ двадцать истинъ.

Онѣ подобаютъ Вамъ Государыня, и Вашъ скульпторъ, который, въ скобкахъ, не отвѣчаетъ за свою голову, ввѣряетъ Вашему Величеству двадцать страницъ писаныхъ его пріятелемъ. Онъ дерзаетъ употребить выраженіе: «ввѣряетъ», потому, что въ письмѣ Дидерота есть вещи священныя, могущія быть довѣрены двумя друзьями только своей Государынѣ.

№ 11. Всемилостивѣйшая Государыня,

Къ столькимъ милостямъ пролитымъ Вашимъ Величествомъ на дни мои, Вамъ присовокупить еще личный Вашъ, лестный обо мнѣ отзывъ и отзывъ этотъ

ce témoignage Auguste opère un miracle. M-me de Geoffrin me voit de l'esprit, des talents, de la vertu, de la philosophie. Elle oublie tout net que le sculpteur *est bête*. C'est qu'apparemment il n'est pas possible de le rester sitôt qu'on a le bonheur d'aprocher Votre Majesté Impériale.

Daignez, Madame, agréer la reconnaissance la plus vive d'un changement qui m'attire les premières douceurs d'une dame qui fait *chez nous* les belles réputations. Mais daignez aussi compatir au sort qui borne à la durée de ma vie l'hommage que je rends à vos vertus sublimes.

№ 12.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 12 Октября 1767 г.

A monsieur de Falconet: à Moscou, 12 Octobre 1767.

Vous voudrez bien peut-être ne pas me faire tort, et pensez que je sais sentir, et que quand on me donne des marques d'estime aussi peu douteuses que celles que Vous venez de me témoigner en me confiant la lettre du Philosophe, je sais comprendre d'où cela part et à quoi cela m'engage; enfin, en un mot comme en cent, soyez assuré, et de ma reconnaissance et de ma discrétion. Cependant, je regrette et le Philosophe, et quoiqu'il en dise, son ouvrage; je ne sais ce qu'il a pu voir dans la lettre du g. Betzky, mais je n'ignore pas que je n'ai jamais refusé cette besogne; je prie mon sculpteur de redresser mon Philosophe sur cet article qui est faux. Mais pourquoi la tête tournerait-elle au premier? Je ne crois pas cela: une tête

---

производитъ чудеса. Г-жа Жоффренъ видитъ во мнѣ умъ, таланты, добродѣтель, философскія знанія. Она внезапно забываетъ, что скульпторъ «глупъ». По всей вѣроятности таковымъ нельзя оставаться какъ скоро имѣешь счастіе приблизиться къ Вашему Императорскому Величеству.

Благоволите принять живѣйшую благодарность о перемѣнѣ, которая доставляетъ мнѣ впервые любезность барыни созидающей *у насъ* репутаціи. Но благоволите также пожалѣть о моей участи, ограничивающей предѣлами жизни хваленіе воздаваемое мною Вашимъ чудеснымъ достоинствамъ.

№ 12. Не извольте меня обижать, а будьте убѣждены что я умѣю чувствовать и что когда мнѣ выказываютъ уваженіе столь явно какъ вы, ввѣривъ мнѣ письмо философа, то я понимаю и побужденія къ этому поступку и въ какой степени онъ меня обязываетъ; однимъ словомъ будьте увѣрены и въ моей благодарности и въ томъ, что я васъ не выдамъ. Тѣмъ не менѣе жалѣю и философа и трудъ его, что онъ ни говоритъ. Не знаю что онъ могъ найти въ письмѣ г. Бецкаго, но не сомнѣваюсь въ томъ, что никогда не отказывала эту работу, прошу моего скульптора разувѣрить моего философа относительно этого предмета несогласнаго съ дѣйствительностью. Но съ чего бы закружилась голова у перваго? Я этому не вѣрю, г

bien vraie ne saurait tourner, et la vôtre, je Vous jure autant que je la connais, est de ce nombre; et puis, en Russie, l'on dit que je puis tout; j'ai écrit et j'ai signé qu'un souverain ne doit rien vouloir qui ne tende au bien, je ne veux pas que votre tête tourne, je lui défendrais de tourner, si cette défense ne sentait trop le Despotisme, il ne faut pas qu'elle tourne, cette bonne tête; cela serait le mal, non le bien, que nous voulons, pourtant toutes les deux, contentez-vous de ces raisons-là en attendant que je revienne; après mon retour, au mois de Janvier, nous ferons plus au long la belle conversation, et quand j'aurai vu le grand Empereur et sa bête spirituelle nous aurons plus d'une matière à discuter et à déterminer.

Dans la lettre du Philosophe, il dit: c'est moi qu'on veut, non mon ouvrage; et par quelle contradiction ne voudrais-je pas son ouvrage? lorsque j'ai offert aux Encyclopédistes de faire imprimer ce livre-ici, et qu'à présent quantité de personnes se sont cottisées à Moscou pour traduire tant qu'ils pourront d'articles de ce dictionnaire en Russe et qu'il y a déjà un volume qui se vend et un autre sous presse. J'estimais infiniment M. Diderot, je l'estime encore plus après la lecture des 20 pages, son aveu sincère est un effort héroïque; il viendra quand il pourra et il sera toujours le bienvenu; je n'aurai pas le coeur de lui conseiller de faire son propre malheur ni celui *des autres*. Je crois le Pr. Gallitzin suffisamment instruit pour les achats des différentes collections que Votre ami Vous propose (25). Je renonce

---

голова не должна кружиться, а ваша увѣряю васъ такова, сколько я ее знаю; къ тому же въ Россіи говорятъ, я всемогуща; я написала и подписала что государь можетъ желать лишь добра, я не хочу чтобъ голова ваша кружилась, я запретила бы ей кружиться, если бы запрещеніе это не отзывалось деспотизмомъ, не слѣдуетъ этой доброй головѣ кружиться, то было-бъ зло, а не добро, котораго мы оба желаемъ. Довольствуйтесь этими доводами во ожиданіи моего возвращенія, по возвращеніи моемъ въ январѣ мы потолкуемъ на просторѣ, а послѣ того какъ я увижу великаго императора и его умнаго звѣря намъ придется многое обсудить и рѣшить.

Въ письмѣ свомъ философъ говоритъ: «хотятъ меня самого, а не мой трудъ, да по какому же противорѣчію я не хочу труда его? Когда я предлагала енциклопедистамъ напечатать эту книгу здѣсь, когда множество лицъ сложились въ Москвѣ, чтобы перевести на русскій языкъ возможно большое число статей этого словаря, когда одинъ томъ уже поступилъ въ продажу, а другой печатается. Я очень уважала г. Дидерота, уважаю его еще больше по прочтеніи его двадцати страницъ, его чистосердечное сознаніе есть героическое усиліе; пускай онъ пріѣзжаетъ когда хочетъ, у меня не хватаетъ духа совѣтывать ему быть самому и «дѣлать другихъ» несчастными. Я считаю князя Голицына довольно свѣдущимъ для покупки коллекцій предлагаемыхъ вашимъ пріятелемъ (25). Отказываюсь не отъ произведеній Грёза, но отъ

non aux ouvrages de Greuze, mais bien au personnage et a sa digne moitié (26). J'ignorais que Vanloo (27) fût au monde lorsque le g. Betzki reçut la lettre à son sujet du Pr. Gallitzin, mais s'il ne fait que des portraits, nous pourrions bien nous en passer pour l'Académie.

La difficulté que trouve le Pr. Gallitzin (28) à traduire du français en Russe, vient de ce qu'il ignore comme la plupart de nos seigneurs sa propre langue, qui cependant n'a pas sa pareille, je pense, en richesse; je n'ose citer mon propre ouvrage, la grande instruction pour la composition des Lois; demandez aux Russes il n'y a pas un mot étranger et cependant la matière n'est pas des plus simples et j'espère qu'on n'y prendra pas un mot pour un autre.

Adieu, Monsieur Falconet, soyez bien assuré que je me hâterai de revenir à Pétersbourg en grande partie pour votre ouvrage et que je me réjouis d'avance de jaser avec vous sur bien des choses, mais puisque vous me confiez les secrets de vos meilleurs amis, dites-moi votre avis sur M. de la Rivière (29), entre nous soit dit, je souhaite qu'il ne le prenne pas sur un ton trop haut, car d'ailleurs il pourrait me devenir inutile; voyez un peu, je vous prie, ce qui en est, et si cette commission ne vous est pas agréable, prenez-vous-en au ton amical, que vous avez pris avec moi, je vous rends confiance pour confiance; soyez y aussi sensible que moi, et n'ayez point d'humeur.

него самого и его достойной половины (26). Я не знала о существованіи Ванлоо (27) до полученія Бецкимъ письма о немъ отъ князя Голицына, но если онъ пишетъ одни портреты, то мы можемъ обойтись безъ него въ академіи.

Затрудненія встрѣчаемыя княземъ Голицынымъ (28) при переводѣ съ французскаго на русскій происходитъ отъ того, что онъ подобно большинству нашихъ вельможъ не знаетъ своего собственнаго языка, который богаче всякаго инаго; не смѣю указывать ьа свое собственное сочиненіе, наказъ для составленія уложенія; спроситс у русскихъ, въ немъ нѣтъ ни одного иностраннаго слова, несмотря на то, что предметъ не изъ самыхъ простыхъ, а между тѣмъ, надѣюсь, что ни одно слово не будетъ принято за другое.

Прощайте господинъ Фальконетъ, будьте увѣрены, что я потороплюсь вернуться въ Петербургъ главнымъ образомъ для вашей работы и буду очень рада поболтать съ вами о многомъ, но такъ какъ вы ввѣряете мнѣ секреты лучшихъ друзей вашихъ, то скажите мнѣ свое мнѣніе о г. Ривьерѣ (29), между нами желаю чтобы онъ не слишкомъ заважничался, тѣмъ болѣе, что онъ могъ бы сдѣлаться мнѣ ненужнымъ, пособразите-ка это и если это порученіе вамъ непріятно, то пеняйте на дружескій вашъ со мною тонъ, я отвѣчаю вамъ довѣріемъ на довѣріе, будьте къ тому также чувствительны какъ я и не морщитесь.

№ 13.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 18 Октября 1767 г.

De St-Pétersbourg, le 18 Octobre 1767.

Madame,

L'ordre de Votre Majesté Impériale me serait des plus aisés à exécuter, si je pouvais mettre à part ce qui a précédé et ce qui environne M. de la Rivière. Ne voyant que l'homme isolé, je pourrais dire, cette vivacité, cette inquiétude ne lui est suggérée par les fantaisies ou les besoins de personne. Mais quand on est accompagné, qu'on a été précédé, on n'est pas absolument soi.

Un peu trop d'amour-propre ou de confiance (il serait bien pardonnable), jetterait-il quelque inconséquence dans sa conduite? Je n'en sais rien. L'importance de sa mission lui ferait-elle prendre un ton toujours observé, dans un étranger qui met pied à terre, par des hommes dont l'extérieur est encore simple et souvent modeste? Je n'en sais rien. Ce que je crois voir, c'est que son âme est droite et que tout le monde n'est pas disposé à la juger favorablement.

Ce qu'on écrit de Paris, et le titre de l'ouvrage, suppose un homme du premier mérite, je ne l'ai pas encore lu. Quant à sa science politique, je n'ai pas le tact qu'il faut pour toucher cette grande corde, et lui faire rendre des sons sublimes. Il me dit que si Votre Majesté veut le mettre à

№ 13. Всемилостивѣйшая Государыня,

Приказаніе Вашего Величества мнѣ было бы весьма легко исполнить, если бы я могъ отбросить все, что предшествовало пріѣзду г. Ривьера и все то, что его окружаетъ нынѣ. При видѣ отдѣльнаго человѣка, я могъ бы сказать, эта живость, это безпокойство не внушены ему ничьими прихотями или расчетами. Но когда Васъ сопровождаютъ, Вамъ предшествуютъ, то Вы перестаете быть исключительно самимъ собою.

Небольшой излишекъ самолюбія или довѣрчивости (весьма впрочемъ простительный) дѣлаетъ-ли поведеніе его непослѣдовательнымъ? Не знаю. Значеніе его задачи придаетъ-ли ему такой тонъ, который въ иностранцѣ, только что пріѣхавшемъ бросается въ глаза даже людямъ повидимому простымъ и не рѣдко скромнымъ. Не знаю и того. На мой взглядъ душа его пряма, а судить его благосклонно расположе- [illegible]

[illegible] немъ пишутъ изъ Парижа, а также заглавіе его книги, которой я [illegible]италъ еще, заставляютъ предполагать, что онъ человѣкъ первостепен[illegible]тва. Что касается его политическихъ знаній, то мое умѣнье недоста[illegible]коснуться этой струны и извлечь изъ нея стройные звуки. Онъ гово-

l'ouvrage, il avancera beaucoup en deux ans, dans une besogne où il pense qu'il y a encore tout à faire. L'un serait-il possible? l'autre serait-il vrai?

Oui, Madame, je suis aussi sensible que Vous. Hé! comment ne le serais-je pas? Vous me croyez un de vos bons serviteurs. Je ne sais si ma reconnaissance prend un beau voile, ou si un sentiment supérieur à la reconnaissance me consacre entièrement à Votre Majesté; mais je sens pour la première fois le déplaisir de n'être que sculpteur. Je ne méprise pas mon métier: il marche avec l'image de ce qu'il y a de plus grand au monde. Mais je voudrais que d'autres talents me rendissent plus propre encore à servir aux vues sublimes de Catherine Seconde.

Lorsque *je ne répondais plus de ma tête*, je faisais allusion à celle que M-lle Collot doit faire en marbre ([30]). Que sais-je ce qu'un jour elle deviendra?

Diderot me permet de confier à Votre Majesté un secret que chacun ne doit pas savoir. Diderot écrit en même temps au G. Betzky que je lui communiquerai ce secret, et M. le G. m'envoie la lettre de Diderot. Le philosophe de Paris connaît les maisons de Paris... J'attends les ordres de Votre Majesté pour savoir si j'enverrai ou non les 20 pages à S. E.

Si on offrait à un particulier toutes les planches d'un graveur de 60 ans, et que ce particulier fût mon ami, je lui dirais: on ne veut vous vendre que

---

рить мнѣ, что если Вашему Величеству угодно дать ему работу, то онъ въ два года сильно подвинетъ дѣло, въ коемъ еще ничего не сдѣлано. Возможно-ль первое? Справедливо-ли второе?

Да, Государыня, я столько же чувствителенъ какъ и Вы. Да и какъ не быть мнѣ чувствительнымъ? Вы почитаете меня однимъ изъ вашихъ добрыхъ слугъ. Не знаю кутается ли моя благодарность въ изящное покрывало или чувство превосходящее благодарность влечетъ меня посвятить себя всецѣло Вашему Величеству и я впервые ощущаю неудовольствіе при мысли, что я только скульпторъ. Я не презираю своего ремесла: его шествіе осѣняется изображеніемъ всего, что ни на есть великаго на свѣтѣ. Но мнѣ хотѣлось бы обладать такими талантами, кои дали бы мнѣ возможность ближе служить видамъ Екатерины II.

Говоря, что я не отвѣчаю за свою голову, я подразумѣвалъ ту, что г-жа Колло должна исполнить изъ мрамора ([30]). Какъ знать что съ ней станется?

Дидеротъ позволяетъ мнѣ довѣрить Вашему Величеству тайну, которая не должна быть извѣстна всѣмъ. Дидеротъ вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ г. Бецкому, что я сообщу ему эту тайну и г. Бецкій присылаетъ мнѣ письмо Дидерота, парижскій философъ знаетъ парижскіе дома... Ожидаю приказаній Вашего Величества о томъ, посылать ли 20 страницъ Его Превосходительству.

Если бы кому-либо изъ друзей моихъ предлагали купить всѣ доски шестидесятилѣтняго гравера, то я сказалъ бы ему, вамъ хотятъ продать одну мѣдь, доски по

du cuivre; des planches, pour la plupart usées, ne sont guère autre chose; mais l'Impératrice de toutes les Russies peut jeter de l'or, et je puis me tromper, et le Pr. Galitzin peut ne l'être pas.

Je ne le demanderai pas aux Russes; ils me l'ont dit de plénitude d'âme, que cet ouvrage que je lirai sans doute un jour en Français, est un exemple des richesses de leur langue. M. Serge Glebow ([31]) a versé des larmes en le lisant, et ce n'était pas la partie grammaticale qui les lui faisait répandre; c'était ces principes de gouvernement puisés dans le sein maternel de sa souveraine.

Je crois devoir entendre et non pas attendre les ordres de Votre Majesté pour savoir si je dois envoyer ou non les 20 pages à M. le G. En conséquence, je joins ici copie de ce que je lui écrit à ce sujet.

M. Je vous suis très-obligé de la lettre de M. Diderot. Si j'eusse été derrière lui quand il l'écrivait, je lui aurais dit; mon ami, fais en une autre. Pourquoi donner M. de la Rivière comme un homme, en quelque sorte, exilé de son pays, puisqu'il n'a un congé que pour deux ans? Pourquoi faire entrevoir qu'il se ferme les portes de France, quisque cela n'est pas? Le zèle pour nos amis doit avoir une proportion assez juste pour ne leur être pas désavantageux. M. de la Rivière ne dit point qu'il soit mécontent du ministère: Diderot a donné ses craintes pour des réalités.

большей части истертыя ничто иное какъ мѣдь; но Императрица Всероссійская может сорить золотомъ, я могу обманываться а князь Голицынъ быть можемъ не ошибается.

Я не стану допрашивать русскихъ; они говорили мнѣ отъ глубины души, что упоминаемое сочиненіе, которое я безъ сомнѣнія когда-либо прочитаю по-французски составляетъ образчикъ богатства русскаго языка. Сергѣй Глѣбовъ ([31]) проливалъ слезы читая его и не изъ-за грамматической части а изъ-за правительственныхъ началъ почерпнутыхъ въ материнскомъ сердцѣ Государыни.

Я желалъ бы уразумѣть, а не дождаться приказаній Вашего Величества чтобы узнать долженъ ли я или не долженъ посылать Дидеротовы 20 страницъ. Согласно съ тѣмъ прилагаю копію съ того что мною уже было писано.

Я очень обязанъ Вамъ за письмо Дидерота. Если бы я стоялъ за нимъ въ то время какъ онъ писалъ его, то я сказалъ бы ему, другъ мой, напиши другое. Зачѣмъ выдавать Ривьера за человѣка какъ будто высланнаго изъ своей страны, когда онъ имѣетъ всего отпускъ на два года. Зачѣмъ намекать на то, что онъ будто закрываетъ себѣ двери Франціи, когда это не такъ? Усердіе наше на пользу друзей переходя за извѣстные предѣлы приноситъ имъ вредъ. Г. Ривьеръ не говоритъ что онъ не доволенъ министерствомъ: Дидеротъ выдаетъ свои собственныя опасенія за дѣйствительность.

La lettre qu'il consent que je fasse lire à V. E. avait trop des folies. Elle peignait d'un air trop leste quelques personnes, le gouvernement, et quelque chose de mieux. Je n'ai pas voulu qu'un beau jour, la postérité trouve cette relique dans mes papiers. Je suis, sur cet article, un peu plus poltron que Diderot. J'ai jeté sa lettre au feu avant d'avoir vu ce qu'il vous écrit.

L'homme qu'il propose c'est M. Grimm (32). Le portrait qu'il en fait, est je crois fort exact. Toujours est-il certain que c'est un des hommes dont la société est de la plus grande douceur.

№ 14.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 4 Ноября 1767 г.

A Moscou, ce 4 Novembre 1767.

Monsieur Falconet, les trois incluses répondront suffisamment aux trois premiers paragraphes de votre lettre du 18 Octobre 1767 et disculperont M. Diderot, votre ami, sur les reproches que vous lui avez faits; l'on ne peut être en même temps et au bon Dieu et au Diable, dit, s'il m'en souvient bien, l'Evangile. Vous me remerciez du ton de confiance que j'ai pris avec vous, mais c'est à moi à vous remercier de ce que Vous me distinguez du nombre de mes confrères qui la plupart sont, dit-on, peu propres à devenir les confidents des gens de mérite.

Письмо которое онъ уполномочиваетъ меня показать Вашему Превосходительству было слишкомъ безразсудно. Оно изображало слишкомъ ѣдко нѣсколько лицъ, правительство и даже кой кого почище. Я не захотѣлъ чтобы въ одинъ прекрасный день потомство отыскало подобную святыню въ моихъ бумагахъ. На этотъ счетъ я боязливѣе Дидерота. Я бросилъ письмо его въ огонь прежде прочтенія того, что онъ Вамъ пишетъ.

Предлагаемый имъ человѣкъ — Гриммъ (32). Изображеніе его, по моему мнѣнію, весьма вѣрно. При всемъ томъ несомнѣнно, что это одинъ изъ самыхъ обходительныхъ людей.

№ 14. Господинъ Фальконетъ. Три у сего прилагаемыя письма послужатъ достаточнымъ отвѣтомъ, на три первые параграфа письма вашего отъ 18 октября 1767 г. и оправдаютъ г. Дидерота, вашего друга, отъ дѣлаемыхъ ему вами упрековъ; не можете служить Богу и мамонѣ сказано, сколько помнится, въ Евангеліи. Вы благодарите меня за довѣрчивый мой въ отношеніи къ вамъ тонъ, но благодарить слѣдуетъ мнѣ за то, что вы отличаете меня отъ собратій моихъ, по большей части, какъ говорятъ, незаслуживающихъ довѣрія людей достойныхъ.

Gardez les 20 pages de votre ami pour ceux qui les ont lues et ne les faites point lire à... elles sont brûlées selon votre lettre, dont j'ai lu et l'original et la copie. Je reviendrai pour sûr vers la fin de Janvier à St-Pétersbourg et je me réjouis d'avance de voir la course, le coursier, le Législateur ét le buste de celui dont le nom, le visage et les oeuvres iront malgré lui à la postérité. Catherine.

Renvoyez-moi les incluses par la même voie du maître de poste ([33]).

№ 15.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 12 Ноября 1767 г.

De St-Pétersbourg, le 12 Octobre 1767.

Madame,

Votre Majesté Impériale voit ce que produisent les bontés singulières dont elle m'honore. Elles sont cause de l'erreur du Prince Galitzin qui s'appuie sur le roseau. Si j'avais eu le bonheur de mériter auprès de Vous, Madame, j'oserais joindre ma faible voix à celle de mon ami; mais je n'ai rien fait encore: je ne suis rien. Le sort de ce bon Prince est uniquement entre les mains de sa souveraine qu'il adore et qu'il sert de toute son âme, et son âme est bien honnête.

Il m'invite à me joindre, un conseil, sans doute excellent; mais l'Impératrice qui connaît parfaitement les vrais intérêts de sa gloire, n'a pas

---

Сохраните двадцать страницъ вашего пріятеля для тѣхъ кто прочелъ ихъ и не давайте ихъ читать... Онѣ сожжены по вашему письму, которое я читалъ и въ копіи и въ подлинникѣ. Я пріѣду въ Петербургъ навѣрное въ концѣ января и радуюсь заранѣе видѣть коня, его бѣгъ, законодателя и бюстъ того, чье имя, лице и труды наперекоръ его собственному желанію перейдутъ въ потомство.

Пришлите мнѣ обратно прилагаемыя письма тѣмъ же путемъ чрезъ почтмейстера ([33]).

№ 15. Всемилостивѣйшая Государыня.

Ваше Императорское Величество изволитъ усмотрѣть послѣдствіе своихъ чрезвычайныхъ ко мнѣ милостей. Онѣ причиною заблужденія Князя Голицына, который опирается на тростникъ. Если бы я имѣлъ счастіе имѣть какія либо заслуги предъ Вашимъ Величествомъ, то я присоединилъ бы слабый голосъ свой къ голосу своего друга; но я еще ничего не сдѣлалъ: я ничто. Судьба этого добраго Князя исключительно въ рукахъ его Монархини, которую онъ боготворитъ, которой онъ служитъ отъ всей души, а душа его весьма честна.

Онъ уговариваетъ меня поддерживать его просьбу, совѣтъ конечно прекрасный, но Императрица, прекрасно знающая истинные интересы славы своей, не нуждается

besoin du plus habile avocat; son coeur et son génie son bien plus éloquents.

J'ai écrit au Prince, que M-lle Collot n'avait ici rien de réel que les bontés de Votre Majesté. Que des deux seuls portraits qu'elle a faits dans la ville, depuis un an, on ne lui en a payé qu'un. Le Prince qui a déterminé mon élève à s'expatrier, est surpris et fâché de s'être trompé sur une partie des espérances qu'il lui donnait. Voilà l'explication de la fin de sa lettre.

Je ne crois pas devoir la communiquer au Général, dans la crainte, peut-être, qu'il ne désapprouve la conduite du ministre qui ne s'adresse pas uniquement à lui. Le Général est bon, c'est une raison de plus pour que j'éloigne autant que je pourrai et avec le plus grand soin tout ce que je croirai pouvoir lui déplaire.

№ 16.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 13 Ноября 1767 г.

De St-Pétersbourg, le 13 Novembre 1767.

Madame,

Votre Majesté Impériale ne pouvait m'envoyer rien de plus humiliant pour l'humanité. Est-il possible que l'auteur *de l'ordre essentiel* en mette si peu dans sa conduite!

O mon cher compatriote, si vous vouliez démontrer que le cerveau d'un

---

въ адвокатѣ, какъ бы онъ искусенъ ни былъ; ея сердце, геній ея несравненно краснорѣчивѣе.

Я написалъ Князю что Г-жа Колло ничего положительнаго, кромѣ милостей Императрицы не имѣетъ, что изъ числа двухъ сдѣланныхъ ею въ городѣ портретовъ, ей уплатили за одинъ только. Князь, уговорившій мою ученицу покинуть родину, изумленъ, огорченъ тѣмъ, что ошибся во внушенныхъ имъ надеждахъ. Вотъ объясненіе конца его письма.

Я опасаюсь сообщить это письмо Генералу, который можетъ быть недоволенъ поведеніемъ посланника, обращающагося не исключительно къ нему. Генералъ добръ, причиною больше, чтобы старательно отдалить отъ него все что можетъ ему не понравиться.

№ 16. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ничего болѣе унизительнаго для человѣчества, Ваше Величество, не могли прислать мнѣ. Возможно ли, чтобы сочинитель *главнѣйшаго порядка* такъ мало соблюдалъ его въ своемъ поведеніи.

О милый соотечественникъ, если ты хотѣлъ доказать, что мозгъ искуснаго че-

habile homme peut être le siège des plus énormes inconséquences, que ne choissiez-vous un autre sujet?

Si pourtant (comme le présume M. le Comte de Panin) après quelques conversations M. de la Rivière convenait à Votre Majesté, il serait clair que des circonstances, et non pas son propre fonds lui auraient suggéré ses erreurs. Si, au contraire, il tenait trop à des travers, il ne faudrait pas que la gloire de l'Impératrice et l'honneur de ses ministres, reçussent aucune atteinte des torts d'un particulier.

Ce particulier, à coup sûr mécontent, ne s'épuiserait pas en éloges, il conviendrait, alors pour donner publiquement raison à ceux qui l'ont, d'employer d'autres moyens qu'une lettre à lui adressée. Je me garderai bien d'en bégayer un que j'entrevois; parce-que de Cèdre à l'Hysope, la disproportion est effrayante!

Je ne sais si jamais on s'est mieux placé sous le glaive; mais je sais que la réponse de M. le Comte de Panin est aussi accablante qu'elle est juste. Votre Majesté a de pareils hommes et elle en cherche ailleurs: c'est que *quod abundat non vicit.* L'avocat de la postérité, avec toute la chaleur de son éloquence, ne serait pas trop bon pour faire l'apologie (très-nécessaire) de son ami.

A propos de cette postérité, vous croyez, Madame, que *j'irai malgré moi.*

ловѣка можетъ сдѣлаться средоточіемъ крайняго сумасбродства, то почему бы не избрать другого предмета.

Если бы, однако (какъ предполагаетъ графъ Панинъ), послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, если бы г. Ларивьеръ могъ быть на что-либо годенъ Вашему Величеству, то было бы ясно, что обстоятельства, а не нравъ его, внушили ему его ошибки. Если бы, напротивъ, онъ слишкомъ былъ приверженъ къ своимъ недостаткамъ, то не слѣдовало бы славу Государыни и честь ея министровъ подчинять прихотямъ частнаго человѣка.

Этотъ частный человѣкъ, безъ сомнѣнія недовольный, не разсыплется въ похвалахъ, тогда слѣдовало бы для гласнаго оправданія тѣхъ, кои правы употребить другія средства, чѣмъ письмо къ нему написанное. Я не заикнусь объ одномъ средствѣ, мелькающемъ у меня на умѣ, потому что разстояніе между кедромъ и иссопомъ страшно велико.

Не знаю, становился ли кто-либо лучше подъ плаху; но знаю, что отвѣтъ графа Панина на столько же тяжекъ, на сколько справедливъ. Ваше Величество имѣетъ подобныхъ людей около себя; зачѣмъ же искать ихъ въ иномъ мѣстѣ; видно «изобилующее не побѣждаетъ». Адвокатъ потомства со всѣмъ жаромъ своего краснорѣчія не годился бы для написанія апологіи (весьма нужной) своего пріятеля.

Кстати о потомствѣ, такъ Ваше Величество думаетъ, что я волей неволей пе-

Le jour de demain viendra, cela est plus que moralement possible; il est moralement possible que je le passe, et ce ne sera pas malgré moi. Voilà comment j'irai à la postérité, tout naturellement, sans y penser; or, ce ne peut-être malgré moi.

J'aurais bien voulu garder copie des trois lettres; mais je n'ai pas dû le faire sans la permission de Votre Majesté. Qu'il vienne donc, ce mois de Janvier tant promis, tant désiré!

№ 17.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 29 Ноября 1767 г.

A Moscou, ce 29 Novembre 1767.

Monsieur Falconet, je vous dois réponse à deux de vos lettres, la première du 12 la seconde du 13 Novembre, la voici.

Le Prince Gallitzin dont je vous renvoie la lettre n'est point dans l'erreur, quand il vous croit très-capable d'appuyer une chose qu'il désire avec de bonnes et belles raisons; vous possedez ce talent joint à beaucoup d'autres, mais son envie de rester dans les pays étrangers et pour s'instruire et parce qu'il s'y plait, le trompe sur sa situation. Il doit partir de Paris, il n'a pas assez de bien pour voyager, je ne sais d'ailleurs si c'est l'avis de sa famille qu'il dérangerait peut-être, vu qu'il n'est pas riche; d'un autre côté je ne sais si le bureau politique serait assez poli pour employer les

---

рейду къ нему. Завтрашній день придетъ, это болѣе чѣмъ правдоподобно; столько же правдоподобно, что я переживу этотъ день и притомъ не по неволѣ. Вотъ какъ я перейду къ потомству, самымъ простымъ образомъ не думая о томъ, но не наперекоръ своему личному желанію.

Приписка. Очень бы мнѣ хотѣлось сохранить копіи съ извѣстныхъ трехъ писемъ, но не счелъ себя въ правѣ это сдѣлать безъ разрѣшенія Вашего Величества. Да настанетъ этотъ столь обѣтованный, столь желанный Январь мѣсяцъ.

№ 17. Господинъ Фальконетъ. За мною отвѣтъ на два письма вашихъ: первое отъ 12, второе отъ 13 ноября, вотъ онъ:

Князь Голицынъ, котораго письмо я вамъ возвращаю, не ошибается, полагая, что вы способны подкрѣпить его просьбу вѣскими доводами, вы обладаете этимъ талантомъ и притомъ не этимъ однимъ, но желаніе князя остаться за границею и для того чтобы учиться и потому, что тамошняя жизнь ему нравится, обманываетъ его на счетъ его положенія. Онъ долженъ покинуть Парижъ, его средства не позволяютъ ему путешествовать, не знаю при томъ, таковы ли были виды его семейства, дѣла котораго онъ могъ бы легко разстроить, потому что онъ не богатъ, съ дру стороны не думаю, чтобы коллегія иностранныхъ дѣлъ была столь любезна,

sommes destinées à son usage, à faire voyager quelqu'un en faveur des arts et des sciences, je suppose peut-être gratuitement que des oreilles non scientifiques pourraint prendre cela de travers et dire qu'on dissipe à d'autres usages des sommes qui ont leur destination fixée; je crois qu'il s'en trouverait d'assez mal avisés pour crier au désordre, je n'y pourrais rien répondre vu qu'on me présenterait ma signature pour me faire taire. Au bout du compte, je suppose que tel qu'il est, il trouvera dans sa patrie l'occasion d'employer les talents que le ciel lui a donnés.

Je serai de retour au mois de Janvier à Pétersbourg et je promets mes bons offices à M-lle Collot, pour que sa situation soit mieux établie; je vous jure que je la croyais comprise dans un traité formel.

Je vous envoie non-seulement les pièces dont vous m'avez demandé copie, mais encore la réponse de M. de la Rivière à la lettre du C-te Panin, vous verrez comme l'auteur de l'ordre essentiel bat la campagne en long et en large. Mais au moins, faites réparation à votre ami Diderot de l'avoir soupçonné d'avoir fait passer ce M. de la Rivière pour un mécontent pour lui rendre service, et Diderot et le Prince Gallitzin et Stakelberg mon Envoyé en Espagne ([34]) et l'Abbé de Real ([35]) et vous et Panin et moi et l'auteur même de l'ordre essentiel, nous avons tous pris le change; nous avons la berlue nous croyons à des lettres, à des dites de vingt personnes, mais nous étions des bêtes, nous devions savoir que du jour au lendemain l'on

---

стала тратить свои суммы на художественныя и ученыя путешествія, я полагаю быть можетъ напрасно, что неученыя уши могли бы не одобрить распоряженіе и сказать, что деньги, имѣющія свое опредѣленное назначеніе, расточаются на постороннія цѣли. Я думаю, что нашлись бы даже и такіе недоброжелатели, которые стали бы кричать о безпорядкахъ, я не могла бы ничего отвѣчать на эти обвиненія, потому что меня заставляли бы молчать, показывая мнѣ мою собственную подпись. Въ итогѣ я думаю, что онъ найдетъ случай употребить съ пользою въ отечествѣ своемъ таланты, данные ему отъ неба.

Я вернусь въ Петербургъ въ Январѣ и похлопочу о томъ, чтобы упрочить положеніе г-жи Колло; увѣряю васъ честью, я думала, что съ нею заключенъ формальный договоръ.

Посылаю вамъ не только письма, съ которыхъ вы хотѣли снять копіи, но еще и отвѣтъ г. Ривьера графу Панину, вы увидите, какъ сочинитель существеннаго порядка мелетъ вздоръ. Но покрайней мѣрѣ, извинитесь передъ другомъ вашимъ Дидеротомъ за то, что подозрѣвали его въ намѣреніи услужить г. Ривьеру, выдавая его за недовольнаго, и Дидеротъ и Князь Голицынъ и Штакельбергъ мой посланникъ въ Испаніи ([34]) и Аббатъ Реаль ([35]), и вы, и Панинъ, и я, и самъ авторъ существеннаго порядка, мы всѣ ошиблись, мы всѣ бѣлены объѣлись, мы вѣримъ письмамъ, казнямъ, но мы были глупы, мы должны были знать, что со дня на день люди

se brouille, l'on se raccommode, l'on se fuit, l'on s'aide, l'on veut, l'on ne veut pas, et qu'il y en a qui veulent donner le change, mais cela est-il honnête, Monsieur Falconet, je vous le demande.

N'allez pas dire au moins que je déraisonne: je vous promets à mon retour de beaux raisonements et beaucoup d'admiration pour la bête spirituelle, le législateur, et la statue de l'hiver ([36]), qu'on dit être une merveille; je vous suis bien obligée de ce que vous n'avez pas gâté la terre cuite. A propos, demandez, je vous prie, à M-lle Collot si le buste de M. Falconet est bien aisé à faire. Adieu, portez-vous bien, et soyez bien gai jusqu'à mon retour.

№ 18.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 14 Декабря 1767 г.

St-Pétersbourg, le 14 Décembre 1767.

Madame,

Si d'un côté Diderot me paraît avoir un peu raison, car il faut en convenir, de l'autre M. de la Rivière monte un peu haut l'importance de ses services. Mais toutes choses remises à leur juste valeur, y compris la tête de ce galant homme, il pourrait servir utilement Votre Majesté Impériale. Que son ouvrage soit ou non pris de Bourlamachi, que s'en soit un développement, qu'importe, si le dernier écrivain connaît les vrais principes et la juste application de leurs conséquences?

ссорятся, мирятся, бѣгутъ другъ друга, другъ другу помогаютъ, хотятъ, не хотятъ, что есть и такіе, которые стараются надуть, но честно ли это, господинъ Фальконетъ, я васъ спрашиваю? По крайней мѣрѣ, не скажите, что я несу вздоръ, по возвращеніи обѣщаю вамъ прекрасныя разсужденія, большое восхищеніе умнымъ звѣремъ, законодателемъ, и статуею зимы ([36]), которая, какъ слышно, чудо; очень вамъ благодарна за то, что вы не испортили глиняннаго изображенія. Кстати спросите г-жу Колло, легко ли дѣлать бюстъ г. Фальконета. Прощайте, будьте здоровы и веселы до моего возвращенія.

№ 18. Всемилостивѣйшая Государыня,

Если съ одной стороны Дидеротъ представляется мнѣ правымъ, вѣдь въ этомъ надобно сознаться, то съ другой г. Ривьеръ преувеличиваетъ значеніе своихъ услугъ. Но если все поставить на мѣсто, разумѣется въ томъ числѣ и голову этого достопочтеннаго господина, то быть можетъ онъ окажется способнымъ служить полезно Вашему Императорскому Величеству. Заимствована ли его книга отъ Бурламаки, не все ли равно, если послѣдній писавшій проникъ истинныя начала и вѣрное примѣненіе ихъ послѣдствій.

J'entends dire qu'il a traité la partie du commerce en homme qui voit le globe d'un coup d'oeil, et le voit bien. Mais quand l'écrivain politique traitera de la sculpture, je parlerai, je pourrai même juger de son travail; en attendant, je me tairai et j'aurai grande raison.

Je rends bien des grâces à Votre Majesté de la permission de garder ces copies. Il y a sans doute une lettre du Comte Panin qui occasionne les plaintes que M. de la Rivière fait du traitement, elle rendrait la discussion complète, si elle était jointe aux autres.

C'est une furieuse maladie que celle de vouloir le bonheur sans aucun mélange. Vos qualités incomparables, toutes vos bontés pour moi et pour tant d'autres, les dernières que vous venez de verser sur mon Elève, ne satisfont pas encore mon âme ambitieuse. Je voudrais qu'il n'y eût pas sur la terre un individu de mon espèce qui ne connût bien et par conséquent n'aimât de toute son âme Catherine Seconde. Je ne sais si Votre Majesté regarde ce désir comme une folie, mais je la supplie de considérer que s'il faut avoir chacun la sienne, c'est de toutes les autres celle qui complèterait le mieux mon bonheur.

P. S. Si Votre Majesté le permet, je lui dirai, après son retour, de quelle manière M-lle Collot était comprise dans un traité formel.

Si j'ai gardé un peu longtemps les lettres à copier, c'est que l'Impéra-

---

Мнѣ говорятъ, что вопросъ о торговлѣ онъ разработалъ, какъ человѣкъ, видящій однимъ взглядомъ весь земной шаръ и при томъ видящій его хорошо. Но когда политическій писатель станетъ разсуждать о ваяніи, тогда заговорю и я, буду даже разбирать его труды; покамѣстъ помолчу и буду весьма правъ.

Премного благодарю, Ваше Величество, за разрѣшеніе сохранить копіи. Безъ сомнѣнія есть еще письмо графа Панина, по поводу коего Ривьеръ жалуется на обращеніе съ нимъ; если бы письмо это присоединить къ прочимъ, то переписка была бы полна.

Желать счастья безъ всякой примѣси есть ужасный недугъ, Ваши несравненныя достоинства, всѣ ваши въ отношеніи меня и другихъ милости, тѣ щедроты, коими Вамъ еще недавно угодно было осыпать мою ученицу, все это не удовлетворяетъ духъ мой. Я желалъ бы, чтобы на всей землѣ не было ни одного подобнаго мнѣ человѣка, который не зналъ бы хорошо и слѣдовательно не любилъ бы пламенно Екатерину II. Опасаюсь, что это желаніе покажется Вашему Величеству сумасшествіемъ, но умоляю Васъ принять во вниманіе, что если каждому суждено имѣть свою точку помѣшательства, то мое предпочтительно предъ всякимъ инымъ довершило бы мое счастье.

Приписка. Если Ваше Величество позволите, то по возвращеніи Вашемъ я скажу Вамъ, какимъ образомъ былъ заключенъ съ г-жею Колло формальный договоръ.

Если я нѣсколько задержалъ письма, съ которыхъ списалъ копіи, то это про-

trice doit arriver ici à la fin de Janvier et que je me suis occupé de ma besogne qu'elle voudra voir peu après son arrivée. Et comme j'y trouve tous les jours à rectifier, je n'ai pas trop de temps pour ôter une partie des fautes qui restent encore. Celles que j'y laisserai, je les dédie à la postérité. J'abrègerai de mon mieux la dédicace.

1768.

№ 19.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 16 Апрѣля 1768 г.

A St-Pétersbourg, le 16 Avril 1768.

Madame,

J'obéis à Votre Majesté Impériale, mais la prévention est si déliée, si adroite à s'insinuer, que malgré toutes mes précautions, — je crains bien qu'il n'y ait de l'homme dans les observations ci-jointes, c'est-à-dire un peu d'injustice. Votre Majesté en décidera.

Si l'auteur eût été mon ami, peut-être n'aurais-je pas vu si défavorablement son ouvrage. Si j'y avais aperçu quelques défauts, je n'en aurais rien dit, ou j'aurais usé, en les relevant, d'un peu de charité fraternelle; c'est assurément ce que je n'ai point fait.

Je voudrais être parfaitement juste; mes actions, *mes observations*, mes ouvrages etc. seraient sans défauts, et je serais parfaitement heureux,

---

изошло потому, что Императрица должна пріѣхать сюда въ концѣ Января и я занялся своимъ дѣломъ, на которое быть можетъ она захочетъ взглянуть вскорѣ послѣ своего пріѣзда. А такъ какъ я ежедневно сознаю необходимость новыхъ поправокъ, то не имѣю излишка времени, чтобы изгладить остающіяся еще ошибки. Тѣ, которыя останутся, я посвящаю потомству. Посвященіе постараюсь сократить по возможности.

№ 19. Всемилостивѣйшая Государыня,

Повинуюсь Вашему Величеству, но предвзятыя понятія такъ легко подкрадываются въ душу человѣческую, что не смотря на всѣ принятыя мною предосторожности, весьма опасаюсь, чтобы эта слабость, т. е. извѣстная доля несправедливости, не отразилась на прилагаемыхъ у сего примѣчаніяхъ. Ваше Величество пусть рѣшить это.

Если бы авторъ былъ другомъ моимъ, то быть можетъ я не столь недоброжелательно посмотрѣлъ на его работу. Замѣтивъ недостатки, я бы промолчалъ о нихъ или упомянулъ о нихъ съ братскимъ снисхожденіемъ, чего конечно не сдѣлалъ въ настоящемъ случаѣ.

Я желалъ бы быть совершенно справедливымъ; мои поступки, мои примѣчанія, мои труды и пр. были бы безъ недостатковъ и я былъ бы совершенно счастливъ и

et Votre Majesté ferait bâtir une belle petite ménagerie pour moi seul. On y viendrait de tous côtés m'admirer et bâiller; mais comme je serais sans défauts, je ne m'en fâcherais pas. La belle curiosité que ce serait.

Comme ces petites observations ne sont confiées qu'à Votre Majesté, si elle les désapprouve, après les avoir comparées à l'ouvrage, elle aura la bonté de les jeter au feu. J'en ferai autant de ma copie, et ma faute sera, sinon réparée, au moins effacée.

№ 20.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 11 Мая 1768 г.

St-Pétersbourg, le 11 Mai 1768.

Madame,

M. le Général Betzky m'invite à faire quelques observations sur la statue de *buen retiro* ([87]), pour être lues par Votre Majesté Impériale. Je n'en puis faire aucune que Vous ne fassiez mieux que moi. La meilleure des miennes sera d'obéir.

L'objet n'étant ni d'imiter ni de critiquer cette statue, sa mauvaise exécution ne doit point nous arrêter. On ne doit guère s'arrêter davantage à la réflexion de la lettre sur l'antiquité; parce que la statue de Marc Aurèle est convenable pour Marc Aurèle, et que la statue d'un autre doit être convenable pour un autre. Les différents portraits ne doivent pas plus se res-

---

Ваше Величество выстроили бы хорошенькій звѣринчикъ для меня одного. Со всѣхъ сторонъ приходили бы на меня дивиться и зѣвать; но бывъ лишенъ недостатковъ, я не сталъ бы сердиться. Славная была бы диковинка.

Свои примѣчанія я вручаю лишь Вашему Величеству, а потому будьте столь добры бросьте ихъ въ огонь, если по сличеніи съ сочиненіемъ онѣ вамъ не понравятся. Я сдѣлаю тоже самое съ черновою и ошибка моя будетъ заглажена, если не исправлена.

№ 20. Всемилостивѣйшая Государыня.

Генералъ Бецкій приглашаетъ меня представить нѣсколько замѣчаній на статую, находящуюся въ *buen retiro* ([87]) для прочтенія Вашему Величеству. Не могу написать ни одного, котораго вы не сдѣлали бы лучше, чѣмъ я. Лучшее, что могу сдѣлать я — повиноваться.

Задача не заключается въ томъ, чтобы подражать этой статуѣ или хулить ее, и слѣдовательно дурное ея исполненіе не должно насъ останавливать. Точно также не слѣдуетъ останавливаться на разсужденіяхъ *письма о древнемъ мірѣ*; потому что статуя Марка Аврелія приличествуетъ Марку Аврелію и чья-либо другая статуя должна приличествовать другому. Различные портреты должны между собою имѣть

sembler que les différentes physionomies qu'il représentera; il en doit être ainsi des statues des Héros. D'ailleurs, les anciens ne sont pas si absolument nos maîtres, n'ont pas si bien tout fait, qu'il ne reste encore quelque chose à faire aux modernes.

Ne pourrait-on pas dire aussi que comparer la belle statue de Marc-Aurèle à une mauvaise statue, c'est ne rien dire; parce que le sculpteur qui a fait le mauvais ouvrage ne l'eût pas mieux exécuté, s'il eût posé son cheval comme celui de l'Empereur romain et comme tant d'autres. De plus, conseiller le Marc-Aurèle à un sculpteur qui aurait fait choix d'une autre action dont il tirerait un bon parti, serait raisonner, je crois, avec aussi peu de justesse, parce que le naturel est beau de plus d'une manière: il n'est question que de faire un choix convenable au sujet et de la bien rendre.

La pièce de fonte marquée sur le plan du piedestal est bonne pour faire empâtement sur un pied fait de petits morceaux de pierres comme on en a employé, sans doute selon l'usage à ce pays là. Mais au mien, dont les pierres seront d'un tout autre volume, ce moyen ne servirait à rien. Il s'agit du bas des jambes du cheval. C'est de là que dépend la principale sûreté, et c'est là que je mets ma principale attention.

Je prie S. E. de me donner ses avis, à cet égard, quand je lui aurai

---

столь же мало сходства, какъ и различныя физіономіи ими изображаемыя, точно тоже должно имѣть мѣсто между статуями героевъ. Къ тому же древніе не въ такой мѣрѣ надъ нами превосходны, они сдѣлали все не такъ отлично, чтобы намъ не оставалось еще кое-что сдѣлать.

Мнѣ кажется, что сравнивать прекрасную статую Марка Аврелія съ дурною статуею все равно, что ничего не говорить; потому что скульпторъ, исполнявшій дурную статую не лучше бы ее исполнилъ, если бы въ постановкѣ своего коня подражалъ позѣ той лошади, на которой сидитъ Римскій императоръ или всякій иной. Сверхъ того совѣтовать скульптору подражать статуѣ Марка Аврелія, когда скульпторъ этотъ избралъ другое дѣйствіе, которымъ онъ можетъ хорошо воспользоваться, значило бы по моему мнѣнію разсуждать весьма неправильно, потому что все то, что естественно, что согласно съ природою, то прекрасно не однимъ только способомъ; дѣло въ томъ, чтобы избрать средства, отвѣчающія предмету и вѣрно его выразить.

Отлитое украшеніе, отмѣченное на планѣ подножія, умѣстно тамъ, гдѣ надобна связь какъ въ данномъ случаѣ, когда пьедесталъ составленъ изъ небольшихъ камней, вѣроятно по тамошнему обычаю. У меня камни совсѣмъ другихъ размѣровъ и слѣдовательно это средство было бы негодно. Весьма важны оконечности лошадиныхъ ногъ. Отъ нихъ всего болѣе зависитъ прочность, на нихъ обращаю вниманіе.

Прошу Е. П. сообщить мнѣ свое по сему предмету мнѣніе, послѣ т

fait connaître les moyens dont je compte me servir. S'il m'en indique de meilleurs, je les emploierai avec empressement, nous sommes convenus que cela était dans l'ordre. Dans mon métier, comme dans quelques autres, il faut premièrement opérer, ensuite demander des avis; autrement, on est atteint et convaincu de ne penser que d'après les autres; or, ce n'est ni mon caractère, ni mon devoir.

Ce qu'on aurait dû envoyer ici, c'est une instruction des différentes épaisseurs du bronze, de l'épaisseur du fer des jambes, et de la construction de l'armature. On pouvait peut-être s'en informer dans les bureaux des bâtiments. L'expérience est le grand et le vrai maître, surtout dans les objets semblables.

Je supplie Votre Majesté de me faire savoir si elle trouve bon que j'écrive à mon ami Diderot ce dont je joins ici la copie? Quelque bonnes que soient mes intentions, je les règlerai toujours sur vos volontés, Madame, surtout lorsque je parlerai de ce qui peut intéresser Votre Majesté Impériale.

№ 21.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 16 Мая 1768 г.

Ce 16 Mai 1768.

Monsieur Falconet, je vous fais mes excuses d'avoir laissé là votre lettre sans y répondre depuis plusieurs jours; sachez la vérité, et puis fâchez-vous, et je vous répondrai: vous n'aimez donc pas les vérités.

представлю ему всѣ средства, которыя намѣреваюсь пустить въ дѣло. Если онъ укажетъ мнѣ средства лучшія, то поспѣшу ими воспользоваться, мы уговорились слѣдовать такому порядку.

Въ моемъ ремеслѣ, также какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, слѣдуетъ прежде дѣйствовать, а потомъ просить совѣта; иначе подвергаешься заслуженному обвиненію въ томъ, что думаешь чужимъ умомъ; а это противно и нраву и долгу моему. Слѣдовало прислать сюда наставленіе относительно различной толщины бронзы, толщины желѣзныхъ устоевъ для ногъ, устройства арматуры. Нельзя ли объ этомъ справиться въ конторѣ строеній. Опытъ — великій, настоящій учитель въ подобныхъ дѣлахъ.

Умоляю Ваше Величество дать мнѣ знать, угодно ли Вамъ, чтобы я написалъ другу своему Дидероту, то чего прилагаю при семъ копію? Какъ бы ни благи были мои намѣренія, онѣ всегда будутъ подчиняться Вашему произволенію, особливо когда я буду имѣть случай говорить о предметахъ, интересующихъ Ваше Величество.

№ 21. Господинъ Фальконетъ. Извиняюсь передъ вами въ томъ, что письмо е проваляолсь нѣсколько дней; да будетъ истина вамъ извѣстна, потомъ серди-

M-r Betzki m'a rendu votre lettre, j'ai voulu y répondre le lendemain, et je l'ai oublié, puis j'ai eu des affaires, et un autre jour je disais ce sera demain, et le demain j'ai eu un accès de fièvre, pendant laquelle j'ai pris la résolution de vous répondre, crainte d'aller dans l'autre monde et de vous laisser dans celui-ci mal édifié de ma façon de faire. Ecoutez, laissez-là les statues du *bon retiro* et celle de *Marc Aurèle* et les mauvais raisonnements de gens qui n'y entendent rien et allez votre train, vous ferez cent fois mieux en suivant votre entêtement (passez moi le terme, je n'y mets aucun mauvais sens), qu'en écoutant ou donnant trop de place au raisonnement déplacé, vous m'avez dit que vous rendriez vilain votre petit modèle qui est bien beau pourtant; je m'y tiens, vous êtes homme de parole et je vous en crois; je ne vois aucune raison pourquoi vous n'enverriez pas à M-r Diderot la lettre ci-jointe, seulement la proposition pour six mois est dure, vous me donneriez le regret d'avoir connu cet homme sans avoir pu profiter de ses lumières. Adieu, portez-vous bien, mes compliments à la bête spirituelle. Avez-vous déjà habillé le cavalier? Dites-moi, je vous prie, lorsque la fantaisie vous en prendra, si l'on peut avoir un bon buste de marbre d'Henri quatre et du Duc de Sully: je meurs d'envie de les voir, Mad. Collot ne les a t-elle jamais vus en rêve, et est-il impossible que cela lui arrive, mais surtout que cela ne vous embarrasse point: un *non* sera une réponse très-bien prise.

тесь, а я буду отвѣчать вамъ, такъ вы не любите истину. Г. Бецкій передалъ мнѣ письмо ваше, я хотѣла отвѣчать на другой день и позабыла, потомъ накопились дѣла, въ слѣдующій день я намѣревалась писать завтра, а на завтра со мною сдѣлался припадокъ лихорадки, во время коего я рѣшилась отвѣчать вамъ изъ страха отправиться на тотъ свѣтъ, оставивъ васъ на этомъ и при томъ не въ очень лестныхъ понятіяхъ о моемъ обращеніи. Послушайте, киньте и статую bon retiro и статую Марка Аврелія и плохія разсужденія людей, несмыслящихъ никакого толку, идите своею дорогой, вы сдѣлаете во сто разъ лучше, слушаясь своего упрямства (простите за выраженіе, я ему не придаю никакого дурного смысла), чѣмъ обращая слишкомъ много вниманія на неумѣстныя разсужденія. Вы мнѣ сказали, что сдѣлаете дрянную маленькую модель, которая однако весьма хороша; я остаюсь при томъ, что на ваше слово можно положиться. Не вижу причины, почему бы не послать г. Дидероту прилагаемое при семъ письмо, только предложеніе на шесть мѣсяцевъ жестко, вы дали бы мнѣ сожалѣніе познакомиться узнать этого человѣка, не воспользовавшись его познаніями. Прощайте, будьте здоровы, кланяюсь умному звѣрю, одѣли ли вы всадника? Скажите мнѣ пожалуйста, когда вамъ то придетъ на память, можно ли достать хорошіе бюсты Генриха IV и Сюлли, мнѣ смертельно хочется ихъ видѣть. Г-жа Колло не видала ли ихъ во снѣ и не могутъ ли они ей присниться, но въ особенности пусть это васъ не затрудняетъ. Простое нѣтъ послужитъ весьма умѣстнымъ отвѣтомъ.

№ 22.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 23 Мая 1768 г.

St-Pétersbourg, 23 Mai 1768.

Madame,

Votre Majesté Impériale a beau dire que je ne me fâche pas, les vérités qu'elle m'écrit sont trop désagréables pour que je puisse conserver ma bonne humeur. Une fièvre qui fait penser à l'autre monde où l'on n'a que faire, est un moniteur mal avisé qu'il faut promptement réduire au silence. Un romain plus dévot que moi, aurait dit, il y a deux mille ans, sainte fièvre, divine fièvre, je t'offre les voeux les plus sincères et les plus ardents pour que tu daignes t'éloigner une bonne fois de l'Impératrice; elle a trop à faire ici, ne lui fais jamais penser, même en plaisantant, à un voyage qui ne devrait pas être fait pour elle. Or, n'étant ni dévot ni romain de deux mille ans, je m'en tiens à déclarer à Votre Majesté que je n'aime point du tout la vérité, et que je me fâche très-sérieusement, quand elle est aussi haïssable.

M-lle Collot s'est mise à rêver, sitôt que les ordres de Votre Majesté lui ont été annoncés, et comme elle est fort rêveuse, elle sera, peut-être, encore trois ou quatre jours sans s'éveiller; après lequel temps elle enverra, ou, ce qui serait, je crois, mieux, elle portera son rêve à Tzarsko-Celo. Votre Majesté le réalisera si elle l'approuve. Il se pourrait bien que ce

---

№ 22. Всемилостивѣйшая Государыня,

Хотя Ваше Величество и запрещаете мнѣ сердиться, но истины, Вами сообщаемыя, слишкомъ непріятны, чтобы я могъ оставаться въ веселомъ расположеніи духа. Лихорадка, наводящая на мысль о другомъ свѣтѣ, гдѣ нѣчего дѣлать, плохой указчикъ, котораго слѣдуетъ немедленно заставить молчать. Римлянинъ, болѣе меня набожный, тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ сказалъ бы: святая лихорадка, божественная лихорадка, возношу къ тебѣ самыя теплыя, задушевныя мольбы, покинь Императрицу; у нея здѣсь слишкомъ много дѣла, даже въ шутку не заставляй ее думать о томъ переселеніи, которое для нея не должно бы существовать вовсе. Не будучи ни набожнымъ, ни древнимъ Римляниномъ, я упорно объявляю Вашему Величеству, что вовсе не люблю истины и не на шутку озлобляюсь, когда она столь ненавистна.

Г-жа Колло впала въ сновидѣніе, тотчасъ по полученіи приказаній Вашего Величества и такъ какъ она весьма охотно предается сновидѣніямъ, то быть можетъ пройдетъ еще три или четыре дня прежде, чѣмъ она проснется; по истеченіи этого времени она отошлетъ или что пожалуй будетъ лучше, отвезетъ свой сонъ въ Царское Село. Ваше Величество осуществите этотъ сонъ, если онъ удостоится Вашего

rêve ne fût pas déplaisant; car toutes les fois que nous autres français rêvons à Henri quatre, nous en rêvons avec plaisir.

Le buste de l'Impératrice est fini ([38]). Celui, oserai-je le dire? Celui du sculpteur s'avance, et quand le sculpteur ou la sculpteuse aura du marbre, elle commencera les autres têtes ordonnées. En l'attendant, elle étudiera des modèles.

Le cavalier se forme et s'habille, son coursier a moins mauvaise grâce depuis que sa tête est tournée à droite, comme son galop. Une petite raison que j'avais eu de la faire autrement n'a pas dû tenir contre une raison meilleure.

M. Lemoine ([39]) m'écrit qu'il fait peindre son monument du Cardinal de Fleury et mes deux chapelles de St. Roch, ainsi que je l'en ai prié. Cela sera, sans doute, ici cette année.

Me serait-il permis de demander à Votre Majesté si elle a reçu une feuille d'observations bonnes ou mauvaises, sur le 9 chap. de *l'ordre naturel?*

Quoique j'aie déjà lu à Votre Majesté le fragment de lettre ci-joint, je la supplie de jeter un coup d'oeil sur cette copie à laquelle j'ai ajouté deux ou trois idées qui m'ont paru nécessaires. Je dis nécessaires; parceque les tracasseries, les mauvais raisonnements dont, grâce à l'auteur de tout bien, chaque pays fourmille, doivent être traités comme ils le méritent. On

---

одобренія. Быть можетъ сонъ этотъ удастся, потому что нашему брату Французу всегда весело снится Генрихъ IV.

Бюстъ Императрицы готовъ ([38]). Бюстъ, смѣю ли сказать? скульптора, подвигается. И какъ скоро ваятельница будетъ имѣть мраморъ, такъ она приступитъ къ другимъ заказаннымъ головамъ. Въ ожиданіи она будетъ изучать модели.

Всадникъ выработывается и одѣвается, конь его ловчѣе, красивѣе, съ тѣхъ поръ какъ голова его повернута направо, какъ его галопъ. Незначительное соображеніе, принятое мною первоначально, не должно было устоять противъ болѣе сильнаго довода.

Г. Лемуанъ ([39]) пишетъ мнѣ, что заказалъ живописцу свой памятникъ Кардиналу Флери и мои двѣ часовни св. Рока, какъ я его просилъ о томъ. Безъ сомнѣнія все это будетъ здѣсь въ настоящемъ году.

Позволено ли мнѣ будетъ спросить у Вашего Величества, получили ли вы листокъ примѣчаній хорошихъ или дурныхъ о 9 главѣ «естественнаго порядка»,

Не смотря на то, что я уже прочитывалъ Вашему Величеству отрывокъ прилагаемаго при семъ письма, тѣмъ не менѣе, умоляю Васъ бросить взглядъ на прилагаемую при семъ копію, въ которой я прибавилъ двѣ или три мысли, показавшіяся мнѣ необходимыми. Я говорю необходимыми потому, что съ дрязгами и нелѣпост... ками благодаря даятелю всѣхъ благъ каждая страна изобилуетъ, слѣдует... щаться такъ, какъ онѣ того заслуживаютъ. Съ ложною мыслью, съ чернымъ

fait ce qu'on veut d'une idée fausse et d'un projet noir, quand on les tient sur le bureau. Mais les esprits et les coeurs faux sont des Hydres indomptables; on n'a pas plutôt découvert et repoussé quelques-unes de leurs inepties ou de leurs méchancetés, qu'ils vous accablent d'une infinité d'autres; rien n'est plus infatigable. Oh! que le champ de la sottise et de la perversité est d'un beau produit! et que ce serait peine perdue d'établir, en sa faveur, une société économique! Je crois cela très-*évident*.

Les gens qui se sont une fois mis sur le ton de demander n'ont jamais fait. Oserais-je supplier Votre Majesté de ne pas croire que j'aie promis de faire mieux que mon petit modèle? J'ai promis seulement que j'y ferain tous mes efforts: c'est ainsi que je l'écris à Diderot, et je tiens parole.

Dès l'instant que je recevrai l'ordre de cesser mes longs propos, je me renfermerai dans les bornes de l'obéissance et du plus profond respect avec lequel je suis, Madame, etc.

P. S. Si Votre Majesté avait ou pouvait avoir ici quelque portrait peint ou gravé du bon Henri, M-lle Collot s'en aiderait avec le masque moulé sur le naturel, qu'elle a apporté de Paris.

№ 23.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 24 Мая 1768 г.

En réponse à votre lettre du 23 Mai, je vous dirai qui je me porte bien: le voyage pour l'autre monde était un badinage, et la fièvre m'a

---

сломъ дѣлаешь все, что вздумается, когда онѣ лежатъ на столѣ. Но лживыя сердца, кривые умы суть непоборимыя гидры, не успѣешь открыть и отринуть какую-нибудь пошлость или злую выходку, какъ на васъ сыплется цѣлый рой; ничто такъ неутомимо. О какъ плодотворны поля безсмыслія и гнусности! Какъ тщетно было бы учрежденіе въ ихъ пользу экономическаго общества! это представляется мнѣ очевиднымъ.

Попрошайки не имѣютъ границъ. Смѣю умолять Ваше Величество не мнить что я обѣщалъ сдѣлать лучше, чѣмъ какова маленькая моя модель. Я обѣщалъ лишь напречь всѣ свои усилія: такъ пишу и Дидероту и держу слово.

Съ того мгновенія, какъ получу приказаніе прекратить длинныя свои разсужденія, я ограничу себя предѣлами повиновенія и глубочайшаго почитанія, съ коими и прочее.

Приписка. Если бы Ваше Величество имѣли или могли достать какой-нибудь писаный или гравированный портретъ добраго Генриха, то г-жа Колло воспользовалась бы имъ какъ подспорьемъ къ слѣпку съ королевскаго лица, который она привезла изъ Парижа.

№ 23. Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 23 мая скажу вамъ, что я здорова: путешествіе на тотъ свѣтъ было лишь шуткою, лихорадка прошла уже болѣе недѣли.

quittée il y a plus de huit jours. Je trouve M-lle Collot bien aimable de rêver avec autant de diligence; je verrai avec bien du plaisir son ouvrage, j'en juge par ses ouvrages que j'ai vus, et d'où vient donc qu'elle n'a point autant de marbre qu'il lui en faut? Est-ce qu'il n'y en aurait pas dans mes magasins ou à l'Académie?

Si votre coursier s'animait dans votre atelier comme autrefois la statue de Pygmalion, il ferait un terrible ravage, à la mine qu'il a. Cela me fait souvenir de ma terre cuite de Pygmalion (40) à laquelle l'on pourrait dire «ora pro nobis», avec bien plus de vraisemblance qu'on n'adressait des voeux à la fièvre il y a deux mille ans.

J'ai oublié de vous accuser la réception de la lettre et de la feuille d'observations très-bonnes sur le 9 ch. de *l'ordre naturel*, je commence à croire que cet homme-là ne croit pas en Dieu, il arrange son ordre naturel comme les athées arrangent la création du monde, et puis il vous plante là. Si cette idée ne vous paraît pas juste, vous aurez la bonté d'en faire la critique. Je garde le fragment de la lettre à M-r Diderot, et je conviens des beaux raisonnements que vous faites à ce sujet vous-avez beau dire le petit modèle sera effacé, si vous ne l'avez pas écrit, vous l'avez dit et si vous ne l'avez pas dit, il n'y a pas de doute que vous le ferez. Je serais bien fâchée si vous raccourcissez vos propos, je les trouve très-bons.

Je ne me souviens point d'avoir vu ici aucun portrait peint ou gravé

Я нахожу сонъ г-жи Колло весьма любезнымъ, я увижу съ удовольствіемъ ея работу, сужу по тѣмъ, кои я уже видѣла; какъ же это у нея не хватаетъ мрамора? Развѣ его нѣтъ въ моихъ кладовыхъ или въ Академіи?

Если бы конь вашъ ожилъ въ вашей мастерской, какъ нѣкогда статуя Пигмаліона, то судя по его выраженію, онъ надѣлалъ бы страшной кутерьмы. Это приводитъ мнѣ на память моего Пигмаліона (40) изъ обожженной глины, которому бы можно сказать ora pro nobis (помолись за насъ) гораздо съ большимъ основаніемъ, чѣмъ возсылались мольбы лихорадкѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Я позабыла увѣдомить васъ о полученіи письма и примѣчаній весьма хорошихъ на 9 главу *естественнаго порядка*, я начинаю думать, что этотъ человѣкъ не вѣритъ въ Бога, онъ устраиваетъ свой естественный порядокъ, какъ безбожники устроиваютъ сотвореніе міра и потомъ бросаетъ васъ. Если мысль эта не кажется вамъ справедливою, то благоволите ее опровергнуть. Я сохраняю отрывокъ письма г. Дидероту и соглашаюсь съ вашими громкими по этому поводу разсужденіями. Что ни говорите, а маленькую модель вы перещеголяете, если вы этого не написали, такъ сказали, а если не сказали, то безъ сомнѣнія сдѣлаете. Мнѣ было бы очень досадно, если бы вы сократили свои рѣчи, я ими очень довольна.

Не помню, чтобы мнѣ случилось видѣть здѣсь писаный или гравированный пор-

d'Henri quatre, il est vrai que le C-te Orlof prétend en avoir un dans la maison dite Stegleman ([41]), que je n'ai jamais vue qu'à la bougie; il est dans une chambre à côté de la salle où il y a toutes les têtes couronnées et non couronnées du monde, pêle-mêle, et Henri quatre est entre la porte de la salle et le fourneau, tout en haut. Le C-te Orlof n'est pas ici, mais son frère, le C-te Alexis Orlof, votre bon ami, est à Pétersbourg et peut-être pourra-t-il le procurer à M-lle Collot. Adieu, Monsieur Falconet, portez-vous bien. Catherine.

Ce 24 Mai 1768.

№ 24.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 13 Iюня 1768 г.

A St-Pétersbourg, le 13 Juin 1768.

Madame,

Je suis trop vraiment dévoué à Votre Majesté Impériale, et ma confiance est trop entière pour ne pas lui faire part de toutes les idées de mon ami, surtout quand elles tiennent inséparablement à ce qui peut vous regarder. Voilà sa lettre et ma réponse. Oserais-je supplier Votre Majesté de me faire connaître ses volontés pour que j'achève et que je rectifie cette réponse en conséquence?

J'ai fait une esquisse que je ne montrerai à personne que Votre Majesté ne l'ait vue. *Catherine Seconde donne des lois à son Empire. Elle*

третъ Генриха IV, правда, что графъ Орловъ утверждаетъ будто у него есть такой въ домѣ называемомъ Штеглемановскимъ ([41]), котораго я не видала иначе какъ при свѣчахъ. Онъ находится въ комнатѣ смежной съ залою, гдѣ развѣшаны разныя коронованныя и некоронованныя головы и Генрихъ IV виситъ междт дверью залы и печкою на самомъ верху. Графа Орлова нѣтъ здѣсь, но вашъ прiятель графъ Алексѣй Орловъ въ Петербургѣ и быть можетъ доставить этотъ портретъ г-жѣ Колло. Прощайте, господинъ Фальконетъ, будьте здоровы.

№ 24. Всемилостивѣйшая Государыня,

Преданность моя къ Вашему Величеству столь искренна, довѣрiе мое столь безгранично, что я не могу не представить Вамъ мыслей моего друга, особливо, когда онѣ близко связаны съ предметомъ до Васъ касающимся. Вотъ его письмо и мой отвѣтъ. Смѣю ли умолять Ваше Величество сообщить мнѣ Вашу волю, сообразно съ которой я окончилъ бы и сообразилъ этотъ отвѣтъ?

Я сдѣлалъ эскизъ, который не покажу никому, покуда вы его не посмотрите. Екатерина II даетъ законы своей Имперiи. Она соизволяетъ опустить скипетръ свой,

daigne baisser son sceptre pour proposer à ses sujets le moyen de les rendre plus heureux. Si cette idée simple n'est pas convenable, je ne sais rien qui le soit davantage ni plus glorieux.

J'ai entre les mains, depuis mon retour de Tzarsko-Celo, la suite *des questions de Zapata*, manuscrit unique et original; je l'enverrai à Votre Majesté si elle me le permet. Je trouve que le bon Zapata avait beaucoup mieux écrit la première partie de ses questions. La seconde, quoique très faible de style, a des vues peut-être aussi intéressantes que la première.

№ 25.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 14 Іюня 1768 г.

Je répondrai à votre lettre Monsieur Falconet, et non à celle de votre ami que j'ai été deux jours à déchiffrer, et je toucherai seulement quelques endroits que j'ai compris et qui demandent réponse.

1. Mes ordres viendraient trop tard pour les livres et tableaux de l'Amateur qui vient de mourir à Paris ([42]); le duc de Choiseuil est en marché du tout, au dire du Pr. Galitzin.

2. Il est difficile qu'un secrétaire d'Ambassade, à moins que de jouer d'imagination, sache les choses bien au vrai comme elles sont; entre nous soit dit, je vois comme ils mentent tous les jours plutôt que d'avouer leur ignorance à ceux par qui ils sont payés pour dire à tort et à travers ce

---

чтобы преподать своимъ подданнымъ средство быть счастливѣе. Если эта простая мысль не представляетъ привлекательнаго для художника, то я не знаю иной болѣе подходящей, болѣе славной.

Съ пріѣзда изъ Царскаго Села не выпускаю изъ рукъ продолженія вопросовъ *Запата*, рукопись единственная и оригинальная; я пришлю ее Вашему Величеству, если позволите. Нахожу, что добрый Запата гораздо лучше написалъ первую часть своихъ вопросовъ. Вторая хотя очень слаба по слогу, содержитъ однако виды быть можетъ столько же какъ и первая занимательные.

№ 25. Я буду отвѣчать на ваше письмо, г. Фальконетъ, а не на письмо вашего друга, которое я два дня не могла разобрать, коснусь нѣсколько мѣстъ, которыя поняла и которыя требуютъ отвѣта.

1. Приказанія мои не поспѣютъ во время касательно книгъ и картинъ только-что скончавшагося въ Парижѣ любителя ([42]), по словамъ князя Голицына герцогъ Шуазель торгуетъ все оптомъ.

2. Мудрено секретарю посольства иначе какъ воображеніемъ знать обстоятельно вещи, какъ онѣ суть, между нами говоря я вижу, какъ они ежедневно лгутъ, скорѣе чѣмъ сознать свое невѣжество предъ тѣми, кто имъ платитъ за то, чтобъ говорить вкривь и вкось то, что знаютъ и чего не знаютъ. Такъ напримѣръ зар

qu'ils savent et ne savent pas. Ainsi, d'avance, je parierais que l'ouvrage du Sr. Rulière ne vaut pas grand' chose, surtout parceque M-r Diderot dit qu'il y a de la maîtresse femme et de la *cervello di principessa*; or dans cet évènement, ce n'était point tout cela, mais il s'agissait ou de périr avec un fou ou de se sauver avec la multitude qui prétendait s'en délivrer. Or, à cela, il n'y avait de manigance que celle de la mauvaise conduite du personnage, car sans cette conduite, assurément, jamais il n'aurait rien pu lui arriver. Il faudrait tâcher d'acheter le manuscrit de Rulière ([43]) et j'en ferai écrire à Chotinsky ([44]).

3. La dette de Simon ne serait pas la première que j'aurais payée de temps antérieurs aux miens.

J'en viens à la lettre que vous m'écrivez ([45]). Vous m'avertirez n'est-ce pas, quand il sera temps que je vienne voir et la statue et l'esquisse. Je trouve l'idée de l'esquisse noble et simple et bien meilleure que l'autre. Envoyez-moi, je vous prie, le manuscrit de Zapata; j'espère d'en reconnaître l'auteur; mon impatience est grande de voir une belle et bonne provision de marbre entre les mains de M-lle Collot, je meurs d'envie d'avoir mes bustes. J'ai reçu pour Oranienbaum deux mauvais bas-reliefs qui ne sont pas plaçables, j'aurais une si belle idée à fournir pour ce travail, mais je ne puis la dire qu'à M-r Falconet de bouche, et à condition qu'il me rectifiera si je me trompe quand nous nous verrons vous m'en ferez souvenir. Adieu, Monsieur, soyez gai et moquez-vous des envieux, il vaut

---

бьюсь объ закладъ, что книга Рюльера пуста, особливо потому, что г. Дидеротъ говоритъ, что въ ней слышится бой-баба и первостепенный умъ; въ упоминаемомъ случаѣ дѣло было не въ томъ, предстояло, или погибнуть вмѣстѣ съ полуумнымъ, или спастись съ толпою, желавшею отъ него избавиться. Во всемъ этомъ не было другихъ происковъ, какъ дурное поведеніе одного лица, которому при иномъ поведеніи никогда бы ничего не приключилось. Слѣдовало бы постараться купить рукопись Рюльера ([43]), я велю написать о томъ Хотинскому ([44]).

3. Долгъ Симону былъ бы не первый, который мнѣ пришлось бы заплатить за время предшествовавшее моему.

Прихожу къ вашему письму ([45]). Вы предувѣдомите меня не правда ли когда будетъ время прійти посмотрѣть и на статую и на эскизъ. Я нахожу мысль эскиза простою, благородною и несравненно лучшею чѣмъ та. Пришлите мнѣ рукопись Запата я надѣюсь угадать сочинителя; съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю, чтобы въ рукахъ г-жи Колло былъ большой запасъ хорошаго мрамора, до смерти хочется поскорѣе имѣть мои бюсты. Я получила для Ораніенбаума два скверныхъ барельефа, которыхъ нельзя помѣстить; мнѣ пришла въ голову славная мысль для этой работы, но передать ее г. Фальконету могу только лично и подъ условіемъ, чтобы онъ указалъ мнѣ на мои ошибки; когда увидимся напомните мнѣ объ этомъ. Прощайте, будьте здо-

mieux en faire que de faire pitié, or il y a des gens de tout état qui font pitié.

№ 26.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 28 Іюня 1768 г.

St-Pétersbourg, le 28 Juin 1768.

Madame,

Si Votre Majesté Impériale eût demandé à M. Guillaume ce qu'il fallait envoyer à M. de Voltaire, M. Guillaume eût répondu: *une belle tenture de tapisserie de verdure ou à personnages pour lui réjouir l'esprit et la vue.* Mais l'esprit de M. de Voltaire n'étant pas fort triste, et sa vue n'étant pas fort bonne, les belles couleurs de la tenture manqueraient leur effet. Une tête en marbre de Votre Majesté faite par M-lle Collot (celle qui a le voile, par exemple) serait à coup sûr, un present digne de l'Impératrice et du poète philosophe; reste à savoir, Madame, si vous le trouvez bon, et si vous approuvez la logique du bonhomme Guillaume.

Si on frappe des médailles à l'occasion du nouveau code, si ces médailles seront universellement distribuées et connues, pourquoi l'exécution de la statue en bronze de Votre Majesté trouverait-elle des difficultés? Comme ces médailles doivent représenter ce que représentera le monument de bronze, elle doivent être faites d'après, ainsi qu'il est d'usage. On n'attendrait pas que le bronze fût fondu, on les ferait d'après mon modèle. Un

---

ровы, смѣйтесь надъ завистниками, лучше возбуждать зависть, чѣмъ жалость, а люди возбуждающіе жалость есть во всѣхъ состояніяхъ.

№ 26. Всемилостивѣйшая Государыня,

Если бы Ваше Императорское Величество спросили у г. Гильома, что послать г. Вольтеру, г. Гильомъ отвѣчалъ бы: *хорошіе тканые обои съ зеленью и человѣческими фигурками*, *чтобы увеселить и умъ и глаза его.* Но умъ г. Вольтера не очень унылый, а зрѣніе его не очень хорошо, почему красивые цвѣта обоевъ не произвели бы желаемаго дѣйствія. Мраморное изображеніе головы Вашей, работы г-жи Колло (напримѣръ та что съ вуалемъ) несомнѣнно послужило бы подаркомъ достойнымъ и Императрицы и поэта-философа; остается знать нравится ли онъ Вамъ и апробуете ли вы разсужденія добряка Гильома.

Если по поводу новаго уложенія будутъ выбиты медали, если эти медали будутъ повсемѣстно розданы и извѣстны, то почему же бы исполненіе бронзовой статуи Вашего Величества встрѣтило бы затрудненія. Медали должны бы изображать тоже самое, что статуя и потому должны быть сдѣланы по ней, какъ это обыкновенно дѣлается. Ихъ можно бы отчеканить по моей модели не ожидая отлитія изъ бронзы.

beau jour viendra peut-être que j'aurai quelques-unes de ces médailles qui constatent les évènements divers du règne de Catherine Seconde.

Je ne sais pas comment l'idée du serpent allégorique ([46]) avait été présentée à Votre Majesté, ni si elle s'était méprise sur l'inventeur. Mais l'explication d'hier a fini par n'être pas désapprouvée. J'ajoute ou je répète en soumettant toujours mes petites lumières, que cette allégorie, sans être sujette à de mauvaises interprétations donne au sujet toute la force dont il est susceptible, et qu'il n'avait pas avant. Négliger un emblême simple, clair, expressif, nécessaire, c'est manquer son objet.

Je n'ai ni poudre ni canon, et c'est aujourd'hui l'anniversaire du règne heureux de la philosophie. Mon compliment tout simple, tout humble, entièrement dénué d'artillerie, n'en est pas moins canonique, parce qu'il est vrai, parce qu'il est pur sentiment du coeur, et parce que l'Impératrice en est bien assurée.

Je n'enverrai ma lettre à Diderot qu'après avoir quelque chose de positif, et s'il se peut, de consolant, à lui dire pour le bonhomme Simon; Diderot me demande une réponse qui ne tarde pas trop. Oserais-je supplier Votre Majesté de me marquer sa volonté à cet égard; de m'apprendre si la suite de Zapata est bonne à mettre au feu, et d'agréer le très-profond respect avec lequel etc.

Быть можетъ когда-нибудь я буду имѣть нѣкоторыя изъ этихъ медалей относящихся до различныхъ событій царствованія Екатерины II.

Не знаю какъ представлена была Вашему Величеству мысль объ аллегорическомъ змѣѣ ([46]), мнѣ неизвѣстно также угадали ли вы кто изобрѣтатель. Но вчерашнее объясненіе было подъ конецъ признано удовлетворительнымъ. Присовокупляю или повторяю, продолжая представлять скромныя свои соображенія, что эта аллегорія не служа поводомъ къ дурнымъ толкованіямъ придаетъ предмету всю свойственную ему силу, которой онъ не имѣлъ прежде. Пренебреженіе эмблемою простою, ясною, выразительною, нообходимою равнозначительно непониманію своего предмета.

У меня нѣтъ ни пороха ни пушекъ, а сегодня годовщина счастливаго воцаренія философіи. Мое привѣтствіе препростое, пресмиренное, совершенно чуждое артиллеріи, не смотря на то канонично потому что оно правдиво, потому что оно исходитъ отъ чистаго сердца, и потому что Императрица вполнѣ въ томъ увѣрена.

Письма Дидероту я не пошлю покуда не буду имѣть чего-либо положительнаго и если возможно утѣшительнаго для Симона; Дидеротъ проситъ отвѣчать не очень медливъ. Смѣю ли умолять Ваше Величество сообщить мнѣ Вашу волю по сему предмету, а также наставить меня относительно того не слѣдуетъ ли продолженіе рукописи Запата бросить въ огонь. Примите и пр.

№ 27.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 30 Іюня 1768 г.

St-Pétersbourg, 30 Juin 1768.

Madame,

Votre Majesté Impériale m'a demandé si les médailles pouvaient se passer d'allégories ou comment il serait possible qu'elles s'en passassent. Les médailles sont le mémorial d'un évènement qui doit y être marqué par des signes assez clairs pour donner le moins d'ouvrage possible aux commentateurs, surtout aux contemporains.

J'ai une médaille, ou plutôt un jeton frappé à l'occasion du mariage de Louis quatorze. D'un côté est la tête du Roi et celle de la Reine en regard; de l'autre, est un champ qu'une pluie douce féconde; la devise est: *non lotior alter* (*nul autre plaisir*). Rien de plus simple et de plus significatif. Les docteurs dans l'art numismatique n'eussent pas manqué de camper une femme garnie de tous ses attributs qu'ils eussent appelée la fécondité; une autre appelée la fidélité ou la foi conjugale etc. etc. Mon faiseur de jetons s'est bien autrement tiré d'affaire avec une petite pluie. Il semble même qu'à l'exemple il ait joint le précepte, en écrivant qu'il n'en faut pas davantage *non lotior alter*.

C'est à mon avis, s'il m'est permis d'en avoir un, la meilleure manière de traiter les emblèmes; il faudrait diminuer, supprimer entièrement, s'il

---

№ 27 Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Величество изволили спросить меня могутъ ли медали обойтись безъ аллегорій или какимъ путемъ это могло бы сдѣлаться возможнымъ. Медали составляютъ упроченіе въ памяти событія, которое должно быть изображено знаками ясными на столько, чтобы какъ можно менѣе затруднить коментаторовъ, и въ особенности современниковъ.

У меня есть медаль или скорѣе жетонъ выбитый по случаю свадьбы Людвига XIV. Съ одной стороны глядящія другъ на друга головы короля и королевы; съ другой поле оплодотворяемое живительнымъ дождемъ; девизъ таковъ: нѣтъ инаго удовольствія. Ничто не можетъ быть проще и многозначительнѣе. Доки нумизматическаго дѣла не приминули бы помѣстить женщину со всѣми женскими атрибутами и окрестили бы ее плодовитостью; другую назвали бы супружескою вѣрностью и т. п. Тотъ кто сдѣлалъ мой жетонъ совсѣмъ иначе вывернулся съ своимъ дождикомъ. Къ примѣру онъ подобралъ и нравоученіе написавъ, что иное удовольствіе излишне. Такое обращеніе съ эмблемами есть наилучшее, если мнѣ позволено будетъ высказа- свое мнѣніе; слѣдовало бы уменьшить, а если можно то совсѣмъ уничтожить

était possible, ces personnages embarrassants, froids, équivoques; cette abondance stérile qui décèle toujours la routine, est rarement le génie. Il y a peu de productions dans les avis où l'on puisse dire, voilà une pensée. Ne serait ce pas une raison de sévir contre les moyens trivials et louches, afin d'engager, de forcer même certains savans à être moins bêtes.

Un sujet de médaille est-il historique? — représenter l'histoire, c'est un tableau. Y faut-il de l'allégorie? — exprimez-la par des emblêmes qui aient une signification reçue: il y en a tant! Puisez-les dans votre sujet, il vous en fournira toujours, si vous savez les trouver, sans avoir recours aux emblêmes à personnages.

La place de dessinateur du cabient du Roi de France était vacante; on fit un concours pour nommer à cette place. Les beaux esprits pretendants s'évertuèrent à qui mieux mieux. Les belles dames représentant ceci ou cela ne furent point épargnées. Le sujet donné était la convalescence du Roi. Messonier dessina le bel escalier de l'orangerie de Versailles: une partie du château paraissait au haut, derrière lequel un soleil levant sortait des nuages qu'il dissipait. Messonier fut nommé.

Si on eût dit à Messonier, faites une statue qui représente la paix, la guerre, l'hiver, le printemps ou tel autre sujet, Messonier eût fait une figure humaine mâle ou femelle, et il eût bien fait, parce qu'il n'aurait pu faire autrement.

человѣческія фигуры, путающія дѣло, холодныя, двусмысленныя; это убогое обиліе всегда обличающее рутину и рѣдко геній. Въ произведеніяхъ различныхъ мнѣній рѣдко можно сказать: *вотъ мысль*. Не слѣдовало ли бы вооружиться противъ пошлыхъ, косыхъ средствъ и тѣмъ посовѣтовать или даже заставить нѣкоторыхъ ученыхъ быть менѣе глупыми.

Если предметъ медали историческій, то вѣдь изображать исторію значитъ писать картину. Нужна ли аллегорія? выразите свой предметъ эмблемами имѣющими общепринятый смыслъ: ихъ столько. Почерпните ихъ въ своемъ предметѣ, онъ вамъ ихъ представитъ такое множество, если только вы съумѣете ихъ найти, но не прибѣгайте къ эмблемамъ изображающимъ людей.

Мѣсто рисовальщика въ кабинетѣ французскаго короля было свободно; назначенъ былъ для соискателей конкурсъ. Величающіе себя умницами силились перещеголять другъ друга. Красавицъ изображающихъ то или другое не пощадили. Задача имѣла предметомъ выздоровленіе короля. Месонье нарисовалъ превосходную лѣстницу Версальской оранжереи: часть замка виднѣлась вверху; за замкомъ восходящее солнце показывалось изъ за разсѣеваемыхъ имъ тучъ. Месонье былъ назначенъ.

Если бы ему сказали сдѣлайте статую, изображающую миръ, войну, зиму, весну или что либо иное, то Месонье изобразилъ бы мужскую или женскую фигуру, и хорошо бы сдѣлалъ потому что онъ не могъ бы сдѣлать иначе.

Voilà, Madame, ce qu'avec plus de sagacité ou plus de loisir, j'aurais dit à Votre Majesté dans son cabinet, lorsqu'elle me parla des allégories. Si je me suis trompé dans ma hardiesse à produire mon avis, j'en serai vraiment fâché, parce que j'aime les idées simples qui souvent disent plus que les idées compliquées et tirées de loin.

№ 28.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 1 Іюля 1768 г.

1 Juillet 1768.

Le conseil de M. Guillaume est bon; priez Mad. Collot de prendre un bloc et d'en faire ma physionomie. L'exécution de ma statue en bronze ne trouvera de difficulté que dans ma propre délicatesse, mais celle-ci cèdera peut-être à la beauté de votre esquisse qui me fera oublier mes résolutions précédentes. La médaille ne sera frappée qu'après que vous le voudrez bien et point du tout avant.

Le serpent allégorique ne me déplaît ni ne me déplairait, on me l'a proposé tout simplement comme une idée qui vous était venue, mais comme souvent l'on met sur le compte d'autrui ce qui nous appartient, j'ai différé d'acquiescer à ce sentiment jusqu'à ce que j'aie su votre pensée, et lorsque vous m'avez dit ce qui en était, j'ai voulu relever toutes les objections qu'on pouvait faire contre ce serpent mais je ne m'y oppose plus.

Au sujet du bonhomme Simon, j'ai fait faire des informations et jus-

---

Вотъ Государыня, что при бо̀льшей смѣткѣ или большемъ промежуткѣ времени, я сказалъ бы Вашему Величеству въ кабинетѣ Вашемъ, когда Вы заговорили со мною объ аллегоріяхъ. Если я ошибся въ той смѣлости, съ которою высказалъ свое мнѣніе, то весьма о томъ сожалѣю потому что люблю мысли простыя, которыя выражаютъ часто болѣе чѣмъ сложныя, замысловатыя идеи.

№ 28. Совѣтъ Г. Гильома хорошъ, попросите г-жу Колло взять камень и сдѣлать мою физіономію. Исполненіе бронзовой моей статуи встрѣтитъ затрудненія въ собственной моей деликатности, но быть можетъ прелесть вашего эскиза заставитъ меня забыть прежнія мои намѣренія. Медаль будетъ выбита когда вы того захотите и никакъ не ранѣе.

Аллегорическая змѣя ни нравится ни не нравится мнѣ, о ней было говорено мнѣ просто какъ о пришедшей Вамъ въ голову мысли, но такъ какъ нерѣдко другому навязываютъ свое, то я повременила выраженіемъ своего согласія покуда узнала отъ васъ ваше мнѣніе, мнѣ хотѣлось выяснить всевозможныя противъ змѣи возраженія, но теперь я ей не противлюсь.

Что касается Симона, то я велѣла навести справки, но до сихъ поръ ничего

qu'ici il n'y a rien de consolant pour lui; on dit que dans ce temps il y avait ici un sculpteur nommé Penault — mais je n'ai encore trouvé aucune trace du nom de Simon, le Comte Munich, fils de celui que Simon cite ne sait rien de cette histoire, quoique son père fût grand conteur et que lui-même eût plus de trente ans alors; outre cela personne jamais n'a entendu dire que l'Amiral Apraxin ([47]) ait eu des dettes: c'était un homme exhorbitamment riche, qui a laissé des sommes considérables et des biens immenses; ainsi on ne voit point pourquoi l'Impératrice eût voulu payer ses dettes; il légua sa plus belle maison par testament à la couronne; elle fait partie du palais d'Hiver que j'occupe dans cette saison.

Je trouve que la suite de Zapata est plus accablante que le livre même; on ne saurait rien répondre à votre logique. Vous voudrez bien que je vous remercie du beau compliment que vous articulez à la fin de votre lettre au sujet de la fête. Quand il vous plaira, monsieur, que je voie l'homme et le cheval, vous me l'enverrez dire.

№ 29.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 9 Іюля 1768 г.

St-Pétersbourg, le 9 Juillet 1768.

Madame,

Si à toutes les bontés de Votre Majesté Impériale vous ajoutez celle d'ordonner qu'on envoie l'estampe de Sully, M-lle Collot en fera l'étude en attendant du marbre, celui qu'on croyait bon n'étant rien moins.

утѣшительнаго для него не оказывается. Говорятъ, что около того времени былъ здѣсь скульпторъ по имени Пино, но нигдѣ еще я не нашла слѣда имени Симона. Графъ Минихъ сынъ упоминаемаго Симономъ ничего объ этой исторіи не вѣдаетъ, хотя отецъ его былъ большой разскащикъ, и хотя самъ онъ въ то время имѣлъ болѣе тридцати лѣтъ, сверхъ того никто никогда не слыхалъ чтобы адмиралъ Апраксинъ ([47]) имѣлъ долги, то былъ человѣкъ страшно богатый, который оставилъ значительные капиталы и огромныя помѣстья, слѣдовательно для Императрицы не было повода платить его долги, онъ завѣщалъ казнѣ лучшій изъ своихъ домовъ, составляющій нынѣ ту часть зимняго дворца, которую я занимаю въ это время года.

Я нахожу что продолженіе Запаты убѣдительнѣе самой книги, противъ вашей логики, нечего возражать. Позвольте благодарить Васъ за лестное привѣтствіе ваше по случаю праздника. Когда вы захотите чтобъ я посмотрѣла на челокѣка и на лошадь, то пришлите меня о томъ увѣдомить.

Всемилостивѣйшая Государыня.

о всѣмъ своимъ милостямъ Ваше Величество присовокупитъ приказаніе ампу Сюлли, то г-жа Колло займется изученіемъ ея во ожиданіи мра- какъ тотъ что почитали хорошимъ оказался негоднымъ.

Le cavalier et son coursier s'ébauchent; et j'espère que si Votre Majesté veut y donner un coup d'oeil, le jour qu'elle viendra mettre la première pierre à la nouvelle église, je serai en état de lui montrer mon ébauche.

J'ai envoyé sur-le-champ la réponse au mémoire: cette réponse me paraît frappante. M. de Cotensky a sans doute reçu des ordres pour le manuscrit de M. Rulière; je n'ai pas cru devoir en écrire.

S'il était possible de savoir ce que serait le bas-relief dont a parlé Votre Majesté, il serait aisé de voir si la sculpteuse est en état de l'entreprendre.

L'esquisse du prétendu rêve sera dans l'atelier où travaille M-lle Collot; si Votre Majesté veut l'y voir seule, lorsqu'elle viendra pour mon grand modèle, elle aura la bonté de me donner ses ordres.

№ 30.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 14 Іюля 1768 г.

A Péterhof, ce 14 Juillet 1768.

Monsieur Falconet, le petit comte Schouwalof ([48]) m'a promis de vous remettre l'estampe de Sully, je ne sais ce qu'est devenue la mienne. Je n'ai jamais osé tourner Jeudi passé du côté du cavalier et du coursier quoique j'aie beaucoup rôdé dans les environs de ce chef-d'oeuvre futur, mais je ne négligerai point l'invitation que vous me faites pour le jour que sera posée

---

Всадникъ и конь его принимаютъ болѣе опредѣлительные образы; надѣюсь быть въ состояніи показать Вашему Величеству свой глиняный очеркъ, если Вамъ угодно будетъ бросить на него взглядъ въ день закладки новой церкви.

Я тотчасъ отправилъ отвѣтъ на записку; отвѣтъ мнѣ кажется поразительнымъ. Г. Хотинскій конечно получилъ приказанія относительно рукописи Рюльера; я не счелъ нужнымъ писать объ этомъ.

Если бы можно было знать каковъ долженъ быть барельефъ, о коемъ Ваше Величество упоминали, то легко бы видѣть въ состояніи ли скульпторша предпринять его исполненіе.

Очеркъ мнимаго сна будетъ находиться въ мастерской гдѣ работаетъ г-жа Колло; если Вашему Величеству угодно одной взглянуть на него, при посѣщеніи моей модели, то соблаговолите дать мнѣ о семъ приказаніе.

№ 30. Господинъ Фальконетъ. Маленькій графъ Шуваловъ ([48]) обѣщалъ передать вамъ эстампу Сюлли, не знаю куда дѣвалась моя. Я никакъ не посмѣлъ прошедшій четвергъ завернуть къ всаднику съ его конемъ, хотя много странство въ окрестностяхъ этого будущаго дива, но не примину воспользоваться приглашен.

la première pierre de l'église qui à sa naissance a éprouvé plus de tribulations et de persécutions que les chrétiens des premiers siècles (49).

J'ai fait écrire par rapport au manuscrit de ce M-r Rulière.

Les deux bas-reliefs dont j'ai parlé sont deux ovales au-dessus de deux portes; les sujets sont au choix du faiseur. J'ai été bien fâchée de n'avoir plus trouvé à l'Académie les bustes qui y étaient exposés; les campagnards sont gauches, dit-on; je l'ai éprouvé, je suis venue trop tard. Je trouve votre lettre sur les allégories digne d'être insérée dans l'Encyclopédie et je me le tiendrai pour dit, sur cet article; il ne m'en faut plus; le tableau de M-me Terbousch est très-mauvais à mon avis; jamais on n'a fait une plus grande dépense en couleur rouge, apparemment elle avait entendu parler d'imagination couleur de rose. Adieu, Monsieur, portez-vous bien.

№ 31.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 16 Іюля 1768 г.

De St-Pétersbourg, le 16 Juillet 1768.

Madame,

Votre Majesté Impériale m'a dit que si M. de la Rivière se fût comporté de manière à rester à son service, il eût été consulté sur les matières de jurisprudence, et surtout ce qui peut d'ailleurs contribuer au bonheur de l'Empire et à la gloire de votre règne. Il n'y a aucun doute que j'ai sur

---

вашимъ на день закладки церкви, которая при возникновеніи своемъ испытываетъ болѣе неудачъ и гоненій чѣмъ христіане первыхъ вѣковъ (49).

Я велѣла написать относительно рукописи этого господина Рюльера.

Тѣ два барельефа о конхъ я говорила суть два овала предназначаемые для помѣщенія надъ дверьми, сюжеты предоставляются усмотрѣнію художника. Я очень сожалѣла, что не нашла болѣе въ академіи тѣхъ бюстовъ, которые были въ ней выставлены, деревенскіе жители говорятъ неловки, я испытала это пріѣхавъ слишкомъ поздно. Нахожу письмо ваше объ аллегоріяхъ достойнымъ помѣщенія въ энциклопедіи, впередъ буду знать что думать объ этомъ предметѣ и не буду нуждаться въ подтвержденіи; картина г-жи Тербушъ очень плоха по моему мнѣнію. Никогда никто такъ не расточалъ красной краски, вѣроятно она наслышалась о розовомъ воображеніи. Прощайте, будьте здоровы.

№ 31. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество изволили сказать мнѣ, что если бы г. Ривьеръ велъ себя такъ, что его можно было оставить на службѣ, то съ нимъ совѣщались бы о вопросахъ правовѣдѣнія и о всемъ томъ что могло бы споспѣшествовать благополучію Имперіи и славѣ Вашего царствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что я объ этихъ двухъ

ces deux objets les mêmes désirs que pour la réussite de la statue de Pierre Premier et celle de Catherine Seconde. En conséquence, oserais-je vous proposer, Madame, un homme qui sans tons législatifs, sans airs d'intendant, sans prétentions extravagantes, sans tout ce ridicule apparat, servirait peut-être aussi utilement Votre Majesté que l'auteur de *l'ordre essentiel* aurait pu faire.

C'est l'idée que j'ai de M. de Villier, avocat de Paris. Il était depuis 3 ans en Angleterre pour y étudier les lois. Il fut mandé par M. de la Rivière pour venir ici l'aider dans ses travaux, et, si on peut le dire, c'est l'homme sur lequel il comptait le plus, et il avait raison. M. de Villier, arrivé à Riga, apprit que son patron était retourné dans ses paisibles foyers: il était trop avancé pour ne pas désirer de voir la Russie. Il est à Pétersbourg depuis deux ou trois mois, toujours tranquille, toujours étudiant, ne demandant rien; mais assez honnête pour ne pas faire la petite bouche sur ce qui pourrait lui convenir. Ayant cependant trouvé un homme judicieux et bon appréciateur qui lui proposa la place de scribe chez M. de Bezky, ce qu'il ne crut pas devoir accepter.

Voilà donc un homme de mérite trompé aussi que bien d'autres, plutôt par les circonstances que par M. de la Rivière. Nous lui avons conseillé, M. King et moi, de ne pas trop se réclamer de la personne qui l'avait mandé, vu que cette recommandation ne ferait pas fortune ici, et nous lui avons dit pourquoi.

предметахъ имѣю тѣже желанія какъ объ успѣшномъ исполненіи статуй Петра Перваго и Екатерины Второй согласно съ этимъ осмѣлюсь ли предложить Вамъ человѣка, который безъ законодательныхъ замашекъ, безъ важничанія, безъ претензій, безъ всей этой смѣшной обстановки быть можетъ окажется полезнымъ Вашему Величеству на столько, на сколько г. Ривьеръ могъ бы имъ сдѣлаться.

Таково мое мнѣніе о г. Вильерѣ, парижскомъ адвокатѣ. Онъ уже три года находился въ Англіи для изученія англійскихъ законовъ, когда г. Ривьеръ вызвалъ его сюда чтобы помогать ему въ занятіяхъ, онъ на него всего болѣе разсчитывалъ и былъ правъ. По пріѣздѣ своемъ въ Ригу г. Вилеръ узналъ что его патронъ возвратился въ отчизну; заѣхавъ такъ далеко онъ размуѣется хотѣлъ посмотрѣть на Россію. Онъ находится въ Петербургѣ два или три мѣсяца преспокойно занимается, ничего не проситъ, но конечно такъ благоразуменъ что не станетъ отказываться отъ сколько нибудь подходящихъ предложеній. Нашелся однако умный человѣкъ, тонкій цѣнитель, предлагающій ему мѣсто писца при г. Бецкомъ, чего онъ однако не призналъ за благо принять.

Вотъ достойный человѣкъ, обманутый обстоятельствами скорѣе чѣмъ г. Ривьеромъ. Мы ему посовѣтовали, г. Кингъ и я, не слишкомъ напирать на личность его вызвавшую, потому что эта рекомендація немного ему здѣсь послужитъ и объяснили при этомъ почему.

Très-assurément le salon de Diderot a des ennemis qui le poursuivent jusque dans sa retraite. Votre Majesté a sans doute lu dans la gazette de Hambourg que M. le Mercier de la R.: *avait été appelé en Russie pour y présider à la composition du nouveau code de lois... qu'il trouva à Moscou 800 députés qui devaient l'aider dans cette grande entreprise; qu'il condamna une loi par laquelle Sa Majesté s'engageait à ne point punir de mort aucun des membres de ce Sénat national, et qu'il s'est fait beaucoup d'ennemis par là* etc. Il n'y a guère d'apparence que tout cela soit vrai; mais n'y en aurait-il pas une sorte, que cet article n'a été fait que pour donner quelques ridicules de plus à M. de la Rivière.

Quoiqu'il en soit, si Votre Majesté voulait avoir un légiste étranger, et non pas législateur, elle aurait, peut-être, sous la main et tout simplement, ce qui lui conviendrait. Les maîtresses, les abbés, les philosophes, n'en feraient point la grande affaire universelle; le tranquille et modeste M. de Villier ne crierait pas avec emphase, que *toute l'Europe a les yeux sur lui.* Mais le service de Votre Majesté ne s'en ferait pas moins: il y a même apparence qu'il se ferait mieux.

Il serait singulier, et je le regarderais comme un surcroît de mon bonheur, sans pourtant le dire à toute l'Europe, il serait singulier, dis-je, que je puisse *ainsi* contribuer, en quelque sorte, à ce que j'ai tant à coeur. Si le sujet n'était pas convenable après information, il serait aisé de ne le point

---

Несомнѣнно гостиная Дидерота имѣетъ непріятелей преслѣдующихъ его даже въ его уединеніи. Ваше Величество, безъ сомнѣнія читали въ Гамбургской газетѣ что г. Мерсье-де-Ларивьеръ былъ вызванъ въ Россію, для председательствованія при сочиненіи новаго уложенія, что онъ нашелъ въ Москвѣ 800 депутатовъ долженствовавшихъ помогать ему въ этомъ большомъ предпріятіи; что онъ забраковалъ законъ, которымъ Императрица обѣщала не наказывать смертью ни одного изъ членовъ этого народнаго сената, что этимъ онъ нажилъ много враговъ. Нѣтъ правдоподобія чтобы все это было справедливо, но не похоже ли на то что вся статья написана съ цѣлью еще болѣе осмѣять г. Ривьера?

Какъ бы то ни было, если Вашему Величеству угоденъ иностранный законовѣдъ, а не законодатель, то быть можетъ у Васъ подъ рукою, безъ затѣй находится то что Вамъ нужно. Сплетницы, аббаты, философы не прокричатъ объ этомъ на весь міръ; спокойный, скромный г. Вильеръ не станетъ торжественно разглашать, что вся Европа не сводитъ съ него глазъ. Но служба Вашего Императорскаго Величества отъ этого не потерпитъ, быть можетъ даже она выиграетъ.

...ю бы любопытно и я видѣлъ бы въ томъ избытокъ счастья, не возвѣщая того Европѣ, если бы я такимъ путемъ могъ содѣйствовать тому чего такъ желаю. Если бы по собраннымъ свѣдѣніямъ, упоминаемое лице оказалось ...ствующимъ, то легко было бы его не брать или отблагодарить, въ томъ

engager, ou de le remercier. Si on eût été plus avant, l'affaire commencerait sans trompette et finirait sans scandale. Je sais que cela regarde M. le Comte Panin; je voudrais pouvoir lui parler comme à Vous, Madame, ma conduite serait plus régulière, sans doute; mais peut-elle ne l'être pas en me confiant sans réserve à Votre Majesté Impériale? Je la supplie d'agréer, etc.

P. S. Les ouvrages de M-lle Collot n'étaient plus à l'académie, parce qu'on ne lui avait pas dit que Votre Majesté y viendrait.

№ 32.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 17 Іюля 1768 г.

Monsieur Falconet, je reconnais dans la recommandation que vous me faites de M. de Villier, l'attachement et la confiance, que vous ne cessez de me témoigner, depuis que nous avons fait la connaissance l'un de l'autre; il n'est aucunement nécessaire de parler à M. de Panin de cet homme, je lui avait donné M. de la Rivière parce qu'il sait bien manier les esprits difficiles et rabaisser le caquet quand il le faut. Pour M. de Villier, faites-moi le plaisir de l'aider à faire la connaissance du petit Comte Schouwalow auquel je dirai de la rechercher, et lorsque celui-ci verra ce que c'est que cet homme et s'il est propre à être légiste, nous le feront peut-être consultateur du général Procureur, (si cela accommodera M. de Villier aussi,

---

случаѣ если бы дѣло зашло дальше, оно началось бы безъ шума, а окончилось безъ скандала. Я знаю что это касается графа Панина, желалъ бы быть въ состояніи говорить съ нимъ какъ съ Вами, мой образъ дѣйствій былъ бы конечно правильнѣе; но можетъ ли онъ быть неправиленъ когда я всецѣло ввѣряюсь Вашему Императорскому Величеству.

Приписка: Труды г-жи Колло не находились болѣе въ Академіи, потому что о пріѣздѣ Вашего Величества ей ничего сказано не было.

№ 32. Господинъ Фальконетъ. Рокомендуя мнѣ г. Вильера вы выказываете мнѣ ту преданность и довѣріе, кои постоянно выражаете мнѣ съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами познакомились; Панину объ этомъ человѣкѣ совсѣмъ говорить не слѣдуетъ, Ривьера я ему поручила потому что онъ умѣетъ обращаться съ умами шороховатыми, умѣетъ когда надобно посбить спѣси. Что касается г. Вильера, то сдѣлайте одолженіе помогите ему познакомиться съ маленькимъ графомъ Шуваловымъ, которому я съ своей стороны внушу это и когда онъ увидитъ что это за человѣкъ, если онъ годится въ законовѣды, то можетъ быть мы сдѣлаемъ его юрисконсультомъ генералъ-прокурора, (разумѣется если г. Вильеръ того захочетъ), который на основаніи изданнаго мною годъ тому назадъ положенія долженъ имѣть такихъ юрисконсультовъ че-

s'entend) qui doit en avoir quatre, selon un règlement que j'ai fait il y a un an pour la commission législative; or il n'en a encore qu'un, et un habile homme lui conviendrait parfaitement; nous en avons déjà cherché en Allemagne, quelques-uns de ceux-ci n'ont demandé que dix mille ducats d'appointemens, et les traités se sont arrêtés parce que les conseils au poids d'or ne sont pas toujours les meilleurs et que nous appréhendions encore les chicanes du droit Romain, lesquels, si l'on voulait, on pourrait avoir à meilleur marché; mais si votre homme est bon et habile, on lui fera des conditions très-raisonnables. Adieu, Monsieur, j'ai fait hier et avant-hier 150 verstes sur la mer (50), j'ai vu exercer avec plaisir une de mes escadres en mer, je suis revenue cette nuit ici, où je suis toujours avec la même estime pour le faiseur du Héros et de son coursier.

A Péterhof, ce 17 Juillet 1768. Catherine.

№ 33.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 22 Августа 1768 г.

A St-Pétersbourg, le 22 Août 1768.

Madame,

On croit souvent que tout est bien, et tout n'est pas bien. Votre Majesté Impériale trouve que l'habillement de la statue est convenable, parce qu'elle sait pourquoi je l'emploie. Mais des personnes très-recommandables ont et répandent un autre avis. Comme je sais à peu près leurs raisons, je crois y répondre dans l'extrait de lettre ci-joint, auquel j'ai donné plus

---

тыре, а до сихъ поръ имѣетъ лишь одного; искусный человѣвъ ему бы пригодился. Мы уже искали такихъ людей въ Германіи, нѣкоторые запросили всего десять тысячъ червонцевъ жалованья, на этомъ переговоры остановились потому что совѣты на вѣсъ золота, не всегда бываютъ лучшими, а также потому что мы опасались хитросплетеній Римскаго права, которыя можно бы усвоить и за болѣе дешевую цѣну, но ежели рекомендуемый вами человѣкъ хорошъ и знающъ, то ему будутъ предоставлены очень хорошія условія. Прощайте, Милостивый Государь, я сдѣлала вчера и третьяго дня 150 верстъ моремъ (50), съ удовольствіемъ видѣла морскія маневры одной изъ своихъ эскадръ, сегодня ночью вернулась сюда, гдѣ пребываю съ тѣмъ же уваженіемъ къ дѣлателю Героя и его коня.

№ 33. Всемилостивѣйшая Государыня,

Часто думаешь что все хорошо, а на дѣлѣ не все хорошо. Ваше Императорское Величество находите что одѣяніе статуи прилично, потому что Вамъ извѣстно почему я его избралъ. Между тѣмъ люди весьма почтенные имѣютъ и распространяютъ совсѣмъ иное мнѣніе. Зная ихъ доводы, я считаю нужнымъ возражать въ прилагаемомъ при семъ извлеченіи изъ письма, которое я не счелъ нужнымъ излагать про-

d'etendue qu'il n'en avait, lorsque je le présentai la première fois à Votre Majesté. Je la supplie de jeter un coup d'oeil sur celui-ci, et de me dire si je dois rétréçir une idée de génie, ou la continuer d'une manière digne de Pierre Premier et de Catherine Seconde.

Je n'ai rien de plus à coeur que de dire la vérité à Votre Majesté, surtout lorsqu'il s'agit de son service. En conséquence, voici une lettre de M. de Villier qui donne la raison de sa sortie de France, raison qu'il est bon de savoir au juste. J'aurais le plus grand chagrin de m'être mêlé d'un homme dont la probité ne serait pas exacte. Mais je n'ai pas cette crainte, et j'aperçois de plus en plus que Votre Majesté sera également bien servie par l'honnêteté et par les talents de ce galant homme. Il attend qu'on le mette à l'ouvrage: le contrat est fait.

№ 34.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 27 Августа 1768 г.

Monsieur Falconet, méprisez les bavards; y aurait-il même parmi eux des gens recommandables; d'ailleurs, voilà ce que je répète et ce que je vous ai dit déjà très-souvent. Votre extrait de lettre à M. Diderot répond parfaitement au *si* et au *mais*, il me semble que vous agissez avec votre ami comme un homme bien sûr de son fait, et que vous vous moquez de

---

страннѣе чѣмъ когда представлялъ его въ первый разъ Вашему Величеству. Умоляю Васъ бросить взглядъ на это приложеніе и сказать мнѣ долженъ ли я съ съузить геніальную идею или продолжать достойнымъ Петра Перваго и Екатерины Второй образомъ.

Ни къ чему сердце меня не тянетъ, столько какъ къ полной откровенности предъ Вашимъ Величествомъ, особливо когда рѣчь идетъ о службѣ Вашей. Согласно съ этимъ вотъ письмо г. Вильера, излагающее причины, по коимъ онъ выѣхалъ изъ Франціи, причины эти полезно знать навѣрное. Я былъ бы крайне огорченъ если бы вступился за человѣка, честность котораго не была бы безупречна. Но я этого не опасаюсь и убѣждаюсь болѣе и болѣе что Вашему Величеству одинаково хорошо служить будутъ и честность и таланты этого добропорядочнаго человѣка, онъ ждетъ чтобъ его посадили за работу: контрактъ заключенъ.

№ 34. Господинъ Фальконетъ, презирайте болтуновъ, будь между ними и почтенные люди вотъ что я повторяю и что уже неоднократно вамъ говорила. Извлеченіе изъ письма вашего Дидероту прекрасно отвѣчаетъ на *если* и *но*, мнѣ кажется что вы поступаете въ отношеніи своего пріятеля, какъ человѣкъ очень увѣренный въ себѣ, и смѣетесь надъ тѣми другими болтунами, утверждающими что вы въ ссорѣ,

ces autres bavards qui vous disent brouillés; je vous avoue que j'ai trouvé le pourquoi absurde et destitué de vraisemblance. Cette semaine ne se passera pas sans que l'expédition pour M. de Villiers ne soit signée, je savais son histoire. Bonjour, Monsieur.

Ce 27 Août 1768.

№ 35.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 7 Сентября 1768 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale trouve ici une lettre d'un M. De Haussay. Si c'était un homme vraiment honnête, vraiment utile, si on savait auprès de qui, ou à quoi il pourrait être employé, s'il pouvait augmenter le petit nombre de français estimables qui sont ici, il ne faudrait peut-être pas l'éconduire; mais aussi ne conviendrait-il pas que ma réponse l'engageât à faire trop légèrement le voyage. J'ose supplier Votre Majesté de me prescrire ce que je répondrai.

Le bien, si petit qu'il paraisse, lorsqu'il peut produire le bien, n'est jamais petit aux yeux de votre philosophie, la plus véritable que je connaisse.

Du peu de russes que je vois, et qui pourraient m'aider, je n'en sais aucun à qui je puisse parler avec autant de franchise qu'à Votre Majesté;

признаюсь «*почему*» показалось мнѣ нелѣпымъ и лишеннымъ правдоподобія. Недѣля эта не пройдетъ безъ назначенія г. Вильера, я знала его исторію. Прощайте Милостивый Государь.

№ 35. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество найдете при семъ письмо никоего Дехосе. Если бы знать что это человѣкъ истинно честный, истинно полезный, на что и при комъ онъ можетъ быть полезенъ, если бы онъ могъ увеличить то небольшое число достойныхъ уваженія французовъ, кои проживаютъ здѣсь, то быть можетъ ему и не слѣдовало бы отказывать; но равнымъ образомъ письмо мое не должно слишкомъ легкомысленно подвигнуть его на путешествіе. Смѣю умолять Ваше Величество сказать мнѣ что я долженъ отвѣчать.

Добро, какимъ бы незначительнымъ оно не представлялось, когда оно можетъ воспроизвести добро, никогда не незначительно въ глазахъ вашей философіи, единой истинной.

Изъ немногихъ извѣстныхъ мнѣ Русскихъ, я не знаю ни одного съ коимъ могъ бы говорить такъ откровенно какъ съ Ваше Величествомъ; поистинѣ ни къ кому

je ne puis donc vraiment m'adresser qu'à elle. Je la supplie de me le pardonner et d'agréer... etc.

24 Septembre 1768.

Si la suite de Zapata existe encore, oserais-je supplier Votre Majesté de m'en laisser prendre une copie?

№ 36.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 23 Сентября 1768 г.

Monsieur Falconet, je vous prie d'écrire à M. Diderot que j'ai ordonné à M. Kotinski de traiter avec le S. de Rulière de son manuscrit. Je viendrai chez vous un de ces jours. M. Betzki m'a dit que vous le désiriez.

Le 23 Septembre 1768.

№ 37.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 25 Сентября 1768 г.

Dès que M. de Haussay ne veut point de mon service ni d'aucun autre, vu son serment et le peu d'envie de s'expatrier, je ne saurais lui être utile, je ne connais ici aucune maison où il pourrait trouver son compte. Je vous renvoie la suite du Zapata que j'ai enfin retrouvé. Je suis tentée de croire que vous me donnez vos lettres à lire pour que je ne croie pas qu'elles contiennent des affaires d'Etat, n'allez pas me supposer les principes de la République de Venise, je n'aime ni l'inquisition spirituelle ni la politique. Mes tableaux sont bien beaux; quand vous plaira-t-il de les venir voir?

Vendredi au matin.

Crayon de Falconet «25 Septembre 1768».

другому не могу обратиться съ такою чистосердечностью. Умоляю простить меня и принять и пр....

Приписка. Если продолженіе Запаты существуетъ, то смѣю ли умолять Ваше Величество дозволить мнѣ списать копію.

№ 36. Господинъ Фальконетъ. Прошу васъ написать г. Дидероту что я приказала Хотинскому войти въ переговоры съ Рюльеромъ о его рукописи. Я пріѣду къ вамъ на дняхъ. Г. Бецкій сказалъ мнѣ что вы того желаете.

№ 37. Если г. Дехосе не хочетъ вступить ни въ мою, ни въ чью-либо иную службу, вслѣдствіе данной имъ присяги и нежеланія покинуть отечество, то я не могу быть ему полезною, я не знаю здѣсь такого дома, который бы удовлетворялъ его требованіямъ. Посылаю вамъ обратно продолженіе Запато, которое я наконецъ отыскала. Я склонна подозрѣвать что вы даете мнѣ читать свои письма, чтобы я не думала что онѣ касаются государственныхъ дѣлъ, не воображайте что я придерживаюсь началъ Венеціанской республики, я не люблю инквизиціи ни духовной, ни политической. Картины мои очень хороши, когда вы заблагоразсудите придти на нихъ посмотрѣть.

Въ Пятницу утромъ. (Помѣта Фальконета карандашомъ «25 Сентября 1768».)

№ 38.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 27 Октября 1768 г.

A St-Pétersbourg, le 27 Octobre 1768.

J'apprends tous les jours les nouveaux succès de la témérité de Votre Majesté Impériale à braver les arrêts de la sacrée faculté. Cette faculté à qui l'âge a donné tant de savoir et d'expérience, avait prononcé que pour deux sous de guimauve infusée dans trois verres d'eau était un attentat horrible aux décrets de la divine providence, si on la prenait pour prévenir une maladie mortelle.

Il est vrai qu'à l'exception de plusieurs milliers de rebelles, qui s'en sont bien trouvés, la partie la plus docile a été emportée par de bonnes fluxions de poitrine, pleurésies, fièvres pourpreuses, petites véroles meurtrières, etc. etc. Mais le tout s'est passé on ne peut pas plus théologiquement, et sans donner la moindre atteinte aux décrets de la Sorbonne et par conséquent à ceux de la divine providence.

On pourrait dire que cette même providence avait arrêté que dans des millions de milliards de siècles, Catherine Seconde donnerait l'exemple aux monarques de l'Europe. Mais il s'agit bien ici de raisonner juste! Il faut croire qu'une précaution qui rassurerait les peuples sur la conservation des bons souverains, n'est autre chose qu'un piège de satan, et se bien persuader, avec le gros des esprits, qu'une sacrée faculté doit être mieux au fait des voies de la providence qu'une grande Impératrice.

№ 38. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ежедневно узнаю о новыхъ успѣхахъ знаменующихъ смѣлое сопротивленіе Вашего Величества священнымъ приговорамъ факультета. Этотъ факультетъ, которому лѣта придали столько знанія и опытности изрекъ, что влить въ три стакана воды на два гроша проскурняка значило преступно нарушать предначертанія промысла, если рѣчь шла объ отвращеніи смертельной болѣзни.

Правда, что за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ ослушниковъ, которымъ отъ того посчастливилось, болѣе смиренная часть людскаго рода погибла отъ грудныхъ простудъ, разныхъ горячекъ, смертельной оспы и т. п. Но все это произошло какъ нельзя болѣе согласно съ богословскими началами и не посягая ни въ чемъ на неприкосновенность постановленій Сорбоны, слѣдовательно согласно видамъ провидѣнія.

Можно бы сказать что это самое провидѣніе рѣшило что чрезъ столько то миліардовъ вѣковъ Екатерины II послужитъ примѣромъ для монарховъ Европы. Но здѣсь не у мѣста правильныя разсужденія! Слѣдуетъ вѣрить что предосторожность, которая успокоила бы народы относительно сохраненія добрыхъ государей ничто иное какъ [illegible] сатаны, а за тѣмъ вмѣстѣ съ толпою проникнуться убѣжденіемъ что свя[illegible] лучше знакомъ съ видами промысла, чѣмъ великая Императрица.

Quoi qu'il en soit de cet article de foi, j'ose supplier Votre Majesté d'agréer le témoignage de la plus pure satisfaction de mon coeur. Je sais que des compliments d'une toute autre valeur que le mien, lui donneront à peine le temps de se présenter; mais si Votre Majesté l'aperçoit dans la foule, j'attendrai patiemment que plusieurs braves gens se fassent inoculer le bon sens, à commencer, si l'on veut, par moi, ou par la Sorbonne.

№ 39.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 30 Октября 1768 г.

A Zarsco-Célo, le 30 Octobre 1768.

Monsieur Falconet, vous avez oublié que je suis une Hérétique qui me moque des décrets de la Sorbonne, et que c'est pour cela que je ne mourrai pas de la petite vérole; je ne vois dans la fondation de Robert Sorbonne rien d'infaillible, ils décident souvent pour des absurdités, chose qui à mon avis doit les avoir discrédités depuis longtemps, car enfin le genre humain n'est pas toujours oisons. Or, quand il s'agira de leur inoculer, ou à d'autres, le bon sens, je conseille qu'on prenne de la matière chez vous, voilà l'avis de Catherine seconde qui vous est bien obligée de la part que vous prenez à sa convalescence, quoiqu'elle n'ait point été malade (51).

№ 40.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, (безъ числа) 1768 г.

Monsieur Falconet est prié de nous dire s'il y a à Paris une galerie nommée la galerie du S. Girardon (52), sculpteur ordinaire du Roi? Cette ga-

---

Что бы тамъ ни было въ этомъ вопросѣ вѣрованія, смѣю умолять Ваше Величество принять выраженіе чистѣйшаго сердечнаго моего восхищенія. Я знаю что среди привѣтствій инаго чѣмъ мое значенія, голосъ мой еле успѣетъ до Васъ достигнуть; но если Ваше Величество различите его въ толпѣ, то я терпѣливо буду ожидать чтобы многіе привили себѣ здравый смыслъ, начиная съ меня или пожалуй съ Сорбоны.

№ 39. Господинъ Фальконетъ. Вы забыли что я еретичка посмѣивающаяся надъ декретами Сорбоны, и что потому то я и не умру отъ оспы; за основаннымъ Робертомъ Сорбономъ учрежденіемъ я не признаю непогрѣшимости, часто они провозглашаютъ вздоръ, что по моему мнѣнію давно должно было ихъ обезславить, вѣдь не вѣкъ же быть роду человѣческому въ дуракахъ. Когда же придется этимъ ли мудрецамъ или кому другому прививать здравый смыслъ, то я совѣтую обратиться за матеріею къ вамъ, таково мнѣніе Екатерины II, которая очень признательна вамъ за участіе принимаемое вами въ ея выздоровленіи, хотя она не была больна (51).

№ 40. Господина Фальконета просятъ сказать намъ, существуетъ ли въ Парижѣ галлерея именуемая галлерею Жирардона (52), штатнаго скульптора Короля

lerie, à qui appartient-elle? Nous l'avons trouvée gravée. Il y a tout les modèles de ce maître rangés le long des murs et quantité d'autres bustes, médaillons, vases et modèles antiques et modernes. Allons, expliquez-nous cela amiablement en deux mots.

Crayon: 1768.

1769.

№ 41.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 14 Февраля 1769 г.

Monsieur Falconet, je n'ai point entendu parler ni directement ni indirectement du projet de Pochel, mais mon avis est, quoiqu'il en soit, que personne en Russie n'inquiète Monsieur Falconet, que son atelier et son logement soient à lui jusqu'à ce qu'il dise *je n'en veux plus*. Cependant, je ne crois pas que les Pochel, les Michel, osent proposer ce projet, qui ne pourrait s'exécuter sans moi; ils savent, à n'en pas douter, que je regarde l'un comme un intrigant de métier, l'autre comme une sangsue. Outre cela, dès que vous diriez: je ne veux plus ni ce logement, ni l'atelier, ils doivent être cassés, parce qu'à la Police, il y a un plan signé de ma main, il y a 5 ans, de maison particulière à bâtir sur cette place, et que notamment il est dit dans ce plan qu'aucun bâtiment de bois ne doit exister à cette place; on peut bien déroger à ce plan pendant qnelques années pour la statue d'un grand homme travaillées par un Artiste rare, mais on n'y dérogera

---

принадлежитъ эта галлерея? Мы нашли ее гравированною. Въ ней изображены всѣ модели этого художника разставленная вдоль стѣны и множество другихъ бюстовъ, медальоновъ, вазъ, античныхъ и новѣйшихъ моделей. Ну разскажите-ка намъ объ этомъ полюбезнѣе въ двухъ словахъ.

№ 41. Г-нъ Фальконетъ, я ничего не слышала ни прямо ни косвенно о проэктѣ Пошеля, но мое намѣреніе таково, чтобы въ Россіи никто не безпокоилъ Г-на Фальконета, чтобы квартира и мастерская принадлежали ему до тѣхъ поръ, покуда онъ не скажетъ: я ихъ болѣе не желаю. Впрочемъ я не думаю, чтобы Пошели, Мишели смѣли предлагать этотъ проэктъ, который безъ меня не можетъ быть исполненъ, они безъ сомнѣнія знаютъ, что одного изъ нихъ я считаю за піявку, а другаго за записнаго интригана. Кромѣ того, какъ только вы скажете, что ни квиртира, ни мастерская вамъ болѣе не нужны — онѣ должны быть сломаны, потому что въ Полиціи есть планъ, подписанный мною назадъ тому 5 лѣтъ, частнаго дома, который нужно построить на этомъ мѣстѣ; въ этомъ планѣ именно сказано, что никакое деревянное зданіе не должно быть на этомъ мѣстѣ. Этому плану можно было не слѣдовать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, для статуи великаго человѣка, которую

pas pour un théâtre d'entrepreneur au risque de mettre le feu à tout un quartier de la ville, ainsi soyez tranquille, tandis que je veillerai.

Après avoir écrit avant-hier ce billet, par étourderie, je l'ai laissé sur ma table sous un tas de paperasses, croyant bonnement l'avoir envoyé chez vous.

Samedi au matin.

№ 42.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 8 Мая 1769 г.

De St-Pétersbourg, le 8 Mai 1769.

Madame,

Je n'ai pas eu plutôt fini ces énormes lettres, que j'ai tremblé de ma hardiesse à supplier Votre Majesté Impériale de les regarder. Cependant, Madame, si vous daignez y jeter un coup d'oeil, vous verrez qu'il s'y agit de choses qui ne me regardent pas seulement, et dans lesquelles je pourrais dire trop ou trop peu. A qui m'adresserais-je mieux pour être rectifié dans ce qui est, peut-être, plus délicat que je ne l'imagine?

Votre Majesté m'a demandé des nouvelles de la fonte: voici ce que je puis lui en dire. On a fondu la statue de l'amour, elle a été manquée; le fondeur n'y a rien entendu, malgré ce que j'ai pu faire pour l'aider. Je suis après à en fondre une autre avec le seul aide d'un de mes ouvriers; selon la réussite de ce petit objet, Votre Majesté verra mon zèle pour son service, dans un plus grand, et mon éloignement de toute charlatanerie.

работалъ рѣдкій художникъ, но не для частнаго театра, который можетъ поджечь цѣлый кварталъ города. И такъ будьте покойны покуда я объ этомъ забочусь.

Написавши третьягодня эту записку, я ее оставила по разсѣянности на своемъ столѣ подъ кучею другихъ бумагъ, будучи вполнѣ увѣрена, что отправила ее къ вамъ.

Субота утромъ.

№ 42. Всемилостивѣйшая Государыня,

Окончивъ эти огромныя письма, я содрогнулся при мысли, что осмѣливаюсь умолять Ваше Императорское Величество взглянуть на нихъ. Тѣмъ не менѣе если Вамъ угодно будетъ кинуть на нихъ взглядъ, то Вы изволите усмотрѣть, что въ нихъ идетъ рѣчь о предметахъ вовсе меня не касающихся и о которыхъ я могъ бы сказать или слишкомъ много или слишкомъ мало. Къ кому же мнѣ лучше обратиться для исправленія того, что быть можетъ щекотливѣе чѣмъ я воображаю.

Ваше Величество спросили меня о ходѣ отливки: вотъ что могу сказать объ этомъ. Отлили статую амура, она не удалась; литейщикъ ничего не смыслитъ, хотя я ему и помогалъ сколько могъ. Хлопочу объ отливкѣ другой, при помощи одного изъ своихъ рабочихъ; по степени удачи этого небольшаго предмета Ваше Величество посудите объ усердіи моемъ къ службѣ Вашей въ болѣе важномъ дѣлѣ, а равно о нерасположеніи моемъ къ шарлатанству.

Un fort galant homme voudrait bien être chargé de la fonte de la statue équestre, à condition que je l'aidasse de mes conseils. Le moindre honoraire qui se présente à son imagination est un *cordon*. Belle idée et très-brillante pour moi; car si ce prétendu fondeur en espère un pour lui, il faut qu'il en imagine au moins, une demi-douzaine pour le statuaire. Or, le statuaire n'ayant aucun cordon dans la tête, n'y ayant aucune prétention, il serait assez plaisant que le fondeur, instruit et conduit par le statuaire, dans une opération mécanique, fût ainsi décoré. Je crois pourtant avoir mes jours de sang-froid: j'ai écouté toute la proposition sans rire, sans répliquer, sans me fâcher. Ce galant homme peut cependant mériter des gratifications honorifiques par une voie légitime: il sert bravement Votre Majesté Impériale.

Les *notes sur Julien* et *l'abc* sont des traits hardis de la raison, sauf les redites perpétuelles et quelques inexactitudes. Voltaire, tu finis, mais le flambeau ne s'éteint point. Sa lumière approchée de trop près n'embrasera-t-elle pas le bon ordre des sociétés? Il est aisé de détruire le fanatisme et la sottise; mais, messieurs, qu'édifiez-vous à la place? En vain prêchez-vous faiblement l'atheïsme... L'esprit grossier du Stupide qui ne verra plus son Dieu dans des murailles, ne se figurera pas qu'il y en ait un; et s'il parvient à n'y plus croire, qui vous a dit qu'il voudra croire à

Весьма достойный человѣкъ желалъ бы исполнить отливку конной статуи, съ тѣмъ, чтобы я помогъ ему своими совѣтами. Въ его воображеніи лента представляется наименьшимъ за то вознагражденіемъ. Прекрасная, блестящая мысль въ примѣненіи ко мнѣ, потому что если литейщикъ надѣется получить ленту для самого себя, то онъ долженъ придумать по крайней мѣрѣ полдюжины лентъ для скульптора. Но скульпторъ никакихъ помышленій или претензій по части лентъ не имѣетъ, а потому было бы довольно забавно, если бы литейщикъ, наставляемый и руководимый скульпторомъ въ дѣлѣ чисто механическомъ, былъ разукрашенъ орденомъ. По видимому и на меня находятъ дни хладнокровія; потому что я выслушалъ предложеніе безъ смѣха, безъ возраженій, не сердясь. Этотъ милый человѣкъ можетъ однако достигнуть почетныхъ наградъ и законнымъ путемъ: онъ храбро служитъ Вашему Императорскому Величеству.

Примѣчанія на Юліана и азбука, смѣлыя выходки разсудка, за исключеніемъ постоянныхъ повтореній и нѣкоторыхъ неточностей. Вольтеръ, ты кончаешь, но свѣточь твой не угасаетъ. Отъ чрезмѣрнаго приближенія твоего свѣтила не загорится ли благоустройство гражданскихъ обществъ? Легко разрушать фанатизмъ и глупость, но господа, что воздвигнете вы на пустомъ мѣстѣ? Напрасно проповѣдуете вы слабо атеизмъ. Грубый умъ невѣжества не видя болѣе своего бога въ стѣнахъ, вообразитъ себѣ, что его не существуетъ вовсе; а если онъ дойдетъ до того что не будетъ болѣе вѣровать въ бога, то кто скажетъ вамъ что онъ захочетъ вѣ-

son souverain? Et celui qui est persécuté, battu par un maître injuste et cruel, qui vous assure qu'il ne s'en vengera pas cruellement, pour s'affranchir des outrages dont il n'espèrera point de dédommagements dans une autre vie? Si le frein ne réprime pas toujours un animal fougueux, que sera-ce de la bête féroce qui n'en aura plus? Il n'est pas permis à tous de savoir tout.

Quand l'article *unitaire* fut fait, je leur dis, mes amis, ne l'imprimez pas; c'est le chemin de la grève aussi droit que celui de l'athéïsme. Ils me répondirent, *Diable de lecteur que vous êtes, vous nous lisez comme nous écrivons; mais ne craignez rien, ils ne l'entendront pas: le chev-r de Jaucourt lui-même ne l'a pas entendu.* On envoya l'article à Voltaire qui l'entendit très-bien et en fit compliment à l'auteur.

En bonne conscience, mes amis, les encyclopédistes ont-ils raison de se plaindre d'une persécution qu'on n'exerce pas? On ne veut point qu'ils impriment les moyens de ne pas croire en Dieu. Voilà, au bout du compte, tout le mal qu'on leur fait.

Je supplie Votre Majesté Impériale de me conserver ses bontés si précieuses et si nécessaires, et d'agréer... etc.

№ 43.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 10 Мая 1769 г.

Ce 10 Mai 1769.

Le jour du Te Deum, lorsque j'étais en ville, l'on m'apporta une lettre dont l'adresse était de votre main, je l'ouvris et j'y trouvai des vers. Je

---

рить въ своего государя? А тотъ, кого преслѣдуетъ, бьетъ несправедливый, жестокій господинъ, не думаете ли что онъ отмститъ жестоко, чтобы избавиться отъ преслѣдованій, кои не вознаградятся жизнью на томъ свѣтѣ. Если узда не всегда сдерживаетъ крутое животное, то что станется съ разнузданнымъ дикимъ звѣремъ? Не дано всякому знать все.

Когда статья *unitaire* (соединенный) была написана, то я сказалъ имъ: друзья мои, не печатайте ее, это прямая дорога и къ рабочей стачкѣ и къ безбожничеству. Они отвѣчали мнѣ: лукавый вы читатель, вы читаете насъ такъ, какъ мы пишемъ, но не опасайтесь, они не поймутъ насъ; самъ кавалеръ де Жокуръ не понялъ насъ. Статью послали Вольтеру, который очень хорошо ее понялъ и привѣтствовалъ за нее автора.

Говоря по совѣсти, мои друзья энциклопедисты правы ли, жалуясь на преслѣдованія, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ? Имъ не хотятъ позволить указывать печатно средство не вѣрить въ Бога. Вотъ въ итогѣ въ чемъ заключается все наносимое имъ зло.

Умоляю Ваше Императорское Величество сохранить мнѣ Ваши драгоцѣнныя и столь полезныя милости, а также принять и пр...

№ 43. Въ день молебна, покуда я была въ городѣ, мнѣ принесли письмо, на которомъ адресъ былъ написанъ Вашимъ почеркомъ, распечатавъ конвертъ я нашла

m'écriais: de quoi Diable se mêle-t-il, d'habile sculpteur qu'il est, ne voilà-t-il pas qu'il devient mauvais rimailleur! mais après un peu de réflexion j'ai vu que je ne voyais pas plus loin que mon nez. Ce pauvre petit abbé bat le pavé de Pétersbourg, fait des vers et de la politique avec légèreté à frais perdus; je crois qu'il ferait mieux d'aller jouir de son canonicat s'il est important, sinon il revient à peu près au même pour lui où il se trouve et ce n'est qu'un individu de plus dans une grande ville; passons là-dessus. J'ai reçu avant-hier votre lettre datée du même jour: je m'en vais y répondre; mais avant de commencer, il faut que je vous dise que M. Diderot est hors de *tracas* et d'embarras, il a tiré l'argent; j'ai vu son nom signé sous la lettre de change qui a été payée ici avant-hier en roubles tout neufs; nous voilà donc, Dieu merci, tranquilles sur cet article. J'ai lu avec bien du plaisir et beaucoup d'éclats de rire votre longue missive à Diderot, ou plutôt le recueil des lettres perdues; il y a des choses aussi vraies que spirituelles; je vous suis bien obligée de m'avoir procuré cet amusement, mais une fois pour toutes, je n'ai, ni ne veux avoir aucun droit à voir vos lettres, je vous prie de me rendre cette justice. Puisque vous voulez que je corrige celle-ci, je vous prie d'en effacer les louanges que vous me donnez et que je ne mérite pas. Dites-moi à coeur ouvert que pourrai-je faire pour rendre à M. Collin un cadeau comme celui qu'il m'a fait. Vous me direz une autre fois qui est l'homme que vous trouvez qui me sert bravement. Je crois M-lle Collot bien fâchée contre moi de ce que

---

къ немъ стихи. Вздумалось же ему, воскликнула я изъ искуснаго скульптора сдѣлаться плохимъ рифмоплетомъ, но подумавъ немного я сообразила что не вижу дальше своего носа. Этотъ бѣдный абатишка топчетъ петербургскую мостовую легкомысленно и по пустому пишетъ стихи, мѣшается въ политику, я думаю что лучше бы ему ѣхать наслаждаться своимъ абатствомъ если оно значительно, а если нѣтъ, то пожалуй все равно для него, гдѣ бы онъ ни находился, все дѣло сводится на то что однимъ человѣкомъ больше въ обширномъ городѣ, пускай себѣ. Третьяго дня получила я письмо ваше отъ того же числа, стану вамъ отвѣчать на него, но прежде чѣмъ начать, должна предувѣдомитъ васъ, что г. Дидеротъ избавился отъ хлопотъ, онъ получилъ деньги, я видѣла имя его подъ векселемъ, по которому было заплочено здѣсь третьяго дня новенькими рублевиками и такъ слава Богу, мы на этотъ счетъ теперь спокойны. Съ большимъ удовольствіемъ и громкимъ смѣхомъ я прочитала ваше длинное посланіе Дидероту или правильнѣе сборникъ потерянныхъ писемъ, есть вещи столько же справедливыя сколько устроумныя, премного вамъ обязана за эту забаву, но разъ навсегда, я не имѣю и не хочу имѣть никакого права просматривать ваши письма, прошу васъ отдать мнѣ эту справедливость. Если вы просите меня исправить это письмо, то я попрошу васъ вычеркнуть похвалы на мое имя, которыхъ я не заслуживаю. Скажите мнѣ на прямикъ какъ отдарить г. Колена, сдѣлавшаго мнѣ такой

le rossignol que je lui ai promis n'est pas venu encore, mais je lui tiendrai parole. L'on dit qu'il y en a en-ville qui ont cessé de chanter avant la St. Pierre, temps auquel ils s'enrhument tous. Mes compliments à Pierre le-grand, s'il vous plaît, je prie Dieu que la fonte d'essai réussisse. Adieu, Monsieur Falconet, portez-vous bien et soyez content, voilà ce que je désire.

№ 44.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 14 Мая 1769 г.

A St-Pétersbourg, le 14 Mai 1769.

Madame,

Je m'étais tiré de mon mieux de la première commission de M. l'Abbé, car je ne lui avais pas tout dit. Si je m'étais chargé de ses petits vers, c'est que je n'y croyais rien que d'honnête. Le jour du Te Deum, il m'envoya les seconds, avec prière de les faire parvenir anonymes à Votre Majesté Impériale. Je ne sus rien de mieux que d'y mettre une enveloppe et de les envoyer sur-le-champ à la poste. Je crus devoir aussi m'acquitter de la nouvelle commission, sans répondre de l'évènement, et je l'ai osé d'autant plus hardiment que c'était dans un instant de joie publique; on se ferait porteur à moins.

Je sais qu'il fait imprimer un catéchisme économique, et qu'il voulait le dédier. Comme il me l'a communiqué, j'ai au moins empèché la dédi-

---

подарокъ. Скажите мнѣ въ другой разъ, кто тотъ человѣкъ, что мнѣ храбро служитъ. Г-жа Колло полагаю сердится на меня, за то что обѣщанный мною ей соловей еще не явился, но я сдержу слово. Говорятъ, въ городѣ есть такіе, что перестали пѣть прежде Петрова дня, время около котораго они обыкновенно хрипнутъ. Пожалуйста поклонитесь Петру Великому, молю Бога, чтобъ пробная отливка удалась. Прощайте г. Фальконетъ, будьте здоровы и довольны, вотъ чего я желаю.

№ 44. Всемилостивѣйшая Государыня,

Изъ перваго порученія г. аббата я отдѣлался какъ могъ, потому что не все сказалъ ему. Доставку его стишковъ я принялъ на себя, полагая что въ нихъ не содержится ничего неумѣстнаго. Въ день молебна онъ мнѣ присылаетъ вторые, съ просьбою доставить ихъ анонимно Вашему Императорскому Величеству. Я не нашелъ ничего лучшаго, какъ сунуть ихъ въ конвертъ и тотчасъ отправить по почтѣ. Я почелъ возможнымъ исполнить это новое порученіе не ручаясь за успѣхъ дѣла, и осмѣлился сдѣлать это въ особенности потому что то былъ день народной радости; этого было вполнѣ достаточно, чтобы рѣшиться сдѣлаться письмоносцемъ.

Я знаю что онъ сочиняетъ экономическій катехизисъ, къ которому подгатавливалъ посвященіе. Когда онъ сталъ мнѣ говорить объ этомъ, то я по крайней мѣрѣ

cace, en lui disant: *M-r il y a des enfants qui sont d'une telle venne qu'on ne les emmaillotte pas aisément.* Du reste, il va son train, et nous verrons son almanach du bon laboureur.

L'homme qui sert bravement Votre Majesté est le colonel Melissino (⁵⁸).

J'ai parcouru mes lettres à Diderot, pour voir où j'avais trop loué Votre Majesté, et ce qu'il faudrait effacer: j'ai trouvé, *ceux qui naîtront dans quelques siècles la verront comme nous voyons notre Henry, et ces Grecs et ces Romains qui le valaient bien. La justice des siècles s'assied sur le tombeau.* Et j'ai dit, quand l'Impératrice aura effacé ses *instructions* et sa conduite depuis l'instant qu'elle règne, j'effacerai mes quatre lignes. Ce que j'ai écrit d'ailleurs, est si faible, qu'il s'en faut de beaucoup que ce soit des éloges, partant rien à effacer. Je suis bien fâché que Votre Majesté me donne quelque fois des ordres qui ne se peuvent exécuter.

Oserais-je vous représenter, Madame, que mon intention n'est pas de vous faire voir, comme au grand Inquisiteur, que je n'écris rien de répréhensible. Cette faiblesse n'est pas faite pour moi, ni moi pour elle, et Votre Majesté ne me la suppose pas. Mais, comme il se peut que pour répondre à mon ami Diderot, je prononce quelquefois des mots sacrés, j'ai cru devoir en demander, avant, la permission à Votre Majesté: voilà,

---

отклонилъ посвященіе, сказавъ: Милостивый Государь, нѣкоторыя дѣти съ такимъ трудомъ являются на свѣтъ, что ихъ не легко пеленать. Впрочемъ онъ продолжаетъ идти своею дорогою и мы увидимъ его: альманахъ добраго земледѣльца.

Человѣкъ храбро служащій Вашему Императорскому Величеству есть полковникъ Мелисино (⁵⁸).

Я пробѣжалъ письма свои къ Дидероту, чтобы видѣть гдѣ я слишкомъ расхвалилъ Ваше Величество и что слѣдуетъ вычеркнуть; я нашелъ слова: «тѣ люди кои родятся чрезъ нѣсколько вѣковъ будутъ взирать на нее какъ мы на Генриха IV, на этихъ Грековъ и Римлянъ его стоившихъ. Правосудіе вѣковъ опускается лишь на могилы». Прочитавъ это я сказалъ: когда Императрица вычеркнетъ свой наказъ и поведеніе свое со времени вступленія на престолъ, тогда и я вычеркну эти четыре строчки. Написанное въ другихъ мѣстахъ моего письма такъ слабо, что до похвалъ весьма далеко, а слѣдовательно и исключать нечего. Мнѣ весьма прискорбно, что Ваше Величество даете мнѣ иногда неудобоисполнимыя приказанія.

Осмѣлюсь ли представить Вамъ что я ни чуть не думаю убѣждать Васъ какъ верховнаго инквизитора, что не пишу ничего предосудительнаго. Такая слабость не по мнѣ и я не по ней, да и Ваше Величество этого не предполагаете. Но такъ какъ [illegible]етъ случиться что отвѣчая другу моему Дидероту я произнесу священныя слова, [illegible]тъ умѣстнымъ предварительно испросить на то соизволеніе Вашего Вели-

tout mon objet; je ne m'en aviserais pas pour mes petites affaires. Si pourtant cela m'est défendu, j'obéirai sans réplique.

Je crois, en effet; que M-lle Collot est fâchée contre Votre Majesté, car après avoir bien travaillé son marbre, elle le quitte en sautant de joie, et dit, *l'Impératrice me donnera un rossignol!* J'avoue que cette manière de bouder m'a parue fort agréable, et je vois avec grand plaisir qu'elle lui fait faire une bonne tête qui ressemble beaucoup. Mais puisque les *Rossignols* de la ville sont enrhumés, il faut attendre le printemps, il en viendra dont le chant sera, sans doute, plus agréable.

M-r de B. me propose obstinément de prendre auprès de moi, un élève de l'académie. Je lui dis mes raisons pour ne pas m'en charger. N'y voulant pas entendre, il continue les siennes, et pour me battre sans réplique, il ajoute, *vous désobligeriez la souveraine.*

Depuis longtemps, je ne suis plus maître d'école. Je suis accoutumé à cette liberté qui m'est, surtout à présent, nécessaire. Un jeune homme *qui ne sait rien*, ferait le tourment de ma vie, fût-il doux comme une fille. Quand le héros et son coursier m'échaufferaient la tête, le jeune homme s'étourdirait, je le renverrais, cela finirait mal; et j'en serais fâché, comme de raison: il est plus sage de ne pas commencer. Pourquoi ne pas laisser à chacun la manière d'être qui lui convient? J'ose croire, Madame, que, malgré les craintes de M. le général, le besoin que j'ai de ma liberté ne désoblige pas Votre Majesté.

чества; вотъ и вся моя цѣль; я не отважился бы на то, если бы рѣчь шла только о моихъ собственныхъ дѣлишкахъ. Въ случаѣ запрещенія, повинуюсь безпрекословно.

Въ самомъ дѣлѣ кажется г-жа Колло сердится на Ваше Величество, потому что поработавши хорошенько надъ своимъ мраморомъ она вскакиваетъ и съ радостью говоритъ: Императрица подаритъ мнѣ соловья. Такой способъ дуться, признаюсь показался мнѣ весьма пріятнымъ; я съ удовольствіемъ вижу, что подъ этимъ впечатлѣніемъ, она сдѣлаетъ хорошую, весьма схожую голову. Но если петербургскіе соловьи охрипли, то слѣдуетъ подождать чтобы весною налетѣли такіе коихъ пѣніе будетъ пріятнѣе.

Г. Б. настоятельно предлагаетъ мнѣ взять ученика академіи. Я высказываю ему причины по коимъ не хочу этого. Не внимая имъ, онъ продолжаетъ выставлять свои доводы и чтобъ доконать меня прибавляетъ, вы прогнѣвите Государыню.

Я давно пересталъ быть школьнымъ учителемъ. Я привыкъ къ той свободѣ, которая мнѣ теперь особенно необходима. Ничего не знающій юноша замучитъ меня, будь онъ кротокъ какъ красная дѣвица. Когда герой и его конь распалятъ мою голову, юноша собьется съ толку, я его прогоню, все это кончится безъ сомнѣнія дурно; благоразумнѣе не начинать. Почему не предоставить каждому жить по своему? Позволяю себѣ думать что, не смотря на опасенія генерала, испытываемая мною потребность свободы не прогнѣвитъ Ваше Величество.

M. Collin était attaché à la M-ise de Pompadour, et je travaillais pour elle. Les autres artistes qu'elle occupait aussi croyaient se faire jour par des offrandes à M. Collin qui les refusait ordinairement, ou les payait quand elles étaient à son gré. Après la mort de la marquise, je dis à M. Collin, *je n'ai pas tenté de vous déshonorer, en me déshonorant moi même: à présent que la dame n'est plus, que je n'ai pas besoin de vous auprès d'elle, recevez ce faible gage de mon amitié.* L'homme sensible se jeta au cou du sculpteur, et versa les larmes de la plus tendre reconnaissance: le modèle fut à lui, et je fus content. Voilà l'histoire du Pygmalion. Reste à déterminer sa valeur. Est-ce trop de 4 ou 500 roubles? Comme ce ne sera pas en argent que Votre Majesté s'acquittera, je ne puis la déterminer sur l'objet. Ce que je sais, ce que j'assure, c'est que quelque chose qu'il reçoive, ce sera toujours avec la plus respectueuse sensibilité.

Je me suis présenté devant la statue de Pierre-le-Grand qui ne regarde pas à droite et à gauche, je lui ai fait les compliments de Votre Majesté. Mais en l'examinant un peu, ce qui m'arrive assez souvent, je me suis aperçu, à toute sa contenance, qu'il disait, à l'ancienne manière russe, *je ne les mérite pas encore entièrement, mais fais-lui les miens, toi qui sais combien elle en mérite.*

Et de deux: et mes deux Te Deum sont aussi chantés. Je sais, par la copie d'une lettre de Votre Majesté, qu'on est plus tranquille en Pologne: troisième Te Deum.

Г, Коленъ состоялъ при г-жѣ Помпадуръ, а я на нее работалъ. Другіе артисты исполнявшіе ея заказы думали пробиться подносеніями г. Колену, который обыкновенно отъ нихъ отказывался или покупалъ ихъ, если онѣ ему нравились. Послѣ смерти Маркизы я сказалъ г. Колену, я не пытался васъ обезчестить, обезчещивая самого себя, теперь когда ее не стало и ваша поддержка мнѣ не нужна, примите эту слабую дань моей дружбы. Этотъ чувствительный человѣкъ бросился на шею скульптора проливая слезы нѣжной благодарности. Вотъ исторія Пигмаліона. Остается опредѣлить его цѣнность. Много ли будетъ 400 или 500 рублей? Такъ какъ Ваше Величество отдарите г. Колена не деньгами, то не могу опредѣлить предмета. Знаю и могу утверждать что чтобы онъ ни получилъ все будетъ имъ принято съ самою почтительною чувствительностью.

Представъ предъ статую Петра Великаго которая не смотритъ на право и на лѣво, я передалъ ей привѣтъ Вашего Величества. Но вглядѣвшись въ нее поближе, что со мною бываетъ довольно часто, я замѣтилъ изъ ея выраженія, что она говорила, по старинному Русскому обычаю: хваленій я еще не заслуживаю, но передай ихъ отъ меня ей ты, знающій въ какой мѣрѣ она ихъ заслуживаетъ.

Вотъ и я отслужилъ два молебна. Изъ копіи съ письма Вашего Величества я знаю что Польша поспокойнѣе: третій молебенъ.

J'irai le voir, ce bâton de feu Milord Karaman Pacha: nous le mettrons au pieds de la statue de Catherine Seconde. J'ose y mettre, aussi le plus profond respect de...

№ 45.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 15 Мая 1769 г.

Le plus important pour vous, pour moi et pour votre ouvrage est qu'on vous laisse en repos, et par conséquent, vous n'aurez point d'élève; si on m'en a parlé, je l'ai oublié parfaitement.

Je rumine présentement jusqu'ici en vain, sur ce que j'enverrai à M-r Collin; mais difficilement je trouverai quelque chose qui puisse lui faire le plaisir que lui a fait le Pygmalion, et dès lors mon présent deviendra insipide: cependant nous aviserons.

L'oeil droit et l'oeil gauche de Pierre le grand m'ont bien fait rire, cela passe la bêtise ([51]).

Mylord Karaman Pacha doit être mort sans faute. Hier encore, on m'a apporté son sabre, or vous savez qu'on n'achète point au marché de Pétersbourg trois queues de cheval, un bâton de commandement turc et le sabre d'un pacha, raison ce semble convaincante pour ceux qui s'efforcent de s'imaginer que tous nos succès ne sont que des contes faits à plaisir, mais c'est qu'on juge les hommes d'après soi-même: on nous fait battre par nos ennemis tant de fois sur le papier, qu'on peut supposer que nous

---

Пойду посмотрѣть на этотъ жезлъ покойнаго Милорда Караманъ Паши: мы положимъ его у ногъ статуи Екатерины II. Осмѣливаюсь помѣстить тамъ же глубочайшее почитаніе и пр.

№ 45. Самое важное для васъ, для меня и для вашего дѣла, чтобъ васъ оставили въ покоѣ и слѣдовательно у васъ не будетъ учениковъ; если мнѣ о томъ говорили, то я о томъ совсѣмъ позабыла.

До сихъ поръ напрасно передумываю, что послать г. Колену, трудно будетъ найти что-либо, что бы доставило ему столько же удовольствія какъ Пигмаліонъ, а значитъ подарокъ мой будетъ плохъ, впрочемъ мы поразмыслимъ.

Правый и лѣвый глаза Петра Великаго меня очень насмѣшили ([51]), это болѣе нежели глупо. Милордъ Караманъ Паша безъ сомнѣнія болѣе не въ живыхъ. Еще вчера мнѣ принесли его саблю, а вамъ извѣстно что на петербургскомъ рынкѣ нельзя купить три конскихъ хвоста, турецкій бунчукъ и саблю Паши; казалось бы это убѣдительный доводъ для тѣхъ кои силятся вообразить, что всѣ наши успѣхи не болѣе какъ выдумки, но дѣло въ томъ что другихъ обыкновенно судятъ по себѣ, нашимъ врагамъ приписываютъ такія надъ нами побѣды, что предполагаютъ что мы въ св

inventons aussi. Cependant, les queues etc. sont à l'église de la Forteresse. Le Rossignol qui n'est pas enrhumé, accompagne cette lettre: il faut l'attacher en dehors de la maison, car personne ne pourra endurer son chant dans un appartement; priez Mad. Collot d'avoir des bontés pous ce petit sauvage.

Adresse: à Monsieur Falconet.

№ 46.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 19 Мая 1769 г.

A St-Pétersbourg, le 19 Mai 1769.

Madame,

Je les ai vus ces drapeaux, ces trois queues et ce bâton du pacha. Oserai-je l'avouer? En les regardant, j'ai senti le regret de n'en avoir pas, au moins arraché un à l'animal qui le portait; n'eusse été que la plus petite enseigne, et la plus déchirée. Le plaisir de battre un turc ne me venait pas dans la tête. Qu'importe, qu'on soit circoncis ou non circoncis? Qu'on soit à Christ ou à Mahomet? il faut bien être quelque chose. Mais je ne vois pas tranquillement qu'on soit ennemi de Votre Majesté Impériale.

J'ai trouvé ce trophée bien modestement rangé dans un coin de l'église. Sans trop d'apparat, n'aurait-on pu le rendre un peu plus ostensible? Mais l'objet est de battre les turcs: arrangera les bâtons qui voudra.

Quoique le Rossignol n'ait encore rien dit, Votre Majesté est suppliée

---

очередь выдумываемъ. Однако хвосты и пр. находятся въ Петропавловскомъ соборѣ. Неохрипшій соловей сопровождаетъ это письмо, его надо повѣсить за окномъ, потому что въ комнатѣ никто не выдержитъ его пѣнія. Попросите г-жу Колло быть любезною съ этимъ маленькимъ дикаремъ.

Адресъ: Господину Фальконету.

№ 46. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я видѣлъ ихъ—эти знамена, три хвоста и жезлъ паши. Смѣю ли сознаться? Глядя на нихъ, я почувствовалъ сожалѣніе, что не вырвалъ хоть одно изъ рукъ носившаго ихъ негодяя; пусть бы то былъ самый ничтожный, изорваный значекъ. Удовольствіе побить турка до сихъ поръ не приходило мнѣ въ голову. Не все ли равно быть обрѣзаннымъ или необрѣзаннымъ? Кто вѣруетъ во Христа, кто въ Магомета, вѣдь надо же быть чѣмъ нибудь. Но я не могу спокойно допускать возможность быть врагомъ Вашего Императорскаго Величества.

Я нашелъ этотъ трофей скромно поставленный въ углу церкви. Нельзя ли безъ излишняго хвастовства его поставить больше на показъ? Впрочемъ задача въ томъ чтобы бить турокъ, а пускай ихъ знамена разставляетъ кто хочетъ.

Хотя соловей еще ничего не произнесъ, тѣмъ не менѣе да будетъ Вашему Ве-

d'en agréer les plus humbles remerciements. Hélas! le pauvre invalide, s'il se met à chanter, ce ne sera que d'une aile, puisqu'on l'a apporté dimanche l'aile gauche cassée. A cet accident près, il se porte assez bien, et l'on en a les plus grands soins. Sa situation seulement donne beaucoup de chagrin à M-lle Collot.

On dit qu'il vient d'arriver du marbre statuaire. Si Votre Majesté l'ordonne, le buste de Henry quatre se commencera. Une lettre de Diderot à M. de Betzky nous apprend que le masque en a été trouvé fort bien. Si j'ose dire mon avis, après l'avoir laissé dire à nos meilleurs artistes, j'assure que le portrait est bien modelé et qu'il est ressemblant, puis qu'il ressemble aux meilleurs portraits d'Henry quatre qui sont en France. Les autres têtes ont été si gâtées qu'on n'a pu les juger.

№ 47.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 10 Іюня 1769 г.

A St-Pétersbourg, le 10 Juin 1769.

Madame,

M. le Viliers, touché des clameurs des bonnes âmes qui demandent si elles doivent assister à la messe d'un moine excommunié par un autre moine, et si elles peuvent en sûreté de conscience, lui faire baptiser leurs enfants, a jeté sur le papier les réflexions ci-jointes. Avant qu'il les produise, je l'ai prié de me les laisser quelques jours, et j'ose demander à

личеству угодно принять нижайшія благодаренія. Увы! бѣдный инвалидъ, если онъ запоетъ такъ окрылится лишь на одно крыло, потому что его принесли въ воскресенье съ сломаннымъ лѣвымъ крыломъ; кромѣ этого приключенія онъ здоровъ и за нимъ тщательно ухаживаютъ. Его положеніе заставляетъ грустить г-жу Колло.

Говорятъ что на дняхъ привезли мраморъ для статуй. Если Ваше Величество прикажетъ, то приступлено будутъ къ исполненію статуи Генриха IV. Изъ письма Дидерота г. Бецкому мы узнаемъ что маска была найдена весьма удовлетворительною. Если позволено будетъ мнѣ высказать свое мнѣніе, послѣ того какъ лучшіе наши художники высказались, то я увѣряю что портретъ хорошо вылѣпленъ и похожъ, потому что онъ походитъ на лучшіе имѣющіеся во Франціи портреты Генриха IV. Остальныя головы были такъ попорчены, что о нихъ нельдя было судить.

№ 47. Всемилостивѣйшая Государыня,

Г. Девилье тронутый воплями добрыхъ душъ вопрошающихъ обязаны ли онѣ ходить къ обѣднѣ, когда служитъ монахъ отлученный отъ церкви другимъ монахомъ, а также могутъ ли они съ спокойною совѣстью дозволять этому монаху крестить своихъ дѣтей, набросалъ на бумагу прилагаемыя у сего размышленія. Я просилъ его

Votre Majesté Impériale s'il fera bien ou mal d'en répandre quelques copies. Le désir de contribuer à la tranquillité publique est sans doute le désir d'un homme de bien; mais ne rien faire que de conforme aux intentions de Votre Majesté est de tous les devoirs, le plus essentiel.

Comme la génération des cruches n'est pas prête à s'éteindre, on trouve à tous moments des gens de cette famille: j'ai l'honneur d'en rencontrer comme un autre. Un de ceux là ayant exercé son bon goût sur mon ouvrage, j'ai aussi jeté sur le papier quelques rêveries à ma manière, plutôt pour être lues de plusieurs personnes que pour lui être envoyées. Oserais-je supplier Votre Majesté de m'en permettre ou de m'en défendre la publicité?

Quelque bonne que soit l'intention d'éclairer l'ignorance, et de démasquer la sottise, ne vaudrait-il pas mieux s'occuper uniquement à bien faire et laisser dire des bavards? Ou bien un peu de fermeté honnête serait-elle à propos dans l'occasion? Ne pourrait-elle pas diminuer des impressions que l'ineptie, la haine et l'envie se plaisent à fortifier?

Pujet, le plus grand sculpteur de son siècle, et il y en avait d'excellents, a fait, pour Louis XIV, le groupe de Persée et Andromède et le Milon Crotoniat, chefs d'oeuvre de sculpture. Quelque honnêtes gens dirent au roi que ce sculpteur de province (il était de Marseille) ne savait pas mettre

---

оставить ихъ у меня нѣсколько дней, прежде чѣмъ дать имъ ходъ; позволяю себѣ спросить у Вашего Величества хорошо или дурно онъ сдѣлаетъ распространивъ нѣсколько копій. Конечно желаніе содѣйствовать общественному спокойствію есть желаніе свойственное добродѣтельному человѣку, но еще важнѣе обязанность не дѣлать ничего противнаго намѣреніямъ Вашего Величества.

Глупцы еще не скоро выродятся и потому попадаются на каждомъ шагу; я тоже имѣю честь встрѣчаться съ ними. Одинъ изъ нихъ изощрилъ вкусъ свой надъ моей работой, вслѣдствіе чего я по своему набросалъ на письмѣ нѣсколько размышленій, скорѣе для прочтенія нѣкоторыхъ, чѣмъ для отсылки къ нему. Смѣю ли умолять Ваше Величество разрѣшить или запретить обобщеніе этого писанія. Какъ ни хорошо намѣреніе просвѣщать невѣжество, обличать тупоуміе, тѣмъ не менѣе не лучше ли заниматься исключительно тѣмъ чтобы хорошо дѣлать и не заботиться о болтунахъ. Или быть можетъ нѣсколько твердая честность пришлась въ этомъ случаѣ въ пору. Не могла ли бы она уменьшить впечатлѣніе намѣренно поддерживаемое бездарностью, ненавистью, завистью?

Пюже, величайшій скульпторъ своего вѣка, а между его современниками были превосходные, сдѣлалъ для Людовика XII группу Персея и Андромеды, а также Милона Кротонскаго верхъ скульптурнаго совершенства. Нашлись честные люди, которые наговорили королю, что этотъ провинціальный скульпторъ (онъ былъ родомъ изъ Марсели) не умѣетъ сопоставлять фигуръ, и эти чудныя творенія были сложены

une figure ensemble, et ces admirables ouvrages furent séquestrés dans des magasins d'où ils ne furent tirés qu'après la mort de ceux qui les y avaient fait mettre. Pujet était à peu près de mon humeur, il ne se faisait aimer ni des sots ni des méchants: voilà la ressemblance. Mais il était du plus grand mérite dans son art: voilà la différence.

Quant au *cher compatriote*, il n'a peut-être pas plus de réalité que feu l'abbé Bazin et son neveu. En ce cas, ma lettre serait moins choquante, puisqu'elle ne s'adresserait nommément à personne. Ceux qui voudront s'y reconnaître, s'y reconnaîtront. A bon entendeur salut.

La petite qui se contente d'être jolie est finie. Si Votre Majesté veut en faire demander des nouvelles par M. Betzky, M-lle Collot recevra ainsi l'ordre, et demandera la permission d'aller vous la présenter; c'est dommage que le marbre en soit un peu taché, car c'est une des plus jolies têtes qui j'aie vues en sculpture: elle est bien plus fine que le modèle.

№ 48.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 11 Іюня 1769 г.

Si la raison pouvait persuader les hommes, l'écrit de M-r de Villiers, assurémment, rendrait la tranquillité à vos fanatiques de Pétersbourg; notez que les Allemands et les Italiens ne sont pas du nombre, pour la plupart; je crois que les Français devraient choisir M. de Villiers pour leur

---

въ кладовыя, откуда ихъ вытащили лишь послѣ смерти виновниковъ этого заточенія. Пюже былъ сходнаго со мною нрава, ни дураки, ни негодяи его не жаловали, вотъ въ чемъ между нами сходство, но онъ былъ первостепенный художникъ — вотъ въ чемъ разница.

Что касается *дорогаго соотечественника*, то быть можетъ его существованіе столько же дѣйствительно, какъ покойнаго абата Базена и его племянника. Въ такомъ случаѣ письмо мое было бы менѣе рѣзкимъ, не бывъ обращено ни къ кому. Пускай кто захочетъ тотъ себя и узнаетъ. Имѣющій уши слышати да слышатъ.

Малютка довольствующаяся тѣмъ что она миловидна окончена. Если Вашему Величеству угодно справиться о томъ чрезъ г. Бецкаго, то г-жа Колло такимъ образомъ получитъ приказаніе и попроситъ позволеніе представить Вамъ лично свой трудъ; жаль что мраморъ нѣсколько испятнанъ, потому что головка вышла изъ красивѣйшихъ видѣнныхъ мною въ скульптурѣ, она гораздо тоньше оригинала.

№ 48. Если бы разумъ могъ убѣждать людей, то писанье г. де-Вилье конечно возстановило бы спокойствіе между вашими петербургскими фанатиками, замѣтьте что Нѣмцы и Италіанцы вообще не принадлежатъ къ этому числу, я думаю что французамъ слѣдовало бы избрать г. де-Вилье своимъ старшиною, его записка не причи-

ancien; son écrit ne fera aucun mal, mais je ne sais s'il fera beaucoup de bien; je crois que c'est M. le consul qui souffle tout doucement les Welches, soyez assuré cependant que le tout s'accommodera pour la plus grande gloire de Dieu.

Votre lettre, Monsieur, contre la génération des cruches, est très-bonne: je souhaite qu'elle n'ait pas le sort des réflexions de M-r de Villiers. Je ferai demander la petite tête de Mad. Collot.

№ 49.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 1 Іюля 1769 г.

A St-Pétersbourg, 1 Juillet 1769.

Madame,

M. l'ambassadeur d'Angleterre a dit à M-lle Collot que Votre Majesté Impériale avait daigné se souvenir d'elle, et en parler à propos d'un ouvrage qu'elle devait vous présenter; ne serait-ce pas la petite tête de marbre? M-lle Collot attend à chaque instant l'ordre de partir avec son ouvrage. Si Votre Majesté fait donner cet ordre par M. Betzky, il sera exécuté sur-le-champ, ou si elle me le donne, j'accompagnerai mon élève à Péterhoff. J'y porterai les livres que je crains d'avoir gardé trop longtemps, et je présenterai à Votre Majesté etc.

P. S. Il doit arriver incessamment un vaisseau de Rouen dans lequel il y a, je crois, une petite caisse pour moi; cette caisse contient deux volumes in-quarto manuscrits. Ce manuscrit est l'ouvrage original de Jean

---

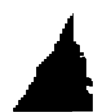
нитъ никакого зла, но не думаю чтобы она натворила много добра, я думаю что г. консулъ подбиваетъ Вельшей, будьте однако увѣрены, что все устроится къ вящей славѣ Божіей.

Ваше письмо противъ поколѣнія глупцовъ очень хорошо, желаю чтобъ оно не испытало участи записки г. Вильє. Я велю спросить у г-жи Колло ея головку.

№ 49. Всемилостивѣйшая Государыня,

Англійскій посолъ сказалъ г-жѣ Колло что Вашему Величеству угодно было о ней вспомнить и упомянуть по поводу работы, которую она должна Вамъ представить; не мраморная ли то головка? Г-жа Колло ежеминутно ждетъ приказанія отправиться съ своей работой. Если Ваше Величество дадите о томъ приказаніе чрезъ Бецкаго, то оно будетъ немедленно исполнено; если это приказаніе получу я, то сопутствую своей ученицѣ въ Петергофъ. Я привезу съ собою книги, которыя, боюсь, залежались у меня.

Приписка. Вскорѣ долженъ прибыть изъ Руана, корабль на которомъ есть небольшой ящикъ для меня; ящикъ этотъ содержитъ два рукописные тома in 4°. Руко-

Meslier, curé de Trépigny. En vertu de la grâce que Votre Majesté a daigné m'accorder, je la supplie de permettre que cette caisse à mon adresse, me soit rendue sans être ouverte à la Douane. Elle le serait volontiers dans le cabinet de l'Impératrice philosophe, parceque le génie et la raison ne sont pas prohibés dans leur sanctuaire.

Votre Majesté vient d'avancer M. de Lascary (52), homme des plus honnêtes, actifs et intelligents que M. de Betzky puisse employer. Oserais-je vous présenter, Madame, les sentiments de ma reconnaissance et de ma satisfaction pour cette bonne oeuvre que j'ai beaucoup désirée?

№ 50.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 20 Іюля 1769 г.

Vous viendrez à Péterhof quand bon vous semblera, je prie Dieu pour la réussite du Cupidon. Vous me dites que les 33 tableaux dont M. Collin vous a envoyé le catalogue sont d'un habile homme, mais vous ne me dites pas si ils sont bons, en cas que vous les trouviez tels, vous me feriez plaisir, Monsieur, d'en demander le prix à votre ami. Si tout ce qu'on dit du nouveau Pape est vrai, le nouvel *ancien* n'aura pas de peine à faire ses fonctions; l'on prétend que Clément XIV a répondu à je ne sais quel ordre religieux qui s'opposait aux arrangements faits par le gouvernement, qu'il devait se soumettre parce-que chaque prince était le maître chez lui, et que lui, Pape, aimait la paix par-dessus tout; il est vrai que ce n'est pas

---

пись эта есть оригиналъ сочиненія Іоанна Мелье священника въ Трепиньи. Въ силу Высочайше дарованной мнѣ милости умоляю дозволить чтобы ящикъ этотъ былъ мнѣ доставленъ безъ вскрытія на таможнѣ. Открыть его въ кабинетѣ Государыни не представлялось бы затрудненій, потому что геній и разумъ обитаютъ въ этомъ святилищѣ.

Ваше Величество повысили г. Ласкари (52) человѣка изъ самыхъ умныхъ, дѣятельныхъ, способныхъ состоящихъ при г. Бецкомъ. Смѣю ли представить Вамъ чувства благодарности и удовольствія по поводу этой желанной мною щедроты.

№ 50. Пріѣзжайте въ Петергофъ когда Вамъ вздумается, молю Бога чтобъ купидонъ удался. Вы мнѣ говорите что тѣ тридцать три картины, коихъ г. Коленъ прислалъ Вамъ списокъ написаны мастерскою рукою, но вы не говорите мнѣ хороши ли онѣ: если такъ, то вы сдѣлали бы мнѣ удовольствіе справившись у вашего пріятеля о цѣнѣ. Если все что говорятъ о новомъ папѣ справедливо, то новому старшему не трудно будетъ исполнять свои обязанности. Утверждаютъ что какому-то монашескому ордену противившемуся распоряженіямъ правительства, Климентъ XIV приказалъ подчиниться на томъ основаніи, что всякій Государь у себя хозяинъ, а также

là le langage d'un cordelier, ni celui d'un homme qui ne prend conseil de personne et qui répond à tout propos qu'il fera ce que la St. Esprit lui inspirera. Adieu, Monsieur Falconet, je salue Pierre-le-grand dont on dit des merveilles. M-lle Collot sera la bienvenue de même que vous.

№ 51.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 31 Іюля 1769 г.

A St-Pétersbourg, 31 Juillet 1769.

Madame,

La confiance que Votre Majesté Impériale veut bien avoir en moi, pour mon ouvrage, me rendra de plus en plus attentif à la mériter. Des personnes, peut-être, trop délicates, peut-être aussi trop peu sensibles à un trait de poésie un peu hardi, quoique simple, ont cru que ce serpent devait être supprimé: ils me l'ont dit. Mais ces personnes ne savent pas comme moi que, sans cet heureux épisode, le soutien de la statue serait des plus incertains. Ils n'ont pas fait avec moi le calcul des forces dont j'ai besoin. Ils ne savent pas que si leur avis était malheureusement suivi, l'ouvrage ne subsisterait point. Il ne s'agit pas seulement de soutenir la queue du cheval; le moyen que j'emploie, et de la manière dont je m'en servirai, me répond encore des jambes, et ce sont elles qui répondent de tout. Si je n'y avais pas pensé, d'abord, c'est que je n'avais pas encore fait l'ouvrage: je ressemblais, presque, à ceux qui ne le font pas et qui le contredisent.

потому что онъ Папа пуще всего любитъ миръ, правда что это не похоже на языкъ францисканца ни человѣка не совѣтующагося ни съ кѣмъ и повторяющаго безпрестанно что поступитъ по внушенію св. духа. Прощайте г. Фальконетъ, кланяюсь Петру Великому, о которомъ разсказываютъ чудеса. И г-жѣ Колло и Вамъ и я буду очень рада.

№ 51. Всемилостивѣйшая Государыня,

Довѣріе Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ, къ моему труду, налагаетъ на меня обязанность вящаго прилежанія. Люди быть можетъ чрезъ чуръ деликатные, быть можетъ слишкомъ чувствительные къ немного смѣлой, но простой выходкѣ моего вдохновенія, полагаютъ что змѣю слѣдуетъ сократить: мнѣ это было ими сказано. Но люди эти не знаютъ какъ я, что безъ этого счастливаго епизода, опора статуи была бы весьма ненадежна. Они не сдѣлали со мною исчисленія нужныхъ мнѣ силъ. Они не вѣдаютъ что ежели послушаться ихъ совѣта, то памятникъ былъ бы недолговѣченъ. Рѣчь идетъ не о томъ только чтобы поддержать хвостъ лошади; избранные мною средства и способъ имъ воспользоваться отвѣчаетъ мнѣ за ноги, а ноги отвѣчаютъ за все цѣлое. Если я не подумалъ о томъ сначала, то потому только, что не ...ще къ работѣ; я походилъ на тѣхъ, кои сами ничего не творятъ кромѣ

C'est en mettant de petites entraves à une grande chose, et, comme je l'ai dit ailleurs, en faisant passer une idée hardie à la filière des petites considérations, qu'on ne fait rien de grand.

En soumettant mes raisons à Votre Majesté, je la supplie d'examiner si un trait qui ne déshonore pas le sujet, qui d'ailleurs est conforme à la verité de l'histoire, n'a pas la force de résister aux raisons spécieuses de le supprimer. Nous travaillons pour la postérité.

Pierre-le-Grand a trouvé l'envie dans son chemin, cela est certain; il a su la braver, cela est encore certain: c'est le sort de tout grand homme.

Si je faisais jamais la statue de Votre Majesté, et que la composition le permît, je jetterais l'envie au bas de son piédestal. Je ne ferais en cela que figurer ce que je sais, ce que je vois, et ce que la sagesse et la grandeur de Votre règne excite, où, je ne dois pas dire.

P. S. Je ne dois pas manquer de dire à Votre Majesté que beaucoup de ceux qui ont vu le serpent l'ont appelé une idée d'autant plus ingénieuse qu'elle grandit la pensée, soutient l'ouvrage, et cache, par la manière dont elle est exécutée, le besoin qui l'a fait introduire.

№ 52.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 6 Августа 1769 г.

De St-Pétersbourg, le 6 Août 1769.

Madame,

J'ai oublié de demander hier à Votre Majesté Impériale si elle est sa-

---

Кладя маленькія препоны большимъ дѣламъ, ставя смѣлую идею во хвостѣ ничтожныхъ соображеній, какъ я сказалъ это въ другомъ мѣстѣ, ничего великаго не сдѣлаешь.

Повергая на судъ Вашего Величества, свои доводы, умоляю Васъ рѣшить, не должна ли устоять противъ кривыхъ толкованій такая мысль, которая согласна и съ достоинствомъ предмета и съ историческою истиною. Мы трудимся для потомства.

Петру Великому перечила зависть, это несомнѣнно, онъ мужественно поборолъ ее, это также несомнѣнно: такова участь всякаго великаго человѣка.

Если бы я когда либо дѣлалъ статую Вашего Величества, и если бы композиція это позволила, то я бросилъ бы зависть внизу пьедестала. Такимъ путемъ я изобразилъ бы лишь то что знаю, что вижу, что мудрость и величіе Вашего царствованія возбуждаютъ, гдѣ именно, того не долженъ я говорить.

Приписка. Не могу не сказать Вашему Величеству что многіе изъ видѣвшихъ змѣю признали въ ней смыслъ тѣмъ болѣе удачный, что она возвышаетъ мысль, поддерживаетъ всю работу, а бывъ выполнена въ настоящемъ видѣ, скрываетъ необходимость заставившую къ ней прибѣгнуть.

№ 52. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я забылъ вчера спросить у Вашего Императорскаго Величества довольны ли Вы

tisfaite de mon apologie du serpent. Si vous daignez me faire le signe d'approbation, je laisserai bourdonner autour de mes oreilles, et je marcherai sans regarder derrière moi.

Sans doute qu'il ne faut pas affliger Diderot, mais un petit mot de la part de l'amitié serait-il déplacé? Voici ce que je me proposerais de lui dire sur les quatre tableaux de Paris. Si c'est mal, je ne lui en dirai rien, mais pourtant, les auteurs mériteraient une petite semonce pour plus d'une raison.

«Je veux Votre éloge assurément, mais si vous l'accordiez à un mauvais ouvrage de ma façon, il me ferait plus de mal que Votre silence. Il y a de ce que je vous dis là des exemples infinis, et j'en ai sous les yeux. Tout vieillit, tout passe: le temps des Dieux même est passé. J'ai vu le Dieu de la guerre terrible au milieu des combats; je l'ai vu tendre et désarmé, dans le sein de la volupté; c'était toujours un Dieu, mais c'était un Dieu d'Homère. J'ai vu Vénus souveraine éternelle de la nature, force irrésistible qui pénètre tout, qui fait tout respirer, l'âme, en un mot de vous, de moi, de ce qui a été, de ce qui sera jamais: c'était la Vénus d'Homère et de Lucrèce. Eh! bien, je l'ai vue depuis peu, sans grâce, sans beauté, sans magie. Que dis-je? Je l'ai vue semblable à la plus chétive créature qu'elle aurait refusé d'animer. Et son amant! Grands Dieux, qu'êtes-vous devenus!

«Puisque le principe de l'harmonie en est à ce point, adieu musique,

---

моею апологіею змѣи. Если Вамъ угодно будетъ подать мнѣ знакъ одобренія, то пренебрегая жужжаніемъ около ушей своихъ, я пойду прямо не оборачиваясь.

Конечно не надо огорчать Дидерота, но развѣ дружеское словечко будетъ неумѣстно? Вотъ что я хочу сказать ему о четырехъ Парижскихъ картинахъ. Если это дурно, то я пожалуй ничего не скажу, хотя авторы заслуживаютъ маленькую головомойку по многимъ причинамъ.

Я добиваюсь конечно Вашихъ похвалъ, но если бы Вы стали хвалить плохую вещь которой я бы покровительствовалъ, то эти похвалы были бы для меня хуже молчанія. Такихъ примѣровъ множество, у меня они есть подъ глазами. Все старается, все проходитъ, самое время боговъ прошло. Я видѣлъ бога войны ужаснаго среди боя; я видѣлъ его нѣжнымъ и обезоруженнымъ въ лонѣ сластолюбія; онъ все таки былъ богомъ, но богомъ Гомера. Я видѣлъ Венеру вѣчную самодержицу природы, непреоборимую, всюду проникающую силу благодаря коей все дышетъ, словомъ душу Вашу, мою, всего того что было или будетъ; то была Венера Гомера, Лукреція. И чтоже? я видѣлъ ее недавно безъ прелести, безъ красоты, безъ волшебства. Скажу больше. Я видѣлъ ее походившею на ничтожное существо, которое въ былое время она отказалась бы оживить. А любовникъ ея! Что съ вами сталось.

«Если начало гармоніи въ такомъ состояніи, то прощай музыка, прощай звучная

adieu concert. Et ces édifices immenses et enchanteurs où l'oeil égaré va poursuivant l'écho, ne sont-ils donc plus qu'une masse énorme qui heurte et blesse la vue en l'arrêtant désagréablement? Mais nous n'avons pas tout perdu, et Berghem est encore imité, copié: les grands hommes seront longtemps préservés de l'oubli.

«Oh, le charmant tableau que ce J. B. Vanloo ([53])! la belle touche! les beaux tons! la charmante petite tête d'Amphitrite! la belle pâte!

«Du Murillo, il en faut parler à genoux, celui de nous qui ose le regarder autrement n'a ni foi ni loi. Les trois Gerard-Dowe, à cela près du dessin sec et ignoble, et de la couleur des chairs, sont trois diamants. Je m'y connais un peu, c'est à peu près mon métier, mon ami.»

Si Votre Majesté ne juge pas à propos que j'envoie cela à Diderot, elle sera obéie. J'ose la supplier de vouloir bien me le faire savoir.

№ 53.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 7 Августа 1769 г.

Il y a une vieille chanson qui dit *s'il faut*, *il faut*, voilà ma réponse au serpent, vos raisons sont bonnes. Ce que vous voulez dire à Diderot, ne saurait le fâcher et je trouve que vous avez raison, il n'y a qu'au Vanloo auquel je ne souscris pas, j'en sais bien la raison, c'est que je ne m'y entends pas assez pour voir ce que vous voyez.

Crayon de Falconet, 7 Août 1769.

стройность. А эти громадныя, восхитительныя зданія гдѣ глазъ теряется изслѣдуя эхо, неужели они не болѣе какъ огромная масса непріятно останавливающая, оскорбляющая зрѣніе? Но мы еще не всего лишились, Бергему подражаютъ, его копируютъ: великіе люди долгое время предохраняются отъ забвенія».

«Какъ прелестна эта картина Ванло ([53])! что за дивная кисть! какіе прекрасные тоны! что за милѣйшая головка Амфитриты! Какая сочная краска!

«Мурильо, о немъ говорить слѣдуетъ на колѣняхъ, отпѣтый человѣкъ, тотъ кто изъ насъ смѣетъ смотрѣть на него иначе. Три картины Жерара До, три бриліанта, если забыть его сухой необлагородный рисунокъ и цвѣтъ тѣла. Я въ этомъ дѣлѣ смыслю нѣсколько толкъ, это почти-что ремесло мое, мой другъ».

Воля Вашего Величества будетъ исполнена, если Вы признаете, что этого посылать Дидероту не слѣдуетъ. Смѣю умолять о сообщеніи мнѣ подлежащаго приказанія.

№ 53. Есть старинная пѣсня въ которой говорится: «если надо такъ надо», вотъ мой отвѣтъ касательно змѣи; ваши доводы хороши. Почему бы Дидероту сердиться на то, что вы хотите ему сказать, я нахожу что вы правы, лишь на отзывъ о Ванло я не согласна, и знаю почему, потому что не довольно понимаю толкъ, чтобы видѣть то, что вы видите.

Помѣта Фальконета карандашемъ: 7 Августа 1769.

№ 54.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 13 Сентября 1769 г.

A St-Pétersbourg, le 13 Septembre 1769.

Madame,

Je ne serai pas des premiers à féliciter Votre Majesté Impériale sur le dernier voyage des enfants du St. Prophète, qui viennent de partir pour lui porter des nouvelles de votre armée; mais je défie les plus hardis et les plus zélés russes de me prouver que mon coeur n'est pas au bout de ma plume: et Votre Majesté le sait bien. Que Voltaire doit être content! Que Diderot et mille autres coeurs honnêtes, que je connais le sont bien aussi! Ceux qui n'en font pas les feux de joie ne sont que des esprits à la turque.

Le Prince Dimitri vient de recevoir une lettre de Diderot qu'il m'a laissée pour la faire lire à Votre Majesté. Elle y verra que le refrain perpétuel de mon ami est que je manquerai le cheval. Il est assez plaisant que ce soient les mêmes honnêtes gens qui déchirent mon ouvrage, sans le voir ni le connaître, qui demandent si modestement l'éloge des leurs que Votre Majesté connaît très-bien. Plusieurs personnes, y compris le Prince Dimitri, sont en état de fermer ces bouches mal disantes, s'ils veulent s'en donner la peine. Peut-être qu'alors, cette Vénus manquée, ce Mars ignoble, ce concert prétendu espagnol dont la stupidité fait la base, laisseraient

---

№ 54. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я не изъ первыхъ приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленія по поводу послѣдняго путешествія дѣтей пророка, отправившихся къ нему съ извѣстіями о вашей арміи; но самые смѣлые, самые усердные изъ русскихъ не докажутъ мнѣ, что сердце мое не владѣетъ моимъ перомъ; да и Ваше Величество въ томъ увѣрены. Какъ Вольтеръ долженъ быть доволенъ! Какъ Дидеротъ и другія извѣстныя мнѣ честныя сердца должны тоже радоваться! Кто не дѣлитъ этой радости, у того голова вывернута на турецкій ладъ.

Князь Димитрій только что получилъ письмо отъ Дидерота, которое и оставилъ мнѣ для того, чтобы Ваше Величество его прочитали. Вы увидите изъ этого письма что вѣчный припѣвъ моего пріятеля тотъ, что конь у меня не удастся. Забавно, что тѣ милые господа, которые уничтожаютъ мою работу не видавъ и не зная ее, такъ скромно выпрашиваютъ похвалъ за свои, хорошо извѣстные Вамъ, труды. Мно- ... въ томъ числѣ и Князь Димитрій, въ состояніи зажать ротъ хулителямъ, ...тѣли взять на себя этотъ трудъ. Быть можетъ тогда эта неудавшаяся ...тъ неблагодарный Марсъ, этотъ яко бы испанскій концертъ, основан-

tranquille ce cheval qui n'est pas aussi manqué que le publient ses détracteurs. Les vilaines gens! Si Diderot vient jamais dans mon atelier, je parierais, à mon tour, *cent contre un*, qu'après avoir dit, *le vilain Greuse!* il ajoutera, les détestables confrères que tu as, mon ami!

Comme cette espèce de gens est jetée avec profusion sur la terre, il est tout simple que celui qui s'avise d'être heureux dans son coin, sans leur permission, doit au moins s'attendre à en être persécuté. Le crime de n'avoir pas la folie des autres ne se pardonne point. Ce que j'ai dit de la postérité, je le dis aussi du bonheur présent. Si Votre Majesté daigne jeter quelquefois sur moi ce coup d'oeil vivifiant et si nécessaire à ma tranquillité, la malhonnêteté de mes dignes confrères, et les traits de quelques autres ne seront pour moi que l'illusion d'un mauvais rêve.

En vertu de l'approbation que Votre Majesté a donnée au conseil de M. Guillaume, dans sa lettre du 1-r Juillet 1768, M-lle Collot prend la liberté de demander, si elle ne ferait pas bien de suspendre le travail du portrait de Voltaire pour finir plus promptement celui de Votre Majesté, afin de l'envoyer à Fernay, tandis que la saison le permet encore. La miniature dont vous avez enrichi Voltaire est-elle un monument aussi distingué et aussi digne de vous représenter, Madame, que l'est un buste en marbre? Je ne me fais pas à voir Catherine, Pierre et Henry en miniature.

ный на пошлости, оставили бы въ покоѣ коня не на столь плохаго, какъ прокричали его недоброжелатели. Дрянной народъ! Если Дидеротъ когда-либо посѣтитъ мою мастерскую, то бьюсь въ свою очередь объ закладъ, сто противъ одного, что сказавъ: «скверный Грезъ!» онъ прибавитъ, несносные у тебя собратья другъ мой!

Такъ какъ подобныхъ людей на свѣтѣ множество, то не мудрено если тотъ, кто осмѣливается быть счастливымъ въ своемъ уголкѣ безъ ихъ позволенія, долженъ ожидать отъ нихъ преслѣдованій. Преступленіе быть чуждымъ посторонему безумію не можетъ быть прощено. Что я сказалъ о потомствѣ, тоже самое повторю о счастіи при жизни. Если Ваше Величество соизволите иной разъ бросить на меня тотъ живительный и столь необходимый для меня взглядъ, то недоброжелательство моихъ достойныхъ собратій, равно какъ и другія козни, разсѣятся предо мною какъ тяжелый сонъ.

Согласно Высочайше одобренному въ письмѣ отъ 1-го Іюля 1768 г. совѣту г. Гильома, г-жа Колло осмѣливается спросить не должна ли она пріостановиться работою Вольтерова портрета для того, чтобы окончить поспѣшнѣе изображеніе Вашего Величества, для отсылки въ Ферне въ благопріятное время года. Миніатюра, которою Вы обогатили Вольтера составляетъ ли предметъ столь же изящный и достойный Васъ представить какъ мраморный бюстъ? Екатерину, Петра, Генриха — признаюсь, не могу представить себѣ въ миніатюрномъ видѣ.

№ 55.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 17 Сентября 1769 г.

Monsieur Falconet. Au moment hier que j'allais me mettre en carrosse pour retourner à la campagne, on m'a rendu votre lettre; jusqu'à ce moment j'étais inabordable, grâce au Te-Deum, à la représentation et aux autres importuns. Je ne doute aucunement de la part que vous prenez à l'envoi des musulmans dans l'autre monde, ils ont été tapés cruellement ([54]), les amis des Turcs vont avoir recours à leurs jeux ordinaires en pareille occasion; ils feront semblant de douter et n'enrageront pas moins intérieurement, à eux permis; chacun a son partage; nous n'en irons pas moins notre chemin, vous et moi; vous ferez un beau cheval malgré les mauvais discours de vos envieux, qui ne vous envieraient pas s'ils avaient pitié de vous; ainsi, laissez-les dire; chaque chose est à sa place et vous avez les marques de leur estime, vainquez tous les obstacles et moquez-vous du reste; les obstacles dans ce monde sont faits pour être écartés par les gens de mérite, ils augmentent leur réputation; voilà le lot des obstacles. Qu'est ce que les soucis que M-r Diderot a et dont il ne veut pas parler, serait-ce quelque nouvelle persécution? comme il pourrait les éviter s'il se transplantait, je le voudrais et pour vous, et pour lui, et pour moi aussi: j'espère bien que vous ne doutez point, que je ne négligerai point ce que je pourrai contribuer à vous mettre à votre aise et pour l'esprit, et pour l'homme, et

---

№ 55. Господинъ Фальконетъ, вчера въ ту минуту какъ я садилась въ карету чтобъ ѣхать обратно на дачу, мнѣ подали ваше письмо, до того времени я была недоступна благодаря молебну, представленію и другимъ тягостямъ. Нисколько не сомнѣваюсь въ вашемъ участіи по поводу отправленія мусульманъ на тотъ свѣтъ, имъ шибко досталось ([54]), пріятели Турокъ прибѣгнутъ къ своимъ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ забавамъ, прикинутся сомнѣвающимися, а въ душѣ будутъ не меньше того бѣситься, пускай себѣ, каждому свой удѣлъ, мы съ вами изъ за этого не свернемъ съ своей дороги, вы сдѣлаете прекраснаго коня, наперекоръ вашимъ недоброжелательнымъ завистникамъ, которые не стали бы вамъ завидовать, если бы вы внушали имъ жалость, слѣдовательно оставьте [illegible], пусть будетъ все на своемъ мѣстѣ, вы имѣете признаки ихъ уваженія, [illegible]те всѣ препятствія и не тужите ни о чемъ, на этомъ свѣтѣ препятствія [illegible]ля того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою [illegible] вотъ назначеніе препятствій. Какія такія у г. Дидерота хлопоты, о к[illegible] не хочетъ говорить, не новое ли преслѣдованіе? Онъ могъ бы ихъ [illegible]реселясь, чего я желала бы и для него и для васъ и для себя самой. [illegible]ваетесь надѣюсь что я не упущу ничего состоящаго въ моей вла[illegible]тавить вамъ всѣ удобства, и для расположенія духа

pour l'ouvrage. Si M-lle Collot aime mieux faire mon portrait, que celui de Voltaire, volontiers, j'y consens, mais comme la saison est fort avancée, je crains qu'il faudrait trop se hâter s'il fallait l'envoyer cette année et vous savez que c'est ce que j'évite volontiers de recommander aux personnes, qui s'occupent comme M-lle Collot, et qui s'en acquittent aussi heureusement. Comme les médaillons lui réussissent si bien, ne m'en feraitelle pas encore quelques-uns? par exemple, Pierre-le-Grand et sa fille l'Imp. Elisabeth? J'ai de cette dernière un portrait en profil peint par Caravaque que j'ai toujours compté pour un de ses meilleurs ouvrages; il est dans le garde-meuble d'Oranienbaum et c'est Rotari qui me la fait avoir. Sur tout ceci, Monsieur, je vous consulte et vous me direz votre avis sans inquiéter Mad. Collot mal à propos en lui proposant trop de choses à la fois. Trève de griffonnage. Adieu, Monsieur, portez-vous bien.

№ 56.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 17 Сентября 1769 г.

Madame,

La phrase de Diderot: *nous sommes ici dans de grands soucis, il n'est pas nécessaire de vous en dire les raisons*, n'est pas plus claire pour moi qu'elle ne l'est pour Votre Majesté Impériale. Si c'était quelque nouvelle persécution qui le regardât, il aurait pu le dire, ayant confié sa lettre à un

---

и для человѣка и для работы. Если г-жа Колло предпочитаетъ работать надъ моимъ бюстомъ, вмѣсто Вольтерова, то я съ своей стороны охотно на то соглашаюсь, но такъ какъ время года уже довольно позднее, то я боюсь что пришлось бы слишкомъ торопиться, если бы хотѣть отправить его въ нынѣшнемъ году, а вы знаете что я не охотно тороплю лицъ занимающихся такъ усердно и успѣшно, какъ г-жа Колло. Медальоны ей удаются такъ хорошо, что не сдѣлаетъ ли она ихъ мнѣ еще нѣсколько? Напр. Петра Великаго и дочь его Императрицу Елизавету. У меня есть портретъ послѣдней въ профилѣ писанный Каравакомъ, я всегда считала ее одной изъ лучшихъ картинъ этого живописца, портретъ этотъ хранится въ Ораніенбаумѣ въ кладовой; онъ достался мнѣ чрезъ посредство Ротари. Обо всемъ этомъ я, милостивый государь съ вами совѣщаюсь и вы скажете свое мнѣніе не надоѣдая некстати г-жѣ Колло, предлагая ей слишкомъ много занятій разомъ. Довольно маранья. Прощайте, будьте здоровы.

№ 56. Всемилостивѣйшая Государыня,

Фраза Дирерота: «мы здѣсь въ большихъ хлопотахъ, не надо разсказывать вамъ причины» столь же темна для меня, какъ и для Вашего Императорскаго Величества. Если бы то было новое противъ него преслѣдованіе, то онъ могъ бы оговорить это, потому что письмо было поручено путешественнику. Мнѣ кажется, однако, что

voyageur. Je croirais cependant trouver un sens à ce qu'il dit, en l'expliquant par une autre lettre de Paris. On a écrit à M. de Villiers, *depuis le 12 juillet on a vu dans ce pays s'évanouir des nouvelles qui troublaient le coeur de ceux qui aiment Votre Auguste Souveraine, et c'est avec le plus grand plaisir que le mien a appris que la paix règne toujours dans l'intérieur de son Palais.*

Diderot partirait-il de là? Je n'en sais rien. Sa lettre étant du 7 août, il aurait dû aussi être détrompé alors, mais toutes les sociétés n'étant pas les mêmes, les nouvelles retardent plus ou moins: et dans une ville aussi peuplée que Paris, il faut bien un mois pour mettre tout à l'unisson.

M. le curé d'Etrepagny m'est enfin parvenu, en deux volumes in 4⁰ manuscrits qui n'ont été visités que chez moi: je supplie Votre Majesté d'agréer mon très-humble remerciement de cette grâce.

J'ai reçu aussi, par M. de Betzky, deux morceaux d'une sorte de porcelaine dont l'un représente Renaud et Armide; l'autre Sully à genoux devant Henry quatre, lorsque ce prince lui dit, *relevez-vous; mais relevez-vous donc Rosny; ils vont croire que je vous pardonne.* Comme aucune lettre ne m'annonce ces deux ouvrages, j'imagine, en attendant quelque lumière, que M. Cochin m'envoie cela, sans dire mot, bien assuré que je le présenterai à Votre Majesté; c'est là sa pensée, si l'envoi est de lui.

M. de Betzky vous ayant, sans doute, montré, Madame, la première

---

смыслъ его словъ объясняется другимъ письмомъ изъ Парижа. Г. де-Вильеру пишутъ: съ 12-го іюля исчезли извѣстія, смущавшія тѣхъ, кои любятъ Августѣйшую Вашу Государыню; съ большимъ удовольствіемъ я узналъ, что спокойствіе продолжаетъ царствовать въ ея дворцѣ.

Не объ этомъ ли намекаетъ Дидеротъ? Не знаю. Письмо его отъ 7-го августа; въ это время и онъ долженъ бы былъ быть разувѣренъ, но въ различные круги общества, новости доходятъ въ различное время; а въ столь многолюдномъ городѣ какъ Парижъ нуженъ конечно мѣсяцъ для полнаго объясненія.

Г. священникъ д'Етрепаньи наконецъ достигъ до меня, это два рукописныхъ тома in 4⁰, которые были досмотрѣны лишь у меня на дому; умоляю Ваше Величество принять мои всенижайшія благодаренія за эту милость.

Я получилъ тоже чрезъ г. Бецкаго два куска въ родѣ фарфора, одинъ представляетъ Рено и Армиду, другой Сюлли на колѣняхъ предъ Генрихомъ IV, когда государь этотъ сказалъ: встаньте, встаньте Рони, они подумаютъ что я васъ прощаю. При этихъ вещахъ нѣтъ письма и во ожиданіи объясненія я воображаю, что мнѣ ихъ присылаетъ г. Кошенъ, не говоря ни слова, будучи увѣренъ, что я поднесу ихъ Вашему Величеству,— такова его мысль, если только посылка отъ него.

Г. Бецкій вѣроятно показалъ Вамъ первое письмо, на основаніи коего я дол-

lettre par laquelle je dois fondre, et la seconde qui contient mes raisons de ne pas fondre, je n'en dois plus parler.

M-lle Collot fera de son mieux les médaillons de Pierre-le-Grand et d'Elisabeth; elle attend le portrait peint de profil. Si huit jours n'étaient pas trop tard pour l'envoi à Férnay, elle aurait fini, à peu près vers ce temps.

№ 57.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 18 Сентября 1769 г.

Monsieur Falconet, je cherche depuis vingt-quatre heures les lettres, que M-r Voltaire m'a écrites et je ne puis les trouver; je me souviens de vous les avoir données, mais je me souviens aussi de ce que vous me les avez rapportées. Vous les aurais-je données une seconde fois? je n'en sais rien. Vous me direz cela demain ou après-demain de bouche; en attendant, je chercherai partout. Vous me direz aussi pourquoi vous ne voulez plus fondre la statue, car ne vous en déplaise, dans la lettre à M-r Betzki, il n'y a aucune bonne raison, je m'imagine que vous en avez de meilleures in petto. Mais s'il était possible de vaincre les obstacles, ce serait une bonne et utile chose; et de quoi l'homme de génie ne vient-il pas à bout? outre cela, qui vous dit qu'un fondeur de profession fera mieux que vous? souvenez-vous de tant d'habiles fondeurs qui n'ont pas réussi. Vous me direz que c'est leur affaire, mais aussi je n'imagine pas, que vous aurez du plaisir

---

женъ производить отливку и второе содержащее мои доводы, по коимъ я не долженъ ее производить, а потому я не долженъ больше говорить объ этомъ.

Г-жа Колло исполнитъ какъ только можетъ медальоны Петра Великаго и Елизаветы; она ожидаетъ портрета писаннаго въ профилѣ. Если бы чрезъ восемь дней не было слишкомъ поздно для отсылки въ Ферне, то около этого времени работа была бы окончена.

№ 57. Господинъ Фальконетъ, цѣлые сутки ищу письма Вольтера и не нахожу, помню что давала ихъ вамъ, но помню также что вы ихъ мнѣ возвратили. Не отдала ли я вамъ ихъ вторично, сама не знаю. Завтра или послѣ завтра вы отвѣтите мнѣ словесно, покамѣстъ буду искать вездѣ. Вы скажете мнѣ тоже почему вы не хотите отливать статуи, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, въ письмѣ вашемъ къ г. Бецкому нѣтъ никакихъ основательныхъ доводовъ, я думаю что у васъ есть еще иные лучшіе въ запасѣ. Если бы можно было побороть препятствія, то это было бы доброе полезное дѣло, а чего не можетъ достигнуть геніальный человѣкъ; къ тому же кто говоритъ что литейщикъ по ремеслу сдѣлаетъ лучше васъ, вспомните о столькихъ искусныхъ литейщикахъ, которымъ отливка не удалась. Вы мнѣ скажете что это ихъ дѣло, но не ужели вамъ будетъ весело смотрѣть какъ другой испортитъ

à voir gâter votre ouvrage par un autre, je suis parsuadée que si vous vous donnez la peine de conduire la fonte, elle réussira et que vous aurez moins de déplaisir que vous n'en auriez avec tel ou tel autre fondeur. Au reste, Monsieur, je ne prétends point gêner votre opinion, mais uniquement et sincèrement je vous dis ce qui me paraît être la vérité. Nous traiterons cette matière plus au long un de ces jours.

№ 58.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 29 Сентября 1769 г.

Madame,

Enfin, je l'ai lu et je l'ai fait lire, ce monument à jamais précieux. C'est le chef-d'ouvre de la raison et de l'humanité. S'il y avait des Russes assez aveugles pour ne pas aller au-devant de leur salut, ces malheureux enfants ne mériteraient que la pitié de leur mère qui les rendrait malgré eux, plus heureux, meilleurs et reconnaissants. Je ne sais si j'aurais voulu être russe, il y a 60 ou 80 ans, mais je sens, en lisant les divines instructions de Votre Majesté Impériale, que je voudrais l'être à présent, et vivre assez pour jouir des heureux fruits du Code Catherinien.

Je vais exposer à Votre Majesté ce qu'elle m'a permis de lui dire sur la traduction de l'article 67.

трудъ вашъ; я убѣждена что ежели вы примете на себя трудъ завѣдывать отливкою, то она удастся и вы испытаете менѣе неудовольствія, чѣмъ съ тѣмъ или другимъ литейщикомъ. Впрочемъ, милостивый государь, я не намѣрена вамъ перечить, а чистосердечно высказываю то, что представляется мнѣ исключительно истиною. Мы потолкуемъ объ этомъ на дняхъ пообстоятельнѣе.

№ 58. Всемилостивѣйшая Государыня,

Наконецъ-то я прочиталъ и заставилъ другихъ прочитать этотъ во вѣки драгоцѣнный памятникъ. Это торжество разсудка и человѣколюбія. Если бы нашлись Русскіе ослѣпленные въ такой степени, что не захотѣли бы идти на встрѣчу своему спасенію, то эти несчастные дѣти не были бы достойны сожалѣнія своей матери, которая наперекоръ имъ самимъ сдѣлала бы ихъ болѣе счастливыми, добродѣтельными, благодарными. Не знаю желалъ ли бы я быть Русскимъ шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но читая божественный наказъ Вашего Императорскаго Величества желалъ бы быть Русскимъ теперь, желалъ бы жить достаточно чтобы наслаждаться плодами Екатерининскаго Уложенія.

Представляю Вашему Величеству то, что вы позволили мнѣ сказать относительно 67 статьи.

Le latin dit, mot-à-mot:

«La liberté politique triomphe, quand les lois contre les délinquans déduisent chaque peine de la nature particulière de chaque délit. *Tout ce qu'il peut y avoir d'arbitraire dans l'imposition de la peine*, ne doit point provenir du caprice du législateur, mais du fait même; et il ne faut pas que ce soit l'homme qui fasse violence à l'homme, mais la propre action de l'homme.

«L'allemand, traduit le plus littéralement possible, s'exprime bien différemment; voici ce qu'il dit:

«La liberté politique triomphe alors, quand les lois contre les infracteurs dérivent chaque peine de la qualité propre de chaque délit; car, par ce moyen, *il n'y a rien d'arbitraire dans la peine*, comme cette peine ne dépendant pas du caprice de législateur, mais de la nature de la chose même, et ce n'est point l'homme qui fait violence à l'homme, mais ses propres actions».

La traduction française est parfaitement d'accord avec l'allemande; la contradiction est donc en ce que le latin admet *l'arbitraire dans l'imposition de la peine*, et que l'allemand et le français excluent *l'arbitraire dans la peine*. Le français dit, *tout l'arbitraire cesse*. Vous seule, Madame, pouvez décider si ces différentes leçons s'accordent avec l'original russe, et si leurs contradictions respectives doivent subsister.

Латинскій текстъ говоритъ слово въ слово: «политическая свобода торжествуетъ, когда законы противъ преступниковъ выводятъ каждое наказаніе изъ особенныхъ свойствъ каждаго преступленія.

Все что можетъ быть произвольнаго въ установленіи наказанія не должно проистекать отъ каприза законодателя, но отъ самаго факта; не слѣдуетъ допускать надъ человѣкомъ насилія другаго человѣка, а лишь насиліе своего собственнаго поступка.

Нѣмецкій буквальный переводъ выражаетъ иную мысль; вотъ что онъ говоритъ:

Политическая свобода торжествуетъ тогда, когда въ законахъ противъ преступниковъ каждое наказаніе вытекаетъ изъ особенныхъ свойствъ каждаго преступленія; ибо этимъ средствомъ нѣтъ ничего произвольнаго въ наказаніи, такъ какъ наказаніе въ этомъ случаѣ не зависитъ отъ произвола законодателя, но отъ природы самой вещи, и не человѣкъ совершаетъ насиліе надъ человѣкомъ, а его собственные поступки.

Французскій переводъ вполнѣ согласенъ съ нѣмецкимъ. Значитъ противорѣчіе заключается лишь въ томъ, что латинскій текстъ допускаетъ произволъ въ назначеніи наказанія, а нѣмецкій и французскій исключаютъ произволъ въ наказаніи. Французскій говоритъ, всякій произволъ прекращается. Вы однѣ Государыня можете рѣшить согласуются ли эти переводы съ русскимъ оригиналомъ и должно ли существовать ихъ взаимное противорѣчіе.

№ 59.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 10 Октября 1769 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale a la bonté de me demander par sa lettre du 8 Septembre, si je n'aurais pas *in petto* de meilleures raisons, que celles que j'ai écrites à M. le général. Si j'avais l'âme assez faible pour n'être pas toujours vrai avec Votre Majesté, surtout lorsqu'elle me permet de l'être, je ne serais pas digne de la moindre de ses bontés.

J'ai écrit le 1-r août à M. de B. que je m'offrais sans aucun intérêt, à fondre la statue; ce procédé n'a pas assez échauffé S. E. sur l'objet, pour l'engager à me répondre avant 15 jours, au bout des quels je reçus quatre mots qui ne sont ni clairs ni satisfaisants; parcequ'ils ne paraissent pas venir de quelqu'un qui sente les difficultés et l'importance de cette opération que, par la nature de ma proposition, je ne devais pas faire sentir.

On est rebuté de l'homme qui se fait trop valoir, et l'on a raison; mais peut-être aussi que l'homme simple pourrait ne se pas trouver suffisamment encouragé, quand on lui refuse des demandes justes et honnêtes, et qu'il ne fait que pour assurer sa tranquillité en travaillant. Or, ne pas répondre, en ce cas, c'est refuser. Voilà tout ce que j'avais *in petto*, et je crois que c'est quelque chose.

Mais une difficulté de tous procédés personnels, c'est l'inexpérience

---

№ 59. Всемилостивѣйшая Государыня;

Вашему Императорскому Величеству угодно въ письмѣ своемъ отъ 8-го сентября спрашивать нѣтъ ли у меня *въ запасѣ* лучшихъ доводовъ чѣмъ тѣ, которые я представилъ генералу? Если бы я по слабодушію не всегда говорилъ Вамъ правду, особливо когда Вы мнѣ это дозволяете, то былъ бы недостоинъ малѣйшей изъ оказываемыхъ мнѣ милостей.

1-го августа я написалъ г. Б. что предлагаю отлить самъ статую безъ всякаго вознагражденія; такое предложеніе не слишкомъ пришлось по душѣ Е. П.; онъ отвѣчалъ мнѣ чрезъ двѣ недѣли четырьмя словами двусмысленными, неудовлетворительными, потому что въ нихъ чувствовалось непониманіе трудностей, несознаваніе важности этой операціи, очемъ въ письмѣ своемъ я разумѣется долженъ былъ умолчать.

Человѣкъ слишкомъ выставляющій свои заслуги по справедливости надоѣдаетъ; но быть можетъ человѣкъ простой недостаточно бываетъ поощренъ, когда ему отказываютъ, въ справедливыхъ, честныхъ просьбахъ, заявляемыхъ только для того что бы работа спокойно довершалась. Не отвѣчать значитъ отказывать. Вотъ все, что у меня въ запасѣ и я полагаю что это кое-что.

Но трудность въ случаѣ личной мною отливки заключается еще въ томъ, что я

que j'ai du *recuit*, et celle que j'ai découverte dans l'ouvrier, dont je croyais m'aider. Je viens d'apprendre que le livre où sont très-exactement expliquées les opérations de la fonte de Bouchardon, vient de paraître, on doit me l'envoyer incessamment. Quand je l'aurai, et que j'y aurai étudié cette partie, je serai moins incertain, et plus en état de prendre un parti. Alors Votre Majesté connaîtra que mon désir et ma crainte de fondre sont également fondés sur la plus grande envie de voir réussir mon ouvrage.

Il arrive un libraire de Paris à qui j'ai demandé, s'il était vrai que les *Instructions* de Votre Majesté y fussent défendues; il m'a assuré qu'il n'en était rien, qu'elles se vendaient très-librement, et que chacun les avait. Ceux qui l'ont écrit auraient bien dû envoyer ici l'arrêt du Parlement qui défend ce livre, tant pour constater le fait, que parce que ces sortes d'arrêts contiennent toujours l'explication des motifs sur lesquels un livre est prohibé. Ces arrêts se débitent ordinairement dans la ville et se vendent deux liards. Ce libraire était à Paris à la fin de Juillet, la défense serait depuis?

Mes honnêtes confrères commencent enfin à craindre que je ne fasse une belle chose; c'est ce que Votre Majesté verra dans le billet de Diderot, si elle veut bien y jeter les yeux.

Le buste de marbre est fini et attend les ordres de Votre Majesté.

со всѣмъ не умѣю остужать вторичную ковку; къ тому же я открылъ на дняхъ что и мастеровой, долженствовавшій помогать мнѣ, не болѣе меня смыслитъ это дѣло. Я только что узналъ что книга, въ которой излагаются въ подробности способы отливки употреблявшіеся Бушардономъ, только что вышла въ свѣтъ, мнѣ вышлютъ ее на дняхъ. По полученіи ея, когда я изучу эту часть, то легче рѣшусь на что-либо. Тогда Ваше Величество убѣдитесь, что и желаніе мое произвести отливку и страхъ это исполнить, одинаково основаны на желаніи видѣть успѣшное окончаніе моего труда.

Изъ Парижа пріѣхалъ книгопродавецъ, у котораго я спрашивалъ правда ли что Наказъ Вашего Величества тамъ запрещенъ; онъ отвѣчалъ мнѣ что ничего подобнаго не было, что наказъ свободно продавался и что всякій имѣлъ его. Писавшіе объ этомъ запрещеніи должны бы были прислать сюда приговоръ парламента, запретившій эту книгу, какъ для того что бы подтвердить этотъ фактъ, такъ и потому что подобные приговоры всегда содержатъ изложеніе поводовъ къ запрещенію книги. Такіе приговоры обыкновенно продаются въ городѣ по два гроша. Книгопродавецъ этотъ былъ въ Парижѣ въ концѣ іюля, быть можетъ запрещеніе послѣдовало потомъ.

Любезные мои сотоварищи начинаютъ трусить, что я сдѣлаю хорошую вещь; Ваше Величество усмотрите это, кинувъ взглядъ на прилагаемую у сего записку Дидерота.

Мраморный бюстъ оконченъ и ожидаетъ приказаній Вашего Величества.

J'ai entre les mains une médaille de Pierre-le-Grand; elle répond, sans réplique, à ceux qui veulent faire croire que ce grand homme n'avait pas d'envieux. C'est la victoire de Poltava ([55]). La devise est: *hic honor in nobis invidiosus erit.* Cet honneur excitera l'envie contre moi. J'aurai cette médaille quand on portera le buste.

P. S. Si je ne craignais importuner Votre Majesté, j'oserais la supplier de regarder 7 ou 8 pages que j'ai faites sur la statue de Marc-Aurèle. Je les mets au net les soirs; je les adresse à Diderot.

№ 60.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 11 Октября 1769 г.

J'ai déclaré bien clairement mes intentions ces jours passés, que je prétendais que vous fussiez content et point du tout chicané. Vous avez beau dire, *l'instruction* est défendue à Paris, non par édit du Parlement, mais par la police avec le moins de publicité qu'on a pu, mais il y a de la contrebande partout. Je vous enverrai prier un de ces jours de venir chez moi et le buste aussi. Adieu, portez-vous bien.

№ 61.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 23 Октября 1769 г.

Madame,

Le fripon de libraire qui vient de m'être recommandé par le fripon de Diderot, a débuté ici par une action très-répréhensible. Il a vendu à M. le

---

У меня въ рукахъ медаль Петра Великаго опровергающая тѣхъ, кои утверждаютъ что у него не было завистниковъ. Медаль эта выбита по случаю полтавской побѣды ([55]). Девизъ таковъ: честь эта воздвигнетъ на меня зависть. Я захвачу эту медаль представляя бюстъ.

Приписка: Если бы я не боялся безпокоить Ваше Величество, то умолялъ бы Васъ взглянуть на 7 или 8 страницъ, написанныхъ мною о статуѣ Марка Аврелія. Я ихъ переписывалъ по вечерамъ; адресую ихъ Дидероту.

№ 60. Я на дняхъ очень ясно выразила свое намѣреніе, чтобы Вы были довольны и, чтобъ Вамъ не надоѣдали. Что ни говорите, а наказъ запрещенъ въ Парижѣ не парламентскимъ едиктомъ, а полиціею съ наименьшимъ, по возможности шумомъ, а контрбанда есть вездѣ. На дняхъ попрошу къ себѣ и Васъ и бюстъ. Про... здоровы.

Всемилостивѣйшая Государыня,

...игопродавецъ рекомендованный мнѣ плутомъ Дидеротомъ дебютировалъ ...предосудительнымъ поступкомъ. Онъ продалъ оберъ-егермейстеру ([56])

grand-veneur ([56]), pour 70 r. les oiseaux enluminés de l'histoire naturelle ([57]). Çe qu'ayant appris, un autre libraire, très-honnête homme, nommé Weitbrecht, a juré son grand juron, qu'il allait faire justice de ce coquin qui vend 70 r. les mêmes oiseaux que lui, honnête marchand, a la générosité de donner pour 140 r.

Il faut convenir qu'au tribunal de tous les Weitbrecht possibles, l'action est atroce; mais à celui de Votre Majesté, mon fripon recommandé par Diderot aura la permission de tromper encore le public comme il a trompé M. le grand-veneur, et comme il espère de tromper tous ceux à qui il vendra ses livres.

J'ose supplier Votre Majesté de me permettre de réclamer sa justice, si besoin est, contre l'iniquité qui veut opprimer un homme parce qu'il est honnête. Il est vrai que sa probité fait tomber un masque sous lequel on volait hardiment.

P. S. Une lettre que je reçois dans l'instant amusera peut-être Votre Majesté, par quelques détails de notre salon ([58]). Je la supplie de passer le *St. amadou*. Je voulais l'effacer, mais au fond, c'est une babiole.

№ 62.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 9 Ноября 1769 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale a eu la bonté de me parler du livre de l'abbé Chape ([59]) et de la réponse qu'il serait à propos d'y faire. J'entends tous les

---

за 70 рублей раскрашенныхъ птицъ, изъ естественной исторіи ([57]). Узнавъ это, другой книгопродавецъ по имени Вейтбрехтъ, очень честный человѣкъ поклялся преслѣдовать негодяя, который продаетъ за 70 руб. тѣхъ самыхъ птицъ, что онъ честный торговецъ имѣетъ щедрость отдавать за 140 руб.

Надо признаться, что на судѣ всевозможныхъ Вейтбрехтовъ подобный поступокъ ужасенъ; но на судѣ Вашего Величества мой рекомендованный Дидеротомъ плутъ-книгопродавецъ будетъ имѣть позволеніе обманывать публику, какъ онъ обманулъ оберъ-егермейстера и какъ онъ надѣется обманывать всѣхъ своихъ покупателей.

Смѣю умолять Ваше Величество оказать въ случаѣ нужды правосудіе, въ защиту отъ злобы силящейся обидѣть человѣка за то только, что онъ честенъ. Правда, что его честность срываетъ маску, подъ которой смѣло воровали.

Сейчасъ полученное мною письмо, быть можетъ позабавитъ Ваше Величество нѣкоторыми подробностями о нашей выставкѣ ([58]). Убѣдительно прошу не обращать вниманіе на св. трутъ. Я хотѣлъ это вычеркнуть, но вѣдь это въ сущности пустяки.

№ 62. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Величество имѣли снисхожденіе разговаривать со мною о книгѣ аббата Шапа ([59]) и отвѣтѣ, который было бы кстати сдѣлать. Ежедневно слышу обвиненія этой

jours accuser ce livre de légèreté et de fausseté. Quelque assez méprisable qu'il soit au fond, pour ne pas mériter une réponse en forme, il serait bon, sans doute, que dans un ouvrage qui ne serait pas fait exprès, et qui dût être fort répandu, on relevât les erreurs calomnieuses de cet écrivain. C'était mon avis quand Votre Majesté m'en parlait. Si c'était mon métier, j'en aurais demandé la permission, et la réponse serait faite dans mes papiers avec Diderot.

Mais voici une voie que je vous soumets, Madame, et si vous l'agréez, je n'en crois pas l'exécution difficile.

Il y a ici un homme d'esprit qui fait, en français, l'histoire ou l'état actuel de la Russie. Cet homme qui s'appelle M. Girard, est à St-Pétersbourg depuis trois ans; il s'est occupé depuis son arrivée à rassembler des connaissances et des matériaux autant qu'il lui a été possible. Il a, si je ne me trompe, beaucoup de feu dans l'esprit, et de sel dans le style. J'en ai jugé par la partie de son ouvrage concernant la sculpture; partie qu'il a cru devoir me communiquer, parce qu'il y parle de la statue le Pierre-le-Grand. Le reste de son travail ne me regardant pas, je n'en ai rien vu, et ne le verrai qu'imprimé. Cette histoire abrégée de la Russie répondra beaucoup mieux, ce me semble, qu'une réfutation en titre, à des calomnies contre la Russie. (Par-dessus le marché, M. Girard est fort mécontent du livre de l'Abbé.)

книги въ легкомысліи и лжи. Какъ она въ сущности ни презрѣнна и слѣдовательно не заслуживала бы формальнаго опроверженія, тѣмъ не менѣе было бы безъ сомнѣнія не дурно выставить ошибочныя клеветы этого писателя въ сочиненіи, которое не было бы издано нарочно съ этою цѣлью, но было бы весьма распространено, таково было мое мнѣніе, когда Ваше Величество мнѣ о томъ говорили, Если бы то было мое ремесло, то я испросилъ бы разрѣшенія и отвѣтъ былъ бы сдѣланъ въ моей перепискѣ съ Дидеротомъ.

Вотъ средство, которое имѣю предложить Вашему Величеству и которое въ случаѣ Вашего одобренія будетъ весьма удобоисполнимо.

Есть здѣсь французъ умный человѣкъ, занимающійся историческимъ описаніемъ современнаго состоянія Россіи. Человѣкъ этотъ по имени Жираръ, живетъ три года въ Петербургѣ, съ самаго пріѣзда онъ занимался собраніемъ свѣдѣній и матеріаловъ по мѣрѣ возможности. Если не ошибаюсь у него умъ весьма живой и слогъ очень меткій. Я сужу по той части его труда, которая посвящена скульптурѣ и которую онъ счелъ нужнымъ сообщить мнѣ, потому что въ ней говорится о статуѣ Петра
Остальная часть его сочиненія до меня не касается, я ее не видалъ и
ишь въ печати. Эта краткая исторія Россіи, мнѣ кажется, отвѣтитъ гораздо
иъ прямое опроверженіе на клеветы противъ Россіи (къ тому же Жираръ
оволенъ книгою аббата).

Voilà, Madame, ce que j'ose soumettre à Votre Majesté. Si elle daigne l'agréer, je crois l'homme en état de remplir cette tâche qui, d'ailleurs, est celle de l'honnêteté et de la vérité. Je n'en ai point parlé et n'en parlerai à M. Girard qu'en conséquence de la décision et des ordres de Votre Majesté.

Si je ne craignais, Madame, de Vous occuper par une lettre un peu trop longue, j'exposerais à Votre Majesté un besoin de M. de Villiers. Mais comme cela se pourra dire la première fois que j'aurai la permission d'aller au Palais, et mieux dans une conversation particulière, je le réserverai pour cette occasion.

№ 63.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 9 Ноября 1769 г.

Je méprise l'Abbé Chape et son livre, et ne le crois point digne d'être réfuté parce-que les bêtises qu'il dit tomberont d'elles-mêmes; je ne connais point M-r Girard, mais l'homme que je connais très-propre à détruire l'imposture si ses talents ne méritaient une meilleure tâche, s'est M-r de Villers; il est sage, a de l'esprit, et est très-instruit. Vous me direz ses besoins de bouche et par écrit comme il vous plaira, et je serai toujours bien aise et de vous voir et de vous entendre.

Вотъ Государыня, что я позволяю себѣ предложить Вашему Величеству. Если Вамъ угодно будетъ одобрить это предложеніе, то по моему мнѣнію Жираръ въ состояніи выполнить эту задачу, задачу честности и правды. Я не говорилъ ему о томъ и не стану говорить покуда не получу на то приказанія отъ Вашего Величества.

Если бы я не боялся утомить Ваше Величество слишкомъ длиннымъ письмомъ, то изложилъ бы Вамъ затрудненіе встрѣчаемое г. де-Вильеромъ. Но такъ какъ я могу это сдѣлать въ первый разъ когда буду имѣть позволеніе явиться во дворецъ и при томъ сдѣлаю это лучше въ частномъ разговорѣ, то отлагаю это до того времени.

№ 63. Я презираю аббата Шапа и его книгу и не считаю его достойнымъ опроверженія, потому что высказанныя имъ глупости упадутъ сами собою; не знаю г. Жирара, но человѣкъ по моему мнѣнію весьма способный къ обличенію обмана, если бы его способности не заслуживали лучшаго назначенія, это г. де-Вильеръ, онъ уменъ, умѣренъ, очень образованъ. Вы мнѣ скажете въ чемъ онъ нуждается или лично или письменно, какъ Вамъ вздумается, а я всегда буду очень рада Васъ видѣть и слышать.

№ 64.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 19 Ноября 1769 г.

Madame,

N'ayant pas eu le temps hier, d'achever la prière que je faisais à Votre Majesté Impériale pour M. de Villiers, je la supplie de vouloir bien m'entendre encore un instant.

Le logement qu'occupait Muriel est beaucoup plus vaste, qu'il n'en avait besoin, quoiqu'il y logeât sa famille et quelques amis quand l'occasion s'en présentait. Le serrurier qui doit le remplacer, n'a pas de famille avec lui, que je sache; il sera donc aisé de faire un partage qui puisse accommoder et M. de Villiers et le serrurier.

M. de Villiers dépense près de 200 r. pour se loger sans faste et sans appartements superflus, parce que les logements sont chers. Les vivres le sont en proportion, de sorte qu'il tire de France le supplément, dont il a besoin pour arriver à la fin de son année. Son revenu consiste en 2400 r., dont il abandonne la moitié pour l'entretien de ses enfants.

A Paris, au milieu de ses amis, son état d'avocat au parlement lui valait 15000 l. Son titre actuel, plus brillant et plus sonore, lui en vaut environ 5000. Si son état est plus honnête, et son talent plus utile que celui d'un comédien et d'un danseur, ne semblerait-il pas que ses appointements ne sont guère en proportion?

№ 64. Всемилостивѣйшая Государыня,

Не успѣвъ вчера досказать свою просьбу о г. де-Вильерѣ, умоляю Васъ выслушать меня еще одно мгновеніе:

Квартира что занималъ Мюріель, гораздо обширнѣе чѣмъ была ему въ томъ надобность, хотя въ ней помѣщалось его семейство, а подъ часъ кто нибудь изъ друзей. Слѣсарь переѣзжающій на его мѣсто сколько мнѣ извѣстно человѣкъ безсемейный, а потому легко будетъ я полагаю раздѣлить квартиру между де-Вильеромъ и слѣсаремъ къ обоюдному ихъ удовольствію.

Г. де-Вильеръ тратитъ на наемъ скромной квартиры около 200 рублей, потому что квартиры дороги; цѣны жизненныхъ припасовъ соотвѣтственно высоки, такъ что онъ получаетъ изъ Франціи то, что ему необходимо чтобы дотянуть до конца года. Онъ имѣетъ 2,400 р. дохода; половина этихъ денегъ идетъ на воспитаніе его дѣтей.

Въ Парижѣ, среди друзей своихъ, онъ заработывалъ въ качествѣ адвоката при парламентѣ 15,000 ливровъ. Его теперешній титулъ болѣе блестящій, болѣе громкій приноситъ ему около 5,000. Если его занятіе честнѣе, если его дарованія полезнѣе дарованій комедіанта или танцора, то казалось бы, что его жалованье несоразмѣрно.

Mais il sait attendre, et sa modération dans tout, lui fera fermer les yeux sur son sort, tant que ceux de Votre Majesté seront ouverts sur lui.

Mais son gain de Paris ne l'a pas laissé riche. C'est qu'ayant été pris au trébuchet matrimonial, une femme sans conduite y mettait un perpétuel empêchement. C'est qu'il avait cru trouver chez son beau-père, un mariage de 60 ou 80000 l., et que par la mauvaise foi de ce beau-père, il se trouva, pour tout bien, chargé de 30000 l. de dettes. Il fallut bien qu'il se tirât de ces entraves, et il fit un tour en Angleterre. S'il n'a pas voyagé en homme intéressé, il a du moins voyagé en sage; il a fortifié son âme par l'étude perpétuelle, et par les connaissances qui en ont résulté.

S'il se présentait des difficultés, sur la possibilité de le loger, j'ose assurer Votre Majesté qu'elles seraient gratuites: il ne lui faut qu'une chambre et un cabinet pour lui, une chambre pour la femme qui conduit son ménage, une cuisine et un coin pour un valet et une servante. Je connais le local.

Pressé par l'instant, je ne dis pas à Votre Majesté tout ce que j'aurais à lui dire de M. de Villiers. Mais je la supplie de me permettre, pour une autre fois, un supplément à cette lettre. Il est si beau de servir un homme de vrai mérite, et de le servir auprès de Votre Majesté, que j'ose me flatter que cette prière sera exaucée.

Но онъ умѣетъ дожидаться, его умѣренность во всемъ закроетъ ему глаза относительно судьбы его, до тѣхъ поръ пока глазъ Вашего Величества отъ него не отвратится.

Парижскіе барыши его не обогатили, потому что попавшись въ западню супружества онъ не могъ добиться порядка, отъ безпорядочной жены. Къ тому же онъ надѣялся получить за женою 60 или 80,000 ливровъ, а по недобросовѣстности тестя ему досталось лишь 30,000 долга. Надо было выпутаться изъ этихъ затрудненій, онъ предпринялъ поѣздку по Англіи; путешествовалъ если не съ корыстными, то съ образовательными цѣлями; укрѣпилъ духъ постоянными занятіями умножившими его познанія.

Если бы относительно его помѣщенія возникли затрудненія, то смѣю увѣрить Ваше Величество, что онѣ были бы пустыя; ему нужна одна комната, кабинетъ, комната для женщины завѣдующей хозяйствомъ, кухню и уголъ для служителя и служительницы. Я знаю эту квартиру.

Спѣша окончить я не высказываю Вашему Величеству, все то что имѣлъ бы сказать о г. де-Вильерѣ, но умоляю Васъ позволить мнѣ въ другой разъ написать къ этому письму прибавленіе. Истинно достойному человѣку привлекательно оказать услугу, а особливо предъ Вашимъ Величествомъ, смѣю надѣяться, что просьба моя будетъ услышана.

№ 65.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 16 Ноября 1769 г.

Madame,

Cette fois-ci, j'ai un bon supplément à ma mauvaise mémoire. J'ai demandé le Catalogue des 12 meilleurs tableaux de M. Bachman pour le présenter à Votre Majesté Impériale.

Si j'en excepte celui qu'on dit du Corrège, qui pourtant a de grandes beautés, et celui de Molinari, dont je ne voudrais pas, les autres, chacun dans leur genre, m'ont paru du premier ordre: celui de Lazzarini et celui de Netscher surtout.

P. S. M. Bachmann est banquier du comptoir de Berlin.

№ 66.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 28 Ноября 1769 г.

Monsieur Falconet, je vous renvoie ci-joint la lettre de M-r Cochin. Si votre libraire honnête homme a affaire aux marchands de Pétersbourg, je le plains, car ce sont de terribles gens. Ils sont extrêmement entêtés de leurs privilèges, et si votre libraire vend ses livres sans être des leurs, ils pourront bien lui jouer quelque tour de leur façon. Je ne suis tentée de rien de ce qui se trouve au salon, ni même des *Greuse*, je n'ose point lâcher le mot qui a pensé se mettre au bout de ma plume, à propos de Greuse; mais d'où vient cette pauvreté en tableaux? car il y a pourtant tout plein de gens qui s'y connaissent et qui les aiment.

№ 65. Всемилостивѣйшая Государыня,

На этотъ разъ у меня хорошее прибавленіе къ дурной моей памяти. Я досталъ каталогъ 12-ти лучшихъ картинъ г. Бахмана для представленія Ея Императорскому Величеству.

За исключеніемъ приписываемой Корреджіо, которая имѣетъ однако большія красоты, а также картины Молинари, которой я бы не взялъ, остальныя, каждая въ своемъ родѣ показались мнѣ первостепенными; особливо картины Лаццарини и Нетчера.

№ 66. Господинъ Фальконетъ, возвращаю Вамъ при семъ письмо г. Кошена. Если Вашъ книгопродавецъ, честный человѣкъ имѣетъ дѣло съ петербургскими купцами, то я о немъ сожалѣю, потому что это ужасные люди. Они упорно стоятъ на своихъ привилегіяхъ, и могутъ сдѣлать какую-нибудь штуку вашему книгопродавцу, если онъ съ ними не сойдется. Ничто изъ находящагося на парижской выставкѣ меня не прельщаетъ, даже картина Грёза, не смѣю вымолвить относительно Грёза то слово, что вертѣлось у меня на концѣ пера; отчего же такая бѣдность въ картинахъ, когда любителей и знатоковъ такъ много.

№ 67.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 12 Декабря 1769 г.

Je vous renvoie le papier de Pochel, dans lequel il ne dit autre chose, sinon qu'il a un plan qu'il présentera qui ne sera onéreux à personne et agréable au public. Tant mieux, je ne vois rien qui puisse empêcher ce plan d'être présenté. Il n'a qu'à tenir parole et nous en ferons raison en temps et lieu.

№ 68.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 20 Декабря 1769 г.

Madame,

Je comparais avec mon ouvrage, le présent que Votre Majesté Impériale fait à mon ami et l'idée de ces monuments précieux me frappait uniquement. Mais en oubliant ma production, et ne voyant plus que le sentiment pur de M. Cochin et la générosité précieuse qui le couronne, je trouve que tout est dans le meilleur ordre, parce que l'Impératrice est supérieure encore à tout ce qu'il peut y avoir de plus honnête.

Enfin, il sera donc à Votre Majesté, cet autre modèle qui ne méritait pas les infortunes qu'il a souffertes. Sa conduite, en vérité, méritait un meilleur sort. La voici, le plus en bref que je pourrai.

Je l'avais donné à Prault, libraire et mon ami, lorsque le Prince Galitzin me dit qu'il recueillait tout ce qu'il pouvait trouver de beau pour Votre Majesté, et qu'il fallait absolument que Prault y renonçât. Prault

---

№ 67. Посылаю Вамъ обратно бумагу Пошеля, въ которой онъ не говоритъ ничего иного, какъ то, что онъ представитъ планъ, ни для кого не отяготительный и пріятный для публики. Тѣмъ лучше, я не вижу никакого препятствія къ представленію этого плана. Пускай онъ сдержитъ слово, и мы въ свое время воздадимъ должное.

№ 68. Всемилостивѣйшая Государыня,

Предстаю съ трудомъ своимъ, подарокъ Вашего Императорскаго Величества моему пріятелю и мысль объ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ исключительно меня занимали. Но забывая свое произведеніе, видя исключительно чистое побужденіе г. Кошена увѣнчанное драгоцѣнною щедростью, я нахожу что все пребываетъ въ наилучшемъ порядкѣ; потому что Императрица превыше всего наиболѣе милостиваго.

И такъ другая модель не заслуживавшая претерпѣнныхъ ею несчастій будетъ также принадлежать Вашему Величеству. Поведеніе ея по истинѣ заслуживало лучшей участи. Вотъ оно по возможности вкратцѣ.

Я было отдалъ ее книгопродавцу Про моему пріятелю, когда князь Голицынъ сказалъ мнѣ что собираетъ художественные предметы для Вашего Величества и что Про долженъ непремѣнно отказаться. Про склонился на это, отдалъ мнѣ статую и я

fut sensible, me le rendit et je m'acquittai envers lui par d'autres moyens. Content du produit de mes ouvrages en marbre, je ne voulais plus vendre mes modèles et j'avais la douce satisfaction d'en obliger ceux de mes amis qui les désiraient.

Le Prince me demanda mon prix. — Si je vais en Russie, je serai très-content que cette statue plaise à l'Impératrice, et qu'elle soit dans son cabinet: voilà mon prix. Si je n'y vais pas, le modèle continuera d'appartenir à mon ami ou j'y mettrai un prix convenable. Le modèle fut encaissé et me devança à Pétersbourg. A mon arrivée, M. de B. m'en fit l'éloge, m'apprit qu'il était à lui, et m'offrit gracieusement de me le payer. Payer Monsieur! mais vous oubliez donc à quelle condition j'ai voulu qu'il vienne? Il est vrai qu'il n'appartient pas à l'Impératrice comme je l'espérais, mais je ne change pas d'avis et je vous prie de l'accepter aux mêmes conditions. Tout cela était fort beau, on m'offrit des médailles. — Les voulez-vous d'or? — Les voulez-vous d'argent? Non, Monsieur, cette faveur m'est pas encore méritée et, le monument fini, s'il est au gré de la Souveraine, elle saura bien comment me donner le signe d'approbation. Cependant, puisque vous avez une forte envie de vous acquitter, procurez-moi en bronze, quelques médailles de l'Empire, surtout, celles de l'Impératrice, et nous seront tous deux contents. — Eh! que ne dites-vous! vous n'avez qu'à parler. Comme j'en avais assez dit, et que je

---

разсчитался съ нимъ иначе. Будучи доволенъ продажею своихъ мраморныхъ произведеній я не захотѣлъ болѣе продавать модели и имѣлъ удовольствіе дарить ихъ тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые того желали.

Князь спросилъ меня о цѣнѣ. Если я поѣду въ Россію, то буду очень радъ коли моя статуя понравится Императрицѣ и будетъ поставлена въ ея кабинетѣ: вотъ моя цѣна. Если я не поѣду, то модель будетъ по прежнему принадлежать моему пріятелю, или же я назначу сообразную цѣну.

Модель была уложена въ ящикъ и опередила меня пріѣздомъ въ Петербургъ. Г. Б. расхвалилъ мнѣ ее, сообщилъ мнѣ, что она ему принадлежитъ и милостиво предложилъ мнѣ заплатить за нее. — Заплатить милостивый государь, развѣ вы забываете на какихъ условіяхъ, я согласился ее выслать? Правда, что она не принадлежитъ Императрицѣ, какъ я надѣялся, но я не измѣняю своего намѣренія и прошу васъ принять ее на тѣхъ же условіяхъ. Все это было прекрасно, мнѣ предложили медали.—Хотите золотыхъ? Хотите серебряныхъ? Нѣтъ милостивый государь этого я еще не заслужилъ, если мой монументъ будучи оконченымъ понравится Государынѣ, то она съумѣетъ выразить мнѣ свое одобреніе. Если однако вы сильно желаете со мною разсчитаться, то доставьте мнѣ нѣсколько бронзовыхъ медалей Имперіи особливо Императрицы и мы будемъ оба довольны. — Ну вотъ такъ-то, чтожъ вы не говорите, скажите слово. Такъ какъ я высказалъ довольно, а пріѣхалъ

n'étais pas venu pour toujours parler, j'observai le silence, et M. le G. en fit autant.

Enfin, la veille de fondre le cupidon, j'ecrivis par réflexion à M. de B. de ne pas se donner la peine d'assister à cette fonte qui, n'étant qu'un essai, devait se faire à porte close; car je n'étais pas certain de réussir. Oh! la pauvre terre cuite qui n'y pouvait mais, fut livrée à toute la rigueur du ressentiment; on la réveilla pour la faire sortir de sa prison, où j'espère, Dieu aidant et Votre Majesté, qu'elle ne rentrera plus. On ne mécrivit pas: cela eût été sage; on se servit *judicieusement* de la voie du scandale. Justice fut faite en place publique; le conseil avait prononcé l'arrêt. Un homme vint me dire, *M. le G. ne sait où mettre votre modèle, il vous demande ce que vous voulez qu'il en fasse; d'ailleurs l'Impératrice, qui aura le marbre, n'a pas besoin d'avoir deux fois la même chose. — Réponse: il faut le jeter dans la rivière ou me le renvoyer.* Il me fut renvoyé, et l'histoire est, Dieu merci, finie. Je ne connais guère que la bassesse ou la mendicité qui reviennent après d'aussi jolis procédés.

Comme j'aurais à rougir pour un autre et en sa présence, si je plaçais la figure une après-dîner dans l'Ermitage de Votre Majesté, je la supplie de me permettre que ce soit un matin: ce sera celui qu'elle voudra bien m'ordonner.

я не за тѣмъ, чтобы болтать безъ устали, то я помолчалъ, тоже самое сдѣлалъ и Г. Б.

Наконецъ, наканунѣ отливки купидона, я поразмысливъ написалъ Г. Б., чтобы онъ не трудился присутствовать при отливкѣ, которая въ качествѣ опыта, должна была произойти при закрытыхъ дверяхъ, потому что я не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. О! Бѣдная обожженная глина, она была ни въ чемъ не виновата, а тѣмъ не менѣе весьма потерпѣла отъ гнѣва на меня, ее разбудили, вытащили изъ тюрьмы, куда надѣюсь благодаря Бога и Вашему Величеству, она болѣе не возвратится. Писать мнѣ было признано излишнимъ: это было бы благорузумно; прбѣгли лукаво къ скандалу. Правосудіе совершилось торжественно, согласно произнесенному совѣтомъ приговору. Ко мнѣ пришелъ человѣкъ и сказалъ: «Генералъ не знаетъ куда дѣвать вашу модель, онъ спрашиваетъ васъ, что изъ нея сдѣлать; къ тому же у Императрицы будетъ таже мраморная статуя, такъ ей не зачѣмъ имѣть дважды тоже самое». Отвѣтъ: «надо бросить модель въ рѣку или вернуть ее мнѣ». Она была мнѣ возвращена и исторія слава Богу кончена. По моему мнѣнію одна подлость или нищета могутъ стараться возобновить сношенія послѣ такого обращенія.

Мнѣ пришлось бы краснѣть при томъ за другаго и въ его присутствіи если бы я свою статую поставилъ въ Эрмитажѣ въ послѣобѣденное время; умоляю Ваше Величество позволить мнѣ сдѣлать это утромъ: въ какой угодно будетъ приказать день.

1770.

№ 69.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 8 Февраля 1770 г.

Ayez la bonté de remettre à Votre ami, M-r de Villiers, les papiers de banque ci-joints, cela servira à satisfaire l'apothicaire etc. du reste, nous parlerons une autre fois. J'ai choisi cette forme pour ne point crever les yeux à personne.

№ 70.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 12 Февраля 1770 г.

Monsieur Falconnet, comme je n'avais dit à personne pour qui je voulais les billets de banque, il n'y a point eu de malice à envoyer des billets de Moscou; outre cela ils courent tout comme ceux de Pétersbourg par tout l'Empire. La seule difficulté qu'il pourrait s'y trouver, c'est qu'on ne peut les échanger ici à la banque; je sais que dans les boutiques, les marchands les échangent volontiers. Je n'avais pas pris garde à ces billets: d'ailleurs je les aurais fait changer d'abord, mais dites à M-r du Villier que s'il est embarrassé de ces billets, qu'il me les renvoie et je lui ferai donner de ceux de Pétersbourg.

Crayon de Falconet: 12 Février 1770.

Écriture de Falconet: .... tout au plus. J'ai bien à rougir de m'être prêté à une pareille négociation pour un homme aussi bassement impudent. Le seul fruit que j'en retirai fut d'admirer alors l'Impératrice. Plût à Dieu

---

№ 69. Будьте такъ добры передайте вашему другу г. Вилье прилагаемыя при семъ банковыя бумаги, это послужитъ для уплаты аптекарю и проч., о прочемъ мы поговоримъ въ другой разъ. Я избрала этотъ путь чтобы никому не колоть глаза.

№ 70. Господинъ Фальконетъ, такъ какъ я не говорила о томъ кому предназначались банковые билеты, то и не было лукавство въ томъ что были посланы билеты московскіе, къ тому же они имѣютъ по всей Имперіи ходъ наравнѣ съ петербургскими, могло бы представиться затрудненіе только въ случаѣ желанія размѣнять ихъ въ здѣшнемъ банкѣ, я знаю что въ лавкахъ купцы ихъ охотно размѣниваютъ. Я не обратила вниманія на эти билеты, а то бы велѣла ихъ размѣнять съ самаго начала, но скажите г-ну Вилье, что если эти билеты его затруднютъ, то пускай пришлетъ мнѣ ихъ обратно и я велю выдать ему петербургскихъ.

Рукою Фальконета: Этого не доставало. Я долженъ краснѣть, что поддался на подобную продѣлку такого наглаго негодяя. Выгода для меня была лишь та, что

que je n'eusse pas fait d'autres pareilles sottises. Mais la compassion étouffe trop souvent chez moi le raisonnement. De Villiers était malade et m'avait fait une lettre ostensible.

№ 71.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету. 13 Февраля 1770 г.

Monsieur Falconet, j'ai entendu dire que vous avez des dessins de service d'argent; je les verrais volontiers si vous me les faisiez voir, car la fantaisie pourrait bien me prendre d'en commander un pour une soixantaine de personnes.

№ 72.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 26 Февраля 1770 г.

Le 26 Février 1770.

Madame,

Il faut obéir à Votre Majesté Impériale, mais c'est grand dommage qu'il soit mention de M. le Ct. R. dans ce monument qui m'eût été si précieux ..... Mais il faut obéir. Oh! je le connaissais bien, car il m'avait beaucoup parlé, et c'est assez en dire. M. de Villiers, à qui j'ai demandé, en lui montrant la lettre, s'il n'y trouvait pas cette touche franche de notre immortel et bon Henry, m'a répondu, *oui, et plus d'esprit encore.* A propos de de Villiers qui a du chagrin et qui m'en demande mon avis, je ne puis mieux faire que de mettre ses inquiétudes aux pieds de Votre

---

представился лишній поводъ восхищаться Императрицею. Далъ бы мнѣ Богъ не повторять подобныхъ глупостей. Но сожалѣніе часто задушаетъ во мнѣ разсужденіе. Девилье былъ боленъ и разжалобилъ меня своимъ письмомъ.

№ 71. Господинъ Фальконетъ, я слышала что у васъ есть рисунки серебрянаго сервиза, я охотно бы ихъ посмотрѣла, если бы вы мнѣ ихъ показали, потому что мнѣ могла бы придти въ голову фантазія заказать сервизъ на шестьдесятъ человѣкъ.

№ 72. Всемилостивѣйшая Государыня,

Должно повиноваться Вашему Императорскому Величеству, но очень жаль что въ этомъ столь драгоцѣнномъ для меня памятникѣ упоминается о гр. Р... Но должно повиноваться. О я его хорошо зналъ, потому что онъ много со мною разговаривалъ, а говоря о немъ это много значитъ. Г. де-Вильеръ, у котораго я спросилъ показывая ему письмо, не находитъ ли онъ въ немъ смѣлый пріемъ на шею добраго Генриха, отвѣчалъ: да, только ума еще больше. Кстатѣ о де-Вильерѣ, который въ потахъ и проситъ у меня совѣта, не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ поверг

Majesté. Non, la vérité sacrée ne sera pas bannie du séjour de son illustre et meilleure amie. Eh! à quel souverain convient-il mieux de la dire! Le procédé de M. le Capitaine aux gardes a bien l'air d'un *croutchoc*. C'est ainsi que, tant de fois, la perfide ignorance a porté ses coups dans l'obscurité, et qu'elle a renversé le savoir modeste et tranquille.

№ 73.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 26 Февраля 1770 г.

Mons. du Villiers doit dire au Gén. Procur. quand vous me consulterez, je vous donnerai mon avis; je travaille pour vous, dispensez-moi d'avoir à faire à Maïkoff et à tel autre que vous, car tel est mon poste. Si M-r du Villiers le veut, je parlerai de même au Pr. Gén.; je me flatte d'avoir ascendant non-seulement sur son esprit, mais même sur ses passions.

№ 74.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 16 Марта 1770 г.

Monsieur Falconet, M-r Kasitzki [60] qui a fait la traduction latine, n'est rien moins qu'entêté, il est doux et honnête, si M-r du Villiers voulait bien honnêtement lui faire remarquer les fautes d'impression ou celles qui se sont glissées dans sa traduction, je suis persuadée qu'il les corrigerait de la meilleure volonté du monde. Si M-r du Villiers ne veut point cela, il peut m'envoyer ce qu'il trouve à redire ou à reprendre dans cette traduc-

---

его заботы къ стопамъ Вашего Величества. Нѣтъ священная истина не будетъ изгнана изъ жилища лучшаго и славнѣйшаго изъ друзей своихъ. Да и какому государю болѣе приличествуетъ ее высказать. Поступокъ гвардейскаго капитана очень похожъ на крючекъ. Такъ злое невѣжество нерѣдко наносило въ потьмахъ удары, опрокидывало скромное, спокойное знаніе.

№ 73. Г. де-Вильеръ долженъ сказать генералъ-прокурору: когда вы захотите со мною совѣщаться, то я представлю вамъ свое мнѣніе, я работаю для васъ, освободите меня отъ сношеній съ Майковымъ, или съ кѣмъ бы то ни было кромѣ васъ, потому что такова моя должность. Если г. де-Вильеръ хочетъ, то я сама поговорю въ такомъ же смыслѣ съ генералъ-прокуроромъ, я льщу себя мыслью что имѣю вліяніе не только на его умъ, но и на его страсти.

№ 74. Господинъ Фальконетъ. Г. Козицкій [60] сдѣлавшій латинскій переводъ отнюдь не упрямъ, онъ мягокъ и привѣтливъ, если г. де-Вильеръ захочетъ вѣжливо указать опечатки или ошибки, то онъ несомнѣнно исправитъ ихъ съ большею охотою. Если г. де-Вильеръ этого не хочетъ, то можетъ прислать мнѣ указанія на то,

tion et je le donnerai à Kasitzki qui assurément ne se fera point une affaire de corriger ce qu'il y a de défectueux, parce-que, je le répète, il est doux et honnête.

№ 75.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 19 Марта 1770 г.

Monsieur Falconet, si cela n'interrompt aucune de vos occupations, je vous prie de passer chez moi ce matin: j'ai certaine enseigne de cabaret que je voudrais vous faire voir; mettez la statue de l'hiver ([61]) de la partie, si vous le jugez à propos.

№ 76.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 28 Марта 1770 г.

Monsieur Falconet, assurément, sera curieux de voir un imprimé dont on a vendu quatre mille exemplaires en deux jours à Paris, et, qui plus est, c'est que depuis le moment qu'il a paru, on s'exerce dans toutes les compagnies à parler dans le style de cette admirable composition. Comme nous autres habitants du Pôle, avons des organes moins flexibles, nous en ignorerons longtemps les beautés et même, nous serons réduits, selon les apparences, à céder le bon goût à vos compatriotes. Après que vous en aurez fait lecture, ayez la bonté de l'envoyer à M-r Betzki, afin que votre parente, M-lle Sacalof, ne soit point privée de cette délicieuse composition.

что онъ признаетъ требующимъ исправленія въ этомъ переводѣ и я передамъ эти указанія Козицкому, который конечно не затруднится исправить неточности, потому что повторяю онъ мягокъ и привѣтливъ.

№ 75. Господинъ Факольнетъ. Если это не нарушитъ вашихъ занятій то зайдите пожалуйста ко мнѣ сегодня утромъ, я хочу показать вамъ нѣкую кабачную вывѣску; захватите съ собою статую зимы если признаете то умѣстнымъ.

№ 76. Господинъ Фальконетъ, конечно, съ любопытствомъ взглянетъ на печатное произведеніе проданное въ Парижѣ въ два дня въ количествѣ четырехъ тысячъ экземпляровъ, а еще важнѣе то, что съ самаго появленія въ свѣтъ этой книги, во всѣхъ слояхъ общества не перестаютъ говорить въ духѣ этого прекраснаго сочиненія. Мы жители полюса одарены менѣе гибкими органами и потому на долго останемся въ непониманіи красотъ этого творенія, вѣроятно даже мы уступимъ вашимъ соотечественникамъ притязанія на изящество вкуса. Будьте такъ добры, по прочтеніи отправить эту книгу г. Бецкому, съ тѣмъ что бы ваша родственница дѣвица Соколова не была лишена этого прелестнаго сочиненія.

№ 77.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 29 Марта 1770 г.

A l'affaire de Pochel, j'ai entendu dire au général de Police qu'il n'y avait aucune difficulté; je n'ai aucune connaissance du crochet qui arrête son privilege; l'affaire de Reimbert est, je crois, au Sénat. Le mémoire de M-r du Villiers doit être employé là où il pourra faire le meilleur effet apparemment. La question sur laquelle appuie cette affaire parait simple: la loi est-elle claire, ne l'est-elle pas? La loi est-elle bonne ou mauvaise est une autre question; les raisons pour ou contre, alors, doivent être débattues, et puis l'on verra si c'est l'Avocat du Diable ou sa contre partie, qui gagnera le procès. On est étonné, chez nous, quand un procès dure un an; chez vous, ils durent cent ans. Cependant, Monsieur Reimbert et Madame Maniard ont de très-puissants protecteurs; pourquoi faut-il que je me mêle de leurs affaires? la partie deviendrait trop forte, je ne veux point gêner les lois ni les débats des cours judiciaires.

№ 78.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 25 Апрѣля 1770 г.

Je n'entends rien à cette façon de compter: ils disent 25 livres par mois et un an et demi de travail font pour dix-huit mois quatre-cent cinquante mille livres, qui font, je crois, près de cent mille roubles; voilà un ouvrage un peu salé, ou pour mieux dire, un service de soixante personnes

---

№ 77. О дѣлѣ Пошеля, я слышала отъ генералъ-полиціймейстера что нѣтъ никакихъ препятствій, совсѣмъ не знаю какой крючекъ задерживаетъ его привиллегію; дѣло Реймберта кажется въ Сенатѣ. Записка г. де-Вильера должна быть пущена въ дѣло тамъ гдѣ она произведетъ наиболѣе дѣйствія. Вопросъ на которомъ вертится дѣло весьма простъ, ясенъ ли законъ или нѣтъ? Хорошъ ли или дуренъ законъ это другой вопросъ; доводы въ ту и другую сторону должны быть обсуждены, а тамъ увидятъ кто выиграетъ процессъ діаволъ ли адвокатъ или его противникъ. У насъ дивятся когда тяжба тянется одинъ годъ, у васъ онѣ длятся цѣлое столѣтіе. Однако г. Реймбертъ и г-жа Маніаръ имѣютъ могущественныхъ защитниковъ, зачѣмъ мнѣ ввязываться въ ихъ дѣла, ихъ сторона сдѣлалась бы слишкомъ сильною, не хочу стѣснять ни распоряженій закона, ни судебныхъ приговоровъ.

№ 78. Ничего не понимаю въ подобныхъ расчетахъ; они говорятъ 25 ливровъ въ мѣсяцъ; полтора года труда составляютъ за восемнадцать мѣсяцовъ четыреста пятьдесятъ тысячъ ливровъ, что равняется приблизительно ста тысячамъ рублей, такая работа солона или сказать лучше не много дорогой сервизъ на шесть-

un peu cher; mais afin d'éviter tout quiproquo et pour qu'il ne nous vienne aucun article oublié par hasard, vous aurez la bonté, avant que je dise mon dernier mot, de faire expliquer ces messieurs net et clair, combien de pièces il y aura, qu'est-ce qu'ils comptent pour l'argent comme matière et pour le travail d'icelle; alors nous verrons ce qui nous plaira d'aviser. Je n'entends que des louanges de la statue, je n'ai entendu que d'une seule personne une réflexion qui était qu'elle souhaiterait que l'habit fût plus plissé, afin que les sots ne le prissent point pour une chemise; mais peut-on contenter tout le monde!

№ 79.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 29 Апрѣля 1770 г.

Je vous renvoie, Monsieur, la lettre de M-r Diderot. Par rapport à la lettre que vous m'avez écrite il y a trois jours, je crois que vous ferez bien de parler de ce que vous m'y dites à M-r Betzki. La journée est trop mauvaise aujourd'hui pour voir bien votre héros, et s'il ne vient du soleil entre ci et midi, je n'irai pas chez vous.

№ 80.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 7 Мая 1770 г.

A St-Pétersbourg, le 7 Mai 1770.

Madame,

Votre Majesté Impériale me le permettra-elle? Je ne puis résister au désir de chanter le plaisir que j'ai eu hier, en voyant les ouvrages de

---

десять человѣкъ; но чтобъ избѣгнуть всякихъ недоразумѣній и чтобы впослѣдствіи не оказались нѣкоторые предметы случайно забытыми, то сдѣлайте одолженіе прежде чѣмъ я скажу послѣднее слово заставьте этихъ господъ высказать напрямикъ сколько будетъ вещей счетомъ, во сколько они считаютъ серебро и во сколько обработку его, тогда увидимъ на что мы рѣшимся. До меня доходятъ однѣ похвалы статуѣ, я слышала размышленіе лишь одного человѣка выражавшаго желаніе чтобы платье было болѣе въ складкахъ, съ тѣмъ чтобы дураки не приняли платья за рубашку, да вѣдь на всѣхъ не угодишь.

№ 79. Посылаю вамъ господинъ Фальконетъ обратно письмо Дидерота; что касается письма которое вы написали мнѣ три дня тому назадъ, то я полагаю вы хорошо сдѣлаете если поговорите съ г. Бецкимъ. Погода слишкомъ плоха сегодня, чтобы хорошо видѣть вашего героя, если солнце не покажется между шестью и двѣнадцатью часами, то я не буду къ вамъ.

№ 80. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество позволите ли мнѣ то? Не могу устоять противъ желанія воспѣть удовольствіе испытанное мною вчера при видѣ трудовъ г. То-

M-r Torelli. Les deux plafonds qu'il fait pour Oranienbaum ont le vrai caractère de la séduction. Il y a trois grâces dont le coloris, la pâte, le dessin, égalent ce que les grands maîtres ont fait de beau en ce genre. Il y a un amour dont la tête charmante est un modèle de beauté, de sentiment, de finesse, et de suavité. Les ciels sont d'une *vageusse* piquante et légère qui n'a de comparaison à faire qu'avec le ciel. Si dans le reste de l'ouvrage j'ai cru trouver quelques petits souhaits à faire, je le dis à l'auteur (Eh! où n'y en a-t-il pas!), mais je le lui ai dit comme deux bons frères, doivent se parler, en le serrant dans mes bras: c'est un homme.

Le tableau où Votre Majesté vient encourager les arts, a des beautés supérieures (60). La Minerve emblématique est riche avec simplicité; noble avec aisance, il s'est pénétré de son sujet. Les étoffes sont vivantes, s'il est permis de s'exprimer ainsi. Les trois arts ne sont pas encore assez avancés pour en juger absolument. Mais la disposition du tableau, et ce qu'il y a de fait, est l'ouvrage d'un très-habile homme et d'un peintre enchanteur.

P. S. M. Torelli me demande à dessiner la statue équestre pour être gravée d'après son dessein. J'en aurais la plus grande envie, mais comment se portera-t-il? Quand aura-t-il fini? M. Lossinkoff (61), qui est tout aussi long qu'un autre à opérer, doit la dessiner pour le Prince Galitzin. Ne se pourrait-il pas que tous deux travaillassent, et que leurs ouvrages

---

релли. Два плафона изготовляемые имъ для Ораніенбаума по истинѣ увлекательны. Есть тамъ три граціи, коихъ колоритъ, густота краски, рисунокъ не уступаютъ лучшимъ произведеніямъ великихъ мастеровъ. Есть амуръ, коего прелестная головка примѣрно красива, нѣжна, тонка, миловидна. Небеса имѣютъ такой легкій и удачный оттѣнокъ чего-то неопредѣленнаго, что ихъ можно сравнивать лишь съ настоящимъ небомъ. Если въ остальныхъ частяхъ я отыскалъ кой-какіе мелкіе недостатки, то я указалъ ихъ автору (да гдѣ же ихъ нѣтъ), но я сказалъ это ему, а онъ выслушалъ по братски, обнимая другъ друга: это человѣкъ.

Картина, на которой Ваше Величество являетесь поощрительницею художествъ превосходнѣе прочихъ (60). Емблематическая минерва богата съ простотою, благородна съ развязностью, онъ проникнулся своимъ предметомъ. Штофы точно живые, если [illegible]но будетъ такъ выразиться. Три художества еще недовольно окончены чтобы [illegible] нихъ опредѣлительно. Но распредѣленіе картины и то что уже сдѣлано [illegible]мъ есть работа весьма искуснаго человѣка и восхитительнаго живо-

[illegible]*иска.* Г. Торелли проситъ нарисовать конную статую, чтобы гравировать [illegible]му рисунку. Мнѣ бы очень того хотѣлось, но каково будетъ его здоровье? [illegible] онъ кончитъ? Г. Лосенко (61) который столь же медленно работаетъ, долженъ [illegible]исовать ее для кн. Голицына. Не могли ли бы они оба работать и Ваше Вели-

étant vus pas Votre Majesté, elle-même décidât lequel des deux il faudrait graver?

Je n'ai point fait encore de réponse à la demande assurément très-honnête de M. Torelli.

№ 81.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 8 Мая 1770 г.

Je suis bien aise que vous soyez content des tableaux de M-r Torelli. Je ne sais si vous avez vu celui qu'il m'a apporté le dernier jour de mon séjour en ville: il est au Palais, je vous prie de m'en dire votre avis; il m'a semblé qu'il y avait un cheval et sur ce cheval une figure qui ne plaisaient ni l'un ni l'autre; passe pour les entours, j'attends votre jugement. Peut-être que j'ai eu la berlue et que votre cheval a gâté ma visière. Mais pourquoi et Torelli et Lossinkoff ne dessineraient-ils point votre statue? on choisirait le meilleur dessin et il serait gravé: cela paraît tout simple.

№ 82.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 28 Мая 1770 г.

A St-Pétersbourg, le 28 Mai 1770.

Madame,

Votre Majesté Impériale a vu les nouveaux dessins que M-rs Roitiers ont envoyés de Paris; je crois que ceux-ci se rapprochent plus que les autres, du bon goût dans l'orfèvrerie.

чество посмотрѣвъ ихъ работу рѣшили бы которая изъ двухъ должна бы быть награвирована.

Я не отвѣчалъ еще на весьма любезное безъ сомнѣнія предложеніе г. Торелли.

№ 81. Я очень рада что вы довольны картинами Торелли. Не знаю видѣли ли вы ту что онъ принесъ мнѣ въ послѣдній день пребыванія моего въ городѣ; она во дворцѣ, прошу васъ сказать мнѣ о ней свое мнѣніе, на мой взглядъ тамъ есть лошадь, а на лошади фигура, которыя не нравятся мнѣ ни та ни другая, остальное такъ себѣ, ожидаю вашего приговора, быть можетъ у меня въ головѣ была путаница, быть можетъ вашъ конь сбилъ меня съ толку. Да почему же бы и Торелли и Лосенко не рисовать вашу статую; можно бы выбрать лучшій рисунокъ и награвировать его, это очень просто.

№ 82. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество видѣли новые рисунки присланные господами Руатье изъ Парижа; думаю что эти рисунки лучше по вкусу чѣмъ прежніе.

Enfin la toile est levée, je suis comme de raison, à la merci du public: mon atelier ne désemplit pas. Mais ce qu'il y a d'un peu singulier, du moins cela me le paraît, c'est que pas un des nationaux qui viennent à ce concours, ne me disent le traître mot: ni plus ni moins que si je n'existais pas, quoique je sache, d'ailleurs, qu'en général, ils en sont assez contents. Si j'apprends des nouvelles directes de mon ouvrage, c'est par les différens étrangers qui sont ici. C'est un procédé qui n'est guère connu ailleurs: mais il faut se faire à tout. Oh, je n'étais pas si fou quand j'assurais à Votre Majesté que je ne travaillais que pour elle. C'est un sentiment que la nation ne veut pas m'ôter, je l'en remercie, il m'est trop précieux.

J'ai fait de mon mieux pour voir l'autre tableau de M. Torelli. M. de Betzky a envoyé un adjudant au Palais avec moi, mais nous avons trouvé les portes fermées et scellées.

M. de Melissino m'a envoyé un détail circonstancié de la manière dont il s'est comporté dans une action. Sans vouloir pénétrer l'objet de cet envoi, qui d'ailleurs me paraît honnête, je l'enverrai à Votre Majesté, si elle me permet.

Le prince de Galitzin vient de m'écrire de la Haye, que le cagotisme de Paris jette feu et flamme contre la statue de Voltaire. Je ne jurerais pas que les cafards ne parvinssent à la renverser... J'aurais plutôt fait de mettre sous les yeux de Votre Majesté la lettre du Prince qui, par parenthèse, écrit toujours comme un chat.

Наконецъ занавѣсъ поднялся, я разумѣется во власти публики: моя мастерская набита биткомъ. Не много странно то, по крайней мѣрѣ на мои глаза, что никто изъ туземцовъ стекающихся у меня не говоритъ мнѣ ни слова, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было, хотя мнѣ извѣстно, что въ итогѣ они довольны. Если до меня доходятъ прямыя извѣстія о моей работѣ то единственно чрезъ различныхъ проживающихъ здѣсь иностранцевъ. Такое обращеніе нигдѣ неизвѣстно, но нужно ко всему привыкать. Я не сумасбродствовалъ, когда говорилъ Вашему Величеству, что работаю лишь для Васъ. Этого чувства у меня нація не хочетъ отнять, и я ей за то благодаренъ, потому что чувство это для меня слишкомъ драгоцѣнно.

Я старался какъ могъ видѣть другую картину г. Торелли. Г. Бецкій посылалъ со мною адъютанта, но мы нашли двери запертыми и запечатанными.

Г. Мелисино прислалъ мнѣ подробный разсказъ о поведеніи своемъ въ нѣкоемъ дѣлѣ. Не желая проникнуть смыслъ этой посылки, которая впрочемъ представляется мнѣ честною, я перешлю его Вашему Величеству, если то позволите.

Князь Голицынъ пишетъ мнѣ изъ Гаги, что парижское ханжество негодуетъ на статую Вольтера. Не поручусь что ханжамъ удастся ее опрокинуть.... Короче было бы представить Вашему Величеству письмо князя, который упомяну въ скобкахъ, продолжаетъ писать какъ кошка.

J'ai entre les mains, deux volumes in 4° intitulés, Leggi e constituzioni di Sua Maesta Vittorio Amedeo, Re di Sardegna, la traduction française est à côté. Votre Majesté connaît, sans doute, cet ouvrage: si elle ne l'avait pas vu, et qu'elle en fût curieuse, elle aurait la bonté de me l'ordonner, et je le lui enverrais.

J'ai arrangé, le mieux qu'il m'a été possible, l'idée de la préférence qui sera nécessairement entre les dessins de M. Lossinkoff, et ceux de M. Torelli; car, ne pouvant être gravés tous deux, il faudra bien que l'un des dessinateurs soit plus content que l'autre. M. Torelli ne s'est offert que par un sentiment de zèle pour Votre Majesté, et par celui du plaisir que lui fait la statue. Il serait fâcheux que son devoir et son honnêteté lui produisissent quelque mortification. D'ailleurs, M. Lossinkoff est aussi un homme de talent qui mérite d'être encouragé. Mais la sagesse de Votre Majesté les rendra tous deux contents.

№ 83.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 29 Мая 1770 г.

Monsieur Falconet, les dessins que j'ai approuvés, je les ai marqués ainsi NB., et j'ai ordonné à Monsieur Olsoufief (62) de prendre avec Chanom et Barral des mesures pour le paiement par mois, afin que dans un an tout embarras soit levé.

У меня въ рукахъ два тома in 4° озаглавленные: Законы и учрежденія Его Величества Виктора Амедея, Короля Сардиніи, французскій переводъ рядомъ. Вашему Величеству вѣроятно извѣстна эта книга; если бы Вы не изволили ее видѣть, и Вамъ было это угодно, то благоволите дать мнѣ приказаніе ее доставить.

Я устроилъ какъ могъ лучше предположеніе о предпочтеніи, которое придется необходимо отдать рисункамъ Лосенко или Торелли; обоихъ нельзя будетъ гравировать, такъ поневолѣ одинъ рисовальщикъ будетъ довольнѣе. Г. Торелли вызвался только по чувству усердія къ Вашему Величеству и вслѣдствіе удовольствія испытываемаго имъ глядя на статую. Жаль было бы если бы чувство долга и любезность его навлекли ему непріятность. Съ другой стороны г. Лосенко также талантливый человѣкъ, заслуживающій поощренія. Но мудрость Вашего Величества удовольствуетъ обоихъ.

№ 83. Господинъ Фальконетъ. Выбранные мною рисунки я отмѣтила такъ NB., и приказала господину Олсуфьеву (62) уговориться съ Шано и Барраленъ о мѣрахъ къ ежемѣсячному платежу съ тѣмъ, чтобы чрезъ годъ всѣ затрудненія были устранены.

№ 84.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 29 Мая 1770 г.

St-Pétersbourg, 29 Mai 1770.

Je n'ai point vue les nouveaux dessins de M-r Roitiers; à qui, s'il vous plaît, les avez-vous donnés?

Je sais que la toile est levée chez vous, et qu'on est en général très-content; si l'on ne vous dit mot, c'est par délicatesse; les uns ne ce croient pas assez habiles, les autres peut-être craignent de vous déplaire en vous disant leur avis, d'autres encore n'y voient goutte. N'allez pas comme bien des Welches, expliquer tout du mauvais côté.

M-r Betzki, avant de vous envoyer avec son adjudant voir le tableau de Torelli, aurait pu ordonner qu'on ouvrît les portes; la chose était aisée, mais tout le monde ne prévoit pas toujours.

M-r Mellissino devrait envoyer son comporté à ses généraux: alors les choses iraient en règle.

Si la statue de Voltaire est *renversée par les sots*, les sots en seront bien payés par les contemporains et par la POSTÉRITÉ; fâchez-vous si vous voulez, de la voir écrite en grandes lettres.

Je n'ai pas le temps de lire présentement: vous me garderez le livre du Re di Sardegna. Adieu, Monsieur.

№ 84. Я не видала новыхъ рисунковъ гг. Руатье; скажите пожалуйста кому вы ихъ отдали? Я знаю что занавѣсъ у васъ поднятъ, и что вообще всѣ весьма довольны; если вамъ ничего не говорятъ, такъ это изъ деликатности, одни не считаютъ себя знатоками, другіе быть можетъ опасаются вамъ не понравиться высказавъ свое мнѣніе, иные ничего не смыслятъ, не вздумайте по примѣру нѣкоторыхъ Вельшей объяснять все въ дурную сторону.

Г. Бецкій могъ бы прежде чѣмъ посылать васъ съ своимъ адъютантомъ приказать, чтобы двери были отперты; дѣло было не мудреное, но не всякій все предвидитъ.

Г. Мелисино слѣдовало бы послать свою записку по начальству, тогда все было бы въ порядкѣ. Если статуя Вольтера будетъ опрокинута глупцами, то глупцы получатъ возмездіе и отъ современниковъ и отъ ПОТОМСТВА; сердитесь на то что это слово я написала крупными буквами.

Теперь читать мнѣ нѣкогда, приберегите покамѣстъ книгу сардинскаго короля. [П]рощайте.

№ 85.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 1 Іюня 1770 г.

A St-Pétersbourg, le 1 Juin 1770.

Madame,

Les dessins que Votre Majesté Impériale a choisis sont les plus beaux, sans contredit. Il n'y aurait peut-être eu que celui du chandelier que je n'aurais pas préféré, crainte que dans l'exécution, les parties à jour qui en composent le corps, ne parussent un peu maigres, un peu filigramme. Je prends la liberté de joindre ici ce que j'ecris à M-rs Roitiers.

Je supplie Votre Majesté de me permettre de lui rendre compte d'une scène arrivée ces jours-ci dans mon atelier. Elle lui prouvera, que je ne cherche à expliquer rien du mauvais côté, et que je suis forcé de me rendre à l'évidence.

Un M-r Jacovleff s'est donné la peine de venir prêcher les spectateurs. Il n'y a pas d'horreurs qu'il n'ait dites de la statue. Ce brave homme qui a, dit-il, vu toutes les statues, n'en a jamais vu aucune coiffée comme celle-là; il a oublié, sans doute, qu'elles le sont presque toutes, tant antiques que modernes. Il trouvait affreux d'avoir mis, à l'Empereur, les deux barbichons qu'il porta toute sa vie. Voilà comment ce judicieux observateur connaît les convenances et la vérité: mais ce ne sont là que des roses. Il se déchaîna en furieux contre l'habillement russe qui n'est

---

№ 85. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваще Императорское Величество выбрали безспорно лучшіе рисунки. Одинъ рисунокъ шандала я быть можетъ не предпочелъ бы, опасаясь что въ исполненіи просвѣтныя части его составляющія, выйдутъ нѣсколько тощими, немного филиграновыми. Осмѣливаюсь приложить при семъ то, что пишу гг. Руатье.

Умоляю Ваше Величество позволить мнѣ передать сцену происшедшую на дняхъ въ моей мастерской. Она докажетъ что не ищу злонамѣренныхъ толкованій, а что поставленъ въ необходимость сдаваться предъ очевидностью.

Нѣкто г. Яковлевъ принялъ на себя трудъ произнести рѣчь зрителямъ. Нѣтъ гадости, которой онъ бы не наговорилъ про статую. Этотъ отличный человѣкъ утверждалъ, что онъ видѣлъ всѣ статуи и что ни на одной нѣтъ такого страннаго головнаго убора; онъ забылъ безъ сомнѣнія, что подобное убранство почти одинаково у всѣхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, статуй. Онъ находилъ ужасными усы, которые императоръ носилъ во всю жизнь. Вотъ на сколько этотъ проницательный наблюдатель зналъ приличія и истину; но все это одни цвѣтки. Онъ пришелъ въ

point l'habillement russe. Il répéta qu'il était horrible et punissable d'avoir donné à Pierre premier un habit pour la destruction duquel il avait fait tant d'efforts. Comme il ne connaît pas, vraisemblablement, la statue de Marc-Auréle, il ne pouvait guère deviner que l'habillement de l'une est précisément celui de l'autre. Ici plusieurs des assistants, c'est-à-dire les plus sages et les plus éclairés, se servirent du privilège qu'on a quelquefois de hausser les épaules. M. Jakovleff a crié que plus de 500 gentilhommes étaient indignés de mon procédé, qu'on en parlait dans toutes les maisons, et qu'il ne fallait rien moins qu'un Oukaze de l'Impératrice pour le souffrir. J'imaginais déjà voir arriver les 500 gentilhommes pour faire main basse sur la statue, ainsi que les 300 romains se disposaient à la faire sur Porsenna dont ils avaient juré la perte.

Votre Majesté voit à présent, que je n'avais pas tort de trouver un peu extraordinaire le silence de plusieurs personnes; mais ce monsieur vient de me donner de grandes lumières. Je supprime la foule de réflexions à faire sur son incartade, parce que Votre Majesté voit tout d'un coup d'oeil, et le voit bien. Mais je la supplie de ne pas trouver mauvais que je lui expose l'embarras où je serais, si j'étais livré à la merci de la pétulance et de l'aveugle préjugé.

Tous les Welches de la cour et de la ville se déchaînaient en France contre la Phèdre de Racine: aujourd'hui, l'Europe entière admire Phèdre. Voilà les hommes, sans doute; mais dès cet instant, Racine quitta la grande

---

бѣшенство заговоривъ о русскомъ платьѣ, которое въ дѣйствительности не русское. Онъ повторялъ что ужасно напялить на Петра ту одежду, объ уничтоженіи коей онъ такъ хлопоталъ. Не зная статуи Марка Аврелія онъ никакъ не могъ догадаться что на обѣихъ статуяхъ одинаковое одѣяніе. Здѣсь нѣкоторые изъ присутствующихъ, болѣе благоразумные и просвѣщенные воспользовались принадлежащимъ всякому правомъ пожать плечами. Г. Яковлевъ возопилъ что болѣе 500 дворянъ возмущены моими дѣйствіями, что о нихъ говорятъ во всѣхъ домахъ, что ихъ переносятъ только повинуясь Высочайшему указу. Мнѣ представлялись уже 500 дворянъ готовыхъ ринуться на статую, какъ тѣ 300 Римлянъ что поклялись сгубить Порсенну.

Ваше Величество видите теперь что я не былъ не правъ когда находилъ неестественнымъ молчаніе нѣкоторыхъ лицъ; но этотъ господинъ во многомъ открылъ мнѣ глаза. Я сокращу множество разсужденій возбуждаемыхъ его выходкою, потому что Ваше Величество видите все сразу и видите хорошо. Но умоляю Васъ снисходительно внять тѣмъ затрудненіямъ, кои можетъ воздвигнуть на меня заносчивость и слѣпой предразсудокъ.

Всевозможные придворные и городскіе Вельши негодовали на Федру Расина во Франціи, нынѣ вся Европа ею восхищается. Таковы безъ сомнѣнія люди, но съ того самаго времени Расинъ покинулъ высокую поэзію, онъ умеръ бы жертвою

poésie; il serait mort victime de la cabale et n'eût point fait Athalie sans Port-royal et la protection du Roi. Je n'ai aucune vocation pour le froc, à la vérité, quelque royal qu'il soit, mais j'ose me croire assuré de la protection de l'Impératrice.

L'archevêque de Pétersbourg, l'Evêque de Tver, l'Archimandrite Platon, le Protopope André (63), m'ont fait prévenir ce matin qu'il viendraient à midi voir la statue de Pierre-le-Grand et qu'ils souhaiteraient que quelqu'un qui parlât russe, leur expliquât les différentes choses qui auraient besoin de l'être. J'ai prié M. King de venir, parce qu'il connaît parfaitement l'objet de mon ouvrage, et que, sachant plus que moi le latin, il pourrait le parler, au défaut du russe qu'il entend cependant. Le résultat est que la compagnie a été fort contente, et quelques-uns même fort sensibles, et que le Père Platon a chargé M. King de faire ses compliments à l'auteur. Non, s'est-il repris aussitôt, dites-lui, que je lui donne ma bénédiction, pour que la fonte réussisse aussi bien qu'il a réussi dans le modèle. Cela est on ne peut pas plus honnête, et j'en accepte l'augure de bien bon coeur et avec toute la reconnaissance possible.

Mais comme il est dit, qu'il n'y a pas de roses sans épines, le procureur du Synode (64), que Dieu prenne en sa sainte et digne garde, a été fort scandalisé de ce que la statue était une fois aussi grande que l'était l'Empereur lui-même. Il ne concevait pas où j'avais pêché l'idée, de faire les hommes et les chevaux plus grands qu'ils ne sont ordinairement. Il était

---

интриги и не написалъ бы Аталіи если бы не поръ-рояль и покровительство короля. Никакого призванія къ клобуку не имѣю, хотя бы и состоящему подъ королевскою охраною, но смѣю считать себя подъ защитою Императрицы.

Архіепископъ С.-Петербургскій, епископъ Тверскій, архимандритъ Платонъ, протоіорей Андрей (63) прислали мнѣ сказать сегодня утромъ, что въ полдень придутъ посмотрѣть статую Петра Великаго и желали бы чтобъ кто либо говорящій по-русски объяснилъ имъ различныя вещи требующія объясненія. Я прошу г. Кинга придти потому что онъ прекрасно знаетъ предметъ моего труда, и будучи свѣдущъ больше моего въ Латыни, онъ могъ бы говорить на этомъ языкѣ, если не на русскомъ, также ему извѣстномъ. Результатъ былъ тотъ, что общество осталось весьма довольно, нѣкоторые даже выказали большое сочувствіе и отецъ Платонъ поручилъ г. Кингу поздравить автора. «Нѣтъ» спохватился онъ тотчасъ же, скажите ему, что я даю ему свое благословеніе на то чтобъ отливка удалась такъ же хорошо какъ въ моделѣ. Это крайне любезно, и я отъ чистаго сердца и со всевозможною благодарностью принимаю эти слова въ качествѣ добраго предзнаменованія

Но такъ какъ розы безъ шиповъ не бываютъ, то синодальный прокуроръ (64), котораго да хранитъ Господь Богъ, былъ очень смущенъ тѣмъ что статуя вдвое больше ростомъ чѣмъ былъ самъ Императоръ. Онъ не понималъ откуда у меня взялась

bien fâché que je ne l'eusse pas consulté sur cette affaire, parce qu'il m'aurait communiqué ses lumières. Pour tout le reste, il y voyait à peu près de même. Mais il tomba de son haut, quand on lui parla de l'allégorie du sujet, ce qui en fait la poésie. Il ne concevait pas que dans la sculpture il y eût plus de poésie que dans une cruche. Pour celui-là, il n'y a qu'à en rire.

Je supplie Votre Majesté de me pardonner une lettre aussi longue. Mais à qui dirais-je plus à propos ce qui concerne la statue.

№ 86.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 2 Іюня 1770 г.

Monsieur Falconet, je crois que si vous conseilliez à M-rs Roitiers d'ôter le maigre des chandeliers que j'ai choisis, vous feriez une bonne chose.

Ce Jakowlew qui a dit tant de pauvretés, est un homme tout-à-fait décrié de toutes les façons, jusque-là qu'il a été exclu du service. Il ne se passe jamais deux mois, sans qu'il n'ait quelque vilaine affaire sur les bras. Il n'y a pas longtemps encore qu'il a friponné deux juifs et qui plus est, il n'est pas même gentilhomme, quoiqu'il prétende que cinq cents de ceux-ci pensent comme lui.

Les bavardises du procureur sont visibles, et rien de plus. Moquez-vous des sots et allez votre train, voilà aussi le mien. Adieu, portez-vous bien.

мысль сдѣлать и людей и лошадей въ большихъ, чѣмъ они обыкновенно бываютъ, размѣрахъ. Онъ былъ весьма недоволенъ тѣмъ, что я съ нимъ не посовѣтовался и не позаимствовался его познаніями. Все остальное онъ видѣлъ такимъ же образомъ; но его сшибла съ ногъ аллегорія предмета, то что составляетъ его поэзію. Онъ не понималъ чтобы въ скульптурѣ было больше поэзіи чѣмъ въ кувшинѣ. Объ этомъ можно лишь посмѣяться.

Умоляю Ваше Величество простить мнѣ столь длинное письмо. Кому же я стану болѣе кстати говорить о касающемся статуи.

№ 86. Господинъ Фальконетъ. Думаю что посовѣтовавъ г. Руатье сдѣлать въ выбранныхъ мною подсвѣчникахъ нѣсколько полнѣе кажущееся вамъ тощимъ, то вы сдѣлаете хорошее дѣло.

Этотъ Яковлевъ наговорившій столько глупостей, человѣкъ до того презрѣнный что былъ выключенъ изъ службы. Не проходитъ двухъ мѣсяцевъ, чтобъ онъ не по- ...ся въ какую нибудь скверную исторію. Недавно онъ надулъ двухъ Евреевъ, а ...довершенію онъ и не дворянинъ, хотя утверждаетъ что пять сотъ дворянъ раздѣ...ютъ его образъ мыслей.

Болтовня прокурора смѣшна и больше ничего. Смѣйтесь надъ глупцами и идите ...оею дорогою, таково и мое правило. Прощайте, будьте здоровы.

№ 87.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 13 Іюня 1770 г.

Madame,

Voilà encore un des admirateurs de Votre Majesté Impériale, dont Votre générosité vient de faire un heureux. La lettre de M. Collin le dit mieux que je ne l'exprimerais, mais pas mieux que je ne le sens.

Il y avait deux empreintes, je n'en ai laissé qu'une, parce que Votre Majesté m'a dit qu'elle ne prendrait pas le portrait.

L'esprit mécontent et rempli de la cherté de certains tableaux français, j'avais lu, tout à rebours, la lettre de M. Collin où il me parle du prix des pierres gravées; et d'une chose honnête, j'en avais fait le contraire.

Malheureusement, nous voyons quelquefois avec l'oeil du préjugé. J'en demande pardon à Votre Majesté et aux honnêtes gens, que je n'avais pas en l'esprit de n'entendre pas.

Il ne paraît pas que M. Collin ait encore reçu les médailles. Au moins, il ne les avait pas encore le 21 mai; Votre Majesté sait par quelle voie elle a ordonné qu'elles lui fussent remises.

Je sais que l'Impératrice se porte bien, je sais même qu'elle est un peu hâlée, et je suis bien content. J'ose la supplier d'agréer ma respectueuse reconnaissance de son invitation à me bien porter, et du conseil de mépriser les sots.

№ 87. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вотъ еще одинъ изъ поклонниковъ Вашего Императорскаго Величества осчастливленный милостями Вашими. Письмо г. Кошена высказываетъ это лучше чѣмъ я выражаю, но не лучше чѣмъ я это чувствую.

Вмѣсто двухъ оттисковъ, я оставилъ всего одинъ, потому что Ваше Величество сказали мнѣ что не возьмете портрета.

Недовольный, наполненный мыслью о дороговизнѣ нѣкоторыхъ французскихъ картинъ я прочиталъ на выворотъ письмо г. Кошена, въ коемъ онъ говоритъ мнѣ о цѣнѣ рѣзаныхъ камней; изъ честнаго дѣла я сочинилъ совсѣмъ противоположное.

По несчастію мы иногда смотримъ глазами предразсудка. Прошу прощенія у Вашего Величестваа и у тѣхъ честныхъ людей, на пониманіе коихъ у меня не хватило смысла.

По видимому г. Кошенъ не получилъ еще медалей. По крайней мѣрѣ у него ихъ не было 21-го мая; Вашему Величеству извѣстно какимъ путемъ Вамъ угодно было ему ихъ доставить.

Я знаю что Императрица здорова, знаю даже что она немного загорѣла и очень тому радуюсь. Смѣю умолять ее принять мою почтительную благодарность за приглашеніе мнѣ быть здоровымъ и за совѣтъ презирать глупцовъ.

№ 88.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 14 Iюня 1770 г.

Je vous renvoie la lettre de M-r Collin. L'empreinte est très-jolie, faites-moi savoir, s'il vous plaît, le prix de la pierre et puis nous verrons. Je demanderai à M-r Betzki, qui il a chargé des médailles que j'ai envoyées à votre ami. L'Impératrice est non-seulement hâlée,' mais encore elle est devenue légère comme une biche, et tout le monde se plaint qu'on a de la peine à la suivre à pied; elle tripote dans son jardin le matin; l'après-dîner, elle joue le rôle du Baron et de son plan dans la comédie. L'Anglomanie a gagné tous les possesseurs de terres dans l'Ingermanie. Adieu, Monsieur Falconet, je salue Pierre-le-Grand et je fais grand cas de l'habile artiste entre les mains duquel il se trouve.

P. S. Dans le petit papier ci-joint, vous trouverez du raisin sauvage d'Asoff; assurément vous n'en avez point vu de ce pays-là.

№ 89.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 14 Августа 1770 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale ayant bien voulu que je m'intéressasse (pour la partie de l'art) au service de table que font M-rs Roitiers, je crois devoir lui rendre compte d'une lettre que je viens de recevoir, dans laquelle ils expriment combien ils sont encouragés à bien faire par le suffrage dont

---

№ 88. Возвращаю вамъ письмо г. Кошена. Оттискъ весьма хорошъ, сообщите мнѣ пожалуйста цѣну камня, а тамъ посмотримъ. Я спрошу у г. Бецкаго кому онъ поручилъ доставить медали вашему другу. Императрица не только загорѣла, но еще сдѣлалась легка какъ дикая коза, и всѣ жалуются что за ней трудно поспѣть пѣшкомъ, она хозяйничаетъ въ своемъ саду и утромъ и послѣ обѣда, она разъигрываетъ роль барона съ его планомъ въ комедіи. Англоманія овладѣла всѣми земледѣльцами Ингерманландіи. Прощайте господинъ Фальконетъ, кланяюсь Петру Великому и весьма цѣню искуснаго художника въ рукахъ котораго онъ находится.

Въ бумажкѣ при семъ прилагаемой, вы найдете дикій Азовскій виноградъ, вы конечно не видывали винограда изъ тѣхъ мѣстъ.

№ 89. Всемилостивѣйшая Государыня,

Такъ какъ Вашему Императорскому Величеству угодно было, чтобы я принялъ на себя попеченіе (по художественной части) о столовомъ сервизѣ исполняемомъ г-дами Руатье, то я считаю обязанностью довести до Вашего свѣдѣнія, что я получилъ отъ нихъ письмо въ коемъ они высказываютъ въ какой степени ихъ усердіе

Votre Majesté a honoré leurs esquisses, et je serais fort trompé si, pour l'exécution, ils ne faisaient pas tout ce qu'il peut y avoir de mieux dans ce genre.

M. Lossenkoff a bientôt fini le dessin de la statue. Si ce dessin n'était pas fait d'après mon ouvrage, il me semble que j'aurais plus de liberté pour en faire l'éloge. J'ose croire cependant que l'ensemble de la composition avec la base ne ressemble point à une chose commune. Lossenkoff n'est point un homme vif, un homme facile; ce n'est point un *fa presto*. Mais ce qu'il ne saisit pas d'abord, la ténacité au travail, et la réflexion le lui font trouver. Il est d'ailleurs fort honnête et fort docile; deux qualités que je suis à portée de lui connaître, par la manière dont il reçoit mes avis. Que Dieu le conserve dans ces bonnes dispositions.

J'ai mis sur la base de la statue cette courte inscription:

Petro Primo
Catharina Seconda
posuit.

Catherine Seconde l'a érigée à Pierre Premier.

Je voudrais bien qu'on n'eût pas l'esprit d'en mettre davantage sur la pierre.

C'est le style lapidaire le plus simple et le meilleur que les anciens aient employé pour les inscriptions de leurs monuments. Mais, grâce aux beaux esprits subalternes et modernes, on fait des inscriptions à tour de bras, où le bavardage n'est point épargné, tandis qu'un mot de génie suf-

---

поощряется тѣмъ, что ихъ рисунки удостоились Вашего одобренія. Я очень ошибусь, если они не сдѣлаютъ все, что можетъ быть лучшаго въ этомъ родѣ.

Г. Лосенко скоро окончитъ рисунокъ статуи. Если бы рисунокъ этотъ не былъ сдѣланъ по моей работѣ, то я могъ бы кажется свободнѣе хвалить его. Смѣю думать, что въ итогѣ композиція и подножіе вмѣстѣ взятыя чужды пошлости. Лосенко человѣкъ не пылкій, не скоро схватывающій; онъ не fa presto. Но чего онъ не смекнетъ сразу, то ему достанется упорствомъ въ трудѣ, размышленіемъ. Къ тому же онъ весьма любезенъ и податливъ; эти два качества я могъ разпознать, видя какъ онъ принималъ мои совѣты. Да сохранитъ его Богъ въ этихъ добрыхъ расположеніяхъ.

На подножіи статуи я помѣстилъ эту краткую надпись:

Петру Первому воздвигла Екатерина Вторая.

Очень бы я желалъ, чтобы и на самомъ камнѣ догадались не писать ничего болѣе.

Таковъ лапидарный слогъ наипростѣйшій, наилучшій, бывшій въ употребленіи у древнихъ для памятниковъ ихъ. Но благодаря новѣйшимъ плохимъ разумникамъ стали дѣлать нескончаемыя надписи, въ коихъ расточается болтовня, когда одного мѣткаго слова было бы достаточно, примѣромъ тому служитъ безсвязная вереница словъ,

flrait. Temoin une kirielle que Votre Majesté a, je crois, vue depuis peu: le texte en est en latin, avec la traduction française à côté.

Si pourtant les quatre mots que j'ai mis, pour la gravure seulement, ne vous plaisaient pas, Madame, je Vous supplierais de me dire vos intentions, et, sans appeler de docteurs, je crois que nous serions assez doctes pour les rectifier.

M. de Villiers, que je vois souvent, m'a dit que M. le C-te Shouvaloff, à la campagne duquel il a passé quelques jours, l'avait flatté que Votre Majesté continuait d'être contente, de ce qu'elle avait vu de ses ouvrages. Elle peut aisément juger de la tranquillité et de la satisfaction qu'une pareille assurance a dû porter dans une âme qui, sans prétentions d'ailleurs, ne peut être insensible à l'honneur de l'approbation du juge le plus éclairé, le seul peut-être qu'il puisse avoir dans un travail fastidieux en soi, qui, par sa nature, n'est point susceptible d'éclat, et dont jusqu'à present, il n'avait appris que ce que je lui en avais dit. Il m'a ajouté que son contrat étant expiré, il ne tenait plus à Votre Majesté que par les sentiments du plus respectueux dévouement; liens plus forts pour lui que tous les écrits, et par lequels seuls il souhaiterait continuer à lui demeurer attaché, tant que ses services lui seront agréables. Les raisons qu'il m'a exposées contre un contrat dans la place qu'il occupe, et vu le genre de travail dont il est chargé, sont puisées dans l'honnêteté et dans cette délicatesse qui caractérise le corps dont il était membre à Paris. S'il était donc possible, sans

---

видѣнная кажется на дняхъ Вашимъ Величествомъ; къ латинскому тексту приложенъ французскій переводъ.

Если бы однако тѣ четыре слова, что я прибралъ лишь для гравюры, Вамъ не понравились, то я умоляю Васъ сообщить мнѣ Ваши намѣренія въ надеждѣ, что у насъ хватитъ мудрости на измѣненіе этихъ словъ, не призывая на помощь мудрецовъ.

Г. Девилье, котораго я часто видаю передавалъ мнѣ, что графъ Шуваловъ, у котораго онъ провелъ нѣсколько дней на дачѣ обнадежилъ его сказавъ, что Ваше Величество продолжаете быть довольны дошедшими до Васъ трудами его. Вы легко можете судить о спокойствіи и удовольствіи, испытанныхъ при этомъ, человѣкомъ, который не имѣя особыхъ претензій не можетъ быть не чувствителенъ къ чести получить одобреніе отъ судьи наиболѣе просвѣщеннаго, быть можетъ единственнаго въ работѣ нѣсколько сухой, не блестящей по самому своему свойству и объ успѣхѣ коей онъ до сихъ поръ зналъ лишь то, что я ему говорилъ. Онъ прибавилъ, что за истеченіемъ заключеннаго съ нимъ контракта, онъ остается привязанъ къ Вашему Величеству лишь чувствами почтительнѣйшей преданности; сковывающими его гораздо [illegible]ъ какіе бы то ни было письменные акты и коими онъ желалъ бы быть [illegible]о связанъ до тѣхъ поръ пока его служба будетъ пріятна Вашему Вели[illegible]ины приводимыя имъ противъ контракта при теперешнемъ его положе-

trop d'inconvéniens, de le dispenser de cette petite cérémonie, il assure, et je pense qu'on doit le croire, qu'il ne servirait pas Votre Majesté avec moins de zèle par honneur, qu'en vertu d'une signature. J'ai deux garants certains qui m'en répondent: l'attrait invincible qu'il y a à vous servir, Madame, quand on sait que vous connaissez et que vous agréez le service. Mon autre garant n'est pas moins certain: ce sont les vrais principes d'honneur, que je connais à M. de Villiers.

Au reste, il s'en remettra entièrement aux dispositions qu'il plaira à Votre Majesté de faire.

J'ai attendu une occasion pour dire à Votre Majesté le prix de la pierre gravée de M. Guay, parceque cette pierre, quelque bien qu'elle soit à beaucoup d'egards, ne me paraît pas cependant du premier ordre. Si pourtant, Madame, elle vous plaisait, je serais fâché d'arrêter une marque de l'encouragement que Votre Majesté accorde si volontiers aux talents. Le prix est donc de *100 Louis pour Paris*, *et réduit ici à tout ce qu'on voudra*. C'est le dire de M-rs Guay et Collin.

№ 90.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 18 Августа 1770 г.

Monsieur, n'allez pas conclure parceque je ne vous ai pas répondu depuis trois jours, que je suis devenue fière ou paresseuse depuis la ba-

---

нія и занятіяхъ почерпнуты имъ въ чувствѣ честности и той особенной деликатности, которая отличаетъ въ Парижѣ сословіе адвокатовъ. И такъ если бы было возможно безъ особыхъ трудностей освободить его отъ этой маленькой церемоніи, то по его завѣренію, достойному вѣры, онъ продолжалъ бы служить Вашему Величеству съ неменьшимъ усердіемъ, по долгу чести, а не изъ-за одной своей подписи. У меня два въ томъ ручательства: непреодолимая привлекательность служить Вамъ, Государыня, когда знаешь, что служба эта Вамъ извѣстна и Вами поощряется.

Другое не менѣе вѣрное для меня ручательство въ извѣстныхъ мнѣ правилахъ чести г. Девилье.

Впрочемъ онъ вполнѣ отдаетъ себя на благорасположеніе Вашего Величества.

Я ждалъ случая для сообщенія Вашему Величеству цѣны камню г. Ге; потому что камень этотъ при всѣхъ его достоинствахъ не представляется мнѣ первостепеннымъ. Если бы однако онъ Вамъ нравился, то я не желалъ бы претить тому покровительству, которое Вы изволите оказывать талантамъ. Цѣна камню: сто луидровъ въ Парижѣ, а здѣсь какая угодно сбавка. Таковы слова Ге и Колена.

№ 90. Милостивый Государь! Изъ-за того, что я Вамъ не отвѣчала три дня не подумайте, что я сдѣлалась гордою или лѣнивою послѣ Кагульской битвы. Дрян-

taille de Kagoul. J'ai eu une vilaine migraine qui ne me l'a pas permis. Je suis bien aise que M-rs Roitiers soient contents; je le suis beaucoup d'une douzaine de pièces de vermeil que j'ai reçues depuis un mois de Paris. Il y a cependant deux chandeliers qui ne sont pas beaux de dessin. Ces pièces m'ont confirmée dans l'opinion que les figures humaines ne devraient jamais être employées pour du potage. N'ayez pas peur que je donne dans l'absurdité des inscriptions qui ne finissent pas: je n'ai jamais pu entendre jusqu'au bout celle dont vous faites mention. Je m'en tiens à celle que vous savez en quatre mots. Je suis charmée d'entendre que vous soyez content de Lossenkoff: dites-moi un mot un jour de son tableau de réception. Il y a une femme à genoux sur ce tableau, dont je me contenterais; il me semble qu'elle tient de la manière de Raphael, autant que j'en peux juger sur les estampes. M-r de Villiers restera avec ou sans contrat, comme il lui plaira; je ne sais s'il est content, mais moi, beaucoup. Si vous trouvez que la pierre gravée par M-r Guay est payée avec 100 Louis, dites-le à M-r Betzki, afin qu'il ait soin de l'envoi de l'argent. Je salue Pierre-le-Grand et son statuaire. Adieu, portez-vous bien.

№ 91.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 25 Октября 1770 г.

Madame,

Je méconnaîtrais les bontés de Votre Majesté Impériale, si je cessais

---

ная мигрень тому помѣшала. Я очень рада, что г-да Руатье довольны, я тоже весьма довольна дюжиною золоченаго серебра полученнаго около мѣсяца тому назадъ изъ Парижа. Есть однако пара шандаловъ, которые не хороши рисункомъ. Вещи эти убѣдили меня, что человѣческихъ фигуръ не слѣдуетъ употреблять для супа. Не опасайтесь, чтобы я впала въ нелѣпость нескончаемыхъ надписей, я никакъ не могла выслушать до конца той, о которой Вы упоминаете. Остаюсь при извѣстной Вамъ состоящей изъ четырехъ словъ. Мнѣ весьма пріятно слышать, что Вы довольны Лосенковымъ, скажите мнѣ когда-нибудь словечко о его картинѣ написанной для полученія званія академика. Тамъ есть колѣнопреклоненная женщина, которая мнѣ нравится, на мои глаза она написана въ манерѣ Рафаэля, сколько можно судить по эстампамъ. Г. Девилье останется съ контрактомъ или безъ контракта какъ ему вздумается, не знаю доволенъ ли онъ, но я очень довольна. Если Вы находите, что сто луидровъ хорошая цѣна для камня вырѣзаннаго г. Ге, то скажите это г. Бецкому, тѣмъ чтобы онъ озаботился пересылкою денегъ. Кланяюсь Петру Великому и его ваятелю. Прощайте, будьте здоровы.

№ 91. Всемилостивѣйшая Государыня,

не умѣлъ бы цѣнить милостей Вашего Величеатва, если бы пересталъ при-

d'y recourir, et dès l'instant, je cesserais de les mériter. Il y a longtemps que je souffre sans savoir à qui le dire: j'ai parlé cependant, mais il n'en est résulté aucun effet.

Il s'agit de Lossenkoff, habile, honnête et malheureux. Votre Majesté lui veut du bien, croit lui en faire; mais si les organes qui doivent conduire le bien-être jusqu'à lui sont obstrués... Vous croyez, Madame, qu'il fait vos tableaux, oh! cela ne va pas ainsi. Tracassé, fatigué, chagriné, accablé par mille vétilles académiques, qui dans aucune académie du monde n'ont jamais regardé un professeur, Lossenkoff ne peut pas donner un coup de pinceau: on le perdra sans faute. Il est le premier peintre habile de la nation, on y est insensible, on le sacrifie. On n'aura que de médiocres artistes, tant qu'ils ne seront pas mieux traités; ou ils feront comme a fait M. Torelli, ils se retireront.

Vous voyez, Madame, qu'il faut que Lossenkoff soit bien à plaindre, que j'aie le coeur bien gros, et que je connaisse toute la bonté de Votre âme forte, pour oser vous parler avec cette confiance.

Voici ce que je me propose, et si Votre Majesté l'approuve, je la supplie de vouloir bien me le dire. Je parlerai encore à M. de Betzky, et je lui parlerai fortement; si rien n'opère, je prendrai alors la liberté de m'adresser encore une fois au souverain maître, et si enfin Lossenkoff n'est pas

---

бѣгать къ нимъ, а съ того самаго времени пересталъ бы ихъ заслуживать. Давно уже я страдаю, не вѣдая кому высказаться: я говорилъ уже, но изъ этого ничего не вышло.

Рѣчь идетъ о Лосенко, искусномъ, честномъ, несчастномъ человѣкѣ. Ваше Величество желаете ему добра, полагаете, что творите ему добро; но если органы долженствующіе передать ему благополучіе запружены... Вы думаете, что онъ пишетъ Ваши картины. О вовсе нѣтъ. Преслѣдуемый, утомленный, опечалѣнный, измученный тьмою академическихъ пустяковъ, ни въ какой академіи не касающихся профессора, Лосенко не въ состояніи коснуться кисти; его погубятъ несомнѣнно. Онъ талантливѣйшійшій среди своихъ соотечественниковъ живописецъ, къ этому остаются нечувствительны, имъ жертвуютъ. Если съ художниками не станутъ обращаться лучше, то или будутъ одни посредственные художники, или они будутъ поступать какъ г. Торелли, будутъ уходить.

Вы видите Государыня, что Лосенко долженъ быть въ весьма жалкомъ положеніи, что у меня сильно наболѣло сердце, что мнѣ извѣстна вся снисходительность твердой души Вашей, если я рѣшаюсь высказаться съ такимъ довѣріемъ.

Вотъ что я предлагаю, и если мое предложеніе удостоится Вашего одобренія, то умоляю Васъ сказать мнѣ это. Я поговорю еще разъ съ г. Бецкимъ и поговорю сильно, если ничто не поможетъ, то приму смѣлость еще разъ обратиться къ Высочайшей власти и если наконецъ Лосенко останется несчастнымъ, то буду страдать съ

heureux, je souffrirai avec lui, sans avoir rien à me reprocher: mais il sera heureux quand Votre Majesté voudra.

Quant à la manière de le faire *sans crever les yeux à personne*, et sans que vos bontés puissent lui susciter des envieux, j'ai tant de preuves de votre art à exercer la bienfaisance, que je m'assure que Lossenkoff doit être tranquille. Pour ce qui me concerne, j'y ai aussi mon petit intérêt; c'est que je serais détesté par une troupe *de braves gens* de ma connaissance, qui me font déjà l'honneur de haïr ce que je puis avoir de moins malhonnête. Ils le haïraient bien plus, s'ils pouvaient soupçonner que je m'en fusse mêlé.

Je ne suis pas le seul qui, instruit du sort de Lossenkoff, gémisse de sa situation. Plusieurs personnes, entre autres M. Kozitski, me disent, *mais tâchez donc de faire quelque chose pour ce pauvre Lossenkoff*. Que puis-je faire de mieux que ce que je fais?

№ 92.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 27 Октября 1770 г.

Monsieur Falconet, je réponds à votre lettre d'avant-hier par ces lignes. Vous ferez bien de parler où il appartient pour Lossenkoff. Je suis bien fâchée de ce qu'on le tracasse, je prendrai information où en sont mes tableaux commandés et de là je partirai pour faire mes représentations: et si celles-là ne réussissent pas, je dirai que j'ai besoin de lui pour ma galerie et alors il faudra bien me le céder.

нимъ вмѣстѣ, чувствуя себя безупречнымъ; но онъ будетъ счастливъ, когда Ваше Величество того пожелаете.

Что относится до достиженія этой цѣли, не коля никому глазъ, и не возбуждая ему враговъ Вашими милостями, то я имѣю столько доказательствъ, Вашего умѣнья быть благотворительною, что сохраняю увѣренность, что Лосенко долженъ быть покоенъ. Что касается до меня, то и у меня есть своя выгода; меня будетъ ненавидѣть толпа милыхъ людей изъ числа моихъ знакомыхъ, которые уже удостоиваютъ меня чести ненавидѣть то, что во мнѣ есть наименѣе безчестнаго. Ненависть эта была бы еще значительнѣе, если бы они могли подозрѣвать, что я вмѣшался въ это дѣло.

Не я одинъ вздыхаю о сдѣлавшейся мнѣ извѣстною судьбѣ Лосенко. Многіе и въ томъ числѣ г. Козицкій говорятъ мнѣ: да сдѣлайте же что-нибудь для этого бѣднаго Лосенко. Могу ли сдѣлать что-либо лучшее, чѣмъ то, что дѣлаю?

№ 92. Господинъ Фальконетъ. Этими строками отвѣчаю на Ваше третьягоднишнее письмо. Вы поступите хорошо поговоривъ о Лосенко гдѣ слѣдуетъ. Мнѣ очень жаль, что ему надоѣдаютъ, я справлюсь о заказанныхъ ему картинахъ и начавъ съ этого перейду къ внушеніямъ; а если и то не поможетъ, такъ скажу, что онъ мнѣ нуженъ для моей галлереи, и тогда придется мнѣ его уступить.

№ 93.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 31 Октября 1770 г.

Monsieur Falconet, je suis très-contente du dernier médaillon de M-lle Collot; on grave un coin de médaille d'après ce médaillon. Quand Diderot sera achevé, je le verrai avec plaisir.

Je ne sais pourquoi vous me dites «je réclame le droit de tous les «hommes honnêtes, qui ont le bonheur de pouvoir s'adresser à V. M. I., «celui de prouver que je ne suis pas aussi répréhensible qu'on voudrait «bien le faire croire». Car je ne vous ai point cru répréhensible.

Je crois que c'est moi qui ai donné lieu au refus, qu'on vous a fait de la petite augmentation que vous avez demandée; mais indirectement, je réparerai cela, le fait serait inutile et trop long à conter. Vous logerez où il vous plaira, je l'ai dit, et j'aime à tenir ce que j'ai dit; il est vrai qu'on doit bâtir où vous demeurez, mais ce bâtiment ira après ma parole donnée.

1771.

№ 94.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 2 Января 1771 г.

Je suis si effrayée du mal que M-r Cochin dit que le ciseleur peut faire à votre ouvrage, que je laisse là tout le reste de ce qu'on vous écrit; je vous prie d'empêcher si vous pouvez que votre statue ne perde rien de la chaleur que vous y avez mise, car pour la grandeur et la dignité, je devine bien que le ciseleur ne l'ôtera par.

№ 93. Господинъ Фальконетъ. Я очень довольна послѣднимъ медальономъ г-жи Колло, по немъ вырѣзываютъ штамбу для медали. Когда Дидеротъ будетъ оконченъ, то я увижу его съ удовольствіемъ.

Не знаю почему Вы говорите: Я не находила въ вашемъ поступкѣ ничего предосудительнаго. Я думаю, что я хотя и косвенно подала поводъ къ сдѣланному Вамъ отказу въ маленькой прибавкѣ, что Вы просили, я поправлю это, разсказывать все дѣло было бы и долго и излишне. Вы будете жить гдѣ Вамъ вздумается, я это сказала, а я люблю держать слово, правда что на Вашемъ теперешнемъ мѣстѣ жительства должны быть произведены постройки, но очередь ихъ настанетъ послѣ моего слова.

№ 94. Я такъ опасаюсь бѣды, которую по словамъ г. Кошена шлифовальщикъ можетъ причинить Вашей работѣ, что оставляя въ сторонѣ все остальное о чемъ Вамъ пишутъ прошу Васъ воспрепятствовать, чтобы статуя Ваша потеряла малѣйшую долю той теплоты, которую Вы ей усвоили, потому что я догадываюсь, что величія и достоинства шлифовальщикъ не отыметъ.

№ 95.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 7 Февраля 1771 г.

Monsieur Falconet est prié de faire parvenir à nous autres pénitents le livret où se trouve le plan et la gravure du théâtre oval de M-r Cochin, que moi, secrétaire de la pénitence, ai vu entre ses mains. Nous le rendrons sain et sauf.

№ 96.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 17 Февраля 1771 г.

Madame,

Je les ai lus, je les ai copiés, et je supplie Votre Majesté d'agréer mon remerciement. Mais, j'en demande pardon à M. de Voltaire, j'ai oublié le poète en les lisant, comme César oubliait le statuaire en voyant la statue d'Alexandre. Un grand poète est peut-être un grand homme, mais j'aimerais infiniment mieux être Catherine que d'être Homère, parce que depuis le temps que les poètes, les peintres, les sculpteurs copient la nature, je trouve toujours l'original supérieur aux plus belles imitations.

Ces vers, en vérité, respirent le feu, la légèreté et l'enjouement de la vigueur d'un grand maître. Il n'y en a que 86, et j'y lis un bon volume, et bien philosophique. Votre Majesté y lit bien davantage. J'ai souvent dit en voyant les productions des hommes de génie, pourquoi faut-il que cela meure! Je ne veux pas écrire ma pensée toute entière, elle m'affligerait trop si je la relisais, et que je la peignisse comme je la sens... Mais cela

---

№ 95. Господина Фальконета просятъ доставить намъ кающимся книгу, въ которой находятся планъ и гравюра овальнаго театра г. Кошена видѣнную въ его рукахъ мною секретаремъ общества кающихся. Мы возвратимъ его въ цѣлости.

№ 96. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я ихъ прочиталъ, списалъ и умоляю Ваше Величество принять выраженія моей благодарности. Но прошу прощенія у г. Вольтера, я позабылъ поэта читая ихъ, какъ Кесарь забывалъ ваятеля смотря на статую Марка-Аврелія. Быть можетъ великій поэтъ есть вмѣстѣ и великій человѣкъ, но я предпочелъ бы быть Екатериною, чѣмъ Гомеромъ, потому что какъ давно поэты, живописцы, скульпторы ни копируютъ природу, я все-таки нахожу оригиналъ выше наилучшихъ подражаній.

Стихи эти поистинѣ дышатъ огнемъ, легкостью, веселостью, силою великаго мастера. Ихъ всего 86, а я читаю въ нихъ добрый томъ философіи. Ваше Величество таетъ въ нихъ гораздо болѣе. Часто глядя на произведенія геніальныхъ людей, я валъ себѣ вопросъ: зачѣмъ должно это умереть? Не хочу написать мысль свою нѣ, она слишкомъ огорчила бы меня, если бы я сталъ ее перечитывать написавъ

n'arrivera pas que longtemps avant il ne se soit fait encore de grandes choses.

C'est très-bien fait d'avoir de l'esprit, et même d'en montrer à propos; mais quand c'est celui des autres, on doit, ce me semble, y regarder à deux fois avant de le produire. Voilà des vers russes qui sont, sans doute, fort bons, et dont j'ai toujours oublié de parler à Votre Majesté qui les connaît assurément. On dit qu'ils ont été rimés pour servir d'inscription à la statue de Pierre Premier; je le veux croire. Mais la traduction d'une Epigramme de Martial, quelque bien appliquée au sujet qu'elle fût, conviendrait-elle ici? Je crois que tout ce qui a trait à Pierre premier devrait avoir (autant que cela se pourrait), ainsi que lui, le mérite de l'originalité, ou bien qu'il vaut mieux s'en tenir à quatre mots tous simples. Si Votre Majesté pense autrement, je me serai trompé, ce qui m'arrive assez souvent.

P. S. Le portrait de Votre Majesté, gravé à la Haye (65), est sans doute invisible.

№ 97.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 26 Апрѣля 1771 г.

Madame,

Je continue de prendre la liberté que Votre Majesté Impériale a bien voulu m'accorder, et je crois que je ne devrais jamais cesser de la prendre, dans les occasions où elle m'est nécessaire.

такъ какъ чувствую... Но этого не случится прежде чѣмъ не совершатся великія дѣла.

Хорошо имѣть умъ и даже кстати его выказывать; но когда этотъ умъ чужой, то надо поразмыслить прежде чѣмъ имъ щеголять. Вотъ русскіе стихи, безъ сомнѣнія весьма хорошіе, о коихъ я все забываю поговорить съ Вашимъ Величествомъ; они впрочемъ Вамъ по всей вѣроятности извѣстны. Говорятъ, что они рифмованы были для того, чтобы послужить надписью статуѣ Петра Великаго; пусть будетъ такъ; но переводъ епиграммы Марціала, какъ бы она ни приличествовала предмету, пригодится ли сюда? Полагаю, что все касающееся Петра Перваго должно бы по возможности имѣть, какъ самъ, онъ достоинства оригинальности, а не то гораздо лучше ограничиться четырьмя простыми словами. Если Ваше Величество думаете иначе, то я ошибаюсь, что со мною часто случается.

Приписка. Портретъ Вашего Величества гравированный въ Гагѣ, безъ сомнѣніе невидимъ (65).

№ 97. Всемилостивѣйшая Государыня,

Продолжаю пользоваться тою свободою, которую Ваше Императорское Величество мнѣ даровали и думаю, что не долженъ бы никогда переставать пользоваться ею въ случаяхъ нужды.

Pour ne pas trop souvent importuner Votre Majesté, je m'étais adressé à M. le G. afin qu'il vous fit lecture d'une lettre, dont je joins ici la copie, parce que je ne puis faire réponse à M. Cochin que selon vos intentions, Madame, et les ordres que vous aurez donnés. Mais S. E. me dit toujours qu'il ne peut jamais trouver l'occasion d'en parler; je le veux croire. Cependant, comme le contenu de cette lettre est un exposé de mes idées qui se sont conformées à celles de Votre Majesté, j'ai de bonnes raisons pour qu'elle en soit informée. J'avais aussi prié M. le G. de vouloir bien vous demander, Madame, une grâce pour M-lle Collot; mais comme il ne m'a point fait de réponse, je puis croire qu'aussi bien que de la lettre, il n'aura pas trouvé l'instant. Ce qui m'étonnerait d'autant plus, que celui de la bienfaisance est, à chaque moment, celui de Votre Majesté.

Cette grâce, Madame, est de vous supplier de continuer à mon élève, pendant son voyage d'un an, au bout duquel elle reviendra sans faute, à moins qu'elle ne meure en chemin, les gages que vous daignez lui accorder, pour le temps qu'elle a l'avantage d'être à Votre service. Si cette marque de Votre Auguste protection lui était arrêtée pendant son séjour à Paris, on croirait que Votre Majesté a cessé de l'en trouver digne, et rien au monde ne pourrait lui causer plus de tort et de chagrin. Sans vouloir ici vanter son talent, Votre Majesté sait qu'il est singulier, et qu'elle est la

---

Чтобы не слишкомъ часто безпокоить Ваше Величество; я обратился было къ г. Б., съ просьбою прочитать Вамъ письмо, съ котораго предлагаю при семъ копію, потому что г. Кошену могу отвѣчать согласно Вашимъ намѣреніямъ, согласно приказаніямъ, которыя Вамъ угодно будетъ дать. Но Е. П. все отвѣчаетъ мнѣ, что ему нѣкогда Вамъ о томъ говорить,—я готовъ этому вѣрить. Между тѣмъ, такъ какъ содержаніе этого письма представляетъ изложеніе моихъ мыслей согласованныхъ съ мыслями Вашего Величества, то я имѣю основательныя причины желать, чтобы письмо это было Вамъ извѣстно. Я просилъ также г. генерала попросить Васъ Государыня о милости г-жѣ Колло, но какъ онъ и объ этомъ не отвѣчалъ мнѣ, то я могу думать, что и для этого онъ не нашелъ удобнаго мгновенія. Что изумило бы меня тѣмъ болѣе, что благотворительность составляетъ постоянное Ваше занятіе.

Милость эта Всемилостивѣйшая Государыня, заключается въ томъ, чтобы сохранить моей ученицѣ получаемое ею на службѣ Вашего Величества жалованье, во время годичнаго ея путешествія; чрезъ годъ она возвратится непремѣнно, если не умретъ дорогою. Если бы она не удостоилась этого знака Августѣйшаго Вашего покровительства, во время пребыванія своего въ Парижѣ, то могли бы подумать, что въ глазахъ Вашихъ она перестала быть достойною покровительства, и ничто въ свѣтѣ не причинило бы ей столько вреда и печали. Не желаю здѣсь расхваливать ея талантъ, Ваше Величество знаетъ, что онъ выходитъ изъ ряда, и что она одна изъ

seule de son sexe qui se soit consacrée au pénible métier de travailler le marbre, et à le travailler avec succès.

Je prends donc sur moi, Madame, la hardiesse de vous faire cette prière, et j'en attends la réponse avec cette confiance qui voit tous les jours l'honnêteté et les talents encouragés par Votre générosité bienfaisante.

№ 98.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 29 Мая 1771 г.

Madame,

Je viens de recevoir une lettre de Diderot, qui me recommande l'inciuse auprès de Votre Majesté Impériale; je la supplie donc, après l'avoir lue, de vouloir bien me prescrire la réponse que je dois faire.

Diderot me fait aussi compliment de *l'Antidote* (66) contre les menteries de l'Abbé Chappe. Il me croyent à Paris, auteur de cet ouvrage, que je n'ai cependant pas encore vu, quoique je l'aie beaucoup cherché. Oserais-je au moins supplier Votre toute-puissante Majesté, de s'en faire donner un exemplaire, pour mon usage, afin que je puisse à mon tour connaître un livre, dont on me fait si gratuitement honneur.

Votre Majesté a sans doute reçu les deux volumes que Diderot me mande qu'il lui envoie. Il me marque qu'ils sont de M. Lecointe auteur de l'incluse. Il ajoute, *on ne produit rien d'un peu important, dont on ne*

своего пола посвятила себя тяжелому ремеслу обработывать мраморъ и обработывать съ успѣхомъ.

Пріемлю смѣлость высказать Вамъ эту просьбу и ожидаю отвѣта съ тѣмъ довѣріемъ, которое ежедневно видитъ доблесть и таланты поощряемые Вашими щедротами.

№ 98. Всемилостивѣйшая Государыня.

Сейчасъ получилъ я письмо отъ Дидерота со вложеніемъ прилагаемаго при семъ для доставленія Вашему Императорскому Величеству; умоляю Васъ по прочтеніи наставить меня о томъ, что отвѣчать.

Дидеротъ хвалитъ также антидотъ противъ лжи аббата Шаппа (66). Въ Парижѣ они думаютъ, что я авторъ этого сочиненія, еще мною невидѣннаго, не смотря на мои розыски. Смѣю ли по крайней мѣрѣ умолять Ваше всемогущее Величество вытребовать экземпляръ этой книги для моего употребленія, чтобы въ свою очередь познакомиться съ книгою, которую мнѣ понапрасну приписываютъ.

Ваше Величество, безъ сомнѣнія, получили тѣ два письма, объ отсылкѣ коихъ Вамъ Дидеротъ меня извѣщаетъ. Онъ говоритъ, что книги эти написаны г. Лекуентомъ, авторомъ включеннаго при семъ. Онъ прибавляетъ: «Ничего не производится сколько-нибудь значительнаго, что не хотѣлось бы поднести ей; она идолъ всѣхъ

soit tenté de lui faire hommage; elle est l'idole de tous ceux qui pensent. On nous déteste, mais on se tait en notre présence. On souffre de nos admirations et de nos éloges, mais on n'ose les contredire. Je jouis de la haine publique la mieux décidée, et savez-vous pourquoi? C'est parce que je vous envoie des tableaux. Malgré tous les cris et tous les criards, je vais toujours mon train, et le diable s'en mêlera ou incessamment je vous expédierai toute la galerie Thiers (67). La lettre de mon ami est du 20 Mars.

M. de B. qui me fait aussi l'honneur de me détester très-cordialement, et qui m'en donne des assurances dans plus d'une occasion, n'a pas cru qu'il fût convenable, au moins pour me tranquilliser, de me dire ce qu'il fait faire en bâtiments, autour et à la place de mon atelier et de mon logement. Il ne sait pas combien Votre Majesté a plus de grandeur et l'humanité; il ne sait pas qu'elle ma écrit de sa propre main, *mon avis est que personne en Russie n'inquiète M. F., que son atelier et son logement soient à lui, jusqu'à ce qu'il dise, je n'en veux plus.* Assurance sacrée avec laquelle, je dois travailler, vivre et dormir tranquille malgré tous les B. du monde. Les procédés de cet homme, et la faiblesse de sa mémoire à mon égard, sont trop indécents.

Mais Votre Majesté sera un peu plus surprise, quand je lui dirai qu'il déteste aussi de Villiers. Oui, de Villiers qu'il ne connaît pas. S'il ne le connaît pas, pourquoi donc le déteste-t-il? C'est que nous sommes connais-

---

мыслящихъ. Насъ ненавидятъ, но въ присутствіи нашемъ молчатъ. Наши похвалы, наши восторги непріятны, но ихъ не смѣютъ оспаривать. Я наслаждаюсь общественной ненавистью, самою несомнѣнною и знаете ли за что? За то, что посылаю вамъ картины. Не смотря на крики, на крикуновъ я иду своею дорогою и если не впутается въ дѣло самъ діаволъ, то вскорѣ вышлю вамъ всю галлерею Тьера» (67). Письмо моего пріятеля отъ 20-го марта.

Г. Б., который также дѣлаетъ мнѣ честь искренно меня ненавидѣть и который даетъ мнѣ въ томъ завѣренія весьма часто, не почелъ приличнымъ, покрайней мѣрѣ, чтобъ меня успокоить, сообщить мнѣ, что онъ дѣлаетъ съ постройками около и на самомъ мѣстѣ моей мастерской и квартиры. Онъ не знаетъ въ какой мѣрѣ Ваше Величество имѣете характеръ болѣе возвышенный и человѣколюбивый; онъ не знаетъ, что Вы собственноручно написали мнѣ: мое намѣреніе есть, чтобы никто въ Россіи не безпокоилъ г. Ф., чтобы его мастерская и квартира принадлежали ему, покуда онъ не скажетъ: онѣ мнѣ болѣе ненужны. Священное завѣреніе, съ которымъ я долженъ работать, жить и умереть спокойнымъ наперекоръ всевозможнымъ Б. Обращеніе этого человѣка и слабость его памяти въ отношеніи меня слишкомъ неприличны.

Чо Ваше Величество нѣсколько болѣе изумится, когда я скажу Вамъ, что онъ ѣтъ также г. Девилье, да г. Девилье, котораго онъ не знаетъ. Если онъ наетъ, то за что же онъ его ненавидитъ? Дѣло въ томъ, что мы знакомы,

sances, c'est qu'il a du vrai mérite, que ce mérite lui appartient, qu'il est généralement reconnu (et que Votre Majesté a de plus en plus des moyens de l'encourager); c'est que de Villiers, avant d'avoir la place que Votre Majesté lui a donnée, n'a pas voulu, sous la protection de Mons. Michel, accepter celle d'écrire dans l'antichambre, avec les laquais de S. E.

Entre les malheureux incendiés au Vasile-Ostroff, Sando, maître de la fabrique d'horlogerie, réduit à présent à demeurer dans un quartier désert et conséquemment peu sûr, s'est adressé à M. le G. B. pour lui demander s'il ne pourrait pas obtenir une place dans le bâtiment de l'Académie, et là y enseigner l'horlogerie à quelqu'uns des jeunes Russes qui apprennent des métiers. La réponse a été, *l'horlogerie est ici un talent inutile, dont on n'a pas plus besoin que de ceux qui l'enseignent, et qu'on doit faire plutôt venir des montres de chez l'étranger*. En vertu de la maxime, *il vaut mieux mettre dans son pot les choux de son jardin*, je ne sais si la réponse est juste. Sando me paraît fort raisonnable; il se soumet au malheur commun, et ne demande aucun dédommagement des pertes qu'il a faites; mais, vu le peu de sûreté de sa demeure actuelle et l'éloignement de tout où il se trouve à présent, car il demeure à la 22 ou 23 ligne, il demanderait s'il ne serait pas possible qu'il fût logé ailleurs; il m'a conté ses peines, il ne m'a chargé de rien et je n'en parle à Votre Majesté qu'en vertu de la maxime ci-dessus. Sando, après la souveraine, compte beaucoup et comme

---

что въ немъ есть истинное достоинство, что достоинство это ему принадлежитъ, что оно всѣми признано, что Ваше Величество имѣетъ болѣе и болѣе случай поощрить его; дѣло въ томъ, что Девилье прежде полученія мѣста пожалованнаго Вашимъ Величествомъ, не захотѣлъ подъ покровительствомъ г. Мишеля заняться переписываніемъ въ прихожей съ лакеями Е. П.

Изъ числа несчастныхъ погорѣльцевъ Васильевскаго Острова, Сандо, мастеръ на часовой фабрикѣ, поставленный въ необходимость жить въ кварталѣ отдаленномъ и слѣдовательно не безопасномъ, обратился къ г. Б. прося доставить ему мѣсто въ Академіи, чтобы тамъ преподавать мастерство часовщика, нѣсколькимъ молодымъ Русскимъ изучающимъ ремесла. Отвѣтъ былъ: дѣланіе часовъ здѣсь талантъ ненужный, въ которомъ столь же мало надобности, какъ и въ преподающихъ его; гораздо лучше выписывать часы изъ-за границы». Придерживаясь поговорки, «лучше во щи класть капусту съ своего огорода», я сомнѣваюсь въ правильности отвѣта. Сандо кажется мнѣ весьма благоразумнымъ; онъ подчиняется общему несчастію и не проситъ никакого вознагражденія за понесенные убытки; но въ виду небезопасности теперешняго его мѣстожительства, отдаленія отъ всего, въ которомъ онъ нынѣ находится, проживая въ 22 или 23 линіи, онъ просилъ бы помѣстить его если возможно въ иномъ мѣстѣ; онъ разсказалъ мнѣ свое горе, онъ не поручилъ мнѣ ничего и я говорю объ этомъ Вашему Величеству только въ силу вышеприведенной

il le doit, sur M. le Comte d'Orloff; Son Excellence est le supérieur et le protecteur de Sando. C'est une étrange manie que celle de déprimer perpétuellement ce que d'autres font, et de n'approuver que nos oeuvres. Si chacun faisait ainsi, et que cela réussisse, adieu les arts, les talents, les sciences et toutes les connaissances.

J'aurais envoyé la lettre de Diderot à Votre Majesté, si je n'eusse trouvé qu'il s'y est un peu trop livré à la chaleur de son imagination sur des affaires de la première importance, qui ne regardent ni lui ni moi, ou du moins sur lesquelles les particuliers doivent se taire.

№ 99.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 30 Мая 1771 г.

Monsieur Falconet, j'ai lu l'incluse de M-r le comte de Marcillac: je la juge adressée à M-r Diderot. Les Français sont de plaisantes gens; les uns veulent absolument me nuire et c'est le plus grand nombre; les autres veulent me servir, et de ceux-là il n'y en a pas beaucoup. Cet honnête protestant ne sachant point le Russe, ne saurait être employé dans les affaires pour le militaire et paraît agé; je ne connais point ses ouvrages ni ne puis décider de son mérite; s'il en avait beaucoup, l'acquisition en serait je crois faisable, mais s'il n'en avait pas ou qu'il était médiocre, il pourrait être chez lui tout aussi bien qu'ici et mieux encore, vu qu'il se

---

поговорки. Сандо послѣ Государыни много разсчитываетъ, какъ-то и долженъ, на графа Орлова, Его Сіятельство начальникъ и покровитель Сандо. Странная манія порочить постоянно то, что дѣлаютъ другіе, а одобрять лишь наши собственныя дѣла. Если бы всякій поступалъ такъ и это ему удавалось, то прощай искусства, таланты, науки и всякія свѣдѣнія.

Я послалъ бы письмо Дидерота Вашему Величеству если бы не находилъ, что онъ нѣсколько слишкомъ предался жару своего воображенія относительно дѣлъ первостепенной важности, не касающихся ни его, ни меня, или по крайней мѣрѣ, о которыхъ частнымъ людямъ слѣдуетъ молчать.

№ 99. Г. Фальконетъ. Я прочитала прилагаемое при семъ письмо графа Марсильяка, полагаю что оно адресовано г. Дидероту. Французы забавные люди, одни непремѣнно хотятъ мнѣ вредить и таково большинство, другіе хотятъ служить мнѣ и число послѣднихъ не велико. Этотъ честный протестантъ не зная по-Русски не можетъ быть употребленъ въ дѣлахъ, для военнаго ремесла онъ кажется слишкомъ старъ, труды его мнѣ неизвѣстны и потому я не могу судить о ихъ достоинствѣ, если бы оно было значительно то можно бы пріобрѣсти этого человѣка, но если бы достоинство это было незначительно, или не существовало вовсе, то онъ могъ бы оставаться дома и ему было бы даже тамъ лучше чѣмъ здѣсь, потому что онъ упо-

dit seigneur suzerain de biens fonds, tandis qu'en Russie il n'aurait pas un pouce de terre.

Je n'ai point le livre que vous me demandez: je vous l'ai dit et je n'en ai point trouvé à acheter; j'ai ordonné d'en faire venir de Hollande.

M-r B. a ordre de ma part et ordre très exprès de ne point inquiéter avec ses nouveaux bâtiments votre logement ni votre atelier, ni rien de ce qui est de la dépendance de votre ouvrage; ainsi vous aurez la bonté de m'expliquer s'il y a quelque survenance à mes ordres et qu'est ce qui vous inquiète. Alors j'y remédierai tout de suite. J'ai augmenté (et signé hier l'ordre) de 800 roubles les appointements de de Villiers qui n'a rien à démêler avec M-r B. Le C-te Orloff saura soutenir son horloger quoiqu'il ait été refusé à l'Académie avec humeur; l'on dit que quand on devient vieux l'on en prend; le ciel veuille nous en préserver et vous et moi sur nos vieux jours.

100.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 1 Іюня 1771 г.

Madame,

Puisque Votre Majesté Impériale me l'ordonne, il faut le lui dire.

Les ouvriers avaient ordre de jeter bas la grande forge, où je fais faire actuellement mon armature pour le bronze.

Ils avaient ordre de creuser des fondements, et par conséquent de

---

минаетъ о своихъ поземельныхъ владѣніяхъ, а въ Россіи у него не было бы ни пяди земли.

Просимой вами книги у меня нѣтъ, я вамъ сказала это, я не нашла ее въ продажѣ и приказала выписать ее изъ Голландіи.

Г. Б. имѣетъ отъ меня приказаніе и приказаніе весьма опредѣлительное не безпокоить своими новыми постройками ни вашу квартиру, ни вашу мастерскую, ни какое либо изъ зданій потребныхъ для вашего труда, слѣдовательно извольте мнѣ объяснить ежели какое-либо нарушеніе моего предписанія васъ безпокоитъ и въ чемъ именно? Тогда я пособлю дѣлу немедленно. Я увеличила (и подписала вчера приказаніе) 800 рублями жалованье Девилье, которому не о чемъ пререкаться съ Б. Графъ Орловъ съумѣетъ поддержать своего часовщика, хотя и получившаго въ Академіи рѣзкій отказъ. Говорятъ что въ старости дѣлаешься брюзгою, да предохранитъ насъ съ вами отъ этого небо.

№ 100. Всемилостивѣйшая Государыня.

Если Ваше Величество приказываете то я долженъ Вамъ все высказать.

Рабочимъ приказано было срыть кузницу гдѣ я теперь приготовляю арматуру для бронзы.

Имъ приказано было рыть фундаментъ и слѣдовательно вбивать сваи возлѣ са-

piloter jusqu'auprès de l'atelier: petit jeu qui n'allait à rien moins qu'à faire tout culbuter, vu l'ébranlement que le pilotage occasionne, et la mauvaise qualité du terrain de cet endroit: tout cela devait se faire sans que j'en sache un mot. Ce matin à 4 heures, j'ai fait cesser les gens qui abattaient le mur qui répond de la petite cour de mon logis. Voilà des alertes de toutes manières qui passent le badinage; et je ne connais pas d'animal assez doux pour n'en pas prendre un peu d'humeur et d'inquiétude, surtout quand il ignore que les ordres suprêmes sont absolument contraires. A présent que Votre Majesté a eu la bonté de me les faire savoir, je retrouve ma force et ma tranquillité que j'emploie à chasser une assez forte fièvre que m'ont causée toutes ces belles choses. Si on ôtait ce qui peut me garantir et m'assurer, je demanderais des gardes pour la nuit, et je tiendrais bon contre les hasards et le sort, autant que je pourrais: mais si on ébranlait l'édifice, je ne serais pas d'humeur à périr platement sous ses ruines, par la faute d'un surveillant sans intelligence et sans activité pour ma conservation.

A force d'en savoir trop, et d'avoir trop à dire, je dois m'arrêter, et m'en tenir à réclamer de plus en plus, Madame, Votre toute-puissante Protection; sans elle il me serait impossible de rester ici un instant, attendu que cet homme et son Michel etc. me suscitent des ennemis autant qu'ils peuvent; ce n'est ni une vision ni ma fièvre qui me le font dire. Mais avec

---

моей мастерской: забава долженствовавшая все перековеркать вслѣдствіе потрясенія производимаго вбиваніемъ свай и дурнымъ качествомъ грунта въ этомъ мѣстѣ: все это должно было произойти безъ моего вѣдома. Сегодня утромъ въ 4 часа, я заставилъ прекратить работу людей разрушавшихъ стѣну смежную съ дворикомъ моей квартиры. Вотъ тревоги выходящія изъ предѣловъ шутки, и я не знаю звѣря смирнаго въ такой степени, чтобы не встревожиться, не смутиться, особливо когда онъ знаетъ что Высочайшая воля рѣшительно противоположна. Теперь когда Ваше Величество оказали мнѣ милость сообщить эту волю, то я нахожу снова ту силу, то спокойствіе, которыя употребляю на то чтобы прогнать довольно сильную лихорадку причиненную мнѣ этими событіями. Если бы у меня отнято было то что меня защищаетъ, въ такомъ случаѣ я попросилъ бы стражу на ночь и защищался бы противъ случайностей и судьбы по мѣрѣ силъ; но если бы зданіе было потрясено, то я не намѣренъ глупо погибнуть подъ развалинами по винѣ присмотрщика безъ ума, безъ дѣятельности на дѣло моего сохраненія.

Узнавъ слишкомъ много и наговоривъ столько же я долженъ остановиться и ограничиться просьбою къ Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, не отказать мнѣ въ Вашемъ всемогущемъ покровительствѣ, безъ него мнѣ не возможно оставаться здѣсь ни мига, потому что человѣкъ этотъ и его Мишель возбуждаютъ противъ меня вражду на сколько могутъ; это заставляютъ меня сказать ни бредъ, ни моя лихорадка. Но съ продолженіемъ щедротъ Вашего Величества я проведу при ней дни свои, бывъ

les bontés continuées de Votre Majesté, je passerais mes jours auprès d'elle dans la plus parfaite sécurité: les sots et les méchants resteraient ce qu'ils sont, sans que je les puisse craindre.

M. de Villiers à qui j'ai dit l'augmentation de 800 roubles, me charge de présenter sa reconnaissance à Votre Majesté; je crois que le mieux est de joindre ici le billet qu'il m'en écrit.

Je me souviens très-bien, Madame, que vous avez daigné regarder quelques-unes de mes lettres à Diderot; je sais aussi que Votre Majesté me dit un fois, qu'elle n'exigeait pas de voir mes correspondances: aussi n'ai-je pas été trop désobéissant. Mais dans la lettre ci-jointe, peut-être y a-t-il une ou deux choses qui peuvent la faire excepter, ne serait-ce que ma réponse pour M. Lecointe, et quelques mots pour M. Cochin.

M. Alssoufieff a envoyé un domestique russe dire quelque chose à M-lle Collot qu'elle n'a pas compris; elle a été chez S. E. qu'elle n'a pas trouvée, elle y retournera. Il est cependant aisé de concevoir que c'était pour lui annoncer quelques effets des grâces de Votre Majesté, pendant son voyage à Paris; ainsi, sans attendre d'explication, le maître et son élève sont à Vos pieds, Madame, et Vous supplient d'agréer les sentiments de leur reconnaissance; elle est pure, elle est vive, elle ne dépend d'aucune formule et ne sera jamais équivoque.

Selon les lettres que M-lle Collot vient de recevoir de sa famille, elle

---

вполнѣ обезпеченъ: глупцы и негодяи остались бы тѣмъ же чѣмъ они суть, не внушая мнѣ страха.

Г. Дювилье, которому я передалъ о прибавкѣ 800 рублей поручаетъ мнѣ представить Вашему Величеству его благодарность, я думаю что всего лучше приложить здѣсь записку, которую онъ мнѣ пишетъ.

Я очень хорошо помню Государыня, что Вы соизволили взглянуть на нѣкоторыя изъ моихъ писемъ Дидероту; я знаю также что Ваше Величество сказали мнѣ однажды, что не требуете просмотра моей переписки; вслѣдствіе того я и не былъ слишкомъ непослушнымъ. Но въ прилагаемомъ у сего письмѣ, есть можетъ быть двѣ или три вещи долженствующія составить исключеніе, хотя бы то былъ лишь отвѣтъ мой г-ну Лекуенту или нѣсколько словъ Кошену.

Г. Олсуфьевъ прислалъ Русскаго служителя сказать что-то г-жѣ Колло, чего она не поняла; она была у Е. П., котораго не застала дома, она къ нему вернется. Легко предугадывать что дѣло шло объ объявленіи какихъ-либо милостей Вашего Величества, на время путешествія ея въ Парижъ; такимъ образомъ не ожидая объясненій учитель и ученица у ногъ Вашихъ, Государыня, и умоляютъ Васъ принять выраженія ихъ благодарности, она чиста, она жива, она не зависитъ ни отъ какихъ формулъ и всегда пребудетъ нелицемѣрною.

По письмамъ только что полученнымъ г-жею Колло отъ своего семейства, она

n'ira pas à Paris cette année, je voudrais qu'elle ne fût point obligée d'y aller l'autre.

№ 101.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 4 Іюня 1771 г.

Monsieur Falconet, j'ai répété encore avant-hier ou pour mieux dire le jour que M-r B. a été ici ces propres paroles: *je vous dis encore une fois: prenez bien garde que vos nouveaux bâtiments ne touchent ni n'inquiètent en rien Fal.* Si après cela vous avez eu encore des secousses et des alarmes, dites-le-moi et je ferai cesser tout-à-fait ce nouveau travail; cependant j'avoue, que la pointe de ce bâtiment à laquelle on devait travailler seulement me paraît selon le plan bien éloigné de votre atelier. Je vous renvoie les incluses. Adieu, j'espère que votre fièvre est passée; mais si elle ne l'est pas je vous conseille de faire connaissance avec mon médecin Anglais; c'est un brave et galant homme (68).

№ 102.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 7 Іюня 1771 г.

Monsieur Falconet, je vous envoie les deux lettres que M-r Lecointe m'a adressées et j'espère que sa modestie ne vous fera pas souvenir de celle de M-r l'Intendant de la Martinique qui s'en alla d'ici comme il y était venu, après m'avoir donné force conseils avant d'arriver; si vous souhaitez d'avoir les ouvrages militaires de M-r le capitaine réformé, je vous

---

не поѣдетъ въ Парижъ въ нынѣшнемъ году, желалъ бы я чтобъ она не была поставлена въ необходимость ѣхать туда и на будущій годъ.

№ 101. Господинъ Фальконетъ. Я еще разъ повторила третьяго дня или лучше сказать въ тотъ день когда г. Б. былъ здѣсь эти самыя слова: Еще разъ говорю вамъ берегитесь чтобы ваши новыя строенія не соприкасались не безпокоили ни въ чемъ Ф. Если послѣ этого вы будете имѣть еще сотрясенія и тревоги, то скажите это мнѣ и я совсѣмъ прекращу эту новую работу; хотя впрочемъ сознаюсь, что тотъ выступъ строенія, надъ которымъ исключительно должны были работать кажется мнѣ на основаніи плана, весьма отдаленнымъ отъ вашей мастерской. Посылаю вамъ обратно при семъ прилагаемое, прощайте, надѣюсь что ваша лихорадка прошла, если же нѣтъ, то совѣтую вамъ познакомиться съ моимъ англійскимъ врачемъ, онъ добрый, любезный человѣкъ (68).

№ 102. Господинъ Фальконетъ. Посылаю вамъ два письма присланныя мнѣ Лекуентомъ и надѣюсь что его скромность не заставитъ васъ вспомнить о скромности г. интенданта Мартиники, который убрался отсюда какъ и пріѣхалъ, надававши мнѣ тьму совѣтовъ прежде своего пріѣзда; если вы желаете имѣть военныя сочиненія

les fournirai. Ils me sont parvenus, mais j'ai fait voeu de ne jamais en lire de cette espèce, depuis que j'ai lu Montecuculli, dont je n'ai retenu que trois paroles; les voulez-vous savoir? il dit que pour faire la guerre, il ne faut que trois choses: de *l'argent*, de *l'argent*, de *l'argent*.

№ 103.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 10 Іюня 1771 г.

Madame,

J'allais hier rendre compte à Votre Majesté Impériale de ce qu'il m'a semblé de M. Lecointe et de ses lettres. J'allais aussi pour Vous parler, Madame, de ce qui me regarde particulièrement, c'est-à-dire, de ce qui est relatif à mon ouvrage et à M. B. Mais j'eus la maladresse de choisir précisément le jour qu'il ne fallait pas. Les temps convenables me sont inconnus, et je pourrais encore faire inutilement plusieurs voyages. Oserais-je supplier Votre Majesté de m'accorder la même permission, et de vouloir bien me dire quel matin, ou quelle après-midi je pourrais, sans l'incommoder, lui présenter mes très-respectueux hommages.

№ 104.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 11 Іюня 1771 г.

Monsieur Falconet, Mardi après-dîner à moins que le ciel n'en dispose autrement, ce dont je pourrai vous avertir, je serai à la maison: c'est-à-dire ici, à Czarsko-Celo. Cela est-il clair, Monsieur?

г. отставнаго капитана, то я вамъ ихъ доставлю, я ихъ получила, но я дала обѣтъ не читать подобныхъ сочиненій съ тѣхъ поръ какъ прочитала творенія Монтекукули, изъ которыхъ запомнила только три слова; хотите знать ихъ, онъ говоритъ что для веденія войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги.

№ 103. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я отправился было вчера представить отчетъ Вашему Императорскому Величеству, о томъ каковъ на мои глаза г. Лекуентъ съ своими письмами. Я хотѣлъ также говорить въ частности о себѣ т. е. о своей работѣ и о г. Б. Но я имѣлъ неловкость выбрать такой именно день, котораго не слѣдовало. Удобныя времена мнѣ неизвѣстны и я могъ бы еще сдѣлать нѣсколько лишнихъ путешествій. Осмѣливаюсь умолять Ваше Величество дать мнѣ позволеніе пріѣхать, назначивъ мнѣ то утреннее или послѣобѣденное время, въ которое я могъ бы представить Вамъ выраженіе своей почтительнѣйшей преданности.

№ 104. Господинъ Фальконетъ. Во вторникъ послѣ обѣда, если небо не расположитъ иначе, о чемъ я предварю Васъ, я буду дома, т. е. въ Царскомъ Селѣ. Ясно ли это Милостивый Государь?

n'ira pas à Paris cette année, je voudrais qu'elle ne fût point obligée d'y aller l'autre.

№ 101.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 4 Iюня 1771 г.

Monsieur Falconet, j'ai répété encore avant-hier ou pour mieux dir le jour que M-r B. a été ici ces propres paroles: *je vous dis encore u fois: prenez bien garde que vos nouveaux bâtiments ne touchent ni n'inquiè en rien Fal.* Si après cela vous avez eu encore des secousses et des alarn dites-le-moi et je ferai cesser tout-à-fait ce nouveau travail; cepen j'avoue, que la pointe de ce bâtiment à laquelle on devait travailler s ment me paraît selon le plan bien éloigné de votre atelier. Je vous r les incluses. Adieu, j'espère que votre fièvre est passée; mais si l'est pas je vous conseille de faire connaissance avec mon médecin A c'est un brave et galant homme (68).

№ 102.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 7 Iюня 1771

Monsieur Falconet, je vous envoie les deux lettres que M- m'a adressées et j'espère que sa modestie ne vous fera pas celle de M-r l'Intendant de la Martinique qui s'en alla d'ici était venu, après m'avoir donné force conseils avant d'arriver haitez d'avoir les ouvrages militaires de M-r le capitaine réf

---

не поѣдетъ въ Парижъ въ нынѣшнемъ году, желалъ бы я чтобъ он лена въ необходимость ѣхать туда и на будущiй годъ.

№ 101. Господинъ Фальконетъ. Я еще разъ повторила лучше сказать въ тотъ день когда г. Б. былъ здѣсь эти самыя ворю вамъ берегитесь чтобы ваши новыя строенiя не соприка ни въ чемъ Ф. Если послѣ этого вы будете имѣть еще сотр скажите это мнѣ и я совсѣмъ прекращу эту новую работу; хо что тотъ выступъ строенiя, надъ которымъ исключительно кажется мнѣ на основанiи плана, весьма отдаленнымъ отъ сылаю вамъ обратно при семъ прилагаемое, прощайте, надѣ прошла, если же нѣтъ, то совѣтую вамъ познакомиться съ чемъ, он ый, любезный человѣкъ (68).

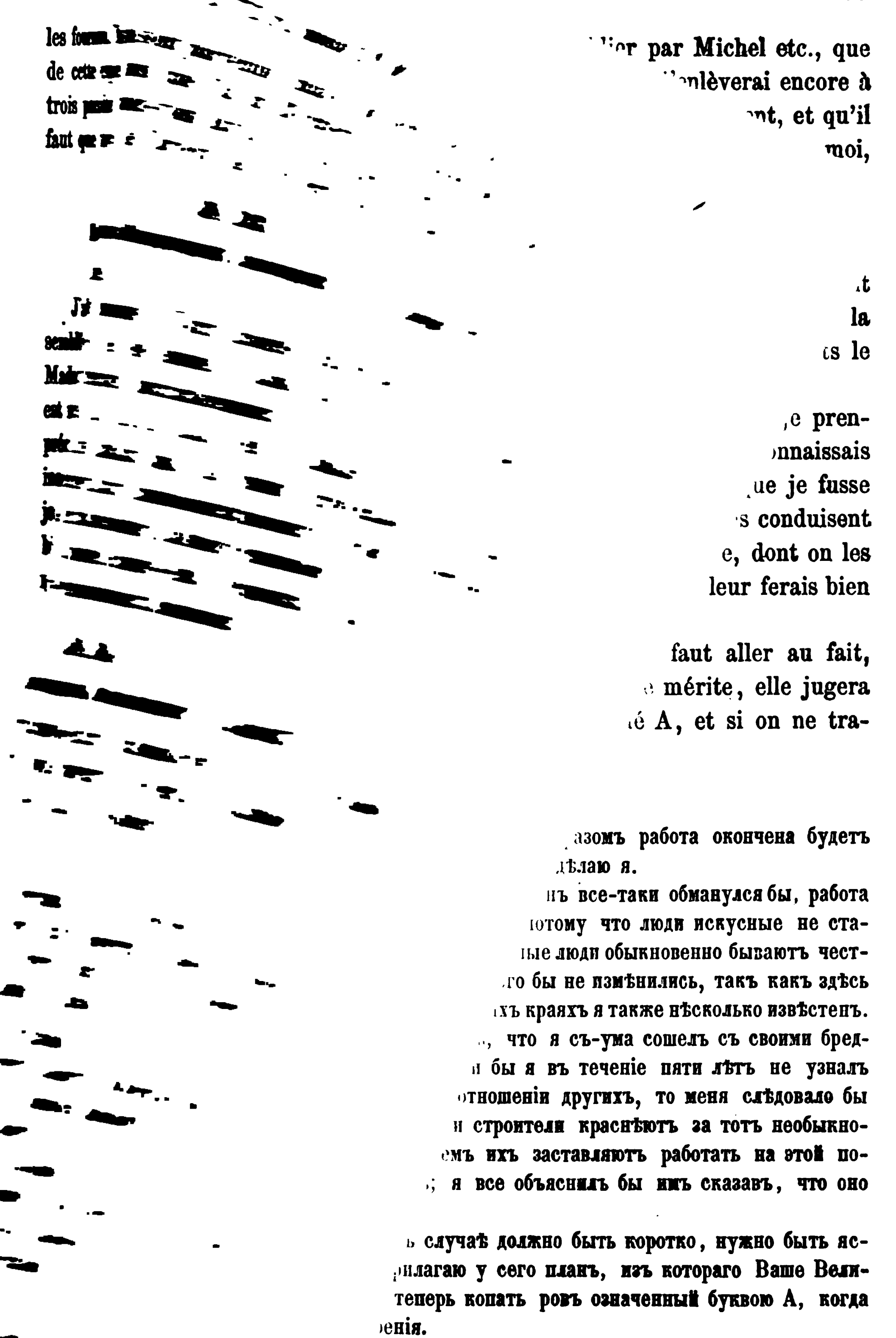
№ один̆ъ Фальконетъ. Посылаю вамъ два Лекуент юсь что его скромность не заставитъ ва г. интен тиники, который убрался акъ тьму сов жде своего прiѣ ает

ваторск ано было бы ь этимъ пр немного славы; необходимы бали

я съ умя и тѣмъ приу

нъ несколько ни чему к который мнѣ надоѣлъ, Ф., предо мною просьбами, потому ланiе на пользу честныхъ и до не переставали меня просить, сло что такъ какъ его модель готова, то ть работу кому-нибудь другому; я въ трудѣ Ф. я сдѣлалъ перемѣны, усо стольких другихъ, славу которой такъ

les fo… …r par Michel etc., que
de cette … …nlèverai encore à
trois … …nt, et qu'il
faut que … moi,

…t
la
…s le

…e pren-
…nnaissais
…ue je fusse
…s conduisent
…e, dont on les
…leur ferais bien

faut aller au fait,
… mérite, elle jugera
…é A, et si on ne tra-

…азомъ работа окончена будетъ
…дѣлаю я.
…нъ все-таки обманулся бы, работа
…потому что люди искусные не ста-
…ные люди обыкновенно бываютъ чест-
…го бы не измѣнились, такъ какъ здѣсь
…хъ краяхъ я также нѣсколько извѣстенъ.
…, что я съ-ума сошелъ съ своими бред-
…и бы я въ теченіе пяти лѣтъ не узналъ
…отношеніи другихъ, то меня слѣдовало бы
…и строители краснѣютъ за тотъ необыкно-
…емъ ихъ заставляютъ работать на этой по-
…; я все объяснилъ бы имъ сказавъ, что оно

…ь случаѣ должно быть коротко, нужно быть яс-
…рилагаю у сего планъ, изъ котораго Ваше Вели-
теперь копать ровъ означенный буквою А, когда
…енія.

№ 105.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 16 Іюня 1771 г.

Madame,

Vous la voulez, cette vérité si belle, si précieuse; Votre Majesté Impériale m'ordonne de la lui dire *tout rondement*. Il ne me serait pas possible de la taire, attendu qu'il y va de la sûreté de mon ouvrage. Je ne ferai que ce préambule, il est nécessaire; *tout ce que je vais dire est vrai, peut-être un peu fort; mais quand le manège et le déguisement sont au comble, il faut plus d'efforts pour ôter le masque.*

M. B., pour couronner son oeuvre, a conçu qu'il fallait me mettre au point de perdre la tramontane, et par là me forcer à demander aussi mon congé: qu'il connaît bien son monde!

Il aurait pu conduire, c'est-à-dire faire conduire ce bâtiment de manière à ne rien déranger de ce qui regarde la statue; mais ce n'est plus son objet, le voici: F. qui m'est importun, F. qui n'est point ma créature, F. qui ne veut pas de mes almanachs, qui ne s'abaisse jamais à me rien demander, car quoique j'accorde peu, et que j'emploie rarement mon crédit pour les honnêtes gens et de vrai mérite, je veux qu'on ne se lasse pas de me demander; en un mot, F. aura peur, voudra partir; je dirai que son modèle étant fait, on peut se passer de lui, je ferai continuer l'ouvrage

---

№ 105. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вы желаете истину столь прекрасную, столь драгоцѣнную; Ваше Императорское Величество приказываете мнѣ высказать ее на прямикъ. Мнѣ невозможно было бы умолчать ее, такъ какъ дѣло идетъ о цѣлости моего труда. Ограничусь этимъ предисловіемъ, оно нужно. Все что я скажу справедливо, быть можетъ немного сильно; но когда происки и лицемѣріе достигли крайнихъ предѣловъ, то необходимы большія усилія, чтобы сорвать маску.

Г. Б., чтобы довершить свое дѣло, задумалъ свести меня съ ума и тѣмъ принудить меня просить отставки: какъ онъ хорошо знаетъ людей!

Онъ могъ бы повести постройку такъ, чтобы не мѣшать нисколько ни чему касающемуся статуи; но не такова цѣль его, вотъ она. Ф., который мнѣ надоѣлъ, Ф., который не моя креатура, Ф., который не унижается предо мною просьбами, потому что хотя я даю не много и рѣдко употребляю свое вліяніе на пользу честныхъ и достойныхъ людей, тѣмъ не менѣе я хочу, чтобы не переставали меня просить, словомъ Ф. струситъ, захочетъ уѣхать; я скажу, что такъ какъ его модель готова, то можно обойтись и безъ него, я поручу продолжать работу кому-нибудь другому; я напечатаю и заставлю Мишеля печатать, что въ трудѣ Ф. я сдѣлалъ перемѣны, усовершенствованія, отниму и у этого, какъ у столькихъ другихъ, славу которой такъ

par quelqu'autre; je publierai alors, et ferai publier par Michel etc., que j'y ai fait faire des changements, des améliorations, et j'enlèverai encore à celui-là, comme à tant d'autres, la gloire que je veux si fortement, et qu'il ne me laisserait pas obtenir à ses dépens: ainsi l'ouvrage sera fini par moi, parce que je veux avoir l'air de tout faire.

Si pourtant M. B. parvenait à ce but, il se tromperait encore, l'ouvrage fini par d'autres pourrait ne pas y gagner, parce que d'habiles gens n'achèveraient pas l'ouvrage d'un homme vivant; les habiles gens sont assez ordinairement honnêtes. D'ailleurs, la réputation de M. B. et la mienne ne changeraient pas pour cela, attendu qu'ici grands et petits le connaissent, et qu'ailleurs je suis un peu connu.

Si Votre Majesté me disait que je suis fou avec mes visions, je prendrais la liberté de lui répondre, que si depuis cinq ans, je ne connaissais pas mon homme et ses procédés envers d'autres, il faudrait que je fusse imbécile à mettre aux incurables. Les ouvriers et ceux qui les conduisent rougissent eux-mêmes de la manière extraordinaire et bizarre, dont on les fait travailler à cette bâtisse, ils ne la conçoivent pas; je la leur ferais bien concevoir si je leur disais que c'est en ma faveur.

Comme ici la belle morale doit être courte, qu'il faut aller au fait, être clair, je joins un plan où Votre Majesté verra le mérite, elle jugera s'il est raisonnable de faire à présent le fossé marqué A, et si on ne travaille qu'au bout du bâtiment.

добиваюсь и которую онъ мнѣ уступитъ; такимъ образомъ работа окончена будетъ мною, потому что я хочу, чтобы казалось, что все дѣлаю я.

Если бы однако г. Б. достигъ этой цѣли, то онъ все-таки обманулся бы, работа оконченная другимъ отъ этого бы не выиграла, потому что люди искусные не станутъ оканчивать работу живаго человѣка, искусные люди обыкновенно бываютъ честны. Къ тому же репутація г. Б. и моя отъ этого бы не измѣнились, такъ какъ здѣсь его знаютъ всѣ отъ мала до велика, а въ другихъ краяхъ я также нѣсколько извѣстенъ.

Если бы Ваше Величество сказали мнѣ, что я съ-ума сошелъ съ своими бреднями, то я осмѣлился бы отвѣчать, что если бы я въ теченіе пяти лѣтъ не узналъ этого человѣка и его образа дѣйствій въ отношеніи другихъ, то меня слѣдовало бы посадить въ сумасшедшій домъ. Рабочіе и строители краснѣютъ за тотъ необыкновенный, сумасбродный порядокъ, въ коемъ ихъ заставляютъ работать на этой постройкѣ, они ничего не могутъ понять; я все объяснилъ бы имъ сказавъ, что оно дѣлается въ мою честь.

Такъ какъ нравоученіе въ этомъ случаѣ должно быть коротко, нужно быть яснымъ, прямо идти къ дѣлу, то я прилагаю у сего планъ, изъ котораго Ваше Величество усмотрите основательно ли теперь копать ровъ означенный буквою А, когда работаютъ на другомъ концѣ строенія.

Je rédigerai le plus clairement et le plus exactement possible ce qui regarde M. Lascary, et dans quelques jours, je serai en état d'en informer Votre Majesté, que je supplie de me laisser toujours la permission de lui dire la vérité, permission sans laquelle nous autres petits ne parlerions aux souverains que comme à des souverains, et alors ni eux ni nous n'y gagnerions pas. Mais quand une fois, ils disent aux âmes vraiment honnêtes, et qu'ils leur disent de bonne foi, *parlez-moi tout rondement*, ils voient comme Dieu le fond des coeurs. Votre Majesté voit jusqu'à quel point j'ai de la confiance en elle.

№ 106.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 19 Іюня 1771 г.

Madame,

Me serais-je mal exprimé quand j'ai marqué qu'il ne fallait travailler le long de l'atelier et du logement qu'à la distance de 10 toises? Je supplie Votre Majesté Impériale de me pardonner ce manque d'exactitude (s'il y en a), qui l'occupe trop longtemps.

Il n'y a point de pilotis à la place, que Votre Majesté a marquée d'une †. J'ai dit seulement qu'on avait acheté environ 3000 pilots. Mais à cette place marquée d'une †, il y a un fossé qui commence à environ 5 à 6 toises du logement, et qui est continué en biais, le long de l'atelier; ce qu'on pouvait ne pas faire à présent, *puisque très-assurément ce n'est pas là qu'on*

Я изложу какъ можно яснѣе и обстоятельнѣе касающееся г. Ласкари и чрезъ нѣсколько дней буду въ состояніи довести объ этомъ до свѣдѣнія Вашего Величества. Умоляю Васъ сохранить мнѣ навсегда позволеніе говорить Вамъ истину, позволеніе безъ котораго нашъ братъ мелкій человѣкъ не говорилъ бы съ государями, иначе какъ съ государями и тогда ни мы, ни они не были бы въ барышахъ. Но когда единожды они скажутъ истинно честнымъ душамъ и скажутъ искренно: говорите на прямикъ, то они какъ Самъ Богъ видятъ глубину сердца. Ваше Величество видитъ какое я къ ней имѣю довѣріе.

№ 106. Всемилостивѣйшая Государыня,

Быть можетъ я дурно выразился сказавъ, что не слѣдуетъ работать ближе какъ на десяти-саженномъ разстояніи отъ мастерской и квартиры г. Умоляю Ваше Величество простить эту неточность (если она существуетъ) уже слишкомъ долго Васъ занимающую.

На мѣстѣ отмѣченномъ Вами † нѣтъ свай. Я сказалъ только, что закуплено около 3,000 свай. Но на мѣстѣ означенномъ †, ровъ начинающійся приблизительно въ 5 или 6 саженяхъ отъ квартиры и продолжающійся вкось вдоль мастерской; чего можно было не дѣлать теперь, потому что безъ сомнѣнія не отсюда начнется по-

commencera à bâtir. Puisque Votre Majésté veut bien ordonner qu'on ne passe pas la ligne de démarcation convenable qui sera au moins à 10 toises de distance, de chaque côté, de l'atelier et du logement, je la supplie de donner ses ordres promptement, parcequ'on avance toujours le fossé qui est du côté de la maison Matouchkin, jusqu'au bord de mon logement; il n'en est plus qu'à 7 toises de distance, et les ouvriers enlèvent actuellement les terres au bas du mur de l'atelier pour se disposer à y creuser un fossé: ce qui serait l'opération la plus dangereuse qu'on puisse imaginer contre la sûreté de mon ouvrage, si malheureusement elle se continuait.

№ 107.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 23 Іюня 1771 г.

Madame,

Je commence par rendre grâce à Votre Majestè Impériale, de la promptitude de ses ordres pour garantir l'ouvrage et l'ouvrier. Il était temps: déjà on se préparait à creuser un nouveau fossé tout au bas de l'atelier, opération qui eût suffit, ne dût-on pas y piloter, pour renverser l'édifice. Une pluie eût miné et fait ébouler les terres, comme il vient d'arriver aux fossés déjà faits: mais la main toute-puissante nous a préservés.

Je vais répondre exactement à cette question de Votre Majesté. *Si vous savez pourquoi Lascary, demande son congé, dites-le moi, et je tâcherai d'y remédier*. Je ne me livrerai à aucune conjecture parce qu'à 55 ans, si on

---

стройка. Такъ какъ Вашему Величеству угодно приказать, чтобы работы не переходили за разграничительную черту, проведенную въ 10-ти саженяхъ съ каждой стороны мастерской и квартиры, то умоляю Васъ ускорить повелѣніемъ Вашимъ, потому что ровъ со стороны Матюшкинскаго дома уже всего въ 7-ми саженяхъ отъ меня, и въ настоящее время рабочіе копаютъ землю возлѣ самой стѣны мастерской, чтобы копать ровъ, что̀ было бы наиопаснѣйшимъ для цѣлости моего труда предпріятіемъ, если оно будетъ продолжено.

№ 107. Всемилостивѣйшая Государыня,

Начинаю съ того, что приношу благодарность Вашему Императорскому Величеству, за ту быстроту, съ которою послѣдовали приказанія защищавшія и работу и работника. Тому была крайняя пора; уже приготовлялись копать новый ровъ у самой мастерской, операціи этой было достаточно и безъ вбиванія свай, для того чтобы опрокинуть строеніе. Дождемъ размыло бы землю по краямъ рва, какъ это уже и случалось, но Всемогущая десница спасла насъ.

Буду отвѣчать обстоятельно на этотъ вопросъ Вашего Величества: «Если Вы знаете почему Ласкари проситъ отставки, то скажите и я постараюсь пособить дѣлу». Я не вдался ни въ какія гадательныя предположенія, потому что если въ пятьдесятъ

ans, on ne s'y livre guère, qu'on risque trop en se fiant à sa seule pénétration, et que d'ailleurs les faits dont il s'agit me sont connus. Mais aussi, je fais fond sur tous les mots de Votre Majesté. Heureux les souverains qui comme Vous, Madame, se sont rendus assez respectables pour mériter d'être crus sur leur parole.

M. Lascary a seul imaginé les moyens, et composé la machine pour transporter la roche qui doit servir de base à la statue: il en a conduit l'entreprise sans que personne y ait eu part que lui. Si je supprime ici les preuves de cette vérité, c'est qu'elles seraient trop longues dans une lettre, qu'il serait difficile de les donner toutes sans couvrir quelqu'un du blâme le plus humiliant, et que Votre Majesté sait que je suis vrai.

Disons donc simplement que sous le règne de Catherine, l'homme qui a fait la chose, dans son espèce, la plus étonnante du monde, n'en a point été récompensé; qu'il a été soigneusement caché derrière un autre, que cet autre a employé toute son adresse à le faire passer pour son manoeuvre; cela se conçoit, j'en conviens: mais ce qu'on aura un peu plus de peine à comprendre, c'est qu'on ait continuellement suscité de nouvelles tracasseries à celui, à qui on a tant d'obligations, et tant d'autres encore. Si j'eusse fait la première faute, je l'aurais couverte avec l'argent de ma poche: mais toutes les âmes ne sont pas jetées au même moule.

Sous tout autre directeur, Lascary eût trouvé une récompense propor-

---

пять лѣтъ и дѣлаешь предположенія, то не поддаешься имъ, потому что дѣло рискование полагаться на одну свою проницательность и наконецъ, потому что факты, о которыхъ идетъ рѣчь мнѣ извѣстны. Но за то я вполнѣ полагаюсь на слово Вашего Величества. Счастливы тѣ государи, которые подобно Вамъ Государыня заслужили уваженіе внушающее полное довѣріе къ ихъ слову.

Г. Ласкари одинъ изобрѣлъ средства и сочинилъ машину для перенесенія скалы долженствующей служить подножіемъ статуи, онъ велъ все дѣло безъ малѣйшаго съ чьей-либо стороны участія. Если и опускаю здѣсь доказательства этой истины, то потому только, что они были бы слишкомъ длинны для письма, потому что трудно было бы ихъ изложить всѣ, не покрывъ самою унизительною хулою кой-кого, наконецъ, потому что Вашему Величеству извѣстно, что я правдивъ.

Скажемъ просто, что въ царствованіе Екатерины, человѣкъ сотворившій самое поразительное въ своемъ родѣ дѣло, не былъ за то вознагражденъ, что онъ былъ тщательно спрятанъ за другимъ, что этотъ другой употребилъ всю свою ловкость, чтобы выдать его за простаго работника; оно понятно, я съ этимъ согласенъ, но что ...енѣе понятно, что постоянно были возбуждаемы новыя дрязги противъ того за кѣмъ сомнѣнныя заслуги. Если бы я сдѣлалъ первую ошибку, то загладилъ бы ее деньгами изъ своего собственнаго кармана; но не всѣ души отлиты въ одну форму.

При всякомъ другомъ начальникѣ, Ласкари нашелъ бы награду соразмѣренную

tionnée à une entreprise aussi rare, aussi difficile à exécuter, et aussi heureusement achevée. l'Europe l'a chantée comme elle le merite (ici je ne dis pas tout); l'histoire ne l'oubliera pas, quand elle parlera de ce que la mécanique exécuta de plus grand sous le règne de Catherine Seconde; mais la postérité ne croirait jamais, si on le lui disait, que pour fin de compte, on ait réduit l'auteur au désespoir.

Voilà, Madame, la principale raison, qui l'a obligé à demander son congé: je crois que celle-là peut bien dispenser de dire les autres, et qu'un homme qui se voit haï et continuellement persécuté à cause du bien qu'il fait, ne peut pas vivre avec un semblable Mécène.

Mais M. B. dira, *je lui ai fait avoir une place au corps des cadets*. C'est à peu près comme si on disait, un peintre a fait le plus beau tableau du monde, on lui en enlève l'honneur, on lui en refuse le paiement, on le charge d'en faire un autre pour le récompenser du premier, et par cet arrangement, on croit avoir acquitté sa conscience.

Votre Majesté sait que Lascary a demandé son congé; mais elle n'a peut-être pas vu la lettre dans laquelle est contenue cette demande. J'en joins ici une copie où je n'ai changé que quelques mots sans déranger le sens; parce que M. Lascary n'écrit pas correctement le français qui n'est pas sa langue. Je lui en eus demandé aussi une autre écrite avant à la même personne, attendu qu'elle contient la preuve, qu'on le chagrine depuis long-

---

предпріятію столь исключительному, столь трудно исполнимому, столь счастливо исполненному. Европа воспѣла это предпріятіе, какъ оно того заслуживало (здѣсь я высказываю не все), исторія его не забудетъ, говоря о замѣчательнѣйшихъ успѣхахъ по части механики, въ царствованіе Екатерины Второй; но потомство не повѣрило бы если бы ему сказали, что въ концѣ концовъ главный дѣятель былъ доведенъ до отчаянія.

Вотъ Всемилостивѣйшая Государыня главная причина, заставившая его просить отставки; я полагаю, что эта одна исключаетъ необходимость упоминать о другихъ; человѣкъ сознающій, что его ненавидятъ и постоянно преслѣдуютъ за дѣлаемое имъ добро, не можетъ уживаться съ подобнымъ Меценатомъ.

Но г. Б. скажетъ: *я ему доставилъ мѣсто въ кадетскомъ корпусѣ*. Это въ родѣ того какъ если сказать; живописецъ написалъ чудесную картину, у него отнимаютъ честь этого произведенія, ему отказываютъ въ платежѣ, ему заказываютъ вторую какъ возмездіе за первую, и этимъ распоряженіемъ считаютъ совѣсть свою успокоенную.

Вашему Величеству извѣстно, что Ласкари просилъ отставки; но быть можетъ Вы не видали письма содержавшаго эту просьбу. Прилагаю здѣсь копію съ него, въ которой перемѣнилъ лишь нѣсколько словъ, не измѣняя смысла, потому что г. Ласкари неправильно пишетъ на чуждомъ ему французскомъ языкѣ. Я попросилъ у него еще другое письмо написанное къ тому лицу и содержащее доказательство того, что

temps. Ces deux lettres peuvent jeter une grande lumière sur le caractère et la conduite respective de celui qui les a écrites et de celui qui les a reçues. Les réponses eussent été bonnes à voir, mais on n'en a point fait. Les sourds du proverbe sont de terribles gens. Voilà encore un homme qui embarrasse passablement M. B. lequel voudrait aussi à présent qu'il croit en avoir moins besoin, le voir bien loin, mais il ne sait comment s'y prendre. (S'il lui fait avoir une récompense proportionnée à ce qu'il a fait, le masque tombera; s'il ne la lui fait pas avoir, il tombera encore: il faut convenir que l'alternative est assez embarassante pour M. B.) Dieu veuille que ce soit ici la dernière fois que je parle de M. B.

№ 108.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 9 Августа 1771 г.

Madame,

J'allais hier demander à Votre Majesté Impériale la permission de poser sur sa table le petit ouvrage, que je prends la liberté de lui envoyer ce matin.

Je n'y mets pas assez d'importance pour supplier de Votre Majesté de le lire, et je suis loin de croire que d'aussi petites choses doivent prendre la moindre partie du temps précieux, que Votre Majesté donne aux plus grandes. Mais si elle daigne jeter cet écrit dans quelque coin de son cabinet, elle pourra juger, s'il en est besoin, de l'approbation ou de la censure qu'on en pourrait faire, si jamais on lui en parlait; puisqu'il est

---

его давно уже обижаютъ. Эти два письма могутъ бросить много свѣта на характеръ и поведеніе, какъ писавшаго, такъ и получавшаго ихъ. Отвѣты были бы интересны, но ихъ не послѣдовало. Глухіе, о которыхъ говоритъ пословица ужасные люди. Вотъ еще человѣкъ надоѣдающій г. Б., который, думая, что онъ ему менѣе нуженъ, спроводить его куда-нибудь, но онъ не знаетъ какъ это сдѣлать. Если онъ ему дастъ награду соразмѣрную заслугамъ, то маска свалится; если онъ этого не сдѣлаетъ: маска все-таки свалится. Признаться затруднительное для г. Б. положеніе. Дай мнѣ Богъ въ послѣдній разъ говорить о г. Б.

№ 108. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я являлся вчера къ Вашему Величеству съ просьбою дозволить мнѣ положить на Вашъ столъ книгу, которую осмѣливаюсь послать сегодня.

Я не придаю ей достаточной важности, чтобы умолять Ваше Величество прочитать ее; я далекъ отъ мысли, чтобы столь малыя дѣла отнимали малѣйшую частицу столь драгоцѣннаго для великихъ дѣлъ времени Вашего Величества. Но если Вамъ угодно бросить эту книжку въ какой-нибудь уголъ своего кабинета, то при случаѣ

vrai qu'en interprétant les hommes, on leur fait dire ce qu'ils n'ont point pensé.

№ 109.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 20 Августа 1771 г.

Madame,

Un peintre actuellement à Amsterdam a envoyé ici un portrait, et dans la même caisse, il m'adresse une tête de femme de sa façon, pour que je la fasse voir à Votre Majesté Impériale. Son objet est de rendre hommage à une souveraine qui protège et encourage tous les talents, et de s'honorer d'un suffrage aussi sûr qu'il est illustre. Ce sentiment est au moins bien honnête et bien légitime. En conséquence, oserais-je Vous demander, Madame, la permission d'aller présenter cette tête à Votre Majesté, afin de pouvoir répondre à celui, qui l'a faite et qui m'en a chargé, quelque chose de satisfaisant, si son ouvrage le mérite.

№ 110.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 25 Августа 1771 г.

Madame,

J'ai vu les tableaux, et je les ai vus avec le plus grand plaisir. Je vais dire à Votre Majesté Impériale ce que je pense de ceux qui m'ont paru les plus beaux; je dirai aussi quelque chose de ceux du second ordre et je ne parlerai pas des autres (69).

Вамъ можно будетъ судить о могущихъ дойти до Васъ отзывахъ; вѣдь разъясняя чужія мысли, нерѣдко приписываютъ другимъ, то чего они не думали.

№ 109. Всемилостивѣйшая Государыня,

Живописецъ проживающій нынѣ въ Амстердамѣ прислалъ сюда портретъ и въ томъ же ящикѣ присылаетъ мнѣ женскую голову своей работы, чтобы показать ее Вашему Императорскому Величеству. Цѣль его принести дань почитанія Монархинѣ, покровительствующей талантамъ, и заслужить одобреніе столь же безошибочное, сколько славное. Чувство это и не предосудительно и законно. Согласно съ этимъ, смѣю ли просить у Васъ позволенія представить эту голову Вашему Величеству для того, чтобы имѣть возможность отвѣчать удовлетворительно этому живописцу, если работа его того заслуживаетъ.

№ 110. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я видѣлъ картины и осмотрѣлъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Спѣшу высказать Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе о тѣхъ изъ нихъ, которыя показались мнѣ наилучшими; скажу также нѣсколько словъ о второстепенныхъ, объ остальныхъ же умолчу (69).

№ 50. Le Van-Dyk. Le plus grand art, le faire le plus vrai, le plus étonnant, voilà ce tableau. Je pourrais le louer en détail, mais je craindrais que cela ne le fît trop ressembler à d'autres auxquels il est bien supérieur.

№ 51. Une Vierge du Guide. Elle est seulement dans sa manière, mais un peu froide et commune, les mains sont grosses, l'ajustement de tête sans convenance au sujet, et chiffonné mal à propos: ce tableau est monotone et point harmonieux.

№ 52. Un Ange du même. Il est d'un dessin pur et digne de la plus belle sculpture Grecque. Son expression est d'une sagesse et d'une candeur céleste. Quoique gris, ce tableau est précieux, il ne lui manque que la magie de la couleur, ou d'être de la sculpture. S'il eût été trouvé dans quelque ruine d'Athènes, et qu'il fût signé ΑΠΕΛΛΕΣ, il faudrait voir comment les connaisseurs amateurs de la peinture antique l'exalteraient, et ils auraient raison: mais je ne crois pas qu'on eût trouvé le Van-Dyk dans les ruines d'Athènes.

№ 48. Copie de la Io du Corrège. Elle est délicieuse et plus agréable que l'original qui est un peu noir, et restauré depuis que cette copie est faite: la tête surtout est d'une grande suavité. Cette copie tient beaucoup de la manière agréable de Lemoine qui l'a faite.

№ 49. La baigneuse de Lemoine. Elle a les tons de la chair fins et

---

№ 50. Картина Ванъ-Дейка. Это верхъ совершенства по художественности и изумительной правдивости отдѣлки. Я могъ бы расхвалить ее въ частностяхъ, но боюсь, чтобъ это не уподобило ее остальнымъ картинамъ, которыя она значительно превосходитъ.

№ 51. Богородица, Гвидо. Хотя и можно узнать его манеру, но картина нѣсколько холодна и проста, руки толсты, уборъ головы не соотвѣтствуетъ сюжету и некстати измятъ: вообще картина однообразна и не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія.

№ 52. Ангелъ, его-же. Рисунокъ по правильности стоитъ лучшихъ произведеній греческой скульптуры. Въ лицѣ выражается небесная мудрость и непорочность. Не смотря на нѣкоторую сѣроватость это драгоцѣнная картина, которой недостаетъ развѣ только чарующей силы колорита или скульптурныхъ формъ. Если бы она была найдена въ какой-нибудь афинской развалинѣ и подписана ΑΠΕΛΛΕΣ, то стоило бы посмотрѣть какъ любители и знатоки древней живописи превознесли бы ее, и они были бы правы; но не думаю, чтобы можно было найти картину Ванъ-Дейка среди афинскихъ развалинъ.

№ 48. Копія съ Іо Корреджіо. Она прелестна и даже лучше оригинала, который нѣсколько черенъ и подновленъ съ тѣхъ поръ какъ эта копія снята; голова въ особенности хороша. Копія эта многимъ напоминаетъ пріятную кисть Лемуана, который писалъ ее.

№ 49. Купальщица, Лемуана. Колоритъ правдивъ, не будучи ни бѣлымъ, ни

harmonieux; la couleur est vraie, sans être blanche ou rouge, elle est d'un beau doré: ce n'est ni du plâtre ni de la brique, c'est ce ton rare, ce ton précieux qu'un peintre ne connaît bien, qu'après avoir étudié les effets divers de la lumière, et les différents instants du jour. Le caractère du dessin en général, n'est pas de la plus grande manière; mais c'est cependant un tableau précieux.

№ 27. Berghem. Un berger avec des moutons etc. de toute beauté.

№ 4. Grand Berghem. D'un très-bon effet, d'une composition peu commune, et en général, très-fin et de bonne couleur.

№ 47. Claude Lorrain. Paysage fin, d'une composition sage, et d'un faire très-vrai; les trois figures pesantes et médiocres.

№ 46. Son pendant, Marine, plus fin que l'autre; il y a plus de dégradation dans les tons, plus d'air; les figures en sont médiocres, celles de devant surtout.

№ 55. Très-bon paysage de Van-Hecke, la couleur est vigoureuse et vraie.

№ 24, 32 et 33. Petits tableaux de marine agréables et fins.

№ 25. Une Oie et d'autres animaux, tableau d'un beau fini, d'un beau faire, d'un dessin juste, d'une couleur vraie; et d'un très-bon effet.

№ 35. Van-Oos. Des fruits de la plus précieuse exécution, mais c'est

---

краснымъ, онъ имѣетъ прелестный золотистый оттѣнокъ. Это не цвѣтъ гипса, или кирпича, а тотъ рѣдкій, драгоцѣнный оттѣнокъ, который живописецъ усваиваетъ себѣ послѣ изученія разнообразныхъ свѣтовыхъ эфектовъ въ различные часы дня. Общій характеръ рисунка не безукоризненъ, но тѣмъ не менѣе это драгоцѣнная картина.

№ 27. Картина Бергема. Пастухъ со стадомъ овецъ и пр. Очень хороша.

№ 4. Большая эфектная картина Бергема; довольно оригинальна какъ сочиненіе; отдѣлка тщательная и колоритъ хорошій.

№ 47. Клодъ-Лоренъ. Красивый пейзажъ, умно написанный и весьма правдиво отдѣланный; три фигуры тяжеловѣсны и посредственны.

№ 46. Соотвѣтствующая предъидущей. Морской видъ, написанный нѣжнѣе предъидущаго пейзажа. Здѣсь болѣе постепенности въ переходѣ тѣней, болѣе воздуха; фигуры посредственны, особенно — находящіяся на первомъ планѣ.

№ 55. Очень хорошо написанный пейзажъ Ванъ-Гекса, краски рѣзки и правдивы.

№№ 24, 32 и 33. Маленькіе морскіе виды, тонко и пріятно написанные.

№ 25. Гусь и другія животныя; картина эта отличается замѣчательною оконченностью, тщательною отдѣлкою, вѣрностью рисунка и правдивостью красокъ; она производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

№ 35. Ванъ-осъ. Фрукты отдѣланные самымъ изысканнымъ образомъ; впро-

un des genres les moins difficiles de la peinture. J'ai vu des beaux Vanhuysem qui n'étaient pas mieux rendus, et qui avaient moins d'effet que celui-là.

№ 34. Son pendant; il ne le vaut pas, quoiqu'assez beau.

№ 54. Un beau paysage, d'une manière grande et hardie, bonne couleur, un peu d'égalité.

№ 8 et 10, beaux paysages.

Le № 8 est d'une couleur forte, harmonieuse, fraîche; la touche très-spirituelle. Le № 10 a une harmonie douce, l'oeil se perd avec plaisir dans la vagueusse du fond: les devants sont peut-être un peu fatigués et faibles d'effet, mais le tableau est fin.

№ 5 et 6. Batailles de Bourguignon, fort bonnes, mais pas de ses meilleures.

№ 44 et 45.

№ 44. Triomphe de David, a de la couleur, mais factice, les expressions en général sont basses, le dessin commun, il y a même des têtes qui ne sont que des caricatures. Le № 45. Samuel présenté au Temple, drapé sans goût, sans choix: fausse manière de Reimbrant; habillements presque ridicules; de la couleur, si l'on veut, mais dont il ne résulte qu'un tableau assez désagréable et médiocre.

чемъ это одинъ изъ легчайшихъ родовъ живописи. Мнѣ случалось видѣть очень хорошіе картины Ванъ-Гюссена, которыя не были лучше исполнены и производили меньшее впечатлѣніе, чѣмъ эта.

№ 34. соотвѣтствующая предъидущей картинѣ; очень не дурна, но все-таки не стоитъ той.

№ 54. Прекрасный пейзажъ, написанный широкой и смѣлой кистью. Краски недурны, но замѣтна нѣкоторая шероховатость.

№ 8 и 10, прекрасные пейзажи.

№ 8 отличается рѣзкимъ, свѣжимъ и гармоничнымъ колоритомъ: техника письма очень остроумна. № 10 замѣчателенъ пріятной гармоніей; глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на мягкихъ переливахъ фона; передній планъ можетъ быть нѣсколько тяжеловатъ и недостаточно эфектенъ, но картина все-таки хороша.

№№ 5 и 6. Сраженія, Бургиньона; очень недурны, но не изъ лучшихъ.

№№ 44 и 45.

№ 44. Торжество Давида; есть колоритъ, но искуственный; выраженія лицъ вообще пошлы; рисунокъ ординаренъ, есть даже головы, которыя ничто иное какъ карикатуры. № 45. Вводъ Самуила во храмъ. Драпировка безвкусна и писана безъ разбора; поддѣлка подъ Рембранта; костюмы почти смѣшны; если хотите есть и колоритъ, но въ результатѣ остается все-таки лишь довольно непріятная на видъ и посредственная картина.

№ 26. Un homme et une femme au bord de la mer, portraits; il y a une épaule et un bras de femme d'un dessin vrai, fin et agréable: le tableau est d'une assez bonne couleur, mais du reste peu savant, et fort répréhensible.

№ 4. Chant des réprouvés. Dessiné jusqu'à un point, mais sans trop de finesse et de justesse: ouvrage de pratique; il n'est cependant pas sans effet, mais il ne faut pas voir à côté, le même sujet traité par Rubens, dont celui-ci n'est en quelque sorte qu'une très-faible imitation.

№ 37. Un repos. La vierge a une finesse simple et originale bien singulière; l'enfant n'est pas aussi bien, sa tête est mauvaise. La couleur est bonne, ce serait un fort bon tableau, s'il était composé, les objets sont éparpillés sans projet et sans principe de composition.

№ 41. Une charité romaine. La couleur est assez vraie en partie, mais crue, et sans la moindre harmonie, les têtes mauvaises, le faire pauvre. Le dos et les bras de l'homme ont quelque vérité froide dans la couleur, l'effet et le dessin: ses mains et sa jambe sont très-mauvaises, mal peintes et pesamment dessinés.

Voilà, Madame, l'impression que m'ont faite les tableaux, que j'ai vus avant-hier. Si je me suis trompé, Votre Majesté sait bien que c'est de bonne foi. Je m'inquiète peu du nom et du pays d'un artiste: que son

---

№ 26. Портреты мущины и женщины, стоящихъ на берегу моря; одно плечо и рука женщины нарисованы тонко и правильно; колоритъ недуренъ, но вообще картина во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительна.

№ 4. Пѣніе осужденныхъ. Нарисовано до извѣстной степени хорошо, но недостаточно тонко и вѣрно; это работа на скорую руку хотя она и не безъ эфекта, но не слѣдуетъ сравнивать ее съ находящеюся подлѣ картиною Рубенса на тотъ же сюжетъ, такъ какъ она до извѣстной степени лишь слабое подражаніе этой послѣдней.

№ 37. Отдыхъ. Богородица написана тонко и съ своеобразной простотой; ребенокъ удался менѣе: голова не хороша. Колоритъ недуренъ и это была бы очень хорошая картина, если бы она была лучше сочинена, а то предметы разбросаны безъ всякаго плана и единства.

№ 41. Римская благотворительность. Колоритъ въ нѣкоторыхъ частяхъ вѣренъ но грубъ и безъ всякой гармоніи, головы неудовлетворительны, отдѣлка бѣдна. Спина и локоть мужчины отличаются нѣкоторою правдивостью въ колоритѣ и рисункѣ; но руки его и нога очень неудовлетворительны, плохо написаны и тяжеловѣсно нарисованы.

Вотъ, Государыня, впечатлѣніе которое произвели на меня, видѣнныя мною третьяго дня картины. Если я и ошибся, то ошибался добросовѣстно, Ваше Величество это знаете. Я мало забочусь объ имени и національности художника: единственную основу моего сужденія составляетъ впечатлѣніе, хорошее, сносное или дурное,

ouvrage me paraisse bon, médiocre ou mauvais, voilà la base unique de mon jugement. Je n'exclus aucun genre, aucun gôut, aucune manière quand il me représente le naturel. Quoique la nature soit une et simple dans son principe, elle est pourtant très-variée et très-diverse dans ses effets, et l'art, imitateur de ces mêmes effets, doit varier à l'infini: et s'il représente bien l'objet qu'il se propose, il a toujours raison. Si les écrivains qui veulent juger de nos arts, grandissaient ainsi leur cercle, ils ne montreraient pas si souvent un goût exclusif qui leur fait fermer les yeux sur tout ce qui n'est pas le maître qu'ils ont adopté.

№ 111.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 9 Сентября 1771 г.

Madame,

Je fais mon possible pour placer la statue de l'hiver avant le retour de Votre Majesté Impériale. J'ai été hier visiter la place qui lui pourrait convenir et m'informer des moyens de faire monter ce marbre. Je crois qu'à cause des oiseaux qui sont dans le jardin fermé, il n'est guère convenable de l'y placer; la figure de l'Amour en marbre est couverte et gâtée par les ordures des oiseaux, et ces ordures font à la longue des taches au marbre, qui y restent; parcequ'elles contiennent des sels qui le pénètrent. Si Votre Majesté le jugeait à propos, je placerais mon ouvrage dans le jardin découvert où j'ai trouvé deux places qui ne paraissent pas mauvaises, et la

---

произведенное на меня его работой. Я не отрицаю никакого рода живописи, никакого вкуса, никакой манеры, когда они воспроизводятъ предо мною природу. Хотя въ сущности природа едина и проста, но она крайне разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Искусство, воспроизводящее эти проявленія, должно быть столь же разнообразно, и если оно хорошо представляетъ данный предметъ, то оно всегда право. Если бы писатели, берущіеся судить о художествѣ, расширили на столько свой кругозоръ, то не высказывали бы такъ часто исключительный вкусъ, который заставляетъ ихъ быть слѣпыми относительно всего, что не подходитъ подъ избранную ими школу.

№ 111. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я дѣлаю все возможное, чтобы поставить на мѣсто статую зимы до возвращенія Вашего Императорскаго Величества. Вчера я освѣдомлялся о томъ какъ поднять на верхъ эту статую. Думаю, что изъ-за птицъ, находящихся въ зимнемъ саду, невозможно туда ее поставить; лице мраморнаго амура ими испачкано, и нечистоты эти, содержа соли, оставляютъ навсегда въ мраморѣ пятна. Если Ваше Величество разрѣшите, то я поставлю свою работу въ открытомъ саду, гдѣ я нашелъ два свободныхъ мѣста, тамъ статуя будетъ хорошо освѣщена: обстоятельство важное для скульптуры

statue y serait bien éclairée: circonstance nécessaire pour la sculpture, et sans laquelle elle est beaucoup dégradée. Si les deux statues qui sont dans la galerie pouvaient être dans le même jardin, où je crois leur avoir aussi trouvé une place convenable, Votre Majesté verrait combien elles y gagneraient, et peut-être oserais-je les regarder alors comme mon ouvrage.

J'attends, Madame, les ordres que je supplie Votre Majesté de me donner en conséquence de ces deux prières.

№ 112.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 3 Октября 1771 г.

Madame,

Je parlais un jour à Votre Majesté Impériale du jeune Moreau, fils du célèbre chirurgien de Paris, et Vous parûtes souhaiter qu'il allât exercer son talent à l'armée, mais il s'était fixé dans la ville. Aujourd'hui, voilà un sujet qui, à en juger par sa très-bonne recommandation, paraît avoir du mérite. Oserais-je vous supplier, Madame, de m'inspirer la réponse que je dois lui faire, et qu'il attend à Berlin? Je sais que Votre Majesté ne descendra pas à placer un chirurgien; mais, vu le besoin qu'on en peut avoir aux armées, un mot de recommandation suprême assurerait à celui-ci un sort qu'il paraît beaucoup désirer, et, selon la place qu'il occuperait, pourrait rendre son état plus lucratif; en supposant toujours que son mérite

---

и безъ котораго она много теряетъ. Если бы тѣ двѣ статуи, что стоятъ въ галлереи, могли находиться въ томъ же саду, гдѣ я имъ тоже нашелъ приличное мѣсто, то Ваше Величество увидѣли бы на сколько онѣ выиграли; быть можетъ тогда я сталъ бы смотрѣть на нихъ какъ на свою работу.

Ожидаю приказаній, которыя умоляю Ваше Величество сообщить мнѣ на эти двѣ просьбы.

№ 112. Всемилостивѣйшая Государыня,

Однажды я говорилъ Вашему Величеству про молодаго Моро, сына знаменитаго парижскаго хирурга и Вы кажется изъявили желаніе, чтобы онъ поѣхалъ упражнять свой талантъ въ арміи; но онъ уже былъ поселенъ въ городѣ. Сегодня идетъ рѣчь о человѣкѣ, который, судя по добрымъ о немъ отзывамъ, имѣетъ повидимому достоинства. Смѣю ли умолять Ваше Величество внушить мнѣ отвѣтъ, который надо послать этому человѣку ожидающему въ Берлинѣ? Я знаю, что Ваше Величество не снизойдете до того, чтобъ опредѣлять врача; но въ виду могущей по сему предмету встрѣтиться въ войскѣ надобности, словечко Высочайшей рекомендаціи упрочило бы за этимъ человѣкомъ судьбу, которой онъ сильно добивается и которая доставила бы

répondît à son zèle. Il y a ici beaucoup de français sans mérite, ceux qui en ont y sont plus rares, et je voudrais voir, par préference augmenter leur nombre: mais le soleil attire les mauvaises comme les bonnes exhalaisons.

№ 113.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 4 Октября 1771 г.

Monsieur Falconet. La lettre du Sr. Louis dit que Robin est versé dans la pratique des hôpitaux et qu'il saigne parfaitement bien; pour être reçu ici malgré cette recommandation, il sera obligé de passer par un examen en forme, et si cet examen par lui soutenu tournera à son avantage, il sera reçu; sinon, on ne le recevra pas, reste à savoir si Robin est homme à s'exposer à pareille formalité, qui est d'usage ici avec tous les médecins et chirurgiens qu'on reçoit au service; après cela il ne sera pas bien difficile de le placer; crainte que la gelée ne gâtât la statue de l'hiver, je l'ai fait retirer dans la galerie qui n'est qu'un attendant. Adieu, Monsieur.

№ 114.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 9 Ноября 1771 г.

Madame,

La vie d'un artiste n'est pas aussi bruyante, aussi ambulante, aussi variée que celle de Don Quichotte et de Gil Blas, nous sommes beaucoup

---

ему денежныя средства; предполагая все-таки, что его качества отвѣчаютъ его усердію. Здѣсь много французовъ безъ всякихъ достоинствъ, люди достойные рѣже встрѣчаются и мнѣ бы хотѣлось увеличить ихъ число: но солнце привлекаетъ одинаково и хорошія и дурныя испаренія.

№ 113. Господинъ Фальконетъ. Письмо г. Луи гласитъ, что г. Робенъ свѣдущъ въ лазаретномъ дѣлѣ и отлично пускаетъ кровь; чтобы быть принятымъ здѣсь онъ, не смотря на эту рекомендацію, долженъ будетъ пройти чрезъ формальный экзаменъ, и если это испытаніе обратится въ его пользу, то его примутъ, если нѣтъ, такъ не примутъ; остается знать, захочетъ ли Робенъ подвергнуться подобной формальности, которая здѣсь въ обычаѣ для всѣхъ медиковъ и хирурговъ принимаемыхъ на службу, послѣ этого помѣстить его будетъ не трудно; опасаясь чтобы морозъ не испортилъ статуи зимы, я велѣла поставить ее покамѣстъ въ галлерею. Прощайте.

№ 114. Всемилостивѣйшая Государыня,

Жизнь художника не такъ шумна, не такъ разнообразна, не такъ полна странствій, какъ жизнь Донъ-Кихота или Жильблаза, мы гораздо однообразнѣе этихъ господъ. Не смотря на это однообразіе у насъ есть въ Парижѣ секретарь, обязанный

plus iniformes que ces méssieurs-là. Cependant, malgré notre uniformité, nous avons à Paris un secrétaire chargé de donner de temps en temps aux amateurs, le précis de nos *faits et gestes*, c'est-à-dire, ce qui nous est arrivé de remarquable relativement à l'art et à nos ouvrages. Le tout forme un recueil, qui ne paraît comme de raison, que lorsque nous ne sommes plus au nombre des lecteurs (70).

En conséquence, M. Cochin m'a écrit une fois pour toutes, de lui fournir des matériaux pour ce qui me concerne: comme sa semonce est un peu longue, je l'ai renvoyée à la fin de cette lettre. Depuis mon arrivée chez Votre Majesté Impériale, jusqu'à ce jour, j'ai mandé à mon confrère votre goût éclairé pour les talents, les moyens d'encouragement que vous leur procurez et les marques distinguées de vos bontés, que j'ai reçues en mon particulier: traits que j'ai toujours peints avec les couleurs de la vérité, et que je continuerai de peindre avec transport, mais pourtant comme les moindres actes de Votre bienfaisance. Quand mon âme sera devenue ce qu'il plaira à Dieu, au moins elle aura contribué, comme une goutte d'eau contribue à former la Baltique, à faire connaître aux hommes de quel prix Catherine Seconde est à l'humanité.

On connaît à Paris la statue de l'hiver par le petit modèle que j'y ai fait, et notre historiographe voudra savoir comment Votre Majesté en aura reçu le marbre. Ainsi, Madame, j'attendrai, que vous ayez vu cette figure dans la galerie où elle est à présent assez bien éclairée pour être jugée, et

---

отъ времени до времени сообщать любителямъ, свѣдѣнія о нашихъ дѣяніяхъ, т. е. о томъ что было замѣчательнаго въ отношеніи искусства и трудовъ нашихъ. Все это составляетъ сборникъ, появляющійся разумѣется когда уже насъ нѣтъ въ числѣ читателей (70).

Согласно съ этимъ г. Кошенъ писалъ мнѣ одинъ разъ навсегда, доставлять ему матеріалы относительно самого себя: его внушеніе долговато и потому я отложилъ оное до конца этого письма. Со времени пріѣзда къ Вашему Императорскому Величеству до нынѣ я сообщалъ своему собрату о расположенія Вашемъ къ талантамъ, о средствахъ поощренія, Вами расточаемыхъ, и знакахъ милости мною въ частности полученныхъ; черты эти я изображалъ всегда въ истинномъ свѣтѣ, буду всегда повторять о нихъ съ восторгомъ, хотя они ничтожны среди благотворныхъ дѣлъ Вашихъ. Когда съ душею моею станется, что Богъ велитъ, тогда по меньшей мѣрѣ за нею останется то, что она содѣйствовала, какъ капля въ образованіи Балтійскаго моря, къ оповѣщенію людямъ, каковы заслуги Екатерины предъ человѣчествомъ.

Въ Парижѣ знаютъ статую зимы по небольшой модели мною тамъ исполненной, и нашъ исторіографъ захочетъ знать какъ Ваше Величество приняли мраморъ. И такъ я подожду покуда Ваше Величество увидите эту фигуру въ галлереи, гдѣ она

je n'en écrirai rien à M. Cochin que Votre Majesté n'ait eu la bonté de me dire qu'elle l'a vue, et comment elle la trouve.

Extrait de la lettre de M. Cochin, 9 Février 1767:

«Toutes les marques de bonté que vous recevez de l'Impératrice, il faut me les mander directement; parce qu'elles tiennent à la gloire des Arts, et qu'elles sont d'un très-bon exemple. Si une sorte de modestie que j'appellerais mal entendue, vous retenait, pour la mettre à son aise, ne me donnez que l'historique; supposez, si vous voulez, que l'Impératrice en eût fait autant pour tout autre, je me douterai toujours bien, de ce que le mérite personnel de l'homme y a fait ajouter, et qui proprement n'est qu'à lui. Tout cela tient à l'histoire de l'Art.

Exemple: on est bien aise de savoir que le roi de Pologne vient de faire présent à M. Massé d'une médaille d'or, accompagnée d'une lettre obligeante pui vaut cent fois mieux que la médaille. Vous jugez combien il y a été sensible; cela peut, je pense, prolonger ses jours; c'est une action royale. (*M. Cochin a su que l'Impératrice de Russie ne le cède à aucun roi, et qu'en cela comme en tout le reste, elle en laisse plus d'un derrière elle.*) Vous demanderez à propos de quoi ce présent, c'est que M. Massé, lorsque M-me Geoffrin partit pour la Pologne, voulut bien lui céder l'unique exemplaire qu'il avait de sa galerie, qui était d'épreuves choisies et retouchées

---

освѣщена достаточно хорошо, чтобы подвергнуться суду; я не напишу г. Кошену ничего покуда Ваше Величество не соблаговолите сказать мнѣ, что ее видѣли и какъ ее находите.

Выписка изъ письма г. Кошена отъ 9 Февраля 1767 г..

«О всѣхъ выказываемыхъ вамъ Императрицею знакахъ благорасположенія прошу увѣдомлять меня непосредственно, потому что онѣ касаются славы искусства и служатъ весьма хорошимъ примѣромъ. Если бы скромность, которую я охотно назову неумѣстною, удерживала васъ, то сообщите мнѣ одну историческую часть; предположите, что Императрица сдѣлала бы это для кого-либо другаго, я всегда догадался бы, что было прибавлено изъ-за личнаго достоинства человѣка и что принадлежитъ ему лично. Все это касается исторіи искусства.

Примѣръ: Весьма пріятно знать, что король польскій подарилъ г. Массэ золотую медаль при письмѣ стоющемъ сто разъ больше, чѣмъ медаль. Можете судить какъ онъ былъ къ тому чувствителенъ; я думаю это продлитъ его жизнь; это по истинѣ королевскій поступокъ. (Г. Кошену стало извѣстнымъ, что Императрица Всероссійская не уступаетъ никакому королю, оставляя въ этомъ, какъ во всемъ остальномъ позади себя не одного короля).

Вы спросите съ какой стати этотъ подарокъ, дѣло въ томъ, что г. Массе при отъѣздѣ г. Жоффренъ въ Польшу уступилъ ей единственный имѣвшійся у него экземпляръ своей галлереи, состоявшій изъ отборныхъ оттисковъ, имъ самимъ поправлен-

de sa main. M-me Geoffrin qui aime à obliger, a fait valoir ce sacrifice au roi. J'en conclus qu'il faut constater tout ce qui fait honneur aux Arts, et pour les artistes à qui cela sert d'encouragement, et encore à cause des princes qui s'honorent eux-mêmes en les honorant».

№ 115.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 17 Ноября 1771 г.

Madame,

M-lle Collot a reçu les ordres de Votre Majesté Impériale, pour le médaillon en marbre de Monsieur le Comte d'Orloff, et elle en fait le modèle. Il faut non-seulement que ce médaillon représente Monsieur le Comte, mais aussi qu'il caractérise l'acte à jamais grand, humain et mémorable qu'il vient de faire.

Nous ne connaissons, dans les couronnes que les anciens décernaient à ceux qui avaient fait de belles actions pour la patrie, rien de plus convenable que la couronne de chêne: elle se donnait à un citoyen qui avait sauvé la vie à un autre citoyen. Mais cette couronne conviendrait d'autant moins ici, qu'elle affaiblirait l'idée vraie de l'objet. Quelle différence étonnante n'y a-t-il pas entre le zèle et les soins tendres et efficaces de ce généreux citoyen, et l'acte simple de sauver la vie à un seul homme!

Si j'osais soumettre une idée à Votre Majesté, en la suppliant de la rectifier ou de lui en substituer une autre, voici ce que je dirais: Toute

---

ныхъ. Г-жа Жоффренъ весьма обязательнаго нрава, выставила это пожертвованіе предъ королемъ. Изъ этого я заключаю, что слѣдуетъ упоминать о всемъ приносящемъ честь искусству какъ ради художниковъ, видящихъ въ этомъ поощреніе, такъ и ради государей, приносящихъ честь самимъ себѣ, воздавая почести художеству».

№ 115. Всемилостивѣйшая Государыня,

Г-жа Колло получила приказанія отъ Вашего Императорскаго Величества относительно мраморнаго медальона графа Орлова и она приготовляетъ модель. Надо, чтобы медальонъ этотъ не только изображалъ графа, но чтобы онъ характеризовалъ на вѣки памятный и человѣколюбивый поступокъ имъ содѣянный.

Наиболѣе приличествующій изъ вѣнковъ раздававшихся въ древности есть вѣнокъ дубовый, коимъ награждался гражданинъ спасшій жизнь другаго гражданина. Но здѣсь этотъ вѣнокъ ослабилъ бы истинную мысль имѣвшуюся въ виду. Какая удивительная разница между усердіемъ, между нѣжными, дѣятельными стараніями этого великодушнаго гражданина и простымъ спасеніемъ жизни одному человѣку.

Если бы я смѣлъ предложить Вашему Величеству мысль, умоляя измѣнить или замѣнить ее другою, то вотъ, что я сказалъ бы: Всякій древній вѣнокъ, всякій атри-

couronne ancienne, tout attribut, seraient ou un faible symbole, ou un signe déplacé; en tous cas, ils pourraient fort bien n'être pas clairs. J'écrirais donc simplement en Russe sur le marbre au-dessus de la tête, et en lettres saillantes; *au citoyen préservateur de la patrie.* Les bordures ne servent ordinairement que de bordure, et ne concourent point au sujet. Pour sortir de cette routine, je croirais que deux branches de chêne liées par le bas, et qui en faisant le cercle, se rejoindraient par le haut, feraient elles seules une bordure convenable; le chêne étant l'attribut des actes qui doivent rester dans la mémoire des hommes. Voilà ce que je sens et que je soumets à la vraie mère de la patrie.

P. S. On m'a remis deux livres d'estampes in fol. que l'on veut vendre. Savoir, les plantes et insectes dessinés à Surinam, par M-lle Merian, avec discours latin et français. L'autre volume est un oeuvre de Pelegrini peintre Italien, avec discours. Si ces deux ouvrages convenaient à Votre Majesté, me permet-elle de les lui proposer?

№ 116.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 17 Ноября 1771 г.

Monsieur Falconet. Dès que j'aurai vu la statue de l'hiver dans son quartier d'hiver, je vous en dirai mon sentiment mais je suis persuadée qu'en quelque place qu'elle se trouve, elle sera toujours d'une grande beauté: telle elle était dans le jardin sur son piedestal; vous trouverez

---

бутъ были бы или слабымъ символомъ, или неумѣстнымъ изображеніемъ; во всякомъ случаѣ, они могли бы легко быть неясны.

Я бы просто написалъ по-русски на мраморѣ, поверхъ головы, явственными буквами: *гражданину предохранившему отечество.* Края обыкновенно украшаются бордюрами не находящимися въ соотвѣтствіи съ предметомъ. Чтобы выйти изъ этой колеи я полагалъ бы, что двѣ дубовыя вѣтви связанныя снизу, образующія кругъ и соединяющіяся на верху составили бы приличный бордюръ; дубъ почитается принадлежностью дѣяній долженствующихъ сохраниться въ памяти людской. Вотъ мое чувство, которое я и повергаю на судъ истинной матери отечества.

Приписка. Мнѣ передали двѣ книги эстамповъ in fol., которыя желаютъ продать, а именно: растенія и насѣкомыя, нарисованныя въ Суринамѣ, дѣвицею Меріанъ съ латинскимъ и французскимъ текстомъ. Другая—томъ творенія Пелегриня италіанскаго живописца, съ текстомъ. Если эти двѣ книги понравятся Вашему Величеству, то не позволите-ли предложить ихъ Вамъ.

№ 116. Господинъ Фальконетъ. Какъ скоро я увижу статую зимы въ зимней ея квартирѣ, такъ сообщу вамъ свое мнѣніе, но я увѣрена, что гдѣ бы она ни стояла, вездѣ она будетъ большой красоты, такова она была въ саду на пьедесталѣ; вы,

singulier peut-être que je ne l'ai point été voir encore, je ne disputerai point ce fait, mais pour s'occuper des beaux-arts il faut moins de charivari que je n'en ai eu depuis six semaines (71). J'ai prévu la dissertation que vous me faites au sujet du médaillon du C-te Orloff. Vos observations sont exactement vraies; faites comme vous l'entendez avec Mad. Collot: vous ne sauriez que bien faire, et c'est suivre le bon sens à la lettre. J'ai les deux livres que vous me proposez, mais si vous le pouvez, cédez-moi l'estampe de la famille Royale d'Angleterre qui est encore chez moi: elle me plaît beaucoup. Bonsoir, portez-vous bien.

№ 117.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 18 Ноября 1771 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale ne se contente pas d'étonner par les plus grandes choses; elle surprend aussi dans les moindres. Une estampe vous plaît, dès l'instant elle est à Vous, ainsi que tout ce que Votre statuaire possède, et qui pourrait vous être agréable.

Si Vous saviez, Madame, à quel sot animal je suis obligé de répondre, pour employer mes longues soirées d'hiver, vous hausseriez les épaules. Je dois par état, m'occuper des beaux-arts, qui comme le reste, ont aussi leurs tracasseries. Je n'en importune pas à présent Votre Majesté; elle aura quelque jour tout cela imprimé dans les notes sur Pline. Voici seulement une parcelle de ma réponse au gazetier de Göttingue.

можетъ быть, найдете страннымъ, что я еще не видала ее, я не стану о томъ спорить, но чтобы заниматься изящными искусствами, надо меньше суетни, чѣмъ у меня за послѣднія шесть недѣль (71). Я предвидѣла вашу диссертацію по поводу медальона графа Орлова, ваши замѣчанія вполнѣ справедливы, дѣлайте какъ знаете. Съ Г-жею Колло вы не съумѣете сдѣлать иначе какъ хорошо, это значитъ слѣдовать здравому смыслу. У меня уже есть тѣ двѣ книги, что вы мнѣ предлагаете, но уступите мнѣ если можете эстампъ англійской королевской фамиліи, который еще у меня находится, онъ мнѣ очень нравится. Прощайте, будьте здоровы.

№ 117. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество не довольствуетесь поражать великими дѣлами; Вы изумляете также и въ малѣйшихъ. Вамъ нравится эстампъ, въ ту же минуту онъ Вашъ, какъ все принадлежащее Вашему скульптору и могущее быть Вамъ пріятнымъ. Если бы Вы знали какому глупому звѣрю мнѣ приходится отвѣчать, занимая длинные зимніе вечера, Вы пожали бы плечами. Я по ремеслу долженъ заниматься искусствомъ, которое какъ и все остальное имѣетъ свои дрязги. Не безпокою этимъ теперь Ваше Величество; все это Вы получите напечатаннымъ въ примѣчаніяхъ къ Плинію. Вотъ частичка отвѣта моего геттингенскому газетчику.

...... «Si ce M-r avait la moindre notion de l'art, et celui d'en raisonner, s'il savait comment une grande Impératrice en use avec le statuaire qu'elle à chargé non de travailler particulièrement à un cheval, mais de composer, et d'étudier un des plus grands ouvrages de sculpture; il verrait combien le procédé d'un génie supérieur, est un puissant aiguillon pour l'artiste; combien il grandit et développe les ressorts de son âme: c'est ainsi qu'il reçoit l'inspiration; tandis que les procédés contraires ne sont propres qu'à rétrécir toutes ses facultés. Quelle distance il y a entre un esprit éclairé, une âme vraiment grande, et la nation importune des donneurs d'idées à outrance!» etc.

M-lle Collot fait son modèle *à peu près*, ce qui lui suffira pour ébaucher le marbre, et au retour de Monsieur le Comte, elle prendra quelques séances pour étudier la ressemblance, afin de la donner au marbre.

№ 118.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 20 Ноября 1771 г.

Monsieur Falconet, l'inscription ci-jointe conviendrait au médaillon que fait M-lle Collot; cela veut dire:

C-te Gr. *Orlof des malheurs a délivré Moscou.*

En Russe, c'est un vers harmonieux:

ОРЛОВЫМЪ ОТЪ БѢДЫ ИЗБАВЛЕНА МОСКВА (72).

..... «Ежели бы этотъ г. имѣлъ малѣйшее понятіе объ искусствѣ и умѣньи о немъ толковать, если бъ онъ зналъ какъ великая Императрица обходится съ скульпторомъ, которому она поручила не заняться особливою отдѣлкою лошади, но сочинить, изучить одно изъ величайшихъ произведеній ваянія, то онъ увидалъ бы на сколько вліяніе высшаго генія составляетъ могучее побужденіе для художника, сколько оно развиваетъ, расширяетъ стремленія художнической души; такимъ образомъ, въ немъ возбуждается вдохновеніе, тогда какъ противоположное этому обращеніе съуживаетъ всѣ его способности. Какое разстояніе между умомъ просвѣщеннымъ и несносной толпой давателей совѣтовъ, во чтобы то ни стало».

Г-жа Колло дѣлаетъ свою модель приблизительно, что будетъ для нея достаточно, чтобы подготовить мраморъ, а по возвращеніи графа она возьметъ нѣсколько сеансовъ, чтобы изучить сходство и сообщить его мрамору.

№ 118. Господинъ Фальконетъ. Прилагаемая у сего надпись была бы пригодною для медальона дѣлаемаго г-жею Колло: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва» (72). По русски это — звучный стихъ.

№ 119.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 9 Декабря 1771 г.

Monsieur Falconet, un malentendu très-désagréable pour moi et dont j'ai été bien fâchée hier, a fait qu'au moment que j'avais dit de faire entrer M-lle Collot, il s'est trouvé qu'elle était déjà dans son carrosse; si elle était d'humeur à venir présentement, la journée est moins sombre qu'hier, et elle aurait une heure ou deux pour commencer son ouvrage. Je vous prie de me dire oui ou non.

№ 120.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 29 Декабря 1771 г.

Madame,

Je supplie Votre Majesté Impériale d'agréer mes remerciements pour la lecture du 5-e volume des *Questions*. La Vérité paraît l'Idole aux pieds de laquelle M. de Voltaire veut rendre son dernier soupir: il permettra donc que nous soyons aussi de cette religion, et que nous la disions, cette vérité qu'il prêche de toutes ses forces.

M. de Voltaire fait à présent ses comptes, il passe et repasse toutes les richesses, dont il nous avait déjà gratifiés plus d'une fois, et pour le dire sans figure, si dans le cours de ce dernier ouvrage, il n'eût pas déposé l'éloge historique et vrai de Votre Majesté, ce travail ne passerait pas à la postérité. Mais Catherine II a rendu l'ouvrage immortel. Ce n'est pas que

---

№ 119. Господинъ Фальконетъ. Весьма непріятное и досадное для меня недоразумѣніе сдѣлало, что въ ту минуту, какъ я велѣла позвать г-жу Колло, она была уже въ своей каретѣ; не будетъ ли она расположена пріѣхать теперь, день менѣе пасмурный, чѣмъ вчера и она имѣла бы часа два времени, чтобы начать свою работу. Прошу васъ сказать мнѣ да или нѣтъ.

№ 120. Всемилостивѣйшая Государыня,

Умоляю Ваше Императорское Величество принять мои благодаренія за прочтеніе 5-го тома *вопросовъ*. Истина представляется идоломъ, у подножія коего г. Вольтеръ хочетъ окончить жизнь свою; да позволитъ онъ и намъ принадлежать къ этой религіи и высказать истину, которую онъ проповѣдуетъ изо всѣхъ силъ.

Г. Вольтеръ теперь сводитъ счеты, онъ считаетъ и пересчитываетъ всѣ тѣ богатства, которыми уже наградилъ насъ неоднократно и попросту говоря, если бы въ это сочиненіе не было вложено историческое и правдивое похвальное слово Вашему Величеству, то сочиненіе это не перешло бы въ потомство. Но Екатерина II обезсмертила этотъ трудъ, конечно, между прочимъ попадаются отрывки

parfois il n'y ait d'excellents morceaux et qui tiennent encore du grand homme, mais deux ou trois volumes, tout au plus, les contiendraient.

Moi qui ose parler aussi, je lui dois un remerciement; il a eu la bonté de me placer dans son testament, il m'a donné quelques lignes. De sa part, le legs est précieux; s'il eût un peu mesuré deux ou trois termes, je le recevrais plus volontiers, attendu que j'aurais moins à en rougir ([73]).

M. de Villiers m'ayant chargé de demander pour lui des livres à Votre Majesté, il a cru devoir lui en faire parvenir le montant par la même voie: en conséquence, il m'a remis le mémoire ci-joint.

1772.

№ 121.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 28 Мая 1772 г.

Madame,

Dans peu de jours, M-lle Collot aura fini le portrait en marbre de S. E. M-r le Comte d'Orloff. Si Votre Majesté Impériale vient à Pétersbourg pendant les fêtes de la Pentecôte, veut-elle qu'il lui soit porté au Palais, ou ordonne-t-elle que M-lle Collot le lui présente à Tzarsko-Celo?

Votre Majesté n'a pas été importunée, et n'a pas dû l'être des mille et une petites choses que la tracasserie a jetée à travers mon chemin dans le cours de mon ouvrage. Mais aujourd'hui, M. Coltellini, que je n'ai l'avantage de connaître que par les caresses qu'il me fait, doit, après avoir fini

---

достойные великаго человѣка, но двухъ или трехъ томовъ не болѣе было бы достаточно.

Я осмѣливающійся говорить, я ему обязанъ благодарностью, за помѣщеніе въ его завѣщаніи, онъ мнѣ подарилъ нѣсколько строкъ. Отъ него подарокъ дорогъ, если бы два или три выраженія были умѣреннѣе, то я принялъ бы этотъ подарокъ еще охотнѣе, потому что мнѣ пришлось бы менѣе краснѣть ([73]).

Г. Девильеръ поручилъ мнѣ просить для него книгъ у Вашего Величества, онъ счелъ нужнымъ доставить счетъ имъ тѣмъ же путемъ; согласно съ этимъ онъ передалъ мнѣ прилагаемую у сего записку.

№ 121. Всемилостивѣйшая Государыня,

Чрезъ нѣсколько дней г-жа Колло окончитъ мраморный портретъ е. с. графа Орлова. Если Ваше Величество пріѣдете въ Петербургъ къ Духову дню, то угодно ли Вамъ будетъ, чтобы портретъ этотъ былъ принесенъ во дворецъ или прикажете г-жѣ Колло представить Вамъ его въ Царскомъ Селѣ.

Я не утруждалъ и не долженъ былъ утруждать Ваше Величество тысячью мелкихъ дрязгъ, брошенныхъ мнѣ поперегъ дороги покуда я работалъ. Но теперь г. Кольтелини, котораго я имѣю удовольствіе знать лишь по его въ отношеніи меня любез-

ra, se délasser par une mercuriale contre mon orgueil et ma vanité, ., dit-il, que je me crois le plus grand statuaire du monde; contre ue de Pierre-le-Grand, que M. Coltellini n'a point vue, puisqu'elle esque entièrement moulée; contre ma sottise d'avoir habillé le cava-omme il est; contre ma sottise d'avoir confié la tête du Héros à M-lle t; contre M-lle Collot dont le talent, dit-il, est semblable à celui des ts écoliers d'Italie, et d'ailleurs fort douteux, puisque *personne* ne sait, ses ouvrages soient d'elle, ce qui voudrait dire que je vaudrais bien un tit écolier d'Italie. Je n'ai opposé à toutes ces gentillesses, que de l'in-rédulité et de la confiance en l'honnêteté et au bon sens de M. Coltellini, nais on m'a traité d'enfant.

Les détails de ce joli projet seraient trop longs à écrire, et si quand j'aurai l'honneur de faire ma cour à Votre Majesté, elle me permet de lui en parler, je pourrai lui en dire quelques particularités. M. Coltellini se fonde, *et c'est lui qui l'a dit*, sur une base qui ne suffirait pas à un homme honnête; il croit que j'ai le désavantage d'être fort mal auprès de Votre Majesté. Mon bonheur et ma tranquillité me crient sans cesse le contraire, et que M. Coltellini se trompe. On dit que n'ayant contre moi aucune humeur, il est excité par des gens qui le poussent à prêter sa plume à tout ce qui pourrait me rendre odieux ici; ce que l'on se promet en vertu des commentaires ajoutés à son écrit.

ностямъ, окончивъ свою оперу, потѣшается выходками противъ моего высокомѣрія и надменности, потому что я будто бы воображаю, что я первый скульпторъ въ свѣтѣ; противъ статуи Петра Великаго, которой г. Кольтелини не видалъ, потому что она почти вся отлита; противъ глупости моей за то, что я ввѣрилъ голову героя г-жѣ Колло; противъ г-жи Колло талантъ коей не превосходитъ дарованій какого-нибудь италіанскаго школьника, талантъ къ тому же и сомнительный, такъ какъ никому неизвѣстно, чтобы приписываемыя ей произведенія, дѣйствительно ей принадлежали, иначе говоря, я стою италіанскаго школьника. Я противопоставилъ всѣмъ этимъ любезностямъ, одну недовѣрчивость и вѣру въ здравый смыслъ г. Кольтелини, но меня сочли ребенкомъ.

Подробности этого было бы слишкомъ долго описывать, нѣкоторыя частности я могъ бы разсказать когда буду имѣть честь представиться Вашему Величеству. Г. Кольтелини принимаетъ за основаніе, какъ онъ самъ сознался, такое обстоятельство, которое показалось бы недостаточнымъ честному человѣку; онъ полагаетъ, что я на очень дурномъ счету у Вашего Величества. Счастіе мое, мое спокойствіе безпрестанно гласятъ мнѣ иное, что г. Кольтелини ошибается. Говорятъ, что онъ ничего противъ меня не имѣетъ, но что его возбуждаютъ люди, желающіе пользоваться его перомъ, чтобы сдѣлать меня здѣсь ненавистнымъ, разсчитывая на комментаріи его сочиненія.

Voltaire suppliait la Reine de France d'empêcher qu'on ne critiquât une de ses pièces. Lamotte allait rire à la parodie de son Inès. Je ne serai ni aussi rieur que La Mothe, ni aussi inquiet que Voltaire; mais je plaisanterai une critique gauche, à cause de cette foule épouvantable d'esprits gauches.

Je me conformerai cependant toujours aux volontés de Votre Majesté; je ne ferai et ne dirai rien qui puisse aucunement lui déplaire. Elle est mon unique appui et la seule personne à qui je puisse adresser avec confiance, mes déplaisances publiques concernant la statue de Pierre-le-Grand.

№ 122.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 6 Іюня 1772 г.

Monsieur Falconet, lorsque je viendrai en ville, M-lle Collot m'apportera son ouvrage, je crains qu'il ne souffre dans le transport. Je ne connais point M-r Coltellini, je ne lui ai jamais parlé, il a tort de m'attribuer une façon de penser que je n'ai point, cela est tout aussi fondé que son raisonnement sur un ouvrage qu'il n'a jamais vu. Je vous conseille de laisser tomber toutes ses commèreries et de vous moquer de ceux qui tracassent sans vous en mettre ni en peine ni en colère. Voilà tout ce, que j'ai à vous dire en réponse à votre billet; faites un armistice avec vos ennemis comme moi avec le sultan; suivez mon exemple.

Вольтеръ умолялъ королеву французскую запретить критику одной изъ его пьесъ. Ламотъ ходилъ смѣяться, глядя на пародію своей Инесы. Я не расположенъ ни смѣяться какъ Ламотъ, ни опасаться какъ Вольтеръ; но я не желаю криваго осужденія изъ-за множества кривыхъ умовъ.

Впрочемъ я буду всегда подчиняться велѣніямъ Вашего Величества, не скажу и не сдѣлаю ничего, что могло бы Вамъ не понравиться. Вы единственная моя опора, къ Вамъ однимъ я могу взывать съ довѣріемъ о публичныхъ нападкахъ на статую Петра Великаго.

№ 122. Господинъ Фальконетъ. Пускай г-жа Колло принесетъ мнѣ свою работу когда я пріѣду въ Петербургъ. Я не знаю г. Кольтелини, никогда съ нимъ не говорила, онъ напрасно приписываетъ мнѣ мысли, которыхъ у меня нѣтъ, это столько же основательно, какъ разсужденія его о работѣ, которой онъ никогда не видалъ. Совѣтую Вамъ дать упасть всѣмъ этимъ сплетнямъ, и смѣяться надъ тѣми, кто Васъ дразнитъ, не поддаваясь ни грусти, ни гнѣву. Вотъ все, что могу отвѣчать на Вашу записку, заключите перемиріе съ врагами Вашими, какъ я съ султаномъ, послѣдуйте моему примѣру.

№ 123.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 18 Іюня 1772 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale a eu la bonté de me dire qu'elle lirait volontiers ma traduction de Pline, avec les notes. Je prends la liberté de lui présenter cet ouvrage, dont l'objet est d'augmenter la connaissance des arts, et de jeter quelques lumières où l'ignorance consacrée par une vaine renommée, n'a jeté que des ténèbres.

Si Votre Majesté a la patience de lire les observations, peut-être y trouvera-t-elle des choses que la lecture de Pline lui aurait fait penser, si le sujet eût mérité qu'elle s'en occupât; mais qui, si elle les eût écrites, seraient exprimées avec toute la délicatesse du sentiment et la flamme du génie. Mon intention n'a pas été d'écrire en maître, je me serais trop mépris; j'ai seulement dû raisonner en artiste qui connaît passablement la théorie de l'art, et qui voudrait de tout son coeur, la faire connaître un peu mieux qu'elle ne l'est.

Catherine a montré à l'univers que le génie de la législation avait dégénéré, ou n'avait pas encore fait tout ce qu'il serait bon de faire, et quelqu'un dans l'Europe, en a boudé, dit-on. Qu'il soit au moins permis à son statuaire (pardonnez, Madame, la comparaison) de montrer aussi que

---

№ 123. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество изволили милостиво сказать мнѣ, что охотно прочитали бы переводъ мой Плинія съ примѣчаніями. Осмѣливаюсь представить Вамъ это сочиненіе, имѣющее цѣлью распространить свѣдѣнія объ искусствѣ, бросить нѣкоторый свѣтъ туда, куда невѣжество, освященное извѣстностью, бросало доселѣ одинъ мракъ.

Если Ваше Величество будете имѣть терпѣніе прочитать мои примѣчанія, то быть можетъ, Вы найдете въ нихъ мысли, которыя чтеніе Плинія породило бы въ Васъ. Если бы предметъ достоинъ былъ того, чтобы Вы имъ занимались, мысли эти конечно были бы выражены съ тою тонкою и огненною чувствительностью, которая отличаетъ геній. Я не имѣлъ намѣренія написать что либо мастерское, моя ошибка была бы слишкомъ велика; я долженъ былъ лишь разсуждать какъ художникъ порядочно знающій теорію искусства, и который отъ души желалъ бы сдѣлалъ эту теорію болѣе общеизвѣстною.

Екатерина показала вселенной, что геній законодательства измельчалъ или еще далеко не свершилъ своей задачи, и кое-кто въ Европѣ надулся, какъ говорятъ. Да будетъ позволено ея ваятелю (простите мнѣ это сравненіе) показать, что прославленное невѣжество должно отступить предъ истинными познаніями въ предметѣ го-

l'ignorance accréditée doit le céder aux vraies connaissances, dans un bien moindre genre. Il en résultera du moins, que la modestie, le bon goût, le bon sens, seront moins tracassés et moins humiliés par la ridicule charlatanerie et le lourd pédantisme, dès que ces chimères seront démasquées. Quant aux boudeurs, si chacun s'en inquiétait trop, on ne ferait jamais rien.

P. S. Une bonne intention n'a pas toujours un bon succès. On a imprimé sur de plus beau papier, cet exemplaire pour Votre Majesté, mais il en a résulté que le papier étant plus épais que celui du reste de l'édition, le volume est devenu monstrueux. Je Vous supplie, Madame, de ne voir que l'intention, et de pardonner le reste.

№ 124.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 30 Іюня 1772 г.

Madame,

Je viens de recevoir *le Prospectus* ci-joint, de la part de l'auteur. M. Cochin me marque aussi combien ils seraient sensibles à l'honneur que Votre Majesté leur ferait de souscrire pour cet ouvrage, que je crois bien exécuté, et dont l'utilité n'est pas équivoque. Pourrai-je, Madame, assurer dans ma réponse à ces M-rs que Votre Majesté souscrira?

Le jour que Votre Majesté eut la bonté de m'écrire les deux vers Allemands de *Junon*, *Minerve et Vénus*, je pris la liberté de lui dire, que je les

---

раздо скромнѣйшаго свойства. По крайней мѣрѣ послѣдствіе будетъ то, что скромность, вкусъ, здравый смыслъ, перестанутъ подвергаться преслѣдованіямъ, придиркамъ смѣшнаго шарлатанизма или тяжелаго педантизма, какъ скоро эти химеры будутъ обличены. Что касается до тѣхъ, кто дуется, то если бы о нихъ слишкомъ заботиться, пришлось бы ничего не дѣлать.

Приписка. Доброе намѣреніе не всегда сопровождается хорошимъ успѣхомъ. Этотъ экземпляръ отпечатали для Вашего Величества на лучшей бумагѣ, которая оказалась слишкомъ плотною и изуродовала томъ. Умоляю Ваше Величество обратить вниманіе на одно намѣреніе, откинувъ все остальное.

№ 124. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я только что получилъ прилагаемое у сего объявленіе автора. Г. Кошенъ сообщаетъ мнѣ, что они были бы крайне польщены если бы Вашему Величеству угодно было подписаться на это сочиненіе, которое я полагаю будетъ хорошо исполнено и ..ьза коего несомнѣнна. Могу ли въ отвѣтѣ этимъ господамъ сказать, что Ваше ..ичество подпишетесь?

Когда Ваше Величество изволили написать мнѣ два нѣмецкихъ стиха, о Юнонѣ, ..ервѣ и Венерѣ, то я осмѣлился сказать, что знаю ихъ, но не помню гдѣ ихъ чи-

connaissais, mais je ne me souvenais pas où je les avais lus. Je viens de les retrouver dans un recueil que Votre Majesté connaît sans doute. Si elle ne se les rappelait pas, elle ne serait peut-être pas fâchée de les voir ici. Ils sont de Gaspard Fieubet, Chancelier de la Reine Marie Thérèse d'Autriche. Il les fit pour M-me la Comtesse de la Suze, peinte sur un char, dans les airs. Ces vers sont charmants, fins, délicats, très-ingénieux: je ne sais jusqu'à quel point M-me de la Suze les méritait, mais si les deux vers Allemands, qui les imitent, sont aussi beaux, *nous* connaissons une application encore plus juste de cette trinité; je dis plus juste, n'en imaginant pas qui le soit autant.

Quo Dea sublimi rapitur per inania curru?
An Juno, an Pallas, an Venus ipsa venit?
Si genus inspicias, Juno; si scripta, Minerva;
Si spectes oculos, mater amoris erit.

Je les traduis mot à mot, comme Votre Majesté traduisit les autres.

Quelle Déesse est emportée sur ce char dans les airs?
Est-ce Junon, Pallas ou Vénus elle-même qui paraît?
Par sa dignité, c'est Junon; par ses écrits, c'est Minerve,
Si vous regardez ses yeux, c'est la mère d'Amours.

№ 125.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 6 Іюля 1772 г.

Monsieur Falconet. Vous me ferez plaisir de souscrire pour une dizaine d'exemplaires de l'ouvrage que vous propose M. Cochin. Il me semble que

---

талъ. На дняхъ нашелъ я ихъ въ сборникѣ, который безъ сомнѣнія Вамъ извѣстенъ. Если Вы ихъ позабыли, то быть можетъ Вамъ угодно было бы ихъ видѣть здѣсь. Они принадлежатъ господину Фіубе канцлеру Маріи Терезіи. Онъ сочинилъ ихъ для графини де-ла-Сузъ, написанной на воздушной колесницѣ. Стихи эти премилы, тонки, деликатны, очень остры; не знаю въ какой степени г-жа де-ла-Сузъ ихъ заслуживала, но если подражающіе имъ нѣмецкіе стихи также хороши, то мы знаемъ еще болѣе вѣрное примѣненіе этой троицы; я говорю болѣе, не предполагая, чтобы они могли быть примѣнимы на столько же.

Я перевожу ихъ слово въ слово какъ Ваше Величество переводили тѣ нѣмецкіе.

Что за-богиня, уносится колесницею въ пространство? Юнона ли то, или Паллада, или сама Венера. Достоинствомъ она Юнона, писаніями Минерва. Взгляните въ глаза она мать амуровъ.

№ 125. Господинъ Фальконетъ. Вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, подписавшись на десятокъ экземпляровъ сочиненія, предлагаемаго Вамъ г. Кошеномъ. Мнѣ кажется,

les vers allemands sont plus concis, que votre traduction des vers latins dans lesquels il y a de la répétition.

№ 126.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 15 Августа 1772 г.

Madame,

On m'écrit de France qu'il y a dans un nid, un tableau de Reimbrandt parfaitement beau, et qui faisait pendant à *l'enfant prodigue*. S'il était vrai qu'il fût aussi bon, ce morceau serait digne de Votre galerie. Selon les ordres de Votre Majesté Impériale, j'écrirai à quelqu'un des nos meilleurs artistes de voir le tableau, et de juger s'il est tel qu'on l'annonce; car je me garderais bien d'en donner la commission à d'autres. Il ne serait plus question alors, que de charger du transport la personne, de qui je reçois l'avis. Le sujet est Mardochée aux pieds d'Esther et d'Assuérus. Le prix est de trois mille six cents livres.

№ 127.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 29 Августа 1772 г.

Monsieur Falconet. Si le tableau, dont vous me parlez peut servir de pendant à mon *enfant prodigue*, je m'en accommoderais bien, le prix de trois mille six cents livres me paraît très-modique, je vous prie de le faire examiner par des gens en qui vous vous confiez.

что нѣмецкіе стихи сжатѣе, чѣмъ Вашъ переводъ латинскихъ стиховъ, въ которомъ есть повторенія.

№ 126. Всемилостивѣйшая Государыня,

Мнѣ пишутъ изъ Франціи, что въ какой-то глуши есть превосходная картина Рембранта, висѣвшая въ соотвѣтствіи съ *блуднымъ сыномъ*. Если бы справедливо было, что она такъ хороша, то кусокъ этотъ былъ бы достоинъ вашей галлереи. Если Ваше Императорское Величество прикажете, то я напишу одному изъ лучшихъ нашихъ художниковъ посмотрѣть такова ли эта картина, какъ ее описываютъ; конечно не поручу этого дѣла кому либо другому. Тогда останется поручить доставку тому лицу, отъ котораго мнѣ прислано извѣщеніе. Сюжетъ этой картины: Мардохей у ногъ Есфири и Ассуира. Цѣна три тысячи шесть сотъ ливровъ.

№ 127. Господинъ Фальконетъ. Если картина, о которой Вы говорите, подходитъ къ моему *блудному сыну*, то я готова ее купить, цѣна три тысячи шесть сотъ ливровъ кажется мнѣ весьма умѣренною, прошу Васъ поручить осмотръ ея людямъ, которымъ Вы довѣряете.

№ 128.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 7 Сентября 1772 г.

Madame,

Je viens de recevoir la lettre ci-jointe, et je supplie Votre Majesté Impériale de vouloir bien la lire. Je ne puis, ne dois et ne veux me mêler d'aucune affaire qui ne me regarde pas, et surtout ne rien écrire sur les matières de cette importance, pas même le mot qui me paraîtrait le plus indifférent, sans savoir avant si Votre Majesté l'approuverait. Quoique les nouvelles que j'ai pu entendre sur M. de Choisy, soient très-vagues et que je puisse à la rigueur, les répéter à son parent, je Vous supplie, Madame, de vouloir bien me dire si je dois même lui en parler; et j'aurai la plus grande satisfaction, en ne faisant rien que d'exactement conforme à vos ordres. Votre Majesté peut savoir, combien je suis peu curieux d'affaires politiques, et surtout combien je suis voué à ne rien faire qui puisse lui déplaire.

№ 129.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 9 Октября 1772 г.

Vous trouverez étrange qu'au bout d'un mois, je vous réponds à votre billet, mais voici ce qui est arrivé à ce billet: en le recevant, je l'ai mis sur ma table pour y répondre le lendemain, et de lendemain en lendemain, il s'est accumulé une honnête quantité de papiers sur le vôtre qui me l'ont fait oublier; je ne l'ai retrouvé que ce matin par hasard. Mr. de

---

№ 128. Всемилостивѣйшая Государыня,

Сейчасъ получилъ я прилагаемое у сего письмо и умоляю Ваше Императорское Величество прочитать его. Я не могу, не долженъ и не хочу вмѣшиваться въ не касающіяся меня дѣла, а въ особенности ничего не писать о столь важныхъ предметахъ хотя самое ничтожное повидимому слово, если не знаю, что Ваше Величество его апробуете. Хотя извѣстія до меня доходившія о г. Шуази очень смутны, и хотя пожалуй я могу повторить ихъ его родственнику, я умоляю Васъ, Государыня, сказать мнѣ могу ли говорить съ нимъ о томъ; я буду крайне доволенъ, если точно исполню Ваши приказанія. Вашему Величеству конечно извѣстно какъ я не охотникъ до дѣлъ политическихъ и въ особенности сколько я занятъ мыслію не сдѣлать чего либо, что могло бы Вамъ не понравиться.

№ 129. Вамъ покажется страннымъ, что я отвѣчаю на вашу записку чрезъ мѣсяцъ, но вотъ что случилось съ этою запискою. Получивъ ее, я положила ее на столъ, чтобы отвѣчать на другой день, со дня на день набралось множество бумагъ, которыя покрыли вашу записку и заставили позабыть о ней, только сегодня утромъ

Choisy pourrait être, je crois, à Casan avec les autres Polonais parmi lesquels il a servi; cependant, je ne puis vous dire cela au juste, parce que je l'ignore; ce n'est pas une mauvaise défaite, c'est la vérité.

№ 130.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 29 Октября 1772 г.

Madame,

Quelques doctes ont dit qu'ici-bas tout est en ordre, en proportion: c'est beaucoup dire. Cependant, le juste et l'injuste sont souvent en proportion de la conduite qu'on tient pour s'attirer l'un ou l'autre, et je croirais que ceux qui se laissent avilir, méritent de l'être. Votre Majesté attend où vont aller ces belles maximes. A presque rien; à ma tranquillité la plus nécessaire, je vous supplie, Madame, de vouloir bien m'écouter; j'abrègerai le plus qu'il me sera possible.

On donnait pour ma pension chez M. Michel, 3,460 roubles; somme que je trouvais trop forte de la moitié, que je priai de réduire à 1,800, et c'est sur ce pied que je vis depuis cinq ans.

Il y a six mois environ, qui j'écrivis à M. de B. pour le prévenir qu'en général, tout étant renchéri, je le prierais d'ajouter quelques cents roubles aux 1800 qui servent à l'entretien de ma maison. M. de B. convint que j'avais raison, renchérit même sur ce que je disais, et ne fit point de ré-

---

я случайно нашла ее. Г. Шуази быть можетъ находится въ Казани съ другими поляками, съ которыми онъ служилъ, но не могу сказать вамъ этого навѣрное, потому что сама того не знаю, это не отписка, а истина.

№ 130. Всемилостивѣйшая Государыня,

Нѣкіе мудрецы сказали, что на землѣ все въ порядкѣ, въ соотвѣтствіи: этимъ весьма много сказано. Тѣмъ не менѣе справедливое и несправедливое очень часто отвѣчаютъ поведенію, навлекающему то или другое, и я думаю, что лица дозволяющія унижать себя того заслуживаютъ. Ваше Величество ожидаете къ чему клонятся эти громкія истины. Почти ни къ чему; къ крайнему моему спокойствію, умоляю Ваше Величество меня выслушать, я буду по возможности кратокъ.

За содержаніе мое у г. Мишеля платили 3,460 рублей; сумма эта по моему мнѣнію была на половину дороже настоящей стоимости, по моей просьбѣ она сокращена до 1,800 руб. и на этомъ положеніи я живу пять лѣтъ.

Около шести мѣсяцевъ тому назадъ я написалъ г. Б., что вслѣдствіе всеобщаго возвышенія цѣнъ, я просилъ бы прибавить нѣсколько сотенъ рублей къ 1,800 отпускаемымъ на мое содержаніе. Г. Б. согласился, что я правъ, счелъ мою просьбу якомъ умѣренною и оставилъ письмо мое безъ отвѣта. Я попросилъ г. Ласкари ...жить мое ходатайство; отвѣтъ былъ, что я уже такъ дорого стоилъ, за тѣмъ къ

ponse à ma lettre. Je viens de prier M. de Lascaris de rafraîchir ma petite demande; la réponse a été que *je n'ai déjà que trop coûté*, et on a tourné le dos: apparemment que S. E. m'a pris pour la grosse pierre.

Je ne demande absolument plus cette augmentation, qui, au fond, n'est qu'une bagatelle, dont la sollicitation réitérée me ferait rougir pour la vie: mais je réclame le droit de tous les hommes honnêtes qui ont le bonheur de pouvoir s'adresser à Votre Majesté Impériale; celui de prouver que je ne suis pas aussi répréhensible qu'on voudrait bien le faire croire.

Je ne vous aurais peut-être jamais parlé, Madame, de la manière dont je me suis comporté dès l'instant que j'ai été demandé pour votre service; mais comme assurément vous l'ignorez, et que je viens d'en trouver avec surprise, les détails dans une gazette qui parle de mes observations sur *Pline*, j'ai cru que mon silence devenait à présent inutile; c'est pourquoi j'ai copié ci-joint, quelques mots de ces détails. Je n'ai pas la tête assez vaine pour avoir fait cette copie à la *La Rivière;* j'ai même passé des éloges outrés, contre lesquels je proteste dans la plus profonde sincérité de mon âme. Je n'ai pas prétendu non plus faire présent de quelques roubles à la plus grande Impératrice: j'ai tout bonnement dit; *ceçi est assez pour moi, je n'ai pas besoin de plus.* On prétend que cela est rare; j'en suis fâché pour le bon ordre et pour l'honnêteté.

Mais je demande si je mérite d'être traité en polisson avide et men-

---

нему обернулись спиною: по всей вѣроятности его превосходительство приняло меня за подножный камень.

Я вовсе не прошу болѣе объ этой прибавкѣ, которая въ сущности ничтожна, повтореніе моего ходатайства заставило бы меня краснѣть на всю жизнь, но я заявляю право, принадлежащее всѣмъ честнымъ людямъ, имѣющимъ счастіе обращаться къ Вашему Величеству, право доказать, что я не въ такой степени заслуживаю порицанія.

Быть можетъ я никогда не сталъ бы говорить Вамъ о своемъ образѣ дѣйствій съ момента призыва на службу Вашу, но какъ Вы, безъ сомнѣнія, ничего о томъ не знаете, а между тѣмъ я съ удивленіемъ нашелъ подробности о томъ въ газетѣ, толкующей о примѣчаніяхъ моихъ къ Плинію, то я почелъ дальнѣйшее съ моей стороны молчаніе излишнимъ; вотъ почему я списалъ при семъ копію съ нѣсколькихъ словъ объ этихъ подробностяхъ. Я не въ такой степени тщеславенъ, чтобы подражать въ этомъ случаѣ де-ла-Ривьеру; я даже пропустилъ чрезмѣрныя похвалы, противъ которыхъ протестую отъ чистѣйшаго сердца. Я не претендовалъ также дарить нѣсколько рублей величайшей изъ Государынеій: я просто сказалъ: мнѣ этого достаточно, больше мнѣ не надо. Говорятъ что это рѣдко, жалѣю о томъ добраго порядка и честности ради.

Но спрашиваю, достоинъ ли я того, чтобы со мною обращались какъ съ жаднымъ

diant, par un homme qui sait mieux que le gazetier, jusqu'où j'ai porté mon désintéressement! Il me hait. Eh, monsier, haïssez tant qu'il vous plaira, puisque c'est votre lot; mais ne faites pas de lésinerie déplacée au nom de votre Auguste Souveraine. Il sait aussi que j'ai renvoyé deux ouvriers, il y a près de cinq ans,, que j'aurais pu garder, si j'eusse voulu faire le monsieur, qui ordonne son ouvrage, comme on a fait ailleurs, et qui n'y travaille guère. Il sait que le renvoi de ces ouvriers épargne plus de 80,000 livres qu'il aurait fallu leur payer, s'ils eussent resté jusqu'à la fin de l'ouvrage. Mais je n'ai fait que mon devoir. Pourquoi donc ne fait-il pas le sien?

Quoique M. de B. sache tout cela, il se propose de me faire construire un logement dans la place d'Isaaki, au milieu des soldats et de tous les manoeuvres, qui vont être employés aux opérations de la fonte. Cependant Votre Majesté daigna m'écrire, *M. F. gardera son logement jusqu'à ce qu'il dise: je n'en ai plus besoin.* On dit qu'il faut bâtir sur la place que j'occupe. A cela, je n'ai que ces trois mots à répondre aux ordres de Votre Majesté: je me tairai, j'obéirai, je souffrirai. On dit que je serai plus près de mon ouvrage. Ceci me regarde; j'ai un carrosse, et j'aime mieux un peu plus de peine, et moins d'avilissement; car, ici comme ailleurs, on juge les hommes, selon la manière dont ils sont traités. Ne pourrait-on pas me loger ailleurs et décemment dans la ville? Et les frais d'un loyer pour deux,

---

мальчишкой-попрошайкой, заслужилъ ли я въ особенности такое обращеніе отъ человѣка, которому лучше чѣмъ газетчику извѣстно насколько я безкорыстенъ. Онъ меня ненавидитъ. Ненавидьте сударь сколько Вамъ угодно, если такова судьба Ваша, но не дѣлайте во имя Августѣйшей Государыни Вашей неумѣстныхъ прижимокъ. Онъ знаетъ, что около пяти лѣтъ тому назадъ, я отпустилъ двухъ рабочихъ, коихъ могъ сохранить, если бы хотѣлъ важничать, распоряжаться только работой, а не работать самъ, какъ дѣлаютъ иные. Онъ знаетъ, что отпустивъ этихъ рабочихъ, я сберегъ болѣе 80,000 ливровъ, которыя пришлось бы имъ заплатить, если бы они остались до конца работы. Но я лишь исполнилъ долгъ свой. Почему же и ему не исполнить своего долга?

Хотя г. Б. все это знаетъ, тѣмъ не менѣе онъ собирается выстроить мнѣ квартиру на Исакіевской площади, посреди солдатъ и работниковъ, долженствующихъ быть употребленными при отлитіи. Между тѣмъ Ваше Величество благоволили написать мнѣ: «Г. Ф. сохранитъ свою квартиру, доколѣ не скажетъ, что она ему не нужна болѣе». Говорятъ, что надо строить на томъ мѣстѣ гдѣ я живу. На приказанія Вашего Величества имѣю отвѣчать лишь три слова: я буду молчать, слушаться, терпѣть. Говорятъ, что я буду ближе къ своей работѣ. Это мое дѣло; у меня есть карета, я предпочитаю излишекъ труда, излишку униженія, потому что здѣсь какъ и вездѣ судятъ о людяхъ, по способамъ обращенія съ ними.

ou trois, ou quatre ans même, s'il le faut, excèderont-ils de beaucoup la dépense qu'il faudrait pour me bâtir un logement et le démolir ensuite?

J'ai perdu deux années en attendant un fondeur, et c'est autant à ajouter aux huit que j'avais demandées pour l'entier achèvement de la statue. Mais il est certain que je ne m'exposerai plus à la merci d'aucune fantaisie ridicule: c'est pourquoi j'ose en prévenir dès à présent Votre Majesté, et j'ajoute qu'il n'y a rien là de contradictoire avec le désintéressement, dont j'ai pu donner quelques preuves; attendu que mes affaires d'intérêt ne se sont pas améliorées en France. Je n'ai absolument plus ici que Votre Majesté; si elle ne me continuait pas sa protection, quel parti aurais-je à prendre? La douleur et le découragement les plus décidés. Souveraine Auguste, je sais que tout cela n'est agréable ni à écrire ni à lire, mais c'est la vérité exacte, et Vous seule pouvez l'entendre.

№ 131.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 14 Ноября 1772 г.

Madame,

J'ai reçu la réponse de M. Cochin que j'avais prié de voir le tableau proposé à Votre Majesté Impériale. Voici ce qu'il dit:

«J'ai été voir le tableau d'Esther et de Mardochée que l'on dit de Reimbrandt. Ah! n'insultons point à la mémoire de ce grand peintre en

---

Нельзя ли помѣстить меня гдѣ нибудь прилично въ городѣ? Издержки по найму квартиры на два, три, или даже четыре года, если нужно, превзойдутъ ли значительно расходъ по постройкѣ и сломкѣ для меня жилища?

Я потерялъ два года въ ожиданіи литейщика, ихъ надо прибавить къ восьми, назначеннымъ мною для совершеннаго окончанія статуи. Но, безъ сомнѣнія, я не стану болѣе подвергать себя ничьей смѣшной фантазіи; вотъ почему я считаю долгомъ предувѣдомить о томъ Ваше Величество и прибавляю, что въ этомъ нѣтъ ничего противурѣчущаго безкорыстію, которое я заявилъ, потому что денежныя мои дѣла не улучшились во Франціи. Здѣсь у меня нѣтъ рѣшительно никого, кромѣ Вашего Величества; если бы Вы не сохранили мнѣ своего покровительства, то что оставалось бы мнѣ? Полнѣйшія горе и отчаяніе. Августѣйшая Монархиня, я знаю, что все это ни читать, ни писать непріятно, но это полнѣйшая истина и Вы однѣ можете ее выслушать.

№ 131. Всемилостивѣйшая Государыня.

Я получилъ отвѣтъ отъ г. Кошена, котораго я просилъ посмотрѣть картину предлагаемую Вашему Императорскому Величеству. Вотъ что онъ говоритъ:

Я ѣздилъ осматривать картину Есфири и Мардохея, приписываемую Рембранту. Не станемъ глумиться надъ памятью этого великаго живописца, приписывая ему по-

lui attribuant un pareil ouvrage; je ne sais pas même si on peut l'attribuer à Van-Escot son maître, mais que l'éleve avait laissé bien loin derrière lui. Il y a 10 ou 12 ans que ce tableau traîne dans Paris, et que personne n'en veut: a peine en a-t-on offert 6 ou 7 cent livres. Quant à moi, je ne fais nul cas de ce tableau; la tête de Mardochée est effacée de manière qu'il n'y reste plus rien; les autres têtes sont toutes noires, a l'exception de l'Esthere qui est une vilaine salope, bien laide, bien pauvrement peinte. Les étoffes sont faites à gros coups de pinceau, sans formes, sans méplats, sans justesse et sans goût. Il y a un certain amphigouri de couleur à l'imitation de Reimbrandt: tout cela est bien noirci, et de plus les broderies des draperies sont élevées en bosse par des épaisseurs de couleur qui en font presque de la sculpture: c'en est assez pour faire imputer cela au pauvre Reimbrandt, par ceux qui n'y voyent pas plus clair. Je suis fort aise que l'Impératrice n'aille pas sacrifier d'argent à un tableau qui lui déplairait souverainement. J'en suis d'autant plus aise, que je lui dois la plus grande reconnaissance de la bonté qu'elle a eu de souscrire pour quelques exemplaires de notre *costume*. Je vous prie de présenter ma respectueuse reconnaissance à Sa Majesté Impériale, à cette souveraine philosophe qui aime à faire du bien à tous les hommes, ses sujets et autres».

La meilleure façon de m'acquitter envers M. Cochin était de transcrire ces propres paroles et de les présenter à Votre Majesté: ainsi le voilà

добный трудъ; не знаю даже можно ли ее приписывать фанъ-Ескоту его учителю, котораго ученикъ далеко опередилъ. Уже 10 или 12 лѣтъ эта картина валяется по Парижу и не находитъ охотника; за нее предлагали еле-еле шесть или семь сотъ ливровъ. Что до меня касается, то я ее ни вочто не ставлю; голова Мардохея стерта такъ, что почти ничего не остается; остальныя головы совсѣмъ черны, исключая Есфири, которая страшно уродлива и преплохо написана. Штофы намалеваны толстыми ударами кисти, безъ формъ, безъ переходовъ, невѣрно, безвкусно. Въ краскѣ есть напыщенность, подражающая Рембранту; все это очень почернѣло и къ тому же вышивки на занавѣсахъ возвышаются горбами сплоченной краски, такъ что переходятъ въ изваянія; этого довольно для недальновидныхъ, чтобы навязывать подобное произведеніе Рембранту. Я очень радъ, что Императрица не пожертвуетъ денегъ на пріобрѣтеніе картины, которая ей сильно не понравилась бы. Я тѣмъ болѣе радъ, что я ей премного благодаренъ за то, что она соблаговолила подписаться на нѣсколько экземпляровъ нашей книги о костюмахъ. Прошу Васъ поднести мою благодарность Ея Императорскому Величеству, этой Государынѣ-Философу, любящей творить добро всѣмъ людямъ, своимъ подданнымъ и прочимъ.

Лучшимъ способомъ разсчитаться съ г. Кошеномъ было переписать его собствен-

acquitté; pour moi je ne le suis pas à un certain égard qui me pèse depuis longtemps. Voici le fait.

Si Votre Majesté Impériale n'a pas encore fait jetter au feu ma traduction de Pline etc. que j'ai pris la liberté de lui envoyer, je la supplie de vouloir bien s'en donner la peine. Cet ouvrage est rempli de négligence et d'autres fautes, qui ne seront passablement réparées que dans l'édition qui s'en fait actuellement, et qui paraîtra dans quelques temps (74).

1773.

№ 132.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 7 Января 1773 г.

Madame,

Puisque le véritable Diderot ne peut pas venir rendre ses hommages à Votre Majesté Impériale, son effigie attend vos ordres pour se présenter à son auguste et bienfaisante protectrice. Ce qui signifie tout simplement que le marbre du portrait de Diderot est fini, et que M-lle Collot le présentera à Votre Majesté au jour et à l'heure qu'elle daignera lui ordonner.

Comme il y a six ans que je n'ai vu mon ami, je ne puis savoir au juste les changements, qui ont pu se faire sur son visage, mais je puis assurer que ce marbre me le rappelle parfaitement, et que quelques personnes qui l'ont vu depuis moi, le reconnaissent à l'instant; l'effet est égal sur ceux qui l'ont vu depuis plus longtemps.

ныя слова и представить ихъ Вашему Величеству; и такъ я съ нимъ расквитался; но самъ не нахожусь въ его положеніи. Вотъ въ чемъ дѣло:

Если Ваше Величество еще не бросили въ огонь мой переводъ Плинія, который я имѣлъ смѣлость Вамъ поднести, то умоляю это исполнить. Трудъ этотъ наполненъ небрежностью и другими недостатками, имѣющими быть исправленными лишь въ новомъ изданіи, имѣющемъ появиться чрезъ нѣсколько времени (74).

№ 132. Всемилостивѣйшая Государыня,

Такъ какъ настоящій Дидеротъ не можетъ явиться къ Вашему Величеству, то его изображеніе ожидаетъ приказаній Вашихъ, чтобы предстать предъ своею августѣйшею и благодѣтельною покровительницею. Что попросту значитъ, что мраморный портретъ Дидерота готовъ, и что г-жа Колло представитъ его Вашему Величеству въ день и часъ, которые Вамъ угодно будетъ назначить.

Не видавъ пріятеля своего шесть лѣтъ, я не могу знать навѣрное, какія произошли въ лицѣ его перемѣны, но могу увѣрить, что этотъ мраморъ вполнѣ мнѣ его напоминаетъ и что нѣкоторыя лица, видѣвшія его послѣ меня, узнали его немедленно; тоже впечатлѣніе испытываютъ тѣ, кои давно его не видали.

M-lle Collot a joint aux vérités que lui présentaient son modèle, fait il y a plus de six ans, tout ce qu'elle a pu se rappeler des différents traits, mouvements et impressions, qui font la physionomie de l'original. Ainsi, je crois le portrait fort ressemblant. Pour l'art et le travail du marbre, Votre Majesté en jugera parfaitement.

№ 133.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 22 Января 1773 г.

Monsieur Falconet, venez demain Mercredi, mais pas aujourd'hui Mardi; le grand froid m'a empêchée de demander le buste de Diderot (75): pendant ce froid, je n'ai point été dans ma galerie.

№ 134.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 30 Января 1773 г.

Vous êtes plaisant, ne vous en déplaise, avec votre voyage à Moscou; je n'ai pas une chaumière où demeurer là-bas, plus de vingt personnes m'ont déjà parlé de ce prétendu voyage, dont le bruit court, fixant l'époque au mois de Mars. Vous direz à votre particulier qu'il ne se donne point la peine de venir avec ses effets, s'il n'est sûr que ce n'est point de la drogue que son trousseau, mais s'il a de belles et bonnes choses, alors nous verrons ce qui nous en accommodera quand il sera arrivé.

Г-жа Колло изображая имѣвшуюся у нея модель, сдѣланную шесть лѣтъ тому назадъ, присоединила все, что могла вспомнить изъ различныхъ чертъ лица, движеній, впечатлѣній, составляющихъ физіогномію оригинала. И такъ я думаю, что портретъ похожъ. Объ искусствѣ и обработкѣ мрамора Ваше Величество произнесете сами превосходное сужденіе.

№ 133. Господинъ Фальконетъ, приходите завтра, въ среду, а не сегодня во вторникъ, морозъ помѣшалъ мнѣ вытребовать бюстъ Дидерота (75), во время этой стужи я не была въ своей галлереѣ.

№ 134. Вы потѣшаете меня, не прогнѣвайтесь, съ Вашимъ московскимъ путешествіемъ. У меня нѣтъ тамъ хижины гдѣ бы жить, больше двадцати человѣкъ уже говорили мнѣ объ этомъ мнимомъ путешествіи, назначая ему время въ мартѣ мѣсяцѣ. Скажите той личности, чтобы не трудилась приходить съ своими вещами, если не имѣетъ увѣренности, что вещи эти не дрянь; если напротивъ у него хорошіе предметы; то мы посмотримъ что̀ намъ пригодится, когда онъ пріѣдетъ.

№ 135.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 2 Марта 1773 г.

Madame,

Oserais-je rappeler à Votre Majesté Impériale qu'ayant daigné m'enrichir particulièrement des médailles de son règne, et ayant bien voulu m'en promettre la suite, je n'ai pas eu celle de l'inoculation, et peut-être quelques autres, faites depuis l'embrasement de la flotte turque. Je serai encore plus hardi; j'oserai demander celle de Son Altesse Monsieur le Comte d'Orloff, quand elle sera publique. Votre Majesté n'ignore pas combien les événements de son règne me sont précieux, et combien il m'est glorieux d'avoir reçu et de continuer à recevoir de sa main les signes augustes qui les attestent.

Par occasion, Votre Majesté daignerait-elle me permettre, au milieu de ses grandes occupations, de lui parler des plus petites choses? Le médaillon en marbre de Son Altesse Monsier le Comte d'Orloff, n'a pas été payé à M-lle Collot. Comme toute autre voie m'est à présent fermée, ou que je ne pourrais y avoir recours sans éprouver des froideurs humiliantes (extrémité où l'on aura peine à croire que soit réduit l'artiste, qui fait la statue équestre de Pierre Premier, à la cour et sous la protection particulière de Catherine Seconde), je Vous supplie, Madame, de me pardonner si je Vous adresse, pour les intérêts de M-lle Collot, ce petit souvenir.

Quant à la tête de Diderot, Votre Majesté ne l'ayant pas encore vue,

---

№ 135. Всемилостивѣйшая Государыня.

Осмѣлюсь ли напомнить Вашему Величеству, что Вамъ угодно было обогатить меня медалями Вашего царствованія, съ обѣщаніемъ жаловать вновь выбиваемыя; я не имѣю медали на оспоприviванiе и можетъ быть еще нѣкоторыхъ послѣ сожженія турецкаго флота. Я буду еще смѣлѣе, я дерзну попросить медаль его сіятельства графа Орлова, когда она сдѣлается всеобщимъ достояніемъ. Вашему Величеству не безъизвѣстно на сколько я дорожу событіями Вашего царствованія, на сколько мнѣ лестно получать изъ рукъ Вашихъ августѣйшіе знаки, увѣковѣчивающіе эти событія.

Случайно не благоволитъ ли Ваше Величество позволить мнѣ среди великихъ занятій поговорить о малыхъ дѣлахъ. За медальонъ графа Орлова не было ничего заплочено г-жѣ Колло. Такъ какъ всякій иной путь мнѣ прегражденъ, или я не могу имъ пользоваться, не подвергаясь унизительному обращенію (крайность трудномыслимая, до которой доведенъ художникъ исполняющій конную статую Петра Перваго, подъ особымъ покровительствомъ Екатерины Второй), то умоляю Васъ простить меня, если я посылаю Вамъ это памятное объ интересахъ г-жи Колло словечко.

О головѣ Дидерота, невидѣнной еще Вашимъ Величествомъ, нечего говорить.

il n'en faut pas parler. Le seul mot que j'en dirai pourtant, c'est qu'il est arrivé de Paris ces jours derniers, un homme qui venait de voir M. Diderot, qui m'a certifié de nouveau son prochain voyage à Pétersbourg, et qui a été frappé de la ressemblance du portrait.

№ 136.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 21 Января 1773 г.

Madame,

Je viens enfin de recevoir l'annonce du voyage de Diderot aux pieds de Votre Majesté Impériale: mais on me charge de faire une réponse qui puisse apprendre à mon ami ce qu'il pourrait avoir besoin principalement de savoir à ce sujet. Je supplie donc Votre Majesté de me permettre d'aller m'acquitter d'une commission si douce, et à l'objet de laquelle je me suis tant intéressé. Si Votre Majesté ne me fait rien savoir, et je l'en supplie, je prendrai son silence pour une permission, et demain mardi, à trois heures, j'irai m'acquitter et recevoir ses ordres, afin de pouvoir sur-le-champ envoyer ma réponse.

№ 137.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 10 Марта 1773 г.

Madame,

M. Bemer a chargé M. Grot et moi, comme artistes et amis de feu M. Guglielmi, d'estimer les esquisses et un grand dessin à la plume et à

Скажу лишь одно слово, что на дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Парижа человѣкъ, только что видѣвшій Дидерота. Онъ завѣряетъ меня, что Дидеротъ скоро сюда будетъ, сходство портрета поразило его.

№ 136. Всемилостивѣйшая Государыня,

Наконецъ я получилъ увѣдомленіе о путешествіи Дидерота къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества; но мнѣ поручаютъ написать отвѣтъ, который бы наставилъ моего пріятеля относительно того, что ему главнымъ образомъ необходимо знать по этому предмету. Умоляю Ваше Величество дозволить мнѣ явиться для исполненія столь радостнаго для меня порученія, о которомъ я столь интересовался. Если Ваше Величество, ничего не дадите мнѣ знать, какъ я Васъ о томъ умоляю, то я приму Ваше молчаніе за позволеніе и завтра во вторникъ въ три часа, явлюсь за приказаніями, чтобы тотчасъ отправить свой отвѣтъ.

№ 137. Всемилостивѣйшая Государыня,

Г. Бемеръ поручилъ г. Гроту и мнѣ, какъ художникамъ и друзьямъ покойнаго г. Гульелми оцѣнить эскизы и большой рисунокъ перомъ и китайскою тушью, изображающій побѣду Ниспира. Мы сдѣлали надлежащую оцѣнку слѣдующимъ образомъ:

l'encre de la Chine, représentant la victoire du Nister. Nous en avons fait l'estimation à leur juste valeur, ainsi qu'il suit:

La victoire de Nister.	400 R.
Un lever du soleil, esquisse peinte.	25 »
Un coucher du soleil, esquisse peinte . . .	25 »
La fondation de la ville de Troie, esquisse peinte.	50 »
Les 4 parties du monde, 4 esquisses peintes.	40 »
	540 R.

M. Bemer m'a aussi engagé, comme artiste, à porter de sa part ces effets à Votre Majesté Impériale, ce qui serait demain lundi à 3 heures, si elle me le permet; car le tout est chez moi où il m'a été rémis à cet effet, et si je ne reçois pas d'ordres contraires, je le porterai.

Si ce que je vais dire à présent à Votre Majesté n'est ni juste ni raisonnable, je la supplie d'avance de me le pardonner.

M. de Lascaris a cessé le service qu'il faisait au corps de cadets; cet article ne me regardant pas, je me garde bien de vouloir m'en mêler; mais voici le point unique dans cette mutation qui m'intéresse. Depuis six ans et plus que le monument de Pierre Premier est commencé, M. de Lascaris en a secondé toutes les opérations avec une vigilance, une exactitude et une intelligence que je crois peu communes; ce qu'il a fait cependant sans avoir pour cela un rouble d'appointements; circonstance dont il a fallu qu'il m'assurât bien pour que je le croie. Il s'en ira, dit-on, puisque le corps

---

побѣда Ниспира 400 р., восходъ солнца 25 р., захожденіе солнца 25 р., основаніе г. Трои 50 р., четыре части свѣта 40 р. всего 540 руб.

Г. Бемеръ поручилъ мнѣ также въ качествѣ художника отнести эти вещи отъ него Вашему Величеству; я хотѣлъ сдѣлать это завтра въ понедѣльникъ въ три часа, если позволите; такъ какъ все это сложено у меня, то я принесу эти вещи, если не получу инаго приказанія.

Если то, что я сейчасъ скажу Вашему Величеству ни справедливо, ни разумно, то заранѣе прошу прощенія.

Г. Ласкари прекратилъ службу свою въ кадетскомъ корпусѣ; это до меня не касается и я въ это не вмѣшиваюсь, но вотъ единственная точка, интересующая меня въ этомъ передвиженіи. Съ тѣхъ поръ какъ начата статуя Петра Перваго, г. Ласкари вторилъ всѣмъ до этого относившимся дѣйствіямъ съ чрезвычайными бдительностью, точностью, умомъ: все это онъ сдѣлалъ, не получивъ ни одного рубля въ вознагражденіе; обстоятельство въ которомъ онъ долженъ былъ меня завѣрить, чтобы я ему повѣрилъ. Онъ уѣдетъ, какъ говорятъ, такъ какъ кадетскій корпусъ его бо-

des cadets ne le retient plus, et qu'un autre emploi sans appointements aurait encore moins le droit de le retenir.

Si Votre Majesté permet, veut et ordonne qu'il continue à me seconder dans mes opérations, et surtout dans celles de la fonte, où son activité serait bien plus nécessaire encore; s'il reçoit selon son grade et son emploi, des gages convenables, il restera et continuera de servir Votre Majesté avec le véritable zèle que je lui ai toujours connu. Il n'y a très-assurément rien de personnel dans mon intention; l'avancement de l'ouvrage et sa prompte exécution est mon but unique. Je n'ai point vécu particulièrement avec M. de Lascaris, nos plus grandes relations ont été fondées sur mon ouvrage, ce qui ne m'empêche pas de croire ses moeurs fort honnêtes, parce que cela est satisfaisant à croire, quand on n'a rien qui répugne à cette croyance. Mais je ne m'en tiens pas là pour le reste, j'ai trop de preuves du bien qu'il a fait continuellement aux travaux de la statue. En un mot, il a tout suivi, tout connu, tout secondé depuis le premier pas; et assurément un autre qui le remplacerait aurait à faire un noviciat, qu'il a franchi depuis longtemps.

Voilà, Madame, ce que je vous supplie de me pardonner si j'ai tort. J'ai osé parler des besoins de mon ouvrage, parce que je les connais et que je les sens. Mais le résultat n'en sera pas moins la plus entière résignation à vos ordres.

лѣе не удерживаетъ, а другое безмездное занятіе имѣло бы еще менѣе права его удерживать.

Если Ваше Величество позволите, желаете, прикажете, чтобы онъ продолжалъ помогать мнѣ, особенно при отливкѣ, гдѣ его дѣятельность была бы еще полезнѣе; если онъ получитъ приличное чину и обязапностямъ жалованье, то онъ останется и будетъ продолжать службу Вашего Величества съ тѣмъ искреннимъ усердіемъ, которое я всегда признавалъ въ немъ. Конечно въ намѣреніяхъ моихъ нѣтъ ничего основаннаго на разсчетахъ личныхъ; быстрый ходъ и скорѣйшее окончаніе работы составляютъ единственную мою цѣль. Я не жилъ въ особенной дружбѣ съ г. Ласкари, наши отношенія главнымъ образомъ основаны на моей работѣ, но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть въ немъ честнаго человѣка, потому что этому отрадно вѣрить, когда нѣтъ ничего тому противурѣчащаго. Впрочемъ мое заключеніе не на одномъ этомъ основывается; я имѣю слишкомъ много доказательствъ пользы, оказанной имъ трудамъ касавшимся статуи. Словомъ, онъ за всѣмъ слѣдилъ, все зналъ, во всемъ помогалъ, начиная съ перваго шага, и конечно преемнику его придется начать съ выучки, чрезъ которую онъ давно прошелъ.

Вотъ Всемилостивѣйшая Государыня, въ чемъ умоляю простить меня если я не правъ. Я осмѣлился говорить о потребностяхъ труда своего, потому что потребности эти мнѣ извѣстны и чувствительны. Но результатомъ будетъ конечно одно полное преклоненіе предъ приказаніями Вашими.

№ 138.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 10 Марта 1773 г.

Vous pouvez venir demain avec les esquisses et je les ferai payer. Pour ce qui regarde Lascaris, il demande son congé et veut aller aux eaux, ainsi je ne sais comment combiner cela avec l'envie de rester près de votre ouvrage.

№ 139.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 13 Марта 1773 г.

Madame,

Si vraiment Votre Majesté ne se souciait pas de deux esquisses représentant *le lever et le coucher de soleil*, et qu'elle n'en eût pas encore disposé, oserais-je la supplier de les rayer du petit mémoire et de vouloir bien me les céder? *La ville de Troie*, c'est-à-dire la bonté que vous avez eue, Madame, de me la donner, ne m'a pas tourné la tête au point de vouloir abuser de cette grâce; je la reçois avec la plus respectueuse reconnaissance, et je ne demande les deux autres que très-conditionnellement, et avec toute l'hésitation que je dois à tant de bontés.

Si je montre de l'empressement à posséder quelques productions de M. Guglielmi, c'est que je connais le mérite qu'il avait d'ailleurs et que je voudrais avoir tout près des titres pour présenter à ceux qui auraient des doutes. Guglielmi avait des travers sans doute, et pourquoi pas?— Mais il n'en est pas moins doux, moins honnête de vouloir le montrer par ses beaux

---

№ 138. Вы можете придти завтра съ эскизами и я велю заплатить за нихъ. Что касается Ласкари, то онъ проситъ отставки и хочетъ ѣхать на воды, такъ что я не знаю какъ это совмѣстимо съ желаніемъ оставаться при Вашей работѣ.

№ 139. Всемилостивѣйшая Государыня,

Если въ самомъ дѣлѣ Вашему Величеству не угодны два эскиза, изображающіе восходъ и заходъ солнца, и если Вы ими не распорядились еще, то не посмѣю ли умолять Васъ вычеркнуть ихъ изъ списочка и соблаговолить уступить мнѣ? Городъ Троя, т. е. милостивое мнѣ пожалованіе этого рисунка не вскружило мнѣ голову до того, чтобы злоупотребить этой милостью; я принимаю ее съ почтительною благодарностью и прошу двухъ остальныхъ весьма условно, съ тою нерѣшительностью, которая не можетъ не быть послѣдствіемъ столькихъ милостей.

Я дорожу произведеніями Гульельми, потому что знаю его достоинства и желалъ бы имѣть подъ рукою доказательства для убѣжденія сомнѣвающихся. Конечно Гульельми имѣлъ недостатки, да какъ же иначе? Но тѣмъ не менѣе пріятно, честно выставлять

côtés, au moins pour ceux qui restent, puisqu'il avait du vrai talent; et j'ose me flatter que sa cause ne sera pas en mauvaises mains.

№ 140.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 14 Марта 1773 г.

J'avoue que je suis non-seulement étonnée, mais même que c'est une chose très-singulière que le ton plaintif sur lequel est continuellement monté ce Mr. Lascaris; ne dirait-on pas, à l'entendre parler, qu'on lui a fait les plus grands torts du monde. Hé bien, pour savoir ce qui en est, informez-vous combien d'années il y a que Mr. Lascaris était un petit officier galopant après Mr. Betzki, qui d'un régiment de campagne dans lequel, si ma mémoire ne me trompe, il était lieutenant ou tout au plus capitaine, lui trouvant de l'intelligence et les talents ou qualités qu'il a, le prit chez lui et le plaça dans les bataillons où il fit près de Mr. Betzki les fonctions d'adjudant. Il peut y avoir de cela tout au plus sept à huit ans; il n'a jamais été avancé à tour de rôle, mais toujours, comme il vous plaira de le nommer, ou par la protection de son chef, ou parce qu'il s'acquittait bien de ce dont on le chargeait; il y a toujours eu dans son fait, et je l'ai dit cent fois à son chef, de l'importunité et de l'humeur; demandant toujours et n'étant jamais content. Il se peut qu'à l'armée il y en ait qui l'aient passé, mais assurément pas un seul qui n'ait acquis cet avancement au prix de son sang, et il y en a assurément beaucoup plus que Mr. Lascaris a passés qui étaient plus anciens que lui; il a eu toujours à la bouche son avance-

---

и хорошія его стороны, по крайней мѣрѣ тѣ, что сохранились, потому что у него былъ истинный талантъ. Смѣю надѣяться, что дѣло его не въ дурныхъ рукахъ.

№ 140. Признаюсь, мнѣ не только удивителенъ, но забавенъ тотъ жалобный тонъ, въ которомъ постоянно настроенъ этотъ г. Ласкари, послушать его, такъ онъ кругомъ обиженъ. Ну, такъ чтобъ узнать въ чемъ дѣло, справьтесь сколько лѣтъ тому назадъ г. Ласкари былъ офицерикъ, скакавшій за г. Бецкимъ, который, найдя въ немъ умъ и таланты или достоинства, изъ полевыхъ войскъ, гдѣ тотъ былъ если не ошибаюсь поручикомъ или никакъ не болѣе капитана, взялъ его къ себѣ, зачислилъ въ батальонъ и поручилъ обязанности адъютанта при себѣ. Этому не болѣе семи или восьми лѣтъ. Онъ никогда не повышался по старшинству, а всегда, какъ Вамъ угодно назвать это—по протекціи начальника, или потому что хорошо исполнялъ возлагавшіяся на него порученія. Я сто разъ говорила его начальнику, что онъ неуживчивъ и притязателенъ, вѣчно проситъ, вѣчно недоволенъ. Можетъ быть въ арміи иные обогнали его, но только такіе, которые кровью своею заслужили повышеніе, а число тѣхъ, коихъ обогналъ самъ Ласкари несравненно больше, у него постоянно на устахъ по-

ment ou son congé, j'ai toujours dit qu'il fallait le lui donner parce qu'il ne faut gêner personne ni aussi se laisser faire la loi. Je ne parle point des autres dons qu'il a reçus, parce qu'il dira qu'il les a acquis par les services rendus; mais je voudrais bien savoir où est le pays où il en aurait eu non pas plus, mais même autant. Mr. Lascaris est haï comme un crapaud dans le corps des cadets; il était nécessaire de donner un chef à ce corps, afin d'entretenir l'union. Je ne sais ce que son chef lui a promis, mais je sais bien que je ne trouve pas qu'il ait à se plaindre d'injustice: à un étranger on ne donne point le congé avec avancement. Selon nos lois militaires qui sont excellentes, cette prérogative est réservée aux naturels du pays, et cela est juste par plus d'une raison trop longue à détailler; voilà donc toutes ses prétentions qui deviennent vaines, et je ne le trouve pas si fort en arrière, d'être parvenu pendant sept ans, du rang de capitaine, à celui de lieutenant colonel, tandis que nous avons dans l'armée des capitaines tous les jours devant l'ennemi, qui le sont depuis la dernière guerre avec la Prusse.

№ 141.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 15 Марта 1773 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale a vu avec quelle retenue j'ai parlé des moeurs et de tout ce qui ne regarde point la statue. En me prêtant à ce dont on

---

вышеніе или отставка; я всегда говорила, что его надо уволить, потому что никого не надо стѣснять, но нельзя также позволить предписывать себѣ законы. Я не говорю о другихъ полученныхъ имъ подаркахъ, такъ какъ онъ скажетъ, что заслужилъ ихъ, но желала бы я знать въ какой странѣ онъ получилъ бы не болѣе, а столько же. Г. Ласкари въ кадетскомъ корпусѣ ненавидятъ какъ лягушку, этому заведенію необходимо было дать начальника, чтобы ввести болѣе единства. Не знаю, что обѣщалъ ему его начальникъ, но не признаю, чтобы онъ могъ жаловаться на несправедливость; иностранцу не даютъ отставки съ повышеніемъ. По нашимъ военнымъ законамъ, которые отличны, это преимущество принадлежитъ туземцамъ, и это справедливо по многимъ причинамъ, которыя слишкомъ долго было бы перечислять. И такъ всѣ его претензіи оказываются пустыми и я не нахожу, чтобы онъ отсталъ, достигнувъ въ семь лѣтъ изъ капитановъ подполковничьяго чина, когда у насъ въ арміи ежедневно видишь передъ непріятелемъ капитановъ, состоящихъ въ этомъ чинѣ съ послѣдней прусской войны.

№ 141. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть съ какою сдержанностью я говорилъ о поведеніи и всемъ томъ, что не касалось статуи. Исполняя возлагаемыя

me charge, je me réserve toujours ma pensée, que je ne laisse pas déranger par l'adresse et l'artifice des belles paroles; c'est ainsi qu'en désirant le bien, je fais de mon mieux pour ne pas y coopérer en dupe.

Mais, Madame, ce qui l'emporte infiniment sur tout cela, ce qui vous attachera toujours inviolablement les âmes honnêtes, c'est cette douce philosophie qui vous fait descendre dans les détails que vous daignez m'écrire. Si l'Impératrice eût répondu seulement, *j'ai de bonnes raisons pour que cela soit ainsi*, non-seulement personne n'eût eu le droit d'en exiger davantage, mais on n'eût pas même pensé que cela dût être autrement répondu.

Daignez conserver, Madame, cette bonté à un homme qui, j'ose le dire, à tout ce qu'il faut pour la sentir, et qui, s'il s'en rendait jamais indigne, aurait sans toute perdu la tête, le coeur, l'honneur, que sais-je encore.... mais cela ne se peut pas.

J'ai appris avec plaisir que Mr. Velten était nommé pour vaquer aux besoins du monument. C'est, à ce que je puis voir, un homme honnête et de talent; et puisqu'il faut ce changement, je suis fort trompé si nous ne vivrons pas bien ensemble.

№ 142.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 3 Апрѣля 1773 г.

Madame,

J'ai reçu avec sensibilité l'ordre de Votre Majesté Impériale de faire

---

на меня порученія, я сохраняю за собою свою мысль и не даю сбивать себя съ толку громкими фразами; такъ желая добра, я дѣлаю что могу, чтобы не быть при этомъ въ дуракахъ.

Но Государыня, что сильнѣе всего этого, что привяжетъ къ Вамъ на вѣки честныхъ людей, это мягкая философія, снизводящая Васъ до подробностей, о коихъ Вы благоволите писать мнѣ. Если бы Императрица соизволила отвѣчать: Я имѣю основательныя причины желать, чтобы было такъ, то не только никто не дерзнулъ бы желать инаго отвѣта, но никто и не подумалъ бы, что отвѣтъ долженъ бы быть иной.

Удостойте Государыня сохранить милость эту человѣку, который, смѣю сказать, имѣетъ все необходимое, чтобы оцѣнить ее, и который сдѣлался бы ея недостоинъ, только потерявъ голову, сердце, честь что-ли... Но это невозможно.

Я съ удовольствіемъ узналъ о назначеніи Фельтена для содѣйствія по сооруженію памятника. Онъ представляется мнѣ честнымъ и талантливымъ человѣкомъ; и такъ какъ перемѣна эта необходима, то я не ошибусь, думая, что мы будемъ жить въ ладу.

№ 142. Всемилостивѣйшая Государыня,

Съ чувствомъ признательности получилъ я приказаніе Вашего Императорскаго

exécuter en bronze le jeune tireur d'épine, tel que je l'ai étudié il y a environ deux ans, et je vais y procéder de mon mieux. J'avoue qu'après l'approbation qu'y donna Votre Majesté, je n'eus pas lieu d'être encouragé, lorsque je vis la manière dont M... s'y prenait pour faire faire un autre bronze de cette statue. S'il croyait que bronze pour bronze, cela se travaillait comme une bougie, l'évènement, selon ce que j'ai pu voir, n'a pas couronné son opinion.

M-lle Collot vient de faire une tête de jeune homme, étude d'après nature. Oserait-elle présenter ce modèle à Votre Majesté, et reprendre en même temps le marbre de mon portrait, pour l'étudier davantage, en sorte qu'il fut mieux qu'il n'est?

№ 143.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 8 Апрѣля 1773 г.

Monsieur Falconet. Vous direz que je suis la plus inexacte correspondante qu'il y a au monde, et vous aurez raison peut-être; cependant, je n'oublie pas toujours, et une idée n'en chasse pas continuellement une autre; par exemple si mardi, Mad. Collot pendant l'après-dîner fesait apporter dans ma salle son jeune homme, je le verrais avec plaisir, et quand je serai partie pour la campagne, chose qui s'effectuera mercredi après-midi, vous auriez tout le temps d'emporter votre buste pour que pendant l'été Mademoiselle Collot le caressât de nouveau. Si cet arrangement vous plaît,

---

Величества исполнить въ бронзѣ юношу вытягивающаго занозу, такимъ какимъ я изучилъ его года два тому назадъ. Признаюсь, послѣ того какъ Ваше Величество изволили его апробовать, я не очень былъ поощренъ, видя какъ г.... взялся за дѣло, заказавъ другую бронзу этой же статуи. Если онъ думалъ, что бронза выдѣлывается какъ свѣчки, то событія, сколько я имѣлъ случай видѣть, не отвѣтили этимъ убѣжденіямъ.

Г-жа Колло сдѣлала голову юноши, этюдъ съ натуры. Смѣетъ ли она представить ее Вашему Величеству и взять при этомъ обратно мраморный портретъ мой, чтобы изучить и улучшить его.

№ 143. Господинъ Фальконетъ. Вы скажете, что я неисправнѣйшій въ свѣтѣ корреспондентъ и можетъ быть будете правы, однако я не всегда позабываю и одна мысль не гонитъ постоянно другую, напримѣръ, если во вторникъ г-жа Колло послѣ обѣда велѣла бы принести своего юношу въ мою залу, то я увидѣла бы его съ удовольствіемъ, а по отъѣздѣ моемъ на дачу, имѣющемъ послѣдовать въ среду послѣ полудня, Вы имѣли бы время унести свой бюстъ, чтобы лѣтомъ г-жа Колло погладила его еще. Если это Вамъ удобно, то дѣйствуйте такъ, если нѣтъ, то напишите сло-

vous n'avez qu'à le suivre, sinon, vous m'en direz un mot. Le buste de Diderot est bien beau, il demande à corps et à cri celui de d'Alembert pour son vis-à-vis. Qu'en dites-vous?

№ 144.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 25 Апрѣля 1773 г.

Madame,

Je viens de recevoir une lettre de M. de la Condamine, avec l'épître ci-jointe, qu'il me charge de présenter à Votre Majesté Impériale. L'auteur est l'abbé Roman, grand-vicaire de l'évêque de Tarbes, et l'épître doit précéder un poème en quatre chants sur l'inoculation, ouvrage dédié à Votre Majesté, et auquel elle a déjà donné son agrément; on l'imprime. J'avoue, Madame, que j'ai balancé, un instant à m'acquitter de cette commission, lorsque j'ai vu mon nom dans cette épître, avec celui de l'Auguste Catherine: ma première pensée était de Vous la faire parvenir par d'autres mains; si l'auteur m'eût consulté, il aurait assurément corrigé son plan. Mais le plaisir que j'ai toutes les fois que j'entends l'éloge de Votre Majesté, l'a emporté, et ce qui est dit de moi, ayant presque disparu à mes yeux, je n'ai plus vu que l'Impératrice.

M. l'abbé Roman m'est entièrement inconnu; M. de la Condamine ne me l'est que par sa qualité de savant. Ils auront pensé l'un et l'autre que

---

вечко. Бюстъ Дидерота очень хорошъ, онъ взываетъ къ необходимости имѣть подъ пару бюстъ д'Аламберта. Что Вы скажете?

№ 144. Всемилостивѣйшая Государыня,

Сейчасъ получилъ я письмо отъ г. Делакондамина съ прилагаемымъ при семъ посланіемъ для представленія Вашему Императорскому Величеству. Авторъ аббатъ Романъ, викарный архіерей Тарбскій, посланіе предшествуетъ поэмѣ въ четырехъ пѣсняхъ, на оспопрививаніе, трудъ этотъ посвящается Вамъ съ Вашего разрѣшенія и уже печатается. Признаюсь, я нѣсколько поколебался исполнить это порученіе, увидавъ, что въ стихахъ имя мое поставлено возлѣ Августѣйшаго имени Екатерины; первая моя мысль была доставить Вамъ посланіе это чрезъ другія руки; если бы авторъ со мною посовѣтовался, то несомнѣнно измѣнилъ бы планъ свой. Но удовольствіе слышать прославленіе Ваше взяло верхъ, сказанное обо мнѣ почти исчезло въ глазахъ моихъ, я видѣлъ одну Императрицу.

Г. аббатъ Романъ совершенно неизвѣстенъ. Г. Делакондамина я знаю лишь какъ ученаго. Они подумали, что возлагаютъ на меня пріятное порученіе, такъ какъ во Франціи извѣстно, что я всею душею Вамъ преданъ и они были правы; но еще разъ,

c'était me charger d'une commission d'autant plus agréable que personne n'ignore en France combien je suis de coeur et d'âme serviteur de Votre Majesté; et ils ont eu raison: mais encore une fois pourquoi m'a-t-on mis là? Je suis loin de vouloir faire la petite bouche; je suis au contraire fort aise de voir qu'il y a des hommes sensibles et honnêtes qui aperçoivent de l'âme dans mon ouvrage, et qui le disent. Cet éloge, s'il est mérité, dédommage au moins des vils sarcasmes d'un Coltellini, et de la petite humeur de ceux qui, plus fous encore, l'excitent à cette belle corvée... Et si c'était des gens qui par état doivent appuyer mon ouvrage, des gens qui en s'arrachant le nez, croient me faire bien enrager, comment faudrait-il appeler leur joli procédé? Oui, mais M. Roman aurait dû mettre à part, et Greuze, et Falconet.

Quand Votre Majesté aura eu la bonté de me faire le signe d'approbation sur l'épître, je répondrai aussitôt à M. de la Condamine qui sera fort aise de donner cette bonne nouvelle à son ami M. Roman.

J'avais bien envie de copier l'épître, mais je n'ai pas osé sans permission.

Puisque j'ai nommé le Coltellini, je veux montrer à Votre Majesté sur quel ton de bonne humeur je le prends avec lui et ses adhérens, par la copie d'un billet que j'écrivis ces jours passés à un galant homme de ma connaissance.

зачѣмъ же было меня приплетать? Я вовсе не притворяюсь, напротивъ очень радъ видѣть людей честныхъ, чувствительныхъ, усматривающихъ, что въ работѣ моей есть душа, и высказывающихъ этотъ взглядъ. Эти похвалы, если я заслужилъ ихъ, по крайней мѣрѣ вознаграждаютъ меня за презрѣнныя насмѣшки какого нибудь Кольтелинни за мелкія чувства тѣхъ, кои, превосходя его безразсудствомъ, подбиваютъ его на подобныя выходки... А еслибъ то были люди по обязанности долженствовавшіе поддерживать мою работу, люди, которые, уничтожая въ себѣ обоняніе, думаютъ разбѣсить меня, какъ назвать ихъ обращеніе? Такъ, но г. Романъ долженъ бы былъ и Грёза и Фальконета поставить отдѣльно.

Когда Вашему Величеству угодно будетъ удостоить поощрительнымъ знакомъ посланіе, то я немедленно отвѣчу г. Делакондамину, который передастъ это своему другу г. Роману.

Приписка. Мнѣ очень хотѣлось списать посланіе, но я не посмѣлъ безъ позволенія.

Назвавъ г. Кольтелинни, я хочу показать Вашему Величеству, въ какомъ веселомъ тонѣ я принимаю касающееся до него и его приверженцевъ; доказательствомъ тому служитъ копія съ записки написанной мною нѣкоему моему знакомцу.

№ 145.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 26 Апрѣля 1773 г.

Quand on prône les gens en vers ou en prose, ne dirait-on pas qu'au moins faudrait-il savoir leur nom? Voilà cependant ce que Mr. le grand-vicaire de l'évêque de Tarbes ignore; j'ai rayé à la tête de son épître la partie du nom que je n'ai pas l'honneur de posséder. Je vous renvoie cette épître pour en tirer copie ou même garder l'original si bon vous semble; au reste, je n'ai rien à y redire ni à en dire.

№ 146.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 25 Мая 1773 г.

Madame,

J'ai appris ces jours-ci, que Votre Majesté Impériale a trouvé depuis peu un portrait peint de Pierre-le-Grand, beaucoup plus ressemblant, dit-on, que ceux qu'on a vus jusqu'à présent. Si Votre Majesté voulait me l'envoyer, on verrait si cette ressemblance pourrait en faire ajouter ou non à la statue équestre (et M-lle Collot retoucherait son ouvrage). On dit aussi, Madame, que vous devez recevoir cet été douze exemplaires des Idylles de M. Gesner, ouvrage que les seuls souscripteurs peuvent avoir. Oserais-je supplier Votre Majesté de m'en prêter ou même de m'en donner un exemplaire?

Diderot qui a toujours son voyage fort à coeur, craint la mer, parce que sa santé est affaiblie; et par terre, il a les fatigues à redouter; mais il

---

№ 145. Когда хвалятъ людей въ стихахъ, или въ прозѣ, то по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ знать имя хвалимаго. Вотъ чего не знаетъ Тарбскій викарный, во главѣ его посланія я вычеркнула не принадлежащую мнѣ часть имени. Возвращаю Вамъ посланіе, чтобы списать копію или даже сохранить оригиналъ если хотите, впрочемъ я не имѣю ничего сказать о немъ, ни въ осужденіе, ни иначе.

№ 146. Всемилостивѣйшая Государыня,

На дняхъ узналъ я, что Ваше Величество нашли недавно портретъ Петра Великаго болѣе схожій, чѣмъ имѣвшійся доселѣ. Если бы Вамъ угодно было прислать мнѣ его, то быть можетъ сходство это можно было бы передать конной статуѣ, и г-жа Колло воспользовалась бы этимъ указаніемъ. Говорятъ также, что Вы должны получить нынѣшнимъ лѣтомъ 12 экземпляровъ идиллій Геснера, доступныхъ однимъ подписчикамъ. Смѣю ли просить Ваше Величество одолжить или даже подарить мнѣ экземпляръ.

Дидеротъ, все собирающійся путешествовать, боиться моря, такъ какъ здоровье его очень слабо, а сухимъ путемъ долженъ опасаться утомленія; но тѣмъ не менѣе

a toujours son voyage fort à coeur: ainsi j'espère encore qu'un beau matin, il pourra quitter ses Pénates et sa rue Taranne.

Si je l'osais encore, je prierais Votre Majesté de faire un petit noeud à un coin de son mouchoir, et ce petit noeud lui rappellerait les médailles, qu'elle a bien voulu me promettre en ma qualité de souscripteur. La dernière médaille que j'ai, est celle de la destruction de la flotte turque, et la suite m'est tout aussi précieuse.

P. S. Je viens de voir une petite comédie de M. de Mézière, intitulée Les fruits de l'éducation. Je ne sais pas si Votre Majesté la connaît, ou en a entendu parler.

№ 147.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 11 Іюня 1773 г.

Madame,

Il est arrivé ici depuis quelques jours un fou, ou un homme qui ne l'est point du tout. Il m'est très-particulièrement recommandé par M. d'Alembert; il est rempli d'esprit et de talent; il se nomme M. Godefroi de Maimieux; son objet est de présenter à Votre Majesté Impériale un moyen simple d'avoir actuellement et dans l'espace de quatre mois, 30 millions sans que l'acquisition en soit onéreuse en aucune sorte. Il m'a demandé quelles seraient les voies pour faire parvenir directement à Votre Majesté son idée, je ne lui en ai pas indiqué, parce que je n'en sais point; mais je l'ai bien écouté sans lui laisser apercevoir que j'eusse la moindre

---

онъ сильно желаетъ пріѣхать, такъ что я надѣюсь, что въ одно прекрасное утро онъ покинетъ свои пенаты и свою улицу Таранъ.

Если бы я смѣлъ, то попросилъ бы еще Ваше Величество завязать узелокъ на платкѣ, на память о медаляхъ, обѣщанныхъ мнѣ въ качествѣ подписчика. Послѣдняя мною полученная выбита на уничтоженіе турецкаго флота, послѣдующія мнѣ столь же драгоцѣнны.

Приписка. Сейчасъ видѣлъ я небольшую комедію г. де-Мезьера, подъ заглавіемъ: Плоды воспитанія. Не знаю извѣстна ли она Вашему Величеству.

№ 147. Всемилостивѣйшая Государыня,

На дняхъ пріѣхалъ сюда сумасшедшій или вовсе несумасшедшій. Онъ мнѣ спеціально рекомендованъ д'Аламбертомъ; онъ полонъ ума и талантовъ; его зовутъ Годефруа де-Мемьё, онъ желаетъ представить Вашему Величеству простое средство имѣть теперь въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 30 милліоновъ, безъ малѣйшаго отягощенія. Онъ спросилъ меня какимъ путемъ представить свой проектъ Вашему Величеству, я не указалъ ему этого, самъ того не зная; но я внимательно выслушалъ

pensée de m'en mêler. Il ne demande rien, absolument rien, si Votre Majesté après avoir vu un plan très-abrégé, dit que c'est une folie. Si par hasard cet homme n'était pas fou; car je ne connais pas toute l'étendue des possibles, je serais très-content d'avoir aidé a réaliser cet objet.

Je supplie Votre Majesté de daigner me répondre par un mot, si elle permettrait qu'une semblable idée lui fût proposée directement. Je ne sais si M. de Maimieux entend que ce soit en personne ou par un paquet cacheté.

№ 148.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 13 Іюня 1773 г.

Monsieur Falconet. J'ai coutume de dire aux faiseurs d'or et aux faiseurs de projets pour avoir de l'argent: Messieurs, faites-en pour vous-même, afin que vous ne soyez pas obligés de demander l'aumône. Vous savez ou vous ne savez pas, que je n'aime point à employer de nouvelles ressources pour avoir de l'argent sans besoin; vous ne m'en croirez pas peut-être, si je vous disais qu'après cinq ans de guerre, je n'ai aucune nécéssité de créer des moyens pour avoir de l'argent; cela est vrai cependant. J'ai refusé quarante millions qu'on m'offrait il y a quatre mois. Votre rêveur, avec ses trente millions, pourrait donc mieux employer ses projets que chez moi. Vous ne croirez pas un mot de tout ce que je vous dis, si après cela, je vous demandais le projet que votre compatriote vous

---

его, не давая ему повода думать, что я могу вмѣшаться въ это дѣло. Онъ не проситъ ничего, рѣшительно ничего, если Ваше Величество, взглянувъ на его весьма краткій планъ, скажете что это глупость. Можетъ быть, впрочемъ, что случайно человѣкъ этотъ окажется въ своемъ умѣ; не зная предѣловъ возможнаго, я былъ бы очень радъ содѣйствовать успѣху дѣла.

Умоляю Ваше Величество удостоить словечкомъ отвѣта, позволите ли представить Вамъ непосредственно этотъ проектъ. Не знаю разумѣетъ ли г. Мемьё представить свои мысли лично или въ запечатанномъ пакетѣ.

№ 148. Господинъ Фальконетъ. Я имѣю обыкновеніе отвѣчать дѣлателямъ золота и денежныхъ проэктовъ: господа, воспользуйтесь своими выдумками сами, чтобы не просить милостыни. Вы знаете или не знаете, что я не люблю пользоваться новыми источниками для добыванія денегъ безъ необходимости; быть можетъ вы мнѣ не повѣрите, если я скажу вамъ, что послѣ пятилѣтней войны я нисколько не нуждаюсь въ денежныхъ средствахъ, между тѣмъ это правда; я отказалась отъ сорока милліоновъ, которые мнѣ предлагали четыре мѣсяца тому назадъ. И такъ вашъ мечтатель можетъ въ иномъ мѣстѣ съ бо̀льшею пользою пустить въ ходъ свои проэкты. Вы не повѣрите ни одному моему слову, если послѣ этого я попрошу проэктъ

propose. Cependant, l'on dit qu'il n'y a aucun projet qui ne doive être écouté, quelque fou qu'il puisse être, parce qu'il peut être bon à quelque chose, et si dans cette vue vous me l'envoyez, je le lirai. Il le cachettera ou non selon son bon plaisir et me l'enverra par la poste ou par vous, à son choix. Le portrait que j'ai de Pierre Premier paraît être bon: venez le voir, mais je ne voudrais pas le déplaçer dans ce moment. Je n'ai point les Idylles de Gesner: quand je les aurai je vous en enverrai un exemplaire. Je n'entends point parler du voyage de Diderot. Nous parlerons en ville des médailles que je dois vous donner. Je ne connais point la comédie de M. Mézière. Adieu, portez-vous bien.

№ 149.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 1 Іюля 1773 г.

Madame,

Mylord Cathcart vient de m'envoyer un médaillon de Pierre-le-Grand, fait en terre noire d'Angleterre, et S. E. désire que je le présente de sa part à Votre Majesté Impériale. Mylord, à ce que je puis voir, ne sait pas que c'est une bien faible copie d'une tête de plâtre de l'Empereur, qui a resté longtemps dans l'atelier, et dont M-lle Collot s'est servie pour la ressemblance. Quoiqu'il en soit, l'enverrai-je à Votre Majesté par M. de Betzki ou la garderai-je jusqu'à Votre retour en ville?

вашего соотечественника, а между тѣмъ говорятъ что слѣдуетъ выслушивать всякій проэктъ, какъ бы онъ сумазброденъ ни былъ, потому что, на что нибудь да можетъ онъ пригодиться; въ этихъ видахъ я прочитаю его, если вы мнѣ его пришлете. Пусть авторъ запечатываетъ или не запечатываетъ его, какъ ему вздумается и пришлетъ мнѣ его по почтѣ или чрезъ Васъ. Видѣнный мною портретъ Петра Перваго кажется мнѣ хорошимъ, приходите на него посмотрѣть; перемѣщать его теперь мнѣ бы не хотѣлось. Идиллій Геснера у меня теперь нѣтъ, а когда будутъ то пришлю вамъ экземпляръ. Ничего не слышу о путешествіи Дидерота. Мы поговоримъ въ городѣ о медаляхъ, что я вамъ должна дать. Комедіи Мезьера не знаю. Прощайте, будьте здоровы.

№ 149. Всемилостивѣйшая Государыня,

Милордъ Каткартъ прислалъ мнѣ медальонъ съ изображеніемъ Петра Великаго, сдѣланный изъ черной англійской глины. Его Превосходительство желаетъ, чтобы я представилъ этотъ медальонъ Вамъ отъ его имени. Милордъ, какъ видно, не знаетъ, что это весьма слабая копія съ глиняной головы Императора, долго валявшейся въ мастерской и которою г-жа Колло пользовалась для того, чтобы схватить сходство. Какъ бы то ни было, но долженъ ли я послать Вамъ этотъ медальонъ чрезъ г. Бецкаго или сохранить его до пріѣзда Вашего въ городъ.

Votre Majesté me dit qu'elle n'entend plus parler du voyage de M. Diderot, ni moi non plus; et depuis quelque temps je m'aperçois que je n'y dois plus croire. Il n'écrit plus à la Haye, il ne m'écrit plus; et à force de me creuser la cervelle, je crois que tous ces beaux préambules ne sont que des chimères, dont je ne connais ni les motifs ni les ressorts, mais toujours ce sont de beaux contes ou je suis bien trompé.

Votre Majesté m'est témoin que selon ses bonnes intentions, j'ai toujours servi Diderot, avec la chaleur de la véritable amitié; il y a toujours répondu par de fort belles phrases: mais à la fin, on se lasse et j'en suis à ce point. Peut-être saurai-je un jour les raisons vraies qu'il a d'en agir ainsi.

M. de Maimieux, à qui j'ai parlé de faire un mémoire ainsi qu'il l'avait proposé, a paru un peu refroidi sur cet objet, et je ne l'ai pas excité. Je crois qu'il doit entrer chez M. le comte de Bruce en qualité de secrétaire. A la bonne heure.

Si Votre Majesté retourne à Tzarsko-Celo, j'irai et je verrai le portrait peint de Pierre-le-Grand. Alors, selon ce qu'il me paraîtra, il sera encore temps cet hiver de le consulter, si Votre Majesté permet qu'on le transporte dans mon atelier.

Ваше Величество говорите мнѣ, что не слышите больше ничего о путешествіи Дидерота, я точно также, и съ нѣкотораго времени замѣчаю что не долженъ болѣе этому вѣрить. Онъ не пишетъ болѣе въ Гагу, не пишетъ болѣе мнѣ; ломая себѣ голову, я пришелъ къ заключенію, что всѣ эти розсказни не болѣе какъ химеры, коихъ поводы и внутреннія пружины мнѣ одинаково неизвѣстны, но всетаки это однѣ сказки или я очень ошибаюсь.

Ваше Величество мнѣ свидѣтельница, что я заступался за Дидерота съ жаромъ истинной дружбы, съ его стороны всегда были отвѣтомъ прегромкія фразы, но подъ конецъ изнемогаешь и я дошелъ до того. Быть можетъ когда нибудь узнаю истинныя причины такого поведенія.

Г. Мемьё, съ которымъ я говорилъ о составленіи записки, какъ онъ самъ это предлагалъ, показался мнѣ нѣсколько остывшимъ и я не разогрѣвалъ его. Онъ кажется поступаетъ секретаремъ къ графу Брюсу. Въ добрый часъ.

Если Ваше Величество возвратитесь въ Царское Село, то я поѣду посмотрѣть портретъ Петра Великаго. Тогда, смотря потому какимъ онъ покажется, я успѣю еще воспользоваться имъ зимою, если Ваше Величество позволите перенести его въ мою мастерскую.

№ 150.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 6 Іюля 1773 г.

Madame,

Voilà Diderot qui a tout l'air de me rendre menteur. Votre Majesté Impériale peut voir par cette lettre que je reçois dans l'instant, ce qu'elle en peut penser. Je ne dis pas non, mais je serai plus certain encore quand il sera ici. Peut-être le prince de Galitzin l'a-t-il déjà écrit; peut-être l'écrira-t-il bientôt, et peut-être aussi veut-il donner le premier cette nouvelle à Votre Majesté. En ce cas, je la supplie de regarder comme non avenu mon empressement d'aujourd'hui.

№ 151.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 8 Іюля 1773 г.

Monsieur Falconet. Je vous renvoie la missive de Mr. Diderot; il paraît que son départ n'est plus douteux, son amitié pour vous l'est encore moins. Dès qu'il sera à la Haye, je pense que le prince Galitzin en dira quelque chose; dans ses lettres que j'ai vues hier, il n'en fait encore aucune mention. Il voyage apparemment lentement, car depuis le 21 mai qu'il est parti de Paris, nous pourrions avoir des nouvelles de son arrivée à la Haye. Adieu, portez-vous bien.

№ 150. Всемилостивѣйшая Государыня,

Похоже на то, что Дидеротъ хочетъ сдѣлать изъ меня лжеца. Ваше Императорское Величество можете, по этому только что полученному мною письму, заключить что слѣдуетъ думать. Я не говорю нѣтъ, но буду болѣе увѣренъ, когда онъ уже будетъ здѣсь. Быть можетъ князь Голицынъ уже писалъ это, быть можетъ что онъ хочетъ первый доставить Вамъ это извѣстіе. Въ такомъ случаѣ прошу Васъ забыть о моей сегодняшней поспѣшности.

№ 151. Господинъ Фальконетъ. Возвращаю вамъ посланіе г. Дидерота, его отъѣздъ какъ будто не подлежитъ болѣе сомнѣнію, его дружба къ вамъ еще болѣе несомнѣнна; полагаю что по пріѣздѣ его въ Гагу, князь Голицынъ скажетъ что нибудь въ своихъ письмахъ; въ тѣхъ, что я видѣла вчера, онъ еще ничего не говоритъ. Повидимому онъ путешествуетъ медленно, потому что съ 21-го мая, дня отъѣзда его изъ Парижа, мы могли бы имѣть извѣстіе о пріѣздѣ его въ Гагу. Прощайте, будьте здоровы.

№ 152.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 11 Іюля 1773 г.

Madame,

Je supplie Votre Majesté Impériale de pardonner mon importunité, mais voici un mot que je reçois du prince de Galitzin, et que je crois devoir vous communiquer; il regarde mon ami Diderot et son voyage ici.

Encore une fois, le prince Galitzin doit avoir mandé cela à Votre Majesté; mais en supposant qu'il ne l'ait pas fait, je crois devoir lui en donner avis.

Je ne sais pas, Madame, si l'annonce du médaillon envoyé par Mylord Cathcart, vous est parvenu.

№ 153.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 13 Іюля 1773 г.

Monsieur Falconet, par la lettre du prince Galitzin, que je vous renvoie, je vois que Diderot est arrivé à la Haye; le susdit prince ne l'a écrit absolument qu'à vous, mais comme la santé de votre ami est mauvaise, son arrivée ici est toujours douteuse, selon moi. Si ce médaillon de Mylord Cathcart est grand, il n'y a qu'à le laisser en ville jusqu'à ce que j'y vienne. Bonjour, Monsieur.

№ 152. Всемилостивѣйшая Государыня,

Умоляю Ваше Императорское Величество простить мою докучливость, но вотъ письмо, полученное мною отъ князя Голицына, которое считаю нужнымъ Вамъ сообщить; оно касается моего друга Дидерота и его путешествія сюда.

Еще разъ, князь Голицынъ вѣроятно уже донесъ о томъ Вашему Величеству; но если бы онъ этого не сдѣлалъ, то я считаю долгомъ довести о томъ до Вашего свѣдѣнія.

Не знаю, Государыня, дошло ли до Васъ увѣдомленіе о медальонѣ, присланномъ милордомъ Каткартомъ.

№ 153. Господинъ Фальконетъ. Изъ возвращаемаго Вамъ при семъ письма князя Голицына, я вижу что Дидеротъ пріѣхалъ въ Гагу, вышереченный князь не писалъ о томъ рѣшительно никому кромѣ Васъ, но такъ какъ здоровье Вашего друга плохо, то пріѣздъ его сюда все еще сомнителенъ. Если этотъ медальонъ милорда Каткарта великъ, то оставьте его въ городѣ до моего пріѣзда. Прощайте.

№ 154.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 28 Іюля 1773 г.

Madame,

Lorsqu'on reçoit un présent, ou qu'on obtient une grâce, on marque sa reconnaissance; et plus la main qui l'accorde est auguste, plus la reconnaissance est respectueuse.

Je supplie Votre Majesté Impériale d'agréer avec la mienne l'expression du plaisir que me fait la médaille de S. A. le Prince d'Orloff. Si quelques traits méritent d'être consacrés et transmis à la postérité, ce sont sans contredit ceux qui ressemblent au sujet de cette médaille. Votre Majesté peut se rappeler ce que j'en pensais, et ce que je pris la liberté de lui en écrire dans le temps. Il n'y a pas une âme humaine qui n'élève un autel à cette action et qui ne doive en chérir l'auteur. L'allusion à Curtius est très-heureuse, à cette différence près cependant, que le chevalier romain fut perdu pour sa patrie, et qu'heureusement le prince d'Orloff peut encore et pour longtemps être utile à la sienne.

La petite statue du tireur d'épine vient d'être fort bien fondue, et je suis fâché qu'elle n'ait pu l'être plutôt; car j'aurais voulu la présenter à Votre Majesté à son retour. Mais s'il n'est pas fort prochain, cela pourra bien être encore.

L'homme dont je vous ai écrit, Madame, au mois de janvier, et que

---

№ 154. Всемилостивѣйшая Государыня,

Удостоиваясь подарка или милости, выказываешь свою благодарность, а когда милость эта исходитъ отъ Августѣйшей руки, то благодарность дѣлается крайне почтительною.

Умоляю Ваше Величество вмѣстѣ съ моею благодарностью принять выраженіе удовольствія, доставленнаго мнѣ медальономъ Е. С. князя Орлова. Какія, какъ не эти черты заслуживаютъ перейти въ потомство. Ваше Величество можете припомнить что я объ этомъ думалъ и что я имѣлъ смѣлость писать Вамъ во время оно. Нѣтъ души человѣческой, которая не воздвигала бы алтарь подобному поступку и не возносила виновника его. Намекъ на Курція очень счастливъ, съ тою разницею, что римлянинъ погибъ для своего отечества, тогда какъ князь Орловъ по счастью можетъ еще долго быть полезнымъ своей родинѣ.

Небольшая статуя юноши извлекающаго занозу только что отлита и очень хорошо, жалѣю что она не могла быть окончена раньше, чтобы представить ее Вашему Величеству, при Вашемъ возвращеніи. Но если оно не очень близко, то это можетъ еще совершиться.

Тотъ человѣкъ, о которомъ я Вамъ писалъ въ январѣ мѣсяцѣ и котораго я пред-

j'ai averti de ne pas risquer le voyage, s'il n'avait de belles et bonnes choses, vient d'arriver avec 200 tableaux, je les lui ai fait placer dans mon atelier, pour les voir plus commodément et pour faire le choix de ceux qui peuvent plaire à Votre Majesté. Là, il les nettoie, les met dans leurs bordures, et je les examine à mesure. Des 200, j'en ai choisi environ 70, entre lesquels il y en a qui me paraissent de premier ordre; et dans ce trousseau qui n'est rien moins que de la drogue, il y a, sinon tout à prendre, au moins beaucoup de morçeaux, qui tiendraient bien leur place avec ceux qui sont déjà dans les galeries. J'ai prévenu M. de Betzki de l'arrivée de ces tableaux, et au retour en ville tout sera prêt et en état d'être transporté, pour les voir, où Votre Majesté ordonnera.

№ 155.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 12 Августа 1773 г.

Madame,

Voilà ci-joint le catalogue des tableaux que j'ai annoncés à Votre Majesté Impériale. Ils sont tout prêts, et ils seront transportés à vos ordres, quand vous daignerez les voir.

Votre Majesté est peut-être informée que M. Diderot est enfin parti de la Haye, il peut bien y avoir quinze jours, et qu'il vient décidément rendre ses hommages à son Auguste protectrice. C'est M. de Nariskin ([76])

варялъ, чтобы онъ не рисковалъ путешествіемъ, если не имѣетъ дѣйствительно хорошихъ вещей, пріѣхалъ сюда съ 200 картинами, я помѣщаю ихъ въ свою мастерскую чтобы разсмотрѣть ихъ поудобнѣе и отобрать то, что можетъ понравиться Вашему Величеству. Здѣсь онъ ихъ чиститъ, вставляетъ въ рамы, а я ихъ изучаю постепенно. Изъ 200 я выбралъ 70, между которыми есть первоклассныя. Среди этого множества, отнюдь не дрянныхъ впрочемъ, произведеній, можно если не взять все, то выбрать по крайней мѣрѣ много такихъ картинъ, которыя не уступятъ висящимъ нынѣ въ галереяхъ. Я предварилъ г. Бецкаго о прибытіи картинъ и къ возвращенію въ городъ, все будетъ готово чтобы перенести и показать ихъ Вашему Величеству, гдѣ Вамъ угодно будетъ приказать.

№ 155. Всемилостивѣйшая Государыня,

Прилагаю при семъ каталогъ картинъ о коихъ я предварилъ Ваше Императорское Величество. Онѣ готовы и будутъ перенесены по приказанію Вашему, когда Вамъ угодно будетъ ихъ видѣть.

Вашему Величеству быть можетъ извѣстно, что г. Дидеротъ наконецъ уѣхалъ изъ Гаги около двухъ недѣль тому назадъ и что онъ рѣшительно ѣдетъ на поклонъ къ Августѣйшей своей покровительницѣ. Его привезетъ г. Нарышкинъ ([76]), какъ это

qui l'amène, ainsi que cela était convenu entre eux et le prince de Galitzin. C'est un beau trait dans la vie de mon ami; et j'aurais été bien fâché que des circonstances l'en eussent détourné: mais je l'aurais boudé si par sa faute, il ne se fût pas acquitté d'un devoir dont l'obligation, à tant dégards, est si bien établie dans son coeur.

Quand Votre Majesté voudra bien me le permettre et me donner ses ordres, j'irai lui présenter et mes très-respectueux hommages, et le médaillon de Pierre-le-Grand, envoyé par Mylord Cathcart.

№ 156.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 14 Августа 1773 г.

J'ai reçu avant-hier votre lettre et le catalogue des tableaux. Faites-les apporter chez moi mardi; avant ce temps je serai trop occupée. J'ignorais le depart de Mr. Diderot de la Haye. Vous viendrez chez moi mardi avec le médaillon de Mylord Cathcart. Si vous ne trouvez point ce billet écrit avec précision et si quelqu'un y ira chercher de la double entente, ce ne sera pas ma faute. Adieu, portez-vous bien.

№ 157.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 20 Августа 1773 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale m'a un peu embarrassé en me renvoyant aussi le médaillon de la tête noire; je ne sais que répondre à Mylord

---

и было уговорено между ними и княземъ Голицынымъ. Это хорошая черта въ жизни моего друга и я очень бы жалѣлъ если бы обстоятельства ему помѣшали; но я разсердился бы на него, если бы онъ по собственной своей винѣ не исполнилъ долга, обязательнаго для него по столькимъ соображеніямъ, сознаннымъ его сердцемъ.

Когда Вашему Величеству угодно будетъ приказать, то я явлюсь съ выраженіями своего высокопочитанія и съ медальономъ Петра Великаго, присланнымъ милордомъ Каткартомъ.

№ 156. Я получила третьяго дня письмо ваше и каталогъ картинъ. Пришлите мнѣ ихъ во вторникъ, до того времени я буду слишкомъ занята. Я не знала объ отъѣздѣ г. Дидерота изъ Гаги. Приходите во вторникъ съ медальономъ милорда Каткарта. Если записка эта покажется вамъ неточною или если кто-либо станетъ искать въ ней скрытое значеніе, то вина будетъ не моя. Прощайте, будьте здоровы.

№ 157. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Императорское Величество нѣсколько затруднили меня, возвративъ черноголовый медальонъ; я не знаю что отвѣчать милорду Каткарту. Если бы я обладалъ

Cathcart. Oh! si j'avais l'éloquence des Chaumex, des Cogé, des Larcher, et la bonne foi de Fréron, je me tirerais de ce pas délicat comme un petit ange! N'y aurait-il pas chez Votre Majesté quelque grenier où il ne fût question que de faire peur aux chats? on y mettrait ce médaillon.

Il pleut des Falconet à St-Pétersbourg. Ne voilà-t-il pas qu'hier au soir, mon fils est arrivé de Londres, sans dire gare, sans m'avertir, sans m'écrire.

Il apporte de la peinture et de ses ouvrages: le tout est encore dans le vaisseau; je verrai ce que c'est et quel est son talent.

J'ai demandé à l'homme aux tableaux si c'était son cabinet, dont il voulait se défaire, ou s'il était marchand; il m'a dit qu'il était marchand de tableaux.

Je m'étais trompé sur le propriétaire du dessin d'après le Guide: je le croyais à M. Goning, attendu que je l'avais vu dans son appartement, mais il n'y était que pour être plus visible; il appartient à l'auteur.

Je ne sais pas si Votre Majesté a reçu l'ouvrage en français de M. Gesner. Elle a eu la bonté de m'en promettre un exemplaire. Me permet-elle de l'en faire souvenir?

J'ai depuis hier, l'*Histoire philosophique etc. du Commerce dans les deux Indes*. J'ai commencé à la parcourir et j'ai eu de la peine à croire qu'elle fût de M. de la Rivière. Je ne sais si je ne précipite pas un peu trop mon jugement, mais j'ai un pressentiment qu'on pouvait encore faire cet ouvrage après celui de Montesquieu.

краснорѣчіемъ Шоме, Коже, Ларше, добросовѣстностью Фрерона, то я ангельчикомъ выпутался бы изъ этого деликатнаго положенія. Нѣтъ ли у Вашего Величества чердака, гдѣ бы надо было только пугать кошекъ. Этотъ медальонъ можно бы туда поставить.

Фальконеты такъ и сыплются на Петербургъ. Вчера вечеромъ вдругъ пріѣзжаетъ изъ Лондона мой сынъ, не предваривъ меня ни словомъ.

Онъ привезъ картины, отчасти своей собственной работы: все это еще на кораблѣ, увижу что это такое и каковъ его талантъ.

Я спрашивалъ того человѣка про картины, его ли это собственное собраніе, или онъ торгуетъ картинами; отвѣтъ былъ что онъ торговецъ.

Я ошибся относительно владѣльца рисунка по Гиду; я думалъ что онъ принадлежитъ Гонингу, потому что я его тамъ видѣлъ, но онъ былъ тамъ лишь чтобъ быть показаннымъ и принадлежитъ самому автору.

Не знаю получили ли Ваше Величество сочиненія Геснера по французски. Вы оказали мнѣ милость обѣщать эту книгу. Позволите ли о томъ напомнить?

У меня со вчерашняго дня: Философская исторія Индійской торговли. Я началъ ее просматривать и съ трудомъ вѣрю чтобы она была написана г. Ривьеромъ. Быть можетъ я слишкомъ тороплюсь приговоромъ, но предчувствіе говоритъ мнѣ, что книгу эту можно было написать и послѣ Монтескье.

№ 158.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 22 Августа 1773 г.

Que voulez-vous que je fasse du nègre de Mylord Cathcart? s'il ne s'agit que de le mettre au grenier, ainsi soit-il.

Je ne serai pas fâchée de voir de l'ouvrage de votre fils; j'en ai vu gravé qui m'ont paru très-bien.

Votre brocanteur de tableaux ne manquera pas, je pense, d'être bien cher. Demandez-lui les prix de ceux qu'il m'a apportés, et envoyez-les-moi.

Si le prix en est fou, il risquera de les remporter de chez moi, quelque beaux qu'ils soient: nous en avons de pareils au moins et la place commence à nous manquer.

Je n'ai point l'oeuvre de Gesner jusqu'ici.

Fi donc! comment peut-on soupçonner Mr. de la Rivière d'avoir écrit l'Histoire philosophique etc. du commerce des Indes. Elle n'est pas assez ennuyante pour avoir passé par ses mains et le mot d'évidence ne s'y trouve pas assez souvent, la griffe de Mr. de la Rivière a plus de pesanteur. Le voyage de la Russie ne saurait l'avoir changé à un point aussi méconnaissable.

№ 159.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 24 Августа 1773 г.

Madame,

Voilà le prix des tableaux. Votre Majesté Impériale verra par l'appo-

---

№ 158. Куда мнѣ дѣвать негра милорда Каткарта, ежели дѣло въ томъ только чтобъ послать его на чердакъ, такъ пожалуй.

Я рада буду видѣть работу вашего сына, я видѣла труды его гравированными и мнѣ показались они очень хорошими.

Вашъ картинный торговецъ несомнѣнно будетъ дорожиться. Спросите у него и доставьте мнѣ цѣны тѣхъ картинъ, что онъ мнѣ прислалъ.

Если цѣны безумны, то онъ рискуетъ унести картины обратно, какъ бы онѣ хороши ни были, у насъ есть такія что ни чѣмъ не хуже и мѣсто начинаетъ быть недостаточнымъ.

Я до сихъ поръ не имѣю твореній Геснера. Помилуйте, какъ можете вы подозрѣвать что Ривьеръ сочинитель книги о Философской исторіи Индійской торговли. Она не довольно скучна, чтобы исходить изъ рукъ его, слово «очевидность» не довольно часто встрѣчается. Рука г. Ривьера тяжелѣе. Путешествіе по Россіи не могло столь всецѣло преобразить его.

№ 159. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вотъ цѣны картинъ. Ваше Императорское Величество усмотрите изъ приписки

stille que le marchand ajoute à la fin, que son désir est plutôt de vendre que de vendre trop cher, et qu'au moins après avoir dit son prix, il a l'honnêteté de s'en remettre à la décision de Votre Majesté.

S. A. I. M-me la Landgrave (77) doit venir aujourd'hui voir la statue, ainsi que j'en ai été averti hier. L'heure a été donnée depuis onze jusqu'à midi. Cependant j'ai remarqué hier au soir, que dans cette saison depuis quatre jusqu'à cinq, l'ouvrage est également bien éclairé; ainsi Leurs Altesses choisiront de ces deux instants, celui qui leur sera le plus commode.

Ah, mon Dieu! Votre Majesté aurait-elle pu croire que j'aie confondu la tête saine qui a fait l'*Histoire des Indes*, avec le crâne qui a rêvé l'*ordre* prétendu *naturel et essentiel des sociétés politiques?* Non, assurément, je n'ai pas fait cette méprise.

№ 160.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 2 Сентября 1773 г.

Monsieur Falconet, vos cahiers de *costume* antique (78) m'ont donné l'idée de vous prier d'écrire à Cochin ou à tel autre de vos connaissances, qui soient capable d'exécuter ce que je m'en vais vous dire; je voudrais avoir le dessin d'une maison antique, distribuée intérieurement à l'antique. Toutes les chambres ornées de même, selon leurs diverses destinations, et tous les meubles dessinés selon le costume; la maison ni trop grande ni trop petite, la façade, la coupe, etc. Je suis capable de faire bâtir une

---

продавца, что онъ желаетъ лишь продать, а не продать дорого; по крайней мѣрѣ высказавъ цѣну, онъ подчиняется заранѣе окончательному рѣшенію Вашего Величества.

Я предувѣдомленъ, что Ея Высочество Ландграфиня (77) должна пріѣхать сегодня осмотрѣть статую. Часъ назначенъ отъ 11 до 12. Между тѣмъ я замѣтилъ вчера вечеромъ, что въ это время года, съ четырехъ до пяти работа точно также хорошо освѣщена, и такъ Ихъ Высочества могутъ изъ этихъ двухъ промежутковъ времени избрать тотъ, который для нихъ удобнѣе.

Неужели Ваше Величество могли думать что я смѣшалъ здравую голову написавшую Исторію Индіи, съ сумазбродныиъ мечтателемъ мнимаго порядка политическихъ обществъ. Нѣтъ, конечно я не сдѣлалъ этой ошибки.

№ 160. Господинъ Фальконетъ. Тетради ваши объ античномъ костюмѣ (78) дали мнѣ мысль просить Васъ написать Кошену, или кому-либо другому изъ вашихъ знакомыхъ, способныхъ выполнить что я сейчасъ скажу: я желала бы имѣть рисунокъ тичнаго дома, расположеннаго какъ въ древности. Всѣ комнаты точно также украннными сообразно различному своему назначенію, мебели начерченныя сообразно стюмамъ, домъ не слишкомъ великъ, не слишкомъ малъ, фасадъ, разрѣзъ и т. д.

rapsodie grecque où romaine pareille dans mon jardin de Czarsko-Celo, pourvu que cela ne soit pas trop grand. J'aime à la folie surtout la chambre à manger, et les lits autour de la table; je veux tout cela: je vous prie de m'aider à satisfaire cette fantaisie, que je paierai sans doute.

№ 161.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 2 Сентября 1773 г.

Madame,

Je suis bien trompé si Votre Majesté Impériale n'a pas les dessins de sa maison antique, tels qu'elle les souhaite; et je vais écrire en conséquence à Paris. Mais pour que le *costume* soit presque complet, il faudrait aussi des habillements à l'antique, romains ou grecs; il faudrait que les jours où Votre Majesté voudrait habiter sa maison antique, elle voulût bien aussi se passer de bas et de chemise, et qu'elle chaussât le joli cothurne. Ce n'est pas tout, il faudrait faire la cuisine à l'antique; et boire de ces vins de Falernes etc., tant vantés chez Horace et chez les autres bons gourmets du temps. Il faudrait surtout avoir un meilleur cuisinier et mieux endoctriné que ne l'était M-me Dacier (79), laquelle voulant faire un ragoût à la grecque ne fit qu'un margouillis détestable.

Pour amuser Votre Majesté sur ce sujet, je lui envoie une traduction telle quelle d'Athénée (80); je suppose que Votre Majesté ne l'a pas. C'est de tous les auteurs anciens qui nous restent, celui qui nous a le mieux et

---

Я въ состояніи выстроить такую греческую или римскую рапсодію въ моемъ царскосельскомъ саду, только бы оно было не слишкомъ обширно. Я до сумазбродства люблю столовую съ скамьями около стола, я хочу имѣть все это, прошу васъ помочь мнѣ осуществить эту фантазію, за которую я заплачу безъ сомнѣнія.

№ 161. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ошибаюсь, если Ваше Величество не получите рисунки античнаго дома такими какъ Вы ихъ желаете; я напишу объ этомъ немедленно въ Парижъ. Но чтобы *костюмъ* былъ почти полонъ, надобны римскія и греческія одѣянія; въ тѣ дни, когда Ваше Величество пожелали бы жить въ античномъ домѣ, Вамъ слѣдовало бы обходиться безъ чулковъ и рубашекъ, и обуваться красивымъ котурномъ. Это еще не все, надо бы стряпать какъ древніе, пить фалернское и другія вина, столь прославленныя Гораціемъ и другими кухонными знатоками того времени. Въ особенности слѣдовало бы имѣть лучшаго, болѣе опытнаго повара чѣмъ г-жа Даселе (79), которая, желая сдѣлать греческую похлебку, изготовила что-то отвратительное.

Чтобы позабавить Ваше Величество на эту тэму посылаю Вамъ переводъ Атенея (80); полагаю, что этого перевода нѣтъ у Вашего Величества Изъ всѣхъ дошед-

le plus transmis les us et coutumes de la table, de la cuisine etc. des Grecs et des Romains. Le langage du traducteur n'est pas à beaucoup près ce qu'on peut appeler élégant; mais il n'y a que cette traduction en français.

№ 162.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 2 Сентября 1773 г.

Madame,

J'aurais quelques reproches à me faire, si je ne disais pas nettement à Votre Majesté Impériale mon opinion sur les cahiers du *costume*. Je la supplie de m'écouter un instant; car un témoin et une circonstance font souvent qu'on ne dit pas sa pensée à une Impératrice, ou qu'on la lui dit tout autrement qu'on ne voudrait.

Le projet de rassembler dans un ou deux volumes, tout ce qu'on connaît de costumes des nations, est assurément très-utile à quantité d'égards. Mais il faudrait pour bien exécuter ce projet, n'être ni trop âgé, ni trop occupé des besoins de la vie: or, je crois que le bon M. Dandré n'est pas dans cette situation favorable. Le discours et la gravure de son ouvrage sont répréhensibles dans plusieurs endroits, même en n'exigeant pas que les planches soient du travail le plus beau et le plus fini; attendu qu'il ne s'agit que d'indiquer au lecteur, la forme et l'usage d'un habit, d'un instrument etc. etc.

шихъ до насъ старинныхъ писателей, онъ всего болѣе и лучше передалъ намъ свѣдѣнія объ обычаяхъ Грековъ и Римлянъ по предмету стола и кухни. Слогъ переводчика далеко не изященъ, но по французски нѣтъ другаго перевода.

№ 162. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я упрекалъ бы себя если не высказалъ бы Вамъ отчетливо свое мнѣніе о тетрадяхъ *Костюма*. Умоляю Васъ выслушать меня одно мгновеніе; потому что свидѣтель или какое-нибудь обстоятельство мѣшаютъ часто высказать свою мысль Императрицѣ, или заставляютъ высказать ее совсѣмъ иначе чѣмъ желалъ бы.

Мысль соединить въ одномъ или двухъ томахъ все что извѣстно о костюмѣ древнихъ конечно полезна во многихъ отношеніяхъ. Но для исполненія этого проэкта слѣдуетъ не быть ни слишкомъ старымъ, ни слишкомъ занятымъ борьбою съ нуждами житейскими: я думаю что добрый г. Дандре не въ такомъ положеніи. Текстъ его книги, гравированіе его труда не безупречны во многомъ, даже если не требовать чтобы доски были самаго лучшаго, оконченнаго исполненія, потому что задача заключается въ томъ лишь чтобы указать читателю форму и способъ употребленія одежды, инструмента и т. д.

Quant à M. Cochin, voici ce qu'il m'écrit à ce sujet:

«Ce livre sera utile beaucoup plus que tout ce qu'il a fait jusqu'à présent. Vous serez content de la plus grande partie. Vous trouverez peut-être, ainsi que moi, qu'il a un peu trop multiplié les planches pour donner des choses qu'on avait partout, et des compositions de sa façon qui n'étaient pas fort nécessaires. Ne vous en prenez pas à moi, je le laisse faire et ne veux contredire en rien un vieillard mon confrère. D'ailleurs, le bon l'emporte sur le mauvais, et de beaucoup. Quel est le livre à qui l'on ne puisse reprocher quelques inutilités? Cependant, mon association avec lui a sauvé au public un livre beaucoup plus gros d'enflure, d'éloquence superflue, qu'il avait projeté. C'est moi qui lui ai fait changer la forme et réduire la chose à peu près au simple nécessaire».

Dans une autre lettre M. Cochin me dit:

«Il y met bien des choses qui n'y ont que faire: de l'architecture qu'il n'entend nullement etc. etc. Que font là le Luperque nu et le Laocoon aussi nu, pour instruire du costume des vêtements. Mais vous ne voyez pas de près comme moi ce vieillard? Il tient à toutes ses idées, dont je ne puis le faire démordre sans le chagriner, ce qui ne se peut dans l'état où il est. C'est son ouvrage, il faut qu'il soit comme il le veut. Au reste, il faut le regarder comme un champ de bonnes denrées dont on n'a pas ôté les ronces, et prendre le tout comme il est».

Что касается г. Кошена, то вотъ что онъ мнѣ пишетъ объ этомъ:

«Книга эта будетъ полезнѣе всего того что онъ до сихъ поръ сдѣлалъ. Вы будете довольны большею частію: вы можетъ быть подобно мнѣ найдете, что онъ излишне умножилъ доски, помѣстивъ на нихъ вещи общеизвѣстныя и собственныя свои композиціи, которыя были не очень нужны. Не сѣтуйте на меня, я его оставляю работать и ни въ чемъ не хочу прекословить старику собрату. Къ тому же хорошее изобилуетъ сравнительно съ дурнымъ и во многомъ. Гдѣ та книга, которой нельзя сдѣлать упрека въ томъ, что иное въ ней лишнее. Тѣмъ не менѣе мое сотрудничество спасло публику отъ гораздо болѣе толстаго тома надутаго неумѣстнымъ краснорѣчіемъ. Я заставилъ его измѣнить форму и свести дѣло къ предѣламъ простой необходимости».

Въ другомъ письмѣ г. Кошенъ говоритъ мнѣ:

«Онъ вставляетъ много ненужнаго: архитектуру, въ которой ничего не смыслитъ и т. д. Что дѣлаютъ тамъ голый Люперкъ и голый Лаокоонъ, когда идетъ рѣчь объ одеждѣ. Но вы не видите этого старца вблизи какъ я. Онъ дорожитъ всѣми своими идеями, отъ которыхъ его не отвратишь, не опечаливъ его, что невозможно въ теперешнемъ его положеніи. Это его трудъ, долженствующій быть такимъ какъ ему вздумается. Впрочемъ на этотъ трудъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на хорошій огородъ, гдѣ не выпололи плевеловъ и взять въ совокупности, какъ оно есть».

Comme je n'ai pas de Cochin à côté de moi pour me faire *réduire la chose à peu près au simple nécessaire*, je crains bien d'ennuyer Votre Majesté par trop de verbiage: aussi vais-je finir dans l'instant.

S. A. I. M-me la Landgrave, qui a paru contente de la statue équestre, l'a été aussi de l'ouvrage que M-lle Collot lui a montré. Cette princesse lui a même donné un signe d'approbation fort encourageant, en lui disant qu'elle comptait avoir bientôt de sa façon le buste de M-gr le Grand-Duc et celui de M-me la Grande-Duchesse. C'était, aprés avoir fait le buste de Votre Majesté, l'ouvrage que notre artiste pouvait souhaiter de plus honorable, et celui qu'elle souhaitait depuis longtemps, du moins pour le buste de S. A. I.

Il ne faut plus que l'approbation et la bénédiction de Votre Majesté pour que ces deux portraits soient mis au rang des meilleures productions de M-lle Collot, qui va s'évertuer à des études relatives au succès de cet ouvrage, études que Diderot ne manquera pas d'échauffer aussi, quand, à son arrivée il y trouvera son amie entièrement occupée.

№ 163.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 4 Сентября 1773 г.

Fort bien, Monsieur, fort bien! Par vos soins, ma fantaisie antique sera satisfaite. J'ai ordonné d'envoyer l'argent pour les dix exemplaires du *costume* au Pr. Galitzin à la Haye, pour qu'il les paie à Cochin, et Olsoufief ([81]) vous demandera leur prix.

Не имѣя возлѣ себя Кошена, чтобы сдерживать мою болтовню, боюсь надоѣсть Вамъ и кончаю сейчасъ.

Е. В. Ландграфиня, повидимому довольная конною статуею, осталась также довольна работою г-жи Колло. Принцесса удостоила ее даже весьма лестнымъ знакомъ одобренія, сказавъ что она надѣется имѣть работы ея бюстъ В. Князя и В. Княгини. Послѣ бюста Вашего Величества, то будетъ для нашей художницы самая почетная награда, а относительно бюста В. Князя осуществленіе давнишняго ея желанія.

Недостаетъ только одобренія и благословенія Вашего Величества чтобы два эти портрета сдѣлались лучшими произведеніями г-жи Колло, которая примется трудиться надъ успѣхомъ этой работы; въ чемъ ей поможетъ своими воодушевленіями пріятель ея Дидеротъ, когда по пріѣздѣ застанетъ ее за дѣломъ.

№ 163. Очень хорошо, очень хорошо! Вашими попеченіями моя античная причуда будетъ осуществлена. Я приказала выслать деньги за десять экземпляровъ *Костюма* князю Голицыну въ Гагѣ, чтобы заплатить Кошену. Олсуфьевъ ([81]) справится у васъ о ихъ цѣнѣ.

№ 164.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 16 Сентября 1773 г.

Madame,

Le portrait de M-lle Collot, que Votre Majesté Impériale a désiré que mon fils peignît, est fait. Le porterai-je demain ou après-demain, car pour aujourd'hui cela ne se pourrait guère, puisqu'il n'est pas assez sec? Je joindrai à ce portrait, un autre de ses ouvrages, afin que Vous puissiez, Madame, juger plus complètement de ce qu'il sait ou ne sait pas faire. Nous attendons l'ordre de Votre Majesté.

№ 165.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 16 Сентября 1773 г.

Monsieur Falconet. Vous m'apporterez le portrait de M-lle Collot après-demain; on le dit très-ressemblant. Si le brocanteur veut prendre des tableaux marqués ainsi + dans la liste ci-jointe cinq à six mille roubles, je les ferai payer. Il est d'une cherté horrible; le misérable portrait de M. de la Vallière, il en demande cent roubles et il n'a aucun mérite que celui du caprice ou de la fantaisie.

№ 166.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 19 Сентября 1773 г.

Madame,

Que mon fils réussisse ou qu'il ne réussisse pas (ce qu'à Dieu ne plaise

---

№ 164. Всемилостивѣйшая Государыня,

Портретъ г-жи Колло, написанный сыномъ моимъ по желанію Вашего Императорскаго Величества, готовъ. Принести ли его завтра или послѣ-завтра. Сегодня это было бы невозможно, потому что онъ не высохъ. Къ этому портрету я присоединю какую-либо другую его работу, чтобы Вы могли видѣть и полнѣе судить о томъ, что онъ умѣетъ и чего не умѣетъ дѣлать. Мы ожидаемъ приказаній Вашего Величества.

№ 165. Господинъ Фальконетъ. Вы принесете мнѣ портретъ г-жи Колло послѣ завтра, говорятъ что онъ очень похожъ. Если торгашъ согласенъ взять пять или шесть тысячъ рублей за картины отмѣченныя знакомъ + на прилагаемомъ у сего листѣ, то я велю за нихъ заплатить. Онъ ужасно дорогъ, за ничтожный портретъ г. Делавальеръ онъ проситъ сто рублей, тогда какъ портретъ имѣетъ цѣнность прихоти или фантазіи.

№ 166. Всемилостивѣйшая Государыня,

Удадутся или (чего Боже сохрани) не удадутся портреты, заказанные Вашимъ

pour le dernier point) dans les portraits que veut bien lui ordonner Votre Majesté Impériale, je la supplie d'agréer les purs sentiments de notre reconnaissance.

Ni lui ni moi n'aurions jamais imaginé que son voyage lui eût valu cet honneur; et s'il réussit au gré de Votre Majesté, ce sera pour lui la cause d'un avenir heureux, s'il sait y répondre dans quelque pays qu'il soit.

Il demande s'il lui serait possible de voir Votre Majesté avec l'habillement, qui doit être pour le grand portrait, afin qu'il puisse en faire une esquisse. Sa demande ne tire à aucune conséquence; il ne s'agirait que de savoir où, quand et comment il pourrait se trouver où serait Votre Majesté, sans qu'à peine elle s'en aperçût. Si cela pouvait être ces jours-ci, son parti serait pris en même temps pour le portrait sur une petite toile, et comme vraisemblablement l'habit de celui-ci serait le même que l'habit du grand, toutes ses instructions seraient prises en un même instant.

Je suis avec le plus profond respect et la plus parfaite reconnaissance (car après tout un père est sensible au bonheur de son fils)...

P. S. Quand M-lle Collot aura nettoyé et fini le portrait de S. A. I. M-me la Grande-Duchesse, elle le portera à Votre Majesté, Madame, si vous voulez bien lui permettre de Vous en demander Votre avis.

Величествомъ моему сыну, прошу Васъ принять выраженіе чистѣйшихъ чувствъ нашей признательности.

Ни онъ ни я никогда бы не подумали что путешествіе его доставитъ ему эту честь; если работа понравится Вашему Величеству, то предъ нимъ откроется счастливая будущность, въ какой бы то ни было странѣ, если только онъ съумѣетъ поддержать свое счастье.

Онъ спрашиваетъ возможно ли ему будетъ видѣть Ваше Величество въ томъ одѣяніи, что предназначается для большаго портрета, чтобы сдѣлать эскизъ. Его просьба не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій; надо бы знать только гдѣ, когда и какъ онъ могъ бы находиться чтобы видѣть Ваше Величество, не бывъ Вами замѣченнымъ. Если бы это могло произойти на дняхъ, то онъ одновременно приготовился бы и къ маленькому портрету, такъ какъ вѣроятно одежда на обоихъ портретахъ будетъ одинакова.

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною признательностью (потому что отцу нельзя не быть чувствительнымъ къ счастью сына)...

Приписка. Когда г-жа Колло вычиститъ и окончитъ портретъ Е. И. В. Великой Княгини, то представитъ его Вашему Величеству, если Вамъ угодно будетъ разрѣшить ей испросить Ваше чѣніе.

№ 167.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 20 Сентября 1773 г.

Monsieur Falconet. Votre fils pourra me voir commodément ce soir dans la galerie, au bal (82) qui commencera vers les sept heures. Je dirai au grand-maréchal de la cour (83) qu'il lui donne quelqu'un pour le conduire jusque dans la galerie, et à cet effet, il enverra chez lui; la première fois que je vous verrai, nous parlerons du brocanteur, car je ne comprends pas bien le billet que vous m'avez donné.

№ 168.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 7 Октября 1773 г.

Madame,

Lorsque Votre Majesté Impériale voudra bien donner ses ordres à mon fils, il ira prendre la dernière séance. Il a fini l'habillement, et de la manière dont je vois l'ouvrage fait, une seule fois pourra lui suffire (84).

Enfin, Madame, il est venu et vous a vue, ce Diderot qui ne cesse d'en être enchanté. *Oui, je l'ai vue, je l'ai entendue*, dit-il, *et je vous jure, mon ami, qu'elle ne sait pas tout le bien qu'elle m'a fait. Quelle souveraine! quelle femme étonnante* ...... il en dit bien d'autres et ce qu'il y a de fort singulier, c'est qu'il me le dit comme s'il me l'apprenait, et qu'il n'y eût pas sept ans, que je le lui répéte.

J'ose croire aussi que le portrait, que j'ai esquissé de Diderot, à Votre

---

№ 167. Господинъ Фальконетъ. Сынъ вашъ можетъ удобно видѣть меня сегодня вечеромъ въ галереи на балѣ (82), который начнется часовъ около семи, я скажу оберъ-гофмаршалу (83) чтобы онъ послалъ къ нему кого-либо, кто бы провелъ его въ галерею; въ первое наше свиданіе мы говоримъ о торговцѣ картинами, потому что я не совсѣмъ понимаю переданную мнѣ вами записку.

№ 168. Всемилостивѣйшая Государыня,

По полученіи приказаній Вашего Императорскаго Величества, сынъ мой явится для послѣдняго сеанса. Одежду онъ окончилъ, судя по тому въ какомъ положеніи находится работа, ему достаточно будетъ одного сеанса (84).

Наконецъ пріѣхалъ и видѣлъ Васъ этотъ Дидеротъ, не перестающій восторгаться. «Да я видѣлъ ее, я слышалъ ее», говоритъ онъ, «и клянусь вамъ, другъ мой, что она не знаетъ какъ она благотворно на меня подѣйствовала. Что за Государыня, какая поразительная женщина»... Онъ говоритъ еще много другаго, и всего забавнѣе, что говоритъ онъ это мнѣ, какъ будто онъ меня надоумилъ, а не я ему повторяю то же самое семь лѣтъ сряду.

Смѣю думать, что портретъ Дидерота, набросанный мною предъ Вашимъ Величе-

Majesté, depuis que j'ai le bonheur de vivre auprès d'elle, n'a pas été entièrement infidèle, et qu'elle a trouvé dans notre philosophe une âme douce, honnête et sensible autant qu'un esprit plein de force, de hardiesse et d'énergie. Mais une conversation de Diderot le peint bien autrement que tout ce que je pourrais dire.

№ 169.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 8 Октября 1773 г.

Monsieur Falconet. Est-ce que votre brocanteur demande en tout pour ses tableaux, que j'ai marqués 8,000 roubles ou est-ce que ceux qui sont marqués sur le plus petit des deux papiers ci-joints sont à part? car alors la somme totale, selon ce qu'il demande, serait 9,100 roubles; je vous prie de m'éclaircir cela.

Il y a huit jours que ce papier est écrit et que j'ai toujours oublié de vous l'envoyer.

№ 170.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 10 Октября 1773 г.

Madame,

C'est la totalité des 39 tableaux compris dans les 33 articles marqués par Votre Majesté Impériale, que le brocanteur abandonne pour 8,000 roubles, et en vérité ce prix ne me paraît pas trop fort, car ces 39 tableaux sont les meilleurs de sa boutique.

Les 9 articles marqués sur le petit papier sont compris dans les 33 ci-

---

ствомъ, съ тѣхъ поръ какъ я имѣю счастіе жить около Васъ, не оказался вполнѣ невѣрнымъ, что Вы нашли въ нашемъ философѣ душу мягкую, честную и чувствительную, умъ полный силы, смѣлости, энергіи. Но разговоръ Дидерота живописуетъ его лучше, чѣмъ все что я могъ бы сказать.

№ 169. Господинъ Фальконетъ. Хочетъ ли вашъ торгашъ 8,000 р. за всѣ отмѣченныя мною картины или же отмѣченныя на меньшемъ лоскуткѣ бумаги онъ считаетъ отдѣльно? въ послѣднемъ случаѣ весь итогъ составлялъ бы 9,100 р.; прошу васъ разъяснить мнѣ это.

Эта бумажка уже цѣлую недѣлю какъ написана и я все забываю послать вамъ ее.

№ 170. Всемилостивѣйшая Государыня,

Торгашъ уступаетъ Вашему Величеству за 8,000 рублей тридцать девять картинъ, упоминаемыхъ въ 33-хъ предметахъ, отмѣченныхъ Вами; цѣна эта по истинѣ не представляется мнѣ слишкомъ высокою, потому что въ этихъ 39-ти картинахъ заключается лучшее изъ всей его лавки.

Девять предметовъ, отмѣченныхъ на маленькой бумажкѣ, включены въ выше-

dessus, et les 1,100 roubles qui en font le prix, rentrent par conséquent dans la totalité des 8,000 pour les 39 tableaux.

M-lle Collot a mis une cuirasse au portrait de S. A. I. Mais afin de montrer promptement le médaillon à Votre Majesté, elle n'a point fait cette cuirasse d'après le naturel qu'elle n'avait pas. Je vous supplie, Madame, de vouloir bien en envoyer une, pour que l'étude de cette partie soit juste, et aussi pour conduire plus sûrement le graveur d'après le modèle. Ce graveur, par parenthèse, est un bien pauvre artiste, soit dit sans vouloir lui nuire; il a fait une fort mauvaise petite tête, et nous aurons un peu de peine à la lui faire faire bonne, mais nous prendrons patience. Ce que je sais de plus certain sur son talent, c'est que depuis près d'un an, il me fait tourner l'esprit pour la médaille de la statue équestre, et qu'il aura bien du bonheur, s'il en fait autre chose qu'une drogue; mais il faut que tout le monde vive. Quand ces gens-là font mal leurs productions propres, nous ne nous en mêlons pas, à moins qu'ils ne nous consultent, ce qui n'arrive guère à la médiocrité suffisante. Mais quand ils gâtent nos ouvrages en les copiant, c'est un peu notre affaire, et surtout en raison de l'importance de l'objet.

№ 171.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 23 Октября 1773 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale n'est pas plutôt débarrassée d'un brocanteur,

---

упомянутые 33 и 1,100 рублей, составляющіе цѣну ихъ, слѣдовательно входятъ въ итогъ 8,000 за 39 картинъ.

Г-жа Колло помѣстила кирасу на портретѣ Е. И. Высоч. Но чтобы поскорѣе показать медальонъ Вашему Величеству, она исполнила кирасу не съ натуры, которой у нея не было. Умоляю Ваше Величество приказать чтобы кираса была доставлена, такъ чтобы и эта часть была вѣрна, а также чтобы успѣшнѣе руководить гравера. Упомянувъ въ скобкахъ, что граверъ этотъ весьма плохой художникъ, говорю это не желая ему вредить; онъ сдѣлалъ скверную головку и намъ не легко будетъ ее улучшить, но мы будемъ терпѣливы. Что мнѣ твердо извѣстно объ этомъ талантѣ, такъ это то, что онъ около года мучитъ меня моделью конной статуи, и весьма будетъ онъ счастливъ если сдѣлаетъ изъ нея что-либо не совсѣмъ дрянное; но надо всякому дать жить. Когда люди эти дурно исполняютъ свои собственныя произведенія, то мы въ это не вмѣшиваемся, если они не совѣтуются съ нами, чего не случается съ высокомѣрною посредственностью. Но когда они, копируя, портятъ наши произведенія, тогда это затрогиваетъ и насъ, особливо если предметъ важенъ.

№ 171. Всемилостивѣйшая Государыня,

Только что Ваше Величество отдѣлались отъ одного торгаша, какъ появляется

qu'en voilà un autre qui se présente avec 12 tableaux. Je ne sais pas comment ils vous plairont, Madame, mais s'il m'est permis d'en dire mon avis, je crois qu'ils peuvent tenir une bonne place avec les autres.

1° Lorsqu'il est impossible d'avoir l'original d'un tableau de premier ordre, et par sa beauté et par sa réputation, on peut regarder comme précieuse une copie de la S-te famille de Raphaël, si cette copie ne le cède guère à l'original. Celle-ci est peut-être une des meilleure leçons pour apprendre combien les bonnes copies sont trompeuses.

2° Deux Marines de Vernet, peintes à Rome en 1748, dans le meilleur temps de ce peintre.

3° Les Saisons, par Corneille Polembourg, tableau des plus agréables de ce maître.

4° Loth et sa famille, par Rubens. Ce tableau est gravé, sa réputation est faite.

5° Une fuite en Egypte de Pietro Francesco Mola; très-bon tableau. Je ne crois pas qu'il y en ait de ce maître dans la galerie de Sa Majesté Impériale.

6° La Religion, par le Brun. Figure de proportion naturelle, du meilleur style et du meilleur temps de ce maître.

7° La Justice et la Paix, deux figures de Lesueur dans un paysage de Patel. Ces figures ont la finesse et la pureté du beau style grec.

другой съ 12 картинами. Не знаю какъ онѣ Вамъ понравятся, но если мнѣ позволено высказать мое мнѣніе, то я думаю, что онѣ очень могутъ занять мѣсто между другими.

1. При невозможности имѣть оригиналъ первостепенный и по красотѣ и по извѣстности, надлежитъ высоко цѣнить копію св. семейства Рафаэля, если эта копія близка къ подлиннику. Эта копія можетъ служить хорошимъ урокомъ въ доказательство того, какъ хорошія копіи обманчивы.

2. Два морскихъ вида Вернета, писанные въ Римѣ въ 1748 году, въ лучшую пору этого художника.

3. Времена года, Корнелія Полембурга, одна изъ пріятнѣйшихъ картинъ этого художника.

4. Лотъ съ семействомъ, Рубенса. Картина эта гравирована, ея репутація сдѣлана.

5. Бѣгство въ Египетъ, Піетро Франческа Мола, очень хорошая картина. Картинъ этого художника, сколько мнѣ кажется, нѣтъ въ галереи Вашего Величества.

6. Религія, Лебрёна. Фигура вѣрнаго размѣра, лучшаго стиля, лучшей эпохи мастера.

7. Правосудіе и миръ. Двѣ фигуры Лесюёра въ пейсажѣ Пателя. Фигуры эти имѣютъ тонкость и чистоту хорошаго греческаго стиля.

8° Un Hiver, par Van Goen, paysage et petites figures d'une couleur et d'une touche très-fines.

9° Un repos de la S-te famille, par le Baroche. La douceur et la naïveté du sujet y sont bien exprimées.

10° L'entrée de Jésus-Christ dans Jérusalem, par le Poussin.

11° Des fleurs, par Van-Huysum: tableau précieux par l'imitation des détails.

Quand Votre Majesté le permettra, ces douze tableaux seront portés dans la galerie (85).

№ 172.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 11 Ноября 1773 г.

Madame,

J'ai pensé qu'il est plus vrai, plus simple, plus honnête, de ne pas faire l'extrait de la lettre de M. Cochin, et d'envoyer à Votre Majesté Impériale l'original même. Elle y verra les sentiments que les hommes honnêtes, et qui ne sont pas ses sujets, se confient les uns aux autres. Elle y verra, que nous avons dans toutes les classes, des hommes qui savent allier la liberté de penser avec la prudence; jamais ceux-là n'ont troublé les sociétés. M. Cochin, sans prétendre à aucune titre, est fort instruit, et sa lettre me rappelle ces vers du poète Rousseau, dant l'épître à Clément Marot; Votre Majesté les sait.

Et cherchez bien de Paris jusqu'à Rome,
Onc ne verrez sot qui soit honnête homme

---

8. Зима, Фанъ Гоена, пейзажъ и маленькія фигуры, краски и отдѣлки весьма тонкой.

9. Отдохновеніе св. семейства, Бароша. Мягкость, наивность предмета хорошо выражены.

10. Входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Пуссена.

11. Цвѣты, Фанъ Хюисума. Картина драгоцѣнная, по изображенію мелочей.

Эти 12 картинъ, когда Ваше Величество позволитъ, будутъ принесены въ галерею (85).

№ 172. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я полагаю что будетъ проще, правдивѣе, честнѣе, не дѣлая извлеченія изъ письма г. Кошена, послать Вамъ его въ оригиналѣ. Вы увидите изъ него какія чувства довѣряютъ другъ другу честные люди, не подданные Ваши. Вы увидите, что у насъ во всѣхъ состояніяхъ есть люди, умѣющіе соединять свободу мысли съ осторожностью; такіе люди никогда не нарушали общественнаго спокойствія. Г. Кошенъ, не претендуя ни на какой титулъ, весьма ученъ, его письмо напоминаетъ мнѣ стихи поэта Руссо, въ посланіи къ Клеманъ Маро; Ваше Величество знаете ихъ.

Отъ Рима до Парижа ищите цѣлый вѣкъ,
Не слышно чтобъ дуракъ былъ честный человѣкъ.

Je le soutiens. Justice et vérité
N'habitent point en cerveau mal monté.
Du vieux Zénon l'antique confrérie
Disait tout vice être issu d'ânerie.
Non que toujours sottise de son chef
Forme dessein de vous porter méchef.
Mais folle erreur d'ignorance complice,
Fait même effet, et supplée à malice.

Votre Majesté n'a point fait ces vers; mais tout ce qu'elle opère les prêche bien plus éloquemment. Nous le savons tous, et même en France et ailleurs, peut-être, autant qu'ici.

№ 173.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 2 Декабря 1773 г.

Madame,

M. Loutherbourg (86), peintre qu'on avait dit mort, m'écrit de Londres et me prie de recommander son talent à Votre Majesté Impériale. Il peint les batailles, les marines, les paysages, et il désire beaucoup d'être honoré de quelques ouvrages pour Votre Majesté. En supposant qu'il y ait lieu à quelque doute sur son mérite et qu'il ne soit pas aussi supérieur qu'on le dit, l'ambassadeur qui est à Londres, pourrait s'en informer et la question serait décidée. Le succès de ma médiation, ou plutôt de ma commission,

---

Повѣрьте, голова гдѣ мозга не хватаетъ
Ни правосудія, ни правды не вмѣщаетъ.
Почтенные Зенона собратья встарину
На ослика въ порокахъ свалили всю вину.
Не то чтобы глупецъ былъ злобенъ неизмѣнно,
А глупость точно злость все портитъ несомнѣнно.

Стихи эти сочинены не Вашимъ Величествомъ, но все Вами творимое подтверждаетъ ихъ смыслъ еще краснорѣчивѣе. Мы знаемъ это всѣ и даже во Франціи и въ другихъ мѣстахъ столько же какъ и здѣсь.

№ 173. Всемилостивѣйшая Государыня,

Живописецъ Лутербургъ (86), котораго считали умершимъ, пишетъ мнѣ изъ Лондона и проситъ рекомендовать его талантъ Вашему Императорскому Величеству. Онъ пишетъ сраженія, морскіе виды, пейзажи, и желалъ бы быть удостоеннымъ заказами отъ Вашего Величества. Предполагая что въ достоинствѣ его есть поводъ сомнѣваться, можно бы поручить послу въ Лондонѣ справиться объ этомъ и вопросъ былъ бы рѣшенъ. Успѣхъ моего посредничества можетъ основываться только на

ne sera dû qu'à la protection et à l'encouragement que Votre Majesté accorde universellement aux talents, de quelque genre qu'ils soient.

Votre Majesté a eu la bonté d'envoyer le portrait, voudrait-elle bien aussi envoyer un des fauteuils et son coussin, de la galerie des tableaux, le portrait de Snyders (87), et un ordre de St. André, lequel ordre serait reporté le même jour au plus tard le lendemain?

Il paraît que M. Cochin s'est adressé à un architecte absolument convenable pour les dessins de la maison antique, et qu'ils pourront être beaux. Oserais-je faire souvenir Votre Majesté de la lettre de M. Cochin?

P. S. Si Votre Majesté voulait confier l'ordre à M. Diderot, il l'apporterait au logis en sortant du Palais, mon fils le peindrait, et le lendemain il serait reporté.

№ 174.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 6 Декабря 1773 г.

Monsieur Falconet. Enfin, à force de vider des poches, j'ai retrouvé la lettre de Cochin que vous m'avez envoyée. Je suis avec lui et vous de l'avis qu'il ne pouvait pas s'adresser mieux pour la maison antique qu'il ne l'a fait; ce Mr. Clérissau (88) paraît avoir toutes les qualités requises pour exécuter à ravir le projet de la maison antique dont j'ai la fantaisie, et pour laquelle il peut être sûr qu'il n'y aura pas de concours. N'est ce pas

---

всемірномъ покровительствѣ и поощреніи, оказываемыхъ Вашимъ Величествомъ всякаго рода талантамъ.

Ваше Величество изволили прислать портретъ, не пришлете ли также кресла и подушку изъ картинной галереи, портретъ Снидерса (87) и Андреевскій орденъ, который будетъ возвращенъ по принадлежности въ тотъ же день и не позже слѣдующаго дня?

Повидимому г. Кошенъ обратился къ весьма хорошему архитектору для рисунковъ античнаго дома, которые будутъ отличны. Смѣю ли напомнить Вашему Величеству о письмѣ г. Кошена?

Приписка. Если бы Ваше Величество передали орденъ Дидероту, то онъ принесъ бы мнѣ его, выходя изъ дворца, сынъ мой написалъ бы его, и на другой день его отнесли бы обратно.

№ 174. Господинъ Фальконетъ. Наконецъ-то, выворотивъ всѣ свои карманы, я нашла письмо Кошена, вами присланное. Я вмѣстѣ съ вами и съ нимъ раздѣляю мнѣніе, что онъ не могъ лучше обратиться объ античномъ домѣ; этотъ г. Клериссо (88) повидимому имѣетъ всѣ качества, необходимыя для того, чтобы прекрасно исполнить проэктъ античнаго дома, мною задуманнаго, и для котораго не будетъ конкурса,

assez que de faire une folie? Faut-il encore rendre cette folie publique? Je vous recommande deux choses, Monsieur Falconet. La première de tâcher de savoir environ le temps où ces dessins pourront être achevés. La seconde, à quel prix à peu près on les pourra avoir; ceci, vous le traiterez, s'il vous plaît, avec toute la décence convenable. Je m'en rapporte à vous, à condition que vous n'y mettrez point d'humeur, de ce que par deux fois vous vous êtes heurté contre deux énormes paquets, qu'on m'avait apportés à lire, quelques moments avant qu'on vous eût annoncé, on m'a dit qu'hier encore vous vous êtes présenté, mais ceci je ne l'ai appris qu'une heure après que vous vous étiez retiré, et par conséquent je m'en lave les mains. Je vous prie de me dire si vous connaissez un Mr. de Wailli dont je viens de recevoir un pavillon de jardin qui me plaît beaucoup. A vous dire la vérité, je ne me soucie point des ouvrages de Loutherbourg si cette fantaisie me prend, je lui en ferai parler par mon ministre à Londres. Je pense qu'à présent, votre fils a tout ce qu'il lui faut pour mon portrait; bonjour, Monsieur, portez-vous bien. (Vendredi, à sept heures du matin).

№ 175.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 7 Декабря 1773 г.

Madame,

Oh! Si j'avais de l'humeur! j'avais bien pis, j'avais du délire. Je m'entends dire, il y a environ trois semaines: *l'Impératrice ne veut plus vous*

онъ можетъ быть въ томъ увѣренъ. Не довольно ли сдѣлать одну глупость? какая надобность ее опубликовывать? Рекомендую вамъ, господинъ Фальконетъ, двѣ вещи: во-первыхъ, узнать приблизительно когда эти рисунки будутъ окончены; во-вторыхъ, освѣдомиться приблизительно о цѣнѣ, послѣднее пожалуйста оговорите со всевозможною осторожностью. Полагаюсь на васъ, съ условіемъ, чтобы вы не сердились за то, что два раза сряду вы наткнулись на два огромныхъ пакета, принесенныхъ мнѣ для прочтенія за нѣсколько минутъ прежде чѣмъ о васъ доложили; мнѣ сказали, что вы приходили еще вчера, но это я узнала лишь чрезъ часъ послѣ того какъ вы ушли и слѣдовательно умываю себѣ въ этомъ руки. Прошу васъ сказать мнѣ, знаете ли вы нѣкоего г. де Вальи, отъ котораго я получила садовую бесѣдку, весьма мнѣ нравящуюся. Сказать вамъ по правдѣ, я не дорожу произведеніями Лутербурга; если бы фантазія эта пришла мнѣ въ голову, то я дамъ о томъ порученіе посланнику своему въ Лондонѣ. Думаю что сынъ вашъ имѣетъ теперь все что ему нужно для портрета. Прощайте, будьте здоровы. (Пятница, въ 7 часовъ утра).

№ 175. Всемилостивѣйшая Государыня,

О, я не только былъ въ дурномъ расположеніи духа, гораздо хуже, я просто бредилъ. Около трехъ недѣль какъ я слышу: Императрица не хочетъ болѣе васъ

voir. Et Votre Majesté Impériale croit qu'on vit tranquille après avoir entendu cela! Cette ombre seule de défaveur n'est-elle pas effrayante? Mais si Vous le permettez, Madame, j'irai lundi Vous montrer une nouvelle lettre de M. Cochin, et Vous remercier du sens commun que Vous m'avez rendu. Je croyais en avoir assez, et en avoir assez besoin pour en regretter la perte.

Je viens de répondre à Cochin touchant Clérisseau conformément aux ordres de Votre Majesté.

№ 176.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 24 Декабря 1773 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale a vu combien le projet insensé de M. Clérisseau m'a fait de peine; mais elle ne peut savoir ce que je viens d'en écrire à Paris et à la Haye. Je la supplie donc de vouloir bien jeter un coup d'oeil sur ce qui suit.

Au prince de Galitzin:

«Il est démontré que M. Clérisseau est aussi impertinent qu'il feint d'être sourd. Vous avez vu, Mon Prince, tout ce que j'ai écrit à Paris sur la maison antique, et vous savez que la demande de S. M. I. ne contenait autre chose qu'un petit pavillon dans un jardin. Vous avez lu le maudit projet, qui n'irait pas à moins qu'à construire un Palais immense trois fois

---

видѣть. И Ваше Величество думаете, что можно жить спокойно, услышавъ это! Одна тѣнь подобной немилости не ужасна ли? Но если Вы позволите, Государыня, то я въ понедѣльникъ явлюсь къ Вамъ съ новымъ письмомъ Кошена и съ благодареніями за возвращеніе мнѣ здраваго разсудка. Я думалъ что у меня хватало его лишь на столько чтобы сожалѣть объ утраченной его части.

Я отвѣчалъ Кошену относительно Клериссо, согласно приказаніямъ Вашего Императорскаго Величества.

№ 176. Всемилостивѣйшая Государыня,

Ваше Величество видѣли насколько безумный проэктъ Клериссо меня раздосадовалъ; но Вамъ неизвѣстно что я написалъ по сему предмету въ Парижъ и Гагу. Умоляю Васъ взглянуть на слѣдующее къ сему приложеніе.

Князю Голицыну:

«Доказано что г. Клериссо дерзокъ на столько же на сколько прикидывается глухимъ. Вы видѣли, Князь, все что я написалъ въ Парижъ объ античномъ домѣ; Вы знаете что Императрица желала имѣть лишь маленькую бесѣдку въ саду. Вы читали проклятый проэктъ, по которому пришлось бы выстроить цѣлый дворецъ втрое большій чѣмъ тотъ, въ которомъ живетъ Императрица. Онъ прогнѣвалъ Государыню

plus grand que celui de l'Impératrice. Il a mis S. M. I. de fort mauvaise humeur, et avec juste raison. Il faut être bien bête ou bien fripon, pour oser jouer une souveraine qui procède avec tant de dignité et de droiture: S. M. I. ne veut plus rien absolument rien qui vienne de cette boutique. Voilà l'effet naturel de certaines tournures; plus on a montré de confiance, et plus on a le droit de s'indigner contre l'abus qu'on en fait. Ainsi V. E. a très-bien fait de ne pas avancer un rouble à ce monsieur-là, dont l'âme crochue gâte si fort le talent, quelque grand qu'il soit».

A. M. Cochin:

«Mr. et ami, vous ne vous trompiez pas de m'assurer dans une de vos dernières que M. Clérisseau mettrait à ses dessins les plus hautes prétentions; il n'y a pas manqué. S. M. I. a vu le papier de M. Clérisseau, et comme elle avait demandé un simple pavillon pour un jardin, elle a très-bien jugé que le projet immense envoyé par M. Clérisseau ne la regardait pas. En conséquence, l'Impératrice fera exécuter un très-beau pavillon, dont on lui a envoyé purement, simplement et sans emphase, un superbe dessin.

«Je ne saurais vous dire combien je suis chagrin de voir quelques-uns de nos artistes aller par des voies obliques, tandis que le droit chemin les mènerait sûrement à la gloire, à l'honneur, à la confiance. Oh! si vous saviez combien cela est malhabile et malhonnête, surtout quand on s'ad-

---

и не безъ основанія. Надо быть дуракомъ или негодяемъ, чтобы осмѣлиться на подобную продѣлку относительно Государыни, поступающей съ такимъ достоинствомъ, такою прямотою. Е. И. В. не хочетъ болѣе слышать ни о чемъ, исходящемъ изъ этого гнѣзда. Вотъ естественное послѣдствіе подобныхъ продѣлокъ; чѣмъ болѣе высказываешь довѣрія, тѣмъ болѣе имѣешь права негодовать на злоупотребляющихъ этимъ довѣріемъ. И такъ В. С. прекрасно сдѣлали, не выдавъ ни одного рубля этому господину, у котораго крючкотворная душа портитъ талантъ, какъ бы великъ онъ ни былъ».

Г. Кошену:

«Милостивый государь и другъ. Вы не ошибались, увѣряя меня въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ вашихъ, что г. Клериссо съ своими рисунками будетъ полонъ претензій; такъ и было. Е. И. В. видѣла бумагу г. Клериссо и такъ какъ она желала имѣть простую садовую бесѣдку, то весьма правильно разсудила, что огромный проэктъ г. Клериссо до нея не касается. Согласно съ этимъ Императрица выстроитъ прекрасный павильонъ, для котораго ей прислали по просту безъ затѣй прекрасный рисунокъ.

Не съумѣю выразить вамъ въ какой степени меня печалятъ нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ, которые пускаются въ окольные пути, когда прямая дорога привела бы ихъ вѣрно къ славѣ, почестямъ, довѣрію. О, если бы вы знали какъ это и

resse à Catherine II; vous souffririez autant que moi, et nous renoncerions pour une bonne fois, à nous mêler de certains hommes. Adieu, portez vous bien, profitons de cette leçon. Je suis.»

Voilà, Madame, ce que je pense de ces gens-là, et j'ai la franchise de le leur dire. Un autre, à ma place, pourrait en user autrement; mais c'est affaire de caractère; le mien est plus droit qu'il n'est adroit; aussi ai-je eu soin d'y conformer toujours, et du mieux qu'il m'a été possible, ma vie, mes moeurs et toutes mes prétentions. Je crois aussi n'être pas le seul qui aime un peu l'honnêteté; car si un artiste français en a blessé les règles, Votre Majesté a sur sa table une preuve de la décence d'un autre artiste du même pays.

№ 177.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II (безъ числа).

Madame,

Votre Majesté Impériale a écrit dans une des lettres dont elle a daigné m'honorer, *je vous rends confiance pour confiance, soyez-y aussi sensible que moi*. Oserais-je, sans abuser de cette confiance si précieuse, développer entièrement mon coeur à Votre Majesté? Eh! le contraire me rendrait coupablè! Je n'ai qu'une occasion et un moyen de vous servir, Madame, et de donner de l'action, sans équivoque, aux sentiments dont vous avez orné

не искусно и не честно, въ особенности когда обращаются къ Екатеринѣ II; вы страдали бы столько же, сколько и я и мы оба разъ навсегда отказались бы вступаться за нѣкоторыхъ людей. Прощайте, будьте здоровы, воспользуемся этимъ урокомъ!»

Вотъ, Государыня, что я думаю объ этихъ людяхъ и что имѣю откровенность имъ высказать. Другой на моемъ мѣстѣ могъ поступить иначе, но это дѣло характера; мой нравъ болѣе прямъ чѣмъ ловокъ; поэтому я и сообразовалъ съ нимъ всегда, по мѣрѣ силъ, жизнь свою, свои привычки, свои притязанія. Я думаю что я не одинъ нѣсколько люблю честность; потому что если одинъ французскій художникъ нарушилъ ея правила, то на столѣ Вашего Величества лежитъ доказательство тому, что другой художникъ той же страны соблюдаетъ приличія.

№ 177. Всемилостивѣйшая Государыня,

Въ одномъ изъ писемъ, которыми Вашему Императорскому Величеству угодно было меня удостоить, Вы написали: «я оказываю вамъ довѣріе за довѣріе, будьте къ тому столь же чувствительны какъ и я». Осмѣлюсь ли, не злоупотребляя столь драгоцѣннымъ довѣріемъ, раскрыть сердце свое предъ Вашимъ Величествомъ? Не сдѣлать этого значило бы сдѣлаться виновнымъ! Я имѣю одинъ лишь случай, одно средство служить Вамъ и выражать прямо чувства, которыми Вы украсили мою

mon ame. Qu'il me soit donc permis de me plaindre des entraves qu'on met à ce moyen, et de montrer la passion que j'ai de le voir réussir. Qui pourrait être assez fort contre moi, si Catherine veut être pour? Toutes les fois que les besoins de la vie obligent de recevoir en argent et par convention, la récompense d'un service, le service est équivoque, ou le paraît. C'est ainsi que je fais la statue de Pierre-le-Grand, aux yeux du public.

Je serais bien malhonnête et bien malavisé, si je voulais donner gratuitement à Votre Majesté des idées défavorables de qui que ce soit: ce malheureux travers ne m'a pas encore défiguré. Mais quand la faiblesse du cerveau de quelqu'un traverse le courage que j'ai d'être honnête un peu plus qu'on ne s'y attendait, je crois avoir quelque droit de me plaindre. M. Michel qui n'est pas un jour sans voir M. le général, et qui ne me pardonne pas de n'être plus son pensionnaire, M. Michel dis-je, et *l'autre personne* sont en possession du cerveau de leur patron. Dieu sait et moi aussi, avec quel courage ils s'emploient pour me nuire auprès de celui qui croit penser, et qui, au fond, n'est que le colporteur de leurs idées. Alors il fait le mal sans être méchant, et se fait tort à lui-même sans le savoir, à mon sujet comme en tant d'autres occasions.

A mon arrivée, quand je paraissais prendre les almanachs de ces M-rs rien n'était plus pressé que de me voir faire l'autre monument; mais depuis

---

душу; да позволено же мнѣ будетъ пожаловаться на преграды, мнѣ полагаемыя въ достиженіи страстно желаемой цѣли. Кто могъ бы быть сильнѣе меня, если Екатерина благоволитъ быть за меня?

Когда житейская нужда заставляетъ брать по договору деньги какъ возмездіе за услугу, то услуга эта двусмысленна, или представляется таковою. Таковъ на глаза публики мой трудъ надъ статуею Петра Великаго.

Я былъ бы весьма безчестенъ, весьма не смышленъ, если бы попустому сталъ чернить кого бы то ни было въ глазахъ Вашихъ; этотъ несчастный порокъ не обезобразилъ еще меня. Но когда чья-либо безмозглость перечитъ моей рѣшимости оставаться честнымъ и при томъ перечитъ не много болѣе, чѣмъ можно было ожидать, то я считаю себя въ правѣ жаловаться. Г. Мишель, который видитъ генерала ежедневно и не прощаетъ мнѣ, что я пересталъ быть его постояльцемъ, г. Мишель и *другое лице* владѣютъ мозгами своего патрона. Богъ знаетъ, да и я тоже, съ какою храбростью они стараются вредить мнѣ въ глазахъ того, кто воображаетъ себѣ что думаетъ, а въ дѣйствительности разноситъ только ихъ выдумки. Тогда онъ вредитъ, не будучи злымъ, и вредитъ самому себѣ, того не замѣчая, въ моемъ дѣлѣ, какъ и во множествѣ другихъ.

По пріѣздѣ моемъ, когда я, казалось, готовъ былъ брать альманахи этихъ господъ, ничего не было спѣшнѣе, какъ поручить мнѣ другой памятникъ; но съ тѣхъ

que j'ai un peu dérangé leur marche, ils regardent le jour de mon départ comme un des beaux de leur vie: M. le général se promet bien d'accélérer ce jour par tous les moyens possibles; j'ai là dessus des mémoires sûrs.

Quand mon grand modèle sera fini, dans un an peut-être, je n'aurai autre chose à faire qu'à veiller aux opérations qui conduisent à la fonte. Or pendant environ quatre années que dureront ces travaux j'aurais plus de temps qu'il ne faudrait pour l'autre modèle. M. le général le sait bien, nous en étions convenus, et nous l'avons dit assez de fois; mais voici le nouveau projet. On trouve le plus qu'on peut de raisons pour éluder jusqu'à la fin de l'ouvrage que je fais; alors on me proposera une nouvelle carrière de 8 ou 10 ans, qu'on sera très sûr que je ne pourrai pas accepter, et j'aurai la douleur de voir un autre faire pour de l'argent ce que le sentiment le plus pur, j'ose le dire, me faisait entreprendre avec tant de plaisir. J'en appelle à ma souveraine, est-il permis d'aimer les hommes qui se fâchent d'un peu d'honnêteté, qui l'interprètent platement, indignement et qui seraient bien moins embarrassés de nous, si nous étions un peu fripons, ou pour le moins des machines incapables d'un peu d'élévation? O! âmes étroites, aurez-vous toujours la permission de tourmenter les autres?

Si ma liberté vous déplaît, Madame, Votre bonté me le dira; si vous me croyez mal informé, vous daignerez m'en avertir, et si la passion que

---

поръ какъ я нѣсколько затормозилъ ихъ ходъ, они стали считать день моего отъѣзда лучшимъ днемъ своей жизни: Е. П. старается ускорить наступленіе этого дня всевозможными средствами; я имѣю тому вѣрныя доказательства.

Когда большая моя модель будетъ окончена, быть можетъ черезъ годъ, то мнѣ не останется ничего болѣе дѣлать, какъ слѣдить за отливкою. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, покуда будутъ продолжаться работы по отливкѣ, у меня будетъ болѣе времени чѣмъ сколько нужно для другой модели. Е. П. знаетъ это, мы уговорились объ этомъ, мы часто повторяли это, но теперь возникъ новый проэктъ. Выискиваютъ какъ можно больше предлоговъ, чтобы протянуть до окончанія настоящей моей работы; тогда мнѣ предложатъ новую карьеру на 8 или 10 лѣтъ, въ увѣренности, что я не въ состояніи буду принять; тогда на мое горе другой у меня на глазахъ станетъ дѣлать за деньги то, что чистѣйшее чувство заставляло меня исполнить съ такою радостью. Взываю къ своей Государынѣ, позволено ли любить людей, негодующихъ на честность, истолковывающихъ ее плоско, не достойно, мы затрудняли бы ихъ гораздо менѣе, если бы были побезчестнѣе, или по крайней мѣрѣ оставались нѣмыми срудіями, неспособными на что-либо возвышенное? О, узкія души, неужели Вамъ будетъ вѣчно позволено мучить другихъ.

Если смѣлость моя не нравится Вамъ, Государыня, то доброта Ваша мнѣ это выскажетъ; равнымъ образомъ Вы удостоите предварить меня, если сочтете, что я

j'ai de faire la statue méritée de Catherine Seconde, est contraire à ses vues ou à sa gloire, elle me fera aussi la grâce de me le dire.

1774.

№ 178.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II (безъ числа).

Madame,

La statue de Cupidon a réussi à merveille: je puis à présent dire à Votre Majesté Impériale ce que je pense pour la fonte de la statue équestre. Voici la marche de ces sortes d'ouvrages,

Après que le sculpteur a fini le modèle, son mouleur en fait le moule de plâtre, ensuite il fait des cires d'épaisseur dans ce moule. Le sculpteur avec un serrurier intelligent compose l'armature pour le bronze. Le mouleur remonte autour de cette armature le moule et les cires qui y sont imprimées, coule le noyau, retire le moule, et alors la statue est de cire. Le sculpteur la répare, pose les jets avec le mouleur et le fondeur. Après cette opération le mouleur fait le moule qu'on appelle de potée, dans lequel doit couler le bronze jusqu'ici peu de chose à faire pour le fondeur, parce que le sculpteur et le mouleur sont toujours employés dans ces préparations, quoique le fondeur soit appelé quand les cires se commencent.

Quel est donc vraiment l'ouvrage du fondeur? C'est de faire construire le fourneau et la fosse, de recuire le moule de potée pendant 20 ou 30

ошибаюсь, или признаете что страстное мое желаніе сдѣлать заслуженную статую Екатерины II противорѣчитъ ея видамъ или славѣ.

№ 178. Всемилостивѣйшая Государыня,

Статуя Купидона удалась отлично; теперь могу сказать Вашему Императорскому Величеству, что я думаю объ отливкѣ конной статуи. Вотъ ходъ подобныхъ работъ.

Когда скульпторъ окончитъ модель, то формовщикъ дѣлаетъ изъ нея гипсовую форму, потомъ углубленія формы заливаются воскомъ. Скульпторъ съ искуснымъ слесаремъ устанавливаютъ арматуру для бронзы. Формовщикъ на эту арматуру устанавливаетъ гипсовую форму, наливаетъ ее сполна воскомъ, сбрасываетъ гипсъ и тогда статуя является восковою. Скульпторъ подправляетъ ее, утверждаетъ трубки вмѣстѣ съ формовщикомъ и литейщикомъ. Послѣ этой операціи формовщикъ изготовляетъ форму, въ которую должна течь бронза, до сихъ поръ литейщику весьма мало дѣла, потому что скульпторъ и формовщикъ постоянно участвуютъ въ этихъ приготовленіяхъ, хотя литейщикъ призывается при вливаніи воска.

Въ чемъ же работа литейщика? Въ постройкѣ печи и ямы, въ томъ чтобы двадцать или тридцать дней обжигать вторую форму формовщика, въ томъ чтобы приго-

jours, de faire fondre du bronze et de le faire couler dans le moule. Alors tout est fait pour lui. Or, ces opérations sont connues du sculpteur, et en lui supposant le défaut d'expérience pour le degré de chaleur et de fusion, on prendrait, pour 2 ou 3 jours, le fondeur de l'artillerie comme je l'ai pris hier pour 6 heures, quand j'ai fondu le Cupidon. Pour la construction du fourneau, j'aurai les plans et dessins de ceux de Paris.

Il convient à présent de dire ce que sont les frais pour un fondeur. Sans en faire le détail, il suffit de savoir qu'il en a coûté à Copenhague 200,000 l. pour cette seule partie, et qu'il en coûterait davantage ici, supposé qu'on se servît du fondeur de Copenhague, le seul qui soit en réputation.

Votre Majesté ne se serait peut-être pas attendue qu'un mois de travail, fait avec emphase, à la vérité, se payât, pour un ouvrage purement mécanique 200,000 l. Si je ne me trompe, voilà de la duperie d'un côté, et, pour ne rien dire de plus fort, de la charlatanerie de l'autre. Les souverains sont ou doivent être magnifiques, dit-on. Oui, sans doute, mais leur magnificence ne doit point autoriser le vol.

Cela bien entendu, j'ose demander à Votre Majesté la permission d'entreprendre la fonte de mon ouvrage; mon mouleur en exécutera les opérations, il sera assez intelligent.

Si les sculpteurs ne fondent pas ordinairement leurs statues de bronze,

---

товить бронзу и влить ее въ форму. Тогда все имъ исполнено. Эти операціи однако извѣстны скульптору, и, предполагая въ немъ достаточно опытности относительно степени жара и расплавленія, можно бы взять на два, на три дня артиллерійскаго литейщика, какъ я взялъ его вчера на шесть часовъ для отливки Купидона. Для постройки печи у меня будутъ парижскіе планы и рисунки.

Теперь надлежитъ сказать во что обойдется работа литейщика. Не перечисляя подробностей, довольно знать что въ Копенгагенѣ одна эта часть стоила 200,000 ливровъ, и что здѣсь она стоила бы дороже, если бы дѣло поручить копенгагенскому литейщику, одному пользующемуся репутаціей.

Быть можетъ Ваше Величество не ожидали что мѣсяцъ работы, произведенной правда съ напыщенностью, но работы чисто механической, платится 200,000 л. Если не ошибаюсь, вотъ обманутые съ одной стороны и по меньшей мѣрѣ шарлатанство съ другой. Государи бываютъ или должны быть щедры, безъ сомнѣнія, но щедрость ихъ не должна покровительствовать воровству.

Согласно съ этимъ осмѣливаюсь просить у Вашего Величества позволенія предпринять отливку моего труда. Мой формовщикъ исполнитъ приготовленія, у него на то хватитъ смѣтки.

Если ваятели обыкновенно не отливаютъ своихъ статуй, то это потому, что они

c'est qu'ils regardent les mécaniques d'une fonte comme une occupation incompatible avec l'étude de leur art. Cependant Desjardins ([89]) qui en valait bien un autre, a fondu lui-même son ouvrage de la place des Victoires à Paris. Je ne sais pas les raisons qu'il en a eues, mais les miennes sont de servir Votre Majesté en tout ce que je puis, et d'être, par ce moyen, tranquille et heureux.

Il y aurait un article à régler pour le mouleur alors devenu fondeur. Ses apointements de 4,000 l. pourraient être augmentés jusqu'à 10,000 l. Somme qui ne me paraît que raisonnable pour un homme qui ferait le travail de fondeur et de mouleur. Bien entendu que l'augmentation ne commencerait qu'après le moule du plâtre fini, c'est-à-dire en commençant les cires.

Je ne parle pas de moi: Votre Majesté me connaît assez pour savoir que je ne veux rien de ce qui s'appelle argent. A quelle rétribution est-ce donc que je prétendrais, si je réussissais? J'oserais ambitionner celle que je mets si fort au-dessus de l'or; les bontés continuées de Votre Majesté qui me seront toujours singulièrement précieuses partout où je serai.

Si vous agréez, Madame, cette faible marque de mon zèle et de mes autres sentiments, je dirai à M. de Betzki que je suis d'avis d'entreprendre la grande fonte, il vous en rendra compte et les formalités seront observées. La permission que m'a donnée Votre Majesté de parler moi même m'a fait

---

смотрятъ на отливку какъ на занятіе, несовмѣстное съ изученіемъ своего искусства. Однако Дежарденъ ([89]) художникъ не хуже другихъ, самъ отлилъ свою статую, что на площади побѣдъ въ Парижѣ. Не знаю его побужденій, мои заключаются въ томъ, чтобы всѣми силами служить Вашему Императорскому Величеству и этимъ путемъ быть спокойнымъ и счастливымъ.

Слѣдовало бы въ такомъ случаѣ уговориться относительно формовщика, сдѣлавшагося литейщикомъ. Его жалованье въ 4,000 л. можно бы возвысить до 10,000 л. Сумма представляющаяся мнѣ соотвѣтствующею двойному труду формовщика и литейщика, возложеннымъ на одного человѣка. Разумѣется прибавка началась бы послѣ окончанія формовки гипса, т. е. при началѣ работы воскомъ.

Не говорю о себѣ. Ваше Величество достаточно меня знаете, чтобы быть увѣренною, что я не хочу ничего именуемаго деньгами. Какія же будутъ мои притязанія если дѣло удастся? Я позволю себѣ домогаться награды, которую ставлю превыше золота, продолженіе милостиваго расположенія Вашего Величества, которое для меня всегда будетъ крайне драгоцѣнно, гдѣ бы я ни находился.

Если, Всемилостивѣйшая Государыня, Вамъ угодно принять это выраженіе моего усердія и другихъ чувствъ моихъ, то я скажу г. Бецкому что я намѣренъ взяться за великое дѣло отливки; онъ Вамъ о томъ доложитъ и формальности будутъ исполнены. Данное мнѣ Вашимъ Величествомъ позволеніе говорить самому, рѣшительно

absolument passer le goût de me laisser traduire, et puis j'ai été trop malhonnêtement reçu une fois ou deux en montrant un sentiment honnête, pour y retourner jamais. Il y a des gens sur qui un bon procédé paraît faire la même impression qu'un mauvais pourrait faire sur d'autres. C'est encore un bonheur s'ils n'empoisonnent pas l'intention: je croirais volontier qu'au moins ils en rougissent, car pourquoi sont-ils muets?

J'irai prendre les ordres que Votre Majesté voudra bien me donner sur le sujet de cette lettre.

Je demanderai le prix des 33 tableaux proposés: je les ai trouvés beaux il y a environ 20 ans, et je me souviens que tous nos artistes en portaient le même jugement.

№ 179.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 22 Февраля 1774 г.

Madame,

Après l'exactitude honnête et le zèle que j'ai mis dans l'exécution des ordres de Votre Majesté Impériale pour la maison antique, et dont elle a toujours été témoin, voici la réponse que je viens de recevoir de Paris. Je vous supplie, Madame, de vouloir bien me dire comment je dois me conduire avec des gens qui veulent me compromettre et m'entortiller assez mal à propos, à ce qu'il me semble; surtout Mr. Clérisseau, qui, à ce qu'on dit, est homme à me susciter quelque chicane fort sérieuse à Paris.

отбило у меня охоту давать себя переводить; къ тому же раза два я былъ принятъ такъ грубо, когда я высказывалъ честное чувство, что никогда болѣе не стану этому подвергаться. Есть люди на которыхъ добрый поступокъ производитъ тоже впечатлѣніе, что на иныхъ дурной. Еще счастливо если они не успѣваютъ отравить намѣреніе; я охотно думаю, что они по меньшей мѣрѣ отъ того краснѣютъ, зачѣмъ же иначе молчать.

Приписка. Я являюсь за приказаніями, какія Вашему Величеству угодно будетъ дать мнѣ по поводу настоящаго письма.

Я спрошу цѣну 33 предлагаемыхъ картинъ; я нашелъ ихъ прекрасными лѣтъ 20 тому назадъ и помню, что одинаково было сужденіе всѣхъ художниковъ.

№ 179. Всемилостивѣйшая Государыня,

Послѣ того добросовѣстнаго усердія и акуратности съ которыми я исполнялъ приказанія Вашего Императорскаго Величества по предмету античнаго дома, чему Вы сами изволили быть свидѣтельницею, вотъ какое письмо я сейчасъ получилъ въ отвѣтъ изъ Парижа. Умоляю Васъ, Государыня, сказать мнѣ, какъ я долженъ вести себя съ людьми, желающими безъ всякаго основанія компрометировать и впутать меня; особливо г. Клериссо, который, какъ говорятъ, человѣкъ способный надѣлать мнѣ серьезныхъ непріятностей въ Парижѣ.

O, la belle chose que de bien faire! mais qui devinerait qu'à l'instant, où l'on s'y attend le moins, on sera réprimandé par ceux qu'on voulait obliger? Est-ce ma faute à moi, si des hommes n'entendent pas ou ne veulent pas entendre ce qu'on leur explique bien clairement?

Il n'y a pas un mot dans mes lettres à Cochin, que Votre Majesté n'ait vu et qu'elle n'ait trouvé conforme à ses ordres. Cependant on s'échafaude aujourd'hui pour vouloir me prouver qu'on a eu raison de faire tout ce qu'on ne demandait pas: on me fait un grief d'avoir dit dans ma dernière lettre: «*nous avons très bien pensé que le projet immense, envoyé par Mr. Clérisseau, ne nous regardait pas*». Si c'est là une faute, comment donc faut-il nommer l'acquiescement et l'obéissance à un jugement très sain, naturel; puisque ce n'est pas autre chose, et que j'ai écrit ce que Votre Majesté a pensé et ce qu'elle m'a dit?

Je suis sincèrement fâché d'avoir à remettre sous vos yeux, Madame, une chose qui vous a déplu avec raison; mais j'y suis contraint, comme Votre Majesté peut le voir par la lettre de Mr. Cochin.

P. S. Si Votre Majesté veut bien m'indiquer un jour où je ne l'incommoderais pas, j'irais lui parler de son portrait et des médaillons de Leurs Altesses Impériales.

Конечно прекрасное дѣло поступать хорошо, но кто угадалъ бы, что въ то время, когда всего менѣе къ тому приготовленъ, подвергнешься нападкамъ со стороны людей, которымъ хотѣлъ оказать услугу. Моя ли вина что люди не понимаютъ, или не хотятъ понять самыхъ ясныхъ объясненій.

Въ письмахъ моихъ г. Кошену нѣтъ ни одного слова, котораго бы Ваше Величество не видѣли и не признали согласнымъ съ Вашими приказаніями. Тѣмъ не менѣе сегодня мнѣ хотятъ доказать, что были правы, исполнивъ то чего никто не просилъ; мнѣ ставятъ въ вину, что я въ послѣднемъ письмѣ сказалъ: «мы разумѣется подумали, что огромный проэктъ, присланный г. Клериссо, до насъ не касается». Если это ошибка, то какъ назвать полное повиновеніе сужденію весьма здравому, весьма естественному, такъ какъ оно было въ дѣйствительности, и я писалъ то, что Ваше Величество изволили думать и мнѣ говорить.

Мнѣ крайне тягостно представлять Вамъ, Государыня, о дѣлѣ, справедливо не понравившемся Вамъ, но я поставленъ въ необходимость такъ поступить, какъ тому служитъ доказательствомъ письмо г. Кошена.

Приписка. Если Вашему Величеству угодно будетъ назначить мнѣ день въ который я Васъ не обезпокою, то я явлюсь съ докладомъ о портретѣ и медальонахъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

№ 180.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 23 Февраля 1774 г.

Monsieur Falconet, savez-vous l'histoire de maître Simon qui dans son compte fit un article: *tant pour une idée qui du 23 au 24 de ce mois pendant la nuit me passa par la tête;* il était visible que maitre Simon voulait de l'argent, mais point de raison. Cochin et son associé savent-ils l'histoire de maître Simon? Vous m'apporterez les portraits ou médaillons quand bon vous semblera.

№ 181.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 5 Мая 1774 г.

Madame,

Ce M. Clérisseau, duquel Votre Majesté Impériale a fait si à propos un *maître Simon*, juge à propos, lui, de s'en prendre à moi; c'est un homme turbulent qui veut, dit-on, me susciter une affaire, et qui prétend que si Votre Majesté ne lui donne rien pour ce qu'il a dessiné, c'est à moi à lui en répondre: voilà une singularité bien originale. Le prince de Galitzin, qui vient aussi de m'en écrire, m'engage à Vous supplier, Madame, de terminer cette petite affaire. Si Votre Majesté daigne y penser, je la supplie aussi que ce soit par la voie du même prince de Galitzin, qui est très-informé sur cet objet.

№ 180. Господинъ Фальконетъ, знаете ли вы исторію нѣкоего Симона, который въ одной изъ статей своего счета написалъ: *столько то за мысль, которая въ ночь съ 23 на 24 число этого мѣсяца прошла чрезъ мою голову;* очевидно было, что Симонъ хотѣлъ денегъ, а не справедливаго основанія. Кошенъ съ своимъ товарищемъ знаютъ ли исторію Симона? Принесите мнѣ портреты или медальоны когда вамъ вздумается.

№ 181. Всемилостивѣйшая Государыня,

Этотъ г. Клериссо, изъ котораго Ваше Императорское Величество такъ кстати сдѣлали Симона, находитъ удобнымъ взяться за меня; онъ человѣкъ неугомонный, который, какъ говорятъ, хочетъ затѣять противъ меня дѣло и утверждаетъ, что если Ваше Величество ничего не дадите ему за его рисунки, то мнѣ придется отвѣчать за то; вотъ оригинальная выходка. Князь Голицынъ, который тоже писалъ мнѣ объ этомъ, уговариваетъ меня умолять Васъ, Государыня, покончить это маленькое дѣло. Если Ваше Величество вспомните объ этомъ, то умоляю Васъ сдѣлать распоряженіе чрезъ того же князя Голицына, знающаго подробно это дѣло.

Mon fils vient de revenir, et c'est pour rester. Quand il aura eu le temps de se reconnaître, qu'il aura disposé ce qu'il lui faut pour travailler, je prendrai la liberté de demander à Votre Majesté ses ordres pour les séances du portrait en pied, ainsi qu'elle les a promises. Ce serait en effet dommage qu'il n'achevât pas un tableau déjà bien commencé, et dont les incorrections, qui ne proviennent que du défaut de temps, sont très-aisées à rectifier.

J'ai vu le dernier buste modelé d'après Votre Majesté, et j'ai compris qu'il faut non-seulement avoir bien étudié la sculpture, mais encore avoir une âme sensible, pour exprimer la vôtre sur une matière inanimée; j'en ai tiré des conclusions peut-être assez justes, car nous autres artistes, nous avons notre petit tribunal, où quelquefois nous ne jugeons pas trop mal ce qui est de notre ressort.

C'est chez M. le colonel Pouschkin (90) que j'ai vu le buste de Votre Majesté; j'y ai vu aussi entre autres tableaux, une tête de femme peinte je crois par *Porbus*. Cette tête m'a paru belle, et faite avec ce sentiment vrai qui peint l'âme et le caractère; Si Votre Majesté la voyait, peut-être ne lui déplairait-elle pas; c'est du moins ce que M. Pouschkin paraît désirer. Le tableau n'est pas entièrement fini.

Мой сынъ только-что пріѣхалъ, съ тѣмъ чтобы оставаться. Когда онъ успѣетъ осмотрѣться, расположить все необходимое для работы, то я осмѣлюсь испросить приказанія Вашего Величества относительно обѣщанныхъ Вами сеансовъ для портрета во весь ростъ. Въ самомъ дѣлѣ было бы жаль, если бы онъ не окончилъ картину уже хорошо начатую, и неправильности коей, происходя отъ недостатка времени, легко поправимы.

Я видѣлъ послѣдній бюстъ, исполненный по Васъ съ натуры, и понялъ что необходимо не только хорошо знать правила скульптуры, но еще имѣть чувствительную душу, чтобы выразить Вашу въ бездушной матеріи; я извлекъ изъ этого быть можетъ вѣрныя заключенія, потому что нашъ братъ, художникъ, имѣетъ свой собственный судъ, гдѣ мы не дурно судимъ то что не выходитъ изъ предѣловъ нашего вѣдомства.

Бюстъ Вашего Величества я видѣлъ у полковника Пушкина (90); между прочими картинами я видѣлъ тамъ женскую голову, писанную кажется Порбусомъ. Голова эта показалась мнѣ хорошею, писанною съ тѣмъ истиннымъ чувствомъ, которое отличаетъ душу, характеръ. Если бы Ваше Величество видѣли эту картину, то быть можетъ она понравилась бы Вамъ; таково повидимому желаніе г. Пушкина. Картина не совсѣмъ окончена.

№ 182.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 19 Мая 1774 г.

Madame,

J'ai enfin chez moi la jolie statue du jeune tireur d'épine. Elle a été bien fondue, et le bronze a été bien réparé sous mes yeux. J'y ai fait mettre une couleur légère de bronze antique, par un homme qui, tout à propos, est arrivé ici de Londres, et qui a le secret de ces sortes de vernis. Il pourrait en faire autant à la statue de Cupidon, qui est dans la galerie de Votre Majesté Impériale; ce ton-là convient beaucoup mieux aux statues de bronze, que la couleur de fumée, qui d'ailleurs, s'enlève aisément.

Je ne fais pas transporter le tireur d'épine dans la galerie, Votre Majesté n'étant pas au palais et je la supplie de me permettre qu'il n'y soit qu'à son retour en ville, et que je lui présente mon ouvrage. Alors, je Vous prierai, Madame, de le comparer, non pas avec un certain bronze du même sujet, déjà dans la galerie, la comparaison serait humiliante, mais avec l'antique original, dont j'ai un plâtre exact et tel qu'il est venu de Rome. L'étude sérieuse et totale que j'ai refaite de cette figure, prouvera bien à Votre Majesté que j'ai fait mon possible pour qu'elle ne soit pas mécontente de mon travail; motif unique qui m'a engagé à y porter tous mes soins, — puissé-je avoir réussi.

Mon fils attend des ordres de Votre Majesté, et je désire vraiment

---

№ 182. Всемилостивѣйшая Государыня,

Красивая статуя юноши, извлекающаго занозу, наконецъ у меня. Ее хорошо отлили, и бронза хорошо исправлена у меня подъ глазами. Я велѣлъ придать легкій отливъ античной бронзы, это исполнено человѣкомъ у котораго на то особый секретъ и который весьма кстати пріѣхалъ изъ Лондона. Онъ могъ сдѣлать то же самое со статуею купидона, что въ галереи Вашего Императорскаго Величества; этотъ тонъ идетъ къ бронзовымъ статуямъ гораздо болѣе чѣмъ дымный цвѣтъ, весьма легко при томъ уничтожающійся.

Я не переношу еще своего юношу во дворецъ, гдѣ нѣтъ Вашего Императорскаго Величества и умоляю Васъ позволить мнѣ представить Вамъ свою работу по возвращеніи Вашемъ въ городъ, тогда я попрошу Васъ сравнить эту статую не съ извѣстною бронзовою фигурою, что въ галереи, изображающею то же самое, сравненіе это было бы обидно, а съ античнымъ оригиналомъ, съ котораго у меня вѣрный гипсовый слѣпокъ, полученный изъ Рима. Полное и серьезное изученіе мною этой фигуры докажетъ Вашему Величеству, что я сдѣлалъ все отъ меня зависѣвшее, чтобы трудъ мой угодилъ Вашему Величеству. Вотъ единственное побужденіе моихъ усилій; увѣнчались ли то они успѣхомъ.

Сынъ мой ожидаетъ приказаній Вашего Величества, я искренно желаю чтобы

qu'elle veuille bien les lui donner, pour aller faire une étude la plus exacte qu'il pourra, afin d'achever le grand portrait. Autant ce sera une cause d'encouragement, autant le contraire serait fâcheux pour lui, dans un objet aussi important.

Comme il resterait plusieurs jours à Tzarsko-Celo, parce qu'il y finirait en même temps les têtes pour les portraits de leurs Altesses Impériales, Votre Majesté voudrait bien aussi le recommander à quelqu'un qui lui donnerait un coin pour dormir et pour vivre, pendant son séjour, en sorte qu'il n'eût d'autre inquiétude que celle de bien travailler. N'entendant pas un mot de russe, il serait des plus embarrassés, s'il était privé du secours immédiat de Votre protection, dans cette circonstance, où elle lui serait indispensablement nécessaire.

№ 183.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 21 Мая 1774 г.

Monsieur Falconet. En vérité je ne sais quelle querelle peut vous faire *Simon* Clérisseau: il me semble que ni vous ni moi nous n'avons rien à démêler ensemble. Gardez le tireur d'épine chez vous jusqu'à mon retour en ville, que vous m'apporterez si tel alors sera votre bon plaisir, je ne doute point que je ne le voie avec plaisir. Pour ce qui regarde votre fils, il sera difficile qu'il travaille céans: primo, parce que dans les chaleurs c'est très-pénible et pour lui et pour celui qui se fait peindre, secundo,

---

они послѣдовали и онъ могъ предаться самому подробному изученію, чтобы окончить большой портретъ. На сколько то было бы поощреніе для него, на столько онъ былъ бы огорченъ, если бы произошло противное въ столь важномъ для него случаѣ.

Такъ какъ онъ остался бы въ Царскомъ-Селѣ нѣсколько дней, потому что за одно окончилъ бы головы для портретовъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, то не соизволите ли приказать кому-либо отвести ему уголъ чтобы жить и спать, такъ чтобы у него не было другой заботы, какъ хорошо работать. Не зная ни слова по-русски, онъ былъ бы очень затрудненъ, если бы оказался лишеннымъ Вашего покровительства, въ этомъ случаѣ, гдѣ оно ему необходимо.

№ 183. Господинъ Фальконетъ. По истинѣ не знаю какую ссору можетъ затѣять съ вами *Симонъ* Клериссо, мнѣ кажется что ни я ни вы никакого съ нимъ дѣла не имѣемъ. Сохраните у себя вашего юношу извлекающаго занозу до моего возвращенія въ городъ, тогда покажите его когда заблагоразсудите, я не сомнѣваюсь что это доставитъ мнѣ удовольствіе. Что касается до вашего сына, то ему трудно будетъ работать здѣсь, во-первыхъ потому что въ жару одинаково тягостно и писать картину и служить ея образцемъ, во-вторыхъ потому что здѣсь, сколько мнѣ извѣстно,

parce qu'il n'y a pas ici, que je sache, de coin vide pour un atelier de cette nature: plutôt à Péterhof en trouverons-nous. Adieu, Monsieur.

№ 184.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 24 Іюля 1774 г.

Madame,

Vous venez de donner la paix! Si mon âme était moins pénétrée, j'en dirais davantage et peut-être mieux, à Votre Majesté Impériale. Mais cette bienheureuse nouvelle que j'apprends, dans l'instant, ne me laisse que la faculté de me joindre à tous les coeurs sensibles, qui mettent aux pieds de Votre Majesté Impériale, leur plus profond respect et leur joie indicible.

№ 185.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 31 Августа 1774 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale est peut-être informée que me voilà fondeur de la statue de Pierre-le-Grand. Enfin, à force d'avoir eu affaire à des êtres brutes, je suis forcé pour le bien de mon ouvrage, de ne plus écouter les considérations peut-être un peu trop scrupuleuses, qui jusqu'à présent m'avaient retenu. Bref, je fais ma chose moi seul avec mes ouvriers, comme il me convient. Et malgré l'indifférence, pour ne pas dire l'air de mépris et d'insulte que M. de B... affecte dans toutes les occasions, pour moi et

---

не найдется угла удобнаго для мастерской, лучше оставимъ это до Петергофа. Прощайте.

№ 184. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вы дали миръ! Если бы душа моя была менѣе проникнута, то можетъ быть я бы лучше и болѣе сказалъ Вашему Величеству. Но эта благословенная новость, только что до меня дошедшая, не оставляетъ мнѣ ничего болѣе, какъ присоединиться ко всѣмъ душамъ чувствительнымъ, повергающимъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества глубочайшее свое уваженіе и невыразимую радость.

№ 185. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашему Императорскому Величеству можетъ быть извѣстно, что я сдѣлался литейщикомъ статуи Петра Великаго. Наконецъ, уставъ отъ сношеній съ людьми глупыми, я припужденъ не слушаться болѣе внушеній утонченной добросовѣстности, меня удерживавшей доселѣ. Словомъ, я дѣлаю свое дѣло одинъ съ своими рабочими, по своему собственному усмотрѣнію. И не смотря на то равнодушіе, чтобы не сказать обидное презрѣніе, которое г. Б. упорно выказываетъ во всѣхъ случаяхъ мнѣ и тѣмъ людямъ, кои меня интересуютъ, не смотря на то, что онъ старается выставить себя

pour ceux qui m'intéressent, et le personnage de conducteur qu'il joue dans une opération que je conduis seul, et comme de raison, à laquelle il n'entend rien, je n'en remplirai pas moins tous mes devoirs. Le dernier que je viens de m'imposer réveille déjà les sots et les méchants de Petersbourg, nos couleuvres de Paris ne tarderont pas; et ce n'est point là du noir que je broie, je suis bien informé.

Cependant, cet homme est donc fort sûr de mon honnêteté? Il est donc bien certain de mon zèle pour Votre Majesté? Il répond donc de ma résolution et de ma tenacité à vouloir surmonter toutes les difficultés? En vérité, s'il était mon ami, il ne pourrait pas mieux faire mon éloge.

La statue et le moderne statuaire du tireur d'épine antique, attendent les ordres de Votre Majesté pour aller se présenter à elle dans la galerie. Mon fils s'y trouvera, pour que Vous vouliez bien aussi, Madame, lui donner un jour et une séance, afin qu'il peigne définitivement la tête du grand portrait. Il a fait à tout le reste ce qu'il lui a été possible, et je renonce à me connaître en peinture, si à présent ce n'est pas un fort bon tableau.

Je supplie Votre Majesté de m'accorder un peu d'indulgence, j'en ai besoin; car je vais lui parler de M. Clérisseau, avec lequel je ne peux pas parvenir à être tranquille, et que peu de chose pourrait satisfaire. Cependant, toute réflexion faite, ce que je dirais aurait moins de force, que les

---

руководителемъ операціи, которую я веду одинъ и въ которой онъ разумѣется ничего не смыслитъ, не смотря на все это я исполню всѣ свои обязанности. Послѣдняя мною на себя возложенная работа пробуждаетъ уже петербургскихъ глупцовъ и злючекъ, парижскія ехидны не отстанутъ; и это не черныя мысли моего изобрѣтенія, я хорошо извѣщенъ.

Однако этотъ человѣкъ очень увѣренъ въ моей честности? Онъ очень убѣжденъ въ усердіи моемъ къ Вашему Величеству. Онъ отвѣчаетъ за мою твердость въ преодолѣніи всякихъ препятствій для осуществленія разъ принятаго рѣшенія? По истинѣ, будь онъ мнѣ пріятелемъ, онъ не могъ бы лучше похвалить меня.

Статуя и современный ваятель античнаго юноши съ занозою ожидаютъ приказаній Вашего Величества чтобы предстать предъ Вами въ галереи. Сынъ мой будетъ тамъ же, чтобы получить отъ Васъ приказаніе о времени когда ему можно будетъ окончить голову большаго портрета. Все остальное имъ по возможности окончено и я отказываюсь отъ всякихъ познаній въ живописи, если это теперь не очень хорошая картина.

Умоляю Ваше Величество о снисхожденіи, оно мнѣ нужно; я намѣренъ говорить Клериссо, относительно котораго я не могу добиться спокойствія, и который удовольствовался бы немногимъ. Однако, пораздумавъ хорошенько, я прихожу къ заключенію, что слова мои будутъ слабѣе, чѣмъ прилагаемыя здѣсь два извлеченія изъ

deux extraits de lettres que voici, c'est pourquoi je n'y ajouterai rien, et j'attendrai, en silence, la réponse de Votre Majesté.

«Hélas! mon ami, à quoi sert-il d'écrire à M. Cochin pour lui faire entendre raison au sujet de M. Clérisseau? Leur prétention est fort ridicule; il n'y a pas de votre faute dans toute cette affaire. Mais Clérisseau veut être payé, et il n'en démordra pas. Mon avis est que vous attendiez l'occasion d'en parler à l'Impératrice, et au lieu de lui écrire, vous lui exposeriez de bouche, les désagréments qui en résulteront pour vous. Elle est généreuse, et je suis sûr qu'elle finira tout cela à la satisfaction de tout le monde. Le prince de Galitzin, la Haye 24 Juin 1774.»

«Venons à une autre affaire qui me tient toujours au coeur, c'est celle de Clérisseau; vous m'avez fait espérer que l'Impératrice, généreuse comme elle est, voudrait bien le dédommager du temps qu'il a sacrifié dans l'intention de la bien servir, cela est digne d'elle et je l'espère toujours, cependant nous n'entendons parler de rien. Il vient me voir de temps en temps, il a la politesse de ne m'en point parler, sachant que cela ne dépend pas de moi, mais j'entends très-bien son silence. Je vous prie, mon cher ami, ne négligez pas cela; vous avez accès, vous savez bien vous expliquer, faites usage de ces facultés pour nous tirer tous deux de ce malheureux embarras où nous sommes cruellement compromis. Peut-être les plans et projets qu'il avait faits et qu'il remettra, si l'on veut bien lui accorder quelques

---

писемъ, вотъ почему я къ нимъ ничего не прибавлю и буду въ молчаніи ожидать отвѣта Вашего Величества.

«Увы, другъ мой, къ чему писать г. Кошену чтобы образумить его относительно Клериссо. Ихъ претензія весьма смѣшна; вашей вины нѣтъ нисколько въ этомъ дѣлѣ. Но Клериссо требуетъ уплаты и отъ этого не отстанетъ. Мое мнѣніе таково: подождите случая поговорить съ Императрицею и вмѣсто чѣмъ писать, объясните словесно неудовольствія, могущія для васъ возникнуть. Она великодушна и я увѣренъ, что она покончитъ все къ общему удовольствію. Князь Голицынъ. Гага, 24 Іюня 1774 г.»

«Перейдемте къ другому дѣлу, которое все еще лежитъ у меня на душѣ, это дѣло Клериссо; вы дали разумѣть мнѣ, что Императрица по свойственному ей великодушію, соизволитъ возмѣстить ему время, потраченное на служеніе ей, оно будетъ достойно ея и я все еще надѣюсь, хотя ничего болѣе по этому предмету не слышимъ. Онъ заходитъ ко мнѣ отъ времени до времени, онъ такъ вѣжливъ, что не говоритъ объ этомъ, зная что дѣло не отъ меня зависитъ, но я очень хорошо понимаю его молчаніе. Прошу васъ, другъ мой, не оставьте это въ пренебреженіи; вы имѣете доступъ, вы умѣете хорошо объясняться, пустите въ дѣло эти способности чтобы вывести насъ обоихъ изъ этого несчастнаго затрудненія, гдѣ мы жестоко окомпрометированы. Быть можетъ планы и проэкты имъ сдѣланные и которые онъ возвратитъ,

satisfactions, feront-ils regretter de n'en avoir pas fait usage. M. Cochin. Paris, 14 Août 1774.»

№ 186.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 27 Октября 1774 г.

Madame,

Si j'eusse ignoré que la première édition de cet ouvrage, était très-fautive, le silence de Votre Majesté Impériale sur l'exemplaire que je pris la liberté de lui en présenter, me l'eût appris. J'ai refait toute la besogne, et dans l'état où j'ai pu la mettre, je manquerais à mon devoir et à la reconnaissance, si je ne vous présentais pas, Madame, le premier exemplaire de cette édition.

Je manquerais à la reconnaissance, puisque la protection que Votre Majesté accorde aux arts, et la justesse de son goût, m'ont encouragé et déterminé à laisser un ouvrage qui peut-être un jour, aura son utilité. J'ai comparé ce goût juste, avec celui de certains juges, et je n'ai pu m'empêcher de leur en offrir la comparaison à la page 288 du 2-e volume.

Je n'ai pas la tête assez folle pour croire que Votre Majesté s'occupera sérieusement à me lire; elle a infiniment mieux à faire: mais ces deux volumes, jetés dans un coin de sa bibliothèque, pourront lui faire connaître l'homme qu'elle aura daigné protéger, comme la statue de Pierre-le-Grand,

---

если ему дадутъ какое-либо вознагражденіе, заставятъ сожалѣть, что имъ не дано было хода. Г. Кошенъ, Парижъ, 14 Августа 1774 г.»

№ 186. Всемилостивѣйшая Государыня,

Если бы мнѣ не было извѣстно на сколько первое изданіе этого труда полно ошибокъ, то молчаніе Вашего Императорскаго Величества объ экземплярѣ, который я имѣлъ смѣлость поднести Вамъ, извѣстило бы меня о томъ. Я все передѣлалъ и въ томъ состояніи, въ которое я привелъ его, я измѣнилъ бы своему долгу благодарности, если бы не представилъ Вамъ, Государыня, перваго экземпляра этого изданія.

Я измѣнилъ бы долгу благодарности, потому что покровительство, оказываемое Вашимъ Величествомъ искусству, вѣрность Вашего вкуса служили мнѣ поощреніемъ къ тому, чтобы написать сочиненіе, которое быть можетъ когда-нибудь пригодится. Я сравнилъ этотъ вѣрный вкусъ со вкусомъ нѣкоихъ судей, и не могъ не представить имъ это сравненіе на 288 страницѣ II тома.

Я не сумасшедшій чтобы думать, что Ваше Величество ссрьезно займетесь чтеніемъ моей книги; у Васъ безъ сомнѣнія много лучшаго дѣла; но эти два тома, брошенные въ уголъ Вашей библіотеки, могутъ дать Вамъ понятіе о покровительствуемомъ Вами художникѣ, также какъ статуя Петра Великаго будетъ напоминать Вамъ

lui en rappellera l'artiste. A propos de la statue, je Vous supplie, Madame, de voir à la page 372, 2-e vol., une lettre où M. Diderot dépose publiquement ce qu'il en pense.

P. S. Dans quelques jours, j'aurai peut-être à écrire encore à Votre Majesté, pour une affaire qui me regarde essentiellement.

№ 187.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 3 Ноября 1774 г.

Madame,

Au commencement du mois passé, M. de Betzki me fit dire par M. Velten, que je lui écrivisse mes prétentions au sujet de la fonte; quoique cette formalité me parût inutile, je lui envoyai sur-le-champ la lettre ci-jointe, et depuis ce temps, je n'ai pas eu de réponse.

Sans l'Auguste appui de Votre Majesté Impériale, je me vois à la merci d'un homme, dont la haine pour moi augmente tous les jours; et si Votre Majesté ne daignait plus m'apercevoir, le pire serait de me trouver ici plus mal que le moindre aventurier, qui pourtant, à la fin, rencontre un protecteur.

Malgré tout ce qu'on fait pour rendre ma situation désagréable, je n'ai ni aigreur ni trop d'impatience; on n'est même pas encore parvenu à ralentir mon activité, et jusqu'à présent je m'applique aux travaux risquables

---

художника. Кстати о статуѣ; умоляю Васъ, Государыня, взглянуть на страницѣ 372-ой II тома, письмо, въ которомъ г. Дидеротъ публично высказываетъ свое по этому предмету мнѣніе.

Приписка. Чрезъ нѣсколько дней мнѣ можетъ быть придется писать еще Вашему Величеству о дѣлѣ, для меня весьма существенномъ.

№ 187. Всемилостивѣйшая Государыня,

Въ началѣ прошлаго мѣсяца г. Бецкій велѣлъ мнѣ чрезъ Фельтена написать требованія мои относительно отливки статуи; хотя формальность эта показалась мнѣ излишнею, тѣмъ не менѣе я немедленно отправилъ письмо, съ котораго прилагаю при семъ копію; съ тѣхъ поръ я не получалъ отвѣта.

Безъ Августѣйшаго покровительства Вашего, я нахожусь во власти человѣка, который съ каждымъ днемъ болѣе меня ненавидитъ; и если Вашему Величеству не угодно было лицезрѣть меня болѣе, то мнѣ пришлось бы здѣсь жить хуже чѣмъ всякому пришлецу, который подъ конецъ находитъ покровителя.

Не смотря на все дѣлаемое для ухудшенія моего положенія, я чуждъ горечи или нетерпѣнія; даже мою дѣятельность до сихъ поръ не удалось умѣрить и до сихъ поръ я занимаюсь рискованною работою отливки, какъ будто меня въ этомъ поощряютъ.

de la fonte, comme si j'y étais encouragé. Je fais plus, je forme deux fondeurs russes, qui après cet ouvrage, pourront fondre toutes les statues que Votre Majesté voudra avoir en bronze. Le fondeur renvoyé fermait l'atelier à ces deux jeunes hommes, par la crainte qu'ils n'apprissent en le voyant faire; je conviens que cette petitesse était d'accord avec son état. Moi, au contraire, je les encourage et les emploie dans tout ce qui peut les instruire; je les ai même présentés et spécialement recommandés à Mr. le général, un jour qu'il vint voir la statue.

Je n'ose pas croire cependant que Mr. de Betzki ait entendu, que tous les risques fussent sur mon compte, et que je n'aie pas au moins, le reste de ce qu'on aurait donné à un pur manoeuvre. Si fondre était un ouvrage de goût, de génie, peut-être n'insisterais-je pas autant sur la rétribution pécuniaire: mais ne vouloir ni gloire, ni une autre récompense dans ce monde, est une vertu évangélique, dont Votre Majesté sait bien que je ne me pique point du tout.

D'ailleurs, mes huit années venant d'expirer, je n'ai plus le droit, selon les termes de mon engagement, à prétendre au-delà des 200,000 r. que j'ai reçues; et par l'article 15, je dois à présent, *m'en rapporter du tout à l'équité et à la bienfaisance de Sa Majesté Impériale* comme statuaire seulement; car l'article de la fonte étant une affaire particulière, n'est pas entrée dans les conditions faites pour la sculpture. Il n'y a donc rien que de simple

---

Я дѣлаю болѣе, я учу двухъ русскихъ литейщиковъ, которые послѣ меня будутъ въ состояніи отливать всякія для Вашего Величества бронзовыя статуи. Тотъ литейщикъ, которому отказано, запиралъ мастерскую этимъ двумъ молодымъ людямъ, опасаясь что они выучатся работать, на него глядя; я согласенъ что эта мелочность была достойна своего виновника. Я напротивъ поощряю ихъ, употребляю ихъ на всякое дѣло, могущее ихъ научить; я даже представилъ ихъ и спеціально рекомендовалъ генералу, когда онъ зашелъ посмотрѣть статую.

Не смѣю однако думать, что г. Бецкій полагалъ отнести къ моей отвѣтственности весь рискъ и лишить меня даже того, что принадлежитъ по праву простому работнику. Если бы отливка была дѣломъ вкуса, генія, то быть можетъ я не настаивалъ бы столько на денежномъ вознагражденіи, но отказываться и отъ славы и отъ всякой другой награды на этомъ свѣтѣ, это такая евангельская добродѣтель, которою я, какъ извѣстно Вашему Величеству, нисколько не хвалюсь.

Къ тому же за истеченіемъ своихъ восьми лѣтъ, я не имѣю болѣе права, согласно заключенному со мною договору, претендовать на полученіе прибавки къ по[лученнымъ] уже мною 200,000 р., я долженъ теперь довѣриться великодушію и [бла]готворительности Ея Императорскаго Величества, въ качествѣ ваятеля только, [так]ъ какъ отливка, будучи дѣломъ совершенно отдѣльнымъ, о литейщикѣ не было [ни]чего упомянуто въ договорѣ съ ваятелемъ. Слѣдовательно просьба моя г. Бец-

et de juste dans ma demande à M. de Betzki, et je dois au moins être traité comme un fondeur, puisque je le suis: si j'ai tort, je supplie Votre Majesté de me le dire.

J'aurais encore attendu à m'adresser à Vous, Madame, si deux raisons ne m'y déterminaient: 1° les travaux de la fonte avancent tous les jours, et il devient inquiétant pour moi, qu'on ne veuille pas me répondre, et qu'on élude sur un objet, dont la somme qu'on y a destinée, et qu'on aurait payée en entier au fondeur, est toute prête. 2° Si j'attendais davantage, je pourrais me heurter contre l'instant du départ de Votre Majesté pour Moscou, ce qui serait mal prendre mon temps, et risquer de ne rien terminer.

Je finis par être si persuadé, Madame, de vos bontés pour moi, que j'ose Vous prier d'ajouter à la précieuse collection de médailles dont vous m'avez honoré, celle du mariage de leurs Altesses Impériales.

№ 188.

Письмо Императрицы Екатерины II Фальконету, 4 Декабря 1774 г.

Tout net, je vous dirai que je trouve le prix des trois tableaux exorbitant. Le sauvage, je le ferai payer de même que les deux médaillons, j'ignore ce que c'est que la tête de marbre du fils de Grot. Les trois por-

---

кому проста и справедлива и со мною слѣдуетъ обращаться по меньшей мѣрѣ какъ съ литейщикомъ, если я дѣйствительно таковъ. Буде я не правъ, то умоляю Ваше Величество сказать мнѣ это.

Я подождалъ бы еще прежде чѣмъ обращаться къ Вамъ, Государыня, если бы двѣ причины меня къ тому не побуждали. 1) Работы по отливкѣ ежедневно подвигаются, и меня безпокоитъ то что мнѣ не хотятъ отвѣчать и уклоняются по такому предмету, на который деньги уже готовы и были бы уже выплачены литейщику. 2) Если бы я ожидалъ долѣе, то могъ бы дотянуть до отъѣзда Вашего Величества въ Москву, оно было бы весьма не кстати, и могло бы имѣть послѣдствіемъ, что все дѣло мое осталось бы безъ конца.

Въ заключеніе я такъ убѣжденъ въ милостивомъ Вашего Величества ко мнѣ расположеніи, что осмѣливаюсь просить Васъ прибавить къ драгоцѣнной коллекціи медалей, которой Вы меня удостоили, медаль выбитую по случаю бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

№ 188. На прямикъ скажу вамъ, что нахожу цѣну трехъ картинъ страшною. Я прикажу заплатить за дикаря столько же сколько за два медальона; не знаю что такое мраморная голова сына Грота. Три портрета во весь ростъ могутъ оставаться

traits en pied peuvent rester comme ils sont, sans qu'on y retouche. Je verrai avec plaisir le buste de mon fils et de ma belle-fille.

1775.

№ 189.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II (безъ числа).

Madame,

Je suis aux pieds de Votre Majesté Impériale, et j'y suis bien content, puisque je la supplie d'accorder une marque de sa bienfaisance à un de ses sujets, et, que j'ose me flatter d'être exauçé.

M. Athanasi Tellicsnicof, second bereïter, est dans ce rang depuis près de cinq années, quoique son mérite eût pu l'avancer. Il se dispose à faire le voyage de Moscou pour y rester peut-être. J'ose assurer Votre Majesté que j'y perdrais beaucoup. C'est un homme doux, honnête, un écuyer habile, intelligent. M. le colonel Rehbinder le tient auprès de lui de préferance.

Si tous les bons écuyers faisaient le voyage, il ne resterait que des enfants, comme il en est déjà venu trois ou quatre dans mon atelier; or des enfants secondent mal mes études.

Si Votre Majesté daigne accorder aux services de M. Tellicsnicof, plutôt qu'à ma prière, un avancement de rang et une augmentation d'appointements, elle augmentera aussi mon bonheur et ma reconnaissance.

какъ они есть безъ поправокъ. Съ удовольствіемъ увижу бюсты сына моего и невѣстки.

№ 189. Всемилостивѣйшая Государыня,

Я у ногъ Вашего Императорскаго Величества и весьма доволенъ, потому что умоляю ее удостоить милостью одного изъ подданныхъ Вашихъ, въ надеждѣ быть услышаннымъ.

Г. Афанасій Теличниковъ, второй берейторъ, состоитъ въ этой должности около пяти лѣтъ, хотя бы заслуги его могли бы его повысить. Онъ собирается ѣхать въ Москву и можетъ быть тамъ останется. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что то была бы для меня потеря. Это человѣкъ мягкій, честный, ловкій, смышленый наѣздникъ. Полковникъ Ребиндеръ держитъ его преимущественно при себѣ.

Если всѣ хорошіе берейтора примутъ участіе въ путешествіи, то останутся одни дѣти, какъ тѣ что приходили уже трое или четверо въ мою мастерскую; а дѣти плохо мнѣ помогаютъ.

Если Ваше Величество благоволите даровать заслугамъ г. Теличникова, скорѣе чѣмъ моей просьбѣ, повышеніе чиномъ и прибавкою жалованья, то тѣмъ самымъ умножится и мое счастье и моя признательность.

№ 190.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 8 Марта 1775 г.

Madame,

Je mets aux pieds de Votre Majesté Impériale, une très-humble prière, et je la supplie de vouloir bien lui être favorable. M-lle Collot aura bientôt fini les bustes de leurs Altesses Impériales, et comme elle n'a pas d'autre ouvrage pour s'occuper ensuite, elle compte aller au premier beau temps passer un an à Paris, pour y vaquer à des affaires de famille. Votre Majesté daignerait-elle lui continuer sa pension pendant son voyage, comme elle avait bien voulu la lui continuer il y a deux ans, lorsqu'elle devait faire le même voyage pour le même temps?

Vous lui avez demandé, Madame, un portrait en marbre de Mr. Dalembert, et n'ayant aucune étude, aucun modèle à suivre pour la ressemblance, il lui fut impossible de l'entreprendre. Si Votre Majesté voulait encore ce portrait, M-lle Collot en ferait le modèle à Paris, d'après le naturel, et le rapportant ici, elle en exécuterait le marbre à son retour.

Mon fils profite de l'occasion pour s'en retourner, et si les trois grands portraits lui étaient payés alors, ce serait pour lui, une raison d'encouragement fort utile où il s'établira. Il a encore le portrait en buste qui lui a servi d'étude pour commencer celui de Votre Majesté: faut-il qu'il me le laisse, ou qu'il le remette à la galerie?

№ 190. Всемилостивѣйшая Государыня,

Повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшую просьбу и умоляю Васъ принять ее благосклонно. Г-жа Колло вскорѣ окончитъ бюсты Ихъ Императорскихъ Высочествъ; не имѣя въ виду дальнѣйшихъ занятій, она располагаетъ съ первыми хорошими днями отправиться на годъ въ Парижъ, чтобы заняться тамъ семейными дѣлами. Не соизволите ли сохранить ей содержаніе на время путешествія, какъ Вашему Величеству уже угодно было сдѣлать это два года тому назадъ, когда она должна была отлучиться на такое же время.

Вы заказали ей мраморный портретъ г. д'Аламбера, не имѣя ни этюдовъ ни модели для сходства, она не могла предпринять этого труда. Если бы Вашему Величеству еще угодно было имѣть этотъ портретъ, то г-жа Колло могла бы моделировать его въ Парижѣ съ натуры, а по возвращеніи сюда исполнить изъ мрамора.

Сынъ мой пользуется этимъ случаемъ для возвращенія домой; если бы ему было заплачено за три большіе портрета, то это послужило бы ему весьма полезнымъ поощреніемъ. У него еще остался бюстъ, при помощи котораго онъ началъ портретъ Вашего Величества, долженъ ли онъ его передать мнѣ или сдать въ галерею.

Quoique Votre Majesté m'ait laissé le petit dessin de la statue, je n'en disposerai cependant pas sans permission: voici l'usage actuel que j'aurais besoin d'en faire, et que je supplie Votre Majesté de vouloir bien agréer. Le monument de Pierre-le-Grand n'est pas exactement connu en France, et sa composition ne peut l'être au juste que par les voyageurs. On n'en a d'autre idée que celles des relations, témoignage toujours un peu équivoque, puisque malgré ce qu'on a pu dire et écrire de mon ouvrage, ceux qui arrivent ici, qui le voient, et qui en ont entendu parler, le trouvent encore différent de l'idée, qu'ils s'en étaient faite par des descriptions.

Je souhaiterais donc, sous le bon plaisir de Votre Majesté, que M-lle Collot et mon fils portassent le dessin en France. Ce précurseur confirmerait l'idée qu'on a donnée de l'ouvrage, et serait le témoignage assuré de ce que j'aurai exécuté à St-Petersbourg sous la protection de Votre Majesté.

La statue sera fondue dans le mois de juin ou juillet, et selon le travail qui me paraît bon, et les soins que j'ai été capable d'apporter à l'ensemble et aux détails de cette opération, je dois espérer que la fonte réussira. La médaille est gravée, c'est-à-dire, le côté qui représente le monument; je ne le crois pas mal, et je souhaite que Votre Majesté n'en soit pas mécontente: on en a remis une empreinte à Mr. de Betzki; elle est sans doute à présent à Moscou. Peut-être serait-il temps de penser à ce qu'on doit y écrire, et à ce qui doit être gravé sur l'autre côté, afin que la mé-

---

Хотя Ваше Величество оставили мнѣ маленькій рисунокъ статуи, тѣмъ не менѣе я не распоряжусь имъ безъ позволенія; вотъ какое употребленіе мнѣ было бы полезно сдѣлать, на что и умоляю Ваше Величество выразить соизволеніе. Памятникъ Петра Великаго не извѣстенъ обстоятельно во Франціи, да и композиція его могла сдѣлаться извѣстною только черезъ путешественниковъ. О немъ судятъ только по разсказамъ, довольно не опредѣлительнымъ, такъ какъ, не смотря на все сказанное и написанное относительно моего труда, лица, сюда пріѣзжающія, и уже слышавшія о немъ, находятъ его не согласнымъ съ описаніями.

Я желалъ бы, если Ваше Величество позволитъ, чтобы г-жа Колло и сынъ мой отвезли этотъ рисунокъ во Францію. Этотъ предшественникъ подтвердилъ бы понятіе, данное о самомъ трудѣ, и послужилъ бы вѣрнымъ свидѣтелемъ о томъ, что мною будетъ исполнено въ Петербургѣ подъ покровительствомъ Вашего Величества. Статуя будетъ отлита въ Іюнѣ или Іюлѣ, и, судя по работѣ, которая, на мои глаза, хороша, а также полагаясь на стараніе, которое мнѣ удалось посвятить цѣлому и подробностямъ этой операціи, я долженъ надѣяться что отлитіе удастся. Медаль награвирована, т. е. сторона изображающая памятникъ; я думаю что она не дурна и же- чтобы Ваше Величество не были недовольны. Одинъ оттискъ былъ переданъ ецкому и, вѣроятно, находится теперь въ Москвѣ. Быть можетъ настала пора мать о надписи и о томъ, что слѣдуетъ гравировать на другой сторонѣ, съ тѣмъ,

daille puisse être frappée lors de l'inauguration, pour en mettre une dans le bronze comme il est d'usage, et pour les distributions.

№ 191.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 7 Августа 1775 г.

Madame,

Je crois que Votre Majesté Impériale est informée que la statue équestre touche à l'instant de sa fonte. Le feu est au moule depuis le 20 du mois passé, et dans quinze jours environ, le bronze doit y couler; je prendrai la liberté alors d'en écrire le succès à Votre Majesté, quel qu'il soit. Je suis loin et très-loin d'être sans défauts, mais je puis dire que de ma vie, je n'ai eu tant de besoin de ma petite portion de raison, que dans ce moment-ci. Que Votre Majesté paraisse seulement daigner m'écouter, et j'oublierai tous les sujets de déplaisance dont je suis environné.

Comme il faut sans doute que tout vienne à la fois, on m'écrit de Paris la mort de M. Collin qui, jusqu'à mon dernier sou, était dépositaire de ma fortune. On ajoute que le roi et la justice ont mis les scellés chez lui (il était trésorier général de la Vénerie). Ainsi tout mon avoir est séquestré de la bonne sorte: Dieu veuille qu'il en sorte sain et sauf, et que M. Collin ait mis un si bon ordre à ses affaires, que le roi ayant pris ce qui lui appartient, les héritiers me laissent dans ce qui restera, de quoi achever mes jours.

чтобы медаль могла быть выбита при освященіи, для того чтобы положить ее, согласно обычаю, въ памятникъ, а также для раздачи.

№ 191. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашему Императорскому Величеству полагаю извѣстно, что конная статуя приближается къ моменту отливки; огонь пылаетъ въ печи съ 20 числа прошлаго мѣсяца и, недѣли чрезъ двѣ приблизительно, бронза должна вылиться; я осмѣлюсь тогда написать объ успѣхѣ, каковъ бы онъ ни былъ, Вашему Величеству. Во мнѣ много, весьма много недостатковъ, но, могу сказать, что во всю мою жизнь не было минуты, гдѣ бы выдавшаяся на мою долю частица разсудка была мнѣ такъ нужна, какъ теперь. Да благоволитъ Ваше Величество выслушать меня и я забуду всѣ окружающія меня причины огорченій.

Всѣ несчастія, безъ сомнѣнія, должны были свалиться разомъ, и вотъ меня извѣщаютъ изъ Парижа о смерти г. Коллена, который былъ хранителемъ моего состоянія до послѣдней копейки. Прибавляютъ, что король и судебная власть наложили у него печати (онъ былъ кассиромъ придворной охоты). И такъ все мое добро надлежащимъ порядкомъ секвестровано. Дай ему Богъ выйти оттуда невредимымъ. Дай Богъ чтобы г. Колленъ дѣла свои оставилъ въ такомъ порядкѣ, чтобы по взятіи королемъ того, что ему причитается, наслѣдники выдали мнѣ чѣмъ дожить свой вѣкъ.

M-lle Collot que j'ai engagée à rester ici jusqu'après la fonte, a depuis peu envoyé aussi, à M. Collin, l'argent dont elle aura besoin à Paris, et par le même évènement, son sort est semblable au mien. Si Votre Majesté daigne lui continuer sa pension, dans un temps où moi-même je ne puis la secourir, elle aura du moins avec sa reconnaissance, un adoucissement à ses besoins les plus urgens.

Mon fils qui est resté à attendre le sort de ses tableaux, et qui est obligé de partir incessamment, pour savoir ce que deviendront mes affaires, a dit au prince de Galitzin, lorsqu'il lui proposa 3,000 r., qu'il ne pouvait pas accepter cette somme, et qu'il s'en remettait à Votre Majesté. Le lendemain, il a retourné dire au prince, que pour ne pas importuner davantage, il le priait de demander 6,000 r., et jusqu'à présent nous attendons la réponse du prince de Galitzin, et les ordres de Votre Majesté.

№ 192.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 31 Августа 1775 г.

Madame,

Le succès de la fonte est constant dans mon atelier; mais dans la ville, autant de langues, autant d'éditions; c'est l'usage, et voici la vérité.

Premièrement, j'ai fait une grosse faute, celle de me servir de l'ouvrier que le fondeur avait amené, et que j'ai surpris dormant une nuit qu'il était

---

Г-жа Колло, которую я уговаривалъ остаться здѣсь до окончанія отливки, недавно отправила тоже г-ну Коллену деньги, которыя понадобятся ей въ Парижѣ и, такимъ образомъ, судьба ея схожа съ моею. Если Вашему Величеству угодно продлить ей содержаніе на то время когда я не могу ее поддержать, то она по крайней мѣрѣ будетъ имѣть кромѣ благодарности, облегченіе въ самыхъ тяжелыхъ затрудненіяхъ.

Сынъ мой, оставшійся выжидать судьбу картинъ своихъ, и принужденный теперь ѣхать немедленно, чтобы узнать положеніе дѣлъ моихъ, сказалъ князю Голицыну, предложившему ему три тысячи, что онъ не можетъ принять этой суммы и что онъ полагается на Ваше Величество. На другой день онъ возвратился къ князю и сказалъ, что во избѣжаніе дальнѣйшаго безпокойства, онъ проситъ шесть тысячъ; до сихъ поръ мы ожидаемъ отвѣта князя Голицына и приказаній Вашего Величества.

№ 192. Всемилостивѣйшая Государыня,

Успѣхъ отливки положителенъ въ моей мастерской; но въ городѣ, сколько языковъ столько повѣствованій, таковъ обычай, а вотъ истина.

Во 1-хъ, я сдѣлалъ большую ошибку, употребивъ въ дѣло работника, что привезенъ литейщикомъ; я засталъ его въ одну ночь спящимъ, когда онъ былъ дежур-

de veille, pendant le temps du recuit. Les seuls manoeuvres alors gouvernaient le feu, et personne ne les gouvernait: croyant bien faire, ils firent un feu épouvantable, et l'extrémité supérieure du moule et du noyau, fut brûlée; ainsi, l'impression du métal dans cette partie ne pouvait être que défectueuse.

Secondement, la force et le poids du bronze, ayant fait entre'ouvrir un des côtés de l'échenau, une médiocre partie du métal, en se répandant, enflamma quelques morceaux de bois et deux couloques (ils furent éteints aussitôt); cet accident fit croire que tout allait s'embraser, et chacun prit la fuite.

Le résultat de tout ceci, est qu'on n'a peut-être pas encore fait une plus belle fonte; tout y est imprimé comme la cire; il n'y a pas un seul trou, et à deux pieds près environ, sur le haut la fonte est parfaite. Voici l'éclaircissement de ce déficit de deux pieds. La tête du cavalier jusqu'aux épaules, est si mal venue, que j'ai cassé le bronze informe qui s'y trouvait. La moitié supérieure de la tête du cheval, est dans le même cas, en ligne horizontale. Mais cet accident, qu'il faut regarder comme très-léger, sur une fonte de 30 pieds, est facile à réparer, et j'aime beaucoup mieux avoir cette bagatelle à refondre sur place, que deux cents trous à boucher dans toute la statue, comme on a été réduit à le faire à celle de Copenhague, et comme on en a presque toujours dans les fontes qu'on appelle réussies.

Ainsi, je préviens et j'assure Votre Majesté Impériale, que je vais con-

---

нымъ во время топки. Одни работники наблюдали за огнемъ и никто за ними не присматривалъ; думая хорошо сдѣлать, они развели страшное пламя и верхняя часть формы сгорѣла; такимъ образомъ, вылившійся въ этой части металъ долженъ былъ оказаться уродливымъ.

Въ 2-хъ, сила и тяжесть бронзы, надломивъ одну изъ сторонъ, открыла путь расплавленному металлу, который, вылившись, зажегъ нѣсколько деревяшекъ и два кулька (ихъ погасили немедленно); всѣ разбѣжались, думая, что отъ этого несчастія все загорится.

Результатъ всего этого таковъ, что, быть можетъ, еще не бывало лучшей отливки; все вытѣснено какъ въ воскѣ; нѣтъ ни одного отверстія и, за исключеніемъ двухъ футовъ, вся отливка превосходна. Вотъ разъясненіе этого недостатка двухъ футовъ. Голова всадника по плечи такъ неудалась, что я сломалъ эту уродливую часть бронзы. Верхняя половина головы лошади по горизонтальной линіи въ такомъ же положеніи. Но этотъ случай весьма не важенъ въ 30 футовой отливкѣ; его легко исправить и я предпочитаю быть поставленнымъ въ необходимость отлить эту бездѣлицу на мѣстѣ, чѣмъ задѣлывать сотни двѣ дыръ въ статуѣ, какъ это пришлось дѣлать въ Копенгагенѣ и какъ почти всегда приходится дѣлать въ отливкахъ, называемыхъ удачными.

И такъ предваряю и увѣряю Ваше Императорское Величество, что я буду про-

tinuer ma fonte, avec le courage qu'il m'a fallu pour l'entreprendre. Mais voici un article essentiel et que je ne tairai pas à Votre Majesté. Cayloff, le fondeur de l'artillerie, gouvernait le fourneau: cet homme courageux, voyant fuir tous les assistans et ses ouvriers mêmes, resta seul conduisit au péril de sa vie, et fit constamment couler le bronze, du fourneau dans le moule, jusqu'à la dernière goutte. Je l'ai serré dans mes bras, hier, chez son général M. de Melissino ([91]), et je l'ai prié d'accepter une marque de ma sensibilité. Je crois qu'à présent il est inutile que je le recommande à Votre Majesté; mais nous devons à son courage, le salut de la fonte.

Jamais je n'ai mieux connu mes amis, que dans les deux jours de transes, et elles étaient vives. Alors d'honnêtes gens me plaignaient sincèrement, tandis que des scélérats (car comment les nommer?) étaient assez bêtes pour publier leur joie, sitôt qu'ils crurent la fonte manquée, en assurant ce que personne encore n'avait pu voir; *et voilà comme on l'écrit l'histoire.* Une réussite de cette espèce ne me met que plus en butte à la malignité et à l'envie de certaines gens, qui cherchent continuellement à me nuire, et c'est dans cet instant que j'ai le plus grand besoin de l'appui de Votre Majesté.

P. S. La petite fonte du haut de l'ouvrage, ne sera pas fort longue, et quatre mois environ en feront l'affaire, quand les jets qui sont autour de la statue, auront été coupés. J'oubliais aussi de dire à Votre Majesté que

---

должать свою отливку съ тѣмъ мужествомъ, которое необходимо было чтобы предпринять ее. Но вотъ дѣло важное и о которомъ не умолчу предъ Вами. Кайловъ, артиллерійскій литейщикъ, завѣдывалъ печью, этотъ храбрый человѣкъ, видя что всѣ бѣгутъ, всѣ, даже самые работники, остался одинъ, продолжалъ работу съ опасностью жизни, заставлялъ течь бронзу изъ печи въ форму до послѣдней капли; вчера я обнялъ его у его генерала г. Мелисино ([91]) и просилъ его принять выраженіе моей чувствительности. Полагаю что теперь излишне рекомендовать его Вашему Величеству; но его храбрости мы обязаны удачею отливки.

Никогда не имѣлъ я случая какъ въ эти два дня сильнѣйшихъ опасеній познать друзей своихъ. Тогда добрыя люди искренно сожалѣли обо мнѣ, между тѣмъ какъ негодяи (я не могу ихъ называть иначе) были такъ глупы, что обнародовали свою радость какъ скоро подумали, что отливка не удалась, увѣряя въ томъ, чего никто еще не могъ видѣть; *и вотъ какъ пишется исторія.* Подобный успѣхъ еще болѣе воздвигаетъ на меня злобу и зависть иныхъ лицъ, старающихся повредить мнѣ, и въ эту то минуту мнѣ всего болѣе нужна поддержка Вашего Величества.

Приписка. Небольшая отливка верхней части работа не будетъ продолжительна, четырехъ мѣсяцевъ, приблизительно, будетъ достаточно, послѣ того какъ срѣзаны будутъ лишнія части, окружающія статую. Я забылъ сказать Вашему Величеству,

si la fonte est aussi belle dans les endroits profonds, où je n'ai pas encore eu le temps de découvrir, que dans tous ceux où l'épiderme du bronze est juste comme le modèle, assurément le ciselet ne touchera pas l'ouvrage. Ce qui en est découvert est comme une certitude pour le reste.

№ 193.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 30 Декабря 1775 г.

Madame,

Si Votre Majesté Impériale veut que la statue équestre soit achevée, j'aurais tort de lui laisser ignorer plus longtemps, que depuis deux mois, l'ouvrage est cessé, et que la clef de l'atelier est chez moi. Les jets sont coupés, la statue est flanquée tout autour, d'un mastic de brique, jusqu'à la hauteur convenable à l'opération de la petite fonte qui doit former la tête du cavalier et celle du cheval. Il s'agit premièrement de tailler et préparer le joint. J'ai trouvé ici pour cette opération un nommé Sandoz (Sandoz a réparé le bronze de la statue de l'amour, et celui du tireur d'épine. Il fait l'horloge de la forteresse. Il connaît parfaitement, et en artiste habile, le travail des métaux; ainsi Votre Majesté voit que j'ai choisi un homme convenable) homme des plus intelligents, et pour cela, et pour continuer aussi le réparage convenable de toute la statue. En conséquence, il a présenté son prix, qu'on lui avait demandé; et depuis tout à l'heure deux mois, M. de Betzki n'a pas le temps de terminer cette misère.

что если отливка также хороша въ глубокихъ мѣстахъ, гдѣ я не успѣлъ еще открыть ее, какъ въ тѣхъ, гдѣ поверхность бронзы совершенно схожа съ моделью, то, конечно, рѣзецъ не прикоснется къ труду. То, что теперь открыто, кажется ручается за остальное.

№ 193. Всемилостивѣйшая Государыня,

Если Вашему Величеству угодно, чтобы конная статуя была окончена, то я не долженъ скрывать отъ Васъ, что уже два мѣсяца работа прекращена и ключъ отъ мастерской у меня. Излишнее срѣзано, статуя обложена кирпичами до вышины, потребной на отливку головы всадника и лошади. Прежде всего надо сгладить и приготовить связь. Я нашелъ здѣсь для этой операціи нѣкоего Сандоза (Сандозъ вычинилъ бронзу статуи амура и юноши съ занозой. Онъ дѣлаетъ часы въ крѣпость. Ему вполнѣ извѣстны металлическія работы и такъ Ваше Величество видите, что я избралъ подходящаго человѣка), человѣка весьма способнаго и для того, чтобы поправить всю статую. Согласно съ этимъ, онъ заявилъ свою цѣну, какъ его о томъ спрашивали, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ г. Бецкому некогда было окончить эту бездѣлицу, онъ откладываетъ ее со дня на день, не знаю по какой причинѣ. Онъ находитъ, что Сандозъ слишкомъ дорогъ, тотъ предлагаетъ сбавить цѣну,

il nous remet de jour en jour, par je ne sais quelle raison. Il trouve, dit-il, Sandoz trop cher; celui-ci propose de modérer sa demande; on lui donne parole plusieurs fois, et chaque fois on le remet à un autre jour. La raison *de trop cher*, paraît d'ailleurs, un peu singulière. La statue de Paris a coûté cinq millions de livres; celle de Copenhague a coûté trois millions de livres, sans compter la pension de M. Saly, etc.; la nôtre, qui est presque finie, n'a encore coûté, qu'environ deux millions de livres y compris le transport de la pierre, qui a coûté à peu près deux cent cinquante mille livres. Il résulte que de ces trois statues, celle de Pétersbourg, quoique la plus considérable, aura le moins coûté. Comment donc peut-on dire que quinze ou vingt mille roubles qu'a demandés Sandoz soit un objet sur lequel on dût tant regarder, et que pour cela on fît perdre deux mois de travail dans un instant où même il faudrait faire quelques efforts pour accélérer l'ouvrage?

P. S. S'il m'était encore permis de complimenter Votre Majesté sur les belles, bonnes et grandes choses qu'elle a faites à Moscou, je m'en acquitterais de bien bon coeur.

1776.

№ 194.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 10 Іюля 1776 г.

Madame,

Permettez que je mette aux pieds de Votre Majesté Impériale ce que j'ai appris du succès de M-lle Collot à Paris. Permettez qu'elle vous en

---

ему обѣщаютъ нѣсколько разъ и каждый разъ откладываютъ до другаго дня. Къ тому же предлогъ дороговизны нѣсколько страненъ. Парижская статуя обошлась въ пять милліоновъ ливровъ, Копенгагенская въ три милліона, не считая пенсіи г. Сали и прочимъ. Наша почти окончена уже и стоила лишь около двухъ милліоновъ ливровъ, считая и перевозъ камня, на что потрачено, приблизительно, двѣсти пятьдесятъ тысячъ ливровъ. Оказывается, что изъ этихъ трехъ статуй Петербургская, хотя и самая значительная, стоила дешевле другихъ. Возможно ли, послѣ этого, такъ много говорить о пятнадцати или двадцати тысячахъ рублей, запрошенныхъ Сандозомъ, и изъ за этого терять два мѣсяца работы, въ то время когда надлежало бы дѣлать усиліе, чтобы ее ускорить.

Приписка. Если бы мнѣ еще позволено было поздравить Ваше Величество съ доблестными, полезными и великими дѣлами, исполненными Вами въ Москвѣ, то я сдѣлалъ бы это съ великимъ удовольствіемъ.

№ 194. Всемилостивѣйшая Государыня,

Позвольте мнѣ повергнуть къ стопамъ Вашого Императорскаго Величества полученныя мною извѣстія объ успѣхѣ г-жи Колло въ Парижѣ. Позвольте ей почти-

fasse le plus respectueux hommage. C'est à Votre protection, à Vos bontés encourageantes, qu'elle doit les éloges qu'on a bien voulu lui accorder dans un pays où l'on avait fait croire que je travaillais ses ouvrages. Ils l'ont vu modeler, et ils ont cru. Les meilleurs de nos artistes, et nos meilleurs connaisseurs, en on dit et écrit les choses les plus flatteuses.

Le dessin de la statue équestre n'a pas non plus annoncé un mauvais ouvrage, et les artistes et les amateurs désirent qu'il soit gravé. Si Votre Majesté le jugeait à propos, mon fils s'occuperait à en chercher les meilleurs moyens, et vos ordres décideraient pour l'exécution de la planche.

Mr. Soufflot m'a envoyé les gravures de l'église de S-te Geneviève, qu'il bâtit à Paris, et celles des édifices qu'il a construit à Lyon. Votre Majesté ne connaît peut-être pas la gravure de S-te Geneviève; car la planche n'est pas encore finie; c'est pourquoi je prends la liberté de la lui envoyer, comme je la reçois de Mr. Soufflot, qui a mis deux exemplaires dans le rouleau.

№ 195.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 4 Октября 1776 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale sait qu'il est d'usage de conserver un petit modèle d'une statue équestre, pour en faire de petits bronzes. Le modèle que j'avais fait pour commencer mon ouvrage, a été brisé: il était d'ail-

---

тельнѣйше приписать его Вамъ. Вашему покровительству, Вашему милостивому поощренію она обязана тѣмъ похваламъ, которыя расточаются ей въ странѣ, гдѣ старались увѣрить, что ея работы исполняю я. Увидѣвъ, что она лѣпитъ сама, они убѣдились. Наши лучшіе артисты и знатоки говорили и писали о ней самыя лестныя вещи.

Рисунокъ конной статуи обѣщалъ уже не дурное выполненіе, и артисты и любители желаютъ, чтобъ онъ былъ награвированъ. Если Ваше Величество признаете нужнымъ награвировать его, то сынъ мой займется пріисканіемъ лучшихъ для этого средствъ, и, по полученію Вашихъ приказаній, будетъ изготовлена доска.

Г. Суфло доставилъ мнѣ изображеніе построенной имъ въ Парижѣ церкви Св. Женевьевы и зданій, построенныхъ имъ же въ Ліонѣ. Ваше Величество, можетъ быть, незнакомы съ гравюрой Св. Женевьевы, такъ какъ гравировальная доска еще не готова; поэтому я беру смѣлость послать ее Вамъ въ томъ видѣ, въ какомъ я получилъ ее отъ г. Суфло, который положилъ въ свертокъ два экземпляра.

№ 195. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что существуетъ обыкновеніе сохранять уменьшенную модель конной статуи для отливки по ней маленькихъ брон-

leurs d'une trop grande proportion. M-lle Collot s'est occupé depuis longtemps à faire des études relatives à cet objet, qu'elle va commencer incessamment. J'aurais voulu faire moi-même ce modèle, si ma vue me permettait de modeler encore en petit; mais M-lle Collot qui connaît parfaitement mon ouvrage, qui en a suivi toutes les opérations, qui travaillera sous mes yeux, s'en acquittera, ou je serais fort trompé, avec succès.

Si je prends la liberté de vous interrompre, Madame, et de vous parler de ce travail, c'est pour prévenir Votre Majesté, que vers le printemps prochain, quand cela sera fini, rien n'empêchera de ma part, que le bâtiment commencé ne soit continué, si Votre Majesté le juge à propos. C'est aussi, et particulièrement, pour Vous supplier, Madame, de vouloir bien continuer Votre auguste protection à deux artistes reconnaissants, qui font et feront toujours de leur mieux pour la mériter.

1777.

№ 196.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 29 Ноября 1777 г.

Madame,

Votre Majesté Impériale étant sans doute informée que la seconde fonte que j'ai refaite depuis les deux têtes, jusqu'aux genoux du cavalier

---

зовыхъ снимковъ. Модель, сдѣланная мною при началѣ моей работы, сломалась; къ тому же она была слишкомъ велика. Г-жа Колло, давно уже занимающаяся изученіемъ этого предмета, намѣрена теперь же приступить къ работѣ модели. Я охотно сдѣлалъ бы ее самъ, еслибъ мое зрѣніе позволяло еще мнѣ лѣпить мелкія вещи; но г-жа Колло, которая хорошо знакома съ моей работой, слѣдила за ней во время производства и будетъ работать у меня на глазахъ — съ успѣхомъ выполнитъ это, если только я не ошибаюсь жестоко.

Осмѣливаясь безпокоить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, и говорить Вамъ о работѣ модели, я дѣлаю это съ цѣлью предупредить Ваше Величество, что къ слѣдующей веснѣ, когда эта работа будетъ уже окончена, ничто не помѣшаетъ продолжать начатую постройку, если Ваше Величество признаете это нужнымъ. Я дѣлаю это также, и въ особенности, съ цѣлью просить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, не оставлять своимъ августѣйшимъ покровительствомъ двухъ признательныхъ художниковъ, которые всѣми своими силами стараются и всегда будутъ стараться заслужить его.

№ 196. Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашему Императорскому Величеству, безъ сомнѣнія, извѣстно, что вновь произведенная мною вторая отливка части статуи отъ колѣнъ всадника и груди лошади до

et au poitrail du cheval, a bien réussie, je crois devoir l'assurer que dans quatre mois environ, la totalité du bronze sera finie de réparer. Alors je Vous supplierai, Madame, de vouloir bien jetter un coup d'oeil sur mon ouvrage; et j'ose espérer que Votre Majesté ne refusera pas de voir dans mon atelier le produit de mes onze à douze années de travaux.

Votre Majesté Impériale me permet-elle aussi de lui rappeler que les deux bustes en marbre, de Monseigneur le Grand Duc, et de feue Madame la Grand Duchesse, n'ont pas été payés à ma bru.

1778.

№ 197.

Письмо Фальконета Императрицѣ Екатеринѣ II, 1 Сентября 1778 г.

Madame,

Grâce à Votre Majesté Impériale, ce qui me regarde est terminé; mais si je dois m'en rapporter à certain bruit, ce qui concerne la statue ne l'est pas. On dit que Mr. de Betzki veut qu'elle soit refondue. J'ai longtemps pris cela pour des propos de ville; mais quelqu'un d'assez notable, m'a comme assuré que c'est une vérité. Si c'en était une, j'ai toute l'honnêteté qu'il faut pour avertir que ce serait une maladresse des plus complètes.

Les jambes du cavalier sont fort différentes de ce qu'elles sont dans le moule. Le bras étendu est autrement posé, qu'il ne l'est dans le modèle,

---

головъ ихъ — вышла очень удачною, и я считаю долгомъ засвидѣтельствовать Вамъ, что приблизительно черезъ 4 мѣсяца вся передѣлка въ статуѣ будетъ окончена. Тогда я почтительнѣйше попрошу Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, удостоить мою работу Вашимъ милостивымъ взоромъ. Смѣю надѣяться, что Ваше Величество не откажетесь посѣтить мою мастерскую, чтобы взглянуть на плодъ моего 11 или 12 лѣтняго труда.

Позвольте мнѣ также напомнить Вашему Императорскому Величеству, что моей невѣсткѣ не уплачены еще деньги за два мраморные бюста: Государя Великаго Князя и покойной Государыни Великой Княгини.

№ 197. Всемилостивѣйшая Государыня,

Благодаря Вашему Императорскому Величеству, то, что касается меня лично, окончено; но вопросъ о статуѣ, если я долженъ вѣрить извѣстному слуху, еще не рѣшенъ. Говорятъ, что г. Бецкій желаетъ, чтобъ она была перелита. Я долго принималъ это извѣстіе за городской слухъ, но нѣкто изъ очень вліятельныхъ лицъ какъ бы увѣряетъ меня въ справедливости его. Если дѣйствительно это такъ, то на моей совѣсти лежитъ обязанность предупредить, что подобное обращеніе со статуей было бы крайнею неосторожностью.

Ноги всадника на статуѣ совсѣмъ не такія, какія сдѣланы въ формѣ; протяну-

et par conséquent dans le moule. La tête du héros est supérieure à ce qu'elle est dans le modèle et dans le moule.

J'ai peine à croire que sous le vain prétexte d'une jonction dans ma fonte, on veuille refaire cette fonte: la statue de Baurdeaux est également de deux réprises, qui ne paraissent pas plus qu'à la mienne. Le prétexte de quelques pièces remises est aussi vain, puisque la statue de Copenhague en a plus de mille, et qu'elle existe. Le premier objet de ces sortes d'ouvrages est, qu'ils soient beaux et solides.

Une autre considération mérite aussi des égards. Les fondeurs modernes, ou ne veulent pas, ou ne savent pas fondre mince, comme j'ai fondu le devant de la statue (celle de Marc-Aurèl n'a pas deux lignes d'épaisseur, et ces gens là n'en savent rien). Si j'eusse manqué à précaution, le poids du bronze eut emporté l'ouvrage, et le juste équilibre que j'ai calculé le garantit d'une chute totale, quand il sera posé.

J'ose dire à Votre Majesté Impériale que c'est là ce qui rend ma fonte supérieure à toutes celles qu'on fait, qui la décide juste pour la position du cheval, et ce à quoi personne ne paraît faire attention.

Au milieu de ce qu'on m'a fait souffrir, j'ai travaillé en artiste qui sait mettre le bien d'un ouvrage, qui lui est confié, au-dessus des fantaisies des hommes. J'ai laissé dire et faire, comme Votre Majesté me l'a conseillé tant de fois; et je n'ai pensé qu'à remplir mon devoir. D'autres que Vous,

---

тая рука имѣетъ не то положеніе, какое ей дано на модели, а слѣдовательно и въ формѣ; голова героя выше, чѣмъ на модели и въ формѣ.

Я съ трудомъ вѣрю, что подъ такимъ ничтожнымъ предлогомъ, какъ спайка въ моей отливкѣ, хотятъ перелить статую; статуя въ Бордо точно также состоитъ изъ двухъ частей, и на ней спайка также незамѣтна, какъ и на моей. Другой предлогъ, относительно нѣсколькихъ вставокъ въ статуѣ, одинаково не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ копенгагенской статуѣ ихъ болѣе тысячи и тѣмъ не менѣе она стоитъ. Главное достоинство подобныхъ произведеній состоитъ въ ихъ красотѣ и прочности.

Еще одно обстоятельство надо принять въ соображеніе. Новѣйшіе литейщики не хотятъ или не умѣютъ давать такія тонкія стѣнки, какія я сдѣлалъ въ передней части статуи (статуя Марка-Аврелія имѣетъ менѣе 2-хъ линій толщины, а они ничего объ этомъ и не знаютъ). Еслибъ я не принялъ предосторожности, то статуя моя погнулась бы подъ тяжестью бронзы; но строгое равновѣсіе, которое я установилъ въ частяхъ ея, предохранитъ ее отъ паденія, когда она будетъ установлена.

Осмѣлюсь доложить Вашему Императорскому Величеству, что въ этомъ именно состоитъ преимущество моей отливки предъ всѣми прочими; я строго согласую ее съ положеніемъ лошади — на что, повидимому, никто не обращаетъ вниманія.

Среди всего того, что заставляли меня претерпѣвать, я работалъ, какъ художникъ, который ставитъ достоинство порученной ему работы выше человѣческихъ

Madame, pourraient traiter ceci de songes; mais si l'on s'avisait de refondre la statue, on apercevrait trop tard combien j'ai raison.

Je n'ai pas cru devoir partir sans dire la vérité, sur cet article, à Votre Majesté Impériale, afin qu'elle la sache bien sur un objet qu'elle n'a pas encore vu ...... Mais pourtant je devrais croire que ce n'est qu'un bruit de ville excité pour me tracasser.

Je suis avec le plus profond respect, Madame,

de Votre Majesté Impériale

le très-humble et très-obéissant serviteur

Falconet.

Pétersbourg, 1 Septembre 1778.

фантазіи. Я предоставлялъ говорить и дѣлать, какъ Ваше Величество совѣтовали это мнѣ не разъ, и думалъ только объ исполненіи своей обязанности. Другіе, а не Вы, могли бы принять это за мечты; но если вздумали бы перелить статую, то поздно уже пришлось бы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ.

Я не считалъ себя въ правѣ уѣхать, не высказавъ Вашему Императорскому Величеству истину о предметѣ, котораго Вы еще не видѣли ...... Или я долженъ вѣрить, что это извѣстіе есть не что иное, какъ городской слухъ, пущенный съ цѣлью досадить мнѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества

покорнымъ и послушнымъ слугою

Фальконетъ.

С.-Петербургъ, 1 Сентября 1778 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Въ первой половинѣ февраля 1767 г. Императрица Екатерина II предприняла путешествіе въ Москву, куда должны были собраться депутаты, избранные въ Коммисію для сочиненія проекта новаго Уложенія. До открытія Коммисіи Императрица совершила путешествіе по Волгѣ. Англійскій посланникъ Макартней въ донесеніи своему правительству, отъ 26 января 1767 г., объясняетъ это путешествіе тогдашнимъ настроеніемъ Императрицы, вниманіе которой было поглощено заботами не о внѣшней политикѣ, а о внутреннемъ управленіи государствомъ (Сборникъ Р. И. О. Т. XII, стр. 292).

(2) Эта статья о монашескихъ орденахъ написана кавалеромъ Жокуромъ, тѣмъ самымъ, который помѣстилъ въ Энциклопедіи рядъ статей о Мореѣ и Пелопонезѣ,— статей, переведенныхъ по приказанію Императрицы Екатерины на русскій языкъ Туманскимъ и изданныхъ въ Петербургѣ въ 1769 году. Вотъ то мѣсто, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: «J'avoue que les frères prêcheurs et les frères mineurs négligeant dans l'enfance de leurs ordres les bénéfices et les dignités ecclésiastiques se rendirent célèbres par leurs études dans les universités naissantes de Paris et de Boulogne; et sans examiner au fond ce genre d'études qu'ils cultivèrent; il suffit qu'ils y réussissaient mieux que les autres. Leur vertu, la modestie, l'amour de la pauvreté et le zèle de la propagation de la foi contribuérent en même temps à les faire respecter de tout le monde. De là vient qu'ils furent si tôt favorisés par les papes, qui leur accordèrent tant de privilèges et chéris par les princes et par les rois. Saint Louis disait que s'il pouvait se partager en deux, il donnerait aux frères prêcheurs la moitié de sa personne et l'autre aux frères mineurs.» (Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences. Neufchatel, 1765. T. XI, p. 600).

(3) Сношенія Императрицы Екатерины II съ д'Аламбертомъ начались вскорѣ послѣ вступленія Императрицы на престолъ. Въ октябрѣ 1762 г. было предложено д'Аламберту пріѣхать въ Россію на шесть лѣтъ для того, чтобы заняться воспитаніемъ Великаго Князя Павла Петровича. Не смотря на весьма выгодныя условія, ему

предложенныя, д'Аламбертъ отказался пріѣхать въ Россію. Не смотря на этотъ отказъ Императрица продолжала состоять въ перепискѣ съ д'Аламбертомъ. Въ концѣ 1766 г. она получила отъ него письмо, на которое 5 февраля 1766 г. отвѣчала между прочимъ: «послѣ завтра я уѣзжаю отсюда въ Москву, а оттуда предприму еще болѣе дальнюю поѣздку: я отправлюсь по Волгѣ до Казани и вернусь въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Москву, гдѣ начнутъ новое уложеніе, на основаніи установленныхъ мною началъ, которыя, надѣюсь, не будутъ отвергнуты тѣми, кто любитъ человѣчество. Въ Петербургъ я возвращусь въ ноябрѣ или декабрѣ» (Сб. Р. И. О. Т. X стр. 168).

(4) Письма Императрицы Екатерины II Вольтеру были изданы въ первый разъ въ 1785 г. и потомъ неоднократно помѣщаемы были въ полномъ собраніи сочиненій этого писателя. Въ VII, X и XIII томахъ Сборника Р. И. О. эти письма напечатаны по подлинникамъ, хранящимся въ Государственномъ архивѣ. Въ письмахъ своихъ Императрицѣ Вольтеръ конечно не менѣе д'Аламберта расточалъ льстивые эпитеты; такъ въ письмѣ, полученномъ Императрицею въ концѣ декабря 1766 г., о которомъ, вѣроятно, идетъ здѣсь рѣчь, онъ писалъ: Vous êtes l'astre le plus brillant du Nord, il n'y en a jamais eu d'aussi bienfaisant que Vous. Andromède, Persée et Calisto ne Vous valent pas.... Louis XIV avait moins de magnificence que Votre majesté... Diderot, d'Alambert et moi vous dressons des autels; Vous me rendez païen... и подписывался: le prêtre de Votre temple. Такое злоупотребленіе фиміамомъ, не могло не быть противнымъ Императрицѣ, особливо въ началѣ ея царствованія; вступая въ переписку съ Фальконетомъ, она даетъ ему тонкое предостереженіе.

(5) Въ 1749 г. Дидеротъ издалъ «Lettre sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient» (письмо о слѣпцахъ на пользу зрячимъ), за которое былъ подвергнутъ тюремному заключенію въ Винсеннѣ въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ.

(6) Кошенъ Карлъ-Николай, сынъ извѣстнаго рисовальщика и гравера Карла-Николая, род. въ Парижѣ въ 1715 + 1790 г.; сопровождалъ съ 1749 по 1751 г. маркиза де Вандіера, впослѣдствіи маркиза де Мариньи, во время путешествія его по Италіи, и, по возвращеніи во Францію, издалъ описаніе своего путешествія. Въ 1751 г. Кошенъ назначенъ смотрителемъ Королевской коллекціи рисунковъ и секретаремъ Академіи живописи. Онъ постоянно и усердно трудился на поприщѣ изящнаго и оставилъ, кромѣ многихъ сочиненій объ искусствѣ, болѣе 1500 гравюръ.

(7) Вслѣдствіе выраженнаго Императрицею желанія видѣть Дидерота въ Петербургѣ, Фальконетъ писалъ ему уже въ январѣ 1767 г.: Si nous nous revoyons ce sera donc à St.-Pétersbourg. Le monument dont je suis chargé ne me laissera que le temps de mourir quand je l'aurai fini. Et pourquoi ne nous embrasserions nous pas chez cette souveraine Auguste, qui Vous souhaite par ce qu'elle Vous aime, que je connais mieux que Vous ne la connaissez, par ce que je la vois, que je l'entends, que je lui trouve les principes de la plus saine philosophie... Mais est-ce à moi de narrer ce que son génie opère et veut opérer encore pour le bonheur de son peuple et la gloire de son empire. C'est à Vous, c'est au chanteur de Henri, c'est à celui de Pierre le Grand qu'il appartient de s'élever par des chants sublimes. Je n'ai pour moi que le marbre et le bronze, heureux si avec cette ingrate et faible poésie qui n'a qu'un mot à dire, je puis indiquer l'ébauche de mon héros.

(8) *Dispute sur la postérité.* Незадолго до отъѣзда Фальконета изъ Франціи, между нимъ и Дидеротомъ завязался споръ о томъ, какое значеніе въ глазахъ художника долженъ имѣть судъ потомства. Дидеротъ предложилъ Фальконету повергнуть ихъ споръ на судъ Екатерины. Seriez vous homme, писалъ онъ Фальконету, à abandonner la décision de notre querelle au jugemeut de ma bienfaitrice? Prenez y garde mon ami; cette femme est ivre du sentiment de l'immortalité, et je vous la garantis prosternée devant l'image de la postérité. Фальконетъ принялъ этотъ вызовъ, о чемъ и увѣдомилъ Дидерота въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Perfide vous jouez de ces tours. En est il de plus felons? Oui votre cause et la mienne seront portées à l'auguste sanctuaire que vous me désignez et que vous cherchez à corrompre. Mais sachez que je n'ai rien à en redouter; quelle que soit sa respectable décision détruira-t-elle ma conscience m'en donnera-t-elle une autre? Trouvez sur la terre une puissance assez forte pour m'ôter la phisionomie sans m'ôter la tête et j'ai tort.

Vous voyez que je ne dispute plus, par ce que vous vous répétez et que je vous ai répondu et surtout par ce que j'attends dans le plus réspectueux silence et sans chercher vainement à prévenir mon juge, la décision qu'elle daignera prononcer sur votre opinion et la mienne.

(9) Марія Колло, ученица Фальконета, впослѣдствіи вышедшая за-мужъ за его сына, 30 декабря 1766 г. удостоена званія академика въ чрезвычайномъ собраніи С.-Петербургской Академіи Художествъ. Подъ наблюденіемъ Фальконета г-жа Колло моделировала голову Петра I для конной статуи. Англійскимъ посланникомъ въ то время былъ серъ Джоржъ Макартней.

Въ Ермитажной галереи рисунковъ стоятъ два бюста работы Колло, изъ коихъ одинъ бюстъ самого Фальконета.

(10) Кавалеръ де Жокуръ (р. 1704, ум. 1779 г.) извѣстный литераторъ, написавшій весьма много статей для Энциклопедіи. Фальконетъ не раздѣлялъ его взглядовъ на классическое искусство.

(11) Это выраженіе встрѣчается въ письмѣ Вольтера къ Императрицѣ Екатеринѣ II 1765 г. безъ даты. Онъ пишетъ: Si Votre devise est une abeille, Vous avez une terrible ruche, c'est la plus grande qui soit au monde. Императрица въ письмѣ, отъ $^{11}/_{22}$ августа 1765 отвѣчаетъ: Ma devise est une abeille qui, volant de plante en plante, amasse son miel pour le porter dans sa ruche et l'inscription est l'utile.

(12) 21 іюня 1766 г. Вольтеръ писалъ Императрицѣ: C'est maintenant vers l'étoile du Nord qu'il faut que tous les yeux se tournent. 22 декабря того же года онъ продолжалъ: Vous êtes assurément l'astre le plus brillant du Nord et il n'y en a jamais eu de plus bienfaisant que Vous. 9 января 1767 г. Императрица писала Вольтеру: vous me donnez une place décidée parmi les astres. Je ne sais si ces places là valent la peine qu'on les brigue.

(13) Abrégé de l'histoire ecclésiastique par l'abbé Fleury. Книга эта издана въ Германіи въ 1766 г.; она написана была аббатомъ Прадтомъ, а предисловіе принадлежитъ перу Фридриха II, которому современники приписывали сочиненіе всей книги.

(14) Dictionnaire philosophique portatif, напечатанный первоначально въ Лондонѣ въ 1764 г.; въ книгѣ этой Вольтеръ собралъ свои мысли о философіи въ общедоступной формѣ.

(15) См. Энциклопедія, Т. XIV, стр. 442. Не знаемъ, въ чемъ заключалось высказанное Фальконетомъ сужденіе. Отзывы Жокура не могли понравиться Императрицѣ; вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ о Русскомъ народонаселеніи:

«Mr. Voltaire juge que le total des habitants de la Russie doit aller à vingt-quatre millions d'habitants; mais il faut se défier de tous les dénombrements d'un pays que demandent par besoin les souverains; par ce que pour leur plaire, on a grand besoin de multiplier, d'exagérer, de doubler le nombre de leurs sujets. Il est très-vraisemblable que la Russie n'a pas douze millions d'habitants, et quelle a été *plus peuplée* qu'aujour d'hui, dans le temps que la petite-vérole, venue du fond de l'Arabie et l'autre venue d'Amérique, n'avaient pas encore fait de ravages dans ces climats où elles se sont enracinées. Ces deux fléaux par qui le monde est plus dépeuplé que par la guerre, sont dûs, l'un à Mahomet, l'autre à Christophe Colomb.»

И далѣе: «Dans cette vaste étendue de pays que renferme la Russie, on compte environ 7400 moines, et 5600 religieuses, malgré le soin que prit Pierre le Grand de les réduire à un plus petit nombre; soin digne d'un législateur dans un empire où ce qui manque principalement c'est l'espèce humaine. Ces treize mille personnes cloîtrées et perdues pour l'état, ont soixante-douze mille serfs pour cultiver leurs terres, et c'est évidemment beaucoup trop; rien ne fait mieux voir combien les anciens abus sont difficiles à déraciner.»

(16) Вотъ статья, о которой говоритъ здѣсь Императрица Екатерина II: Cet empire du Nord enlevé de notre temps à son ancienne barbarie par les soins et le génie du plus grand de ses rois pourrait il arracher de nos mains et la couronne des grâces et la ceinture de Vénus? La physique y mettrait trop d'obstacles; cependant il peut naître dans cet empire quelque homme inspiré fortement, qui nous dispute un jour la palme du génie, parce que le sublime et le beau sont plus indépendants des causes locales. (Encyclopédie, T. IX, p. 871.)

(17) Одна изъ лучшихъ картинъ Греза, купленная Императрицею въ 1766 году, находится въ Эрмитажѣ и значится въ каталогѣ 1871 года подъ № 1520.

(18) Письмо это писано изъ Симбирска, гдѣ Государыня въ этотъ день принимала депутацію татаръ.

(19) Въ Парижской церкви св. Рока находились слѣдующія статуи работы Фальконета: Умирающій Спаситель, Богородица, Моисей и Давидъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уничтожены революціею.

(20) Одновременно споръ этотъ былъ представленъ на судъ кн. Голицына и Вольтера, который писалъ Фальконету: Je lirai avec grand plaisir tout ce que des hommes d'un aussi grand mérite auront écrit: vous devez être plus instruit que Diderot sur un art auquel vous faites tant d'honneur et quoique je sois prêt de perdre les yeux, mon esprit tâchera de profiter de vos leçons.

(21) Императрица возвратилась въ Москву 14 іюня 1767 г.

2) Здѣсь, безъ сомнѣнія, Императрица разумѣетъ Коммисію для сочиненія з новаго Уложенія, открытіе коей послѣдовало 30 іюля.

(23) Письмо, привезенное Ларивьеромъ, кромѣ парижскихъ новостей содержитъ отговорки Дидерота пріѣхать въ Россію; онъ выставляетъ главнымъ образомъ сердечныя свои въ Парижѣ привязанности и предлагаетъ въ ознаменованіе своей благодарности Императрицѣ, вмѣсто личнаго своего присутствія, трудъ на пользу русскаго языка, нѣчто въ родѣ энциклопедическаго словаря на русскомъ языкѣ.

(24) Бурламаки родился въ 1694 году, а умеръ въ 1748 г., поэтому непонятно; о какомъ его письмѣ говоритъ здѣсь Фальконетъ. О заслугахъ Бурламаки по части государственнаго права и вообще юриспруденціи см. Nouvelle biographie universelle par Firmin Didot, T. VII, стр. 846.

(25) Дидеротъ предлагалъ покупку собранія гравировальныхъ досокъ, принадлежавшихъ граверу Леба, а также упоминалъ о коллекціи картинъ Кайе (Cayeux), которую однако купить не удалось.

(26) Дидеротъ писалъ о Грезѣ. C'est un excellent artiste, mais une bien mauvaise tête. Il faut avoir ses dessins et ses tableaux et laisser là l'homme. Et puis sa femme est d'un consentement unanime, et quand je dis unanime, je n'en excepte ni le sien, ni celui de son mari une des plus dangereuses créatures, qu'il y ait au monde.

(27) Charles, Amédée Philipe Vanloo былъ въ это время въ Берлинѣ. Дидеротъ совѣтовалъ пригласить его въ Петербургъ.

(28) Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, род. 15 мая 1734 † 1803 г., тайный совѣтникъ, дѣйств. камергеръ, былъ сперва посланникомъ въ Парижѣ, потомъ тридцать лѣтъ посланникомъ въ Нидерландахъ (въ Гагѣ); супруга его, княгиня Аделаида-Амалія, дочь прусскаго генерала графа Шметтау, весьма извѣстна была въ свое время умомъ своимъ, ученостью и тѣсною дружбою со многими изъ знаменитѣйшихъ современниковъ; она родилась 17 августа 1749 † 1806. Старшій братъ к. Д. А. князь Петръ Алексѣевичъ † 1810 г., былъ оберъ-егермейстеромъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. (Ср. 1) Росс. родословная книга кн. П. Долгорукова, т. I, стр. 292 и 313 и 2) Древняя Росс. Вивліоѳика, 2-е изд. т. XVII, стр. 241—242).

Излишняя, къ несчастію, какъ выражается кн. Долгоруковъ, мечтательность нерѣдко увлекала княгиню Аделаиду-Амалію за предѣлы разсудка. Единственный сынъ ея, князь Дмитрій Дмитріевичъ, скончался въ 1840 году въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, будучи въ Балтиморѣ р.-католическимъ епископомъ. (Ср. Родосл. Сборникъ кн. П. Долгорукова. Книжка III, стр. 119—120).

Митрополитъ *Евгеній* въ своемъ Словарѣ Русскихъ Свѣтскихъ писателей (Москва, 1845, т. I, стр. 150—151) о князѣ Дмитріѣ Алексѣевичѣ Голицынѣ пишетъ: «К. Д. А., бывшій резидентомъ Росс. въ Гагѣ, корреспондентъ и почетный членъ Спб. Академіи Наукъ, а съ 1801 г. членъ Спб. Вольнаго Экономическаго Общества. Будучи въ Голландіи, онъ писалъ на французскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій по предметамъ натуральной Исторіи, какъ-то: 1) письма о нѣкоторыхъ минералогическихъ предметахъ къ профессорамъ Петру Камперу и Георгію Форстеру, напеч. въ Гагѣ, 1790 г. и вторично съ поправкою и дополненіемъ 1794 г. подъ названіемъ: трактатъ или сокращенное и методическое описаніе минераловъ. 2) Защищеніе г. Бюфона отъ несправедливыхъ и неблагопристойныхъ нападеній де Люка и

Сажа, напеч. въ Гагѣ, 1793. Съ 1783 г. есть его сочиненія, помѣщенныя въ Новыхъ актахъ Спб. Академіи Наукъ, и особо при Академіи напеч. 1784 г. *письмо* его къ сей Академіи о нѣкоторыхъ электрическихъ предметахъ, а съ 1802 г. есть его сочиненіе и въ Трудахъ Спб. Экономическаго Общества». Митрополитъ Евгеній упустилъ нѣсколько изслѣдованій кн. Голицына, на которыя указываетъ *Brunet* въ Manuel du Libraire, Paris 1864. стр. 243 № 4532. «Description physique de la Tauride, relativement aux trois régnes de la nature, par le prince Dmitri de Galitzine, trad. du russe en français. La Haye 1788 in 8°. *Bouillet* говоритъ: «D. Galitzin qui fut lié avec les hommes les plus illustres de l'époque; il publia plusieurs ouvrages scientifiques et donna en Hollande une édition complete de *Helvétius*. Сочиненіе Гельвеція «de l'homme et de son éducation», 1772 г., въ двухъ частяхъ; второе изданіе было напечатано княземъ Д. А. Голицынымъ въ Голландіи и посвящено Императрицѣ Екатеринѣ II (Ср. Сборникъ Русс. Ист. Об. T. XIII, стр. 358).

Князь П. Долгоруковъ говоритъ, что кн. Д. А. Голицынъ умеръ 1799 года, митрополитъ Евгеній увѣряетъ, что онъ скончался въ Брауншвейгѣ, 6-го марта 1803 года. Одинаковаго съ митрополитомъ Евгеніемъ мнѣнія и Дм. Бантышъ-Каменскій; въ его *Истор. собраніи списковъ Кавалеровъ*, Москва, 1814 года, на стр. 323 сказано: князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, тайный совѣтникъ, камергеръ и министръ въ *Туринѣ*, умеръ въ Брауншвейгѣ 6-го марта 1803 года.

Дидеротъ въ письмѣ въ Фальконету, отъ іюля 1767 г. пишетъ о кн. *Голицынѣ*: Je vous confie en secret que le prince de Galitzine travaille à mettre en russe la vie de plus célèbres peintres italiens, flammands et français; tâche à laquelle il trouve toutes les difficultés d'une langue qui n'est pas faite et qu'il fera. (Revue moderne, Paris, 1 novembre 1866, стр. 319.)

Дидеротъ писалъ *Фальконету* изъ Парижа 6 сентября 1768 г. ... J'allais oublier de vous dire que le prince de Galitzine est-marié. Il part de Paris. Il va aux eaux d'Aix-la-chapelle pour sa santé. Il y trouve le prince et la princesse Ferdinand de Prusse, et une jeune comtesse de Schmettau, jolie, pleine d'esprit, de gaieté, de grâce et de talents. Du moins il n'y a qu'une voix là-dessus, et le voilà marié. (Revue moderne, 1 janvier 1867, стр. 77.)

И далѣе. Le prince de Galitzine qui s'achemine vers sa souveraine et ses amis vous expliquera tout cela. (1 февраля 1867. Revue moderne, стр. 304.)

Благодаря заботамъ и стараніямъ князя Д. А. Голицына изданы были сочиненія Фальконета (Les oeuvres d'Etienne Falconet parurent d'abord à Amsterdam, par les soins du prince de Galitzine, ambassadeur de Russie à la Haye, et ami de l'auteur (см. предисловіе къ сочиненіямъ Фальконета, 3-е изданіе, Парижъ, 1808 г.).

(29) Дидеротъ дружный съ Ларивьеромъ, по свидѣтельству Сегюра, рекомендовалъ его Императрицѣ и выставлялъ его затмѣвающимъ славу Вольтера и Монтескье. Nous nous privons de cet homme, писалъ онъ, pour Vous. Il se prive de nous pous Sa Majesté. Il faut que nous soyons tous étrangement possédés de l'amour du genre humain. Тонкое чутье Государыни въ разпознаваніи достоинства людей, по этимъ отзывамъ, заставило ее заподозрить качества Ларивьера. Послѣдствія вполнѣ оправдали эти опасенія.

(30) Мраморный бюстъ Фальконета, работы г-жи Колло, находится въ Импера-

торскомъ Эрмитажѣ въ галлереѣ, вмѣщающей рисунки, на одномъ изъ оконъ, выходящихъ на Зимнюю канавку.

(31) Сергій Ивановичъ Глѣбовъ, сынъ сенатора Ивана Ѳедоровича, начальствовавшаго въ Петербургѣ во время пребыванія Императрицы въ Москвѣ, въ 1767 г. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» (Спб. 1772) даетъ о Глѣбовѣ слѣдующія свѣдѣнія: «артиллеріи подполковникъ, писалъ стихи, которые и напечатаны въ разныхъ мѣстахъ, но болѣе извѣстенъ по своимъ переводамъ, изъ коихъ исторія великихъ мужей, выбранныхъ изъ Плутарха, сдѣлаютъ ему честь, если всѣ будутъ изданы. Есть и другіе его изрядные переводы». Вотъ что пишетъ о немъ Фальконетъ въ письмѣ Дидероту: «Mr. Gleboff, fils du gouverneur, homme plein de mérite, qui a traduit votre *Père de famille*, il est imprimé, je Vous l'ai envoyé l'année dernière». (См. Revue moderne, 1 décembre 1866.) Дидеротъ въ свою очередь въ письмѣ Фальконету пишетъ: «Je Vous prie, mon ami, de remercier Mr. Gleboff de l'honneur, qu'il m'a fait de me traduire. (Revue moderne, 1 janvier 1867.)

(32) Баронъ Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ лишь въ сентябрѣ 1773 г. вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ гессенскимъ Людвигомъ (Сборникъ XIII, 358), — именно въ то время, когда ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, Каролина, пріѣхала въ іюнѣ 1773 г. въ Россію, по случаю бракосочетанія дочери ея Великой Княгини Натальи Алексѣевны съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ. Автобіографическій разсказъ, или точнѣе по словамъ самаго б. Гримма: Mémoire historique et les suites de mon attachement pour l'Impératrice Catherine II, jusqu'au décès de S. M. Imp., напечатанъ во II-мъ томѣ Сборника Русск. Ист. Общества, на стр. 325 и слѣд.

(33) Въ 1767 году С.-Петербургскимъ почтъ-директоромъ былъ бывшій секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ Экъ, замѣнившій извѣстнаго въ свое время барона Аша.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ трехъ писемъ Императрицы, о которыхъ упоминается и которыя, какъ видно, были возвращены Фальконетомъ. Онѣ, по всей вѣроятности, содержали указанія на необдуманные поступки самонадѣяннаго Ларивьера, котораго пришлось выпроводить изъ Россіи. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Россію у этого тщеславнаго экономиста-реформатора возникла переписка довольно ѣдкаго свойства съ графомъ Н. И. Панинымъ. Эта переписка хранится между бумагами Государственнаго Архива М. И. Д. въ Спб.

Вотъ что писалъ Фальконетъ Дидероту о поведеніи и личности Ларивьера: «Si jamais vous recommandez quelqu'un à l'Impératrice, faites qu'il se choisisse une compagnie qui honore son jugement. Surtout, qu'il n'écrive pas à la souveraine et au ministre, que lui arrivant et son monde font *six maîtres;* par ce que cette sorte de ridicule ne manque jamais son effet, surtout quand on n'attend *qu'un homme*, que dans une lettre où il dira qu'il n'est point intéressé, il ne fasse pas observer que la cour de France lui donnait 40,000 écus par année, non compris les gratifications; par ce que cet avis serait regardé comme l'explication des honoraires qu'il n'aurait pas voulu fixer avant son arrivée en Russie; et que pour mettre un sens convenable à cette

explication, on entendrait qu'elle signifie 80,000 écus non compris les gratifications, parcequ'on ne peut donner moins à un homme du premier mérite qui veut bien s'expatrier dans les neiges par pur amour de l'humanité et pour mettre le sceau à la gloire d'une grande Impératrice. Il lui faut au moins le double de ce qu'il avait dans sa patrie: cela saute aux yeux?... (Revue moderne, 1866, 1 décembre, p. 382—383, Paris.) Отвѣтъ Дидерота Фальконету: Revue moderne, 1 января 1867 г., стр. 59.

(34) *Мой посланникъ въ Испаніи:* Въ 1766 году опредѣленъ былъ Императрицею Екатериною II полномочнымъ министромъ въ Испанію баронъ, а потомъ графъ, Отто Магнусъ Штакельбергъ (род. 1736 † 1800); черезъ шесть лѣтъ переведенъ изъ Мадрида сначала въ Стокгольмъ, наконецъ въ Варшаву. Д. Т. С. и съ 23 іюня 1775 г. кавалеръ Св. Александра Невскаго. (См. Бантышъ-Каменскаго Списокъ Кавалерамъ, Москва, 1814 г., стр. 223.) Возведенъ Импер. Іосифомъ II 5/16 мая 1775 года въ графское Римской Имперіи достоинство. Отъ брака съ баронессою Тизенгаузенъ, рожд. Фитингофъ, имѣлъ двухъ сыновей, изъ коихъ младшій, графъ Густавъ Оттоновичъ (род. 1766 г. † въ апрѣлѣ 1850 г.) былъ однимъ изъ нашихъ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ и отцемъ графа Эрнеста Густавовича (род. 9 марта 1813 г. † 1870 г. бывъ женатъ на Аннѣ де Тамизье (Tamisier), дочери франц. маркиза), бывшаго посла въ Парижѣ. См. 1) Росс. Род. Книга кн. П. Долгорукова, ч. III, стр. 257—258. 2) Д. Бантышъ-Каменскаго Словарь, часть V, стр. 91 и слѣд. 3) Бантышъ-Каменскаго Списокъ Кавалерамъ, стр. 223. 4) Revue moderne, Paris, 1 janvier 1867, стр. 53—54.

(35) На подлинникѣ этого письма Императрицы Екатерины II написано противъ этого мѣста рукою Фальконета: «c'est l'abbé Raynal». Рейналь, извѣстный французскій писатель, род. 1713 г. † 1796 г. Извѣстенъ онъ сталъ въ литературномъ мірѣ послѣ изданія, въ 1770 году, своей «Философской и политической исторіи торговли въ обѣихъ Индіяхъ».

Вотъ что Императрица Екатерина II писала Вольтеру, 15/26 сентября 1773 г., по поводу названнаго сочиненія аббата Рейналя: «L'Histoire philosophique et politique du commerce des Indes m'a empêchée jusqu'ici de lire l'ouvrage posthume d'Helvétius (De l'homme et de son éducation).

Самъ *Рейналь* въ Hist. phil. т. X, стр. 258, изд. 1781 г., пишетъ: «Le commerce a hâté le progrès de l'art par le luxe de richesses. Tous les efforts de l'esprit et de la main se sont réunis pour embellir et perfectionner la condition de l'espèce humaine. L'industrie et l'invention, avec les jouissances du Nouveau Monde, ont pénétré jusqu'au cercle pôlaire, et les beaux-arts tâchent de forcer la nature à St-Pétersbourg...» Въ своей «Философской и политической исторіи торговли въ обѣихъ Индіяхъ», Рейналь посвятилъ и исторіи Россіи нѣсколько страницъ. Его идеями часто пользовались, хотя рѣдко указывали на источникъ, откуда онѣ почерпнуты были. Въ 3-мъ томѣ своей Histoire philosophique etc., изданіе Женевское 1781 года, онъ вполнѣ высказалъ свой взглядъ на древнюю исторію Россіи и чего можно будетъ ожидать отъ этой страны въ будущемъ. (См. Томъ III, стр. 93—110.) Сравни кромѣ того Томъ X, стр. 24—30; 189 Pierre le Grand; Catherine II, стр. 30, 31.

(36) *La statue de l'hiver.* Дидеротъ писалъ Фальконету въ іюлѣ 1767 года: Mr. le prince de Galitzine vous répondra lui même sur les trois mille livres de la statue de l'hiver. C'est son affaire. (См. Revue moderne, Paris, 1866, 1 novembre, стр. 312.)

Левекъ въ жизнеописаніи Фальконета о статуи «*зимы*» даетъ, какъ очевидецъ и близкій къ Фальконету человѣкъ, слѣдующія свѣдѣнія: «Falconet lui (à Catherine II) fit hommage de la petite et charmante figure en marbre *de l'hiver*, dont on a dit qu'on ne pouvait la voir sans greloter. Le modèle en plâtre de ce morceau fut un autre hommage qu'il offrit à un artiste célèbre, le peintre anglais J. Reynolds. Celui-ci l'a fait graver en pierre précieuse, et l'on recherche très-justement les empreintes qu'il en a distribuées. Il marqua sa reconnaissance à Falconet, en lui envoyant une superbe épreuve de l'estampe gravée d'après son tableau du comte Ugolino, sujet tiré de l'Enfer du Dante. Mr. Falconet a recommandé qu'à sa mort cette estampe me fût remise, avec ce qu'il possédait de livres latins. (См. Levesque, Vie d'Etienne Falconet, въ 3-мъ изд. соч. Фальконета, Парижъ, 1808, стр. 15.) Куда дѣвалась эта восхищавшая современниковъ Фальконета статуя зимы, намъ неизвѣстно.

(37) Тутъ вѣроятно идетъ рѣчь о бронзовой статуѣ королю Филиппу II испанскому, работы знаменитаго Петра Таки (Pietro Tacca). (См. Etat présent d'Espagne). Въ Dictionnaire de la Martinière, Paris 1768, томъ I, стр. 172, помѣщено объ этой статуѣ слѣдующее извѣстie: «On voit dans la cour du grand appartement (de Buen Retiro) sur un piédestal la statue de bronze de Philippe II». (Ср. G. K. Nagler's Künstler-Lexicon, т. XVIII, стр. 77—78; и Les Délices de l'Espagne, par Don Juan Alvarez de Colmenar, A. Leide MDCCVII, т. II, стр. 236).

(38) *Бюстъ императрицы готовъ.* Мраморный бюстъ Императрицы Екатерины II, съ подписью: Collot fecit 1768, находился у графа Гр. Ал. Кушелева-Безбородко, по смерти коего пріобрѣтенъ А. А. Половцовымъ.

(39) *Г. Лемуанъ.* Жанъ Баптистъ (Lemoine), скульпторъ, род. въ Парижѣ въ 1704 г., умеръ въ 1778 году. Дандре-Бардонъ написалъ въ 1779 г. его Eloge historique, о немъ упоминаютъ д'Арженвиль и Ватело.

Памятникъ кардиналу Флёри, работы Лемуана, находится въ церкви Св. Людовика въ Луврѣ.

Levesque: vie d'Étienne Falconet, въ 3-мъ изданіи сочиненій Фальконета, Парижъ, 1808 г., стр. 3, 4 и 13: «On fut encore plus étonné quand, changeant de style, il consacra son art à la religion. Son Christ agonisant, dans l'église de la paroisse Saint-Roch, fut justement admiré. Les applaudissements redoublèrent quand: il découvrit les figures dont il *décora la chapelle de la Vierge* dans la même église. Sur l'autel est représentée l'Annonciation; aux deux côtés sont représentés Moyse et David. Un jour il me parlait avec enthousiasme du Moyse de Michel-Ange. Je lui parlai du sien: «Fi donc, me dit-il, ce n'est qu'un *gros cuisinier.*

(40) Императрица Екатерина желала получить группу Пигмаліона и Галатеи работы Фальконета. По этому поводу Дидеротъ писалъ въ маѣ 1768 г.: «J'ai revu M-r et M-me d'Arconville. J'ai sollicité par écrit et de vive voix votre Pigmalion. J'en suis fâché mon ami, il n'y a rien à faire et votre statue animée restera longtemps chez ces riches dévots couverte d'une chemise de satin qu'on lève de temps en temps en

faveur des curieux.» Впослѣдствіи однако удалось пріобрѣсти эту группу, она находилась въ таврическомъ дворцѣ, а нынѣ принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу. На подстановкѣ этой группы находились слѣдующіе стихи:

Si Pigmalion la forma
Si le ciel anima son être
L'Amour fit plus, il l'enflama
Sans lui que servirait de naître.

Та же самая группа, исполненная изъ мрамора въ весьма большихъ размѣрахъ, помѣщается въ сѣняхъ посольскаго подъѣзда въ Зимнемъ дворцѣ и по нашему мнѣнію равнымъ образомъ принадлежитъ рѣзцу Фальконета; по всей вѣроятности это тотъ самый трудъ о которомъ Фальконетъ говоритъ въ письмѣ своемъ 14 мая 1769 г., помѣщенномъ на стр. 70 настоящаго тома.

(41) С.-Петербургскій банкиръ Штегельманъ оставилъ весьма запутанныя дѣла. По смерти его вслѣдствіе разсчетовъ съ казною, домъ его на Мойкѣ возлѣ дома Гр. Кирилла Алексѣевича Разумовскаго, смежнаго съ домомъ графа Строганова, поступилъ въ казенную собственность и былъ занятъ кн Гр. Гр. Орловымъ. Василій Семеновичъ Хвостовъ съ своихъ запискахъ (Русскій Архивъ, 1870 г. стр. 555) разсказываетъ какъ неоднократно видалъ въ этомъ домѣ Императрицу на вечерахъ у князя Орлова. Послѣ князя Орлова домъ этотъ сдѣлался собственностью графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго и въ 1797 г. снова пріобрѣтенъ въ казну за 150,000 р., для помѣщенія какъ въ немъ такъ и въ смежномъ съ нимъ домѣ графа Разумовскаго, купленномъ за 300,000 р., Воспитательнаго дома, который и нынѣ тамъ помѣщается. Ср. еще Записки С. А. Порошина, Спб. 1844 г., стр. 555.

(42) Здѣсь идетъ рѣчь о коллекціи *Gaignat*. Эта коллекція продавалась въ декабрѣ 1768 г. См. Catalogue raisonné des tableaux, groupes et figures de bronze qui composent le cabinet de feu monsieur *Gaignat*, ancien secrétaire du roi et receveur des consignations, par Pierre Remy. Paris, in 12°. См. Приложеніе VI.

По поводу этой продажи въ маѣ 1768 года Дидеротъ писалъ Фальконету: «Gaignat est mort. Cet homme qui avait la fureur des livres des tableaux, sans s'y connaître laisse après lui la collection la plus parfaite de tableaux et la collection des livres la plus variée». (Revue M. Déc. 1866, p. 385—386.) «La belle occasion que le décès de Gaignat pour enrichir la bibliothèque du grand-duc!... Vous connaissez sans doute le cabinet de tableaux et la bibliothèque de *Gaignat*. Il est mort cet homme singulier qui avait ramassé tant de belles choses en littérature, sans presque savoir lire, tant de belles choses dans les arts, sans y voir plus clair qu'un quinze-vingt. Eh bien, je ne désespérerais pas d'acquérir ces deux précieuses collections, dont l'une ne se referait pas en un siècle et dont l'autre serait impossible à refaire quelque temps et quelque argent qu'on y mit, par ce que il faudrait encore être servi par des circonstances qui ne se retrouvent pas. J'en écris à Mr. le général Betzki. Dites-lui, je Vous prie, qu'il n'y a pas un moment à perdre, si nous ne voulons pas être croisés par des troupes de concurrents regnicoles et étrangers... Je lui fait passer par la personne qui vous remettra cette lettre, le catalogue des livres du comte de Lauraguais. Ce Lauraguais est homme à jeter à la tête du premier venu la bible de Mayence, tous les Ita-

liens et tous les Grecs et tous les Latins du monde, s'il manque d'argent et que la fantaisie lui prenne d'une chanteuse italienne ou d'une sotteuse anglaise. Donnez avis de cet envoi à Mr. de la Fermière.» См. Blanc, Le trésor de la curiosité etc., T. I, стр. 209.

6 сентября 1768 г. Дидеротъ писалъ Фальконету: «Je ne sais si j'ai parlé de mon dessinateur au général Betzki. Je lui ai certainement écrit exprès du cabinet Gaignat. On a dû lui remettre le catalogue man. des livres du comte de Lauraguais. Informez-en, je vous prie Mr. de la Fermière... Je ne sais pourquoi vous renonceriez à l'acquisition *Gaignat*. Je tiens des héritiers et de Remi, le brocanteur de Mr. de Choiseul, que celui-ci n'y pense pas...»

Отъ 6 апрѣля 1769 г. Дидеротъ писалъ Фальконету: «J'ai acquis à la vente *Gaignat*, pour Sa Maj. Impériale, cinq des plus beaux tableaux qu'il y ait en France: un Morillos, trois Gérard Dow et un J. B. Vanloo. La somme est assez forte, bien qu'elle soit très-au-dessous du mérite de ces morceaux. Je suis sous la main de justice qui a fait la vente des effets *Gaignat*. La justice n'entend pas raison. Ayez-donc l'amitié pour moi de voir Mr. ie général Betzki, et de le supplier très-instamment de me faire passer des fonds et de me tirer de souci. Ne le quittez pas que vous n'ayez vu ces fonds expédiés.» (Revue moderne, 1 février 1867, стр. 303.)

Отъ 26 марта 1769 г. Дидеротъ писалъ Фальконету: «Tout est payé, et payé avec générosité et déjà nos artistes sont aux genoux de Sa Majesté pour obtenir de faire des pendants à leurs tableaux. Je le crois bien (приписано рукою Фальконета) «Ah, mon ami, le beau Morillos que je vous envoie, les beaux Gérard Dow...»

Отъ 11 іюля 1769 г. Дидеротъ писалъ Фальконету: «Au moment où je vous écris, je me figure qu'on ouvre les caisses qui contiennent ce beau Morillos de Gaignat avec trois Gérard Dow très précieux et un excellent J. B. Vanloo.»

Отъ 15 ноября 1769 г. Дидеротъ писалъ Фальконету: «Il me paraît que vous avez été satisfait de ce que j'ai emporté sous mon bras à la vente Gaignat.» (Revue moderne, février 1867, стр. 315.)

(43) Это мѣсто становится понятнымъ по прочтеніи письма Дидерота къ Фальконету, отъ мая 1768 г., въ которомъ Дидеротъ пишетъ: «Mais j'ai bien une autre affaire plus importante à vous communiquer, puis qu'il s'agit de notre souveraine: nous avions pour secrétaire d'ambassade à Pétersbourg (во время пребыванія б. Бретёля въ С.-Пб.), au moment de la révolution, un monsieur de Rulhières (Claude Carlomann, род. въ 1735 г, въ Бонди близъ Парижа, † 1791 г.) homme de beaucoup d'esprit. Cet homme s'est laissé déterminer, par la comtesse d'*Egmont*, à écrire l'histoire de cette révolution dont il avait été, pour ainsi dire, témoin oculaire; il l'a donc écrite, il me l'a lue; il l'a lue à d'Alembert, à M-me Geoffrin et à un assez grand nombre de personnes. Il m'en a demandé mon avis et le voici tel que je le lui ai dit: «Qu'il était infiniment dangereux de parler des souverains, qu'il n'y avait sous le ciel que l'Impératrice même qui pût juger jusqu'où elle pouvait être offensée ou flattée d'un pareil ouvrage. Que la calomnie était indigne d'un honnête homme, et que *toute vérité* n'était pas bonne à dire, qu'on ne pouvait avoir trop d'égards, trop de respect, trop de ménagements pour une princesse qui faisait l'admiration de l'Europe et les délices de la nation; et que je pensais que pour lui-même, quelque gloire qu'il se promît de son ouvrage, le plus honnête, le plus sûr et le meilleur était qu'il le supprimât. Mr. de

Rulhières me répondit qu'il ne s'était proposé que de satisfaire la curiosité de quelques amis et que son dessein n'avait jamais été de publier ce morceau; que d'Alembert, que M-me Geoffrin préféraient cela à toutes les apologies qu'on avait répandues pour Sa Majesté Impériale et que le duc de la Rochefoucault lui avait dit: ce n'est pas une belle confession, mais c'est une belle vie.

«En effet, on y voit votre souveraine comme une maîtresse femme, comme un *gran cervello di principessa*, mais, mais cet ouvrage, ayant à paraître (car il ne faut pas compter sur la parole de Rulhières, soit vanité, soit étourderie, soit infidélité prétendue d'ami, l'ouvrage paraîtra. J'aimerais infiniment mieux qu'il parût de l'aveu que sans l'aveu de l'Impératrice. Le point est de savoir comment il faudrait s'y prendre. Je suis là-dessus sans vue. L'affaire est délicate et très-délicate. Premièrement, il est sans vraisemblance et sans espoir que Rulhières communique son ms. Secondement il y a des anecdotes qui, si elles sont vraies, n'ont pu se savoir que par l'indiscrétion de personnages importants et qui entourent peut-être la souveraine. Ce Rulhières ne demanderait pas mieux que d'aller prendre la place de Rossignol (быв. фр. консулъ и нѣкоторое время повѣренный въ дѣлахъ при С.-Пб. дворѣ) et il irait à Pétersbourg. Voyez, parlez á l'Impératrice, faites-moi passer ses ordres et ne l'assurez pas de mon entier dévouement; elle en est sûre.» (Revue moderne, 1 décembre 1866, стр. 387—388.)

6 сентября 1768 г. Дидеротъ снова писалъ Фальконету: «Pourquoi je vous charge de l'affaire Rulhière et non le général Betzki? c'est que les lettres que je vous écris sont moins sujettes à être ouvertes que celles que je lui écrirais. C'est que j'ai pensé en écrire directement à S. M. Imp.; c'est que puisqu'il devait y avoir un intermédiaire, j'ai mieux aimé que vous le fussiez que personne. C'est que c'était une affaire à traiter de littérateur à littérateur, et non de littérateur à ministre. C'est qu'on a tout gâté, et que je me doutais qu'il en serait ainsi. L'argent s'accepte ou se refuse, selon l'homme qui le propose.» (Revue moderne, 1 janvier 1867, стр. 69.)

Рукопись Рюльера была куплена Имп. Екатериною II и появилась въ печати только послѣ ея смерти, а именно въ 1797 году. Самаго Рюльера въ то время уже не было въ живыхъ († 1791). Сочиненіе его «Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762», имѣвшее въ томъ же 1797 году два французскія изданія, было переведено на нѣмецкій, на англійскій, на голландскій и на датскій языки. (См. Catalogue de la section des Russica, т. II, стр. 229, № 1518—1526.)

Въ *седьмой* книгѣ «*Архива князя Воронцова*», Москва, 1875 г., на стр. 653—655, напечатаны замѣчанія княгини Е. Р. Дашковой на книгу Рюльера о восшествіи на престолъ Имп. Екатерины II. Эти замѣчанія напечатаны съ собственноручнаго подлинника кн. Е. Р. Дашковой, которой вѣроятно помянутое сочиненіе Рюльера было извѣстно еще въ рукописи.

Біографическія свѣдѣнія о Рюльерѣ смотри въ «Notice sur Rulhière et avis des éditeurs de son histoire de Pologne», изданіе 1807 г. Парижъ, т. I, стр. I—LXXV. ...тихъ свѣдѣніяхъ находится цѣлый рядъ неточныхъ и невѣрныхъ показаній; ...бенности относится къ даннымъ, помѣщенныхъ на стр. VIII—IX.

Послѣ отъѣзда князя Д. А. Голицына изъ Парижа, Хотинскій остался при ...мъ дворѣ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

...ротъ въ письмѣ къ Фальконету, отъ 26 марта 1769 г., пишетъ о Хотин-

скомъ: «Servez Mr. de Chotinsky auprès de l'Impératrice. C'est un galant homme, circonspect, exact; mais dont les dépêches ont subi le même sort que les miennes. — Ah! mon ami, combien on nous a fait de vilenies. Le prince de Galitzine, qui s'achemine vers sa souveraine et ses amis, vous expliquera tout cela.» (Revue moderne, février, 1867, стр. 304.)

Объ участіи Хотинскаго въ переговорахъ съ Рюльеромъ Дидеротъ пишетъ Фальконету: «J'accompagnai Mr. Chotinsky à la seconde visite (у Рюльера), et je tâchai de réparer par beaucoup de gaieté le ridicule de la première. On n'a fait cette «*histoire*» que pour satisfaire la curiosité de la comtesse d'Egmont; on n'a aucun dessein de la publier; on en fera lecture à Mr. Chotinsky afin qu'il en juge par lui-même et on n'a nulle répugnance à en faire passer une copie à St-Pétersbourg; pourvu que Sa Majesté Impériale en marque l'envie, ce qu'on n'ose présumer; car nous sommes surtout modestes. Voilà le résultat de cette affaire que Mr. de Rulhières traduit comme il lui plaît...» (Revue moderue, 1 janvier 1867, p. 71. См. Epître Dédicatoire à M. la comtesse d'Egmont etc. Histoire de l'Anarchie, IV, стр. 266—283).

(45) Фальконетъ въ письмѣ отъ 13 іюня 1768 г. (см. стр. 42 Сб.) пишетъ Императрицѣ: «я сдѣлалъ эскизъ, который не покажу никому, покуда вы его не посмотрите: *Екатерина II даетъ законы своей имперіи; она соизволяетъ опустить скипетръ свой, чтобы преподать своимъ подданнымъ средство быть счастливѣе.*»

Фальконетъ самъ намъ разсказываетъ («Oeuvres complètes d'Étienne Falconet», trois. édition, Paris 1808, томъ III, стр. 379—381), что ему поручено было сочинить проэктъ монумента Императрицѣ Екатеринѣ II-ой: «J'arrivais à la cour de l'Impératrice et l'on voulait ériger aussi *un monument en bronze* à cette souveraine. Mr. de Betzky, après les résolutions du Sénat, me donna le sujet et fut content de la mauvaise esquisse que je lui en montrai. Il me demande une lettre ostensible qui contînt le prix que j'exigeais pour l'exécution de cet ouvrage, et je lui remis ouverte, ainsi que nous en étions convenue, celle qui suit:

«Janvier 1767. Monsieur, Votre Excellence veut une réponse précise où je lui «marque la somme que je demande au Sénat pour le monument en bronze de Sa Ma-«jesté Impériale. Je vais avoir l'honneur de vous satisfaire.» (Слѣдуютъ пункты условія.)

«Veut-on savoir la réponse que me fit M. de Betzky, après avoir lu cette lettre au coin de son feu? la voici: *Cela est fort adroit.* Je ne répliquai rien; car je vis dans quel cabinet j'étais. Je détruisis l'esquisse, dont l'idée était injurieuse à Pierre III et à la Russie, j'en fis une autre digne de l'Impératrice; elle ne représentait point Catherine accourant soutenir l'empire tombé en défaillance à ses pieds, idée qui déplut à ceux qui virent le projet et l'ouvrage ne se fit pas. Quoiqu'il en soit, voilà comment cet homme (Falconet) ne voulait toujours que de l'argent et ne demandait que de l'argent.»

Дворянство Московской губерніи въ 1766 году помыслило засвидѣтельствовать Императрицѣ Екатеринѣ II чувствительнѣйшую свою благодарность монументомъ, и, какъ они выражали, чтобы это «*не одними словами*, хотя оныя въ семъ случаѣ, извѣщая самую внутренность благодарныхъ сердецъ, не меньше мрамора и изваянія въ дѣяніяхъ свѣта твердости и прочности имѣть будутъ; но такимъ монументомъ, который бы въ сооруженіи своемъ огромностію предпріятія, совершенствомъ художествъ и пользою намѣренія, соотвѣтствовалъ еще въ очахъ нашихъ до поздвѣй-

шихъ вѣковъ знатности толь обширной имперіи, великости дѣлъ и подвиговъ новой нашей законодательницы и истинному благу отечества.... почему зная равномѣрно склонность нашихъ по многимъ другимъ уѣздамъ собратій къ исполненію сего общаго и священнаго долга, поручаемъ мы г. депутату представить тамъ, гдѣ пристойно будетъ, общее ихъ и наше желаніе и просьбу о позволеніи дворянству безъ соучастія другихъ государственныхъ чиновъ и воздвигнуть зданіе, которое, вмѣщая въ себѣ всѣ вышеозначенныя свойства монумента, служило бы и осталось въ роды родовъ непоколебимымъ залогомъ чувствительной всероссійскаго дворянства благодарности. (См. *Наказъ* Московск. дворянства генералъ-аншефу Петру Ивановичу Панину. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. IV, стр. 232—233.)

Въ *Наказѣ* дворянства Калужскаго и Медынскаго уѣздовъ адмиралу князю Борису Васильевичу Голицыну, дворяне просятъ: «а чтобы потомки наши не почли бы насъ неблагодарными за всѣ оказанныя намъ *Ея* щедроты, всенижайше просить, да благоволитъ въ столичномъ *Ея* городѣ Москвѣ, во славу великаго имени Ея, возвысить монументъ, къ созиданію котораго мы за счастіе почтемъ быть участниками противъ прочихъ нашихъ собратій.» (См. Сборникъ, т. IV, стр. 294—295.)

Наконецъ извѣстно, что въ 1766 году, т. е. при самомъ началѣ работъ надъ статуею Петра I-го и прежде нежели депутаты просили Императрицу принять титулъ *Великой*, *Мудрой*, *Матери отечества*, пріискивалось мѣсто для сооруженія Екатеринѣ II памятника. Нѣкто Билиштейнъ, составилъ по этому предмету *шесть* проектовъ, съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя онъ предлагалъ избрать для постановки монумента и устройства вокругъ него Екатерининской площади. Проекты эти хранятся въ настоящее время между бумагами Госуд. архива М. И. Д. въ С.-Пб.

Свѣдѣнія о памятникѣ Екатеринѣ II, работы ваятеля Мейера (ср. Nagler, Künstler-Lex., IX, 228), который заказанъ былъ кн. Потемкинымъ въ виду путешествія Императрицы Екатерины II въ южную Россію, помѣщены въ Сборникѣ Им. Русск. Ист. Общ., въ т. XIII, на стр. XIX и XX.

(46) *Не знаю какъ представлена была В. Величеству мысль объ аллегорическомъ змѣѣ.* Императрица въ письмѣ отъ 1 іюля 1768 г. отвѣтила Фальконету: «аллегорическая змѣя ни нравится ни не нравится мнѣ, о ней было говорено мнѣ просто какъ о пришедшей *Вамъ въ голову мысли*... теперь я ей не противлюсь» (см. стр. 49).

Дидероту очень нравилась эта аллегорическая змѣя; вотъ что онъ писалъ Фальконету, будучи въ С.-Петербургѣ, 6-го декабря 1773 г.: «Laissez ce serpent-là sous ses pieds. Est-ce que Pierre, est-ce que tous les grands hommes n'en ont pas eu à écraser? Est-ce que ce n'est pas le véritable symbole de toutes les sortes de méchancetés employées pour arrêter le succès, susciter des obstacles et déprimer les travaux des grands hommes? N'est-il pas juste qu'après leur mort leurs monuments foulent ce symbole hideux de ceux qui leur ont fait verser tant de larmes pendant leur vie? D'ailleurs il fait bien, et il est d'une nécessité méchanique indispensable et très secrète.» (Oeuvres d'Étienne Falconet, Paris 1808, т. III, стр. 185.)

(47) *Что касается Симона и адмирала Апраксина.* Вотъ отрывокъ изъ письма Дидерота Фальконету, 1768 г., объясняющій эти строки: «Il y a ici un

pauvre sculpteur, plus qu'octogénaire, et dans la plus affreuse misère. Imaginez ce que c'est que la misère a cet âge? Il s'apelle Simon. Il suivit le czar Pierre. Il travailla et beaucoup. Le czar mourut. Le gouvernement changea. Il fut obligé de s'enfuir sans être payé. Je vous envoie son mémoire, tel qu'il me l'a remis. Voyez s'il y a lieu à quelque justice.» (Revue moderne, décembre 1866, стр. 397.)

Когда Фальконетъ передалъ Императрицѣ Екатеринѣ II письмо и просьбу Дидерота, то Императрица писала: «Долгъ Симону былъ бы не первый, который мнѣ пришлось бы заплатить за время, предшествовавшее моему.» (См. стр. 44.)

Въ сентябрѣ 1768 г. получивъ неблагопріятный отвѣтъ на ходатайства свои въ пользу Симона, Дидеротъ писалъ Фальконету: «Je ne sais pas comment j'annoncerai la mauvaise nouvelle à ce pauvre Simon. Si vous le voyiez, mon ami! mais enfin nous sommes quittes avec nous et avec lui. C'est pourtant un bon diable qui a le malheur d'avoir vécu trop longtemps... Depuis la date de sa créance, il s'est adressé à tous les envoyés de Russie qui l'ont apparemment éconduit par de belles promesses.» И въ другомъ мѣстѣ письма: «C'était à vous que j'adressais le mémoire de Simon. J'ai peu compté sur le succès de cette négociation. C'est comme un Russe qui répéterait ici une dette de la minorité de Louis quatorze.» (Revue moderne, 1 janvier 1867, стр. 64 и 65.)

Что же касается до генералъ-адмирала графа Өедора Матвѣевича Апраксина, то извѣстно, что онъ при смерти своей, 26 октября 1728 г., завѣщалъ большой и красивый домъ свой со всѣми уборами и двумя дворами Императору Петру II; нынѣ на этомъ мѣстѣ находится большой Зимній дворецъ. (См. H. Reimers, St-Petersburg etc., St-Petersburg 1805, т. I, стр. 199—200, 255 и Описаніе С.-Петербурга Ивана Пушкарева. С. Пб. 1839 г., т. I, стр. 321—322.)

Жизнеописаніе графа Ө. М. Апраксина составлено В. Берхомъ. (См. Жизнеописаніе первыхъ Росс. адмираловъ, часть I.)

Послѣдніе историческіе матеріалы, къ нему относящіеся, напечатаны въ «Матеріалахъ военноученаго архива Главнаго Штаба», изд. А. Ө. Бычковымъ. С.-Пб. 1871.

(48) Маленькій графъ *Шуваловъ*. Графъ Андрей Петровичъ, Д. Т. С. кав. св. Андрея, р. 23 іюня 1744 † 24 апрѣля 1789 г., жен. на графинѣ Екат. Петр. Салтыковой; сынъ фельдмаршала, графа Петра Ивановича; былъ директоромъ ассигнаціоннаго банка и сенаторомъ.

Вольтеръ вступилъ съ нимъ въ личныя сношенія въ 1771 году, въ фернейскомъ замкѣ, и по этому случаю писалъ графу А. Р. Воронцову, изъ Фернея, отъ 17 сентября 1768 г. «J'ai été plus heureux (чѣмъ съ княземъ Голицынымъ) auprès de Monsieur le comte de Schouvaloff, chambellan de Sa Majesté Impériale (въ 1766 году въ іюнѣ каммергеръ и св. Анны кавалеръ; ср. Бантыша-Каменскаго Списокъ, Москва 1814, стр, 306) et de Madame la comtesse sa femme. Je me souviendrai toujours qu'ils ont daigné passer quelques jours dans mon Ermitage, et des jolis vers qu'il fait dans notre langue. Je vous demande en grâce de ne pas m'aublier quand vous le verrez.»

Въ письмѣ къ Императрицѣ Екатеринѣ II Вольтеръ писалъ въ 1765 г.: «Je me ferais présenter par Mr. le comte Schouvaloff et par Madame sa femme que j'ai eu l'honneur de posséder quelques jours dans mon petit Ermitage. V. M. Impériale a été le sujet de nos entretiens, et jamais je n'ai tant éprouvé le chagrin de ne pouvoir voyager...»

Въ письмѣ Имп. Екатерины II Вольтеру отъ 29 іюня (9 іюля) 1766 г. она пишетъ: «Le petit comte Schouvaloff de retour dans sa patrie m'a fait le récit d'intérêt que vous lui avez témoigné prendre à tout ce qui me regarde, je finis par vous en marquer ma gratitude.» (Сборникъ, т. X, стр. 95.) Въ другомъ письмѣ Вольтеру (т. X, стр. 411) Императрица дѣлаетъ любопытную характеристику графа Шувалова.

(49) Тутъ говорится о закладкѣ церкви Св. Исаакія Далматскаго. Въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1768 годъ 8 числа августа, стр. 156, записано: «8-го числа, въ пятницу, предъ полуднемъ въ 12 часу Ея И. Величество и Его И. Высочество, въ придворномъ своемъ штатѣ, кавалеры въ каретахъ, а Ея И. Вел. въ одноколкѣ, заложеной парою, изволила имѣть выходъ на закладываніе церкви Исаакія Далматскаго. Ея Вел., по прибытіи туда, изволила шествовать въ крестномъ хожденіи на мѣсто закладыванія, при окончаніи Всевышнему молебна, проповѣдь говорилъ учитель Е. И. Выс. Святотроицкой Сергіевской Лавры архимандритъ Платонъ. При начатіи молебнаго пѣнія и до отсутствія Ея Вел. въ лѣтній свой им. дворецъ съ адмирал. крѣпости и съ яхтъ, поставленныхъ на Невѣ рѣкѣ, производилась пушечная пальба.»

Хвалебный отзывъ объ Императрицѣ Екатеринѣ II и объ этомъ празднествѣ мы находимъ въ депешѣ лорда Каскарта къ лорду Уаймойту отъ 12 (23) августа 1768 г. (Ср. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. XII, стр. 349—350.)

Исторія построенія церкви препод. Исаакія Далматскаго, начатой Им. Петромъ I, въ довольно толковомъ изложеніи мы находимъ у *H. Reimers* въ его соч.: «St-Petersburg etc.» 1805 г., въ т. I, на стр. 294 и слѣд., и у *Ивана Пушкарева* «Описаніе С.-Петербурга», часть I, стр. 175—179.

Затѣмъ съ 1768 г. по чертежамъ архитектора Ринальди (Итальянца) и Вюста и Штенгеля (Нѣмца) началось сооруженіе собора изъ мрамора.

Императрица пишетъ въ этомъ же письмѣ Фальконету: «я никакъ не посмѣла въ прошедшій четвергъ завернуть къ всаднику съ его конемъ, хотя много странствовала въ окрестностяхъ этого будущаго дива...» Въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1768 годъ записано: «10-го числа іюля, въ четвертокъ, поутру въ 7-мъ часу Ея Им. Вел., съ небольшою свитою, соизволила отбыть (изъ Петергофа) въ С.-Петербургъ, куда въ 10-мъ часу прибыть изволила; и проѣхала въ свой Им. Каменный Дворецъ и слѣдовала въ покои для слушанія вновь сочинненаго *Уложенія* (см. Сборникъ, т. X, стр. 297—298) и продолжала время до исхода 12-го часа; оттуда въ городовомъ экипажѣ шествовала въ домъ къ Е. П. Ив. Ив. Бецкому и изволила остаться при обѣденномъ столѣ. По окончаніи стола, на малое время, для посмотрѣнія, шествовала въ Лѣтній дворецъ, а изъ онаго въ Академію Художествъ. Осмотрѣвъ тамъ разныхъ художествъ, оттуда шествовала до Исакіевской церкви, у которой пересѣвъ въ путевый экипажъ, продолжала шествіе къ Петергофу въ 6-мъ часу по полудни...»

(50) *Я сдѣлала вчера и третьяго дня 150 верстъ моремъ.* Въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1768 г. записано: «15-го іюля, во вторникъ, Ея Им. Величество, съ небольшою свитою, соизволила предпріять шествіе моремъ до мѣстечка Каръ-валдаевъ къ находящемуся тамъ флоту, въ 4-хъ корабляхъ и 1 фрегатѣ съ ботами, подъ командою господина контръ-адмирала Сенявина. Въ 12 часу предъ по-

луднемъ Ея Им. Вел. отъ Петергофа идти изволила въ шлюпкахъ на яхту именуемую «Св. Екатерина»... А въ полночь яхты приблизились къ флоту, который противъ Каръ-валдаевъ лавировалъ подъ парусами. Въ 9 часу, 16 іюля, контръ-адмиралъ Сенявинъ пріѣхалъ на яхту и допущенъ былъ къ Ея Им. Вел. Въ 12 часу передъ полуночью благополучно соизволила прибыть къ Петергофу.» (Стр. 135—139.)

О занятіяхъ Им. Екатерины II во время этого морскаго путешествія находимъ извѣстіе въ бумагахъ Екатерины II, Сборникъ, т. X, стр. 297—298. А именно: на яхтѣ «Екатерина» 16 іюля 1768 г., Императрица составила *Правила* А. И. Бибикову о подачѣ голосовъ въ засѣданіи Коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. «Все сіе», пишетъ Императрица А. И. Бибикову, «пишу для Вашего наставленія въ нынѣшній четвертокъ...»

(51) *Екатерина II очень признательна вамъ, хотя она не была больна.* Въ этомъ и предъидущемъ письмахъ идетъ рѣчь о привитіи Императрицѣ Екатеринѣ оспы, выписаннымъ для сего изъ Англіи докторомъ Димсдалемъ. О подробностяхъ по сему предмету см. Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. II, стр. 293—322, гдѣ помѣщена «Записка» барона Ѳ. Димсдаля о пребываніи его въ Россіи. Сочиненіе его о привитіи оспы переведено въ 1770 году съ англійскаго языка на русскій и издано въ С.-Пб. подъ заглавіемъ: «Димсдаля нынѣшній способъ прививать оспу», къ которому прибавлено нѣсколько опытовъ и пр. У Сопикова № 3166.

Другія свѣдѣнія о привитіи оспы Имп. Екатеринѣ и Великому Князю Павлу Петровичу можно найти въ депешахъ лорда Каскарта. См. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. XII, стр. 363, 365, 384—387, 390, 391, 393, 395, 403; о наградахъ Димсдаля см. стр. 405.

Г-жѣ Бьельке Имп. Екатерина II писала: «Чтобы Вамъ ни говорили противъ г. Димсдаля, который не шарлатанъ и не квакеръ, однако онъ 12 октября привилъ мнѣ оспу» и т. д. (См. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. X, стр. 302—303.)

О привитіи себѣ оспы Имп. Екатерина II писала и Вольтеру: «Dimsdale m'a inoculée le 12 octobre 1768. J'ai été très étonnée de trouver, après cette opération que la montagne était accouchée d'une souris» и пр. (См. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. X, стр. 307—310.

Часть переписки Имп. Екатерины II съ барономъ Димсдалемъ напечатана академикомъ Гротомъ въ XIII т. Сборника Русск. Ист. Общ. на стр. 125—127.

Въ письмѣ къ барону Гримму Императрица Екатерина II еще разъ возвращается къ этому событію и преподаетъ притомъ совѣтъ королю Людовику XV (ср. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. XIII, стр. 409).

Наконецъ это событіе описано и врачемъ Ник. Купріяновымъ въ его «Истор. Очеркѣ состоянія медицины въ царствованіе Имп. Екатерины II», С.-Пет. 1873. на стр. 5—9.

(51, страница 71.) Фальконетъ, въ статьѣ своей подъ заглавіемъ: «Extrait d'un mémoire intitulé: Position de la statue de Pierre le Grand, dans la place à former entre l'hôtel du Sénat au midi, et l'Amirauté au Nord, par Mr. le B.... de B...n., daté du 1 Décembre 1766», p. 58—62, разсказываетъ, что ему кто то предлагалъ направить правый глазъ статуи Петра Великаго на адмиралтейство и крѣпость, лѣвый на двѣнадцать коллегій, и одновременно устремить взоръ на покоренный Петромъ I

берегъ Финляндіи. Разсказъ объ этомъ вѣроятно вызвалъ замѣчаніе Императрицы Екатерины II.

15 апрѣля 1769 года Фальконетъ написалъ отвѣтъ автору помянутаго мемуара, который напечатанъ въ его «Oeuvres d'Etienne Falconet statuaire», à Lausanne 1781, въ первомъ томѣ на стр. 55—57 и 60—64. Въ парижскихъ изданіяхъ сочиненій Фальконета 1786 и 1808 г.г. этотъ забавный мемуаръ, приписываемый И. И. Бецкому, и отвѣтное посланіе Фальконета не помѣщены.

(52) *Mr. Girardon.* Знаменитый французскій скульпторъ (род. 1630 ум. 1715), сдѣлавшій конную статую Людовика XIV, которая стояла на Вандомской площади и была разрушена во время революціи 10 августа 1792 года. Извѣстенъ также его поясной бюстъ поэта Буало, который сочинилъ тогда высокимъ слогомъ слѣдующую надпись:

«Grâce au Phidias de notre âge,
Me voilà sûr de vivre autant que l'univers...»

Онъ составлялъ также музей художественныхъ предметовъ. Изъ нихъ двѣнадцать были награвированы Р. Шарпантье и Н. Шевалье. Это собраніе извѣстно подъ заглавіемъ: Gallerie des ouvrages de F. Girardon, faisant partie de son cabinet, composé de morceaux antiques et modernes. Про эту то галлерею Екатерина II и говоритъ въ настоящемъ письмѣ.

О Жирардонѣ подробно говоритъ *d'Argensville* въ своей Vie des fameux sculpteurs, стр. 209 и слѣд.; *Watelet* и другіе. О немъ существуетъ большая статья и въ Biographie universelle. У *Наглера* смотри о немъ въ V томѣ его Künstler-Lexicon на стр. 213—214 и т. XII, стр. 111. Ср. и Oeuvres d'Étienne Falconet, т. III, стр. 273, 404—406, 408. Парижское изданіе 1808 г.

(52, страница 77.) Кавалеръ Ласкари, называвшій себя въ Россіи графомъ Карбури, грекъ, родомъ изъ Кефалоніи (ср. Oeuvres d'Etienne Falconet, III, стр. 334, изданіе 1808 года). Извѣстно, что для перевезенія гранита, предположенной величины, для подножія памятника Петру I изъ Лахты на указанное мѣсто, предложена была математическая задача всѣмъ извѣстнымъ въ то время ученымъ, которую лучше другихъ объяснилъ и выполнилъ въ 1770 году кавалеръ Ласкари. Въ память этого предпріятія Екатерина II велѣла выбить медаль съ надписью: «Дерзновенію подобно, Генваря 20, 1770 г.»

Исторія перевозки гранитнаго камня для подножія статуи Петру I описана во французскомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Monument élevé à la gloire de Pierre le Grand. Relation des moyens qui ont été employés pour transporter à St-Pétersbourg un rocher, destiné pour servir de base à la statue equestre de cet Empereur. Par le comte Marin Carburi de Cephalonie. 1777 in gr. Folio». (Ср. И. Пушкарева Описаніе С.-Петербурга, Спб. 1839 г., т. I, стр. 107; H. Reimers, St-Petersburg von 1763—1796, часть I, стр. 325; Dr. Meyer, Domherr, Darstellungen aus Russlands Kaiserstadt, Hamburg, 1829, стр. 67—68 и 394.

Въ Entretien d'un voyageur avec un statuaire (Oeuvres d'Etienne Falconet, т. III, стр. 334, изданіе 1808 года) о перевозкѣ камня сказано: «Vous savez que ce n'est pas moi qui ai fait transporter cette pierre; que l'opération en fut faite sous les ordres de Mr. de Betzky, et que le tout fut pensé, conduit et fort heureusement exécuté par Mr. le comte Marin Carburi, Céphalénien...» Къ этому вопросу о камнѣ Фальконетъ

возвращается еще разъ въ статьѣ своей Sur un article d'un certain Journal, Oeuvres III, стр. 351, 362, 364 и 414—415. Кромѣ того Фальконетъ приводитъ кавалера гр. Карбури, какъ свидѣтеля страннаго разговора, который онъ имѣлъ однажды, въ его присутствіи, въ мастерской своей съ И. И. Бецкимъ. (Ср. Oeuvres d'Etienne Falconet, т. II, стр. 123—124, изданіе 1808 года).

(53) Для объясненія этихъ словъ необходимо припомнить тѣ мѣста въ письмахъ Дидерота къ Фальконету, которыя говорятъ о покупкѣ картины Ванло изъ коллекціи Gaignat для Импер. Екатерины II. Въ письмѣ, отъ 26 марта 1769 г., Дидеротъ пишетъ: «Je joins à cet envoi un J. B. Vanloo beau de sujet, d'excellente couleur et d'un dessin très-correct. C'est une trouvaille; car cet artiste a peu fait de tableaux de chevalet». (Revue moderne, Février 1867, стр. 303, 305, 309).

(53, страница 68.) Въ письмѣ отъ 10 мая 1769 г., стр. 66 и 67 Императрица Екатерина II спрашивала Фальконета: «скажите мнѣ въ другой разъ, кто тотъ человѣкъ, кто мнѣ храбро служитъ». Фальконетъ и отвѣчаетъ, что это полковникъ Мелисино.

Мелисино, Петръ Ивановичъ, род. 1726, умеръ 26 декабря 1797 г.; сынъ лекаря, выѣхавшаго изъ Венеціи въ Россію, въ царствованіе Петра Великаго, меньшой братъ куратора московскаго университета Ивана Ивановича, вступилъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ въ 1740 г. Будучи еще кадетомъ, сыгралъ вмѣстѣ съ своими товарищами трагедію А. П. Сумарокова «Хоревъ». Всѣ подробности объ этомъ смотри у Апполона Карабанова въ его «Основаніе 1750 г. Русскаго театра кадетами перваго кадетскаго корпуса». Спб. 1849 г., стр. 13—14 и 18. Мелисино участвовалъ въ представленіи въ 1751 году новой трагедіи Сумарокова «Семира» и произведенъ 5 сентября 1751 г. въ капитанъ-поручики. Ср. Лонгиновъ, М. Н. «Русскій театръ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 г.» Спб. 1873 г., стр. 6—8. Пименъ Араповъ «Лѣтопись Русскаго театра», Спб. 1863 г., стр. 47. Статья Лонгинова М. Н. «Послѣдніе годы жизни Ал. Петр. Сумарокова, 1766—1777 г. Русскій Архивъ, 1871 года, стр. 1647. Драматическій Словарь, Москва 1787 г., стр. 124 и 152. Драматическій Альбомъ П. Н. Арапова, Москва, 1850 г., стр. XII и XIII. Мелисино искусно изготовлялъ фейерверки, о чемъ разсказываетъ артиллеріи маіоръ Мих. Вас. Даниловъ въ своихъ Запискахъ, Москва, 1842 г., стр. 76. Ср. и Дневникъ Храповицкаго, изд. 1874 г., стр. 349.

Въ 1769 году, въ чинѣ полковника, Мелисино участвовалъ въ турецкой кампаніи и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры. Дальнѣйшую службу Мелисино довольно подробно изложилъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ, Спб., 1847 г., ч. II, стр. 356—359. Ср. кромѣ того Д. Бантыша-Каменскаго: Списокъ Кавалерамъ, Москва, 1814 г., стр. 235 и 314 и Русская Старина, 1873 г. Дек., стр. 975—980.

(54) Императрица въ этомъ письмѣ говоритъ о побѣдѣ, одержанной княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, главнокомандующимъ заграничной арміей; онъ былъ возведенъ въ достоинство фельдмаршала 22 сентября 1769 г. Объ этомъ событіи въ Каммерфурьерскомъ журналѣ 1769 года записано: «9-го сентября, въ среду, прибылъ изъ заграничной арміи отъ кн. Голицына маіоръ Бибиковъ съ увѣдомленіемъ о бывшей съ непріятелемъ баталіи минувшаго 29-го августа. 10 сентября, по окончаніи обѣденнаго стола, въ то самое время къ Ея Имп. Величеству

прибылъ изъ заграничной арміи отъ кн. Голицына полковникъ князь Владиміръ Борисовичъ Голицынъ съ обстоятельною реляціею въ дополненіе къ прежде присланному увѣдомленію о бывшей 29-го августа баталіи и о полученной надъ непріятелемъ побѣдѣ, который и привезъ съ собою непріятельскихъ 7 знаменъ. Прочтя Ея Величество ту реляцію во внутренней комнатѣ, и въ 4 часу по полудни соизволила съ бывшими въ Селѣ Царскомъ обоего пола персонами слѣдовать въ придворную церковь, въ которой отправляемъ былъ благодарственный молебенъ. 13 сентября, въ воскресенье, Ея Им. Величество по утру въ 9 часу соизволила изъ Села Царскаго предпріять шествіе въ С.-Петербургъ, для торжествованія всенародно о полученіи надъ непріятелемъ побѣды, случившейся августа въ 29-й день. Въ 11 часовъ предъ полуднемъ, Ея И. Величество соизволила прибыть въ Лѣтній Дворецъ, и у большаго параднаго крыльца встрѣчена была Великимъ Княземъ. Вышедъ Ея Величество изъ кареты, проходила чрезъ залу на рѣку Мойку къ пристани, отъ которой, сѣвъ въ шлюпку, слѣдовать соизволила въ Спб. крѣпость въ соборную церковь во имя апостоловъ Петра и Павла, у дверей соборной церкви встрѣчали Ея Величество Преосв. архіепископъ Спб. и Ревельскій Гавріилъ, Иннокентій Псковскій и Рижскій, Гавріилъ епис. Тверскій и Кашинскій. По окончаніи литургіи отъ кн. А. М. Голицына полученная реляція читана была на амвонѣ прав. Сената секретаремъ Казариновымъ» и пр. Вольтеру Им. Екатерина II объ этой побѣдѣ писала $^{15}/_{26}$ сентября 1769 г.: «Je vous ai conté l'autre jour la prise de Chotin et comment l'armée du victorieux et spirituel Moustapha a été anéanti. Celle-ci (по случаю побѣды 29 августа) ne sera point remplie de faits meurtriers que vous n'aimez pas plus que moi» etc. (Сборникъ, т. X, стр. 378—379).

(55) Въ честь побѣды Полтавской надъ Шведами, $^{27}/_{28}$ іюня, 8 іюля н. ст., выбиты были двѣ медали: первая, о которой говоритъ Фальконетъ въ своемъ письмѣ, отъ 10 октября 1769 г., съ надписью «Hic honor in nobis invidiosus erit», это изреченіе взято у Овидія; вторая медаль съ надписью «Vicit Fortunae atque Herculis aedem» т. е. онъ занялъ храмъ Фортуны и Геркулеса. Ср. объ этихъ медаляхъ Lochner's Medaillen-Sammlung, IV, стр. I и у Tireagle, стр. 30 и 31. Ср. также Иверсена Собраніе медалей въ честь Петра I и Halem, Leben Peters des Grossen, т. I, стр. 342—343.

(56) Въ 1769 году оберъ-егермейстеромъ былъ генералъ-аншефъ Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ; ср. Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ 1769 года. С.-Петербургъ, изданіе Им. Академіи Наукъ; умеръ 27 ноября 1775 года (ср. Бантыша-Каменскаго Списокъ Кавалерамъ, Москва, 1814 г., стр. 107 и 198). А. А. Васильчиковъ въ статьѣ своей Родъ Нарышкиныхъ, помѣщ. въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, на стр. 1504 и 1505, о Семенѣ Кириловичѣ Нарышкинѣ говоритъ, что онъ удалился за границу при Им. Аннѣ Ивановнѣ и жилъ въ Парижѣ подъ именемъ Тенкина. Былъ посланникомъ въ Англіи въ 1741—42 г.; Гофмаршалъ при вел. князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ (Петръ III); первый щеголь своего времени и изобрѣтатель столь извѣстной въ прошломъ столѣтіи роговой музыки; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ; женатъ на Маріѣ Павловнѣ Балкъ-Полевой (род. 1730, ум. 28 мая 1793 г.). О ней говоритъ въ своихъ Запискахъ Екатерина II. Ея письмо помѣщено въ Русскомъ Архивѣ 1869 г., стр. 213.

(57) Тутъ идетъ рѣчь объ извѣстномъ сочиненіи знаменитаго графа Бюффона. Заглавіе этого сочиненія слѣдующее: Buffon (George Louis Leclerc comte de), Louis-Jean-Marie Daubenton (Philibert-Guéneau de Montbeillard) et Bernard-Germain-Etienne de La Cépède). Histoire Naturelle, générale et particulière. Paris, impr. royale, 1749—1804. 44 vol. in 4° fig. Brunet Manuel du Libraire, t. I, p. II, стр. 1376—1381 и № 4478. — Описаніе птицъ (oiseaux) начали печатать съ 1769 года, а подписчикамъ раздавали съ 1770 года и окончили этотъ отдѣлъ въ 1783 г.; всего 9 томовъ. Graesse, въ своемъ «Trésor», помѣстилъ каталогъ переводовъ сочиненій Бюффона, которыя переведены были почти на всѣ европейскіе языки.

(58) Эти подробности о выставкѣ парижской 1769 года, сообщаетъ Дидеротъ Фальконету въ письмѣ своемъ отъ сентября 1769 г. (ср. Revue moderne, Février 1867 г., стр. 312): «Notre salon est un peu mesquin cette année, grâce à M. Delaborde, qui nous a privés d'une douzaine de Vernet, et à Sa Majesté Impériale, à qui nous avons député un Machy, un Vien, un Casanove et un Vanloo». Въ Revue moderne (Janvier 1867, стр. 78) находимъ извѣстіе, что Императрица Екатерина II заказала чрезъ кн. Д. А. Голицына названнымъ выше художникамъ по одной картинѣ каждому; въ письмѣ отъ 26 марта 1769 г. Дидеротъ пишетъ (Revue moderne, Février, стр. 305 и 314): «J'espère que le Machy, le Casanove, le Casanove surtout, le Vien et le Vanloo vous feront plaisir...» и за тѣмъ продолжаетъ въ письмѣ отъ сентября 1769 г., стр. 312: «N'admirez-vous pas le Laborde, qui croit qu'on paye avec de l'argent tout ce qu'on doit à un artiste, et qui lui vole l'éloge du public, la partie la plus précieuse de son honoraire? Quelle vile et basse race que celle de ces gens à argent! Greuze vient de recevoir un terrible soufflet pour un homme vain. Il a présenté un tableau d'histoire à l'Académie. L'Académie lui a dit: Votre tableau d'histoire est mauvais. Nous ne pouvons vous recevoir là-dessus, comme peintre d'histoire; mais vos preuves sont faites dans la peinture de genre, et nous vous recevons comme peintre de genre. Le fâcheux de tout cela», прибавляетъ Дидеротъ, «c'est qu'en effet le tableau ne vaut rien.»

(59) Императрица Екатерина II разговаривала съ Фальконетомъ о книгѣ аббата Шаппа, извѣстной подъ заглавіемъ: Chappe d'Auteroche (Jean), Voyage en Sibérie, fait en 1761. Paris, De Bure, 1768, 2 tom. en 3 vol. grand in 4° et atlas in-folio max. (ср. Brunet: Mannuel, т. I, стр. 1798, № 20770, гдѣ находится обстоятельное объясненіе объ изданіяхъ и атласѣ). Возраженія противъ Шаппа явились подъ заглавіемъ «Antidote, ou examen du mauvais livre intitulé: Voyage en Sibérie etc. 1771—72» (ср. Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes). Новѣйшее изданіе подъ заглавіемъ Antidote et Catherine. Эти возраженія въ русскомъ переводѣ напечатаны въ «Осмнадцатомъ вѣкѣ» П. И. Бартенева, кн. IV, на стр. 223—463; въ концѣ этого перевода помѣщена любопытная замѣтка П. И. Бартенева о томъ, что въ Гос. Архивѣ въ Спб. есть рукопись Антидота, написанная рукою статсъ-секретаря Г. В. Козицкаго. Въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ Спб. и въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ находятся отличнѣйшіе экземпляры 1-го и 2-го изданія этой рѣдчайшей книги; въ превосходной библіотекѣ Іезуитовъ въ Парижѣ находится только одна вторая часть перваго изданія. Собственноручный отрывокъ записки Им. Екатерины II съ опроверженіемъ свѣдѣній аббата

Шаппа о Россіи помѣщена въ Сборникѣ Русск. Ист. Общ., т. X, стр. 317—320. При этой запискѣ помѣщена хорошая объяснительная замѣтка академика П. П. Пекарскаго. Въ своей «Исторіи Академіи Наукъ» П. П. Пекарскій еще разъ говоритъ о причинахъ появленія аббата Шаппа въ Россіи (ср. Исторію Академіи Наукъ, т. II, стр. 696—698, 721 и 829 и П. С. Билярскаго «Матеріалы для Біографіи Ломоносова», Спб. 1865 г., стр. 468 и 506 и кромѣ того «Архивъ Князя Воронцова», Москва, 1872 г., кн. IV, стр. 487 и П. П. Пекарскаго «Матеріалы для исторіи журнальной и литерат. дѣятельности Екатерины II», стр. 5 и 6.

Вольтеру Им. Екатерина писала о Шаппѣ: «Les contes de l'abbé Chappe ne méritent guère le croyance. Je ne l'ai jamais vu, et cependant il prétend dans son livre, dit-on avoir mesuré des bouts de bougie dans ma chambre, où il n'a jamais mis le pied; ceci est un fait non douteux» (ср. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. XIII, стр. 199; ср. еще въ томъ же томѣ на стр. 61, 361 и объясненіе на стр. 449; словъ Императрицы Екатерины II, напис. госпожѣ Бьельке: «Vous ne verrez point paraître la troisième partie de l'Antidote, l'auteur de cet ouvrage ayant été tué par les Turcs»).

(60) Григорій Васильевичъ Козицкій, обучался сперва въ Кіевской Академіи, а по окончаніи тамъ наукъ, путешествовалъ съ графами Гудовичами по Европѣ. Козицкій вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Стрекаловымъ опредѣленъ къ принятію челобитенъ, подаваемыхъ на имя Императрицы, 24 іюля 1768 г., на мѣсто Теплова и Елагина, назначенныхъ въ то время въ Сенатъ (Полн. Собр. Зак., т. XVIII, № 13150) и уволенъ отъ этой должности при Императрицѣ 10 іюля 1775 г., а лишилъ себя жизни 21 декабря 1775 г. Въ шутливомъ описаніи Екатерины II рода смерти, отъ которой должны умереть нѣкоторые изъ ея приближенныхъ, она пишетъ, что Козицкій умретъ отъ исканія славянскихъ словъ (ср. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. X, стр. 321). Императрица Екатерина II поручила ему также перевести на Латинскій языкъ свой Наказъ Коммиссіи. Этотъ переводъ напечатанъ при четырехъ-язычномъ изданіи сего Наказа, 1770 г., въ Спб. Этотъ то переводъ и критикуютъ Фальконетъ и Де-Вильеръ (ср. письмо Фальконета Императрицѣ отъ 29 сентября 1769 г., выше въ томъ же томѣ на стр. 88—89, и въ наст. письмѣ). Біографическія свѣдѣнія о Де-Вильерѣ сообщаетъ Дидеротъ Фальконету, со словъ Лемуана, въ письмѣ отъ 6 сентября 1768 г. (ср. Revue moderne, Janvier 1867, стр. 79).

Почти всѣ бумаги Им. Екатерины II, касающіяся Коммиссіи объ Уложеніи и помѣщенныя въ X томѣ Сборника Русск. Ист. Общ., хранятся въ Гос. Архивѣ между матеріалами Григорія Козицкаго, касающимися Наказа для составленія проекта новаго Уложенія. Подлинные акты объ этой Коммиссіи, за подписью Екатерины II, контрасигнированы Козицкимъ же. Обстоятельныя свѣдѣнія о Козицкомъ находятся: въ Словарѣ митрополита Евгенія, Москва 1845 г., на стр. 295—297; у Билярскаго въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, Спб. 1865 г., по указателю; у П. П. Пекарскаго въ Исторіи Им. Академіи Наукъ, по указателю же; въ Сборникѣ Русск. Ист. Общ., въ IV и X томѣ, по указателю. Записка Екатерины II къ Козицкому помѣщ. въ XIII т. Сборника Русск. Ист. Общ., на стр. 18. См. еще В. И. Межова «Библіографическіе матеріалы», Спб. 1872 г., стр. 648. О немъ упоминается послѣ смерти его, по случаю передачи и пріема оффиціальныхъ бумагъ, у

него оставшихся, ст. сов. Князеву въ письмѣ Им. Екатерины II князю Мих. Никит. Волконскому, напеч. въ «XVIII вѣкѣ» П. И. Бартенева, кн. I, стр. 168.

(60, страница 108.) Картина эта находится въ настоящее время въ Императорской Академіи Художествъ, и прислана была туда, въ 1770 г., И. И. Бецкимъ. Написана Стефаномъ Торелли (1712—1780 г.). Картина эта, на которой Им. Екатерина II представлена въ образѣ Минервы, покровительницы искусствъ, подробно описана А. И. Сомовымъ въ его Каталогѣ оригинальныхъ произведеній русской живописи, въ Карт. Гал. Им. Академіи Художествъ, Спб. 1872 г., т. I, стр. 4—5. О Торелли см. тамъ же, на стр. 144—145, и въ Матеріалахъ для Исторіи Им. Академіи Художествъ, изд. П. Н. Петровымъ, Спб. 1864 г., т. I, стр. 123.

(61) Объ этой статуѣ уже сказано выше на стр. 31, прим. 36.

(61, страница 108.) Антонъ Павловичъ Лосенко, историческій живописецъ и портретистъ, род. въ городѣ Глуховѣ, 30 іюля 1737 г. Съ 1772 г. по конецъ жизни (23 ноября 1773 г.) исправлялъ должность директора Академіи художествъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ см. у А. И. Сомова въ его Каталогѣ картинной гал. Им. Академіи Художествъ, Спб. 1872 г., на стр. 8 и 147—148. У Наглера въ его Künstler-Lexicon, т. VIII, на стр. 71 и 72, о Лосенко сказано не много. Въ Сборникѣ матеріаловъ по исторіи Академіи Художествъ, изд. П. Н. Петровымъ, Спб. 1864 г., т. I, стр. 125, 126, 127, 131, 201, находятся кой-какія указанія. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о немъ находимъ въ сочиненіяхъ Фальконета. О немъ отзывается Фальконетъ, какъ о превосходномъ рисовальщикѣ: «que le cavalier», говоритъ Фальконетъ въ своихъ Замѣчаніяхъ на статую Марка Аврелія, «soit assez bien à cheval, et si vous voulez, d'un bon ensemble et traité selon le caractère qui lui convient; je le crois, sur-tout par les dessins que j'en ai. Ils sont de Mr. Lossinko, peintre russe et dessinateur scrupuleusement exact, qui les a faits à Rome. Ce n'est pas qu'un beau dessin ne puisse être aussi trompeur qu'une belle description. J'ai comparé avec ceux de cet artiste les parties que j'ai de l'original; j'ai mesuré proportionnellement, et j'ai trouvé dans quelques endroits que la différence est considérable; mais la comparaison est au désavantage de l'original».

Дидеротъ въ своемъ письмѣ къ Фальконету, отъ 6 декабря 1773 г. изъ С.-Петербурга, сочувственно пишетъ о Лосенко: «Et ce pauvre Lossinko qui a dessiné votre monument, et qui disait qu'il fallait l'avoir copié pour en sentir tout le mérite, il n'est donc plus? Quoique je n'aie pas eu le temps de le connaître, j'en suis fâché.» Къ этому мѣсту письма Дидерота Фальконетъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Le pauvre et honnête garçon, avili, sans pain, voulant aller vivre ailleurs qu'à Pétersbourg, venait me dire ses chagrins; puis s'abandonnant à la crapule par désespoir, il était loin de deviner ce qu'il gagnerait à mourir. On lit sur la pierre sépulcrale, qu'il était un *grand homme*. Il est donc certain qu'en Russie, et dans la peinture, d'un dessinateur, copiste assez exact et peintre sans génie, on sait faire un grand homme après sa mort. L'Impératrice avait voulu l'encourager; mais enfin, il eut une belle épitaphe». (Ср. Oeuvres d'Etienne Falconet, Paris 1808, т. III, стр. 107 и 188).

(62) Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Сенаторъ, Кабинетъ-министръ, Иностранныхъ дѣлъ коллегіи Членъ и орденовъ Александра Невскаго (ср. Бантышъ-Каменскаго Списокъ, стр. 210 и Мѣсяцесловъ съ

росписью чиновныхъ особъ, 1770 г., Спб. при Им. Академіи Наукъ, стр. 16—17); и Бѣлаго Орла кавалеръ, родился 1721 г. января 16, умеръ 1784 г. іюня 26. Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ свѣтскихъ писателей, Москва 1845 г., ч. II, стр. 106, пишетъ, что Ад. Вас. въ молодыхъ лѣтахъ писалъ много забавныхъ и сатирическихъ сочиненій и перевелъ съ итальянскаго языка оперы: «Евдоксію вѣнчанную», «Селевка», «Митридата» (у В. Сопикова подъ № 7453) и «Беллерофонта», которыя играны были при Дворѣ Им. Елисаветы Петровны. Въ Драматическомъ Словарѣ, Москва 1787 г., на стр. 51, мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о переводческой дѣятельности Ад. Вас. Олсуфьева; тамъ сказано: «Евдоксія вѣнчанная или Ѳеодосій вторый, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. докторомъ Бонекіемъ, Флорентинцомъ, стихотворцомъ, бывшимъ у Россійскаго Императорскаго Двора. Переведена съ итальянскаго на россійской языкъ надворнымъ совѣтникомъ Адамомъ Олсуфьевымъ и пр. и пр. Опера эта въ первый разъ представлена на Росс. придворномъ театрѣ въ 1751 году апрѣля 25 дня, въ торжеств. воспоминаніе коронованія Ея Им. Вел. Елисаветы. Напечатана въ Спб. Академіи Наукъ въ 1751 же году въ 4°. У В. Сопикова, за № 7421. Въ Истор. очеркѣ Русской оперы В. Маркова, Спб. 1862 г., этотъ фактъ опущенъ.

Въ сатирическомъ каталогѣ при дворѣ Екатерины II (ср. Русскій Архивъ за 1871 г., стр. 2041) про Олсуфьева сказано: «L'art de jouir par Mr. d'Olsouffieff», т. е. искусство наслаждаться, соч. г. Олсуфьева. М. Н. Лонгиновъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе къ этому мѣсту: «А. В. Олсуфьевъ (1721—1784 г.) былъ большой любитель чувственныхъ наслажденій». Письма Им. Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву изданы были въ 1863 году въ Русскомъ Архивѣ, на стр. 81—107, 177—204, 273—292, М. Н. Лонгиновымъ, къ нимъ прибавлены обстоятельныя примѣчанія. Кромѣ этихъ данныхъ объ Адамѣ Васильевичѣ, напечатаны П. П. Пекарскимъ изъ бумагъ Госуд. Архива другія свѣдѣнія въ Сборникѣ Русск. Ист. Общ., въ VII и X томахъ; Д. В. Полѣновымъ въ IV томѣ, о дѣятельности его по Коммиссіи о проектѣ новаго Уложенія. Извѣстно также, что онъ избранъ былъ въ «почетные» любители Им. Академіи Художествъ (ср. Мѣсяцесловъ съ росписью 1770 г., стр. 120). Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ помѣщены въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Им. Академіи Художествъ, изд. П. Н. Петровымъ, Спб. 1864 г., стр. 192—193.

Славилась также отборная коллекція гравюръ Олсуфьева; она только уступала Императорской коллекціи (ср. H. Storch, Gemählde von St-Petersburg, Riga 1794, II, стр. 148).

(63 и 64, страница 115.) Члены Св. правительствующаго Сvнода, посѣтившіе Фальконета въ его мастерской 1 іюня 1770 г., были слѣдующіе: *Гавріилъ*, архіепископъ с.-петербургскій и ревельскій и архимандритъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря; *Гавріилъ*, епископъ тверскій и кашинскій; *Платонъ*, Святотроицкой Сергіевы Лавры архимандритъ, Е. И. Высочества учитель богословія и Ея Им. Величества придворный проповѣдникъ и *Андрей*, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка собора протоіерей и членъ Сvнода.

Оберъ-прокуроръ, дѣлавшій столь неосновательныя возраженія и преподавшій совѣты Фальконету, былъ бригадиръ Петръ Петровичь Чебышевъ, но онъ только состоялъ въ должности оберъ-прокурора въ этомъ году (ср. Мѣсяцесловъ съ росписью

чиновныхъ особъ 1770 г., Спб. при Им. Академіи Наукъ, стр. 35 и въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., на стр. 691, списокъ оберъ-прокурорамъ св. Сvнода, сообщен. П. Ефремовымъ).

Объ архимандритѣ Платонѣ Вольтеръ въ своемъ Dictionnaire philosophique, т. III, стр. 512, изданіе 1785 г. въ лестныхъ выраженіяхъ говоритъ: «L'église grecque, en Russie, a pris depuis peu une consistance beaucoup plus respectable, depuis que l'Impératrice Catherine II l'a délivrée du soin de son temporel; elle lui a ôté quatre cents mille esclaves qu'elle possédait. Elle est payée aujourd'hui du trésor impérial, entièrement soumise au gouvernement, contenue par des lois sages; elle ne peut faire que du bien; elle devient tous les jours savante et utile. Elle a aujourd'hui un prédicateur nommé *Platon*, qui a fait des sermons, que l'ancien Platon grec n'aurait pas desavoués».

(65.) Мы не можемъ сказать о какомъ именно тутъ говорится портретѣ Екатерины II, награвированномъ въ Гагѣ. Вѣроятно здѣсь идетъ рѣчь о портретѣ Екатерины II Эриксона, гравир. Винкелесомъ (Vinkeles, Reinier) по возвращеніи его изъ С.-Петербурга въ Голландію, въ 1771 году. (Ср. о Винкелесѣ Наглера Künstler-Lexicon, т. XX, стр. 355. Въ Словарѣ Д. Ровинскаго упомянуто о грав. Винкелесомъ портретѣ Екатерины II 1772 г.). Въ Словарѣ Д. Ровинскаго, Спб. 1872 г., объ этомъ портретѣ не упоминается. Въ сочиненіи Д. Ровинскаго «Русскіе Граверы», гдѣ онъ также говоритъ о гравированныхъ портретахъ Императрицы Екатерины II, мы также не встрѣчаемъ указанія на этотъ портретъ.

Но сомнѣнія нѣтъ, что о порядочномъ исполненіи въ Гагѣ этаго произведенія гравернаго искусства хлопоталъ князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, назначенный на мѣсто Алексѣя Семеновича Мусина Пушкина, отправившагося въ качествѣ полномочнаго министра въ Англію. Въ это же время, подъ наблюденіемъ князя Д. А. Голицына, напечатано было посмертное произведеніе Гельвеція De l'homme et de son éducation; второе изданіе посвящено было княземъ Голицынымъ Им. Екатеринѣ II.

(66, ср. выше примѣчаніе 59.) Дидеротъ, въ письмѣ отъ 20 марта 1771 г., пишетъ Фальконету: «J'ai vu, mon ami, trois brochures de vous, une lettre à moi, une facétie intitulée «Les Lunettes, et un Antidote aux menteries de l'abbé Chappe» (ср. Revue Moderne, Février 1867, стр. 319). Извѣстное опроверженіе на книгу аббата Шаппа, изданное въ 1770 г., подъ заглавіемъ Antidote, гр. Сегюръ прямо приписываетъ Им. Екатеринѣ II. Въ Запискахъ гр. Сегюра, изданіе парижское 1842 г., т. III, на стр. 20. гр. Сегюръ пишетъ: «Elle (Catherine II) savait qu'alors beaucoup de gens, surtout en France et à Paris, regardaient encore la Russie comme un pays asiatique, pauvre, plongé dans l'ignorance, les ténébres et la barbarie; que l'on y affectait de confondre la nouvelle et européenne Russie avec l'asiatique et rustique Moscovie. L'ouvrage de l'abbé Chappe, qu'elle croyait composé par les ordres du duc Choiseul, lui pesait encore sur le coeur, et son amour-propre était sans cesse tourmenté par la causticité de Frédéric II, qui se plaisait à parler avec une amère ironie des finances de Catherine II, de sa politique, de la mauvaise tactique de ses troupes, de la servitude de ses peuples et du peu de solidité de sa puissance» (ср. Mémoires etc. par M. le comte de Ségur, Paris 1842, т. II, стр. 188, 211, и т. III, стр. 20). О значеніи записокъ графа Сегюра см. статью М. Шугурова, въ Русскомъ Архивѣ,

1866 г., на стр. 1590—1615. Вольтеру уже въ 1771 году знакомо было возраженіе на книгу аббата Шаппа; онъ пишетъ изъ Фернея 10 іюля 1771 года Екатеринѣ II: «J'avais lu, dans une critique assez vive du grand ouvrage de l'abbé Chappe, que dans une contrée de l'occident» etc. (Voltaire édit. Touquet, стр. 16). Вольтеръ въ письмѣ отъ 18 ноября 1771 г. писалъ Императрицѣ Екатеринѣ II, которая сообщила ему нѣсколько свѣдѣній о Сибири, по случаю сказаннаго Вольтеромъ въ его Вопросахъ объ Энциклопедіи, т. V, стр. 61: «Je remercie V. M. Impériale de tout ce qu'elle daigne m'apprendre sur la Sibérie méridionale; elle m'en dit plus en dix lignes que l'abbé Chappe dans un infolio. Si vous le permettez, cela entrera dans un suplément aux Questions, qu'on prépare à present au mont Krapack» (Voltaire, édition Touquet, стр. 193, отвѣтъ $^{8}/_{14}$ дек. 1771 г.

Въ письмѣ отъ 30 мая 1771 г. (см. ниже на стр. 133) Императрица Екатерина II пишетъ Фальконету: «Je n'ai point le livre (l'Antidote) que vous me demandez; je vous l'ai dit et je n'en ai point trouvé à acheter, j'ai ordonné d'en faire venir de Hollande». Графъ Сегюръ о сочиненіи аббата Шаппа и возраженіи на это сочиненіе говоритъ: «Le duc de Choiseul avait peu ménagé l'amour propre de Catherine II. On croyait en Russie que l'ouvrage satirique de l'abbé *Chappe* avait été inspiré par ce ministre» (Ségur, Mémoires, т. II, стр. 188), а въ другомъ мѣстѣ графъ Сегюръ прямо приписываетъ Екатеринѣ II сочиненіе Антидота: «L'abbé Chappe, en publiant son Voyage en Sibérie, avait amèrement décrié les moeurs de la nation russe et le gouvernement de Catherine II; elle le réfuta par un livre auquel elle donna le nom d'*Antidote*» (Ségur l. c. т. II, стр. 211. *Barbier*, M. Dictionnaire des ouvrages anonymes etc., 2-de édit., Paris 1822, т. I, стр. 67 № 924. Antidote (l') etc. par Schouvaloff et Catherine II, première partie, St. Pétersbourg 1770 in 8°. Première et seconde parties, Amsterdam 1771 et 1772, 2 vol. in 8°. Барбье прибавляетъ: «On a dit à M. de La Lande que la comtesse Daschkoff, qui a eu part à la révolution de Russie en 1762, avait aussi coopéré à cet ouvrage» (ср. письма Фальконета, см. выше стр. 94—95).

(67) Упоминаемое здѣсь письмо Дидерота къ Фальконету, отъ 20 марта 1771 г., напечатано съ урѣзками въ Revue Moderne, Février 1867, стр. 320, подъ заглавіемъ Lettres inédites de Diderot etc. Въ томъ же письмѣ, отъ 20 марта 1771 г., Дидеротъ еще прибавляетъ: «En attendant (la gallerie Thiers) vous aurez deux Claude Lorrain, un Vanderwerf, deux Guide, un Lemoine, et une copie de l'*Jo* du Corrège, par le même Lemoine. C'est ce qu'on peut avoir de mieux, l'original ayant été dépécé par cet imbécile, barbare, goth, vandale duc d'Orléans. L'Impératrice va acquérir le cabinet de Thiers au milieu d'une guerre dispendieuse; voilà ce qui les humilie et les confond». Существуетъ нѣсколько описаній и каталоговъ коллекцій Crozat-Thiers, а именно: 1741 г., Description sommaire des dessins des grands maistres d'Italie, des Pays-Bas et de France, du cabinet de feu M. Crozat, avec des réflexions sur la manière de dessiner des principaux peintres par P. J. Mariette, Paris, in 8°. 1750 г., декабря 14: Description sommaire des statues figures, vases et autres morceaux de sculpture, provenant du cabinet de feu Mr. Crozat, Paris, in 8°, 1751 г., іюнь. Catalogue des tableaux et sculptures tant en bronze qu'en marbre, du cabinet de feu. Mr. le président de Tugny et de celui de Mr. Crozat. Paris in 8°; 1755 года. Catalogue des tableaux du cabinet de M. Crozat, baron de Thiers. Paris, in 8°, 1772 г., февраль. Catalogue des estampes, vases, de poteries étrusques, figures, bas-reliefs et

bustes de bronze de feu M. Crozat, baron de Thiers, brigadier des armées du roi, par P. Remy, Paris, in 12° (ср. Les ventes des tableaux etc. par Georges Duplessis. Paris, 1874, стр. 8, 12, 14, 35). Свѣдѣнія о коллекціи Крозà и о награвированныхъ картинахъ этой коллекціи см. въ Guide des amateurs de tableaux, par Mr. P. M. Gault de Saint-Germain, ancien pensionnaire du feu roi de Pologne, Paris, 1818, т. II, стр. 316 – 318.

Краткія свѣдѣнія о коллекціи Crozat-Thiers находятся у Вагена въ его сочиненіи «Die Gemäldesammlung in der Kaiserlichen Ermitage zu St. Petersburg, von Dr. G. F. Waagen» München, 1864, стр. 17 и слѣд. и въ оффиціальномъ каталогѣ картинной галлереи Эрмитажа «Catalogue de la gallerie de tableaux». Ermitage Impérial, St. Pétersbourg, 1863, стр. III—IV изданіе 2-е. Въ письмѣ, отъ 27 апрѣля 1772 г., Дидеротъ пишетъ Фальконету: «Ah, mon ami Falconet, combien nous sommes changés! Nous vendons nos tableaux et nos statues au milieu de la paix; Catherine les achète au milieu de la guerre. Les sciences, les arts, le goût, la sagesse remontent vers le Nord, et la barbarie avec son cortège descend au Midi. Je viens de consommer une affaire importante; c'est l'acquisition de la collection de Crozat, augmentée par ses descendants et connue aujourd'hui sous le nom de la galerie du baron de Thiers. Ce sont des Raphaël, des Guide, des Poussin, des Van-Dyck, des Schidone, des Carlo Lotti, des Rembrandt, des Wouvermans, des Teniers etc. au nombre d'environ cinq cent morceaux. Cela coute à Sa Majesté Impériale 460,000 livres. Ce n'est pas la moitié de la valeur, dans un temps où l'indigence générale n'aurait pas désolé toutes les maisons où elle s'est introduite par l'extravagance et la scéleratesse des opérations ministérielles. Mon ami, la moitié de la nation se couche ruinée, et l'autre moitié craint d'entendre à son réveil sa ruine criée dans les rues!... On vient de finir la vente des tableaux de Mr. de Choiseul. Le départ de ceux du baron de Thiers pour St. Pétersbourg, la concurrence de Mr. de Laborde et de M-me Du Barri, et d'autres choses qui tiennent à la personne de Mr. de Choiseul ont fait monter cette vente à un prix exorbitant. Une cinquantaine de tableaux ont été achetés 440,000 livres, tandis que nous en avons eu, trois mois auparavant, cinq cent pour 460,000 livres. Aussi les héritiers du baron de Thiers jettent-ils feu et flammes... (ср. Revue Moderne, Février 1867, стр. 322).

(68) Императрица совѣтуетъ Фальконету обратиться къ придворному доктору ея, родомъ англичанину, Джону Роджерсону, или какъ его называли въ росписи чиновныхъ особъ 1771 г. «Іоганъ Рогерсонъ». Въ 1771 году придворными докторами были: Карлъ Эйлеръ и Іоганъ Рогерсонъ, а Шулинусъ состоялъ при комнатѣ Его Императорскаго Высочества. Гофъ-хирургами были Христофоръ Паульсонъ, въ рангѣ надворнаго совѣтника; Іоганъ Лидерсъ, Христіанъ Баумгартъ и Іоганъ Бекъ, при комнатѣ Его Им. Высочества, въ рангѣ секундъ-маіорскомъ. (Ср. Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ 1771 г., Спб. при Им. Академіи Наукъ, стр. 16). Павелъ Сумароковъ въ Обозрѣніи царствованія Екатерины Великія, Спб. 1832 г., часть I, стр. 41—42, разсказываетъ анекдотъ про Роджерсона. А. Вейдемейеръ, въ его «Дворъ и зам. люди», Спб. 1846 г., т. II, стр. 155, повторяетъ этотъ разсказъ о Роджерсонѣ и прибавляетъ, что Роджерсонъ долго находился при Им. Екатеринѣ II, и не столько былъ извѣстенъ по искусству въ медицинѣ, сколько по благорасположенію къ нему Императрицы. По кончинѣ Екатерины II онъ долгое

время жилъ еще въ Россіи, и въ царствованіе Императора Александра I возвратился въ Англію, свое отечество, гдѣ и умеръ. Старшій врачь Николай Купріановъ въ Историч. очеркѣ состоянія медицины въ царствованіе Екатерины II, Спб. 1873 г., на стр. 5, говоритъ, что прежде барона Димсдаля былъ выписанъ изъ Англіи же докторъ Роджерсонъ, который еще весною 1768 года привилъ въ С.-Петербургѣ оспу тремъ дѣтямъ англійскаго консула.

(69) Трудно опредѣлить, картины какой именно коллекціи осмотрѣлъ 25 августа 1771 г. Фальконетъ. О коллекціи Крозà не можетъ быть рѣчи, ибо Дидеротъ пишетъ отъ 21 августа 1771 года (слѣдовательно картины этой коллекціи не могли еще прибыть въ С.-Петербургъ): «Malgré tous ces cris et tous ces criards, je vais toujours mon train et le diable s'en mêlera, ou incessamment je vous expédierai toute la galerie Thiers». Извѣстно только, что около этого времени Императрица Екатерина пріобрѣла коллекціи картинъ Бодуэна (Baudoin) въ Парижѣ и Троншена въ Женевѣ.

Картины, купленныя Екатериною II въ 1771 году, въ Голландіи, изъ коллекціи Брамкампа (Braamcamp) погибли у береговъ Финляндіи; надобно, пишетъ Императрица Вольтеру, въ письмѣ отъ $^3/_{14}$ декабря 1771 г., обойтись безъ нихъ; въ нынѣшнемъ году я имѣла нѣсколько неудачъ въ подобныхъ случаяхъ; что дѣлать? остается только утѣшиться (Сборникъ, т. XIII. стр. 199). Вольтеръ отвѣчаетъ Императрицѣ въ письмѣ отъ 4 января 1772 г.: «Permettez-moi de dire à votre Majesté que vous êtes incompréhensible. A peine la mer Baltique, a-t-elle englouti pour soixante mille écus de tableaux que vous fesiez venir pour vous de la Hollande, que vous en faites venir de France pour quatre cent cinquante mille livres (coll. Thiers и Choiseul). Vous achetez encore mille raretés en Italie. (Voltaire, édit. Touquet, стр. 203—204).

Неопредѣлительныя свѣдѣнія о коллекціи Брамкампа у Вагена «Die Gemäldesammlung der Kaiserl. Ermitage» стр. 19 и въ оффиціальномъ каталогѣ Эрмитажа 1863 г., на стр. XI; о каталогахъ коллекціи Брамкампа см. Georges Duplessis «Les ventes de tableaux, Paris 1874, № 524, 689, 690, 692, 710.

Екатерина II отвѣтила Вольтеру въ письмѣ отъ 30 января 1772 г.: «Вы удивляетесь, что я закупаю много картинъ, можетъ быть для меня было бы лучше покупать ихъ менѣе въ настоящую минуту, но упущенные случаи не возвращаются; къ тому же мои собственныя деньги не смѣшиваются съ государственною казною, и при надлежащемъ порядкѣ великое государство справляется со всякими издержками (Сборникъ, т. XIII, стр. 214). Вольтеръ Екатеринѣ II, отъ 6 марта 1772 г.: «Je vois bien, Madame, que vous n'êtes pas iconoclaste, puisque vous achetez tant de tableaux, tandis que Moustapha n'en a pas un». (Voltaire, Touquet, стр. 211).

Екатерина II писала Вольтеру 19 марта 1772 года: «Поступки г. Троншена, о которыхъ вы мнѣ говорите, относительно меня самые честнѣйшіе; какъ императрица Θеодора, люблю иконы, но нужно чтобъ онѣ были хорошо написаны; она цѣловала свои, чего я не дѣлаю». (Сборникъ, т. XIII, стр. 224.)

ч Бодуэна продавалась 15 февраля 1770 г., ср. Catalogue des tableaux, es en feuilles, en livres, marbres, bronzes, vases... de Mr. Baudoin, Remy, Paris, in 12 (ср. Georges Duplessis «Les ventes etc.» стр. 31,

Упомянутая на стр. 146, подъ № 48, копія съ *Io* Корреджіо писана Лемуаномъ. Въ оффиціальномъ каталогѣ картинной галлереи Им. Эрмитажа, 1863 года, стр. 318, № 1475, не сказано изъ какой именно коллекціи поступила въ Эрмитажъ эта копія; сказано только, что это свободная копія съ знаменитой картины Аллегри въ королевской галлереѣ въ Берлинѣ. О *купальницѣ* Лемуана, у Фальконета подъ № 49, стр. 146, также не сказано въ каталогѣ Эрмитажа, стр. 318, № 1476, изъ какого собранія картинъ она куплена; сказано только, что эта картина pendant Аллегріевской картины «Юпитеръ и *Io*». Докторъ Г. Ф. Вагенъ въ «Die Gemäldesammlung in der Kaiserlichen Ermitage zu St. Petersburg» München 1864, стр. 300, повторяетъ только указаніе оффиціальнаго русскаго каталога. О *купальницѣ* Лемуана Вагенъ говоритъ: «ist nichts als ein recht hübscher und in einer klaren Farbe ausgeführter Act.» Дидеротъ въ письмѣ къ Фальконету, 1771 г., гораздо обстоятельнѣе говоритъ объ этихъ картинахъ Лемуана, хотя онъ также не указываетъ изъ какой именно онѣ коллекціи, онъ пишетъ: En attendant la galerie Thiers, vous aurez deux Claude Lorrain, un Vanderwerf, deux Guide, un *Lemoine* et une copie de l'*Io*, du Corrège, par le même Lemoine. C'est ce qu'on peut avoir de mieux, l'original ayant été dépecé par cet imbécile, barbare, goth, vandale duc d'Orléans.» Фальконетъ, подъ № 5—6, стр. 148, говоритъ слишкомъ неопредѣленно о Бургиньонѣ. Въ оффиціальномъ каталогѣ Эрмитажа, на стр. 330, № 1530 и 1531 сказано, что эти два сраженія поступили въ Эрмитажную галлерею изъ коллекціи Crozat. Докторъ Вагенъ опять повторяетъ только данныя оффиціальнаго каталога, съ прибавленіемъ собственнаго сужденія, стр. 308.

(70) О секретарѣ Королевской Академіи Художествъ Кошенѣ мы уже говорили выше въ примѣчаніи № 6-мъ. До французской революціи всѣ документы и бумаги Академіи Художествъ хранились въ общемъ архивѣ соединенныхъ Академій. Во время большой революціи народъ разбросилъ, сжегъ и уничтожилъ почти всѣ документы названнаго архива; самая малая часть ихъ была спасена. Всѣ сохранившіеся бумаги старой Королевской Академіи Художествъ недавно переданы въ Школу Изящныхъ Искусствъ (Ecole des Beaux Arts). Изъ донесеній и писемъ Фальконета къ своимъ сочленамъ по корол. Академіи Художествъ сохранилось только *одно* письмо 1771 г., которое обязательно сообщено въ настоящее время въ редакцію Сборника нынѣшнимъ секретаремъ Ecole des Beaux Arts, г. Ленуаромъ (Lenoir, Albert) слѣдующаго содержанія:

St. Pétersbourg, 3 Novembre 1771. V. S.: «Messieurs! Plusieurs des lettres que j'avais l'honneur de vous adresser, ayant été perdues, cette interruption m'a privé fort longtemps des moyens d'encouragement que vous procurez à ceux qui, comme moi, sont privés de vos secours immédiats. L'accident de mes lettres perdues, m'aurait aussi beaucoup inquiété, si vous n'étiez pas assurés, Messieurs, que les sentiments qu'elles exprimaient ne peuvent ni cesser ni diminuer.»

«Mon estime pour mes confrères et ma reconnaissance pour mes maîtres sera toujours la même. Si la vue de leurs ouvrages m'a convaincu de la supériorité de leurs talents, je l'ai bien vivement sentie cette supériorité dans la privation totale de leurs conseils.»

«Si la statue équestre de Pierre le Grand n'est pas sans quelque faible mérite, j'ose croire qu'éclairé de vos avis, j'en aurais pu faire un monument que vous eussiez cou-

ronné de vos suffrages. Mais elle sera fondue telle que j'ai pu la faire seul. Quand le sera-t-elle? Je n'en sais rien. Voilà plus d'une année que je perds, en attendant un fondeur, et je ne sais si celui, à qui on s'adresse aujourd'hui, fera des conditions qu'on puisse ou qu'on semble accepter.»

«Je suis très-respectueusement, Messieurs, votre très humble et très obéissant serviteur Falconet.»

Русская Академія Художествъ поднесла недавно французской школѣ изящныхъ искусствъ бронзовый бюстъ Фальконета, который поставили въ конференцъ-залѣ помянутой школы; въ музеѣ школы находятся нѣсколько скульптурныхъ фрагментовъ работы Фальконета.

(71) Императрица Екатерина тутъ говоритъ о безпокойствахъ вслѣдствіе московской чумы и убіенія московскаго архіепископа Амвросія Зертисъ Каменскаго, убитаго 16 сентября 1771 г. Извѣстно, что графъ Гр. Гр. Орловъ, видя быстрые успѣхи заразы въ Москвѣ, умолялъ Им. Екатерину II позволить ему ѣхать туда, чтобы на мѣстѣ принять мѣры, какія окажутся нужными къ прекращенію бѣдствія. Едва прошло 24 часа послѣ отъѣзда графа Гр. Гр. Орлова, какъ фельдмаршалъ Салтыковъ написалъ Императрицѣ о катастрофѣ, случившейся отъ фанатизма, т. е. объ убіеніи архіепископа Амвросія.

О всѣхъ этихъ столь сильно безпокоившихъ Императрицу Екатерину событіяхъ, она писала къ госпожѣ Бьелке, отъ 3 октября 1771 г., и къ Вольтеру, отъ 6 октября 1771 г., и А. И. Бибикову, отъ 20 октября 1771 г. (ср. Сборникъ Имп. Русс. Ист. Общества т. XIII, стр. 172—181).

Жертвою чумы со времени ея появленія, съ декабря 1770 г. по ноябрь мѣсяцъ 1771 года, сдѣлалось 56772 человѣка; наибольшая смертность была въ сентябрѣ, когда погибло 21,401 человѣкъ (ср. Ник. Купріянова Истор. очерки состоянія медицины въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1873 г., стр. 20 и 14—20 и Сборникъ, т. XIII, стр. 193).

(72) Надпись эта, сочиненная В. И. Майковымъ (см. Сочиненія и переводы В. И. Майкова, изд. П. Ефремовымъ, Спб., 1867 г., стр. 104), помѣщена на Гатчинскихъ мраморныхъ воротахъ въ Царскомъ Селѣ, при выѣздѣ изъ англійскаго сада на Гатчинскую дорогу. Эти ворота построены были въ честь графа Гр. Гр. Орлова. Работами, съ 1772 г. декабря 5, завѣдывала контора строенія Исакіевской церкви, подъ наблюденіемъ директора оной графа Брюсса. Извѣстно, что кромѣ этихъ мраморныхъ воротъ, въ честь гр. Орлова была выбита золотая медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ портретъ гр. Гр Гр., а на другой — Курцій, бросающійся въ пропасть, съ надписью: «И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ». Ср. Яковкинъ, Илья, Исторія Села Царскаго, Спб., 1831 г., ч. III, стр. 115, 118—119; Описаніе Села Царскаго, И. Яковкина, Спб., 1830 г., стр. 105—106; Русская Старина М. И. Семевскаго, 1872 г., т. V, стр. 132; Русскій Архивъ, 1873 г., январь, стр. 75; Ровинскій, Д., Словарь русскихъ грав. портретовъ, Спб., 1872 г., стр. 101, № 9, упоминаетъ о портретѣ гр. Гр. Гр. Орлова на медали за избавленіе Москвы отъ моровой язвы въ 1771 г. 8°, раб. Вехтера (G. G. Wächter fec.) Кромѣ того сравни А. А. Лефорта, Исторія царствованія Екатерины II, часть III, стр. 192;

Петра Колотова, Дѣянія Екатерины II, ч. II, стр. 13 и Сборникъ Им. Русск. Ист. Общ., т. XIII, стр. 293—294.

(73) Императрица Екатерина II, въ письмѣ къ Вольтеру отъ 24 мая (4 іюня) 1771 г. пишетъ: «съ тѣмъ нетерпѣніемъ, съ какимъ ожидаю только вашихъ произведеній, жду четвертаго и пятаго тома вашихъ Вопросовъ объ Энциклопедія. Заранѣе благодарю васъ за нихъ» (ср. Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. XIII, стр. 101). Вольтеръ писалъ Императрицѣ въ письмѣ отъ 31 августа 1771 г.: «Si vous daignez encore, Madame, trouver dans tous ce fracas quelques moments pour lire mes rêveries, les IV et V volumes des questions sur l'Encyclopédie doivent être actuellement entre vos belles mains. Voici en attendant une feuille du tome VII qui n'est pas encore mise au net. L'auteur a pris la liberté de dire un petit mot de Votre Majesté, à la page 356. (Cp. Edition Touquet.) Екатерина II, въ письмѣ отъ 6 (17) октября 1771 г., еще разъ возвращается къ Вопросамъ объ Энциклопедіи, гдѣ, какъ она говоритъ, такъ много превосходнаго и новаго (Сборникъ, т. XIII, стр. 177—178). Въ письмѣ отъ 18 октября 1771 года, Вольтеръ пишетъ Императрицѣ: «Tandis que vous avez la bonté de perdre quelques moments à lire le IV et le V volumes des Questions, le questionneur a fait partir le VI et le VII; mais il a bien peur de ne pouvoir continuer. Il n'en peut plus, il est bien malade...» (Edition Voltaire, Touquet 187). Екатерина II отвѣчала Вольтеру: «Je vous remercie bien sincèrement de l'envoi du VI et VII volumes des Questions» (Сборникъ, т. XIII, стр. 190). Въ «Dictionnaire philosophique», т. VI, стр. 452—453 изд. 1785 г., находимъ, между прочимъ, такія похвальныя слова о Екатеринѣ II: «L'Impératrice de Russie est aussi maîtresse absolue de son clergé dans l'empire le plus vaste qui soit sur la terre. L'idée qu'il peut exister deux puissances opposées l'une à l'autre dans un même état, y est regardée par le clergé même, comme une chimère aussi absurde que pernicieuse. Je dois rapporter à ces propos une lettre que l'Impératrice de Russie Catherine II, daigna m'écrire au mont Krapack, le 22 Août 1765, et dont elle m'a permis de faire usage dans l'occasion». Это письмо напечатано въ Сборникѣ Русск. Ист. Общ. въ X томѣ на стр. 37—39, но то важное мѣсто письма, гдѣ говорится о дѣлѣ епис. ростовскаго Арсенія, не находится между черновыми бумагами Екатерины II. Восторженно Вольтеръ отзывается и о собраніи депутатовъ Коммиссія въ Dictionnaire phil., Loi, т. V, стр. 466: «La Thesmophore (Catherine II) du Nord assemble en 1767 des députés de toutes les provinces, qui contenaient environ douze cent mille lieues quarrées. Il y avait des païens, des mahométans d'Ali, des mahométans d'Omar, des chrétiens d'environ douze sectes différentes. On proposait chaque loi à ce nouveau synode; et si elle paraissait convenable à l'intérêt de toutes les provinces, elle recevait alors la sanction de la souveraine et de la nation etc. etc... On en était là quand Moustapha III, fils de Mahmoud, força l'Impératrice d'interrompre son code pour le battre».

Фальконетъ пишетъ Императрицѣ: «я Вольтеру обязанъ благодарностью за помѣщеніе въ его завѣщаніи, онъ мнѣ подарилъ нѣсколько строкъ». Мы не знаемъ, о какомъ именно отзывѣ Вольтера говоритъ Фальконетъ. Въ письмѣ Вольтера къ Императрицѣ, отъ 3 декабря 1771 года (стр. 196 édit. Touquet) онъ пишетъ: «J'avoue que j'ai la faiblesse d'aimer la vie, quand ce ne serait que pour voir l'estampe de votre temple de Mémoire, et celle de votre statue érigée *vis-à-vis celle de Pierre le Grand*... L'histoire la plus vraie est mêlée de mensonges, comme l'or dans la mine

est souillé par des métaux étrangers; mais les grandes actions, les *grands monumens* restent à la postérité...» (См. еще стр. 225, 238).

Въ письмѣ отъ 10 августа 1773 г. (стр. 251) о Фальконетѣ писалъ Вольтеръ: «Je voulais vous demander si Falconet-Phidias placera la statue de Catherine II, la seule vraie Catherine, ou sur une des Dardanelles, ou dans l'Atmeidan de Stamboul». Екатерина II на выраженіе «Фидій» отвѣчаетъ, въ письмѣ отъ 15 сентября 1773 г.: «я не имѣю о немъ (о Гельвеціѣ) понятія, но очень трудно представить себѣ, чтобы Петръ дикарь, носильщикъ въ улицахъ Лондона, котораго у меня есть изображеніе, писанное сыномъ Фидія-Фальконета, родился со способностями первыхъ людей вѣка« (Сборникъ, т. XIII, стр. 359) и изд. Вольтера Touquet 255.

(73, страница 161.) О Кольтелини сохранилось весьма мало извѣстій; знаемъ только, что напр. 21 апрѣля 1768 года представлена была въ С.-Петербургѣ въ день рожденія Им. Екатерины II драма «Ифигенія въ Тавридѣ», драма на музыкѣ, въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе г. Колтеллини. «Творецъ сея трагедіи», говоритъ составитель Драматическаго словаря, Москва 1787 г., на стр. 65, «взявъ сіе содержаніе изъ исторіи ничего болѣе не перемѣнилъ, какъ только вмѣсто Діанина храма представилъ храмъ Палладинъ и учиняетъ въ немъ Ифигенію великою жрицею, которая была священницею Діаны». Музыка придворнаго капельмейстера г. Балтазара Галуппи. Декорація изобрѣтенія придворнаго живописца г. Градиція, машины изобрѣтенія придворнаго театральнаго машиниста г. Дюклò. Играна была придворными Ея И. В. пѣвчими. Другая опера Марка Колтеллини «Армида», піиты, находившагося въ росс. им. службѣ. Сей спектакль почитался наивеликолѣпнѣйшимъ въ то время. Печатана въ Спб. 1774 года.» Упоминается еще драма Колтеллини «Антигона» въ переводѣ Дмитревскаго. Кат. Смирдина № 7749. (Ср. Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 г. М. Н. Лонгинова, Спб. 1873 г., стр. 24, 31; Драматическій словарь, Москва 1787 г., стр. 21, 65; П. Арапова, Лѣтопись Русскаго театра, Спб. 1861 г., стр. 88.

(74) Выше, въ письмѣ отъ 18 іюля 1772 г., на стр. 163, Фальконетъ уже пространно говоритъ объ этомъ переводѣ Плинія.

Первое изданіе перевода 34, 35 и 36 книги Плинія съ примѣчаніями Фальконета вышло въ свѣтъ въ 1772 г.; второе изданіе этого перевода вышло въ Гагѣ въ 1773 г. Барбье въ своемъ «Examen des dictionnaires etc.», стр. 325, по поводу этого перевода положительно говоритъ, что переводъ Плинія не Фальконета, а друга его, удалившагося въ Россію, слѣдовательно можно подумать, что переводъ этотъ сдѣланъ де-Вильеромъ, хорошимъ знатокомъ латинскаго языка, который вызвался указать на ошибки Козицкаго, переводчика на латинскій языкъ Наказа (ср. выше стр. 104). Вотъ что говоритъ Барбье: «La traduction des 34 et 35 livres de l'histoire naturelle de Pline, qui parut sous le nom de Falconet, *n'est pas de lui*, mais d'un de ...is, retiré comme lui à St-Pétersbourg et qui s'était livré à l'étude des lois etc.» ...альконетъ намъ подробнѣе и точнѣе говоритъ о переводѣ 34 книги Плинія: ...la traduction) fut premièrement faite par un littérateur; j'y corrigeai quelques ... et j'eus la maladresse de fermer les yeux sur le reste, L'ouvrage était encore ... d'une passable exactitude, qu'il y restait des contresens. Le manuscrit que je

conserve prouverait que le travail du premier traducteur a presque entièrement disparu, et que bien ou mal, ce que je donne est aujourd'hui mon ouvrage» (ср. Oeuvres d'Etienne Falconet statuaire, à Lausanne, 1781 г., т. III, стр. 1—2; Oeuvres diverses concernant les arts par M. Falconet, Paris 1787, т. I, стр. VIII.

Самъ Фальконетъ отзывается о достоинствахъ своего перевода откровенно: «Le onzième volume du Pline de Mr. Poinsinet ayant paru, j'ai cru devoir le consulter; et avec lui j'ai continué mes corrections presque achevées à Pétersbourg, d'où je suis parti en septembre 1778. Que ma traduction soit en général, un corps sec, décharné, privé des graces du style...» (Oeuvres, изд. 1781 года, Préface, стр. V и на стр. XLVIII): «En juin 1779, j'ai reçu à la Haye, l'édition latine du Pline de Mr. Brotier. Je ne m'attendais pas que dans un aussi savant ouvrage, on daignât faire mention du mien: il était trop informe, et je l'avais condamné au feu depuis longtemps...»

Въ примѣчаніи къ біографіи Фальконета, въ Biographie universelle par Michaud, т. XIII, стр. 348—349, указано на мнѣніе Барбье, но издатели не провѣрили неточность этого показанія.

(75) Бюстъ Дидерота находится нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ внизу, гдѣ хранятся эстампы.

(76) Нарышкинъ сопровождалъ Дидерота во время поѣздки его въ Петербургъ. Подробности почему Дидеротъ рѣшился ѣхать въ Россію изложены въ біографіи Дидерота, составленной г-жею Вандёль (Vandeul), дочерью его. Чтобы благодарить лично им. Екатерину II, Дидеротъ отправился 10 мая 1773 г., прибылъ въ Гагу. Онъ жилъ въ домѣ у кн. Д. А. Голицына, до отъѣзда своего съ Нарышкинымъ въ Россію. Нарышкинъ предложилъ ему остановиться у него въ домѣ, но Дидеротъ, опасаясь оскорбить друга, изъявилъ желаніе пристать у Фальконета; онъ пріѣхалъ къ нему больной и страдающій. Фальконетъ, говоритъ г-жа Вандёль, принялъ его довольно холодно, извиняясь передъ нимъ, что къ сожалѣнію не можетъ дать ему комнаты у себя, потому что она занята сыномъ его, недавно къ нему пріѣхавшимъ. Дидеротъ написалъ письмо къ Нарышкину и просилъ его о гостепріимствѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ пріѣхала за нимъ карета, и Нарышкинъ оставилъ его у себя до отъѣзда. Все, что онъ мнѣ послѣ разсказывалъ о ласкахъ, одолженіяхъ, изъявленіяхъ дружбы и уваженія всего семейства къ нему, исполнило меня живѣйшею благодарностью и преданностью къ каждому, кто носитъ имя Нарышкиныхъ. Памятникъ, сооруженный Фальконетомъ, желаніе его отличиться въ литературѣ, породили между нимъ и Дидеротомъ споры маловажные, но достаточные для нѣкотораго охлажденія. Эта непріятность была съ избыткомъ вознаграждена чрезмѣрнымъ удовольствіемъ при встрѣчѣ съ б. Гриммомъ въ Россіи. Онъ (Дидеротъ) ничего не написалъ о путешествіи своемъ, и потому я могла удержать однѣ только легкія подробности, схваченныя изъ писемъ и разговоровъ его: тѣ и другіе исполнены были энтузіазмомъ къ Императрицѣ... Затѣмъ выѣхалъ онъ къ кн. Д. А. Голицыну въ Гагу, пробылъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратился въ Парижъ въ первыхъ числахъ октября 1774 г. Ср. Фонъ-Визинъ, сочиненіе князя Петра Андреевича Вяземскаго, Спб., 1848 г., стр. 310—317; Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot, 1831. Автобіографія графа Нессельрода, въ переводѣ А. А. Половцова, Русск. Вѣстникъ, 1864 г. «Des russischen Reichskanzlers Grafen Nesselrode Selbstbiographie», deutsch von K. Kle-

vesahl, Berlin, 1866, p. 1—5). C. Avezac-Lavigne, «Diderot et la société du baron d'Holbach»; Paris, E. Leroux, 1875, стр. 119 и слѣд., 205, 209 и слѣд., 240. — Oeuvres complètes de Diderot, par J. Assézat, Paris, Garnier frères, 1875, т. III, стр. 411 и слѣд. Дидеротъ и его отношенія къ Имп. Екатеринѣ II, статья М. Ѳ. Шугурова, въ XVIII вѣкѣ П. П. Бартенева, т. I, стр. 333—378.

О пребываніи Дидерота въ Петербургѣ мы находимъ въ неизданной перепискѣ гр. Нессельрода, отца бывшаго государств. канцлера, съ генералъ-квартирмейстеромъ Федоромъ Вилимовичемъ Бауеромъ и съ барономъ Мельхіоромъ Гриммомъ не безъинтересныя данныя. Эта переписка обязательно была сообщена редакціи «Сборника» внукомъ гр. Нессельрода, гофмейстеромъ графомъ Д. К. Нессельродомъ.

Генералъ-квартирмейстеръ Федоръ Вилимовичъ Бауеръ писалъ изъ С.-Петербурга 14-го октября 1773 года графу Нессельроду въ Потсдамъ: «Für die Bekanntschaft unseres Freundes von Grimm bin ich Ihnen, bester Freund, unendlich verbunden; ich habe in ihm den rechtschaffenen Mann, so wie Sie ihn geschildert, gefunden; die Frau Landgräfin (Caroline von Hessen-Darmstadt) wird Ihnen sagen, warum er zurückgeblieben. Der Freund Diderot ist hier und wie Herr von Grimm sehr bewundert; nur schade, dass es hier wenig Leute giebt, die solche anders, als wie die Moden admiriren, man ist schon gelehrt genug, wann man sagen kann: Diderot ist ein Gelehrter, ihn zu nützen und von seiner Bekanntschaft zu profitiren, gehört nicht zu ihrem Plan, nur unsere *grosse Frau* ausgenommen, allein dies ist auch die *grösste* Frau etc...»

Отъ 10-го января 1774 года онъ пишетъ: «Die Gedanken, sagt Diderot, frieren offtmals im 60 Grad, das im 48 oder 50 nicht geschieht. Dieser würdige Mann hat Proben hievon empfunden, und Herr von Grimm wird mündlich erzählen, wie wenig ich zufrieden bin, dass man Leute nicht besser zu beurtheilen im Stande ist etc. etc.»

Отъ 24-го января 1774 года: «Unser Freund Denis (Diderot) lebt hier still im Verborgenen, und mich kränket nichts so sehr, als dass Verdienste öffters bei dem grössten Licht dunkel bleiben. Ich weiss nicht, wem ich die Ursache zuschreiben soll. Vielleicht, dass man zu schnell auf das Aeusserliche schliesset, ohne das Wahre zu untersuchen, und mithin öffters durch den Schein betrogen wird. Vielleicht sind Gedanken im 48 Grad der Breite in vollem Feuer, die im 60 Grad gefrieren; oder es fehlt an der Wärme, hievon die gehörige Empfindung zu haben. Unser Freund Grimm wird Ihnen, bester Graf, vieles sagen, dessen Conduite und Observationsgeist viele Anmerkungen ertheilen kann.»

Отъ 27-го февраля 1774 года: «Unser Freund Denis (Diderot) ist endlich von hier abgereiset; er hat das Schicksal der meisten Männer gehabt, die den Neid und Jalousie zu geringe achten, als auf die Verläumdung zu antworten.»

Баронъ Гриммъ пишетъ графу Нессельроду изъ Риги 11-го сентября 1773 года: «...Mr. de Klingstedt, que nous avons encore trouvé ici, m'assure que Mr. de Narischkine est allé chercher Denis (Diderot) à la Haye, et qu'ils sont actuellement en route. Je recommande Denis à votre charité. Si vous ne faites pas un chef d'oeuvre, ~~st capable de faire tout de travers. Faites vous le livrer garotté de la poste. Ne le lez pas longtemps, car la saison avance. Faites lui faire ce qu'il faut et ne faire ce qu'il faut. Demandez lui pourquoi il ne m'a pas écrit une seule fois...»

Изъ С.-Петербурга, отъ 25 сентября 1773 года: «Nous sommes ici, illustre ~~ate depuis le 17 au soir. J'y ai trouvé vos deux lettres du 4 et du 7. La dernière

m'a beaucoup affligé et inquiété. Quelle-que soit la maladie de Denis, je doute fortement qu'il vienne ici. Le cruel homme, il laisse passer toute la belle saison, il traite le voyage de St-Pétersbourg comme une course de la rue Taranne dans la rue St. Anne. Il avait écrit à Paris qu'il ferait le voyage de Pétersbourg d'une traite, excepté huit jours qu'il donnerait à Berlin et Potsdam. Enfin quand je pense à tous les sujets de crainte qu'il m'a donnés depuis quelque temps, je ne désespère pas d'apprendre qu'il est venu chercher une tombe à Duisbourg en dépit de Mr. Leidenfrost. L'Impératrice a la bonté de s'intéresser vivement à son sort.»

Отъ 5-го октября 1773 года, изъ С.-Петербурга: «... Je n'ai point de nouvelles de Denis, mais suivant Mr. de Narischkine ils ont passé à Dresde et n'iront pas par Berlin. Je sens que la maladie de Duisbourg ayant retardé Mr. de Narischkine, celui-ci ne peut plus accorder huit jours au séjour de Potsdam et de Berlin. Je doute malgré tout cela qu'ils puissent être ici pour les fêtes. Enchaînement de sottises, si Denis était parti à la fin de Juin, rien de tout cela ne serait arrivé. Je tremble pour son séjour ici...»

Отъ 2-го ноября 1773 года: «Je vous ai mandé, je crois, comme quoi Denis par un effort de génie a été obligé de renoncer au voyage de Berlin pour arriver ici tout courant et malade la veille du mariage, afin de ne rien voir des fêtes. Mais l'Impératrice en est vraiment enchantée, voilà l'essentiel. Au reste, il lui prend la main, il lui secoue le bras, il tape sur Sa table, tout comme s'il était au milieu de la synagogue de la rue Royale... (въ домѣ барона Гольбаха).

Отъ 19-го ноября 1773 года: «... à Paris, c'est à dire Pétersbourg: quoique je sois un très-grand homme, l'Impératrice m'a cruellement humilié en me faisant nommer, sans dire gare, membre de l'Académie Impériale des Sciences, en même temps que Denis. Ce Denis a auprès de Sa Majesté le succès le plus brillant et le plus complet. Elle en pense comme vous et moi qui le connaissons depuis tant d'années: c'est tout dire. Il est aussi avec elle comme avec nous, tout aussi apprivoisé. Vous m'assurez toujours qu'il a arrangé sa route de la Haie à Pétersbourg supérieurement. Je voudrais que vous puissiez m'en convaincre: en attendant je tonne toujours de ce qu'il n'a pas été vous faire sa cour. En tout cas s'il a fait en ceci une action sage, je vous proteste que ce n'est pas sa faute.»

«P. S. Denis recevra tout à l'heure de Sa Majesté une belle pelisse et un beau manchon...»

Изъ Царскаго Села, отъ 25-го ноября 1773 года: «Denis, toujours Denis avait promis de venir ici et ne vient pas parceque, dit-il, la vie de la Cour ne lui va pas. Il est comme un enfant, et il a la maladie des Suisses in gradu heroïco, assez pour m'inquiéter quelquefois.»

Изъ Царскаго Села, отъ 6-го декабря 1773 года: «Denis a été constamment incommodé et n'a pu venir ici. Dites mois, je vous supplie, si Denis se remettait dans quelque temps d'ici en route avec un sien ami, ferait-il bien ou non de vous aller voir? Le cas serait embarrassant, car l'ami de Denis ne peut se dispenser d'aller vous faire sa cour, et où déposer Denis en attendant? Ce dernier n'a pas trop envie d'aller nulle part que chez lui.»

Изъ С.-Петербурга, отъ 28-го декабря 1773 года: «Je ne suis pas peu embarrassé du retour de Denis. Vous pensez bien que pour tout au monde je ne me déter-

minerai à vous bruler chemin faisant, et lui pour tout au monde ne veut mettre les pieds chez vous. Certaine Princesse de la Haie, qui vint dans vos contrées l'été passé, lui a persuadé qu'il y était haï, méprisé, vilipendé, et il ne veut pas s'y exposer. Voilà où nous en sommes.»

Изъ С.-Петербурга, отъ 30-го декабря 1773 года: «Quant à Denis, j'en désespère. Il ne veut pas absolument s'exposer à passer près de vous. J'en suis fâché par rapport à lui et à moi. Le comte de Goerz veut le convertir, mais il y perdra son latin, j'en suis sûr. Il n'a fait ici aucune conquête excepté celle de l'Impératrice. Je n'étais pas inquiète de celle là, mais tout le monde n'a pas la tête de cette grande femme, et n'est pas sensible et accoutumé comme elle au génie et à ses étrangetés. S'il dépend jamais de vous d'approcher cette femme, gardez vous en bien, car la tête vous en tournera...»

«Je vous ai mandé au commencement de Novembre que l'Impératrice m'avait fait mettre conjointement avec Denis de l'Académie Impériale des sciences. Vous ne m'avez pas seulement fait votre très-humble compliment sur une dignité dont j'ai été honteux, comme un enfant l'est d'avoir reçu le fouet.»

Изъ С.-Петербурга, отъ 14 января 1774 г.: ...«Celui qui est venu ici sans aucune lettre de votre part, a eu une longue conversation avec Denis pour lui persuader qu'il fallait qu'il allât vous voir et sur ce qui m'en est revenu, je suis fort content de ce que Denis a répondu. Il faut que vous sachiez que la feuille que vous m'avez envoyée a couru ici le même jour en manuscrit, que Denis l'a vu aussitôt que moi qui ne lui ai pas dit que je la connaissais; qu'un certain ministre étranger en a fait les honneurs sans en retirer beaucoup d'honneur et qu'on n'a nullement caché l'auteur, Vous ne sauriez croire toutes les persécutions obscures et sourdes que Denis a essuyées ici; mais ce n'est pas là un bon moyen de faire retirer de dessus lui cette main protectrice qui fit jadis son sort: au contraire ces essais ne tournent à mal que pour leurs auteurs... Je vois que dans la compilation qu'un corsaire de libraire a faite des oeuvres de Diderot il y a un *Traité sur les passions*, un *Code de la Nature* et d'autres rapsodies que celui-ci n'a jamais lus.»

Изъ С.-Петербурга, отъ 17 января 1774 г.: «Je crois que Denis ne voyagera pas avec le prophète (т. е. самимъ Гриммомъ) et que le prophète ne voyagera pas avec Denis, et qu'ils en sont tous les deux bien fâchés. Mais l'un veut aller par le plus court chemin à la Haie, l'autre par Berlin, Gotha et Darmstadt à Paris, et peut être aussi par Varsovie. Il n'y a pas moyen d'arranger leurs convenances réciproques. Denis a demandé à Sa Bienfaitrice un conducteur et elle est occupée à lui en chercher un qui le livre sain et sauf à la Haie, et le prophète a la tête sans dessus dessous et voudrait concilier des choses inconciliables...»

Изъ С.-Петербурга, отъ 7 февраля 1774 г.: ...«Je crois vous avoir mandé le sort de Denis. L'Impératrice le fait conduire par Mr. Balla, Grec, homme aimable et sûr, en Hollande. Je crois que sous quinze jours il ne sera plus ici. Dieu sait par où ils prendront. Je l'exhorterai bien fort à aller faire sa cour à Mr. de Heldenruh (le roi 'e Prusse?), mais en ce genre personne n'a moins de crédit sur lui que moi, parce u'il faut le traiter comme un enfant, gronder, tonner, et que je ne sais empiéter sur ı liberté naturelle de personne, pas même des enfants. Vous avez bien raison, le foyer ıe toutes les injures qu'on vomit contre lui est à Paris, et je le connais bien, mais

c'est sa faute. Il écrivit il y a deux ou trois ans une lettre fort inconsidérée aux libraires de l'Encyclopédie contre un certain Luneau de Boisjermain qui leur avait intenté un procès. Il avait reçu ce Luneau chez lui vingt fois comme cent autres polissons dont il ne sait pas le nom. Les libraires firent imprimer sa lettre à la suite d'un de leur plaidoyer, elle était déplacée en tout sens. Denis l'avait écrite cinq ou six jours après mon départ pour l'Angleterre, it s'était bien gardé de la montrer à qui que ce soit, car quand ou veut faire une sottise, il faut savoir soigneusement s'en cacher à ses amis. Luneau n'a cessé depuis ce moment de l'accabler d'horreurs de toutes espèces, et comme par le commerce de la librairie qu'il fait il se trouve en liaison avec tous les journalistes et tous les libraires, il a eu soin de le suivre à la piste dans son voyage jusqu'ici. Je ne doute pas que Mr. le pasteur Formey ne s'approvisionne à cette boutique là, et que le polisson inconnu qui écrit d'ici ne tire aussi son poison de ce côté là. Ce qu'il y a de bon, c'est que Denis ne sait rien de toutes ces horreurs là, et sans l'avis charitable que je ne sais qui lui a donné qu'il courait ici une critique de ses prétendues oeuvres imprimée à Berlin et composée par une main très-illustre, il n'aurait eu aucun soupçon de tous ces orages, Ce qu'il y a encore de mieux, c'est que l'Impératrice est enchantée de Denis et que par conséquent il a fait un très beau voyage. D'ailleurs il a été aussi étrange ici qu'à Paris et comme on n'est pas fait ici à ces allures, il l'a paru bien d'avantage. Au reste, Monsieur le comte, je vous prie de ne faire aucun usage des détails que je vous fais ici, ni même de vous informer d'avantage de la source dont toutes ces horreurs sont sorties. Tout cela retombe bientôt dans la boue, son premier élément, qu'il ne faut jamais remuer de peur de s'empester. De même je n'ai pas fait un usage très modéré, mais je n'ai fait aucun usage quelconque à l'égard de certain colonel de tout ce que vous m'avez mandé sur ce chapitre.»

Изъ С.-Петербурга, отъ 1 марта 1774 г.: «Denis a encore été malade. Il doit prendre congé de l'Impératrice cette après-midi et au sortir passer chez moi. Il veut partir ces jours ci avec son Grec, conducteur impérial. Il ne s'agit pas de passer par vos cantons. Il a eu l'air de se laisser persuader par le comte de Goerz, mais c'était une conversion hypocrite, dont je ne fus pas la dupe. L'Impératrice lui a donné trois mille roubles pour ses frais de voyage qui ne lui couteront rien, puisqu'elle le fait reconduire. Elle lui a donné aussi une bague avec son portrait en camée. C'est une charmante femme outre que c'est un grand'homme, personne n'est plus pénétré de cette vérité que moi. Celui qui a dit qu'on s'est opposé en France au voyage de Denis, n'a pas menti, mais il a dit la chose qui n'est pas. Mr. le Duc d'Aiguillon depuis qu'il est ministre s'est toujours piqué de s'intéresser à Denis, et à son départ il lui a dit, que non seulement il consentait à ce voyage, mais qu'il l'approuvait très-fort. Cela est un peu différent de la version qu'on fait courir à Berlin.»

Изъ С.-Петербурга, отъ 11 марта 1774 г.: «Denis est parti samedi dernier par le plus court chemin pour la Haye. Si notre général (Бауръ?) s'est laissé leurrer par l'ambassadeur (comte Goerz) des alten Fuchs (Фридриха II), Denis au contraire a leurré l'ambassadeur, mais n'a jamais eu idée de changer d'avis. Je m'acquitterai auprès du général (Baur) de votre commission. Vous ai-je dit que Denis a eu de son auguste bienfaitrice trois mille roubles et une bague avec son buste en camée. Denis avait conclu un traité avec elle qu'elle ne lui donnerait rien, afin d'ôter à son voyage tout air d'intérêt. Sa Majesté y a consenti à condition de lui payer les frais du voyage, et

elle lui a fait donner ces trois mille roubles; mais comme c'est elle qui le renvoie, ces frais du voyage arriveront intacts à Paris.»

Неизданныя письма ландграфини Каролины Гессенъ-Дарміштадтской къ графу Нессельроду содержатъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ ея къ современнымъ ей представителямъ умственнаго движенія, рѣшаемся привести здѣсь выписки изъ этихъ писемъ, хотя неимѣющія прямаго отношенія къ перепискѣ Императрицы Екатерины II съ Фальконетомъ.

Le 16 Août 1761: «Il m'arrive souvent, Monsieur, de m'expliquer très gauchement. Je n'ai pas voulu dire que Hume combattait votre opinion sur l'ouvrage de la création, je venais de le lire. Son chapitre des miracles me parut fait pour ne vous point déplaire, et je vous en parlais, tel était mon but en vous écrivant. Je m'en vais demander à Paris la déclaration du Roi et les arrêts contre les jésuites: je ne les aime pas, non par préjugé, mais par ce que je trouve leur système pernicieux, cela n'empèche pas que je ne rende justice à ceux de leur ordre qui se distingueront par leur esprit et leurs sentiments. J'ai été touchée de la mort du cardinal Passionéi; vous m'avez donné de l'amitié pour lui, J'ignorerais l'affaire du 5 sans vous, Monsieur, je suppose, cependant, qu'elle n'aura pas été considérable».

«Je suis contente du portrait que l'on m'a fait de la future Reine d'Angleterre, elle n'est ni bien, ni mal de physionomie, le teint est beau, les yeux assez bien, la bouche grande, la taille, la gorge, les bras et les mains jolies, l'humeur égale, le caractère gai, même un peu sans-souci et regardant avec assez d'indifférence sa grandeur future. Sa soeur aînée doit avoir plus d'esprit et de connaissances, mais bien du monde préfère la Reine. De la Silésie pas un mot, adieu, Monsieur, vous savez quelle est mon estime sincère pour vous.» Caroline de Hessen-Darmstadt. «Mon frère est depuis avant-hier à Schwetzingen pour le gala, je reviens demain.»

Ландграфиня Каролина писала графу Нессельроду: «à Bousviller le 16 Janvier 1762. Le comte de Wittgenstein à fort bien fait de vous laisser dormir, et dans l'incertitude où je suis si Wiedemann aurait les mêmes attentions, j'ai envie de lui ordonner de ne vous remettre mes lettres du lundi qu'après s'être informé, si vous avez resté au bal jusqu'à six heures du matin; j'admire votre complaisance, Monsieur, mais il est reçu que l'on ne parvient à plaire qu'en consacrant la moitié de sa vie à la gêne et à l'ennui. Les tables ne nous ont rien ordonné sur cet article. J'ai cru, Monsieur, et Helvétius l'a dit, qu'après quarante ans nous restons à peu près tels que nous avons été, cependant lorsque je m'examine, il me s'emble que j'ai moins de préjugés que je n'en eus il y a un an, je ne sais à qui je dois ces progrès, vous ne voulez pas que ce soit à vous, Monsieur... Vos griefs contre la cour Palatine m'ont paru fort plaisant, ce n'est en vérité pas à vous, Monsieur, à lui faire les reproches en question. Puis-je sans indiscrétions conserver la traduction de la lettre de Roxane, je la trouve parfaite; la mienne est au feu. Tout ce que je ferai pendant un certain temps ne vaudra rien, j'acquiers des mots, des phrases, mais je ne sais point encore les arranger et leur donner ce liant, ce sonore, qui plait et qui attache. Soit dit à vous. Monsieur, je n'ai jamais songé, ni ne songerai à donner Mr. de Boulach à mon fils. Il est vrai qu'on a voulu m'en donner l'idée, j'ai protesté, dès lors je n'y ai plus pensé. Il vient; on me l'avait donné pour un homme d'un mérite supérieur, je ne le trouvais

pas tel; j'ai cru mal juger et je voulais votre sentiment; il est conforme au mien et j'en suis flattée, je trouve fort singulier qu'on ait parlé à (l'intendant) de le faire gouverneur de Louis; je juge par là que l'on voulait arranger cette affaire et qu'on a cru que je n'y resisterai point, peut-être Mr. Boulach ignore-t-il lui même tout cela; mais dût il avoir tout plein de mérite, un homme passé 60 ans n'est point celui qu'il faut pour un enfant de 9 ans; il y a trop de disproportion d'âge. Le mémoire de Mr. de Fuentos m'a paru tout comme à vous, Monsieur, une déclaration contre Mr. Pitt; je ne désespère pas de le revoir à la tête du ministère, et alors je compte sur la Silésie. Je me défie du nouveau ministère; n'en déplaise à la mère du Roi et a son protégé. Dès que vous m'assurez, Monsieur, que le Roi ne peut se sauver qu'à la faveur d'un embrassement général, je prendrai moi-même le flambeau de la discorde pour mettre le feu au quatre coins de l'Europe. On ne m'a rien écrit de Magdebourg de la neutralité pour Berlin et pour Dresde. Mes lettres sont du 6, mais on voit bien noir dans ce pays là; je ne verrai pas volontiers mon frère Frédéric à la tête de l'armée de Daun, je ne veux pas qu'il batte le Roi et je ne veux pas non plus qu'il soit battu. On m'avait déjà parlé de la possibilité de ce commandement, mais je ne trahirai jamais votre confiance. Pourquoi vos princes Saxons restent-ils à Strasbourg? Ma mère et ma tante sont ici depuis jeudi; attachée come je le suis à ma mère, son arrivée m'a fait le plus grand plaisir.

Vous me dites quelque chose de bien flatteur à propos des dates et naissances. Je n'oserais me l'approprier si je ne connaissais votre amitié pour moi, elle aveugle quelque fois, mais n'importe, conservez moi ce sentiment, je le mérite par mon estime pour vous. Caroline de Hessen-Darmstadt».

Ландграфиня графу: «à Bousviller le 30 Janvier 62. Enfin voilà un évènement heureux pour le Roi: Jugez, Monsieur, de l'impression que cette grande nouvelle a faite sur moi. Si j'étais catholique et dévote je ferais dire vingt mille messes pour le repos de l'âme de cette Impératrice (Елисавета), qui a la bonté de se laisser mourir dans un moment, où accablée du malheur de mes amis, j'allais me livrer à la crainte et au découragement. Non je ne puis vous dépeindre ce que j'éprouvais en apprenant cette nouvelle: ce moment était délicieux; mais je voudrais vieillir tout d'un coup d'un mois pour savoir le parti que prendra le nouvel Empereur (Петръ III). J'ai des moments de doutes et je ne les aime point à la suite de la joie; cependant tout calcul fait, il y a plus à espérer qu'à craindre et c'est ainsi que je me nourris. J'aurais voulu voir l'Impératrice Reine au moment où on lui annonça cet événement et je languis après les lettres de Magdebourg; on n'en savait rien le 20.»

«L'idée de Papelier est bonne. Les hauts et les bas de la cour Palatine font que rien ne m'étonne; ainsi l'audience publique donnée à M-me de Forbach ne me surprend point. Vous ne me donnez pas une grande idée du livre *de la nature*, je n'aime pas les imitations; elles sont presque toujours faibles. Vous me demanderez pourquoi donc je traduis? apprenez, Monsieur, que sans le savoir innocemment du monde je suis le bon ton. Grimm m'écrit il y a trois jours, que la poésie et la littérature allemande vont devenir à la mode à Paris. On étudie la langue allemande comme une langue savante, et Mr. Grimm prévoit que dans trois ou quatre ans d'ici personne ne pourra se montrer en bonne compagnie sans savoir l'allemand.»

«Ma mère vous fait mille compliments, Monsieur, et au prince Wittgenstein ajoutez

en beaucoup de ma part. Adieu, Monsieur, mon estime pour vous est bien vraie, bien sincère. Caroline de Hessen-Darmstadt.»

«Warkotsch à Prague, on voit donc qui le protège. Le Roi dans une lettre, écrite à Magdebourg depuis le complot, s'exprime ainsi: le philosophe dit qu'il est plus difficile de bien user de la bonne que de la mauvaise fortune, depuis qu'elle a fait divorce avec moi, j'ai bien appris à souffrir; mes ennemis, sans examiner si leurs projets ne les couvriront pas de honte, se croient tout permis contre moi.»

«Chévrier prétend être auteur du testament politique du Maréchal de Bellisle, Mr. de Kniphausen, frère de l'envoyé en Angleterre, m'a envoyé cet extrait d'Amsterdam».

Ландграфиня графу: «Le 10 Mars 1762. Permettez moi, Monsieur, de vous offrir ce porte-feuille; je n'ai pu trouver des étrennes aussi joliment ornées que celles que vous m'avez envoyées. Vous ferez des remarques, vous les noterez sur ces tablettes et vous me les communiquerez un jour; vous voyez que mon intérêt me guide. Ma mère a ordonné hier un bal à mon insçu qui a beaucoup amusé la jeunesse. Adieu, Monsieur, je souhaite que vous reveniez satisfait de votre voyage à Versailles, j'en suis occupée.»

Ландграфиня графу: «Le 4 Décembre 1763. Je suis depuis le 25 en couche d'un fils; convenez, Monsieur, que c'est une ridicule occupation à l'âge de 43 ans; mais la besogne faite, du moins suis-je bien aise de n'avoir pas fait une fille.

«Je n'entends plus parler de vous, à moins que notre ami Grimm ne me donne de vos nouvelles; vous ne m'avez cependant point oublié. Le comte Nesselrode est incapable d'oublier ses amis; j'ai vu Manheim, l'opéra, Schwetzingen, l'électeur, l'électrice. J'ai vu, j'ai vu, bien du monde et j'ai reconnu certains originaux d'après le tableau qu'un très bon peintre m'en avait fait. Adieu, Monsieur le comte, n'oubliez pas que j'existe et combien je vous estime.»

Во французскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Парижѣ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о пребываніи Гримма въ Россіи и при дворѣ Екатерины II:

Pétersbourg, 9 Novembre 1773. Monsieur Durand au Duc d'Aiguillon. Selon M. Grimm, Catherine se plaint qu'on lui prête des affections de haine qu'Elle n'a pas, et M. Diderot m'a dit qu'autant qu'il en pouvait juger par quelques mots échappés à cette Princesse, il entrevoyait que les esprits se ménageaient de manière à croire qu'ils ne tarderaient pas à s'entendre.

L'empressement de Catherine pour avoir une copie de la Révolution de Russie écrite par M. de Rulhière est grand, et peut-être est-il augmenté par l'impossibilité où s'est dit M. Diderot de la satisfaire. Elle l'a prié de lui dire du moins ce qu'il en pensait: «C'est un ouvrage, a répondu celui-ci, parfaitement écrit. Il sera dans deux «cents ans un morceau d'histoire des plus piquants. Je crois que l'auteur y a joint la «fable à la vérité, mais l'une et l'autre y sont si adroitement arrangées et unies qu'elles «font un même corps; et si ce n'est pas une histoire, c'est du moins le plus vraisem«blable et le plus beau des romans.

«Quant à ce qui vous regarde, Madame, si vous faites très-grand cas des bien«séances et des vertus, guenilles usées de votre sexe, cet ouvrage est une satyre contre «vous; mais si les grandes vues, les idées mâles et patriotiques vous intéressent d'avan-

«tage, l'auteur vous y montre comme une grande princesse, et à tout prendre il vous «fait plus d'honneur que de mal. — L'Impératrice a répliqué: Vous ne me donnez que «plus d'envie de lire cet ouvrage.»

Je me contente, Monseigneur, de vous montrer un désir que je sais de plusieurs personnes être plus grand qu'il ne devrait.

Versailles, 2 Décembre 1773. Le Duc d'Aiguillon à Monsieur Durand. «L'exhortation que vous avez faite à M. Diderot est très-bien placée. Je ne sais si l'on peut assez compter sur ses sentiments pour croire qu'il se conduira d'après les principes que vous lui avez rappelés. Son admiration continuelle pour l'Impératrice est une disposition bien prochaine à l'adulation. Ces observations ne nous empêcheront pas de rendre à M. Diderot la justice qu'il aura méritée et je présume que vous nous mettrez en état d'apprécier sa conduite et sa véritable valeur. Le livre qu'il a publié à son passage à la Haye et dont le Roi vous a chargé de déférer un passage à la cour de Pétersbourg n'est pas fait pour donner bonne opinion de son attachement à sa patrie.

Versailles, 5 Décembre 1773. Le Duc d'Aiguillon à Monsieur Durand, à Pétersbourg. Vous savez, Monsieur, que l'histoire de la Révolution de Russie appartient à son-auteur et que le Roi n'a aucune espèce de droit sur lui. A cet égard on m'assure que plusieurs personnes ont été en marché avec lui, par commission de l'Impératrice de Russie, pour en acheter le manuscrit. Je pense que c'est la seule voie par laquelle cette princesse puisse se le procurer. Vous mettrez donc votre attention à éluder toute insinuation qui tendrait à mettre le Roi dans cette affaire d'une manière quelconque.

Pétersbourg, 7 Décembre 1773. Monsieur Durand au Duc d'Aiguillon. J'apprends le changement survenu dans l'esprit de Catherine, — les reproches qu'elle se fait au sujet du partage de la Pologne, — ses tristes réflexions sur ce que la postérité dira de son règne, — le chagrin qu'elle a de voir la Russie ne faire qu'un second rôle et son repentir de s'être livrée au Roi du Prusse. — «Vous n'aimez pas ce Prince, disait-elle «à Diderot, non, répliqua celui-ci, c'est un grand homme mais un mauvais Roi et un «faux monnayeur. J'ai eu, dit-Elle en riant, ma part de sa monnaie.»

St-Pétersbourg, 31 Décembre 1773. Monsieur Durand au Duc d'Aiguillon. Les conférences entre Catherine et Diderot se succèdent sans cesse et se prolongent de jour en jour. Il m'a dit, et j'ai des raisons de croire qu'il n'est pas faux, qu'il a peint le danger de l'alliance de la Russie avec le Roi de Prusse et l'utilité de la nôtre. L'Impératrice, loin de blâmer cette liberté, l'a encouragé par ses gestes et par ses propos; mais Elle a peint, à son tour, Diderot, en disant qu'en certains points il avait cent ans, et qu'en d'autres il n'en avait pas dix. Son séjour et ses conversations avec l'Impératrice inquiètent M. le C-te de Solms et déplaisent à M. de Lobkowitz. L'un et l'autre ne seront pas moins *alertes* quand ils apprendront que M. Schoffer l'aîné a confié à M. de Nolken son admiration pour tous les établissements de Catherine et son dessein de voir de ses yeux ce qu'il entend vanter.

St-Pétersbourg, 29 Janvier 1774. Monsieur Durand au Duc d'Aiguillon. M. de Goertz a fait tant d'efforts auprès de Diderot pour l'engager à passer à Berlin à son retour qu'il n'a pu parler que d'après des ordres du Roi de Prusse. M. Diderot s'est refusé à ses instances et l'a déclaré à S. M. I. qui n'a fait qu'en rire. Il est

blessé d'une déclamation faite contre lui et insérée dans la Gazette de Berlin, et il a dit assez publiquement qu'il était surpris qu'un grand Prince voulut faire la guerre à un flibustier.

Versailles, 29 Janvier 1774. Le Duc d'Aiguillon à M. Durand à Pétersbourg. On ne peut que savoir gré à M. Diderot de travailler à détruire l'ascendant du Roi de Prusse sur Catherine. Si c'était l'effet d'un enthousiasme aveugle il pourrait l'éclairer, mais il tient peut-être à des causes sur lesquelles des raisonnements n'ont pas de prises.

St-Pétersbourg, 15 Février 1774. M. Durand au Duc d'Aiguillon. J'ai quelques preuves que M. Diderot et M. Grimm se sont comportés comme je le désirais.

La souveraine a reproché assez publiquement au dernier, mais en riant, de l'avoir traitée de femme à préjugés contre nous, — et le premier se trouvant au chevet du lit de cette Princesse, elle lui dit: pourriez-vous me donner un exemple du système dans lequel vous paraissez être, qu'il y a des méchants par principes. — «Je les prends, répondit-il, dans une classe éclatante; je nommerai à leur tête le Roi de Prusse». — «Je vous arrête là, dit-elle», sans s'en émouvoir davantage, et Elle changea de conversation.

St-Pétersbourg, 22 Février 1774. M. Durand au Duc d'Aiguillon. M. Diderot part jeudi. Il a borné à trois mille roubles et à quelques fourrures la magnificence avec laquelle S. M. I. voulait le dédommager des frais de son voyage. Il sera conduit par un courrier jusqu'à la Haye sans passer à Berlin. Le motif de son voyage à la Haye est de remettre à des imprimeurs un manuscrit sur les nouveaux établissements faits en Russie. Il traitera avec eux en même temps d'une nouvelle édition de l'Encyclopédie. L'ouvrage sera refondu et contiendra trente quatre volumes. L'Impératrice fera pour ce travail les avances d'une somme de deux cent mille livres et le débit s'en fera au profit des enfants trouvés de Moscou.

St-Pétersbourg, 4 Mars 1774. M. Durand au Duc d'Aiguillon. M. Diderot s'est chargé de remettre à M. de Noailles un paquet qui contient plusieurs états relatifs au commerce de la Russie et une carte de la mer Noire.

Ср. хвалебный отзывъ Дидерота о Фридрихѣ II въ «Oeuvres de D. Diderot», Paris, 1821, т. III, стр. 249 и въ рукописяхъ соч. Дидерота, хранящихся въ Им. Публ. Библ. въ Спб., т. V, стр. 23 и 24.

(77) Ландграфиня Каролина Гессенъ-Дармштадтская, супруга владѣтельнаго ландграфа Людвига IX, пріѣхала 15-го іюня 1773 года съ своими тремя дочерьми въ Царское Село. Князь Гр. Гр. Орловъ отправился утромъ того же числа на встрѣчу ландграфини, чтобы пригласить ее обѣдать въ его Гатчинскомъ имѣніи. Она пріѣхала туда послѣ двухъ часовъ. Князь, встрѣтивъ ее у кареты и ведя по лѣстницѣ, сказалъ ей, что она найдетъ у него нѣсколько дамъ. Каково же, пишетъ Императрица Екатерина II, было удивленіе ландграфини, когда она, войдя въ комнату, увидала тамъ меня съ одною графинею Брюсъ. Выѣхавъ изъ Гатчино, въ 5-ти или 6-ти верстахъ отъ Царскаго Села, Императрица, ландграфиня и принцессы, дочери ея, встрѣтились съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ. «Мой сынъ», пишетъ Екатерина II, «съ перваго же свиданія полюбилъ принцессу Вильгельмину». (см. Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. XIII, стр. 346—347; а о пріѣздѣ

въ Россію и пріемѣ ландграфини Каролины съ ея дочерьми см. Сборникъ, т. XIII, по азбучному указателю подъ именемъ «Каролина» ландгр. гессенъ-дармшт.). Подробныя свѣдѣнія о ландграфинѣ Каролинѣ и ея семействѣ находятся въ брошюрѣ Вальтера (Walther): «Die grosse Landgräfin Caroline von Hessen-Darmstadt», 1873.

Въ неизданныхъ письмахъ, обязательно сообщенныхъ редакціи «Сборника» гофъмейстеромъ граф. Д. К. Нессельродомъ, барона Гримма графу Нессельроду въ Берлинѣ находимъ слѣдующія свѣдѣнія о ландграфинѣ Каролинѣ Гессенъ-Дармштадтской. Гриммъ, въ письмѣ къ графу Нессельроду, пишетъ:

Отъ 11-го сентября 1773 года, изъ Риги: «Vous savez qu'il n'y a plusde princesse Wilhelmine et que nous sommes en possession d'une Natalia Alexejewna...»

Отъ 25-го сентября 1773 года: «Madame la Grande Duchesse vous fait mille compliments. Elle met toutes ses tribulations au pied de la croix grecque. Madame la Landgrave vous présente ses hommages. Vous savez que le mariage est fixé au 10 et que Madame la Landgrave part le 26. Elle aura un cruel voyage.»

Отъ 5-го октября 1773 года: «Madame la Landgrave me charge de mille choses et Madame la Grande Duchesse aussi. Nous parlons de vous très souvent. Elle m'ordonne de vous rappeller la benédiction que vous lui avez donnée, elle prétend que c'est elle qui lui a porté bonheur. Ne m'écrivez plus par Madame la Landgrave, car elle part le 26...»

Отъ 2-го ноября 1773 года: «Vous verrez donc Madame la Landgrave avant moi, et après vous avoir parlé d'elle et de l'Impératrice et de notre ami le général Bauer, elle vous parlera peut-être aussi de moi... Pour parler d'affaires plus sérieuses, j'aurai l'honneur de vous dire que le valet de chambre du Prince a vendu à son maître un des habits qui lui ont été confiés à Berlin, qu'il vous en a renvoyé le prix par Madame la Landgrave ou par quelqu'un de Sa suite, ainsi que l'autre habit en nature. Mr. Merck qui est avec Madame la Landgrave en qualité de trésorier s'est chargé de votre emplette de fourrure. Je n'ai pu le voir les derniers jours avant son départ... Je fais toujours votre cour à Madame la Grande Duchesse qui me charge toujours de mille choses.»

Отъ 19-го ноября 1773 года: «Voici une lettre pour Madame la Landgrave qui a sans doute la satisfaction de vous posséder et occuper dans ce moment.»

Отъ 25-го ноября 1773 года: «Dans une des causeries du fauteuil impérial et de la chaise prophétique, il a été question du fameux Schwedenborg. Ce visionnaire a écrit en latin ses rêveries, mais Madame la Landgrave a dit à l'Impératrice que ces écrits avaient été traduits en allemand. C'est cette traduction allemande que Sa Majesté voudrait avoir.»

Отъ 13-го декабря 1773 года: «Je désire, Monsieur le comte, puisque Madame la Landgrave est ordinairement imperturbable dans ses arrêts, qu'elle ne soit plus avec vous (à Berlin) à l'heure où j'ai l'honneur de vous expédier ce chiffon, car elle n'aurait pu être arrêtée que par une mauvaise raison de mauvaise santé. Je suis inquiet malgré moi et machinalement de ce rhume. Ce qui me rassure c'est que vous m'auriez écrit sans doute s'il y avait eu quelque chose à craindre. Madame la Landgrave après vous avoir parlé de l'Impératrice a donc eu la bonté de vous parler aussi de moi? Sa Majesté m'a lu hier la lettre de Madame Landgrave pendant que je jouissais des honneurs

du cabriolet. J'ai oublié de dire à Madame la Landgrave dans cette lettre que je vous supplie de lui dépêcher que je crois que nous serons logés plus près de la cour dans une maison tant à côté de celle de Mr. le Comte de Bruce. Faites moi la grâce de lui dire cela.»

Отъ 21-го декабря 1773 года: «Mandez moi quelques détails sur le séjour de Madame la Landgrave à Potsdam, Sans-Souci etc. Cela ne sera pas perdu lorsque je me trouverai dans le cabriolet», т. е. чтобы доложить объ этомъ Императрицѣ.

Отъ 30-го декабря 1773 года: «Savez vous, Monsieur le comte, que je suis bien inquièt de la Santé de notre chère Landgrave. La lettre qu'elle m'a écrite par Mr. le comte de Goerz m'a alarmé. Qu'en pensez vous? Tranquilisez moi si vous pouvez.»

Отъ 7-го января 1774 года: «Je suis bien charmé que ce paquet ait été retardé à la poste, car vos nouvelles de la santé de Madame la Landgrave jointes aux inquiétudes que j'avais déjà m'auraient cruellement alarmé. Heureusement j'eus hier aussi une lettre de Madame de Bùchwald qui m'apprit le passage de notre chère Landgrave par Gotha. Elle se portait mieux. La toux existait, mais avec moins d'oppression, le sommeil et l'appetit étaient bons; ainsi me voilà tranquille, et je ne crains plus pour le reste du voyage ni pour ses suites. Vous me ferez un sensible plaisir si vous pouvez me persuader qu'elle vous a comblé de bienfaits dans tous les genres parcequ'en ce faisant, elle aura rempli, sans me consulter, un des voeux les plus chers de mon coeur. Mr. de Moser a-t-il été dans la suite de Madame la Landgrave à Berlin et Potsdam, comme les gazettes l'ont dit?»

Отъ 14-го января 1774.года: «J'ai reçu, Monsieur le comte, votre lettre du 28 décembre, et je suis pressé de vous charger de mon apologie auprès de mon héros de Reinsberg (le prince Henri). Vous m'avez sensiblement affligé en me disant que S. A. R. se plaint de mon oubli. Ce que je crains le plus c'est qu'il n'y ait eu une de ses lettres perdue. Je n'ai jamais reçu ici de lettre de S. A. R. que deux jours après mon arrivée; elle était datée du 3 septembre. Je confesse que j'y ai répondu bien tard, mais Madame la Landgrave a pu dire à S. A. R. toutes mes tribulations, toutes mes perplexités, toutes mes anxiétés, et me faire obtenir grâce aux yeux du plus généreux et du plus juste d'entre eux qui ont arrosé la terre de sang humain. Le roi m'a honoré de deux lettres depuis que je suis ici; j'espérais au moins en recevoir une de celui dont la protection immédiat a eu pour moi tant de suites heureuses et inattendues. J'espérais pouvoir m'en vanter à l'Impératrice, car enfin nous nous communiquons nos petits secrets. Elle me le dit bien quand elle a reçu une lettre de son ami de Reinsberg, pourquoi ne le lui rendrais-je pas... Je fais votre cour à Madame la Grande Duchesse; comptez qu'elle fera honneur à votre protection et à la mienne; elle se conduit comme un ange. Nous savons que Madame la Landgrave est arrivée à Darmstadt, etc.»

Отъ 7-го февраля 1774 года: «Je suis inquièt de Madame la Landgrave, nous sommes depuis douze jours sans aucune nouvelle.»

Отъ 1-го марта 1774 года: «... Mais ce qui m'afflige profondément, Monsieur le comte, et ce qui m'a donné un coup de massue au milieu de ma fièvre, c'est la lettre de Madame la Landgrave dont vous m'avez fait l'extrait. Je tremble en attendant le courrier prochain. Je ne me consolerai jamais de la perte de cette respectable Prin-

cesse, parceque c'est un de ces événements sur lequel je ne me suis jamais arrangé, par la force de sa constitution je lui donnai cent ans de vie. Mon Dieu, que cette perte serait cruelle pour ses enfants et son pays! Pour moi s'en serait une des plus sensibles que je pusse faire. Donnez moi de meilleurs nouvelles de Darmstadt si vous pouvez.»

Отъ 11-го марта 1774 года: «Votre dernière lettre avec les extraits de la lettre de Madame la Landgrave m'avait tellement consterné qu'elle a beaucoup contribué à la continuation de ma maudite fièvre. Mais les nouvelles que Madame la Grande Duchesse a eues depuis sont tout à fait rassurantes. Notre Prince part Mardi prochain pour l'armée accompagné du major de Pistor.»

Отъ 28-го марта 1774 года: «L'état de Madame la Landgrave m'a d'ailleurs mis une telle consternation dans l'âme depuis un mois que j'en suis hébété. Je ne me consolerai jamais de la perte de cette digne et respectable Princesse, car, mon cher comte, c'est une femme perdue. L'Impératrice, le Grand Duc et la Grande Duchesse se flattent sur son état, moi je le vois tel qu'il est et j'en meurs de douleur. Je me doutais bien de l'arrêt du médecin de Manheim que vous me mandez. On a mandé à Madame la Grande Duchesse que ce médecin avait dit qu'il n'y avait pas encore de mal, mais qu'il était temps de songer à remédier, cela est naturel. Sur quoi Sa Majesté a fait partir une estafette chargée d'une lettre d'elle, d'une du Grand Duc, d'une de la Grande Duchesse pour la conjurer de faire les remèdes qu'on lui prescrivait. Vains conseils! Notre chère Landgrave pense malheureusement plus juste qu'il n'y a point de remède contre le mal dont elle est attaquée. Je fais de vains efforts pour lui écrire depuis un mois, la plume me tombe des mains à chaque essai. Je ne me flatte plus de la revoir, et cette idée me consterne et m'atterre.»

Отъ 12-го апрѣля 1774 года: «Ne croyez pas que depuis plus d'un mois je me sois jamais flatté un moment sur l'état de Madame la Landgrave; mais je ne me fais pas pour cela a l'idée de sa perte quoiqu'elle me paraisse inévitable, cette cruelle nouvelle m'a plus assommé que ma fièvre.»

Ландграфиня Каролина умерла 19 (30) марта 1774 года.

(78) См. выше на стр. 164 — № 124; 165 — № 125; 172 — № 131 и 200—202 — №№ 162 и 163. Предлагаемое Императрицѣ Екатеринѣ II сочиненіе объ античномъ костюмѣ издавалось подъ наблюденіемъ Бардонъ (Michel François d'André Bardon) и носитъ заглавіе «Costume des anciens peuples à l'usage des artistes», Paris, Jombert, 1772, 3 vol. gr. in 4⁰ fig., и стоитъ отъ 30 до 36 франковъ. Брюне увѣряетъ, что исполненіе этого предпріятія весьма посредственное, доски не самаго лучшаго и оконченнаго исполненія. Существуетъ еще одно изданіе этихъ «Костюмовъ», исполненное подъ наблюденіемъ Николая Кошена, 1784 года 2 тома въ 4-хъ частяхъ, gr. in 4⁰, и фигуры (см. Brunet «Manuel du libraire», т. I, стр. 654, № 29007). Бардонъ д'Андре родился въ Провансѣ 1700 г., ум. 1783 г.; ученикъ К. Ванло, въ 1737 году онъ получилъ мѣсто при Корол. Академіи Художествъ въ Парижѣ. Затѣмъ назначили его директоромъ Академіи въ Марсели, но онъ оставался въ Парижѣ, гдѣ ему покровительствовалъ маркизъ де Мариньи, которому онъ и посвящалъ всѣ ученыя работы свои. Онъ преподавалъ въ королевской школѣ рисованія исторію, географію и другія отрасли наукъ. Въ 1753 году онъ прославилъ свое имя эскизомъ, имѣющимъ предметомъ представленіе Сократа, выпивающаго

чашу съ ядомъ. Изъ его сочиненій извѣстны слѣдующія: «Les élements de l'art de dessiner par A. Bardon», Paris 1762, in 4°. 2) «Vie de C. Vanloo», Paris, 1765, in 8°. 3) «Traité de peinture suivi d'un essai sur la sculpture, pour servir d'introduction à une histoire universelle relative à ces Beaux arts», Paris, 1765, 2 vol. in 8°. 4) «Histoire universelle traitée relativement aux arts de peindre et de sculpter», Paris, 1769, 3 vol. in 12°. Объ этомъ сочиненіи Бардона существуетъ остроумная критика Дидерота, которая начинается словами: «Cet ouvrage est de M. André Bardon ou comme l'appellent les élèves *Dindon Bardé*» (см. рукописи соч. Дидерота, хранящіяся въ Им. Публ. Библіотекѣ въ Спб., т. XV, стр. 29). 5) «Costume des anciens peuples», Paris, 1772; всего 31 тетрадей. Существуетъ и нѣмецкое изданіе этихъ «Костюмовъ античныхъ» (см. J. D. Fiorillo «Geschichte der zeichnenden Künste in Frankreich», т. III, стр. 325; G. K. Nagler «Allgemeines Künstler-Lexicon, т. I, стр. 272; и Füssly.

(79) Дасье, рожденная Танегю Лефебръ (Tanneguy Lefebvre) дочь знаменитаго профессора въ Сомюрѣ, родилась 1651 г. ум. 1720 г. Она изучила вмѣстѣ съ г. Дасье у отца своего древнихъ классиковъ, потомъ и вышла замужъ за сотоварища своего по изученію древняго міра; мужъ ея впослѣдствіи былъ непремѣннымъ секретаремъ французской Академіи Наукъ.

Госпожа Дасье извѣстна какъ превосходная переводчица Анакреонта, Плутарха, Гомеровой Иліады и Одиссеи. Она яростно и въ несдержанныхъ выраженіяхъ защищала Гомера противъ непочтительныхъ выраженій ученыхъ Ламотта и Гардуина. Буалò восхвалялъ ее всюду и превозносилъ ее до крайнихъ размѣровъ, достоинство ее Буалò ставилъ несравненно выше заслугъ мужа ея. (Ср. Dacier (Anna de Febvre) «Cause de la corruption du goût ou Homère défendu»).

Вольтеръ въ своемъ Dictionnaire philosophique, томъ VII (Oeuvres, т. XXXIII, изданіе 1785 г.) на стр. 156 и слѣдующ. о Дасье говоритъ: «Par exemple Dacier et son illustre épouse étaient, quoiqu'on dise, des traducteurs et des scoliastes très-utiles. C'était encore une des singularités du grand siècle, qu'un savant et sa femme nous fissent connaître Homère et Horace, en nous apprenant les moeurs et les usages des Grecs et des Romains, dans le même temps où Boileau donnait son Art poëtique, Racine Iphigénie et Athalie Quinauld Atys et Armide, où Fénélon écrivait son Télémaque, où Bossuet déclamait ses oraisons funèbres, où Le Brun peignait, où Girardon sculptait, où Ducange fouillait les ruines des siècles barbares pour en tirer des trésors etc. etc. remercions les Dacier mari et femme.»

На стр. 164 l. c. Вольтеръ обращается къ г. Дасье: «A Madame Dacier, sur Homère, Madame, sans vouloir troubler la paix de votre ménage, je vous dirai que je vous estime et vous respecte encore plus que votre mari: car il n'est pas le seul traducteur et commentateur, et vous êtes la seule traductrice et commentatrice. Il est si beau à une Française d'avoir fait connaître le plus ancien des poëtes, que nous vous devons d'éternels remercîments. Je commence par remarquer la prodigieuse différence du grec à notre welche, devenu latin et ensuite français...» и кончаетъ остроумно: «Nos vers français, cent fois plus difficiles à faire que des vers grecs, n'aiment point ces détails (grecs). J'ose vous répondre qu'aucune de nos dames ne vous lira. Et que 'endrez-vous sans elles? si elles étaient toutes des Dacier, elles vous liraient encore

moins. N'est-il pas vrai, Madame? on ne réussira jamais, si on ne connaît bien le goût de son siècle et le génie de sa langue.»

(80) Атеней, греческій грамматикъ, называютъ его также риторомъ, софистомъ и философомъ, современникъ императора Коммода (228 г.), род. въ Навкратисѣ въ Египтѣ; жилъ долго въ Александріи, гдѣ пользовался богатѣйшими литературными сокровищами александрійской библіотеки. Затѣмъ отправился въ Римъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Изъ всѣхъ его сочиненій сохранилось лишь одно, извѣстное подъ названіемъ «Deipnosophistae, т. е. трапеза ученыхъ». Въ этомъ, на 15 книгъ раздѣленномъ сочиненіи, приведено до 1500 потерянныхъ для насъ сочиненій древнихъ авторовъ. Богатѣйшій источникъ для изученія культурной стороны античной жизни. Единственная рукопись этого сочиненія хранится въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи; первое изданіе вышло въ 1514 г. у Альда Мануція племянника. Лучшимъ изданіемъ считается І. Швейггэйзера 1801—1807 г., къ греческому тексту приложенъ Латинскій переводъ. Въ новѣйшее время Фридрихъ фонъ Раумеръ, Ф. Ранке сильно нападаютъ на Атенея за пустоту основной идеи и за нелѣпость содержанія его сборника о винѣ, кушаньяхъ, женщинахъ, любви и пр. В. Гельбихъ, секретарь археологическаго института въ Римѣ, упрекаетъ его въ небрежности при цитатахъ изъ авторовъ, и указаніяхъ на сочиненія, коими онъ пользовался.

На французскомъ языкѣ существуютъ два перевода Атенея: 1) Les quinze livres des Deiphnosophistes d'Athénée, traduits pour la première fois en français, par M. de Marolles, sur le grec original, d'après les versions latines de Natalis Comes de, Padone et de Jacques d'Alechamp, de Caen. Paris, Jacques Langlois. 1680, in 4°. Переводъ довольно хорошъ и до сихъ поръ въ цѣнѣ.

2) Другой переводъ Атенея явился въ 1789—91 г., въ 5 томахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Banquet des savans», trad. par J.—B. le Febre de Villebrune. Paris. Lamy. Переводъ неточенъ и написанъ тяжеловатымъ слогомъ. (Ср. Paulys, «Real-Encyclopaedie der classischen Alterthumswissenschaft», I, стр. 1985—1986 и Brunet «Manuel du Libraire», томъ I, стр. 535 и 536.

(81) Адаму Васильевичу Олсуфьеву, состоявшему въ Кабинетѣ и при собственныхъ Ея Имп. Величества дѣлахъ, часто Екатерина II поручала денежныя дѣла. Всего лучше эта сторона дѣятельности Олсуфьева выясняется изъ напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. писемъ Имп. Екатерины II къ Ад. Вас. Олсуфьеву. И по другимъ извѣстіямъ знаемъ, что онъ занимался подобнаго рода денежными дѣлами. Такъ въ 1767 году Императрица поручила ему перевести требуемыя для русскимъ студентовъ, обучавшихся въ Лейпцигскомъ университетѣ, деньги, кои наставникъ студентовъ, маіоръ Бокумъ, требовалъ. (См. XVIII вѣкъ П. И. Бартенева, т. I, стр. 240 и Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. X, стр. 115; и по указателю къ этому Сборнику подъ именемъ А. В. Олсуфьевъ).

(82) Сынъ Фальконета пріѣхалъ въ С.-Петербургъ 19 августа 1773 года. Фальконетъ писалъ Императрицѣ о пріѣздѣ сына, 20 августа 1773 г., «Фальконеты такъ и сыплются на Петербургъ. Вчера вечеромъ вдругъ пріѣзжаетъ изъ Лондона мой сынъ, не предупредивъ меня ни словомъ» (выше стр.196). Императрица отвѣтила 22 августа: «Я рада буду видѣть работу вашего сына, я видѣла труды его награвированными, и мнѣ показались они очень хорошими» (стр. 197). Затѣмъ

Фальконетъ написалъ портретъ госпожи Колло, по желанію Императрицы. Екатерина II писала Фальконету 16 сентября: «вы принесете мнѣ портретъ госпожи Колло послѣ завтра, говорятъ, что онъ очень похожъ.» Видно, что портретъ Колло понравился Императрицѣ и ему заказанъ былъ портретъ Императрицы Екатерины II, и во второй половинѣ сентября и въ началѣ октября 1773 г. онъ занимался исполненіемъ дѣла. Фальконетъ, отецъ, писалъ Имп. Екатерины II (стр. 204): «Ни сынъ мой, ни я никогда не подумали, что путешествіе его доставитъ ему эту честь; если работа понравится Вашему Величеству, то предъ нимъ откроется счастливая будущность, въ какой бы то ни было странѣ, если только онъ съумѣетъ поддержать свое счастье.» О помянутомъ въ этомъ письмѣ *балѣ* въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ 1773 г., на страницѣ 763 и слѣд. записано слѣдующее: «20-го числа сентября мѣсяца, въ пятницу, въ денъ торжества рожденія Его Имп. Высочества при дворѣ Ея Имп. Величества происходило нижеслѣдующее: «А въ вечеру, по собраніи ко двору знатныхъ обоего пола персонъ и чужестранныхъ министровъ въ галлерею, куда въ началѣ 7-го часа Ихъ Имп. Высочества и ихъ свѣтлости ландграфиня съ принцессами, принцъ Гессенъ-Дарміштадтскіе изволили прибыть, начался балъ; начинали ихъ Высочества. По начатіи бала и Ея Имп. Величество прибыть изволила, и, по вступленіи въ галлерею, отъ чужестранныхъ министровъ принявъ поздравленія, жаловать соизволила къ рукѣ. Въ продолженіе бала съ знатными персонами и чужестранными министрами Ея Величество забавлялась въ карты, и предъ окончаніемъ бала отбыла во внутренніе апартаменты.»

Смотри о Фальконетѣ сынѣ: Gazette des Beaux-Arts. Août 1869. «Maurice Falconet et Anna Collot», и «Oeuvres de D. Diderot», Paris, 1821, т. X, стр. 122.

(83) Въ 1773 году оберъ-гофмаршаломъ былъ князь Николай Михайловичь Голицынъ; онъ родился 8 января 1727 г., † 2 января 1786 г.; жен. на Екатеринѣ Александровнѣ Головиной. Сынъ извѣстнаго фельдмаршала и Верховнаго тайнаго совѣта члена князя Михаила Михайловича старшаго; а братья его, одинъ, князь Александръ Михайловичь, былъ фельдмаршаломъ, а другой, князь Дмитрій Михайловичъ, памятенъ какъ учредитель Голицынской больницы въ Москвѣ, и находился 30 лѣтъ посломъ въ Вѣнѣ. О немъ сравни: Росс. Родословная Книга кн. П. Долгорукова, Спб. 1854, т. I, стр. 289 и 312, и Росс. Родословный Сборникъ кн. П. Долгорукова, стр. 118. «Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ 1773 г.» Спб. изд. при Академіи Наукъ. и Бантыша-Каменскаго Списокъ Кавалерамъ, Москва 1814 г., стр. 222 и 304.

(84) Объ этихъ сеансахъ ничего не записано въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ за сентябрь и октябрь мѣсяцы 1773 г.

Намъ извѣстно одно изображеніе Императрицы Екатерины II въ ростъ, работы Фальконета сына. Императрица изображена стоящей въ парчевомъ платьѣ и голубой симмарѣ, вышиною 53 вершка, шириною 36 вершковъ. Принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа (№ 215) и находится теперь въ Англійскомъ дворцѣ въ Петергофѣ. Этотъ портретъ въ натуральную величину выставленъ былъ обществомъ [illegible]енія художниковъ, въ 1870 г., на выставкѣ историческихъ портретовъ лицъ [illegible]-XVIII вв. Онъ описанъ П. Н. Петровымъ въ каталогѣ этой выставки, Спб. [illegible] г. 2-ое изданіе, на стр. 110, № 390. Но тамъ показано невѣрно, что этотъ [illegible]тъ писанъ Фальконетомъ сыномъ въ *1769* году. Изъ письма Фальконета

отца, видно (см. выше на стр. 196) что сынъ его пріѣхалъ изъ Лондона въ С.-Петербургъ *только 19 августа вечеромъ 1773 г.* (см. выше письмо Имп. Екатерины II отъ 6 декабря 1773, стр. 212).

(85) Всѣ ли помянутыя картины поступили въ эрмитажную галлерею? намъ не извѣстно.

Указаніе на картину Рубенса *Лотъ съ семействомъ* (№ 4, стр. 208), о которой Фальконетъ говоритъ, что она гравирована и ея репутація сдѣлана, въ оффиціальномъ каталогѣ Эрмитажа не находится.

Картина Рубенса Лотъ, жена и дочери его, сопровождаемые при выходѣ изъ Содома ангелами, награвирована Форстерманомъ и посвящена Іоанна Бранту, тестю Рубенса. Для извѣстной большой иллюстрированной Библіи Фишера эта картина гравирована съ оборотной стороны. О другихъ исполненіяхъ Рубенса, того же библейскаго сюжета, см. Наглера Künstler-Lexicon, т. XIII, стр. 544. Картина Піетро Франчески Мола—*Бѣгство въ Египетъ* также не обозначена въ оффиціальномъ каталогѣ Эрмитажа; но тамъ находится другая картина Мола, поступившая туда изъ коллекціи Крозà, Отдыхъ въ Египтѣ (Repos en Egypte, № 207, стр. 46). Замѣчательно, что одновременно предлагались Имп. Екатеринѣ II двѣ картины этого мастера; до того времени ни одной картины этого художника не было въ картинной галлереѣ Эрмитажа.

Картина фанъ Гоена (Goyen. Jan van) *Зима* (№ 8, стр. 209). Въ эрмитажной картинной галлереѣ дѣйствительно находится картина фанъ Гоена съ изображеніемъ зимняго ландшафта (№ 1129, стр. 236). О другихъ картинахъ Фальконетъ говоритъ слишкомъ неопредѣленно и потому нельзя рѣшить, дѣйствительно ли они поступили въ эрмитажную галлерею.

(86) Филиппъ Яковъ Лутербургъ, живописецъ и граверъ, родился въ Страсбургѣ въ 1728 или 1729 г., умеръ въ Чисвикѣ (Chiswick) 1812 г. Учился сначала у отца своего о которомъ не сохранились извѣстія, знаютъ только, что онъ занимался миніатюрною живописью; затѣмъ онъ отправился въ Парижъ и работалъ подъ руководствомъ художника Казанова; въ 1763 году французская академія живописи приняла его въ число своихъ членовъ; въ 1767 г. онъ отправился въ Англію; съ почетомъ принятый, онъ на долгое время оставался въ этой странѣ; съ 1788 года замѣтно странное направленіе способностей этого высоко даровитаго художника. Вслѣдствіе сильнаго на него вліянія извѣстнаго авантюриста Каліостро онъ принялся за изцѣленіе больныхъ и слѣпыхъ. Но до конца своей художественной дѣятельности, не замѣчался упадокъ его таланта, и всѣ картины этого художника высоко цѣнились и нравились его современникамъ. Екатерина II о немъ такъ отзывалась (стр. 212): «сказать вамъ по правдѣ, я не дорожу произведеніями Лутербурга; если бы фантазія эта пришла мнѣ въ голову, то я дамъ о томъ порученіе посланнику своему въ Лондонѣ Алексѣю Семеновичу Мусину-Пушкину». Дидеротъ отзывался восторженно о Лутербургѣ; ср. «Oeuvres de D. Diderot», Paris, 1821, т. VIII, стр. 278 и слѣд. Salon de 1765; сравни также и сочиненіе К. Розенкранца: «Diderot's Leben und Werke», 2 Bände, Leipzig, 1866 г., т. II, стр. 148, 163 и 182. Довольно справедливая оцѣнка значенія этого художника находится у *Fiorillo,* Geschichte der Malerei in Grossbritanien, т. V, стр. 807—812; у *Г. Форстера* въ его Geschichte

der Kunst in England, стр. 111—112; *Goede*, England etc. 122, 123; *Archenholz*, Annalen, т. XI, стр. 321; см. также *Nagler*, Künstler-Lexicon, т. VIII, стр. 82—84.

Извѣстный нашъ граверъ Гавріилъ Скородумовъ награвировалъ одну картину Лутербурга, именно его *Султаншу*, въ листъ, овальная, карандашнымъ маверомъ (crayon manier); см. Nagler, Künstler-Lexicon, т. XVI, стр. 174 № 24.

(87) Этотъ портретъ живописца Франца Снидерса, его жены и ребенка, написанъ Ванъ-Дикомъ; находится въ настоящее время въ Им. Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ; въ каталогѣ 1863 г. онъ отмѣченъ подъ № 627; но не сказано изъ какой коллекціи эта картина поступила въ Эрмитажъ. Профессоръ Г. Ф. Вагенъ (Die Gemäldesammlung in der Kaiserlichen Ermitage zu St. Petersburg, München, 1864, стр. 149) увѣряетъ, что эта картина коллекціи г. Жюли (Jully) и въ 1769 году продана была за 12820 франковъ, а затѣмъ она куплена была у госпожи Goenblodt въ Брюсселѣ за 9000 франковъ для Императрицы Екатерины II; сравни также Nagler, Künstler-Lexicon, т. XVI, стр. 543.

(88) Карлъ Луи Клериссо, родился въ 1721 году и умеръ въ Парижѣ, на 99 году своей жизни, 1820 года; живописецъ и архитекторъ; долго изучалъ искусство въ Италіи и работалъ 10 лѣтъ въ Римѣ, съ 1760—1770 г. Славился отличнымъ воспроизведеніемъ памятниковъ древняго зодчества, о чемъ съ большою похвалою говоритъ неоднократно Винкельманъ. Живопись его водяными на клею красками (гуашью), представляющая античныя развалины, славилась заслуженною извѣстностью; но человѣческія фигуры и животныя для его архитектурныхъ изображеній рисовалъ Антоніо Цукки, мужъ Анджелики Кауфманъ. Въ 1763 и 1764 гг. Клериссо, Антоніо Цукки и Доминикъ Кунеіо, славившіеся гравированіемъ крѣпкой водкой, родомъ изъ Вероны, работали въ Римѣ для шотландскаго архитектора Роберта Адамса. Общій трудъ этихъ художниковъ изданъ былъ, въ 1764 г., Адамсомъ подъ заглавіемъ: Ruins of the Palace of the Empereur Diocletian at Spalatro in Dalmatia by R. Adams. fol. 1764. Самъ Клериссо извѣстенъ какъ издатель «Древностей Франціи»; трудъ свой онъ началъ съ древнихъ памятниковъ города Нима. (Antiquités de la France; monumens de Nîmes, Paris 1778, in fol. max. avec 42 pl.). Этотъ сборникъ памятниковъ дополненъ и переизданъ былъ J. G. Легранд'омъ (Antiquités de la France, avec le texte historique et descriptif par J. G. Legrand. Paris. P. Didot l'aîné, 1806. 2 vol. in fol. max.; но въ первомъ изданіи оттиски съ досокъ гораздо лучше исполнены (см. Brunet. Manuel du libraire, т. II, стр. 106). Всѣ писатели по художеству съ большою похвалою отзываются о знаніи Клериссо по предметамъ художества, и о добросовѣстности исполненія его работъ, и глубоко должно сожалѣть, что возникли между Императрицею и Клериссо столь непріятныя недоразумѣнія, вслѣдствіе дурнаго пониманія и передачи ему приказаній Императрицы Екатерины II. Съ уваженіемъ о немъ отзывается *Фіорилло* въ своей исторіи живописи въ Франціи, т. III, вторая половина, стр. 400 и слѣд. и въ его исторіи живописи въ Германіи, т. III, стр. 425 и наконецъ въ его же исторіи живописи въ Великой Британіи т. V, стр. 710. Въ Künstler-Lexicon G. K. Nagler'a, т. III, стр. 8, мы, конечно, находимъ также одни только хорошіе отзывы о Клериссо (см. ниже на стр. 213, 221—223 и слѣд. этого тома Сборника).

(89) Французская фамилія знаменитаго скульптора Мартина фанъ денъ Баугертенъ (van den Baugaerten), ср. «Abecedario de P. J. Mariette», Paris, 1858—1859, и «Archives de l'Art Français», Paris, 1853, 6 livr., p. 96; родился въ Бреда, въ Голландіи, 1640 или 1632 г., умеръ въ Парижѣ въ 1694 г. Назначенъ былъ ректоромъ Королевской Академіи живописи и скульптуры. Извѣстенъ отличнымъ исполненіемъ въ 1686 году конной статуи Людовика XIV, которая поставлена была на площади побѣдъ въ Парижѣ. Она погибла во время больной революціи. Знаменитые граверы Эделинкъ и Одранъ награвировали это и другое конное изображеніе Людовика XIV, находившееся въ Ліонѣ; оно также погибло въ революціи. Въ литературѣ возникъ споръ о томъ, изъ какого металла отлита была эта статуя Людовика XIV на Place des Victoires. Французскіе писатели утверждаютъ, что она отлита была изъ бронзы, потомъ позолоченной. Вотъ что мы находимъ въ описаніи Парижа 1769 г. посвѣщенномъ начальнику полиціи де Сартину: «On y voit (place des Victoires) un piédestal de marbre blanc orné de bas-reliefs, qui représentent les exploits de Louis XIV. Aux quatre coins il y a quatre figures de bronze plus hautes que nature, enchaînés avec leurs armes, et au bas desquelles on lit des devises latines. Au-dessus est la statue de ce monarque (Louis XIV) revêtu de ses habits royaux, tenant sous ses pieds un lion terrassé, et derrière celle d'une victoire le pied sur un globe, qui lui met sur la tête une couronne de lauriers: *groupe magnifique de bronze doré*, fondu d'un seul jet, et de seize pieds de haut: le tout est du dessein de Desjardins. Les bas-reliefs en bronze qui occupent les quatre faces du piédestal: le premier représentant la préséance accordée à la France sur l'Espagne en 1662; le second, le passage du Rhin en 1672, le troisième, la conquête de la Franche-Comté en 1678; et le quatrième, la Paix de Nimegue en 1678. Deux petits bas-reliefs, dont l'un représente la destruction de l'hérésie; l'autre l'abolition des duels» (см. Le Géographe Parisien, Paris, 1769, т. II, стр. 194—195, и L. Prudhomme «Miroir de l'ancien et du nouveau Paris», 1804 г., т. I, стр. 131—135). Докторъ Мейеръ, напротивъ, увѣряетъ, что эта статуя отлита была изъ свинца, а потомъ уже позолотили ее. Вотъ его слова: «Auf dem Place des Victoires in Paris, ich rede vom Jahre 1782, sah ich noch die berüchtigte Statue Ludwig XIV., mit der Inschrift: Viro immortali. *Sie war aus Blei* gegossen und vergoldet: hinter ihr stand die Fama — vielleicht «postica»? — den König krönend mit dem Siegeslorbeer. Zu seinen Füssen krümmten sich, angekettet, winselnden Galeerensklaven gleich, die, saglich, von ihm besiegten Nationen. — Auch ein Deutscher war darunter!» Далѣе слѣдуютъ пустыя фразы (см. D. Meyer, Fragmente aus Paris, im 4-ten Jahre der französischen Republik, второе изданіе, 1798, стр. 53, т. I. Эта книга переведена была на французскій языкъ генераломъ Дюмурье, и его же Darstellungen aus Russlands Kaiserstadt, Hamburg, 1829, стр. 398. Это завѣреніе нѣмецкихъ писателей перешло и въ общедоступный лексиконъ Наглера. Онъ говоритъ: «Von Martin van den Baumgärten war auch die Statue Ludwigs XIV mit den vier Sklaven an dem Fussgestelle, *aus Blei* gegossen und vergoldet, ehemals auf dem Place des Victoires» (см. Naglers Künstler-Lexicon, т. I, стр. 326). Срав. Catalogue. Musée national du Louvre, 1873, стр. 120—123.

(90) Полагаемъ, что Фальконетъ тутъ говоритъ о графѣ Валентинѣ Платоновичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, род. 6 декабря 1735 г., ум. 8 іюля 1804 г.; хотя, какъ

видно изъ «Списка Воинскому Департаменту на 1771 г.», графъ Мусинъ-Пушкинъ уже 22 сентября 1768 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Въ 1772 году у графа Григорья Григорьевича Орлова былъ генералсъ-адъютантомъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ (ср. Мѣсяцесловъ съ росписью на 1772 г.). Съ 1775 г. подполковникомъ былъ Михаилъ Пушкинъ (ср. Списокъ Воинскому Департаменту на 1776 г.). Но вообще теперь трудно опредѣлить, о какомъ именно полковникѣ Пушкинѣ упоминаетъ Фальконетъ. Въ настоящее время у графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ этаго бюста Императрицы Екатерины II нѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

КОПІЯ СЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

(Сообщено изъ Моск. Архива Министерства Юстиціи Н. В. Калачевымъ.)

О монументѣ Ея Императорскаго Величсства.

Къ докладу въ общемъ всѣхъ Департаментовъ собраніи.

Въ 1762 году Іюля 17 дня въ Собраніе Правительствующаго Сената призыванъ былъ Генералъ поручикъ (что нынѣ Тайный Совѣтникъ) и кавалеръ Бецкій, которому отъ собранія Правительствующаго Сената объявлено, что какъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня принятіемъ Императорскаго Престола толико изліяла всѣмъ Ея вѣрноподданнымъ Матернихъ щедротъ, что оныя до позднихъ временъ въ сердцахъ искреннихъ сыновъ отечества въ незабвенной памяти остаться долженствуетъ, то Сенатъ за рабскую должность признаваетъ въ безсмертную Ея Императорскаго Величества Славу сдѣлать монументъ, къ чему онъ Генералъ поручикъ по его довольному къ подобнымъ знаніямъ искуству избранъ, и потому на его разсужденіе предаетъ какой онъ за приличнѣе толь славнымъ дѣламъ Ея Императорскаго Величества монументъ сдѣлать найдетъ и о томъ бы Сенату свое мнѣніе съ планами статуямъ, обелискамъ и медалямъ подалъ; на что онъ Генералъ поручикъ представилъ, что онъ порученіе ему толь Великаго дѣла признаваетъ за особливое для себя счастіе, и хотя онъ къ исполненію того находитъ себя недостаточнымъ; однакожъ по долговременной своей бытности въ чужихъ краяхъ, и, получа тамо знаком-

ство со многими учеными и искусными людьми, надѣется съ помощію ихъ, сіе къ удовольствію Правительствующаго Сената исполнить, и тѣмъ заслужить апробацію; и наконецъ просилъ чтобъ потребное къ тому время ему дано было *).

И въ томъ же году Августа 21 впущенъ былъ въ Собраніе Правительствующаго Сената онъ же Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и подалъ доношеніе, копія съ доношенія значится подъ литерою W, которымъ съ приписаніемъ своего благодаренія за такую ему отъ Правительствующаго Сената довѣренность доносилъ, что оставляетъ на благоразсужденіе Правительствующаго Сената, производя въ дѣйствіе славное свое намѣреніе, не предпочтетъ ли поставленной статуи всѣмъ прочимъ родамъ монументовъ яко приличнѣйшій, съ украшеннымъ постамента историческихъ фигуръ барелiефами и надписей, изъявляющіе поставленіемъ оной на изготовленномъ къ тому мѣстѣ или площади, круглою, овальною или осмигранною, обнося великолѣпнымъ строеніемъ, дабы одно другому достоинствомъ соотвѣтствовало.

А что до матерій касается, то мраморъ по суровости здѣшняго климата долговѣчнымъ быть неможетъ, слѣдственно другой матеріи не останется кромѣ металла.

Но, приступая къ самому дѣлу, многаго разсужденія требуетъ, конной ли быть оной статуѣ или пѣшей для того, право такихъ монументовъ недозволяетъ убавить ниже что прибавить но правду изъявлять потомству; а всѣмъ извѣстно Ея Величество для утвержденія своего закона и престола, какъ выходъ съ войскомъ изъ С. Петербурга до Петергофа, такъ и возвратное свое торжественное вшествіе въ городъ имѣть изволила верхомъ.

Долженъ упомянуть и о прочихъ средствахъ, употребляемыхъ не меньше великолѣпныхъ зданій къ сохраненію потомкамъ памяти великихъ дѣлъ, ко онымъ во первыхъ принадлежатъ медали, чѣмъ лучше изображеніе и чѣмъ остроумнѣе вымышлены, тѣмъ прилежнѣе отъ охотниковъ собираются и хранятся, большая часть доказательствъ древней греческой и римской исторіи утверждается при прочихъ монументахъ на медаляхъ, которыя сохранены до нашихъ временъ большая часть бронзовыя, а золотыя и серебреныя подвержены были истребренію рукъ хищниковъ.

Хотя и здѣсь для возшествія и коронаціи Ея Императорскаго Величества медали сдѣланы будутъ; однако сіе произшествіе столь достопамятно въ россійской исторіи быть надлежитъ, что хотя бы и нѣсколько разныя

*) Объ ономъ велѣно записать въ журналъ, а ему Генералу поручику дать копію съ сего опредѣленія.

славнѣйшими инвенторами и художниками здѣлано было, за излишне почестся не можно.

Правительствующему Сенату Ея Императорскаго Величества отъ Генерала Поручика, Дѣйствительнаго Камергера надъ строеніями домовъ и садовъ Главнаго Директора и кавалера Бецкаго.

Доношеніе.

Прошедшаго Іюля 17 дня призванъ я былъ въ Присутствіе Правительствующаго Сената и объявлено мнѣ, что какъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня принятіемъ Императорскаго Престола толико изліяла всѣмъ Ея Величества вѣрноподданнымъ Матерних щедротъ, что оныя до позднихъ временъ въ сердцахъ искреннихъ сыновъ отечества въ незабвенвой памяти остаться долженствуютъ, то Сенатъ за рабскую должность признаваетъ въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу сдѣлать монументъ, къ чему я избранъ и потому на мое разсужденіе предаетъ, какое я за приличнѣе толь славнымъ дѣламъ Ея Императорскаго Величества, монументъ сдѣлать найду, и о томъ Сенату свое мнѣніе съ планами, статуями, обелискомъ и медалями представить.

За такую Правительствующаго Сената ко мнѣ довѣренность, не могу довольно изъяснить чувствительную мою благодарность, желалъ бы, чтобы знаніе мое столь совершенно соотвѣтствовало ожиданію такого знатнаго Собранія; но сколь ни ревнительно оное на себя принять желаю, дабы въ произведеніи дѣйствомъ славнаго ихъ намѣренія имѣть хотя малое участіе и тѣмъ равномѣрно доказать и мое рабское усердіе къ Великой такой Монархинѣ, но чувствую недостатки знанія и силъ, далѣе отважиться какъ только представить вкратцѣ какимъ образомъ другіе просвѣщенные народы въ такихъ случаяхъ до нынѣ поступали, черезъ которые по слабому моему разсужденію до желаемаго намѣренія наилучше и наисовершеннѣйше достигнуть можно.

У самыхъ древнѣйшихъ народовъ яко, у египтянъ, грековъ и римлянъ обычай былъ память народнаго могущества и славы ихъ Государей сохранять на будущіе роды великолѣпными зданіями и другими монументами, не щадя на то никакого иждивенія, сооружали либо сами Государи, либо ихъ подданные, во изъявленіе своей благодарности за полученное чрезъ нихъ какое либо благополучіе какъ то въ Италіи и въ другихъ странахъ, гдѣ издревле науки процвѣтали, остатки такихъ монументовъ доднесь видимы.

Въ новѣйшія времена, по истребленіи варварства, политичные и науками просвѣщенные народы, слѣдуя симъ похвальнымъ примѣрамъ, яко Франція, Англія и другія Европейскія государства представляютъ почти ежегодно

новые къ подражанію сему примѣры, незаключая притомъ въ предѣлахъ однихъ только Государей и народовъ, но простирается и до заслуженыхъ подданныхъ, которые либо отъ самихъ Монарховъ или отъ согражданъ своихъ признаны достойными такого ихъ имени прославленія.

Исторія описываетъ достопамятныя дѣла прошедшихъ временъ и предаетъ оныя потомству, а монументы бываютъ наивѣрнѣйшими тѣхъ дѣлъ доказательствами, того ради чѣмъ оные совершеннѣе въ своемъ родѣ, тѣмъ больше свидѣтельствуютъ они о цвѣтущемъ состояніи наукъ и художествъ въ тогдашнее время, которыхъ обыкновенно четыре рода бываютъ: публичныя зданія, статуи, медали и живопись, однако изъ всѣхъ оныхъ родовъ публичныхъ зданій ни которыя столько не употребляются къ засвидѣтельствованію народнаго усердія и благодарности къ Государямъ и полученное чрезъ нихъ благополучіе какъ второй родъ монументовъ сирѣчь статуи, такое у древнихъ грековъ и римлянъ обыкновеніе было, и такое сохраняютъ до нынѣ всѣ Европейскіе народы, а паче Франція; нѣтъ почти ни единаго знатнаго города, гдѣбъ въ честь которому нибудь изъ его Государей не поставлена была иждивеніемъ подданныхъ или градскихъ жителей, либо пѣшая, либо конная статуя на особливо устроенномъ къ тому мѣстѣ или площади, сыскивая съ трудомъ хотя малѣйшую причину для чегобъ оное исполнить.

Сей примѣръ видя, излишне мнится требовать, какую сумму Правительствующій Сенатъ на монументъ оной опредѣлить изволитъ, дабы потому сочиняемы быть могли и проекты, но понимаю намѣреніе знатнаго онаго собранія, сколько много побуждаетъ должность всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россійскихъ къ сооруженію Всемилостивѣйшей ихъ Монархинѣ такого монумента, дабы нетолько самимъ себѣ тѣмъ живѣе вообразить и во всегдашней памяти имѣть грозившія любезному ихъ отечеству бѣдствія, отъ которыхъ они благодѣяніемъ сей Монархини избавились, но никакого пріумноженія своей славы и благополучія впредь ожидать имѣетъ подъ Державою столь человѣколюбивой и о истинной пользѣ своихъ подданныхъ неусыпно пекущейся Монархини; не должно щадить никакого иждивенія, чтобъ буде превзойти невозможно, то покрайней мѣрѣ не отстать ни отъ какого народа въ изъявленіи свѣту и потомству таковыхъ знаковъ народной благодарности, съ коликихъ внутреннимъ чувствіемъ и сколь сходство съ Ея Достоинствами и славою Россійской Имперіи мы оную засвидѣтельствовать стараемся.

Оставляю на благоразсужденіе Правительствующаго Сената, производя въ дѣйствіе славное свое намѣреніе, не предпочтетъ ли поставленной статуи всѣмъ прочимъ родамъ монументовъ яко приличнѣйшій, съ украшеннымъ постамента историческихъ фигуръ, барельефами и надписями, изъявляющія

поставленіемъ оной на изготовленномъ къ тому мѣстѣ или площади, круглою, овальною или осмигранною, обнося великолѣпнымъ строеніемъ дабы одно другому достоинствомъ соотвѣтствовало.

А что до матеріи касается, то мраморъ по суровости здѣшняго климата долговѣчнымъ быть не можетъ, слѣдственно, другой матеріи не останется кромѣ металла.

Но, приступая къ самому дѣлу многаго разсужденія требуетъ, конной ли быть оной статуи или пѣшей, для того право такихъ монументовъ не дозволяетъ убавить ниже что прибавить, но правду изъявлять потомству; а всѣмъ извѣстно, Ея Величество для утвержденія своего закона и престола какъ выходъ съ войскомъ изъ С.-Петербурга до Петергофа, такъ и возвратное свое торжественное шествіе въ городъ имѣть изволила верхомъ.

Долженъ упомянуть и о прочихъ средствахъ, употребляемыхъ не менше великолѣпныхъ зданій къ сохраненію потомкамъ памяти великихъ дѣлъ, ко онымъ во первыхъ принадлежатъ медали; чѣмъ лучше изображеніе и чѣмъ остроумнѣе вымышлены, тѣмъ прилежнѣе отъ охотниковъ собираются и хранятся, большая часть доказательствъ древней греческой и римской исторіи утверждается при прочихъ монументахъ на медаляхъ, которыя сохранены до нашихъ временъ, большая часть бронзовыя и золотыя и серебряныя подвержены были истребленію рукъ хищниковъ.

Хотя и здѣсь для возшествія и коронаціи Ея Императорскаго Величества медали сдѣланы будутъ, однако сіе произшествіе столь достопамятно въ Россійской исторіи быть надлежитъ, что хотябы и нѣсколько разныя славнѣйшими инвенторами и художниками сдѣланы были за излишнее почестся не можно.

Наконецъ живопись не меньше служитъ къ сохраненію памяти славныхъ дѣлъ, но притомъ требуется самое искусное изображеніе славныхъ живописцовъ, если въ одномъ или въ другомъ будетъ недостатокъ, то не малую часть достоинства своего теряетъ.

Въ Люксембургѣ находится славная галерея, Рубенсомъ писанная (гдѣ Марія де Медичи на лошади представлена), въ Флоренціи Фарнежская, не упоминая о многихъ прочихъ, гдѣ знатнѣйшія дѣла славныхъ Государей исторически представлены, и хотя правда зрѣніемъ оныхъ наслаждаться могутъ одни только жители тѣхъ мѣстъ, однако грыдоровалное художество и отдаленнымъ подаетъ способъ удовольствовать ихъ любопытство, и чѣмъ больше въ такихъ находятся художниковъ искуства, тѣмъ болѣе охотники стараются о сохраненіи оныхъ; такимъ образомъ не меньше какъ и самые монументы память тѣхъ великихъ произшествій потомству предаютъ.

Не довольно притомъ опредѣленіе знатной суммы, но чтобъ и самая

экзекуція или произведеніе дѣйствомъ соотвѣтствовало славѣ и достоинству Имперіи и не ложному разсужденію потомству, какъ уже выше показано.

Того для хотя у насъ люди такіе и сыскались, которые бы знаніе свое и искуство съ похвалою намъ оказать могли, однако въ такомъ великомъ дѣлѣ онсе недовольно, а весьма надлежитъ требовать совѣта, помощи, инвенціи, проектовъ и модели отъ славнѣйшихъ въ тѣхъ наукахъ и художествахъ людей гдѣбъ оные ни были; совѣтами которыхъ не токмо весьма лучше, но и меньшимъ иждивеніемъ состроить можно, въ чемъ я довольно искусился по своимъ дѣламъ, что Правительствующему Сенату настоящими опытами доказать могу.

Все сіе сверхъ собственнаго познанія требуетъ и немалаго труда отъ того, кому надъ онымъ дѣломъ главная дирекція поручена будетъ, а одною кореспонденціею или перепискою ни коимъ образомъ по желанію исполнено быть не можетъ; но въ Италіи и во Франціи гдѣ потребныя къ сему дѣлу науки и художества наибольше процвѣтаютъ, персонально самому надлежитъ въ тѣхъ мѣстахъ быть приласканіемъ и убѣжденіемъ такихъ искусныхъ художниковъ къ пріѣзду въ Россію всѣ мѣры употребить, безъ которыхъ собственноручнаго труда такого монумента по достоинству совершить невозможно и способу нѣтъ. Всѣ сіи три вещи въ одно время и почти однимъ иждивеніемъ исправлены быть могутъ, и Правительствующій Сенатъ способомъ онымъ соединитъ къ произведенію дѣйствомъ славнаго своего намѣренія все что нынѣшній вѣкъ наиславнѣйшаго произвелъ въ семъ родѣ знанія и художества. А для представленія исторически великое такое дѣло нахожу слѣдующія причины:

(1-е) Уходъ Ея Императорскаго Величества изъ Петергофа.

(2-е) Прибытіе въ Измайловскія казармы.

(3-е) Въ Семеновскій полкъ.

(4-е) Къ Казанской церкви.

(5-е) Видъ Зимняго каменнаго дворца съ балкона.

(6-е) Внутрь церкви онагожъ Дворца гдѣ присяга была.

(7-е) Пріѣздъ отъ бывшаго Императора трехъ министровъ.

(8-е) Выходъ съ арміею изъ С.-Петербурга.

(9-е) Паки торжественный входъ.

(10-е) Видъ пріѣзда въ лѣтній Дворецъ.

(11-е) Какъ Ея Императорское Величество черезъ залу тогожъ Дворца подъ руки ведена была.

(12-е) Представить Неву рѣку, мостъ и берегъ Васильевскаго острова, наполненный народомъ. *Иванъ Бецкій.*

(Слушано 21 Августа 1762 года.)

1762 года Августа 21 дня въ Собраніе Правительствующаго Сената впущенъ былъ Генералъ Поручикъ и кавалеръ Бецкій и подалъ доношеніе какими способами онъ за лучшее находитъ исполнить принятое Правительствующимъ Сенатомъ и ему для произведенія въ дѣйство порученное намѣреніе сдѣлать въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монументъ. И по выслушаніи онаго представленія отъ Правительствующаго Сената ему Господину Генералу Поручику и кавалеру объявлено, чтобъ онъ представилъ способную персону къ посылкѣ въ иностранныя государства для прiисканія и склоненія къ пріѣзду въ Россію ученыхъ людей и искуснѣйшихъ художниковъ ради совершенія славнаго зданія потребныхъ; о чемъ тогда и разсуждаемо будетъ. И съ сего дать ему Господину Бецкому копію. Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

Получено Іюля 14 дня 1763 года.

Высокоправительствующему Сенату отъ Генерала Поручика Дѣйствительнаго Камергера надъ строеніями домовъ и садовъ и Академіи Художествъ Главнаго Директора и кавалера Бецкаго

Покорный Рапортъ.

Въ Собраніе Правительствующаго Сената на поданное отъ меня доношеніе, объявлено мнѣ дабы по принятому намѣренію къ сдѣланію въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монумента представилъ я способную персону къ посылкѣ въ иностранныя государства для пріисканія и склоненія къ пріѣзду въ Россію ученыхъ людей, искуснѣйшихъ художниковъ, ради совершенія толь славнаго зданія, почему отъ того времени способную такую персону, который бы въ Италіи, Франціи и въ другихъ мѣстахъ гдѣ потребныя къ сему дѣлу науки и художества наибольше процвѣтаютъ сыскивать всѣ мѣры употребилъ, на таковой дабы во всемъ томъ несомнѣнную надежду положить было можно пріискать не могъ, а нынѣ отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше уволяюсь на нѣкоторое время за море къ минеральнымъ водамъ и за тѣмъ отъѣздомъ о пріискѣ упомянутой персоны обнадежить не могу.

Иванъ Бецкій.

(Докладывано 15 Іюля 1763 года.)

—

1763 года Іюля 15 и 16 чиселъ по указу Ея Императорскаго Величества Привительствующій Сенатъ по рапорту генерала поручика дѣйствительнаго камергера и кавалера Бецкаго ксимъ онъ представляетъ, что по принятому Правительствующимъ Сенатомъ и ему произвесть въ дѣйство порученному намѣренію, сдѣлать въ безмерную Ея Императорскаго Вели-

чества Славу монументъ, хотя онъ всѣ мѣры употребилъ способную ради совершенія толь славнаго зданія персону, для склоненія къ пріѣзду въ Россію изыскивать въ Италіи, Франціи и въ другихъ мѣстахъ гдѣ потребныя къ сему дѣлу науки и художества наибольше процвѣтаютъ, и о таковой, дабы во всемъ томъ несомнѣнную надежду положить было можно пріискать не могъ, а нынѣ онъ отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше увольняется на нѣкоторое время за море къ минеральнымъ водамъ, и за тѣмъ отъѣздомъ о пріискѣ упомянутой персоны обнадежить не можетъ. Приказали: дабы за отъѣздомъ его генерала поручика и кавалера Бецкаго принятое въ славу Ея Императорскаго Величества намѣреніе безъ исполненія остаться не могло, то для лучшаго и скорѣйшаго въ томъ успѣха, какъ съ прежняго о томъ сенатскаго опредѣленія, такъ и съ поданнаго по тому отъ его Генерала Поручика и кавалера изъясненія копіи отослать въ Академію Наукъ, съ тѣмъ чтобы оная, немедленно собравъ всѣхъ ученыхъ людей а буде надобно, то снесясь и съ другими Академіями или ученымижъ людьми, разсуждала какой приличнѣе въ славу толь Великой Монархинѣ монументъ поставить и положа на мѣрѣ сдѣлать тому модель равножъ на призъ издаваемой медали или другой какой достопамятной вещи приличной толь славному происшествію и представить Правительствующему Сенату и о томъ въ Академію Наукъ послать указъ. Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

По сему опредѣленію указъ въ Академію писанъ точно со всего и притомъ приложены съ опредѣленія сенатскаго Іюля 17 и съ доношенія Бецкаго копія и посланы 31 дня Іюля 1763 года.

—

Въ Правительствующій Сенатъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ на запросъ объявляется, что на присланный изъ Правительствующаго Сената прошлаго 1763 года отъ 31 числа Іюля въ Академическую канцелярію указъ Господинъ Статскій Совѣтникъ и Профессоръ Штелинъ объявилъ, что онъ монументу, каковъ должно поставить въ безсмертную Ея Императорскаго Величества Славу, имѣетъ семь инвенцій, только гдѣ оный поставить должно мѣсто не назначено, а безъ того де и инвенціи представить не можно; также и господинъ коллежскій, что нынѣ статской совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ тому монументу инвенціи сдѣлать обѣщался и о требованіи о томъ объясненія, гдѣ монументъ поставленъ быть долженъ, подаванъ былъ въ Правительствующій Сенатъ Сентября 4-го числа тогожъ года рапортъ, но не принятъ, а отъ собранія приказано чтобъ о томъ требовать изъясненія отъ Его Сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева, ибо де все городское строеніе и украшеніе препоручено ему, о чемъ

къ Его Сіятельству изъ Академической канцеляріи и сообщено письменно, но напротивъ того ни откуда и по нынѣ увѣдомленія не получено.

—

1764 года Марта 19 дня по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ въ Общемъ всѣхъ Департаментовъ собраніи слушалъ дѣла о сдѣланіи въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монументу модели, и взятой о томъ изъ Канцеляріи Академіи Наукъ справки, которою показано, что на присланный изъ Правительствующаго Сената прошлаго 1763 года отъ 31 числа Іюля въ Академическую канцелярію указъ, статскій совѣтникъ и профессоръ Штелинъ объявилъ, что онъ монументу каковъ должно поставить въ безсмертную Ея Императорскаго Величества Славу имѣетъ семь инвенцій, только гдѣ оный поставить должно мѣста не назначено, а безъ того де инвенціи представить не можно, также и коллежскій, что нынѣ статскій совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ тому монументу инвенціи сдѣлать обѣщался и о требованіи о томъ объясненія, гдѣ монументъ поставленъ быть долженъ, подаванъ былъ въ Правительствующій Сенатъ Сентября 4 числа тогожъ года рапортъ, но не принятъ, а отъ собранія приказано чтобъ о томъ требовать изъясненія отъ Графа Захара Чернышева, ибо де все градское строеніе и украшеніе препоручено ему о чемъ къ нему изъ Академической канцеляріи и сообщено письменно, но напротивъ того ни откуда и по нынѣ увѣдомленія неполучено. Приказали: въ канцелярію Академіи Наукъ послать указъ и велѣть для наилучшаго избранія къ поставкѣ онаго монумента мѣста сдѣлать два прожекта, первый на мѣсто, что противъ Академіи и коллежскихъ апартаментовъ на Васильевскомъ островѣ, а другой на площади, которая противъ каменнаго Зимняго Дома, а Ея Императорскому Величеству въ Высочайшее въ Сенатѣ Присутствіе доложить о возвращеніи изъ поднесенныхъ Ея Императорскому Величеству Сенатомъ поданныхъ изъ Комисіи о каменномъ строеніи плановъ одного, въ Комисію же подтвердить что буде остались у нея съ тѣхъ плановъ копіи то бы хотя объ однихъ только площадяхъ немедленно оныя въ канцелярію Академіи Наукъ сообщены были подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

О остановленіи Казеннаго Строенія.

Въ прошломъ 1762 году Августа 2 дня по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ разсматривая реэстръ состоявшимся съ 25 числа Декабря 1761 по 28 Іюня 1762 года Имяннымъ указомъ 1-го Мая, 11-го о опредѣленныхъ сверхъ штатнаго положенія для перевода къ

Арміи четырехъ миліоновъ и о остановленіи для того всѣхъ публичныхъ здѣсь казенныхъ работъ и прочихъ сверхъ штатнаго положенія раздачъ: Приказали: Понеже переводъ оной суммы миновался и того ради предложить къ разсмотрѣнію какія строенія и работы остановлены.

А въ томъ указѣ, состоявшемся на поданномъ отъ Правительствующаго Сената докладѣ между прочимъ написано, дабы по такому великому числу доставляемой къ арміи суммы совершеннаго непослѣдовало недостатка здѣсь во внутреннихъ расходахъ, надлежитъ всѣ публичныя казенныя работы и прочія сверхъ штатнаго положенія раздачи на то время пока доходы паки умножатся остановить.

Потому тогожъ Мая 13 дня Правительствующимъ Сенатомъ опредѣлено и посланными во всѣ коллегіи, канцеляріи и конторы, также въ губерніи и провинціи указами велѣно, гдѣ имѣются таковыя сверхъ штатнаго положенія расходы или опредѣленныя вновь указами строенія, оныя не производя и не употребляя на нихъ денежныхъ расходовъ, прислать въ Правительствующій Сенатъ рапортъ*), съ показаніемъ сколько гдѣ на оное денежной суммы ассигновано, и получено и въ наличности имѣется, о чемъ и Штатсъ Конторѣ, выправясь о учрежденіи сверхъ штатовъ расходовъ, стараніе прилагать, и учиня о всѣхъ оныхъ генеральную вѣдомость подать въ Сенатъ, а безъ указа изъ Сената таковыхъ расходовъ не чинить, а особливожъ нижеслѣдующіе расходы нынѣ удержать, а именно (1) Водяную отъ Рыбной слободы до рѣки Волхова коммуникацію, на которую въ число 500,000 руб. уже отпущено 10,000 руб. остановить, какъ и особымъ Правительствующаго Сената опредѣленіемъ велѣно, чего ради и людей къ тому опредѣленныхъ Генералу Лейтенанту Резанову въ прежнія мѣста распустить, оставя при себѣ небольшое число которыми такожъ и отпущенною къ нему суммою стараться чрезъ нынѣшній годъ къ дѣйствительному той работы производженію осмотры и пробы продолжать, дабы при наступленіи во оную ни въ чемъ остановки быть не могло; (2) въ Москвѣ на строеніе Кремля и Китая и Бѣлаго города, на что ассигновано изъ Штатсъ Конторы 177,262 рубля $12\frac{1}{2}$ копѣекъ изъ Камеръ Коллегіи 247,949 рублей 18 коп. отпуская въ каждый годъ по 40,000 рублей, итого 425,211 рублей 31 копѣйка, отпускамъ до указу удержать же, а на необходимое поврежденныхъ мѣстъ разобраніе, дабы гдѣ иногда большаго вреда или упаденія не послѣдовало, небольшую сумму употребить по разсмотрѣнію Сенатской Конторы, однакожъ не свыше 4000 рублей; (3) строеніемъ Петропавловской и Исакіевской церквей

*) Тѣ повелѣнные рапорты изъ Присутственныхъ мѣстъ, такожъ изъ губерній, провинцій присланы ль, а изъ Штатсъ-Конторѣ вѣдомость подана ль подъ дѣломъ не значится

и колоколенъ и отпускомъ на оныя суммы до указу — обождать же, и для того токмо изготовленные матеріалы къ сохраненію въ порядкѣ убрать, а новыхъ приготовленій и подрядовъ не чинить.

—

1764 году Марта 19 дня по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ въ общемъ всѣхъ Департаментовъ Собраніи, слушавъ дѣло о сдѣланіи въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монументу модели. Изъ взятой о томъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ справки, которою показано, что на присланный изъ Правительствующаго Сената прошлаго 1763 года отъ 31-го числа Іюля въ Академическую Канцелярію указъ статскій совѣтникъ и профессоръ Штелинъ объявилъ, что онъ монументу каковъ должно поставить въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу имѣетъ семь инвенцій, только гдѣ оный поставить должно мѣста не назначено, а безъ того де инвенціи представить не можно, также и коллежскій (что нынѣ статскій) совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ тому монументу инвенціи сдѣлать обѣщался и о требованіи о томъ объясненія гдѣ монументъ поставленъ быть долженъ подаванъ былъ въ Правительствующій Сенатъ Сентября 4 числа тогожъ года рапортъ, но не принято, а отъ Собранія приказано, чтобъ о томъ требовать изъясненія отъ графа Захара Чернышева, ибо де все градское строеніе и украшеніе препоручено ему. О чемъ къ нему изъ Академической Канцеляріи и сообщено письменно, но напротивъ того ни откуда и по нынѣ увѣдомленія не получено. Приказали: въ канцелярію Академіи Наукъ послать указъ и велѣть для наилучшаго избранія къ поставкѣ онаго монумента мѣста сдѣлать два проэкта, первый на мѣстѣ что противъ Академіи и коллежскихъ апартаментовъ на Васильевскомъ острову, а другой на площади, которая противъ каменнаго Зимняго Дома, а Ея Императорскому Величеству въ Высочайшее въ Сенатѣ присутствіе доложить о возвращеніи изъ поднесенныхъ Ея Императорскому Величеству Сенатомъ поданныхъ изъ Комисіи о каменномъ строеніи плановъ одного въ комисію же подтвердить, что буде остались у ней съ тѣхъ плановъ копіи, то бы хотя объ однихъ только площадяхъ немедленно оныя въ канцелярію Академіи Наукъ сообщены были. Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

Отпускъ о монументѣ.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената Канцеляріи Академіи Наукъ. По указу Ея

Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ въ общемъ всѣхъ Департаментовъ Собраніи, слушавъ дѣла о сдѣланіи въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монументу модели, взятой о томъ изъ оной канцеляріи справки, которою показано, что на присланный изъ Правительствующаго Сената прошлаго 1763 года отъ 31-го числа Іюля, въ Академическую канцелярію указъ, статскій совѣтникъ и профессоръ Штелинъ объявилъ, что онъ монументу, каковъ должно поставить въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу имѣетъ семь инвенцій, только гдѣ оный поставить должно, мѣста не назначено, а безъ того де инвенціи представить не можно, также и коллежскій (что нынѣ статскій) совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ, тому монументу инвенціи сдѣлать обѣщался и о требованіи о томъ объясненія, гдѣ монументъ поставленъ быть долженъ, подаванъ былъ въ Правительствующій Сенатъ Сентября 4-го числа тогожъ года рапортъ, но не принято, а отъ собранія приказано, чтобъ о томъ требовать изъясненія отъ генералъ-аншефа и кавалера господина графа Чернышова, ибо де все градское строеніе и украшеніе препоручено ему, о чемъ къ нему изъ Академической канцеляріи и сообщено письменно, но напротивъ того ни откуда и по нынѣ увѣдомленія неполучено. Приказали: въ канцелярію Академіи Наукъ послать указъ и велѣть для наилучшаго избранія къ поставкѣ онаго монумента мѣста сдѣлать два проэкта, первый на мѣстѣ, что противъ Академіи и коллежскихъ апартаментовъ на Васильевскомъ острову, а другой на площадь, которая противъ каменнаго Зимняго дома; а Ея Императорскому Величеству въ Высочайшее въ Сенатѣ присутствіе доложить о возвращеніи изъ поднесенныхъ Ея Императорскому Величеству Сенатомъ поданныхъ изъ Комисіи о каменномъ строеніи плановъ одного, въ комисію же подтвердить что буде осталось у ней съ тѣхъ плановъ копіи, то бы хотя объ однихъ только площадяхъ немедленно оныя въ канцелярію Академіи Наукъ сообщены были. И канцеляріи Академіи Наукъ о томъ вѣдать и учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу. А въ Комисіи о каменномъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ строеніи указъ изъ Сената посланъ Апрѣля 30 дня 1764 года.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената, учрежденной по имянному Ея Императорскаго Величества указу о каменномъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ строеніи комисіи. По указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ (списанъ точно весь со опредѣленія до конца) а во окончаніи и учрежденной по имянному Ея Императорскаго Величества указу о каменномъ въ

Москвѣ и С.-Петербургѣ строеніи комисіи о томъ вѣдать и учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, а въ канцелярію Академіи Наукъ указъ изъ Сената посланъ Апрѣля 30 дня 1764 года.

—

Ея Императорскому Величеству въ Высочайшее въ Сенатѣ Присутствіе доложить:

о возвращеніи изъ поднесенныхъ Ея Императорскому Величеству, Сенатомъ поданныхъ изъ комисіи о каменномъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ строеній, плановъ одного.

Такова положена 30 числа Апрѣля 1764 года.

—

Въ Правительствующій Сенатъ, изъ канцеляріи Академіи Наукъ

Рапортъ о полученіи указа.

Ея Императорскаго Величества указъ изъ Правительствующаго Сената минувшаго Апрѣля отъ 30 дня подъ № 1114-мъ, о сдѣланіи для постановленія монумента въ безсмертную славу Ея Императорскаго Величества двухъ проэктовъ, перваго на мѣсто что противъ Академіи и коллежскихъ департаментовъ, втораго на площадь которая противъ каменнаго Зимняго дому, въ канцеляріи Академіи Наукъ полученъ сего числа.

Иванъ Таубертъ.

—

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Коммисіи, учрежденной по Имянному Ея Императорскаго Величества указу о каменномъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ строеніи.

Рапортъ.

Полученнымъ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената указомъ велѣно, съ поданного въ Правительствующій Сенатъ изъ оной коммисіи плана, находящимся между рѣками Невою и Мойкою отъ Синяго моста до Мошкова переулка мѣстамъ: въ канцелярію Академіи Наукъ сообщить копію для избранія мѣста къ постановленію въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монумента. А понеже коммисія, прилагая всевозможное стараніе о приведеніи сей городъ въ порядокъ и состояніе и чтобъ оному придать такое великолѣпіе, какое столичному городу пространнаго Государства прилично, и дабы ничего не упустить что къ произведенію въ дѣйство того проэкта, и къ совершенному исполненію Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества намѣренія поспѣшествовать можетъ, къ сочиненію всему здѣшнему городу плановъ, заблагоразсудила

пригласить россійскихъ и иностранныхъ архитекторовъ и другихъ охотниковъ, и по учиненнымъ минувшаго Ноября 11 дня 1763 года публикамъ, для сочиненія такихъ проэктовъ, желающими истребовано изъ комисіи шесть плановъ, которые не замедля обнадеживаютъ подать, а какъ скоро комисія получитъ, то по крайнему своему усердію, разсмотрѣвъ наилучшія и приличныя къ постановленію вышеозначеннаго монумента мѣста, Правительствующему Сенату немедленно представить.

Графъ Захаръ Чернышевъ.

—

1764 года, Мая 11 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

По рапорту изъ комисіи о каменномъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ строеніи отъ 6 сего Мая на присланный изъ Сената указъ (которымъ велѣно находящимся между рѣками Невою и Мойкою отъ Мошкова переулка мѣстамъ въ канцелярію Академіи Наукъ сообщить копію) представляетъ, что изъ комисіи по силѣ учиненныхъ публикацій 6-ти плановъ взято архитекторами для сочиненія такихъ проэктовъ и когда оные поданы будутъ, то комисія разсмотрѣвъ къ постановленію въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монумента мѣсто немедленно Сенату представить. Приказали: оный рапортъ взять по экспедиціи во извѣстіе. Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Канцеляріи Академіи Наукъ

Рапортъ.

Сего Мая 3 числа присланнымъ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената въ Академическую канцелярію указомъ велѣно для сооруженія въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монумента сдѣлать при академіи два проэкта. А съ поднесенныхъ де Ея Императорскому Величеству Правительствующимъ Сенатомъ поданныхъ изъ комисіи о каменномъ строеніи плановъ велѣно въ Академію отослать копіи изъ той комисіи, почему о сдѣланіи тѣхъ проэктовъ и сообщено изъ канцеляріи къ господамъ статскимъ совѣтникамъ и професорамъ Штелину и Ломоносову, и академическому архитектору Шумахеру, а о присылкѣ съ упомянутыхъ плановъ копій въ упомянутую комисію, однакожъ тѣхъ копій не прислано, а объявлено письменно, что на полученной де изъ Правительствующаго Сената о томъ указъ изъ той комисіи представлено, что она, прилагая всевозможное стараніе о приведеніи города въ порядокъ и состоя-

ніе, заблагоразсудила къ сочиненію оному плановъ пригласить чрезъ публикацію россійскихъ и иностранныхъ архитекторовъ и другихъ охотниковъ, почему для сочиненія такихъ проэктовъ взята изъ комисіи желающими шесть плановъ, а какъ скоро оная комисія желаемые проэкты получитъ, то по крайнему своему усердію, разсмотрѣвъ наилучшія и приличныя къ постановленію вышеозначеннаго монумента мѣста, Правительствующему Сенату немедленно представитъ; о чемъ Правительствующему Сенату академическая канцелярія рапортуемъ симъ за извѣстіе.

Иванъ Таубертъ.
Михайло Ломоносовъ.

(Докладывано Іюня 7 дня 1764 года.)

1764 года Іюня 7 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

По рапорту канцеляріи Академіи Наукъ за извѣстіе объявляетъ, что комисія о каменномъ строеніи на требованіе академической канцеляріи о присылкѣ городу С.-Петербургу плана отозвалась, что къ поставленію въ безсмертную Ея Императорскаго Величества славу монумента разсмотрѣвъ наилучшія и приличныя мѣста представить имѣетъ Сенату. Приказали: взять за извѣстіе. Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

1766 года Сентября 21-го, 27-го и Октября 20 чиселъ Правительствующій Сенатъ въ Общемъ всѣхъ Департаментовъ Собраніи, разсуждая сколь много должность его требуетъ приступить къ дѣйствительному исполненію принятаго уже намѣренія о сооруженіи монумента Всемилостивѣйшей своей Государыни въ безсмертную славу и въ сохраненіе въ будущіе роды тѣхъ матернихъ щедротъ, кои Ея Императорское Величество принятіемъ Императорскаго престола всѣмъ Ея Величества вѣрноподданнымъ изліяла, а притомъ имѣя всегда предметомъ вѣчную благодарность, за подъемлемые Ея Императорскимъ Величествомъ неусыпные труды и матернее попеченіе, отъ которыхъ всѣ вѣрноподданные благоденствіемъ наслаждаются, и вѣдая какъ велико должно быть усердіе и готовность вѣрныхъ сыновъ Россійскихъ видѣть сіе намѣреніе ихъ иждивеніемъ начатое и оконченое, такимъ образомъ, чтобъ чрезъ то не только самимъ себѣ воображать и во всегдашней памяти имѣть, отъ коликихъ они бѣдствій благодѣяніемъ Всемилостивѣйшей ихъ Монархини избавились, но и какого отечество ихъ преумноженія своей славѣ и благополучію впредь ожидать имѣетъ, подъ Державою

столь человѣколюбивой, и о истинной пользѣ своихъ подданныхъ неусыпно пекущейся Монархини, согласно положили: 1-е, на сооруженіе достойнаго толикія Монархини монумента назначить сумму трехсотъ тысячь рублей, или когда востребуется то и болѣе, и собрать оную съ дворянъ, расположа для порядочнаго расчета по числу каждаго крестьянъ съ души по три копейки, и продолжить сей сборъ чрезъ четыре года, сдѣлавъ оному начало со второй половины будущаго 1767 года, о которомъ положеніи дать знать и Московскимъ Сената Департаментамъ и требовать отъ нихъ на то общаго согласія, а по какимъ побудительнымъ резонамъ Сенатъ сіе для всего общества похвальное намѣреніе принялъ, и какъ сбору назначенной на совершеніе онаго суммѣ быть, о томъ, сочиня формуляръ публикуемаго указа, предложить Сенату къ апробаціи, а между тѣмъ 2-е, Генерала Поручика и кавалера Бецкаго увѣдомить о вышеписанномъ чрезъ правящаго Генералъ Прокурорскую должность Генералъ-квартирмейстера и кавалера князя Вяземскаго съ тѣмъ, что какъ Академія Художествъ теперь состоитъ въ его вѣдомствѣ, и онъ имѣетъ знакомство и переписку со многими въ чужихъ краяхъ учеными и въ семъ родѣ званія искусными людьми, къ томужъ и положеніе С.-Петербурга ему довольно извѣстно, то Сенатъ въ разсужденіи сего и по его господина Генерала Поручика искуству въ подобныхъ знаніяхъ будучи онъ при всемъ томъ и очевидной свидѣтель толь славному и великому происшествію, въ память котораго и въ засвидѣтельствованіе народнаго усердія и благодарности къ Ея Императорскому Величеству сей монументъ сооруженъ будетъ, препоручаетъ ему, чтобъ онъ какъ выборъ мѣста для постановленія, такъ и сочиненіе проекта какому точно быть сему монументу, принялъ на свое попеченіе, и будетъ ожидать отъ него увѣдомленія — сколь онъ въ обоихъ сихъ пунктахъ предуспѣетъ, и какимъ образомъ къ дѣйствительному начатію сего дѣла за наилучше приступить найдетъ. Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

Правительствующаго Сената изъ С.-Петербургскихъ въ Московскіе Сената Департаменты.

Вѣденіе.

Сего 1766 года Сентября 21, 27 и Октября 20 чиселъ Правительствующій Сенатъ въ Общемъ всѣхъ Департаментовъ Собраніи, разсуждая сколь много должность его требуетъ приступить къ дѣйствительному исполненію принятаго уже намѣренія о сооруженіи монумента Всемилостивѣйшей своей Государыни въ безсмертную славу и въ сохраненіе въ будущія роды тѣхъ матернихъ щедротъ, кои Ея Императорское Величество принятіемъ

Императорскаго Престола всѣмъ Ея Величества вѣрноподданнымъ изліяла, а притомъ имѣя всегда предметомъ вѣчную благодарность за подъемлемыя Ея Императорскимъ Величествомъ неусыпные труды и матернее попеченіе, отъ которыхъ всѣ вѣрноподданные благоденствіемъ наслаждаются и вѣдая какъ велико должно быть усердіе и готовость вѣрныхъ сыновъ россійскихъ видѣть сіе намѣреніе ихъ иждивеніемъ начатое и оконченное такимъ образомъ, чтобъ чрезъ то нетолько самимъ себя воображать и во всегдашней памяти имѣть отъ коликихъ они бѣдствій благодѣяніемъ Всемилостивѣйшей ихъ Монархини избавились, но и какого отечество ихъ пріумноженія своей славѣ и благополучію впредь ожидать имѣетъ подъ Державою столь человѣколюбивой и о истинной пользѣ своихъ подданныхъ неусыпно пекущейся Монархини, согласно положили: 1-е на сооруженіе достойнаго толикія Монархини монумента назначить сумму трехъ сотъ тысячь рублей или когда востребуется то и болѣе, и собрать оную съ дворянъ, расположа для порядочнаго расчета, по числу каждого крестьянъ, съ души по три копейки, и продолжить сей сборъ чрезъ четыре года, сдѣлавъ оному начало со второй половины будущаго 1767 года, о которомъ положеніи дать знать и Московскимъ Сената Департаментамъ и требовать отъ нихъ на то общаго согласія, и Московскіе Сената Департаменты да благоволятъ быть о томъ извѣстны, а о принимаемой по сему разолюціи здѣшніе Сената Департаменты увѣдомить. Декабря 15 дня 1766 года.

Милостивый Государь мой, князь Александръ Алексѣевичъ.

Мнѣніе, которое Правительствующій Сенатъ изволилъ заключить о малой способности моей, и отличная повѣренность, которую онъ благоволилъ оказать мнѣ чрезъ Ваше Сіятельство, и меня избрать къ изобрѣтенію монумента для сооруженія онаго Всемилостивѣйшей нашей Государыни въ знакъ всеподданнѣйшей нашей благодарности, столь чувствительны, что не нахожу словъ довольно изобразить, съ коликимъ усердіемъ соотвѣтствовать желаю сему оказанному мнѣ отмѣнному уваженію.

Прилежно прошу Вашего Сіятельства Правительствующему Сенату всепокорное мое благодареніе засвидѣтельствовать, и притомъ нижайше представить, сколь слабымъ и недостаточнымъ я себя признаю къ произведенію сего дѣла, которое мнѣ препоручить заблагоразсудить изволилъ, вѣдая довольно, сколь много потребнаго къ сему недостаетъ мнѣ знанія.

Извѣстно Вашему Сіятельству, коликое множество обстоятельствъ присемъ предпріятіи въ разсужденіе принять должно, когда сіе сооруженіе позднѣйшимъ потомкамъ будетъ на вѣки свидѣтельствовать не только глу-

бочайшую нашу преданность, искреннюю благодарность и отмѣнное усердіе къ Великой Нашей Монархинѣ.

Самый искусный въ сихъ важныхъ предпріятіяхъ необходимо усумнится, когда въ произведеніи работы своей къ точному приступитъ опредѣленію. Дѣло сіе касается до Высочайшихъ Достоинствъ Великія Монархини, до чести и славы сильнаго Государства и народа, до размышленій, которыя мы о себѣ и о настоящемъ времени потомству оставимъ, наконецъ и до того, чтобъ намъ либо удивленіе и почтеніе возбудить въ потомкахъ, либо подвергнуть себя на вѣки осужденію.

Я уже имѣлъ честь въ Августѣ мѣсяцѣ 1762 года представить покорнымъ моимъ доношеніемъ Правительствующему Сенату часть малыхъ разсужденій моихъ о предпріемлемомъ семъ надобномъ сооруженіи, и о способахъ кои древнѣйшими и въ разсужденіи искуства и наукъ извѣстнѣйшими народами употреблены были, когда хотѣли предавать вѣчности великія, къ общей пользѣ касающіяся и достопамятныя произшествія, и дѣла своихъ героевъ и владѣтелей. Упомянулъ я притомъ, какимъ образомъ и новѣйшіе народы, по мѣрѣ просвѣщенія своего разума и въ разсужденіи перемѣны времени, въ подобныхъ сему поступали случаяхъ.

Но когда намѣреніе Правительствующаго Сената, какъ я понимаю, состоитъ въ томъ, чтобъ прославить несравненное геройство Великія Государыни Нашея, такое произшествіе, чрезъ которое мы всѣ очевидно спаслися погибели, и любезное отечество наше отъ всеконечнаго паденія избавлено, напротивъ же того утвердилися миръ, тишина, благоденствіе безопасность всего Государства и каждаго особливо; то мы всѣ и весь народъ въ разсужденіи монумента по справедливости ожидаемъ нѣкоего отличнаго сооруженія, и которое бы всѣ знатнѣйшіе у другихъ народовъ монументы, кои великое во всѣхъ зрителяхъ удивленіе непрестанно возбуждаютъ, сколь возможно, превосходило, или когда не можно до сего достигнуть, онымъ однакожъ по послѣднѣй мѣрѣ ни въ чемъ бы не уступало.

Имѣлъ я честь представить Правительствующему Сенату копію со мнѣнія моего, писаннаго во Францію, о постановленіи монумента Государя Петра Великаго, въ которомъ о украшеніи площади особливо упоминалъ, дабы одно съ другимъ сходствовало такъ, чтобъ всѣ части онаго составляли цѣлую вещь, которая бы зрителей въ нѣкоторое восхищеніе приводила отъ расположенія ли мѣста происходитъ великолѣпіе статуй, или искуствомъ ли ея, мѣсто украшается.

Все сіе требуетъ не моего малого знанія, но въ архитектурѣ, въ изваяніи, не меньше въ наукахъ, притомъ отмѣннаго старанія, опытовъ и размышленія.

Сколь мало способнымъ ни признаваю я себя ко всему тому, что къ важному сему дѣлу потребно, и сколь мало ни дерзаю принимать на себя одного произведенія онаго: однакожъ усердно желаю, употребить по мѣрѣ малыхъ силъ моихъ все стараніе о томъ, что только служить можетъ наиточнѣйшимъ доказательствомъ о моей рабской преданности ко Всемилостивѣйшей моей Государыни, объ истинномъ моемъ усердіи къ споспѣшествованію чести и славѣ моего отечества и о глубочайшемъ моемъ почтеніи къ толь знаменитому собранію, къ чему и случай нынѣ нѣсколько преподается, ибо Ея Императорское Величество какъ извѣстно Всемилостивѣйше позволила мнѣ, причиною слабости здоровья моего, ѣхать въ чужіе края до излеченія.

Прошу Вашего Сіятельства донести Правительствующему Сенату о вышеписанномъ отъ меня мнѣніи и о достодолжномъ моемъ къ нему высокопочитаніи; а при томъ увѣриться, что имѣю честь быть и пр.

Иванъ Бецкій.

Декабря 11-го дня 1766 года.

1766 года Декабря 11 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

Письмо отъ Генерала Поручика и Кавалера Ивана Ивановича Бецкаго къ правящему Генералъ Прокурорскую должность Господину Генералу Квартирмейстеру и Кавалеру Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, коимъ, принося благодареніе за оказанную чрезъ него отъ Сената довѣренность, объявляетъ, что онъ не приминетъ по мѣрѣ силъ своихъ и способности употребить своего старанія въ сочиненіи проэкта, служащаго къ постановленію достойнаго Ея Императорскаго Величества монумента. Приказали: какъ оное письмо писано къ Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, то чрезъ негоже засвидѣтельствовать ему именемъ Сената благодареніе, а притомъ просить по знанію его здѣшняго города плана, чтобъ далъ знать на какомъ бы мѣстѣ онъ разсуждалъ тотъ монументъ пристойнѣе поставить, также если онъ поѣдетъ въ чужіе краи, то на какомъ основаніи будетъ онъ о проэктѣ стараться и будетъ ли давать знать Сенату, что имъ учинено будетъ, а между тѣмъ приступить Сенату къ положенію учрежденія для произведенія всего намѣренія въ дѣйствіе.

Правительствующаго Сената изъ С.-Петербургскихъ въ Московскіе Департаменты.

Вѣденіе.

По указу Ея Императорскаго Величества Правительствующаго Сената С.-Петербургскіе Департаменты въ Общемъ Собраніи, слушали предло

женное 24 числа минувшаго января правящимъ Генералъ Прокурорскую должность Генераломъ Квартирмейстеромъ и Кавалеромъ Князь Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ вѣденіе, находившихся здѣсь Сената Департаментовъ въ коемъ объявлено, что Сенатъ, разсуждая сколь много должность его требуетъ приступить къ дѣйствительному исполненію принятаго уже намѣренія о сооруженіи монумента Всемилостивѣйшей своей Государыни въ безсмертную славу и въ сохраненіе въ будущіе роды тѣхъ Матернихъ щедротъ, кои Ея Императорское Величество принятіемъ Императорскаго Престола всѣмъ Ея Величества вѣрноподданнымъ изліяла, а при томъ имѣя всегда предметомъ вѣчную благодарность за подъемлемые Ея Императорскимъ Величествомъ неусыпные труды и Матернее попеченіе, отъ которыхъ всѣ вѣрноподданные благоденствіемъ наслаждаются, и вѣдая какъ велико должно быть усердіе и готовность вѣрныхъ сыновъ россійскихъ видѣть сіе намѣреніе ихъ иждивеніемъ начатое и оконченное такимъ образомъ, чтобъ чрезъ то нетолько самимъ себѣ воображать и во всегдашней памяти имѣть отъ коликихъ они бѣдствій благодѣяніемъ Всемилостивѣйшей ихъ Монархини избавились, но и какого отечества ихъ пріумноженія своей славѣ и благополучію впредь ожидать имѣетъ подъ державою столь человѣколюбивой и о истинной пользѣ своихъ подданныхъ неусыпно пекущейся Монархини, согласно положили: 1-ое на сооруженіе достойнаго толикія монумента назначить сумму трехъ сотъ тысячь рублей, или когда востребуется то и болѣе, и собрать оную съ дворянъ, расположа для порядочного расчета по числу каждаго крестьянъ, съ души по три копѣйки, и продолжить сей сборъ чрезъ четыре года, сдѣлавъ оному начало со второй половины сего 1767 года, и какъ тѣмъ вѣденіемъ требовалось общаго на то согласія отъ Московскихъ Сената Департаментовъ, а нѣкоторые сенаторы изъ Москвы прибыли сюда и вступили уже въ присутствіе пятаго и и втораго Департаментовъ, то правящій Генералъ Прокурорскую должность Господинъ Генералъ Квартирмейстеръ и Кавалеръ и предложилъ то вѣденіе съ тѣмъ, дабы благоволили прибывшіе сюда сенаторы объявить свое о томъ разсужденіе; почему Господа Сенаторы Глѣбовъ, Еропкинъ и Желябужской, выслушавъ помянутое вѣденіе, и будучи какъ готовыми, стольже равномѣрно и обязанными споспѣшествовать сему благоначатому намѣренію, положили сообщить въ Московскіе Сената Департаменты вѣденіе и во ономъ объявить, что они съ своей стороны признаваютъ за удобно получить довольную сумму при нынѣшнемъ собраніи дворянъ для выбора къ сочиненію проэкта новаго уложенія депутатовъ, такимъ образомъ, чтобъ будущіе при вы- тѣхъ отъ дворянства депутатовъ начальники, по окончаніи выбора, со- о дворянъ предложили, не согласятся ли они въ томъ время всякой по

состоянію и возможности своей подписать какое либо число денегъ на сооруженіе достойнаго Монархини своей монумента, а если бы симъ способомъ требующаяся сумма не собралась, то можно уже тогда, согласно съ разсужденіемъ прочихъ господъ Сенаторовъ, расположить на дворянъ по числу каждаго крестьянъ, но токмобъ полагаемая сумма или сверхъ того кто изъ усердія своего сколько дать пожелаетъ взносима была самими дворянами кому гдѣ способнѣе, не отягощая тѣмъ платежемъ крестьянъ, для чего и начало сдѣлать неточно со второй половины сего 1767 года, но съ Сентября мѣсяца, по причинѣ, что сборъ подушныхъ денегъ происходитъ обыкновенно чрезъ полгода, и такъ въ случаѣ назначенія и сему сбору времени съ половины года не безъ сомнѣнія, чтобъ нѣкоторыя городовыя Канцеляріи не обратили онаго сбора на крестьянъ и не сталибы сбирать обще съ подушными деньгами, ибо Сенатъ уповаетъ, что всѣ дворяне сами на сіе полезное дѣло со усердіемъ по сдѣланному положенію деньги отдавать будутъ; впрочемъ же если Московскіе Сената Департаменты что еще за лучшее къ произведенію сего намѣренія въ дѣйство постановятъ, то они Сенаторы въ убѣжаніе потерянія въ перепискахъ времени полагаются во всемъ на разсужденіе тѣхъ Департаментовъ. Февраля 6 дня 1767 года. Оберъ Секретарь Никифоръ Арбузовъ.

—

1767 года Февраля 28 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

По вѣденію изъ С.-Петербургскихъ Сената Департаментовъ сего Февраля 14 дня коимъ увѣдомляютъ, что они минувшаго января 24 дня слушали предложенное правящимъ Генералъ Прокурорскую должность Генералъ Квартирмейстеромъ и Кавалеромъ Князь Александръ Алексѣевичемъ Вяземскимъ вѣденіе находившихся въ С.-Петербургѣ Сената Департаментовъ о сборѣ съ дворянъ по числу каждаго душъ денегъ трехъ сотъ тысячь рублей на сооруженіе монумента Ея Императорскаго Величества и какъ тѣмъ вѣденіемъ требовалось общаго на то согласія отъ Московскихъ Сената Департаментовъ, то прибывшіе изъ Москвы въ С.-Петербургъ господа Сенаторы Глѣбовъ, Еропкинъ и Желябужской объявили свое мнѣніе, какъ они съ своей стороны признаваютъ за удобно получить довольную на сооруженіе того монумента сумму, которое ихъ разсужденіе въ томъ вѣденіи точно прописано, объявляя при томъ что еслибы тѣмъ способомъ требующаяся сумма не собралась, то уже тогда можно расположить на дворянъ по числу каждаго крестьянъ, Приказали: какъ о сооруженіи показаннаго монумента и о сборѣ потребной на то суммы опредѣленіе послѣдовало по разсужденію общаго всѣхъ Сената Департаментовъ Собранія, то и посему вѣ-

21*

денію доложить въ томъ-же общемъ всѣхъ Сенатскихъ Департаментовъ Собраніи. Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

Прошлаго 1767 года февраля 7 дня правящій генералъ прокурорскую должность господинъ генералъ квартирмейстеръ (что нынѣ генералъ прокуроръ и кавалеръ) князь Александръ Алексѣевичь Вяземской въ Сенатѣ объявилъ Ея Императорскаго Величества указъ, что Ея Императорское Величество по представленію выбраннаго отъ города С. Петербурга головы генералъ маіора и оберъ коменданта Зиновьева Высочайше повелѣть соизволила: собираемыя здѣсь отъ города по общему на выборѣ депутата сдѣланному положенію чрезъ генералъ маіора Мерлина деньги принимать въ здѣшній банкъ и, содержа ихъ особою суммою, отдавать въ проценты впредь до указа.

И въ слѣдствіе онаго тогожъ числа въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣлено: объ ономъ для надлежащаго исполненія С. Петербургскаго Государственнаго Банка для дворянства въ контору, и къ генералъ маіору Мерлину послать (итогожъ Февраля 12 дня посланы:) указы также Московскимъ Сената Департаментамъ и генералъ маіору и оберъ коменданту Зиновьеву дать знать.

—

1773 года Октября 30 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

Впущенъ былъ предъ Собраніе Правительствующаго Сената генералъ поручикъ и города С.-Петербурга депутатъ Мерлинъ, и подалъ отъ себя доношеніе съ приложеніемъ при ономъ трехъ вѣдомостей: 1-е, отъ кого при выборѣ депутатовъ къ сооруженію Ея Императорскаго Величества монумента, денегъ по подпискамъ собрано; 2-е, сколько когда оныхъ въ дворянской Банкъ отдано; 3-е, сколько и съ кого не взыскано, проситъ указа, что съ неплательщиками чинить, или приказать имѣющіяся у него о томъ письма отдать въ какое правительство. Приказали: оное доношеніе доложить отъ экспедиціи въ другое собраніе и о томъ во оную дать съ сего пункта копію. подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

1773 года Ноября 11 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

По доношенію генералъ поручика и города С.-Петербурга депутата Мерлина при коемъ взнесъ вѣдомости: 1-ю, коликое число къ сооруженію

монумента Ея Императорскаго Величества по подпискамъ денегъ собрано; 2-ю, сколько когда оныхъ въ Банкъ отдано; и 3-ю, сколько съ кого собрать надлежитъ, и проситъ указа что чинить съ неплательщиками, или принять отъ него приходную и расходную книгу. Приказали: по сему доношенію доложить въ полное сего Департамента Собраніе, и о томъ въ экспедицію дать съ сего пункта копію. Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

1773 года Декабря 11 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

Слушано доношеніе генералъ поручика и города С.-Петербурга депутата Мерлина, при коемъ прилагая вѣдомости: 1-ю, отъ кого при выборѣ депутатовъ къ сооруженію Ея Императорскаго Величества монумента денегъ по подпискамъ собрано; 2-ю, сколько когда оныхъ въ дворянскій Банкъ отдано; 3-ю, сколько и съ кого невзыскано, проситъ указа, что съ неплательщиками чинить, или приказать имѣющіяся у него о томъ письма отдать въ какое правительство. Приказали: Призвавъ въ Сенатъ генерала поручика Мерлина оное доношеніе съ вѣдомостьми отдать ему обратно, объявя при томъ, что сіе дѣло до Сената не принадлежитъ, яко зачавшееся по добровольному согласію Санктпетербургскихъ гражданъ въ общемъ ихъ собраніи. О чемъ въ экспедицію дать съ сего пункта копію. Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Оное доношеніе съ приложеніями отдано обратно помянутому господину генералу поручику въ Сенатѣ чрезъ господина оберъ секретаря Момонша. Марта 18 дня 1774 года. Секретарь Иванъ Туманскій.

О монументѣ Петра I-го.

—

О сдѣланномъ портретѣ Государя Императора Петра Великаго изъ мѣди, сидящемъ на конѣ.

По доношеніямъ канцеляріи отъ строеній, о разсмотрѣніи генералу поручику Бецкому, вылитой изъ мѣди портретъ Государя Петра Великаго такъ-ли здѣланъ чтобъ оной по проэкту Мартелія окончанъ, и о докладѣ о томъ Ея Императорскому Величеству, равно объ отпускѣ на перестройку анбара, гдѣ портретъ стоитъ, денегъ 400 рублей.

При семъ рѣшеніи: Октября 26 дня 1764 года. Декабря 17 дня 1764 года. Сентября 21 дня 1766 года. Ноября 22 дня 1766 года. Марта 3 дня 1768

года. Мая 23 дня 1768 года. Іюня 10 дня 1768 года. Мая 15 дня 1772 года. Августа 13 дня 1773 года.

—

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Канцеляріи отъ Строеній.

Покорнѣйшее доношеніе.

По имянному Ея Императорского Величества Высочайшему указу, объявленному въ сообщеніи изъ Кабинета Ея Императорского Величества, за рукою тайнаго совѣтника и кавалера Барона Ивана Антоновича Черкасова Іюля 23 дня прошлаго 1743 года, Повелѣно: архитектору графу Растрелію по апробованнымъ отъ Ея Императорского Величества моделямъ Блаженныя и Вѣчнодостойныя Памяти Государя Императора Петра Великаго два портрета мѣдные сдѣлать, а къ тому что надобно будетъ какихъ людей, мѣди и другихъ припасовъ, то все по его требованію отпускать изъ канцеляріи отъ строенія безъ удержанія, и изъ оныхъ портретъ сидящій на конѣ отлить, которой нынѣ чеканною работою росчищается и ко оному надлежитъ еще дѣлать по апробованной модели съ разными приличными украшеніями мраморный пьедесталъ, на которомъ оной портретъ имѣетъ быть поставленъ, чего ради къ тому, послѣ смерти помянутаго Растрелія, мастеромъ Мартеліемъ заготовляются нынѣ разныя модели, а стоящій портретъ еще и дѣлать не начатъ, и по поданной отъ оного Мартелія въ канцелярію отъ строеній вѣдомости на дѣло того пьедестала и принадлежащихъ украшеній по исчисленію во оной Канцеляріи необходимо потребно денежной казны до сорока тысячь девятисотъ тридцати семи рублей, а изъ положенной на канцелярію отъ строеній суммы (которой и на исправляющіяся въ силу Имянныхъ Ея Императорского Величества Высочайшихъ указовъ въ домахъ и садахъ Ея Императорского Величества и на прочія многія работы и на дачу служителямъ жалованья не достаточно) вышеписаннаго исправить не изъ чего.

Того ради Правительствующаго Сената канцелярія отъ строеній покорнѣйше проситъ, дабы благоволено было на дѣло къ означенному портрету пьедестала и на выливаніе подлежащихъ къ тому разныхъ по модели украшеній требуемое число денежной казны, хотя по срокамъ откуда надлежитъ въ канцелярію отъ строеній отпустить, дабы тѣмъ оное славное дѣло во окончаніе привесть можно было. *В. Ферморъ.*

(Взнесено и слушано Декабря 5 дня 1755 года).

—

1755 года Декабря 5 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

По доношенію канцеляріи отъ строеній, коимъ требуетъ объ отпускѣ на дѣло по имянному Ея Императорского Величества Высочайшему указу по апробованнымъ отъ Ея Императорского Величества моделямъ къ портрету блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, сидящему на конѣ пьедестала и на выливаніе подлежащихъ къ тому разныхъ по модели украшеній денежной казны до сорока тысячь девятисотъ тридцати девяти рублей откуда надлежитъ. Приказали: оное доношеніе принявъ, доложитъ впредь. Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Канцеляріи отъ Строеній.

Доношеніе.

Въ сообщеніяхъ изъ кабинета Ея Императорскаго Величества во онную канцелярію объявлено въ 1-мъ, 743 году Іюля 22, что Ея Императорское Величество указала архитектору и скульптору графу Дерастрелію по апробованнымъ отъ Ея Императорскаго Величества моделямъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого два портрета мѣдные сдѣлать и къ тому что надобно будетъ какихъ людей, мѣди и другихъ припасовъ, то все по его требованію отпускать изъ помянутой канцеляріи безъ удержанія, во 2-мъ, 744 году Января 21, Ея жъ Императорское Величество указала италіанца штукарного дѣла мастера Александра Мартелія, которой въ реченной канцеляріи сказкою о себѣ показалъ, что имѣетъ онъ искуство дѣлать отливные изъ серебра и изъ мѣди портреты и прочія мастерства знаетъ, принятъ въ службу Ея Императорскаго Величества съ жалованьемъ по шестисотъ, да на квартиру, дрова и свѣчи по сту итого по семисотъ рублей въ годъ и по требованію бывшаго архитектора и скултора графа Дерастрелія опредѣлить его къ нему Дерастрелію къ дѣланію изъ мѣди портретовъ, которые ему велѣно сдѣлать по имянному Ея Императорскаго Величества указу, а между тѣмъ когда оный Мартелій при томъ дѣлѣ свободенъ быть имѣетъ, то по разсмотрѣнію Канцеляріи отъ строеній употреблять его и къ прочимъ по его искуству работамъ какія онъ знаетъ, и въ томъ съ нимъ Мартеліемъ заключить контрактъ отъ того числа на годъ, (который и заключенъ) токмо оной канцеляріи смотрѣть, чтобъ за употребленіемъ его къ другимъ работамъ не было въ дѣланіи тѣхъ портретовъ остановки, отъ чегобъ помянутой графъ Дерастрели немогъ отговорки имѣть; а Ноября 18 дня 1744 года объявленный Дерастрели умре; въ 3-мъ,

1745 года Ноября 28 числа того де Ноября 22 дня именованного графа Дерастрелія сынъ оберъ архитекторъ же графъ Дерастреліи доношеніемъ объявилъ, что вышеобъявленному Мартелію срокъ уже минулъ, а помянутое зачатое дѣло отцомъ его графа Дерастрелія, по имянному Ея Императорскаго Величества указу велѣно принять ему, при чемъ и означенному Мартелію, который при ономъ дѣлѣ обрѣтается осьмой мѣсяцъ, а канцелярія отъ строеній жалованья ему за ту бытность за прошествіемъ годичнаго времени не выдаетъ, и требовалъ чтобъ оному Мартелію на показанные восемь мѣсяцовъ по прежде заключенному съ нимъ контракту жалованье (ему) выдать и до окончанія бъ онаго портрета съ тѣмъ же жалованьемъ ему быть, по которому де доношенію Ея Императорское Величество указала оному Мартелію у вышеозначенного порученного ему дѣла быть при немъ до окончанія оного, и заслуженое жалованье на которое время ему не выдано выдать и впредь пока онъ у того дѣла будетъ производить канцеляріи отъ строеній, противъ прежняго, а между тѣмъ когда оный Мартелій при томъ дѣлѣ имѣетъ быть свободенъ то, по разсмотрѣнію той канцеляріи какъ прежнимъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно употреблять его и къ прочимъ по его искуству работамъ какія онъ знаетъ, и по онымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ вышеозначенной портретъ одинъ сидящій на конѣ изъ мѣди отлитъ и чеканною работою расчищенъ къ которому надлежитъ дѣлать съ разными арматурами и фигурами пьедесталъ на коемъ оный портретъ имѣетъ быть поставленъ, чего ради онымъ Мартеліемъ заготовляются модели; а другой стоящій портретъ еще дѣлать не наченъ, а прошлого 1753 года Декабря 31 поданнымъ онъ мастеръ Мартелія доношеніемъ требовалъ ко украшенію именованного сдѣланнаго портрета для выливанія мѣдныхъ четырехъ склявъ, и при нихъ кракштейновъ барлевыхъ и прочихъ украшеній, что къ тому принадлежитъ мѣди, мрамора и прочихъ матеріаловъ и инструментовъ, по учиненнымъ справкамъ по цѣнѣ на сорокъ тысячь на девятьсотъ тридцать семь рублей, и въ 755 году, Декабря 5 числа во оный Правительствующій Сенатъ отъ канцеляріи отъ строеній взнесено доношеніе и требовано, чтобъ повелѣно было на дѣло къ означенному портрету пьедестала и на выливанія подлежащихъ къ тому разныхъ по моделямъ украшеній означенное требованное число денежной казны хотя по срокамъ откуда надлежитъ въ канцелярію отъ строеній отпустить, токмо на то резолюціи и по нынѣ не послѣдовало; и упоминаемому опредѣленному для того мастеру Мартелію какъ по означенному имянному ...мператорскаго Величества Высочайшему указу повелѣно его содержать ...нчанія вышеписаннаго начинавшагося дѣла, нынѣ за неотпускомъ ...нного требованного числа денегъ къ скорѣйшему того портрета окон-

чанію привесть и при ономъ никакой работы исправлять не изъ чего, а сего году Ноября 20 дня плотничного дѣла мастеръ Фанболесъ поданнымъ въ канцелярію отъ строеній рапортомъ представляетъ, что сдѣланный для того портрета анбаръ за вѣтхостію надлежитъ вновь передѣлать и къ тому требуетъ матеріаловъ, и притомъ объявляетъ что оный по учиненной имъ смѣтѣ стать можетъ кромѣ матеріаловъ въ четыреста рублей, но въ канцеляріи отъ строеній какъ на означенное къ портрету дѣло пьедестала и прочаго, такъ и положенной на оную суммы нынѣ въ наличности ничего не состоитъ, и по многимъ требованіямъ не отпущено и за неимѣніемъ оныхъ всего означенного исправлять не изъ чего.

Того ради Правительствующему Сенату канцелярія отъ строеній покорнѣйше о вышеписанномъ симъ донеся, проситъ: дабы повелѣно было вышеобъявленную требованную на докончаніе означенного вылитаго изъ мѣди блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго сидящаго на конѣ портрета и другихъ къ тому повелѣнныхъ принадлежностей, сумму денежной казны сорокъ тысячь девятьсотъ тридцать семь рублей, да на дачу объявленному опредѣленному для того мастеру къ работнымъ людямъ жалованья и на перестройку означенного анбара до девяти тысячь шестидесяти трехъ а всего пятдесятъ тысячь рублей хотя по срокамъ откуда надлежитъ отпускать безъ задержанія; и о томъ куда надлежитъ послать повелительной указъ, дабы тѣмъ то славное дѣло скорѣе во окончаніе привесть, по силѣ означенныхъ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ можно было, и объявленный опредѣленный для того мастеръ Мартели за неимѣніемъ матеріаловъ и на покупку оныхъ денежной казны (хотя онъ и находится у работъ на казенномъ мастерскомъ оной канцеляріи дворѣ) безъ большого дѣла не находился, ибо оному мастеру Мартелію насчетъ оной въ отпускъ ожидаемой на докончаніе того вылитого портрета съ принадлежностьми суммы изъ положенной на канцелярію отъ строеній суммы жъ жалованья въ выдачу сего 1761 года Мая по 1-е число произведено двѣнадцать тысячь семдесятъ шесть рублей девяносто четыре копѣйки, пачежъ всего того сдѣланной анбаръ, въ которомъ нынѣ означенный Его Императорскаго Величества Государя Петра Великого портретъ вылитъ на конѣ и стоитъ; и во ономъ и впредь къ тому портрету принадлежности такожъ и другой его жъ Императорскаго Величества портретъ стоящій дѣланы и литы быть имѣютъ, за совершенною его вѣтхостію надлежитъ вновь передѣлать въ скоромъ времени, дабы за тою его вѣтхостію не упалъ и объявленному стоящему тамъ портрету какого вреда не учинилъ, но оного за неимѣніемъ какъ на оное такъ и положенной на канцелярію отъ строеній суммы перестроить не изъ чего, и ежели вскорѣ на оное денежной

казны отпущено не будетъ то за вѣтхостію того анбара можетъ послѣдовать объявленному портрету отъ упаденія онаго анбара повреждение.

(Декабря 1 дня 1761 года).

—

Въ Правительствующій Сенатъ изъ канцеляріи отъ строеній требовано извѣстіе послѣ поданныхъ въ Сенатъ изъ оной канцеляріи въ 1755 Декабря 5 и въ 1761 годахъ Декабряжъ 1 чиселъ съ требованіемъ объ отпускѣ на докончаніе вылитаго изъ мѣди блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго сидящаго на конѣ портрета и другихъ къ тому повелѣнныхъ принадлежностей и на дачу опредѣленному для того мастеру и работнымъ людямъ жалованья такожъ и на перестройку гдѣ показанный портретъ стоитъ анбара денежной казны всего пятидесятъ тысячь рублей доношеніе, не былоль въ той канцеляріи какого еще производства такожъ и помянутой портретъ во окончаніе приведенъ-ли.

Въ канцеляріи отъ строеній опредѣлено на сіе отвѣтствовать, что послѣ предъявленного поданнаго въ Правительствующій Сенатъ послѣдняго въ 761 году о требованіи въ отпускъ на докончаніе предписанного вылитого изъ мѣди блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великого сидящаго на конѣ портрета и другихъ къ тому принадлежностей прописанного числа денежной казны доношенія во оной канцеляріи объ ономъ кромѣ что о починкѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ анбара вѣтхостей (насчетъ въ отпускъ ожидаемой суммы), въ которомъ оный портретъ стоитъ, и представленія во извѣстіе къ господину генералъ поручику и кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому другаго производства никакого не было и помянутой портретъ по неотпуску денежной казны во окончаніе еще не приведенъ.

(Въ 15 день Іюня 1764 года).

—

1764 года Іюля 6 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

По доношенію изъ канцеляріи отъ строеній отъ 19 Сентября 1755 года объ отпускѣ на дѣло по апробованнымъ моделямъ и портрету блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго сидящему на конѣ пьедестала и на выливаніе подлежащихъ къ тому разныхъ украшеній денежной казны до сорока тысячь девятисотъ тридцати девяти рублей. Приказали: Доложить въ Генеральномъ Сената собраніи, Подлинный ...дписаніемъ Правительствующаго Сената.

—

1764 года Августа 17 дня въ журналѣ Правительствующаго Сената записано:

По доношенію канцеляріи отъ строеній требуетъ объ отпускѣ на дѣло къ портрету блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великого сидящему на конѣ пьедестала и на выливаніе подлежащихъ къ тому разныхъ украшеній также и на дачу опредѣленному для того мастеру и работнымъ людямъ жалованья и на перестройку анбара, гдѣ оный портретъ стоитъ денежной казны всего пятдесятъ тысячь рублей, Приказали: Доложить.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ЗАПИСКА БИЛИШТЕЙНА О ВЫБОРѢ И УСТРОЙСТВѢ ПЛОЩАДЕЙ ДЛЯ ПРОЭКТИРОВАННЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ II.

(Сообщено изъ дѣлъ Государств. Архива въ С.-Петерб. К. К. Злобинымъ.)

A.

Place à former à St-Pétersbourg pour la statue de Pierre I *).

La place destinée à recevoir la statue de Pierre-le-Grand dans la ville de Pétersbourg devrait être formée en rapport des vues de ce prince, sur ses conquêtes, sur la fondation de cette capitale et nouvelle résidence, sur l'établissement de tous les monuments militaires et politiques, dont il l'a accompagnée, ou dont il a eu intention de l'orner et enrichir, sans oublier l'empire qu'il avait reçu de ses pères.

Un des objets principaux de ce prince fut d'établir et d'assurer un port sur la mer Baltique, afin d'ouvrir à ses peuples anciens et nouveaux le commerce du monde par la communication avec les mers d'Allemagne, avec

*) Эта записка переплетена вмѣстѣ съ другими бумагами въ томѣ, который озаглавленъ: «Собственноручныя записки Им. Екатерины II. Переписка съ разными особами и съ Фальконетомъ». Старый Архивъ Госуд. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, часть V, томъ 31. Нынѣ: Архивъ Гос. М. Ин. Дѣлъ, подъ V, № 143.

l'Océan, avec toutes les mers. Le fleuve Néva, navigable depuis sa naissance jusqu'à son embouchure dans le golfe dit de Finlande qui se joint avec la mer Baltique, lui parut le plus propre à l'exécution de ses desseins. Ce fut sur ce fleuve et à peu de distance de son embouchure dans ce golfe qu'il se décida à fonder sa nouvelle ville. Elle fut d'abord une citadelle, un port, une ville de commerce. Elle est devenue en même temps capitale d'un des plus vastes empires du monde; résidence des souverains les plus puissants; par là le séjour d'une noblesse illustre qui forme une cour des plus brillantes et des plus nombreuses. (Savoir si tous ces objets entrèrent dans les premières vues du fondateur!) Son premier plan fut de la bâtir totalement sur la droite de la Néva dans ce vaste terrain que diverses branches du fleuve entourent, et qu'on appelle Wasili-Ostrow (Ile de Basile). Nombre de monuments subsistants en sont la preuve. Des événements successifs, presque imperceptibles, sans dessein formé, sans plan fixé, ont porté sur la gauche les palais impériaux; avec eux la noblesse, et la grande et principale partie de la ville. Le premier plan a été manqué ou est resté dans le milieu de son exécutiou; on en fit trop pour n'en avoir pas fait assez. On dit communément que le plan de Pierre-le-Grand pour la bâtisse de sa ville fut tout autre que ce qui est exécuté. A celà je réponds: Comment ce prince le permit-il? A qui en confia-t-il l'exécution? Où est son plan, où sont ses vues, ses ordres? Serait-il possible qu'il n'existât rien par écrit? Si dans le principe on avait fait du tout un plan raisonné, on n'aurait pu manquer au prince dans la direction et dans l'exécution. Je n'entre pas d'avantage dans l'historique et dans les faits; je pars de l'état actuel des choses auquel toutes les combinaisons doivent être ramenées.

L'intérêt de l'objet, soit pour le temps présent ou pour le temps à venir auquel on est comptable de ses travaux, sur la vérité et sur la bonté desquels il juge inexorablement, demande que je parcoure toutes les places qui sont dans la ville: on se décidera en faveur de celle qui réunira le plus de grandeur et de beautés, pourquoi je suppose la connaissance des règles fondamentales de l'art, de la perspective et surtout un goût éclairé.

Premier emplacement. Dans un mémoire sur l'agrandissement et embellissement de Pétersbourg premier point, j'ai annoncé la place qui est audevant du palais impérial d'hiver, laquelle serait considérablement embellie et comme agrandie par les arrangements que j'ai proposés.

Second emplacement. A l'orient de l'amirauté est un grand emplacement ·é par trois perspectives. Pour vaste qu'il soit, il n'offre rien de suffi- pour la place désirée.

1° Il faudrait détruire tout le glacis oriental de l'amirauté.

2° Bâtir quatre façades en totalité.

3° Cette place serait presque sans vues. Les trois grandes rues ou perspectives traversent bien ce terrain; mais comme elles ne se rencontrent qu'au point central de l'amirauté, afin que la statue fût vue de plusieurs points, il faudrait la placer précisément au centre de l'amirauté: chose impossible; à moins d'abattre l'amirauté même; auquel cas il y aurait beaucoup d'autres choses à faire. Cet emplacement pourrait avoir une autre destination très-belle et très-convenable à l'embellissement de la ville, j'en traiterai dans un mémoire particulier.

Troisième emplacement. Entre la façade méridionale du palais d'hiver et la septentrionale de l'amirauté est un emplacement assez vaste, formant un parallélogramme, aboutissant au couchant à la Néva et au levant à la place qui est au-devant et à côté du palais d'hiver.

Cet emplacement isolé ne répond pas aux objets qu'on se propose.

Quatrième emplacement. Ce que nous nommons le Wasili-Ostrow est proprement la ville bâtie par Pierre I. Il contient plusieurs emplacements pour faire une place. Le plus vaste et le plus favorable est celui qui a au midi la façade septentrionale de douze colléges impériaux; au couchant les magasins, ambares et la douane, derrière lesquels est la bourse des marchands, derrière tous lesquels bâtiments règne la Néva et le port pour les grands vaisseaux; au nord sont des terrains imbâtis et inoccupés; au levant sont les bâtiments de l'académie impériale des sciences, la grande bibliothèque, la chambre des raretés, la cabinet d'histoire naturelle, avec la grande Néva au-delà de laquelle on découvre par espaces quelques-uns des bâtiments qui sont sur la gauche, comme le palais d'hiver, l'amirauté, quelques maisons de seigneurs et de particuliers.

Cet emplacement est très-vaste; n'étant bâti que par la façade des colléges on est libre de bâtir les trois autres dans tel ordre et goût d'architecture que l'on voudra.

Mais quelques travaux que l'on fasse, on ne parviendra jamais à en faire une place régulière et dans les proportions que l'art exige, à moins de détruire partie des bâtiments qui y existent.

Le terrain étant totalement à l'extrémité de la ville, il est comme dehors, ou au-delà de la ville. Quand on le bâtirait, et qu'on y percerait des rues, où déboucheraient elles? où aboutiraient-elles? Je ne leur vois d'autre issue que dans la Néva qui a là point nord, et de cet emplacement commence à former le Wassili-Ostrow. Tout ce quartier et ceux des environs ne sont aucunement habités; ils ne sont fréquentés et ne le seront jamais qu'accidentellement par des personnes qui vont dans les colléges, ou qui passent

pour les affaires momentanées du commerce, mais qui ne voudraient pas s'y établir. Pour voir la place et la statue, il faudrait aller les chercher de loin, tandis qu'elles doivent se présenter et être vues de toutes parts. La façade septentrionale des colléges est d'environ 200 sagènes de long, son ordre ou son goût d'architecture ne convient aucunement au dessin d'une place. Les trois façades qui seront à bâtir ne pourront être bâties uniformément à celle des colléges existante. De là irrégularité frappante, à moins d'abattre la façade des colléges pour la rebâtir, ce que je n'oserais supposer.

Voudrait-on séparer la place de la façade des colléges en bâtissant devant celle-ci une nouvelle façade qui serait méridionale, séparée de la première par une rue? Je demande où serait le terrain pour la place? et d'ailleurs il y aurait cinq façades à bâtir au lieu de trois. Quelles dépenses, et dans quel dessein?

Les trois nouvelles façades bâties avec la grandeur que je leur suppose pour le monument auquel elles sont destinées, qui occuperait les maisons? Elles seront trop vastes et trop magnifiques pour les personnes que leur état ou leur intérêt détermine à fixer leur habitation dans le Wasili-Ostrow.

Veut-on que ces façades soient destinées pour des bâtimens ou fondations impériales? Ce n'est pas dans leur centre qu'on place une statue; pareille place n'est, pour ainsi dire, plus qu'une cour. Pierre-le-Grand doit être dans sa capitale, au milieu de sa noblesse, au milieu de son peuple de toutes les classes, dans le centre des établissements militaires et politiques qu'il a fondés: si sa statue était mise dans cet endroit du Wasili-Ostrow, je craindrais qu'elle ne fût hors de la ville. On le voit par l'emplacement que j'ai représenté sous les points de vue qui pouvaient lui être les plus favorables. Ma crainte est fondée sur ce point que si l'on pensait à faire en même temps deux grandes villes à St-Pétersbourg, il peut arriver qu'on n'en ait jamais aucune. Outre l'expérience du passé qui appuie mon sentiment, il a pour base nombre de combinaisons physiques et politiques qui se présentent assez aux spéculateurs et aux calculateurs, dont les principales sont dans mes divers mémoires sur cette ville qui tous ensemble font un corps d'ouvrage. Je souhaiterais de pouvoir les indiquer toutes en même temps, mais je ne dois pas me répéter. D'ailleurs ces objets doivent être traités en grand, après quoi chacun peut ajouter ses propres lumières.

La grandeur et la magnanimité de l'Impératrice d'un côté, de l'autre le tendre et respectueux attachement des peuples pour sa personne, demandent maintenant dans St.-Pétersbourg deux places nouvelles, dignes motifs qui les font établir. Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde,

glorieusement régnante, a décidé d'élever à la gloire de Pierre-le-Grand pour monument éternel une statue qui le représente dans sa capitale.

Le sénat suprême de l'empire composé de sa plus insigne noblesse militaire et politique, exprimant les sentiments de tous les peuples, a saisi cet instant heureux de porter ses voeux aux pieds du trône, en suppliant Sa Majesté Impériale d'accepter l'hommage d'une statue dans sa capitale.

Si la place qui est au-devant du palais impérial d'hiver, laquelle j'ai indiquée dans mon premier mémoire premier point, n'est pas disposée pour recevoir la statue de Pierre-le-Grand, cette magnanimité qui dirige toutes les actions de l'Impératrice saura lui donner par la suite une destination glorieuse; j'en parlerai dans un autre mémoire.

D'après les difficultés et les considérations exposées dans le mémoire précédent et dans celui-ci, pour concilier tous les arrangements suivant les emplacements des deux villes, voici le plan qui me paraît le plus grand, le plus magnifique, et néanmoins plus susceptible d'exécution; chacun pourra en juger lorsqu'il le connaîtra, pourquoi on doit prendre la patience de me suivre dans les détails indispensables de pareils objets.

Cinquième emplacement. Sur la gauche de la Néva est un vaste emplacement ayant le fleuve au couchant; au midi l'hôtel où le sénat tient ses assemblées: au levant un espace vide, coupé par le petit canal qui vient du glacis oriental de l'amirauté, lequel espace s'étend au levant jusqu'à la Moïka au pont bleu; au nord le glacis méridional de l'amirauté avec un petit canal qui communique à la rivière, lequel sert à recevoir les yachts et chaloupes de l'Impératrice.

Cet emplacement est ce que l'on peut appeler le centre des deux villes; il est le passage continuel de l'une à l'autre, le plus fréquenté par les personnes de tous les rangs. Sa surface est partout égale, sans hauteur ou irrégularités; il offre la situation la plus belle, la nature la plus favorable; c'est à l'art de le diriger, de le former et de le créer, pour ainsi dire, sous les rapports des divers objets de sa grande et nouvelle destination. Tout ce que je vais en dire, demande d'être combiné avant de se décider pour ou contre. Il faut connaître la ville, se la représenter, et peut-être par instant en avoir le plan devant les yeux.

La façade orientale de cette place doit rester totalement vide par les motifs ci-dessous. On peut dire néanmoins qu'elle est déjà formée par les hôtels des cadets de terre et de mer, et par les autres hôtels et bâtiments qui forment toute la tête des lignes sur la droite de la Néva. La façade septentrionale sera formée en partie par la façade septentrionale de l'hôtel

du sénat, laquelle sera rebâtie avec le temps sur le plan général des trois façades de la place, qui doivent être uniformes (a).

Cette façade septentrionale sera continuée sur le même plan, dans l'emplacement où est actuellement la façade septentrionale de la corderie (b), laquelle façade sera prolongée jusqu'au point de rencontre de l'angle Nord-Est, qui sera fixé pour faire la façade orientale de la grande rue régnant devant le glacis oriental de l'amirauté, dont il sera parlé ci-dessous. Pourquoi on devra bâtir dans l'emplacement qui est au levant de la dite corderie une nouvelle façade prolongée le plus loin possible du nord au midi; laquelle façade sera celle orientale de la grande rue régnant devant le glacis oriental de l'amirauté, dont il va être parlé.

La façade occidentale de la dite place se fera en continuant la grande rue qui, dans le plan général de la ville doit être bâtie au-devant du glacis oriental de l'amirauté, les maisons de laquelle rue devront avoir des façades uniformes avec celles de la nouvelle place, du moins sur toute la largeur de la dite place.

Par là il semble que le petit canal ou fossé venant du dit glacis oriental de l'amirauté, pourrait être comblé afin de donner plus d'espace à la place, et d'éviter le pont qui subsiste maintenant, lequel ne devant pas se trouver dans pareille place serait ôté (d).

Continuer la dite rue venant du glacis de l'amirauté, sur le même alignement le plus loin possible au midi. Elle irait aboutir au petit canal,

---

(a) Je dois avertir que cette façade de l'hôtel du Sénat est un peu oblique, défaut qu'il convient de réparer si jamais on la rebâtit à neuf. Elle peut néanmoins subsister dans cet état nombre d'années, étant d'un assez bel ordre, quoique trop peu élevée et trop peu décorée pour une place telle que celle qu'il s'agit de former.

(b) Il est nécessaire d'observer que cette corderie, peut-être l'une des plus belles qu'il y ait en Europe, est certainement la plus mal placée qu'il soit possible par rapport à la ville qui a dans cet endroit un passage continuel. Elle doit être transférée ailleurs pour le tout, ou pour partie, quel que soit le plan de la ville.

(d) Au lieu de combler en plein ce canal, on pourrait, dans la vue de conserver les eaux si nécessaires dans tous les quartiers par la crainte des incendies, le rétrécir, le faire voûter à rase terre et pratiquer au-devant de chaque maison des ouvertures de deux à trois pieds de diamètre, c'est-à-dire, d'environ une archine, couvertes par de bons madriers, avec des ferremens et serrures, afin d'en tirer de l'eau pour la commodité particulière de chaque maison; toutes lesquelles seraient ouvertes dans les besoins généraux occasionnés par le feu. Puisque ce canal est creusé, et qu'on ne peut pas dire qu'il y en ait beaucoup dans la ville, il faut le rendre utile. Par ce moyen simple et peu dispendieux les eaux seraient répandues abondamment dans tout ce quartier, sans que la continuation de la rue et de la place en fût aucunement interceptée.

Mais comme ce petit canal sert à conduire les bois aux chantiers de l'amirauté, on trouverait aisément moyen d'y suppléer.

qui coupe la ligne du Galeeren-Hof du couchant au levant, et va se jeter dans la Moïka.

Au midi de ce canal est l'île dite Matisow, la Moïka, avec des emplacements qui s'étendent jusqu'à la grande Néva. A l'extrémité de la rue ci-dessus, il faudrait pratiquer un espace ouvert à travers l'île Matisow, afin de laisser voir en plein la grande Néva, la mer et tous les vaisseaux qui arrivent et partent du port, ce qui ferait à cette rue et à la nouvelle place un beau prospect au midi. Peut-être par la suite pourrait-on embellir l'île Matisow par des bâtiments en pierre.

Si l'on voulait faire la place moins longue, on pourrait faire sa façade occidentale le long du dit canal, venant de l'amirauté, soit au levant ou au couchant. Mais si l'on prenait ce parti, il faudrait ensuite bâtir du derrière une façade orientale vis-à-vis de la grande rue régnant devant le glacis oriental de l'amirauté, ce qui demanderait trop de bâtiments, trop de dépenses, et rétrécirait trop la place proposée qui aurait moins de grandeur, et ne serait plus celle que je voudrais former; pourquoi il me paraît que l'alignement que j'ai donné à la façade occidentale de la place doit subsister.

La façade méridionale de cette place commencera à l'angle Sud-Ost du glacis oriental de l'amirauté; sera continuée du levant au couchant le long du glacis méridional de l'amirauté et ira finir à la Néva; c'est-à-dire au quai qui y sera construit par la suite sur le même alignement que l'angle Nord-West de la façade septentrionale de l'hôtel du sénat (e).

Il dépend de la largeur que l'on voudra donner à la place, et de l'usage que l'amirauté fait de son glacis méridional, de faire la façade méridionale de la dite place sur le même alignement que celle actuelle méridionale de de l'amirauté, ou de laisser entre cette dernière et la nouvelle pour la place un petit glacis ou intervalle. S'il était permis de dire mon sentiment, je pense que la dite façade actuelle de l'amirauté, doit servir d'alignement pour la façade méridionale de la nouvelle place. Auquel cas il suffirait de rebâtir la dite façade sur ses fondements, suivant le plan général des façades de la place (f). En tout on doit prendre pour principe et pour combinaison de faire une place régulière et vaste sur toutes ses dimensions. Il convient

(e) Quand même le quai ne devrait pas régner derrière l'amirauté, il faudrait du moins le continuer depuis la droite de la tête du pont de la Néva jusqu'à l'angle Sud-West de la façade de l'amirauté, afin de faire symétrie au quai qui sera établi sur la gauche du dit pont, et continuée avec le temps sur toute la ligne du galeeren-hof.

(f) Par là l'amirauté ne recevra aucun accroissement de bâtiments. La nouvelle façade devenant néanmoins aussi belle, pourrait être destinée pour sa chancellerie, pour ses conseils ou assemblées, pour y loger un amiral ou autres grands officiers.

de conserver ou de donner une porte d'entrée à cette façade méridionale de la place ou de l'amirauté. Cette porte devrait être placée en face de la rue qui est entre la façade orientale de l'hôtel du sénat, et la façade occidentale de la corderie (g). Pour produire un bel effet, il est nécessaire de faire une belle porte triomphale ou une grande grille bien décorée. Cette place sera nommée du nom de Pierre-le-Grand. Je ne décide pas si elle sera en carré, en rectangle, en octogone, ou sous tout autre figure. Le terrain semble la fixer; il présente un grand parallélogramme. J'en joins ci-après toutes les dimensions en longueur et en largeur.

Cette place aurait sept entrées, formées par quatre rues; savoir 1° du côté du levant, par la rue venant du pont bleu, allant du levant au couchant, aboutissant directement à la tête du pont de bâteaux sur la Néva. 2° au couchant, par le pont de bâteaux établi sur la Néva, et par toute la largeur de la place même qui sera de 110 à 120 sagènes, et fera la plus belle et la plus grande entrée qu'il y ait pour quelque place que ce soit dans le monde jusqu'à nos jours. 3° et 4° par la rue qui sera établie au levant du glacis oriental de l'amirauté, prolongée ainsi qu'il a été dit, du nord au midi, ce qui lui donnerait également deux belles entrées, l'une au nord, l'autre au midi (h). Dès l'entrée au nord on découvrirait partie de la place qui est au-devant du palais d'hiver et partie de la façade méridionale de la dite place. Ce point de vue est de la plus grande importance pour la place du palais d'hiver. Quelle que soit sa destination on doit le ménager et le former; il est possible, dépendant de certains arrangements à faire pour lesquels on est encore à temps, si l'on veut cette rue doit former une communication entre la place du palais d'hiver et celle de Pierre-le-Grand. De là combien de beautés à se promettre!

L'entrée au midi serait également très-belle; le point de vue serait prolongé à travers l'île Matisow jusqu'à la Néva et à la mer, ainsi qu'il a été dit précédemment. 5° Une cinquième entrée au midi par la rue dite Isakiewskaïa. 6°. Une sixième entrée au midi par le quai du Galeeren-Hof, venant du midi au nord, et donnant le point de vue sur toute la ligne de la gauche non-seulement, mais même de la droite de la Néva. Ce qui forme un coup-d'oeil vraiment frappant, et peut-être unique par la grandeur et par la variété des objets. 7°. Une septième entrée au nord par le quai régnant du derrière de l'amirauté; ce qui donne au nord un point de vue

(g) Cette rue s'appelle, je crois, Isakiewskaja. Ce défaut de savoir le nom des rues et des emplacements m'oblige souvent d'user de détails; mais je tâche de me faire entendre.

(h) Ces rues nouvelles à bâtir devraient avoir des noms Impériaux.

sur le palais d'hiver et sur tout le quai de la Néva, ainsi que sur toutes les façades occidentales des hôtels et maisons de la grande Millionnaïa, qui règnent le long de la rivière.

Ces sept entrées sont très-larges: chacune offre différens et les plus beaux points de vue qu'il soit possible de souhaiter.

On verra ci-après les ornements et points de vue que cette place aura pour lui tenir lieu de façade orientale. Je dois suivre les arrangements à peu près dans l'ordre du terrain.

Il serait à souhaiter, que la rue qui ira du pont bleu à la Néva, fût ouverte en ligne droite vers le pont qui s'établit sur la Néva, afin que dès le pont bleu on pût découvrir le pont de la Néva, la ligne droite du Wassili-Ostrow tout le long de la Néva, la place de Pierre-le-Grand et sa statue.

On devrait également ménager le terrain, pour que dès le pont de la Néva et dès la nouvelle place on pût découvrir l'hôtel du comte Iwan Grigorjewitz Tschernicheff, lequel donnerait un très-bel aspect au pont et à la place; comme dès cet hôtel on découvrirait la nouvelle place, la statue, la tête du pont, la Néva et les façades des hôtels des corps des cadets sur la droite de la Néva. Pour opérer ces effets, la rue allant du pont bleu au pont de la Néva doit être fort large.

Mais l'église Isakiewskaïa dont on a jeté les fondements dans l'espace intermédiaire, fera peut-être obstacle à ces vues. On pourrait peut-être la placer ailleurs avec plus de magnificence et de commodités. Ne serait-il pas encore possible de ménager les uns et les autres? S'il n'y a pas de moyen, on doit tâcher de tirer le parti le plus avantageux d'un terrain disposé aussi favorablement, pourquoi il faudra bien le mesurer, le calculer et le combiner, afin de donner la meilleure et la plus belle direction à toutes les rues qui devront traverser ou aboutir à la dite place. Ici j'oserai répéter la nécessité d'un plan général raisonné, que j'ai proposé ailleurs pour St.-Pétersbourg.

La façade orientale de la place de Pierre-le-Grand sera formée en général, ainsi qu'il a été dit, par les hôtels des corps des cadets de terre et de mer, par la façade orientale du bâtiment des douze colléges, par les façades orientales des académies des sciences et des arts, par tous les hôtels et bâtiments qui forment la tête des lignes du Wassili-Ostrow le long de la rivière; tous les hôtels et bâtiments étant découverts en plein de tous les points de la nouvelle place, lui donnent les points de vue les plus favorables et les plus riches.

Cette façade orientale sera formée plus particulièrement par le quai de la Néva, continué sur la même hauteur qu'il a dès sa naissance. Dans toute

la largeur de la place et aux angles, il devra être décoré de bustes, faisceaux, vases et autres ornements analogues en bronze ou en marbre. Ainsi qu'éclairé par des lanternes, soutenues par des pieds et des bras de fer en couleur et en dorures. La tête du pont de bateaux sera assurée par un massif de maçonnerie. Des deux côtés de la tête du dit pont on élèvera deux autres massifs de maçonnerie, sur lesquels on posera des bustes et autres ornements analogues, mais plus grands que les précédents. Le tout en harmonie avec les façades de la place et avec les ornements ou attributs du piédestal de la statue.

De tous les points de la place on découvrira le superbe lit de la Néva, large de 150 à 160 sagènes, coulant majestueusement ses eaux, formant comme une seconde place d'une vue libre et accessible de toutes parts; les rayons du soleil disputant aux ondes l'éclat et la réflexion de toutes les couleurs célestes, sembleront en doubler les beautés, les élever jusqu'à leur globe et animer la statue qui en sera toute resplendissante. Ce plan a également l'avantage de s'accorder avec le nouveau projet pour la ville, dans lequel tout cet emplacement restait sans destination.

Je ne parle pas des dépenses que la construction de cette place exigera. Elles seront considérables, parce que je suis persuadé que les façades seront dans l'ordre les plus magnifiques, afin de répondre en tout à leur objet. Mais ces dépenses auront un grand avantage; c'est d'être toutes employées utilement, étant toutes destinées à créer, à édifier, et à embellir, sans qu'il y ait rien absolument à démolir, à détruire, ni aucun emplacement particulier à prendre et à payer, circonstances rares, et peut-être sans exemple dans l'établissement de pareils monuments.

Je ne parle pas non plus de la destination des bâtiments, formant les trois façades de la dite place. Le sénat et l'amirauté en occuperont déjà quelque place. Pourrait-on ou voudrait-on y fixer quelques-uns des colléges impériaux, dont le service les attache plus particulièrement à la cour, et dont l'emplacement actuel peut avoir une autre destination. Ou bien quelques fondations impériales? Le surplus des dites façades serait abandonné à quelques seigneurs.

La place ainsi disposée sera dans le centre des deux villes, qu'elle agrandira et embellira, en les joignant ensemble, pour ainsi dire, afin des deux n'en faire plus qu'une.

Prise en elle même, détachée de toute liaison avec les autres parties des deux villes, elle sera la plus vaste, une des plus régulières, des plus riches, et des plus magnifiques qu'il soit possible de former quelque part que ce soit en Europe. Il n'en existe certainement encore aucune qui lui

soit comparable. Elle pourra peut-être servir de modèle pour d'autres à former par la suite dans diverses capitales de l'Europe. Mais combien les copies seront éloignées de l'original! L'on ne trouve dans aucune ville du monde une réunion de circonstances physiques et politiques telles que celles que mon plan a découvertes, formées et saisies, dont il a fait un ensemble qu'il présente sous un tableau peut-être trop faible. Nous jouissons des objets, chacun peut aller reconnaître la nature des lieux, en étudier la grandeur et les beautés, se convaincre des vérités, juger du tout par soi-même et ajouter à mon plan ce qu'il croira y manquer.

La position de la statue, motif de l'établissement de cette place, ajoute beaucoup à sa magnificence. Dans l'intention de ménager les idées et les beautés, je la donne dans un mémoire à part.

Bilistein.

St.-Pétersbourg, le 1er Décembre 1766.

B.

Position de la statue de Pierre le Grand dans la place à former entre l'hôtel du Sénat au midi et l'amirauté au nord.

Ici l'on doit se rappeler et former un ensemble de tout ce que j'ai écrit dans un mémoire particulier sur la place ci-dessus. Son objet est de recevoir la statue de Pierre I. Il s'agit de fixer l'endroit où elle sera placée, pourquoi il faut en indiquer plusieurs.

On pourrait la poser au point de rencontre des deux grandes rues formées ci-devant, l'une prenant au pont bleu, allant du levant au couchant; l'autre régnant devant le glacis oriental de l'amirauté, allant du nord au midi.

Ou bien dans le point de rencontre de la première de ces rues avec la Isakiewskaïa. — Ou bien, dans le point central de la place. Ou bien, tout près et au-devant de la tête du pont de bateaux qu'on établit tous les ans sur la Néva, en élargissant même à cet effet le quai dans cet endroit.

Aucun de ces quatre objets ne me paraît remplir les grands objets qu'on doit se proposer pour ce monument. Je crois pouvoir en indiquer un cinquième qui y répond parfaitement, ainsi qu'à tous autres qu'on peut se former. Je pense que pour le plus grand ornement de cette place l'on devrait y placer deux ou plusieurs colonnes ou pyramides dans les endroits qui seront trouvés les plus convenables. Il consiste à faire bâtir un massif de maçonnerie à la droite ou à la gauche du pont de bateaux de la Néva,

avancé de quelques sagènes dans le fleuve même, lié par dessous avec les pans du quai, si l'on veut, mais aucune liaison extérieure avec lui, devant faire corps par lui-même; exhausser ce massif de quelques archines au-dessus de la plus grande hauteur connue des eaux de la Néva; le fortifier selon les règles de l'art contre le torrent des inondations et la force des glaces, de façon qu'il n'ait rien à craindre des uns ni des autres.

Sur ce massif élever le piedestal sur laquel la statue sera posée.

Pierre I en fondateur d'empire, dans la majesté d'un législateur (a) caractères qui lui ont mérité le nom de Grand, regardant directement le cours de la Néva contre le torrent de laquelle il est placé, et auquel il en impose encore, ordonnant la bâtisse de cette capitale, de sa forteresse, de son port, de son amirauté, de ses douze colléges, de ses corps des cadets de terre et de mer, de ses académies, de ses canaux et des autres monuments militaires, et politiques qui entrent dans la constitution d'une ville destinée aux objets que j'ai annoncés précédemment. Regardant de l'œil droit (*) l'amirauté, la ville sur la gauche du fleuve, les palais impériaux, avec tous les monuments et édifices qui la composent.

Ouvrant le même oeil et l'étendant sur le vaste empire qu'il a reçu de ses pères, lequel il augmente de nouvelles possessions, en même temps qu'il l'unit plus intimément à l'Europe en lui ouvrant toutes les sciences politiques et militaires, les arts libéraux et mécaniques, les manufactures, le commerce, la jonction des mers et des fleuves et la navigation sur toutes les mers du monde.

De l'oeil gauche, regardant une autre partie des ses fondations, comme le Wassili-Ostrow, la citadelle, les douze colléges, les académies des sciences et des arts, le grand port couvert de vaisseaux de toutes les nations, les magasins remplis de marchandises des quatre parties du monde, la bourse des marchands, les corps des cadets de terre et de mer; les hôpitaux pour les militaires et pour les marins avec tous les autres monuments et édifices qui existent dans cette ville.

Portant en même temps ses regards sur la Finlande, la Carélie, l'Ingrie et autres provinces conquises (b). Cette position me parait la plus favorable

(a) Je ne parle pas ici de l'altitude et des attributs de cette statue, je pourrais les donner ailleurs.

(*) Изъ этой записки Билиштейна И. И. Бецкій включилъ въ свою записку нѣсколько ыдержекъ, напримѣръ о правомъ и о лѣвомъ глазѣ; противъ этой записки И. И. Бецкаго алькoнетъ написалъ извѣстное свое возраженіе, которое помѣщено въ его Oeuvres, т. I, гр. 58. Lausanne.

(b) On peut placer la statue sur le même piedestal dans un sens directement opposé. Dans e cas le prince verra de l'oeil droit tout ce qu'il voyait de l'oeil gauche, et réciproquement du

et préférable à toutes autres. La statue étant ainsi posée à la gauche de la tête du pont, afin de présenter la face aux passants de quelque côté qu'ils viennent sur le pont, on peut dire que Pierre-le-Grand après sa mort est dans sa grande capitale, dont il semble réunir les deux villes pour n'en faire qu'une, suivant son plan. Il est dans l'emplacement le plus beau, le plus riche, le plus fréquenté, dans celui qu'on peut appeler le centre perpétuel et invariable de deux villes. Il est au milieu de sa noblesse, au milieu de ses colléges, au milieu de ses militaires, au milieu de ses marins, au milieu des savants et des artistes, au milieu des commerçants; enfin il est au milieu et comme dans le coeur de ses peuples de tous les rangs.

Il voit tirer le canon de sa forteresse; il voit lancer à l'eau les vaisseaux, construits sur les chantiers de son amirauté, il voit les magistrats suprêmes, les sénateurs tenir leurs assemblées, diriger sous ses glorieux successeurs les affaires économiques de l'empire, rendre la justice aux peuples. Il voit les savants et les artistes dans le centre de leurs travaux académiques; il voit les écoles et les pépinières de ses militaires et de ses marins, destinés à servir, à défendre, à accroître, à perpétuer et à enrichir l'empire; il voit les troupes allant et revenant de sa citadelle, et des autres détachements de leur service passer comme en revue devant lui, et lui rendre les hommages de leurs respects et des armes. Il voit tout et semble encore, après sa mort, animer toutes les classes de ses peuples.

Il voit passer à ses côtés et devant lui tous les vaisseaux arrivant et sortant du grand port, et lui rendant encore leurs hommages. Pourquoi l'on pourrait peut-être proposer que chacun saluât la statue d'un coup de

---

gauche ce qu'il voyait du droit dans la première position; sa vue s'étendra, pour ainsi dire, sur la mer, sur son port de Cronstadt etc.

Mais outre le désavantage physique de cette position, savoir, si politiquement il convient que le prince ne donne que l'oeil gauche et la main gauche à son ancien empire, à ses peuples fidèles qui l'ont aidé à conquérir, tandis qu'il donnerait l'oeil droit et la main droite à ses conquêtes, à ses peuples nouveaux.

Une troisième position serait que la statue eût la face tournée totalement vers la gauche de la Néva, portant vers cette partie de la ville que nous habitons et vers l'empire. A droite, il aurait la mer, Cronstadt et à gauche l'amirauté, la citadelle, le palais, avec quelques autres édifices impériaux. Dans cette position, la statue présenterait le dos au Wasili-Ostrow, et à nombre d'établissements impériaux, fondés ou ordonnés par Pierre I; position inadmissible.

Une quatrième position serait que la statue eût la face tournée vis-à-vis le Wasili-Ostrow. Alors elle tournerait le dos à la ville, à Moscou et à l'empire; cette position n'est pas proposable. Elever dans le courant et comme dans le milieu de la Néva un massif de maçonnerie; sur celui-ci un piedestal pour la statue; cela est peut-être possible. Mais outre les risques des torrents et des glaces qui peuvent miner le fond, détruire et enlever le monument, l'emplacement que je donne au piedestal, portant à la statue, me paraît beaucoup préférable, comme étant plus sûr. Dans une description néanmoins faite pour disposer à prononcer une décision, je me suis fait un devoir d'indiquer plusieurs plans, afin d'en laisser le choix.

canon à son passage. Le piedestal devra être élevé en rapport de tous les points de vue ci-dessus (je ne parle pas des proportions de la statue). Par là la statue sera vue également des façades méridionale et occidentale du palais d'hiver. Peut-être à cet effet devra-t-on un peu élargir le quai derrière et le long de la façade occidentale de l'amirauté, et en cas que les ailes dépendantes de cette façade fissent obstacle à un point de vue aussi favorable, il serait naturel de les abaisser, ou même de les démolir. Il est bien juste de procurer à la statue le point de vue du palais d'hiver et reciproquement.

Pour se convaincre de la grandeur et de la vérité des points de vue annoncés, le temps le plus favorable est celui où la Néva étant glacée est praticable comme un terrain ferme. Je propose qu'on en fasse l'essai, peut-être découvrirait-on de nouvelles beautés. Cet essai devient indispensable dans ce moment pour fixer l'emplacement du piédestal et même pour déterminer les dimensions et la direction de la place, dont il appartient à Sa Majesté Impériale de poser la première pierre. Tous travaux préparatoires au travail d'une statue, lesquels demandent une prompte décision, si l'on ne veut pas s'exposer par la suite à faire des changements dispendieux et discordants, ou à laisser des vues et des irrégularités frappantes, à défaut d'avoir voulu former un tout, dont les parties soient dans une harmonie parfaite. Le départ pour Moscou, et l'éloignement où Sa Majesté Impériale sera alors de St.-Pétersbourg, rendent l'essai et le jugement du tout plus nécessaire et plus instant.

La Néva ajoute beaucoup à la grandeur et à la beauté de cette place qu'elle semble doubler, renouveler et comme animer par son mouvement continuel; fière de son cours majestueux, glorieuse de porter avec tant d'éclat le prince, qui, après l'avoir subjuguée depuis sa naissance jusqu'à son embouchure dans les mers, l'a peuplée, ornée, anoblie et comme agrandie, en la contenant dans des limites qui rendent son cours plus régulier.

Toutes les statues érigées dans les places jusqu'ici, sont enfermées comme dans une niche entre trois à quatre façades plus ou moins grandes, plus ou moins décorées. Quelques rues, quelques points de vue par espaces viennent peut-être les découvrir et les borner. Que l'on compare la position de la statue de Pierre I sous tous les rapports que j'ai indiqués, on décidera de quel côté est la supériorité (d). Oui, je le répète, cette position est unique en grandeur et en beauté.

(d) En avançant ainsi le piedestal de quelques sagènes dans la Néva, on sera à la vérité privé d'aller lire les inscriptions qui seront aux quatre faces du piedestal. Mais outre que pareil

La tête du pont et les deux côtés devront être entièrement dégagés, excepté les ornements ci-devant, afin d'étendre, autant que possible, les vues de la place et de la statue.

Si le petit canal qui existe à la droite de la tête du pont destiné à recevoir les yachts et chaloupes de l'Impératrice, gêne la vue de la place et de la statue, comme il est à présumer, on devra le transporter ailleurs, ou le combler par une voûte, afin d'y conserver les eaux en y pratiquant quelques ouvertures couvertes par des madriers avec ferrements et serrures. Les emplacements ne manquent pas pour pareille destination. Il n'est pas nécessaire néanmoins que cela se fasse d'abord, ce n'est qu'après nombre d'années.

Disposition sur la droite de la Néva.

On doit se rappeler ce que j'ai déjà dit plusieurs fois, que la façade orientale de la place Pierre I sera comme formée par tous les hôtels et édifices qui font la tête des lignes du Wassili-Ostrow à la droite et le long de la Néva, avec la beauté de pareille façade.

Afin de faire symétrie avec la tête et les deux côtés du pont qui est à la gauche de la Néva, il convient de faire de pareils ornements sur la droite du fleuve, en assurant le débouché du pont par un massif de maçonnerie, avec de petits massifs à la droite et à la gauche, sur lesquels on poserait des bustes, groupes et autres ornements.

Un second ornement est de former dans cette partie du fleuve un quai parallèle à celui de la gauche, continué au moins sur toute la largeur de la place, avec les mêmes ornements que ceux proposés pour cette partie du quai sur la gauche.

Un troisième ornement serait de faire au débouché du pont une petite place de 30 à 40 sagènes de large, longue de toute la largeur que la place aura sur la gauche de la Néva. Elle servirait de grand ornement à tout ce quartier, et en même temps de dégagement pour aller au Wassili-Ostrow, à gauche, ou à droite du côté des colléges, de l'académie des sciences, de la bourse, de la douane, des magasins et du port. Pour cette place il fau-

---

dessein y conduit peu de personnes, ces inscriptions étant publiques et à la connaissance de chacun, elles ne seront pas ignorées.

Mais que peut-on désirer de voir après avoir vu ce grand prince? sa statue dit tout.

On peut d'ailleurs pratiquer dès le pied du quai, et en liason avec lui, une voûte sur laquelle on fera une jetée pour conduire au piedéstal; laquelle jetée serait fermée par de belles grilles. La première position est néanmoins préférable en tout.

drait prendre une petite partie de l'emplacement qu'occupe le manége du corps des cadets.

Toutes ces dispositions, tous ces travaux doivent être prévus, formés et annoncés dans un plan raisonné, dont les objets sont aussi vastes que celui-ci, autrement il est insuffisant et inexact; les opérations ne se feront qu'avec incertitude, en tâtonnant, et avec des essais dispendieux, et peut-être avec des vues auxquelles il ne sera plus temps de remédier, quelque dépense que l'on voulût y sacrifier. Mais il n'est pas nécessaire qu'ils soient tous exécutés aussitôt, ni même tous en même temps, principalement lorsqu'il s'agit de détruire et de démolir. C'est au temps à l'ordre et à une bonne direction à élever successivement ces monuments, dont la réunion forme un chef-d'oeuvre de l'art. L'ordre et le goût d'architecture pour les trois façades de la place, ainsi que pour tous les ornements qui l'accompagnent et que j'ai annoncés, ou pour tous autres qui seront trouvés nécessaires ou convenables, seront décidés et exécutés par les maîtres de l'art. Le plus grand objet est trouvé et formé, il ne faut plus maintenant que vouloir. Il y a assez de beaux modèles, on peut ajouter en goût, en ornements et en richesses, mais on doit éviter de surcharger.

Un plan topographique de tout le terrain, avec un second en relief pour les façades, ornements et autres accompagnements de la nouvelle place, ne pourrait que contribuer à donner l'idée de ce que serait l'ensemble.

Le tout devra être gravé pour être ajouté aux plans et vues de St.-Pétersbourg; ce sera dans ce genre le plus beau monument; on n'en connaît pas encore de semblable: on viendra par la suite de toutes les parties de l'Europe pour voir et admirer des choses uniques dans le monde, si elles sont exécutées telles qu'elles sont proposées.

Conclusion.

Après avoir parcouru et examiné les deux villes sur la droite et sur la gauche de la Néva, formant ensemble la capitale de St.-Pétersbourg, l'emplacement qui est entre l'hôtel du sénat au midi et l'amirauté au nord, ayant la Néva au couchant, la Moïka et le pont bleu au levant, c'est celui qui me paraît le mieux répondre aux vues, que l'on peut avoir dans l'établissement d'une place destinée à recevoir la statue de Pierre-le-Grand. Chacun ajoutera ses connaissances à ma description et suppléra à mes omissions. Je doute, je peux même assurer que dans aucune ville d'Europe il n'est pas possible de trouver un emplacement plus vaste et plus

majestueux, ni un monument plus riche et plus superbe lorsqu'il sera exécuté sur le plan proposé (e).

J'ai certainement représenté sous l'aspect le plus favorable la place qu'on pourrait former dans le Wassili-Ostrow, suivant le quatrième emplacement ci-devant. On peut maintenant en faire le parallèle avec celle que j'ai formée sur la gauche de la Néva, dans le cinquième emplacement.

Je ne connais qu'un seul cas, dans lequel la place du Wassili-Ostrow pourrait être destinée à recevoir la statue de Pierre I; sur quoi je dois m'expliquer ailleurs.

Sa Majesté l'Impératrice exécutant le projet et le plan proposé, fera tout ce qu'il est possible de faire pour immortaliser la mémoire de Pierre-le-Grand, pour le faire vivre, pour ainsi dire après sa mort, elle couronnera sa grandeur même. Pareille couronne doit couvrir la tête de Sa Majesté l'Impératrice: Pierre Premier était seul digne de couronner Catherine Seconde.

La place destinée à recevoir la statue de Sa Majesté l'Impératrice glorieusement régnante, doit être traitée dans un mémoire particulier.

Bilistein.

St.-Pétesbourg, le 1er décembre 1766.

Suite aux Nos A et B. Longueur et largeur de la place Pierre I, proposée sur la gauche de la Néva, entre l'hôtel du sénat au midi et l'amirauté au nord.

Longueur du levant au couchant: La longueur de l'emplacement depuis le pont sur le petit canal, au levant venant du glacis de l'amirauté jusqu'à la Néva, au couchant à la tête du pont de bateaux est de 118 à 120 sagènes.

Depuis le dit pont sur le canal du glacis allant au levant jusqu'à la façade occidentale des maisons qui formeront la nouvelle rue au levant du glacis de l'amirauté, y compris la largeur de la dite rue et celle du petit

---

(e) La position que je donne au piedestal pour la statue de Pierre I a quelque chose d'analogue à la position du piedestal de la statue de Henri IV sur le pont neuf à Paris. Mais quelle supériorité de grandeur et de beauté dans la première! Quelle différence des deux places aux emplacements! Le parallèle n'est pas même admissible.

Cette idée néanmoins me conduit à une autre. S'il était possible de bâtir sur la Néva un pont de maçonnerie! Mais c'est un projet trop incertain, trop éloigné, j'ajoute trop peu utile en rapport des travaux qu'il exigerait, et des dépenses qu'il occasionnerait. Il y a bien d'autres choses à faire, avant d'en venir à de pareils projets quand ils seraient praticables.

D'ailleurs quand ce pont existerait le plus solidement possible il n'offrirait pas à la statue de Pierre I une position plus majestueuse que celle que je lui ai donnée. J'ai voulu néanmoins faire voir que j'avais embrassé tous les plans.

canal ci-dessus 58 à 60 sagènes. — Total en longueur possible 176 à 180 sagènes.

Largeur du midi au nord: La largeur de l'emplacement depuis la façade septentrionale de l'hôtel du sénat jusqu'à la ligne du glacis méridional de l'amirauté est de 55 à 60 sagènes.

Dequis la dite ligne du glacis jusqu'à la façade méridionale de l'amirauté 55 à 60 sagènes. — Total en largeur possible 110 à 120 sagènes.

La proportion est assez régulière de 176 à 180 sagènes en longueur, avec 110 à 120 de largeur. La figure naturelle est un grand parallélogramme.

On peut, on doit même joindre à la longueur de 176 à 180 sagènes, que la place peut avoir la largeur de la Néva, qui est dans cet endroit entre 140 à 160 sagènes, lesquelles ajoutées aux 176 ou 180 ci-dessus, feraient un total de 316 à 340 sagènes.

Si l'on voulait borner la longueur de la place, depuis le pont qui est sur le canal venant du glacis de l'amirauté jusqu'à la rivière et sa largeur à la ligne du glacis méridional de l'amirauté, voici les proportions: première longueur 118 à 120 sagènes, première largeur 118 à 120 sag. Il y a trop de disproportion, la place serait trop longue pour sa largeur. La disproportion augmente si l'on joint à la longueur ci-dessus de 118 à 120, la largeur de la Néva de 140 à 160 sag. La place aurait une longueur de 258 à 280 sag. et n'aurait de largeur que 55 à 60 sagènes. La largeur de la place doit être en rapport avec sa longueur. Par là il devient indispensable de lui donner toute la largeur depuis la façade de l'hòtel du sénat jusqu'à la façade actuelle méridionale de l'amirauté.

Dans ces dimensions la place de Pierre-le-Grand sera la plus longue et la plus large de toutes celles connues. Elle sera double et triple de plusieurs qui sont renommées pour leur beauté.

Celle de Louis XV, construite à Paris depuis peu d'années à 125 toises de long sur 87 de largeur (a).

La place de Pierre-le-Grand aura sept entrées, dont l'une en venant du couchant au levant, savoir à la tête du pont de la Néva, aura 176 à 180 sagènes de large, puisqu'elle sera de toute la façade orientale de la place: trois autres en auront 25 à 35, et les trois autres un peu moins.

La place de Louis XV est hors de Paris ou du moins à son extrémité.

(a) La toise de France est de 6 pieds de roi, le pied de 12 pouces ou 12 parties. La sagène de 6 pieds $1/2$ ou 6 pieds 6 pouces; partant plus grande environ d'un 12-me que la toise de France.

Que sont ses six entrées. Où aboutissent-elles? Dans un faubourg, dans un jardin, dans des allées d'arbres.

La place de Pierre-le-Grand sera dans le centre des deux villes de St.-Pétersbourg, dans un quartier habité et fréquenté continuellement par les personnes de tous les rangs.

Quelle comparaison entre ces places! jointe la magnificence et l'étendue des vues de St.-Pétersbourg et de la Néva, avec la position de la statue de Pierre I, position unique jusqu'ici. *Bilistein.*

St.-Pétersbourg, le 1er décembre 1766.

—

Place de Pierre-le-Grand entre l'hôtel du Sénat au midi et l'amirauté au nord.

(Note à part. Suite à A.)

La place de Pierre-le-Grand formée ainsi que je l'ai proposé, fera la plus vaste et la plus magnifique qu'il y ait encore en Europe. J'ajoute qu'il n'est pas possible d'en former une pareille, quelque part que ce soit dans le monde.

Si Sa Majesté l'Impératrice consent à la former pour y placer la statue de Pierre I, c'est de sa part un second et grand mérite, c'est une gloire ajoutée à la première, puisqu'Elle pouvait la conserver pour Elle-même et pour sa statue.

En plaçant la place et la statue de Pierre-le-Grand dans le Wassili-Ostrow, c'est le mettre dans la ville qu'il a fondée et formée; l'Impératrice remplit ses vues, et l'on ne peut prendre en mauvaise part qu'Elle laisse former pour Elle et pour sa statue la place ci-dessus entre l'hôtel du sénat et l'amirauté.

C'est dans ces intentions que j'ai dit dans mon mémoire sur la place de Pierre I, que je connaissais un cas dans lequel la place dans le Wassili-Ostrow devait avoir lieu. *Bilistein.*

St.-Pétersbourg, le 1er décembre 1766.

№ I.

Place à former à St-Pétersbourg pour la statue de Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde.

Les tendres et respectueux motifs qui font désirer au sénat, à la noblesse et à la nation d'ériger dans cette capitale la statue de Sa Majesté

l'Impératrice Catherine II, glorieusement régnante, sont gravés dans le coeur de chaque individu de la nation; on les sent bien mieux qu'il n'est possible de les exprimer.

J'indiquerai successivement plusieurs emplacements pour recevoir ce monument.

Premier emplacement. Le premier est la place au levant de la façade orientale du palais d'hiver. Je me suis assez expliqué à son égard dans mon premier mémoire, premier point. J'observerai ici que dans le cas où l'on ne se déciderait pas à former la place proposée N° II, il faut chercher à donner à cette première des ouvertures et de la grandeur; auquel cas il est indispensable d'ouvrir à son levant dans la Lougowoi Millionne la rue proposée dans mon premier mémoire, laquelle on continuera pour le moins jusqu'à la rencontre de la rue allant de la grande Perspective aux écuries de la cour, dite Bolchaïa Koniouchennaïa.

Cette rue en face du péristyle du palais lui donnera un beau point de vue, soit qu'elle soit prolongée, au-delà du point ci-dessus, comme à la Fontanka et plus loin, ou qu'elle soit bornée à la Bolchaïa Koniouchennaïa.

La place du palais aura une ouverture par laquelle le palais, la place et la statue seront vues.

Elle mettra les écuries et autres dépendances de la cour dans une communication plus immédiate avec le palais.

Dans l'emplacement où sont maintenant les écuries de la cour, bâties en bois au nord et à côté de l'église finnoise, on bâtirait un hôtel des grandes écuries en face du palais, avec les usages annoncés ailleurs.

Cette rue est, je le répète, indispensable à la place du palais, quelle que soit la destination de celle-ci. La rue devient de première nécessité dans le cas où il s'agit d'ériger une statue sur cette place.

On pourrait prolonger cette nouvelle rue au-delà de la Fontanka, quand même on ne formerait pas la place proposée N° II.

D'après mon premier mémoire auquel je supplie qu'on ait recours, ce que je viens de dire suffit pour donner l'idée de ce que cette place pourrait devenir, si elle est agréée pour recevoir la statue de Sa Majesté l'Impératrice.

La figure de cette place est déjà décidée; elle aura dans sa plus grande longueur 120 à 125 sagènes, et autant dans sa plus grande largeur; elle n'est pas néanmoins un carré ni un rectangle, ni un parallélogramme, sa [illegible]re est très irrégulière et le sera toujours. Il paraît également néces[illegible]e et comme indispensable de laisser à cette place une rue allant du [illegible]d au midi, qui fera la naissance de celle qui est projetée devoir régner

le long du glacis oriental de l'amirauté. Ce terrain est ouvert, il ne s'agit que de le laisser dans son état naturel sans l'enfermer. Par cette rue le palais conserve une partie de sa vue au midi, laquelle s'étend jusqu'à la Néva et à la mer au-delà de l'île Matisow. Les maisons de la façade méridionale de la place à commencer par l'hôtel de Bruce, conservent leur vue au midi, laquelle s'étend fort loin. La place conserve une entrée qui lui est indispensable. Cet objet demande attentiou quelle que soit la destination de la place du palais.

Cette entrée s'accorde également avec la place de Pierre-le-Grand; sur quoi on doit voir ce que j'en ai écrit dans le mémoire particulier sur cette place; tous ces plans formant un ensemble, un corps d'ouvrage, je ne dois pas me répéter à chaque pas, il me suffit d'indiquer les liaisons.

Mais la grandeur et la magnanimité de notre Auguste Souveraine, aussi inépuisables dans les actes que dans les vues, ne la porteront-elles pas à ériger avec le temps un monument à la fille de Pierre I, ainsi qu'elle en érige un au père? Cet acte est digne de Catherine II. Dans ce cas l'Impératrice Élisabeth, ayant fait bâtir ce palais, Sa Majesté l'Impératrice ne voudrait-elle pas faire ériger sa statue sur la place qui est au-devant de ce palais.

Je m'explique plus particulièrement sur cette place dans un mémoire séparé auquel je dois renvoyer. *Bilistein.*

St.-Pétersbourg, le 7 décembre 1766.

№ II.

Place à former à St-Pétersbourg pour la statue de Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde.

Au levant de la façade orientale de l'hôtel du chambellan Iwan Iwanowitch Schouwaloff est un vaste emplacement vide, ayant au midi la grande perspective avec le palais Anitchkoff. Au levant la Fontanka et au-delà sur la gauche l'hôtel du grand chambellau comte Schérémétieff et un hôtel appartenant à M. le sénateur Olsoufieff. Au nord, partie des jardins du palais d'été, au couchant partie des dits jardins, avec la façade orientale de l'hôtel du chambellan Schouwaloff, et la rue qui est entre le dit hôtel au midi et les jardins du palais d'été au nord, dite Italianskaïa ou nabereschnaïa Sadowaïa.

Dans cet emplacement coule la Fontanka du nord au midi.

Dans mon premier mémoire, second point, j'ai annoncé la grandeur et les beautés de cet emplacement, si on se décidait à y faire la place destinée

à recevoir la statue de Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde, glorieusement régnante. Je ne dois rien en répéter ici; je remarquerai seulement que cette place et la statue qui y serait élevée seraient vues des palais d'hiver et d'été dès la grande Néva et au-delà sur sa droite, ainsi que de toutes les rues qui aboutissent ou qui débouchent dans le Stückhof, qu'elle lierait plus intimement avec la ville, pour faire une ville par la suite, et n'en faire qu'une. Ce quartier du Stückhof est assez peuplé, assez fréquenté et a d'assez beaux bâtiments qui s'augmenteront et s'embelliront avec le temps. Mais pour cela on sent parfaitement qu'il ne doit pas se trouver hors de la ville, quoique dans ses faubourgs.

Cet emplacement peut avoir du levant au couchant 150 à 170 sagènes, y compris la largeur de la rivière. Du nord au midi on est libre de lui donner au-delà de 200 sagènes. Quelle vaste étendue!

J'ajouterai quatre observations essentielles. La première, que dans tout cet emplacement il n'y aurait aucuns terrains particuliers, ni bâtiments à prendre, à démolir et à payer, tandis que dans tous les autres emplacements il y en aurait beaucoup à prendre et à payer, ce qui fait un grand dommage aux particuliers propriétaires, et forme à la couronne une dépense immense qui serait mieux employée à édifier dans une ville où il y a si peu de bâti, et où l'on doit s'empresser de remplir les vides pour en faire une ville.

La seconde, qu'une place destinée à recevoir la statue de Catherine II doit être formée dans un quartier totalement sien, c'est-à-dire dans un quartier totalement neuf, formé et comme créé pour elle, tel que celui dont il s'agit ici.

La troisième, qu'après la Néva, la Fontanka offre les plus vastes et les plus beaux emplacements. Qu'on se représente la beauté du quai, du port et des autres ornements que j'ai annoncés dans mes deux mémoires précédents, auxquels je ne dois pas ajouter.

La quatrième, que si Sa Majesté Impériale se décide en faveur de cet emplacement, elle agrandira et embellira en même temps toute la ville, mettra les deux palais impériaux plus en communication, et leur procurera de nouvelles commodités. Le Stückhof deviendrait un quartier vivant et très-habité; le tout sans augmenter les dépenses, mais par l'effet du choix d'un bon emplacement. Toutes ces considérations doivent entrer dans l'examen d'un plan; et toutes concourent en faveur de celui-ci. Or agrandir et embellir des villes, c'est les fonder, c'est les bâtir. La fameuse reine d'Égypte, Sémiramis à qui les Babyloniens érigèrent une statue, ayant embelli et agrandi considérablement Babylone, on a dit qu'elle l'avait

bâtie, tandis que c'était Bélus qui, plusieurs siècles auparavant, avait fondé la ville et l'empire de Babylone. Catherine Seconde exécutant les plans d'agrandissement et d'embellissement que j'ai proposés dans divers mémoires, devrait être regardée comme une seconde fondatrice de St.-Pétersbourg.

Si ce quartier était agréé pour la place Catherinienne, on travaillerait à son plan, et on pourrait en faire la seconde place du monde, n'ayant audessus d'elle que celle que Sa Majesté l'Impératrice vient de former dans cette capitale pour Pierre-le-Grand, et par une seconde magnanimité, de céder pour y placer la statue de ce prince, si tous les jours du règne de notre Auguste Souveraine n'étaient pas marqués par des époques dignes des beaux jours des Titus et des Antonius. *Bilistein.*

St.-Pétersbourg, le 7 décembre 1766.

№ III.

Place à former à St-Pétersbourg pour la statue de Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde.

Au couchant du canal Catherinien est un terrain vide, ayant au nord la façade méridionale de quelques maisons de bois et de briques, dépendantes des écuries de la cour. Au couchant, la façade orientale des maisons dépendantes de l'église luthérienne, devant lesquelles règne la rue dite Roschestwenskaïa, aboutissant aux grandes écuries de la cour. Au midi, la grande perspective de Nevsky, qui le coupe du levant au couchant, avec l'église de Kasan. Au levant le dit canal Catherinien qui le coupe du nord au midi, sur lequel est le pont de pierre, et au levant du dit canal l'hôtel du général en chef prince Galitzine, d'un côté vis-à-vis duquel sont au midi des maisons de briques assez mal bâties. Dimensions de cet emplacement: La longueur de cet emplacement du nord au midi est d'environ 100 sagènes. En y ajoutant la largeur de la perspective, fait en total 110 à 112 sagènes.

Sa largeur du levant au couchant est de 23 à 25 sagènes. En y ajoutant celle de la rue qui règne à son couchant, celle du canal, avec celle de la rue au levant, on pourrait avoir une largeur de 70 à 80 sagènes. Cet emplacement est dans le centre de la ville, dans un quartier assez peuplé et assez fréquenté.

Par lui-même néanmoins il ne peut former une place destinée à recevoir le monument qu'on se propose. Il est trop reculé, trop isolé, il n'est ni assez long, ni assez large; il n'aurait pas de vues assez vastes, il n'au-

rait que deux rues, partant que quatre ouvertures; à moins de vouloir que les rues entre lesquelles coule le canal donnent chacune une ouverture, auquel cas cette place en aurait six. Pour faire une place régulière, et qui offre de la grandeur, la perspective doit la couper par son centre d'un côté, le canal de l'autre, de sorte que le pont fasse le point central. A cet effet il faut:

1°. Transporter ailleurs ou plus loin l'église de Kasan; il y aurait assez de terrain au midi, mais il faut la démolir et la rebâtir. La longueur de cette église avec ses cours et terrains adjacents du nord au midi est de 80 sagènes. Sa largeur est fort inégale, elle est depuis 40 jusqu'à 60 et 65 sagènes. En y ajoutant la largeur du canal et de la rue, on pourra avoir 80 à 90 sagènes. La longueur de l'emplacement vide avec celle de cette église serait d'environ 180 sagènes. Sa largeur restant sur 70 à 80 et au plus 90 à son extrémité méridionale; ce qui ne donne pas des proportions convenables pour pareille place.

2°. Démolir en tout ou en partie l'hôtel du général en chef prince Galitzine. Il pourrait trouver sur la place même de l'indemnité pour son terrain et y rebâtir son hôtel qui serait sur la place.

3°. Démolir sur la même longueur et largeur une des maisons formant la façade septentrionale de la perspective, vis-à-vis l'hôtel précédent.

4°. Bâtir des maisons totalement neuves, afin de faire les quatre façades de la place sur un plan uniforme.

5°. La façade orientale des maisons de l'église luthérienne ne présentant pas une façade assez belle, devrait être démolie avec le temps, et rebâtie sur le plan uniforme.

Or quelles dépenses pour les objets ci-dessus!

6°. La rue qui est entre l'église de Kasan, quelle a au levant et la façade orientale de la maison de madame Olsoufieff au couchant, allant du Nord au Midi, n'étant pas en ligne droite avec celle qui règne au levant de la façade orientale des maisons de l'église luthérienne, cette place serait dans sa partie méridionale et occidentale exposée à une irrégularité qu'on ne pourrait réparer que par la dépense de bâtiments.

7°. Cela fait, la statue devrait être posée dans le centre de la place. Or ce centre est occupé et doit l'être constamment par le pont construit sur le canal, lequel n'est peut-être pas bâti de façon à pouvoir recevoir ʼreil monument et soutenir pareils poids. Défaut néanmoins que l'art ʼrait avoir des moyens de réparer.

8°. Dans l'état actuel la statue ne pouvant être au centre, devra être té du pont, au levant ou au couchant du canal.

Dans toutes ces positions, quels seront les points de vue de la statue? Elle en aura deux principaux: savoir au levant par la perspective; au couchant, le point central de l'amirauté. A l'égard des rues qui règnent des deux côtés et le long du canal, on doit convenir qu'elles n'offrent pas des points de vue bien vastes, ni fort ornés.

On pourrait pourtant les étendre au nord et au midi, et les rendre plus riches. Ceci dépend de la direction à donner au canal Catherinien. La place n'aurait donc que quatre ouvertures, chacune des deux rues, entre lesquelles passe le canal du midi au nord, et ensuite du nord au midi, le pont faisant le point de séparation et de partage, n'étant supposés donner que deux ouvertures et deux points de vue, attendu que l'un aboutit au nord et l'autre au midi.

Nombre de considérations pouvant néanmoins déterminer à fixer la place Catherinienne dans l'emplacement ci-dessus, je vais indiquer les beautés dont il serait susceptible.

Pour en bien concevoir une partie, il faut se faire une idée du plan que j'ai proposé dans le cinquième point de mon mémoire général pour le Gostinoï-Dwor, dans lequel je forme une place dite du *marché*, en figure octogone, percée par huit rues correspondantes, au centre desquelles je place la colonne Catherinienne pour être vue de huit points différents. Je supplie que l'on daigne suspendre son jugement pour un instant. Je joins ici sous le N° IV le plan du dit marché, afin qu'on puisse le consulter.

Cette dernière place est destinée pour une colonne, pour un obélisque, ou pour un autre monument du second rang. La statue de l'Impératrice doit avoir un autre emplacement. J'ajoute qu'elle doit avoir sa place particulière, place formée totalement pour elle.

Toute la ville doit être liée par un plan régulier, bien suivi, afin de faire une ville, et de n'en faire qu'une; non divers quartiers qui n'offrent pas l'ensemble d'une ville.

Outre les arrangements formés précédemment pour la place Catherinienne, afin de lui donner des ouvertures et des points de vue dignes des objets de son établissement, il est indispensable de prolonger la diagonale ouverte à l'angle sud-ost du Gostinoï-Dwor jusqu'au canal Catherinien, laquelle diagonale aboutira par ce moyen à l'angle Nord-West de la façade des maisons qui sont vis-à-vis la façade méridionale de l'hôtel du général en chef prince Galitzine et continuée va aboutir à l'angle Sud-Ost du pont construit sur le canal.

Pareille direction donne de grands avantages à la nouvelle place et à la statue:

1°. La place aura une nouvelle ouverture, qui lui procurera de beaux points de vue à travers tout le quartier marchand et au-delà jusqu'à la Bolschaïa Sadowaïa Perspective et beaucoup plus loin au levant.

2°. La statue sera vue des points ci-dessus, et du centre de la place du marché, portant la statue et la colonne se verront.

Le premier plan de la place et les premières dépenses étant résolus, celles que je propose pour étendre ses vues seront peu considérables.

Un second point de vue à proposer à cette place et à la statue est de percer une rue prenant à l'angle Sud-West de la dite place, allant du midi au nord à travers les jardins dépendant du palais d'été, aboutissant à la façade méridionale du dit palais (l'appartement que l'Impératrice occupe dans ce palais est dans sa façade méridionale), duquel la place Catherinienne, la statue et le pont seront vus par ce moyen, et respectivement de la dite place et du pont on verra la dite façade du palais d'été.

La nouvelle rue étant ouverte dans un terrain totalement libre, on sera maître de sa direction. Elle devra être fort large, afin de donner à la place une belle entrée et de montrer à découvert l'objet de son établissement.

Quand je dis que cette rue ira aboutir au palais d'été, je n'entends pas qu'on arrive par là au dit palais, et qu'elle soit continuée comme rue jusqu'à ce point; cela n'est pas nécessaire, il suffit qu'elle soit ouverte pour partie, et que l'espace reste vide avec des ornements analogues et symétriques, ou même une large allée plantée d'arbres, afin que tous les points de vue se présentent avec la grandeur qu'ils ont en eux-mêmes, lorsqu'ils seront bien saisis, dont un des principaux est que le palais d'été fasse perspective à la place Catherinienne et respectivement.

Si l'on ne voulait pas ouvrir cette rue directement à la façade méridionale du palais d'été, on peut en pratiquer une autre qui prendrait son terrain dans la partie la plus méridionale des jardins du dit palais pour aller aboutir à la Fontanka et avoir en face l'hôtel du grand-chambellan comte Schérémétieff, lequel donnerait à la rue et à la place un fort beau point de vue. Il est peut-être praticable de porter plus au midi la direction de cette rue, elle prendrait moins de terrain dans les jardins du palais d'été; elle irait aboutir au palais dit des Italiens, qu'on percerait, afin de la continuer par le Stückhof, et à la suite jusqu'aux boulevards marqués pour les limites de la ville et des faubourgs. La diriger de façon si possible, qu'une porte d'entrée de la ville aboutisse à cette rue, afin que la place et la statue [illegible]nt vues de ces points, et du plus loin possible.

[illegible]s dernières directions procureraient à la place et à la statue les plus [illegible] et les plus vastes points de vue.

On pourrait même donner à cette rue deux directions, l'une au nord, en face du palais d'été, l'autre au midi, en face de l'hôtel Schérémétieff ou du palais des Italiens.

Avant de rien fixer, il convient de bien étudier ce terrain, d'en prendre toutes les dimensions, afin d'en tirer le meilleur parti possible selon les règles de l'art et du goût.

Les travaux pour la totalité de cette place seront considérables. Je n'en ai proposé aucun qui ne soit, pour ainsi dire, indispensable, afin de faire un tout grand et beau, un ensemble digne de recevoir le monument qui est le motif de son établissement. Ainsi toutes les parties seront analogues. Il n'est pas nécessaire néanmoins qu'ils s'exécutent tous aussitôt, ni en même temps. Mais il était indispensable de les réunir sous un plan, afin de présenter le monument tel qu'il doit être. La figure de cette place sera telle que l'on voudra, le terrain offre tout.

Cette place ainsi formée a certainement de la grandeur et des beautés.

L'ordre des bâtiments, les décorations des façades et autres ornements y ajouteront beaucoup, comme il est aisé de se le représenter.

Il lui manque un seul point. Ce serait une communication ou ouverture directe avec la place du palais d'hiver, afin de pouvoir être vue de ce palais, et respectivement. Ce point ne serait pas impossible avec le temps, si on voulait le préparer dès maintenant. Mais il faudrait prendre et abattre plusieurs maisons particulières, avec beaucoup de dépenses, entre autres l'église luthérienne, ou quelque partie des maisons qui en dépendent.

Afin de ne laisser rien à désirer, autant qu'il pouvait dépendre de moi, dans un objet aussi grand que celui du monument qu'il s'agit d'ériger, j'ai dû annoncer divers moyens pour les soumettre à une décision supérieure.

Conclusion: Les trois emplacements que j'ai indiqués pour former la place Catherinienne demandent d'être examinés et mis en parallèle; on se décidera pour celui qui entre le plus dans les objets de sa destination. Après quoi on pourra en former le plan plus circonstancié et plus rapproché.

Plein de l'objet que j'avais à traiter, j'ai tâché de n'échapper aucun des grands moyens qui pouvaient contribuer à former une place digne de recevoir la statue de Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde, glorieusement régnante. J'aurais souhaité de pouvoir former, et comme créer un emplacement tel que mes sentiments et mes voeux pour Sa Majesté me le représentent à moi-même. Quelque part que sa statue soit placée, sa justice, sa bienfaisance, sa magnanimité, l'humanité, la gloire de son règne, la rendront également chère et respectable, et son image toujours présente

dans les coeurs de ses peuples. C'est là le siége et l'empire immortel de Catherine Seconde. *Bilistein.*

St.-Pétersbourg, le 7 décembre 1766.

№ IV.

Gostinoï-Dwor. Place du marché et colonne Catherinienne.

Je dois répéter que mes mémoires et plans sur St.-Pétersbourg forment un corps de plan raisonné qui doit être jugé dans son ensemble; ils perdent peut-être lorsqu'on ne les examine que par parties détachées, quoiqu'on puisse aisément les ramener au corps.

Afin de se décider sur la place que j'ai proposée dans le troisième emplacement N° III, il est nécessaire de donner une idée succincte de ce que serait la place du *marché* dans le Gostinoï-Dwor.

A cet effet, je dois dire que frappé du contraste et des difformités que présente la vue du Gostinoï-Dwor avec les boutiques et marchés qui l'accompagnent ou l'environnent, je propose de diviser ce vaste quartier en rues formées par des maisons dans lesquelles les négociants, marchands et débitants auront leurs habitations avec leurs magasins et boutiques. Je ne dis rien ici des objets politiques de ce projet, et du plan physique qui l'accompagne. On doit saisir cette idée afin de se mettre au fait de la place du marché et de la colonne Catherinienne, que les négociants et marchands érigeront à la gloire de Sa Majesté l'Impératrice Catherine II, en reconnaissance de ses grâces immortelles faites au commerce et aux commerçants.

La façade orientale du Gostinoï-Dwor ayant au levant la rue dite Bolschaïa-Sadowaïa Perspective, à commencer à l'angle Sud-Ost vis-à-vis de la petite rue qui est entre l'hôtel de M. le chancelier comte Woronzoff, et le jardin Apraxine, dite je crois Tschernichow péréoulok, a environ 200 sagènes.

Sa façade septentrionale sur la grande perspective environ 100. En y ajoutant la suite de cette façade jusqu'au canal Catherinien au couchant, qui est encore de 100 sagènes, on aura 200 sagènes.

Sa façade occidentale est d'environ 140 à 160; sa façade méridionale 110 à 115. On voit par ces dimensions que ce quartier est par lui-me fort considérable.

Que l'on ne soit pas inquiet comment il se bâtira. C'est l'affaire du merce si l'on fait des arrangements convenables.

Je propose d'y former une place dite du *marché* ou du commerce, en forme d'étoile à huit points. Pour cela, il faut tirer une diagonale de l'angle Sud-Ost à l'angle Nord-West. Une seconde diagonale de l'angle Nord-Ost à l'angle Sud-West (a).

Ces deux diagonales donneront quatre ouvertures qui se rencontreront dans le point central de la place.

Dans le milieu de la façade orientale du Gostinoï-Dwor on ouvrira une troisième rue allant du levant au couchant. On pourrait la faire naître en face de l'hôtel Woronzoff. Par le moyen de son grand péristyle, elle aurait vue sur les jardins, sur la Fontanka et au-delà au levant (b).

Au couchant elle pourrait et devrait même aboutir au canal Catherinien.

Dans la façade septentrionale on ouvrira une quatrième rue allant du nord au midi, le plus loin possible (c).

Cette rue se trouve déjà ouverte par la rue ou canal dit Konskaïa. Il serait seulement nécessaire de la rendre belle et régulière par les bâtiments qu'on y élèverait.

Cette place ainsi disposée a huit ouvertures, entrées ou rues, toutes lesquelles se rencontrent dans un point central par le moyen des deux diagonales. De sorte que la colonne Catherinienne placée dans ce point central est vue de huit rues, chacune desquelles peut avoir ses ornements particuliers.

Pour être libre de former cette place, il est temps d'y penser, puisqu'en continuant au levant la façade des boutiques, commencée cet été au midi, il sera trop tard, ou il faudra démolir, chose qu'on peut encore éviter maintenant.

Il n'est pas nécessaire que je continue ici les dispositions de cette place du marché. En la rapprochant de la place Catherinienne troisième emplacement, la diagonale, tirée de l'angle Sud-Ost du Gostinoï-Dwor à l'angle Nord-West prolongée, ira aboutir à l'angle Sud-Ost du pont établi sur le canal Catherinien.

La conséquence simple à tirer est que la place Catherinienne et la

---

(a) La diagonale peut être ouverte un peu plus au midi, ou un peu plus au levant; cela est indifférent. Elle serait prolongée sur la même ouverture et irait aboutir un peu plus au couchant ou un peu plus au nord.

(b) Si on ne voulait pas ouvrir cette rue dans cet endroit, il faudrait l'ouvrir un peu plus en avançant au nord en face de celle qui est entre la maison de Madame Bektiew au midi et au nord des maisons dépendantes du palais Anitschkoff.

(c) On ferait bien ensuite d'ouvrir une rue du midi au nord laquelle irait aboutir aux jardins du palais d'été, et ferait un point de vue à ce palais, ainsi qu'à la place du marché.

statue recevraient de nouveaux points de vue vastes et ornés, savoir dès la Bolschaïa Sadowaïa Perspective et même de plus au levant, ou au midi.

2°. La place Catherinienne et la statue seraient vues de la place marché et de tout le quartier marchand, quartier qui deviendrait le plus vivant des deux villes.

3°. La statue et la colonne se verraient, quoique placées dans un espace assez éloigné.

Pour le surplus de la place Catherinienne on doit voir le mémoire N° III. *Bilistein.*

St.-Pétersbourg, le 7 décembre 1766.

№ V.

Place à former à St-Pétersbourg pour la statue de Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde.

Quatrième emplacement. On peut faire pour la statue de Sa Majesté l'Impératrice une place qui serait coupée par la grande perspective et par le pont Anitchkoff du levant au couchant et par la Fontanka du nord au midi; sa largeur serait du levant au couchant, sa longueur du nord au midi.

Il y a quelque terrain; mais il faudrait acheter l'hôtel de M. le sénateur Olsoufieff d'un côté, et de l'autre prendre au moins une partie de la cour orientale du palais Anitchkoff. *Bilistein.*

St.-Pétersbourg, le 7 décembre 1766.

№ VI.

Place à former à St-Pétersbourg pour la statue de Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde.

Cinquième emplacement. La Moïka offre un emplacement qui pourrait être disposé pour une place. Il est coupé du levant au couchant par la Srednaïa Perspective, percée directement en face du point central de l'Amirauté à laquelle elle va aboutir. Il est coupé du nord au midi par la Moïka sur laquelle est un pont de bois dit le pont neuf. Au levant sont les hôtels des comtes Skawronski et feldmaréchal Boutourline; le premier au midi de [illegible] perspective, le second au nord. Au couchant de la rivière sont de [illegible] timents l'un au nord de la perspective appartient au jeune prince [illegible] i. Celui au midi appartient à... (lacune).

[illegible] placement offre de quoi faire une place; il est dans le centre de

la ville, dans la proximité du palais d'hiver, il a des points de vue, des débouchés.

Mais il faudrait acheter presque tout le terrain, renverser au moins deux maisons. De là quelles dépenses et surtout lorsqu'il s'agit de démolir dans une ville où il y a trop peu de bâti.

Ayant parcouru tous les emplacements de la ville je ne voudrais pas que par la suite on me reprochât d'avoir échappé un quartier dont on pût former une place. *Bilistein.*

St-Pétersbourg, le 7 décembre 1766.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ БЕЦКИМЪ ПР. СЕНАТУ.

(Сообщено Н. В. Калачевымъ.)

Réponse aux questions proposées sur ma lettre écrite par ordre de Sa Majesté Impériale, en France, aux artistes et amateurs des arts, en les priant de m'envoyer leurs idées, les plans et dessins pour une statue équestre ou pédestre de l'Empereur Pierre-le-Grand; sur quoi m'ayant été fait plusieurs objections sur les différentes parties de cet ouvrage j'y ai répondu ce qui suit.

La statue équestre de Pierre-le-Grand peut être faite de manière qu'elle soit mise dans une place fermée de bâtiments ou à moitié ouverte ayant la rivière devant soi. La figure en deviendra plus majestueuse: l'on observe que toutes les statues trop isolées ne produisent point d'effet, non qu'elles soient mal traitées, mais simplement parce qu'elles se présentent à découvert de trop loin et par là n'excitent pas une espèce de surprise comme celles qui sont enfermées dans une belle enceinte d'architecture, d'où l'on découvre toujours un fond qui fait valoir d'une manière merveilleuse la statue qui lui est opposée.

Il me semble qu'un potentat comme Pierre-le-Grand, souverain, qui ne portait ce titre que pour se charger de tout ce que le trône a de pénible, sans avoir joui des plaisirs et des avantages qui résultent de la souverai-

neté; un potentat, qui a toujours eu en vue le bien de ses peuples, même aux dépens de son repos, doit loger parmi nous. Par conséquent, pour lui donner cette place qu'il s'est acquise par tant de travaux et de fatigues, construire une enceinte de beaux bâtiments, placer au milieu la statue de Pierre-le-Grand et que le bon goût de différentes maisons qui doivent former l'enceinte réponde à l'élévation majestueuse de notre projet. (Vous serez peut-être surpris, Monsieur, de mon raisonnement, un peu d'indulgence, s'il vous plaît, pour votre serviteur.) Il serait nécessaire de projeter d'un commun accord avec le sculpteur qui doit faire le modèle de la statue une place dont la disposition serait telle que l'on pût apercevoir la statue d'une manière avantageuse par les rues qui conduiraient à la place, ou par des arcades qui en formeraient les dégagements dans un nouveau goût que je ne saurais définir; tout ce que je sais c'est que je ne voudrais par suivre la coutume usitée, il faut quelque genre nouveau, par conséquent la quantité de maisons importantes que l'on projetterait conformes au dessin général de la place, permis aux propriétaires de suivre leurs idées particulières dans les distributions intérieures pourvu que les façades fussent conformes au dessin formé pour ce sujet. Ces sortes de bâtiments pourraient être au nombre d'une vingtaine plus ou moins suivant le génie du projeteur et ils devraient être en forme d'hôtels.

Les incendies ne sont point à craindre dans ce pays où l'on ne construit les bâtiments qu'avec de la brique qui s'échauffe à la vérité, mais qui ne se consume pas comme la pierre, ainsi les dessins devraient être faits sans cet égard. Les hôtels dont on décorerait la place seraient construits avec toutes les mêmes commodités indispensables aux maisons des particuliers et l'architecte ne devrait que consulter son génie et réfléchir quels sont de tous les genres d'édifices ceux qui conviennent le mieux à un pareil projet.

Dans tous les bâtiments on y emploierait les canaux et les puisards nécessaires à l'écoulement des eaux; article fort important dans ce pays, pour la conservation du pavé, afin que le terrain ne s'imbibe pas des eaux de pluie, ou de celles des fontes de neiges qui gâtent l'espèce d'argile sur laquelle se pose le pavé.

Pour la forme de la place l'architecte ne pourrait se dispenser de consulter le sculpteur de la statue, pour savoir si le piédestal en serait carré, ovale, ou à pans; et sur cette mûre délibération réciproque ils détermineraient entre eux les ouvertures de la place ou par les angles, ou par les faces.

On observera que l'enceinte du grillage de bronze ou de fer ne doit pas empêcher le public de satisfaire sa curiosité; la nouveauté de ces

sortes d'édifices y attirant une infinité de gens qui viendraient admirer la statue de leur bienfaiteur; ils béniraient le règne où de si nobles monuments ont été transmis à la postérité.

Le choix de la place où l'on poserait la statue équestre n'étant pas encore fait, l'architecte ne sera nullement gêné par des dimensions qui puissent le contraindre; plusieurs à l'ombre de ces mêmes gênes ont souvent mis leur négligence et leur peu de capacité à couvert des reproches, l'on désire simplement que les défauts des autres places publiques servent à l'instruire et qu'évitant ceux qui se sont rencontrés dans ces places, il puisse jouir d'une réputation qu'on n'a pas toujours occasion de mériter et surtout dans un nouveau goût.

L'avantage que les bâtiments de ce pays ont sur ceux de France, c'est que ces derniers étant de pierre se rembrunissent à l'air et ne peuvent conserver longtemps cette blancheur qui plaît dans un édifice, au lieu qu'à St-Pétersbourg, la brique qu'on emploie est recouverte d'un crépi de ciment coloré suivant le goût du particulier qui fait bâtir, ce qui produit un bel effet quand cette couleur est bien entendue, les fonds étant d'une teinte et les moulures d'une autre. De plus, l'architecture de ces maisons ne souffre en aucune manière, lorsque pour lui donner son premier coup d'œil, on la repasse d'une nouvelle teinte; les bâtiments de pierre au contraire ne peuvent être regrattés sans altérer beaucoup la correction des moulures indépendamment du temps et de la dépense, et tels soins qu'on y prenne, ils ne procurent jamais le soin satisfaisant des bâtiments de plusieurs teintes qui par succession de temps paraissent avec la même beauté que s'ils venaient de sortir des mains de l'ouvrier. Par rapport à cet article l'architecte donnerait sur ses dessins des teintes douces comme celles dont on colorerait les façades de ces bâtiments; il doit être prévenu que tous les ouvrages du marteau et du ciseau se font ici en pierre dure avec la même exactitude qu'en France.

Quant aux dimensions de la statue équestre ou autre il n'est pas possible de les fixer parce qu'elle doit avoir la proportion d'une figure élevée sur un piédestal, et le piédestal sur un socle ou plusieurs marches. C'est au sculpteur à communiquer ses idées à l'architecte avec les objets qui se rencontreront dans les attributs de sa statue, afin qu'ensemble ils déterminent la hauteur de l'élévation de la statue depuis la tête jusqu'au terrain sur lequel doit être posé tout l'ouvrage en entier, comprenant le socle et les marches de pierre, si l'architecte convient d'en mettre, pour le goût du piédestal ou sur telle autre chose qui produira un effet majestueux, nouveau et analogue à ces bâtiments; si la figure ne se fera pas apercevoir

aux dépens de ses accessoires, et si enfin, ils feront un tout ensemble digne d'admiration comme il se rencontre dans les ouvrages du cavalier Bernin où l'architecture montre visiblement qu'elle fut faite pour servir à une figure qui lui prête à elle-même de nouvelles beautés.

L'ajustement de la figure doit être à la romaine ou à la grecque. Il me semble que le dernier conviendrait mieux à un Empereur Russe que le romain. On sait que Pierre-le-Grand se vêtissait d'une manière simple, qui donne au sculpteur un beau champ de représenter une figure intéressante. Le manteau impérial peut être mis comme les grecs portaient les leurs, c'est-à-dire agrafé sur l'une des deux épaules. La tête de Pierre-le-Grand garnie de cheveux un peu courts produira toujours, il me semble, un meilleur effet qu'une immense perruque, que le costume a introduite, et que les artistes trop peu instruits lient, mal à propos, avec des ajustements romains. Le manteau sera parsemé des armes de l'Empire, qui est un aigle à deux têtes, la distance entre ces armes est à peu près d'un pied de France et les armes ont à peu près cinq ou six pouces de large. La chaussure sera selon l'intention du sculpteur, c'est à lui à faire des recherches pour savoir celle qu'il est à propos d'employer avec les ajustements dont il aura fait choix. Je crois qu'il doit avoir un bâton de commandant puisque Pierre-le-Grand s'est trouvé en personne dans les batailles qu'il a données à ses ennemis, et qu'il a montré que l'intérêt du peuple ne peut être mieux placé que dans les mains du Souverain même. Il est inutile de le représenter terrassant des ennemis à ses pieds; si de son vivant il eût ordonné sa statue équestre, son armée sans doute, ne faisant pas de la victoire un droit usité, n'aurait pas permis qu'on caractérisât aucune nation vaincue, puisqu'il est vrai que le sort des armes varie par succession de temps. C'est donc de la beauté seule de la statue que doit dépendre tout le succès de ce monument; c'est au sculpteur à la bien poser, simple, martiale, avec un air décidé dans l'action; que la figure en entier se trouve bien assise; que le cheval, s'il est possible, produise sur nous le même enthousiasme dont nous nous sentons affectés en regardant le cheval de Marc-Aurèle. Les sujets des bas-reliefs seront tirés de ses plus signalées victoires; celui du milieu doit représenter la bataille de Poltava. L'artiste, chargé de cet important ouvrage, doit lire avec soin la vie de Pierre-le-Grand pour y remarquer les sujets les plus susceptibles d'être représentés afin de parvenir au but qui lui est proposé et si son génie le porte à faire des choix dont nous n'avons point fait mention dans ce mémoire, il doit le suivre, donner par écrit les raisons qui l'ont porté à préférer les sujets dont il traite, pourvu qu'il réponde à notre projet; il sera assuré que l'on déférera

à ses idées et que l'on ne manquera pas, en lui rendant justice, de lui marquer la reconnaissance qu'il aura méritée par ses soins. Dans les ornements qui ornent le piédestal comme trophées seront représentés des attributs de législateur, de guerrier, de potentat. Parmi ces attributs on tâchera d'en trouver qui puissent désigner que toute la splendeur de la monarchie Russe est due à Pierre-le-Grand; pour cette raison on placerait, comme nous l'avons déjà dit, de la manière la plus apparente, la bataille de Poltava, la plus importante de toutes celles qu'ait remportées la nation Russe, et dont le gain a décidé de l'abaissement total de ses ennemis et a produit l'état dans lequel elle est maintenant.

On pourra aussi, par des attributs ou par des bas-reliefs dans de petits panneaux, supposant que le piédestal soit à pans, donner une idée du pays dont on représente le Souverain, et faire sentir l'importance de son empire, en désignant distinctement l'étendue de ses barrières; ainsi dans un bas-relief on verrait que son pouvoir s'étend depuis la mer Blanche jusque par de là les Kamtchadales, et pour que toutes ces allégories, quoique je ne les aime pas, ne laissassent rien dans l'obscurité on pourrait y joindre des inscriptions latines ou grecques. Je crois que l'astronomie servirait encore fort bien à la faire valoir en faisant paraître d'une manière ingénieuse les constellations sous lesquelles sont situées les différentes terres où les lois du souverain sont reçues et l'on connaîtrait distinctement l'étendue immense du pays soumis à son empire.

Le but que doit avoir l'artiste chargé de désigner toutes les choses nécessaires dans cet ouvrage est renfermé à peu près dans ces points.

I° Le plus grand de tous les empires.

II° De représenter le souverain qui a le plus travaillé pour le bien de son peuple.

III° Le gain des batailles importantes qui ont procuré la splendeur de l'Empire.

IV° En législateur inébranlable dans les sages résolutions qu'il avait prises.

V° L'important point de se dépouiller pendant un temps de sa souveraineté pour s'instruire dans les pays étrangers de tout ce qu'un souverain a besoin d'apprendre et particulièrement de s'attacher avec tant d'affection au plus robuste de tous les emplois laissant à la postérité le vertueux exemple que rien n'est indigne de l'attention d'un souverain quand il en résulte le bien des peuples.

VI° Marquer que ce monument fut élevé à la mémoire de ce grand monarque par les ordres d'une Impératrice qui marche exactement sur ses traces, et qui partage sa gloire et ses fatigues.

VII° Désigner aussi que de tous les éloges celui qui reste après la mort est le seul dont on puisse se glorifier et que la flatterie mensongère, n'a aucune part au monument élevé à la gloire de ce prince. Je le répète encore: ce qui ne pourra pas être traité par des bas-reliefs, ou des ornements symboliques doit se trouver joint au sujet par des inscriptions énergiques, mais surtout que rien ne paraisse étranger à la figure et que l'on aperçoive que tout ce dont il est fait mention y appartient et s'y trouve lié par une main savante qui a su artistement réunir en un ensemble toutes les qualités qui ont fait admirer Pierre-le-Grand de son vivant et qui feront à jamais respecter sa glorieuse mémoire.

Il serait à souhaiter qu'une de ces inscriptions fût à peu près conçue dans ces termes: *Si Dieu en créant les hommes eût accordé à l'un d'entre eux l'immortalité, le héros dont voici la statue, serait encore parmi nous.*

Le sculpteur de la statue équestre ou pédestre, s'il venait à exécuter cet important ouvrage; recevrait d'ici le masque de Pierre-le-Grand moulé sur nature et d'autant plus ressemblant qu'il fut fait quelques heures après la mort de l'Empereur; la maladie de ce Prince n'étant qu'une debolesse, n'avait causé aucune altération à sa physionomie.

Seconde réponse faite aux objections répondues à la réponse aux questions proposées ce 15 Octobre 1764.

L'on est décidé d'avoir d'abord la statue équestre de Pierre-le-Grand; mais comme les idées se succèdent, qu'elles naissent pour ainsi dire les unes des autres, on souhaite aussi sur ce principe d'avoir de même ensuite le projet d'une statue pédestre.

L'on convient qu'il est de toute raison que les proportions de la statue doivent être d'accord avec celles de la place de quelque forme et espace qu'elle soit.

Par le plan B on pourra se former un local certain pour la forme; l'étendue et l'espace de la place. La forme du piedéstal étant une dépendance de l'enceinte de la place, c'est encore une chose que l'on fera sur sa figure.

Les attributs, dont vous parlez, peuvent être relatifs aux VII articles portés dans le premier mémoire autant cependant qu'on le jugera à propos: c'est aux artistes employés à ce sujet, à ne les point périphraser.

Je croirais que dans une description les suppositions ne sont pas des choses suffisantes pour donner une idée distincte d'un si grand monarque.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

ПИСЬМО ДИДЕРОТА БЕЦКОМУ. 1765.

Monsieur,

Je suis très-honoré des marques de confiance que vous avez eu la bonté de me donner, et j'ai tâché d'y répondre avec tout le zèle et toute l'activité possible. Mais Son Excellence le prince de Galitzine a su si bien gagner mon Falconet qui, de son côté, a apporté tant de facilité à nos vues, qu'il ne me reste presque aucun mérite dans le succès de cette affaire. L'affabilité charmante du prince et le désintéressement singulier de l'artiste ont tout fait. Je perds un bon ami, que le prince de Galitzinc m'enlève; et l'honneur d'être appelé par la plus grande des souveraines, et de travailler à la gloire du plus grand des monarques, ravit à la nation un homme excellent qu'elle regrette. Il n'y a qu'une voix sur le choix de votre artiste.

Falconet partira le quinze du mois de septembre prochain. Il n'y a aucune sorte d'intérêts qu'il n'ait sacrifié à l'empressement flatteur que vous avez de le posséder. Permottez, Monsieur, à l'amitié de vous révéler ce que la hauteur d'âme de mon artiste vous aurait certainement laissé ignorer:

Il s'éloigne d'un pays où il est honoré; il quitte à cinquante ans son foyer; la maison qu'il a lui-même bâtie, les arbres qu'il y a plantés, le jardin qu'il cultivait lui-même de ses mains, des amis qui lui sont chers; il renonce à la méditation, à l'étude, à toutes les douceurs d'une retraite délicieuse; avec une âme bonne et sensible, telle que Votre Excellence l'a reçue de la nature, elle concevra toute la force de ces sortes de liens, et combien il en doit coûter pour les rompre; Falconet les a rompus, et ce n'est ni la soif de l'or, ni l'ambition d'une plus grande fortune qui l'ont déterminé. Il méprise l'or, il est âgé, et il a la fortune du sage. Mais il est entraîné par le talent et le désir de s'immortaliser par une grande et belle chose.

Il avait un état de maison tel qu'il convenait de l'avoir à un homme qui est dans l'aisance; à peine son voyage a-t-il été arrêté que tous ses effets ont été donnés, dissipés ou vendus. M. le prince de Galitzine vous dira qu'il n'a réservé du prix de la location de sa maison qu'une pension

annuelle très-modique qu'il faisait à une de ses parentes, dont il est le bienfaiteur et le soutien.

On a disposé de la place qu'il occupait à la manufacture de Sèvres et qui lui rendait deux mille quatre cents livres par an.

Il a renoncé à sa place de professeur, aux grades académiques et aux honoraires qui y sont attachés. Il avait seize cents livres de pension de la cour; et il est d'autant plus incertain que ces seize cents livres lui restent qu'on a refusé d'accepter en paiement d'un bloc de marbre qui lui avait été fourni, mille écus qu'on lui redevait sur cette pension.

Il a confié à un autre sculpteur qui a bien voulu s'en charger, le soin d'achever à ses dépens la statue de St. Ambroise, qu'il travaillait pour les Invalides.

Je n'entre dans tous ces détails que pour supplier Votre Excellence d'épargner à mon ami toute sorte de regrets, de lui accorder votre protection entière, et de lui procurer un travail facile et un séjour heureux. Je mourrais de chagrin, si j'avais jamais à me reprocher les conseils que je lui ai donnés et les assurances que je lui ai faites. Vous avez à remplir avec mon ami toutes les promesses que je lui ai faites.

Le duc de Wurtemberg à permis que les deux statues qu'il avait entreprises pour lui, et qui étaient presque finies, appartinssent à Sa Majesté Impériale, à qui, soit dit sans offenses, elles conviendront beaucoup mieux: l'une représente la *souveraineté*, appuyée sur son faisceau, l'autre la *gloire* qui entoure d'une guirlande un médaillon où l'image de Catherine sera très-bien placée. Une troisième, qui montre *une femme assise*, qui enveloppe d'un pan de sa robe des fleurs d'hiver, semble avoir été projetée pour la Russie. Les deux premières figures sont très-belles; mais cette dernière est de position, de caractère, de simplicité, de mouvements, de draperie, un chef-d'oeuvre a placer à côté de l'antique.

Les trois caisses, qui renferment ces trois morceaux, sont accompagnées de dix-sept autres, dont cinq contiennent quelques effets appartenant à l'artiste; les autres sont pleines de dessins, de plans, d'estampes, d'outils, en un mot, de choses relatives à l'étude et à la pratique de l'art; et le projet de Falconet est de les abandonner à l'usage de l'académie.

Il est à propos que Votre Excellence veille à la sûreté de ces caisses, et empêche qu'elles ne soient ouvertes avant l'arrivée de l'artiste. Il serait fâcheux que des choses précieuses, qui auraient échappé aux périls du voyage, fussent brisées par des ouvriers maladroits.

Jusqu'à présent je n'ai pas dit un mot à Votre Excellence du *traité* fait avec Falconet; ça été l'ouvrage d'un quart-d'heure, et l'écrit d'une demi-page.

Nous nous sommes informé de ce que de pareils monuments exécutés avaient produit à Paris aux artistes qu'on en avait chargés, à Bouchardon, à Pigalle, à Lemoine; et nous avons su que leurs honoraires avaient été évalués à cent mille écus, sans compter une infinité de petits gains malhonnêtes connus dans tous les métiers sous le nom de *tours du bâton*.

Votre Excellence imagine bien que nous avons laissé là ces gains qui ne nous convenaient pas, et qui ne devaient convenir à aucun honnête homme; nous avons même négligé des considérations plus justes, telles que la nécessité de s'expatrier, et toutes les peines qu'elle cause, et toutes les pertes qui en sont la suite nécessaire, et nous avons proposé cent mille écus à Falconet. Notre artiste nous a répondu qu'il ne lui fallait que deux cent mille francs; que celui qui ne savait pas être heureux avec deux mille livres de rente, ne l'était pas avec cent mille, et que, quant aux autres cent mille francs, dont il se départait sans peine, on les lui rembourserait en bons procédés, ce qui ne coûterait rien à personne. Je supplie Votre Excellence de juger à ce trait mon ami.

Le traité ne porte donc que deux cent mille francs, il a fallu en passer par là; nous n'avons jamais pu vaincre là-dessus l'opiniâtreté de notre statuaire; ainsi ce n'est point économie de notre part; c'est refus de la sienne; c'est lui-même qui a réduit son honoraire à ce prix modique, malgré que nous en eussions, et au grand scandale de tous nos artistes qui ont su son procédé honnête et qui ne lui pardonnent pas.

Les monuments de cette espèce coûtent ici des millions, et durent un temps infini. Si tout répond aux vues de notre artiste, qui ne pense pas qu'il soit plus permis de voler un souverain qu'un particulier, Sa Majesté Impériale saura combien il en faut rabattre et pour le temps et pour la dépense, quand on a affaire à un honnête homme et à un habile homme.

Il est à présumer que moins un artiste pense à lui-même, plus il pense à ses ouvriers; Falconet avait son intérêt à les choisir excellents; c'est ce qu'il a fait. Et Votre Excellence verra qu'il ne leur a presque rien accordé, au-delà de ce qu'ils gagnent dans les ateliers de Paris. Que Votre Excellence me permette de lui représenter que le travail de mon ami lui rend environ dix mille francs à Paris, et qu'en ajoutant à ces dix mille francs son honoraire annuel de la manufacture de Sèvres, ses pensions, ses honoraires académiques, et le reste de son revenu, son traité avec la cour de Russie n'ajoute presque rien à sa fortune. Comblez donc d'honneurs mon Falconet, rendez-le donc heureux, faites qu'il jouisse du repos; faites qu'il ne trouve aucun dégoût, aucun obstacle qui le retardent dans ses opérations et l'empêchent d'exécuter pour vous une grande et belle chose; et il aura

obtenu la véritable (въ печатномъ пропущено) récompense dont il fait cas. Je vous demande son bonheur avec mille fois plus d'instance que je n'oserais vous demander le mien; qu'il m'écrive incessamment qu'il est heureux; et qu'à son retour, il puisse m'embrasser avec joie. C'est à ces considérations (въ печ. conditions) que je vous l'envoie.

Il part avec un de ses ouvriers, et une jeune personne âgée de dix-neuf ans. Il sera suivi d'un second ouvrier; et il en prendrà un troisième à Berlin.

Le ministère (въ печ. ministre) précédent avait accordé au peintre La-Grenée dix mille francs pour son voyage. Mon statuaire qui se distingue, jusque dans les plus petites choses, a pensé que la même somme suffirait pour cinq personnes, et il n'en a pas demandé davantage.

Je ne vous dis rien des autres articles du traité: j'espère que Votre Excellence reconnaîtra que l'intérêt n'en a dicté aucun, et que tout y a été dirigé à l'économie à la célérité et au succès.

Il n'est pas indifférent que vous sachiez, que les ouvriers, qui accompagnent ou suivent mon ami, ont la plupart femme et enfants qu'il laissent dans ce pays, et à la subsistance desquels il est juste qu'ils pourvoient.

Tout en arrivant, mon statuaire vous présentera son ébauche: C'est un homme qui pense et sent grandement; son idée m'a paru neuve et belle, elle est sienne; il y est singulièrement attaché, et je pense qu'il a raison. Avec le talent le plus distingué il a encore la modestie de ne pas trop présumer de lui-même. Cependant je ne doute point qu'il n'aimât mieux s'en revenir en France, après avoir supporté la fatigue d'un long et pénible voyage, que de se soumettre à faire une chose ordinaire et commune. Le monument sera simple, mais correspondra parfaitement au caractère du héros; on pourrait l'enricher sans doute, mais vous savez mieux que moi que dans les beaux-arts la richesse est presque toujours l'ennemie mortelle du sublime. Nos artistes sont accourus dans son atelier. Tous l'ont félicité de s'être affranchi de la route battue; et c'est la première fois que j'ai vu une idée nouvelle aussi universellement applaudie, et des gens de l'art, et des gens du monde, et des ignorants, et des connaisseurs; un de ses ouvriers lui dit à l'aspect de son modèle: n'est-ce pas vous qui avez fait cela? C'est le Czar.

Je relis le traité à mesure que j'ai l'honneur de vous écrire, et je n'y vois rien que Sa Majesté Impériale ne puisse approuver. Si cependant, contre notre attente, il se trouvait, soit dans sa forme, soit dans quelques autres points, quelque chose qui ne s'arrangeât pas pourtant avec les coutumes, les moeurs, les usages du pays, on peut attendre du bon esprit de

mon ami qu'il se prêtera à toutes les rectifications qui ne croiseront ni la célérité ni le succès de son entreprise.

Il ne me reste plus qu'à remercier Votre Excellence de toutes les choses obligeantes qu'elle a la bonté de me dire. Il est naturel que dans la seule occasion, que j'aurai peut-être de ma vie, de lui témoigner mon respect et mon dévouement, je souhaite ardemment que ma conduite ait été bien conforme à ses intentions. J'espère qu'elle ne dédaignera pas de m'en instruire, afin que je puisse m'excuser, si j'ai failli, ou jouir de la satisfaction la plus douce, si j'ai eu le bonheur de la contenter.

Surtout que Votre Excellence ne confonde pas mon artiste avec la foule d'artistes communs. C'est un homme qui a des idées et qui sait penser par lui-même. J'ignore sur quelle entreprise plus intéressante Votre Excellence pourrait avoir dans la suite à me consulter; mais quand mon Falconet sera à côté du général Betzky, il n'aura plus besoin de personne: qu'on le laisse faire et il fera de grandes choses.

Cependant Votre Excellence peut disposer de moi en toutes circonstances; elle doit connaître tout mon dévouement; s'il est vrai que ce soit le coeur qui rende disert, ce sera surtout quand il sera question de la servir et de célébrer Sa Majesté Impériale, que je suis très-sûr de trouver du génie, s'il est vrai que la nature m'en ait départi quelque étincelle.

Vous avez déjà un sculpteur à St-Pétersbourg et même de notre académie; pour peu qu'il ait d'âme, il est difficile qu'il voie arriver un autre artiste, pour exécuter un monument qu'il ne doit pas juger au-dessus de son talent ou de sa médiocrité; les hommes ne se rendent pas cette justice. Il est naturel, qu'il regarde l'artiste avec un oeil jaloux, et l'ouvrage d'un oeil critique; qu'il examine, qu'il censure; qu'il inquiète, et qu'il suscite des difficultés et des arguments; il est tout simple que Sa Majesté Impériale et vous, Monsieur, qui êtes son ministre, interposiez votre autorité et disiez les mots graves qui font taire, il ne faut pas que notre artiste, qui aura besoin de toute la tranquillité de sa tête, soit importuné et distrait dans une grande opération par le bourdonnement et la piqûre des guêpes.

Il espère trouver dans les écuries de Sa Majesté, ou des seigneurs de Sa Cour de beaux modèles de chevaux et quelques bons écuyers à son service.

Quant à la suite des opérations, la construction des ateliers, la préparation du petit modèle, et l'exécution du grand, elles se succéderont, comme j'ai eu l'honneur de vous le marquer dans la précédente lettre à laquelle Votre Excellence a fait une réponse, que je regarde comme un témoignage précieux de son estime et de sa bienveillance.

Un jeune comédien russe qui voyage aux dépens de Sa Majesté, sachant que c'était au général Betzky que mon Falconet était adressé, s'écria avec une naïveté qui me remplit de joie: Le général Betzky! c'est le plus honnête homme de la Russie. M. Falconet ne sera pas plus tôt arrivé, qu'il sera son enfant.

Il ne me reste plus qu'un mot à dire à Votre Excellence: le projet de Sa Majesté serait-il d'appeler, dans ses états des Français? Le moment est favorable. Mais oserais-je vous représenter, Monsieur, que ce soient surtout des jeunes gens. Il faut les prendre, lorsque leur éducation est faite, leur tempérament fort et vigoureux et leur talent bien décidé, entre vingt à trente ans; ce n'est qu'à cet âge qu'on n'a point de patrie, et qu'on en prend une. C'est dans cet intervalle qu'on épouse une contrée, et qu'on l'épouse si bien qu'on n'imagine plus qu'on puisse subsister heureusement sans un vil de choura (въ печ. vitchoura) (?). C'est alors que les passions se développent et qu'on sent le besoin d'une compagne. Le vieillard arrive, rend les services qu'on lui demande, forme quelques élèves qui s'abâtardissent, reçoit les honoraires qu'on lui a promis, s'en retourne: le jeune homme prend femme, a des enfants, et fait une famille qui reste.

(Выписано изъ рукописнаго сборника сочиненій Д. Дидерота, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, XVIII, стр. 280 и слѣд. Это письмо Дидерота къ И. И. Бецкому въ первый разъ напечатано было съ незначительными измѣненіями въ «Mémoires, correspondance et onvrages inédits de Diderot, publiés d'après les manuscrits confiés, en mourant, par l'auteur à Grimm. Paris, Paulin, 1831, томъ III, стр. 185—196.)

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

ПЕРЕПИСКА О ПРІѢЗДѢ ФАЛЬКОНЕТА ВЪ РОССІЮ.

а) Донесеніе князя Голицына Н. И. Панину отъ 31 августа 1766 года, съ приложеніемъ контракта, заключеннаго съ Фальконетомъ и списка вещамъ его.

(Изъ Главнаго Моск. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.)

Paris, le 31 Août 1766.

Monseigneur,

Votre Excellence aura pu être surprise du retard que je paraissais voir mis à renvoyer le courrier *Украйницовъ*, mais l'absence de M-r le M-is de Marigni, surintendant des bâtiments, et de qui M-r Falconet dépendait

beaucoup, en est l'unique cause. Sans lui M-r Falconet ne pouvait rien conclure avec moi; mais aussitôt qu'il fut de retour, je n'ai pas perdu un instant pour terminer l'affaire en question, c'est ce que vous verrez, Monseigneur, par le contrat ci-joint (marqué A.)

Je dois rendre justice à M-r le M-is de Marigni et à M-r le Duc de Choiseul, et convenir qu'ils ont facilité mon opération en tout ce qui a dépendu d'eux, sans avoir fait la moindre difficulté de m'accorder tout ce que je leur avais demandé en conséquence.

Je ne dois pas non plus omettre le trait de désintéressement de M-r Falconet. Votre Excellence a pu voir par les mémoires des autres sculpteurs que j'avais mis en concurrence pour l'ouvrage en question, et que j'avais communiqués à Mr le général Betzky, que le moindre allait à 450 mille livres de gratification. J'ai cru pouvoir être autorisé par là à lui en proposer 300 mille livres, mais M-r Falconet de lui-même trouva la récompense trop forte, et malgré ce que j'ai pu faire je n'ai su parvenir à l'obliger à consentir à stipuler davantage que pour 200 mille livres. Tous les autres salaires et les frais du voyage sont de même beaucoup moindres que ce que les autres artistes m'avaient demandé. Il me serait inutile de vous recommander et de vous supplier en grâce, Monseigneur, d'avoir égard à un pareil procédé, l'honnêteté et la vertu ont trop d'accès auprès de Votre Excellence pour n'être pas persuadé que M-r Falconet ne perdra rien à la façon désintéressée dont il a agi avec nous.

Quant au 4 e article du contrat, par lequel je me suis engagé à transporter les effets de M-r Falconet aux dépens de Sa Majesté Impériale, quoiqu'il y ait 25 ballots, il n'y en a cependant que trois ou quatre qui y sont pour son usage, le reste est tout pour l'académie des arts de l'Impératrice, c'est ce que Votre Excellence verra par la note ci-jointe (marquée B.) Tous ces effets sont adressés à votre nom et partis le 25 du courant de Rouen pour Pétersbourg. Je vous supplie en grâce, Monseigneur, de vouloir bien les faire retirer du vaisseau et d'ordonner de ne pas ouvrir les ballots jusqu'à l'arrivée de Falconet, les choses qu'ils contiennent étant si fragiles, il n'y a que celui qui les a emballées qui puisse les déballer sans les endommager.

Deux statues de marbre de 6 pieds de proportion, ordonnées par M-r le Duc de Wurtemberg, auraient retenu M-r Falconet ici, mais j'ai fait écrire au Duc par son ministre résidant ici et le prier de nous les céder, c'est ce qu'il a fait avec le plus grand empressement du monde aussitôt qu'il eût appris que Sa Majesté Impériale les désirait. Ces statues avaient été commandées pour 20 mille livres, sur lesquels M-r Falconet avait déjà

touché 11448 F. Je les ai déboursés au Ministre du Duc, il ne reste donc plus que 8552 F. à payer à Falconet.

Une troisième statue de marbre, commandée pour S. M. très-Chrétienne, et à peine ébauchée, aurait de même retenu notre artiste ici, mais M-r le M-is de Marigni, pour faciliter son départ, n'a pas fait la moindre difficulté de la céder aussi à Sa Majesté Impériale, et je l'ai retenue pour le prix dont on était convenu avec M-r Falconet, c'est-à-dire pour 13 mille livres y compris le bloc de marbre. Cette acquisition était d'autant plus nécessaire que Votre Excellence jugera par elle-même que les statues en question sont parfaites en leur genre, et qu'elles vous donneront une idée des talents de notre artiste.

M-r Falconet amène avec lui une jeune demoiselle, son élève. Il s'intéresse d'autant plus à elle, que c'est une espèce de prodige par son talent et sa conduite; la quantité de portraits que je lui ai vu faire ici, sont parfaits et elle ne peut que se rendre utile dans notre pays. Je l'ai jugée digne de la protection de Sa Majesté Impériale, et n'ai pu m'empêcher de lui accorder des honoraires de 1500 livres par an en considération de M-r Falconet, vous priant en grâce, Monseigneur, de les faire augmenter même jusqu'à 2000 livres, M-r Falconet y sera plus sensible que si vous lui accordiez une grâce personnelle. Au reste, Votre Excellence sera à même de juger de ses talents par les ouvrages qu'elle apporte avec elle, dont un entre autres est le portrait de M-r Diderot et l'autre le mien.

L'expédition de l'artiste me met dans le cas d'avancer beaucoup d'argent. Je supplie en grâce Votre Excellence de me permettre de tirer une lettre de change sur elle pour toute la somme en question, sans quoi, si nous tardons trop longtemps à la payer à mon banquier, nous serons obligés d'en payer les intérêts.

Il ne me reste qu'à prier Votre Excellence au sujet de M-r Chotinsky. Je sais qu'il a reçu ordre de rester à Madrid; cependant si vous pouvez, Monseigneur, lui permettre de revenir auprès de moi aussitôt que M-r de Stackelberg sera arrivé à Madrid, Votre Excellence peut être persuadée que je regarderai cette grâce comme la plus grande preuve de ses bontés pour moi.

Je me croirai bien heureux, Monseigneur, si les arrangements que j'ai pris au sujet du sculpteur peuvent mériter votre approbation, et que vous me rendiez justice d'être persuadé que personne au monde n'est avec un attachement plus sincère et plus respectueux, Monseigneur, de Votre Excellence le très-humble et très-obéissant serviteur.

Dimitry, Prince de Galitsin.

A. Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies, ayant formé le projet d'élever à la mémoire de Pierre 1-er un monument digne de la grandeur de l'Empereur Pierre et de la Sienne.

Et pour répondre à ses vues, moi, Dimitry Prince de Galitzin, son Ministre Plénipotentiaire à la Cour de France, ayant proposé pour l'exécution de ce monument le S-r Falconet, sculpteur et professeur de l'Académie Royale de peinture et de sculpture de Paris.

Et Sa Majesté Impériale, ayant agréé cet artiste sur le témoignage que nous lui avons rendu de sa rare probité et de son grand talent.

J'ai sous les ordres et le bon plaisir de Sa Majesté Impériale, arrêté ce qui suit:

1. Que le S-r Falconet, chargé de la composition et de l'exécution du monument, qui consistera principalement en une statue équestre de grandeur colossale, partira dans le courant du mois de septembre prochain, accompagné ou suivi de trois ouvriers, un premier ouvrier sculpteur, un second ouvrier sculpteur et un mouleur.

2. Qu'il leur sera accordé à tous conjointement, pour les frais de leur voyage, la somme de douze mille francs et une voiture propre pour le voyage.

3. Qu'il sera accordé à ces trois ouvriers, soit dans les ateliers mêmes, soit ailleurs, leur logement avec leur chauffer seulement.

4. Que les effets du S-r Falconet, savoir: des statues de marbre de 6 pieds de proportion, appartenant à Sa Majesté Impériale, plusieurs caisses de modèles pour servir aux études des élèves peintres et sculpteurs, seront transportés aux dépens de Sa Majesté Impériale.

5. Qu'il sera payé à son premier ouvrier sculpteur six mille livres par an, à compter du jour de son départ pour la Russie jusqu'au jour de son retour en France.

6. Qu'il sera payé à son second ouvrier sculpteur entre quatre et cinq mille livres par an, à compter du jour de son départ pour la Russie jusqu'à son retour en France.

7. Qu'il sera payé à son mouleur quatre mille livres par an, à compter pareillement, du jour de son départ pour la Russie jusqu'au jour de son retour en France.

8. Qu'il sera avancé à ces ouvriers en arrivant à Pétersbourg le premier quartier de leurs salaires, afin qu'ils puissent s'arranger et pourvoir à leurs besoins.

9. Que le S-r Falconet n'entrera dans aucune sorte de dépenses, soit pour construction d'ateliers, matériaux, ustensiles, ou autres choses; mais

qu'il fixera seulement, si on l'exige de lui, selon l'économie et la bonne foi, le salaire journalier de tous les ouvriers subalternes qui seront payés par d'autres mains que les siennes.

10. Qu'on lui fournira, sans délai, tous les manoeuvres, matériaux, ateliers, ustensiles, modèles d'hommes et de chevaux à son choix et autres secours nécessaires à ses opérations, de manière qu'elles ne languissent point.

11. Qu'il aura toute autorité dans ses ateliers, de sorte qu'un ouvrier soit renvoyé et remplacé sur sa première représentation.

Qu'il lui sera fourni un logement propre et commode dans le voisinage de ses ateliers, une voiture à son usage journalier, une table saine et frugale, où il puisse recevoir quelquefois une ou deux personnes, et surtout qu'il sera pourvu à sa dépense domestique, à tous soins de maison qu'il est incapable de prendre et qui ne feraient que l'embarrasser et le distraire.

14. Que Sa Majesté Impériale ayant approuvé ses projets, il aura l'entière liberté de les exécuter, et qu'il n'en sera distrait par quelques personnes ou sous quelques prétextes que ce soit.

15. Qu'il lui sera accordé vingt-cinq mille francs par an jusqu'à la concurrence de deux cent mille francs: en sorte que si ses travaux durent moins de huit ans, on lui parferait toujours l'honoraire de deux cent mille francs; et que s'il arrivait que par maladie, ou par quelques autres accidents le temps et les travaux se trouvassent prolongés au delà de huit ans, il s'en rapporte du tout à l'équité et à la bienfaisance de Sa Majesté Impériale, aux dépens de Laquelle il continuerait d'être logé et défrayé, ne pouvant être garant d'accidents qu'il n'a pu prévoir.

16. Que ces vingt-cinq mille livres d'honoraires annuels seront payés à Paris sur son seul reçu, à la personne qu'il désignera.

17. Que les trois ouvriers auront aussi la même facilité de faire toucher à Paris, ou ailleurs, la portion de leur salaire qu'il leur conviendra d'y faire payer.

18. Que s'il arrivait que l'artiste ou ses projets ne pussent être agréés par Sa Majesté Impériale, il lui serait accordé à lui et ses trois ouvriers conjointement, pour le retour en France, la même somme de douze mille francs qui leur aura été accordée pour leur voyage en Russie.

19. Qu'à la fin de l'ouvrage cette même somme leur sera aussi accordée intement pour leur retour.

Le S-r Falconet a souscrit avec reconnaissance à ces propositions que nous lui avons faites, et nous lui en avons délivré un double que nous avons pareillement souscrit. Fait à Paris ce 27 n. s. Août 1766.

Dimitry Prince de Galitzin.
Falconet.

Il sera permis au sieur Falconet de demander un troisième ouvrier sculpteur pour accélérer l'exécutiou de l'ouvrage, s'il en était besoin.

Dimitry Prince de Galitzin.
Falconet.

—

B. Partie de Paris en Août 1766. à Son Excellence Monsieur de Panin Conseiller privé et Grand Gouverneur de Son Altesse Impériale, Monseigneur le Grand Duc de Russie, Sénateur et Chambellan à St-Pétersbourg. MF № I, a 25, vingt quatre caisses emballées et un petit ballot.

Etat des Effets *) envoyés à St-Pétersbourg, par ordre de Monseigneur le Prince Dimitry de Galitzin, Ministre Plénipotentiaire de Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies à la Cour de France, pour Monsieur Falconet, sculpteur du Roi, aux adresses et marques comme en marge, et chargés à Rouen sur le navire l'Aventurier, capitaine Naming, allant en droiture à St-Pétersbourg.

№ 1 et 2. Deux grandes figures de marbre, dont l'une représente la victoire, l'autre la gloire des princes.

№ 3. Une caisse de tableaux et grandes estampes collées sur toile.

№ 4. Un ballot de livres.

№ 5, 6 et 7. Trois caisses contenant des livres.

№ 8. Un grand secrétaire, du linge, de la toile, des cartons, remplis d'estampes et cinq serrures.

R. S. U. P.

№ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 et 19. Onze caisses emballées contenant des figures, modèles en creux de plâtre.

№ 20. Trois caisses contenant des figures de plâtre et des outils pour la sculpture.

---

*) См. письмо Дидерота къ И. И. Бецкому въ приложеніи IV.

№ 21. Quatre caisses de figures de plâtre:

1 caisse contenant le buste du roi en porcelaine.

1 ditte contenant la cage de verre pour le couvrir.

1 ditte de deux modèles de girandoles; les deux socles de marbre.

№ 22. Trois caisses de figures de plâtre, deux dittes d'habits.

№ 23. Un grand tableau roulé. Une grande estampe en papier pour Son Excellence Monsieur le Général Betzky.

№ 24. Une figure de marbre ébauchée, représentant l'hiver.

№ 25. Le buste en creux de Monseigneur le prince Dimitry de Galitzin.

(Выписано изъ дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Франціею. III, Paris, св. 7.)

—

в) Четыре письма къ вице-канцлеру, князю Александру Михайловичу Голицыну отъ полномочнаго министра при Версальскомъ дворѣ, князя Димитрія Алексѣевича Голицына о заключеніи договора съ Фальконетомъ и объ отъѣздѣ его въ Россію съ госпожею Коло.

(Сообщено изъ Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ барономъ Ф. А. Бюлеромъ.)

Paris, le 31 Août 1766.

Mon Prince,

L'affaire de Falconet, sculpteur étant finie, et le même courrier portant le contrat que je viens de conclure avec lui, je vous prie en grâce, mon Prince, de me mander si Sa Majesté Impériale a été contente des conditions qu'il contient. Je crois y avoir fait tout ce que mon devoir exigeait de moi, et cependant je n'y ai pas grand mérite, — Falconet est d'un caractère si noble, si désintéressé, qu'en lui offrant 300 mille livres pour ses honoraires il n'en a jamais voulu accepter davantage que 200 mille, et le moins cher de ceux que j'avais mis en concurrence avec lui, en avait demandé 450 mille. Tel est le caractère de l'artiste que j'ai l'avantage d'envoyer dans notre commune patrie. Il aura l'honneur de vous remettre une recommandation de ma part, mon Prince, et je me flatte que vous ne lui refuserez pas vos bontés. Il part sans faute le 10 de Septembre d'ici.

J'ai l'honneur d'être avec un attachement sincère et respectueux Mon Prince

Votre très-humble et très-obéissant serviteur

Dimitry Prince de Galitzin.

Paris, le 10 Septembre 1766.

Mon Prince,

Permettez que j'aie l'honneur de vous présenter Mr. Falconet, et de vous l'annoncer comme un homme aussi admirable par ses talents, qu'estimable par sa façon de penser et la noblesse de ses sentiments. La manière désintéressée dont il a traité avec moi au sujet de l'ouvrage qu'il a entrepris, ne peut être ignorée de vous, mon Prince, et le caractérise parfaitement. Ces procédés sont la plus belle et la plus forte recommandation qu'il puisse avoir auprès de vous, mon Prince, et je ne doute nullement que vous ne lui accordiez vos bontés et votre protection. En mon particulier, je vous les demande instamment pour lui, et vous prie en grâce de croire que je regarderai comme des obligations personnelles, toutes les bontés que vous voudrez bien lui témoigner, ayant au reste l'honneur d'être, mon Prince, etc....

P. S. искреннее одолженіе буду имѣть Вашему Сіятельству, свѣдавъ о оказанныхъ милостяхъ сему честному и почтенному человѣку, истинно честью, и сентиментами преисполненному старику, и мало примѣровъ столь великаго безкорыстія какъ его.

Il amène avec lui une jeune élève de 18 ans qui a un talent décidé pour les portraits. Mlle Colot et son nom. Elle est aussi sage qu'habile, et vos bontés seraient très-bien placées, mon Prince, si vous vouliez en avoir pour elle. Ce serait encore une obligation de plus que je vous en aurai.

Compiègne, le 13 Septembre 1766.

Mon Prince,

J'ai expédié hier Mr Falconet, et je compte que vers le 15 du mois prochain il pourra être rendu à St-Pétersbourg; ne devant s'arrêter que quelques jours pour voir Berlin, il est possible qu'il fasse son voyage en un mois de temps.

Fontainebleau, le 12 Octobre 1767.

Quelqu'un écrivait ces jours passés de Pétersbourg à un de ses amis à Paris «Voulez-vous savoir à quoi Catherine II passait le temps de ses récréa-«tions sur l'eau dans son grand voyage? à faire des noeuds? Non, à bro-«der? — Non, à lire? — Beaucoup, mais ce n'est pas là tout. Elle tradui-«sait Bélisaire en russe, afin que tous ceux qui savent lire dans son empire «connaissent bien les devoirs de leurs souverain. Quelle maîtresse d'école!..» Je suis bien tenté de vous nommer, mon Prince, et celui qui écrivait et

celui à qui on écrivait, mais on m'en saura peut-être mauvais gré. Cherchez toujours cependant le premier *dans quelque atelier de sculpteur*, et il vous dira le reste.

J'ai l'honneur, etc:

—

в) Письма вице-канцлера князя Александра Михайловича Голицына князю Димитрію Алексѣевичу Голицыну.

(Съ отпусковъ, хранящихся въ Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, въ Москвѣ.)

St-Pétersbourg, le 15 Septembre 1766.

Vous ayant marqué, Monsieur, par l'ordinaire passé l'arrivée du courrier Oukraïnzoff, je m'empresse à répondre aux cinq lettres qu'il m'a apportées de votre part, datées des 18 et 31 Août.

Je ne doute aucunement que les conditions arrêtées avec M. Falconet ne soient approuvées, quoique Sa Majesté Impériale ne m'ait encore rien dit de particulier à cet égard. L'honoraire qu'il demande est modique en comparaison des propositions des autres artistes, et son procédé vis-à-vis de vous marque un caractère d'honnêteté. Quand il viendra ici, je lui serai volontiers de quelque utilité dans les occasions, faisant toujours toute l'attention possible à vos lettres de recommandation...

St-Pétersbourg, le 10 Octobre 1766.

Les deux lettres du 13 et du 21 Septembre dont vous m'avez honoré, Monsieur, me sont parvenues en leur temps. Parmi les nouvelles qu'elles contiennent j'ai été bien aise d'apprendre le départ de M. Falconet. On désire le voir bientôt ici pour qu'il mette la main à l'ouvrage qui l'appelle dans ce pays.

En attendant on a envoyé un officier à sa rencontre à Riga et qui doit l'accompagner ici...

St-Pétersbourg, le 21 Octobre 1766.

La lettre dont vous m'avez honoré, Monsieur, le 10 du mois passé m'a été remise par le Sr. Falconet qui est arrivé ici. J'ai une satisfaction particulière à vous assurer, Monsieur, que Sa Majesté l'Impératrice a très-gracieusement accueilli cet artiste et il en est pénétré de la plus vive reconnaissance. Par son intelligence et par ses façons d'agir il s'est pareillement acquis l'affection de toute la noblesse, qui se confirme dans la bonne opinion que je leur en ai donnée sur vos recommandations. Le Sr. Falconet a été logé gratis et sera incessament mis à même de mettre la main à l'ouvrage.

Vous pouvez être persuadé, mon Prince, que je ferai attention à l'adresse que vous avez donnée pour moi à la personne qui est arrivée en même temps. Elle trouvera, j'espère, des occasions de faire des portraits; peu d'artistes excellent ici dans ce genre. Elle va en commencer actuellement un, qui doit lui servir de preuve de son habilité, et lui procurer de l'ouvrage autant qu'elle le voudra.

C'est le courrier, major Thier, qui vous remettra cette lettre.

—

г) Донесеніе князя Д. А. Голицына Н. И. Панину отъ 7 сентября 1766 года.

(Изъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д.)

Monseigneur!

Par ma dernière du 31 Août, envoyée par le courrier Украинцовъ, j'ai eu l'honneur de prévenir Votre Excellence sur l'envoi des effets de Mr Falconet, partis sur la fin du mois passé de Rouen pour Pétersbourg et de lui en communiquer même la note; actuellement j'ai celui de lui envoyer (ci joint) le connaissement (MF) au moyen duquel ces effets peuvent être retirés de dessus le navire, vous suppliant toujours en grâce, Monseigneur, de vouloir bien donner vos ordres, afin que les ballots qui les contiennent ne soient point ouverts jusqu'à l'arrivée de Mr Falconet à Pétersbourg, par la raison qu'étant remplis de choses très-fragiles et toutes quasi destinées pour l'Académie des arts de Pétersbourg, la moindre maladresse pourra les endommager. Le départ de Mr Falconet reste toujours fixé au 10 de ce mois-ci, et je compte pouvoir vous assurer, Monseigneur, qu'il l'exécutera à la lettre. Votre Excellence me permettra-t-elle d'exécuter actuellement ce que j'ai déjà eu l'honneur de lui annoncer par ma dernière, qui est de tirer une lettre de change sur elle pour toute la somme que j'ai avancée tant à Mr Falconet, que pour elle-même. J'aurais patiemment attendu que Votre Excellence m'eût envoyé la somme en question; mais étant un peu forte, mes banquiers m'ont déclaré, que passé deux mois, je serai obligé d'en payer les intérêts. C'est pour prévenir une pareille dépense que j'ai cru devoir tirer la lettre de change, vous suppliant en grâce, Monseigneur, de lui faire honneur lorsqu'elle vous sera présentée par les correspondants de mes banquiers, la note ci-jointe devant vous servir d'indication de l'emploi que j'en ai fait.

J'ai l'honneur d'être и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

ОТЗЫВЪ ДИДЕРОТА О РАБОТАХЪ ФАЛЬКОНЕТА ВЪ ЦЕРКВИ СВ. РОКА.

...à gauche du maître-autel contre un pilier, on voit *un Christ agonisant*. La tête et les bras de ce morceau de sculpture agonisent en effet, mais le corps et les parties inférieures se reposent. Il semble cependant que son agonie aurait dû répandre sa défaillance sur tous les membres, et que les jambes surtout seraient mieux, si elles cherchaient à se dérober sous le corps. Il y a une de ses jambes appuyée sur la pointe du pied, et ce pied devrait être pendant. Un autre reproche qui tombe sur l'emplacement, c'est que la base de la figure est si étroite, et qu'il y a si peu d'espace depuis le pilier, jusqu'à ses parties les plus saillantes, qu'on ne sait comment elle demeure là suspendue: elle en a l'air contraint; et elle contrainte, chagrine celui qui regarde.

Contre le pilier correspondant à celui-ci et à droite du maître-autel, est un Saint Roch, debout, son bourdon de pèlerin à la main et son chien entre ses jambes. C'est un morceau commun. Il paraît s'émerveiller et l'on ne sait de quoi. Le sculpteur n'a eu égard ni à la fatigue d'un voyageur, ni au caractère et à la pauvreté d'un pèlerin qui va mendiant, ni à rien de ce que son sujet avait de singulier et de poétique. Il me fallait là un pauvre diable sous un vêtement déguenillé, et qui aurait montré le nu, une besace jetée sur une des épaules, un bâton noueux, un chapeau clabaud, un chien de berger à longs poils; et rien de tout cela n'y est, mais à la place une prétendue noblesse froide et muette.

A gauche de cet autel on a placé une statue en plomb bronzé qui représente David et à droite une autre qui représente le prophète Isaïe.

J'en suis fâché pour Mr Falconet; mais son David est lourd et ignoble. C'est un gros charretier couvert de sa blouse mouillée et appuyé sur une harpe. Pour son Isaïe il m'a paru très-beau. Son regard et son geste sont d'un inspiré qui lit dans l'avenir des temps. J'aime sa grossière et large draperie, j'aime son ton de tête; le jet de sa barbe, la maigreur de ses joues creuses, sa chevelure hérissée, sa contenance effarée et le lambeau d'étoffe qui vient envelopper en désordre le haut de sa tête. C'est le Moïse du Poussin qui montre aux Israëlites mourant le serpent d'airain. Cet Isaïe en a bien l'air.

En tournant à droite ou à gauche, on arrive à la chapelle de la Vierge. Là sous une arcade au-dessus d'un autel qui ferme le bas de l'arcade, on a représenté en marbre blanc *l'Annonciation.* On voit à droite l'Ange porté sur des nuages; ces nuages qui l'environnent, se répandent par ondes sur l'autel et atteignent les genoux de la Vierge qui est à gauche. L'Ange et la Vierge m'ont paru d'un assez beau caractère, cependant la draperie un peu dans le goût du Bernin. La Vierge est à genoux, sa tête modestement inclinée et ses bras ouverts vers l'Ange disent: *fiat mihi.* C'est vraiment la tête d'une vierge de Raphaël, comme il en a fait quelques-unes d'une condition subalterne. Ces Vierges là, moins belles, moins élégantes, moins nobles que les autres, ont quelque chose de plus attrayant, de plus simple, de plus singulier, de plus innocent, de plus rare. Ce qu'on y remarque d'un peu paysan, ne me déplaît pas; et puis j'imagine que c'est un ton de physionomie nationale. L'Ange est de la famille et ceux qui seront mécontents de la Vierge, auront tort d'être contents de l'Ange. Je ne sais où ils ont pris que ces figures étaient maniérées. Elles ne le sont point.

Mais un défaut réel et frappant, c'est que quoique la Vierge et l'Ange soient de proportion colossale, l'espace vide, qui les sépare, est si grand, qu'ils en paraissent mesquins et petits, la Vierge surtout. Le sculpteur n'a pas su établir entre cet espace et ses figures le vrai rapport qui convenait, ou il est tombé dans ce défaut en voulant ménager à travers le percé la vue d'un Christ placé dans le Calvaire, qui est au-delà. Du moins, c'est ainsi qu'on peut le défendre...

—

Il y a dans ces trois objets: *l'Annonciation* en figure de ronde bosse; la *gloire* qui ne pouvait être qu'une espèce de bas-relief et la *Coupole* qui n'est qu'une surface peinte, une dégradation de vérité qui m'a fait plaisir. Les figures de ronde bosse sont moins poétiques et plus réelles que la gloire, la gloire moins poétique et plus réelle que la Coupole.

—

...Et derrière la chapelle de la *communion* est un Calvaire *).

---

*) Внучка Фальконета поставила ему мраморную доску въ церкви Св. Рока въ Парижѣ съ слѣдующею надписью:

Ce calvaire est l'oeuvre d'Etienne Maurice Falconet, Recteur de l'Académie des Beaux-arts de Paris et associé libre de l'Académie de St-Pétersbourg. Mort à Paris le 24 Janvier 1791; Auteur de la statue de Pierre-le-Grand, dont la tête avait été modelée, d'après son voeu, par Marie Anne Collot, sa belle fille, admise avec lui dans l'Académie de St-Pétersbourg.

—

Sa petite fille et le dernier rejeton de sa famille, Marie Lucie Falconet, épouse du baron de Jankowitz de Jeszenicze, élu député par le département de la Meurthe en 1815, 1820, 1823

Plus d'espace, il y aurait eu plus de grandeur dans les figures; plus de figures plus d'action, un plus grand spectacle. On voit ici au lieu le plus élevé, dans l'enfoncement d'une niche un Christ attaché à la croix; au pied de la croix une Madeleine éplorée. Le *Christ* est mauvais; la Madeleine vaut mieux; c'est une assez bonne imitation de Lebrun.

La croix est plantée sur un rocher. Ce rocher est brisé inégalement en plusieurs endroits. Sa rupture forme plus bas comme un commencement de caverne. Là-dessous on a pratiqué un autel de marbre bleu turquoise en tombeau; deux urnes fument aux deux bouts du tombeau. Sur le milieu est un bout de colonne dorée qui forme le tabernacle. Sur ce bout de colonne on a jeté la robe du crucifié, les clous, la lance, la couronne, les dés les autres instruments de la passion. Cela est poétique et beau, mais on en pouvait tirer un meilleur parti.

A droite sur le rocher, à l'endroit on il se brise, il y a deux soldats, petits, mesquins, qui ressemblent à deux morceaux de carton découpé et qui font fort mal sur le milieu; un peu au-dessus de la colonne qui fait le tabernacle et sur l'extrémité des débris du rocher, le serpent forme des convolutions; il a la tête tournée vers le fond et semble siffler et darder sa langue fourchue contre le Christ.

Si j'avais eu l'idée d'exécuter un Calvaire, j'aurais embrassé un grand espace et j'aurais voulu y montrer une grande scène comme l'élévation de croix de Rubens, ou le crucifiement de Volaterra, on y aurait vu des masses de rochers escarpés, sur ces masses des soldats, le peuple, les bourreaux, les apôtres, les femmes, des groupes, des actions, des passions de toute espèce. Ces sortes de sujets qui se présentent à l'esprit sous un coup d'oeil sublime n'admettent pas de médiocrité. J'aimerais mieux une seule

---

et 1827. Ayant perdu son fils unique, et fait poser ce marbre à la mémoire de son aïeul, de sa mère et de ce fils, éternel sujet de larmes, qui, à la fleur de l'âge et déjà digne de ses ancêtres fut rappelé dans le sein de Dieu par une cruelle catastrophe.

—

Calvarium hunc fecit Stephanus Mauritius Falconet, Rector in artium Academiâ Parisiensi et Petroburgensis Academiae socius, Defunctus Parisiis, mense Januario anno MDCCXCI; Auctor statuae Petri Magni, cujus caput, hortante socero, egregiè effinxit nurus Maria Anna Collot, pariter in Academiâ Petroburgensi recepta.

—

Neptis ejusdem et suae stirpis ultima, Maria Lucia conjux baronis Jankowitz de Jeszenicze ad concionem Francorum annis MDCCCXV, MDCCCXX, MDCCCXXIII et MDCCCXXVII a Lotharingiae provinciâ delegati, amisso unico nato, hoc marmor poni curavit, memoriae inclyti avi, honoratae matris, filii quoque aeternum lugendi quem, florenti juventute, Jam dignum majoribus suis, Ictu crudeli, Deus ad se premature vocavit.

(Списано съ памятника въ церкви Св. Рока въ Парижѣ.)

et belle figure, comme un *Ecce homo*, un Christ flagellé qu'un tableau manqué. Je me serais bien gardé d'y placer un petit tombeau de marbre en bleu turquoise. J'aurais suivi l'histoire. J'aurais creusé un grand tombeau dans le rocher. Au-dessus de ce tombeau j'aurais étendu la robe, et jeté sur cette robe la lance, la couronne les clous. La robe n'aurait pas eu l'air d'un petit paquet de linge chiffonné. Un édifice tel que je l'imagine, avec tout le pathétique qu'on pourrait y introduire, ferait plus de conversions que tous les sermons d'un carême. *Dans presque tous les monuments modernes que je connais*, *ce n'est pas l'expression*, *ce n'est point la vérité du dessin*, *ce n'est pas la beauté du travail qui manque; c'est la grande idée*: *et sans l'idée grande on ne fait rien qui vaille surtout en sculpture.* Dans l'église de la Sorbonne vous voyez le cardinal de Richelieu expirant; la France se désole à ses pieds; et la religion le soutient sous les bras à la vue d'un Christ placé sur l'autel. Rendez le travail de ce monument cent fois plus beau s'il se peut; mais ôtez l'idée de la Religion qui soutient le moribond, et tout sera détruit.

Pourquoi les sculpteurs qui ont assez souvent la froideur de la matière qu'ils emploient, n'ont-ils pas recours aux tableaux *des grands peintres?* Il paraît que c'est leur vanité seule qui s'y oppose. D'autant plus qu'il est presque toujours possible d'exécuter avec succès en marbre la composition d'un peintre; au lieu que la composition du sculpteur ferait presque toujours mal en peinture.

(Списано изъ рукописнаго сборника сочиненій Д. Дидерота, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, № XVIII, стр. 260 и слѣд.)

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

ПИСЬМО ФАЛЬКОНЕТА И. И. БЕЦКОМУ ВЪ ЯНВАРѢ 1767 Г.

Monsieur, Votre Excellence veut une réponse précise, où je lui marque la somme que je demande au Sénat, pour le monument en bronze de S. M. I. je vais avoir l'honneur de vous satisfaire.

1) Le Sénat se chargera de tous les frais de matériaux, ustensiles, ateliers, ouvriers, fonte etc.; en sorte que je n'aie d'autres soins, que celui d'étudier mes modèles et d'en conduire les opérations.

2) Lorsque je serai suffisamment instruit des convenances de mon sujet, je supplierai le Sénat de me laisser l'entière et indispensable liberté qu'il me faut pour opérer. Nulle entrave, nulle contrainte que celles du bon goût et des convenances. Je suis bien éloigné par cette déclaration de vouloir me soustraire aux avis. Je compte bien, comme je le dois, quand mon ouvrage sera en état d'en recevoir, le soumettre au Sénat et le supplier de m'aider de ses lumières.

3) Je reçois de S. M. I. 25,000 L. par an, le logement et la table, pendant les huit années que doit durer à faire la statue de Pierre-le-Grand, Cette somme avec ce que je puis avoir en France est suffisante pour me procurer une vieillesse commode et tranquille; je n'en ai jamais souhaité d'avantage pas même autant et je n'ai pas besoin de plus. Je puis encore avec ces moyens être utile à quelques honnêtes gens de mon espèce.

Ajoutez, Monsieur, l'honneur et le plaisir délicieux pour moi de célébrer Catherine Seconde et vous concluerez que je ne serai pas cher. Voici mon prix.

Si le Sénat m'honore de cet ouvrage, je ne lui demande et veux rien, exactement ce qui s'appelle rien.

Je suis etc.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

ОТЗЫВЪ ДИДЕРОТА О СТАТУѢ ПИГМАЛІОНА.

Salon de 1763.

Falconet.

165. Un groupe de marbre, représentant *Pygmalion* aux pieds de sa statue à l'instant où elle s'anime.

O la chose précieuse que ce petit groupe de Falconet! Voilà le morceau que j'aurais dans mon cabinet, si je me piquais d'avoir un cabinet.

Ne vaudrait-il pas mieux sacrifier tout d'un coup!... Mais laissons cela. Nos amateurs sont des gens à breloques; ils aiment mieux garnir leurs cabinets de vingt morceaux médiocres que d'en avoir un seul et beau.

Le groupe précieux dont je veux vous parler, il est assez inutile de

vous dire que c'est le Pygmalion aux pieds de sa statue qui s'anime. Il n'y a que celui-là au Salon, et de longtemps il n'y aura de second.

La nature et les grâces ont disposé de l'attitude de la statue. Ses bras tombent mollemeut à ses côtés; ses yeux viennent de s'entr'ouvrir; sa tête est un peu inclinée vers la terre ou plutôt vers Pygmalion qui est à ses pieds; la vie se décèle en elle par un souris léger qui effleure sa lèvre supérieure. Quelle innocence elle a! elle en est à sa première pensée; son coeur commence à s'émouvoir, mais il ne tardera pas à lui palpiter. Quelles mains! Quelle noblesse de chair! non, ce n'est pas du marbre; appuyez-y votre doigt, et la matière qui a perdu sa dureté cédera à votre impression. Combien de vérité sur ces côtes! Quels pieds! qu'ils sont doux et délicats!

Un petit Amour a saisi une des mains de la statue qu'il ne baise pas, qu'il dévore. Quelle vivacité! quelle ardeur! Combien de malices dans la tête de cet Amour! Petit perfide, je te reconnais; puissé-je pour mon bonheur ne te plus rencontrer!

Un genou en terre, l'autre levé, les mains serrées fortement l'une dans l'autre, Pygmalion est devant son ouvrage et le regarde; il cherche dans les yeux de sa statue la confirmation du prodige que les Dieux lui ont promis. O le beau visage que le sien! O Falconet, comment as-tu fait pour mettre dans un morceau de pierre blanche la surprise, la joie et l'amour fondus ensemble? Emule des Dieux; s'ils ont animé la statue, tu en as renouvelé le miracle en animant la statuaire. Viens, que je t'embrasse; mais crains que, coupable du crime de Prométhée, un vautour ne t'attende aussi.

Toute belle que soit la figure de Pygmalion, on pouvait la trouver avec du talent; mais on n'imagine point la tête de la statue sans génie.

Le faire du groupe entier est admirable. C'est une matière dont le statuaire a tiré trois sortes de chairs différentes. Celles de la statue ne sont point celles de l'enfant, ni celles-ci les chairs du Pygmalion.

Ce morceau de sculpture est très-parfait. Cependant, au premier coup-d'oeil, le cou de la statue me parut un peu fort ou sa tête un peu faible; les gens de l'art ont confirmé mon jugement. O que la condition d'un artiste est malheureuse! Que les critiques sont impitoyables et plats! Si ce groupe, enfoui sous la terre pendant quelques milliers d'années, venait d'en être tiré avec le nom de Phidias en grec, brisé, mutilé,- dans les pieds, dans les bras, je le regarderais en admiration et en silence.

En méditant ce sujet j'en ai imaginé une autre composition que voici:

Je laisse la statue telle qu'elle est, excepté que je demande de droite à gauche son action exactement la même qu'elle est de gauche à droite.

Je conserve au Pygmalion son expression et son caractère, mais je le place à gauche : il a entrevu dans sa statue les premiers signes de vie. Il était alors accroupi; il se relève lentement, jusqu'à ce qu'il puisse atteindre à la place du coeur.

Il y pose légèrement le dos de sa main gauche, il cherche si le coeur bat; cependant ses yeux attachés sur ceux de sa statue attendent qu'ils s'entrouvrent. Ce n'est plus alors la main droite de la statue, mais la gauche que le petit Amour dévore.

Il me semble que ma pensée est plus neuve, plus rare et plus énergique que celle de Falconet. Mes figures seraient encore mieux groupées que les siennes, elles se toucheraient. Je dis que Pygmalion se lèverait; ces mouvements de la surprise sont prompts et rapides, ils sont ici contenus et tempérés par la crainte ou de se tromper, ou de mille accidents qui pourraient faire manquer le miracle. Pygmalion tiendrait son ciseau de la main droite et le serrerait fortement: l'admiration embrasse et serre sans réflexion ou la chose qu'elle admire on celle qu'on tient.

(Салонъ Дидерота 1763 года, напечатанъ былъ въ первый разъ въ «Revue de Paris», 1857 г. т. XXXVIII, на стр. 481 и слѣд., о Фальконетѣ см. на стр. 528—530. Оригиналъ хранится въ Им. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, от. XIX, етр. 134; копія снята была по указанію Вальфердена, Леономъ Годардомъ.)

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

ПЕРЕПИСКА ПО ПОКУПКѢ КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕИ ГРАФА БРЮЛЯ.

а) Донесеніе посланника при Саксонскомъ дворѣ князя А. М. Бѣлосельскаго графу Н. И. Панину отъ 1 (12) Марта 1768 г.

На подлинномъ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою: *Картины*, натуральной кабинетъ и оружія, *желаю имѣть* каталогъ и также хочется узнать, оптомъ ли продадутъ, и что будетъ стоить.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь

Графы Брюли благодарили на сихъ дняхъ Принца администратора за снятіе секестра съ ихъ всего имѣнія и за уступку всѣхъ курфирстскихъ

на нихъ долговъ, почитавшихся въ нѣсколькихъ милліонахъ. Теперь они всему своему имѣнію дѣлаютъ росписки, то есть главнымъ частямъ, а именно: погребу, библіотекѣ, картинамъ, натуральному кабинету, оружіямъ и гардеробѣ, по чемъ происходитъ будетъ продажа, по окончаніи которой они льстятъ себя сквитаться всѣми долгами до восьмидесяти тысячь талеровъ.

Баронъ Сакенъ всѣ ихъ дѣла до сихъ поръ правитъ и прежде не поѣдетъ въ Россію, какъ оныя всѣ окончатся и братья всѣ раздѣлены между собою будутъ.

Баронъ Сакенъ будетъ получать въ бытность его въ Россіи десять тысячь триста талеровъ: восемь тысячь какъ посланникъ, тысячу восемь сотъ какъ полковникъ и пять сотъ какъ камергеръ.

Въ прочтемъ со всеглубочайшимъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностію пребываю и т. д.

в) Донесеніе князя Бѣлосельскаго графу Панину отъ 19 (30) апрѣля 1768 г.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь,

Въ силу повелѣнія Вашего Сіятельства отъ 22 Марта 1768 года, даннаго мнѣ по соизволенію Ея Императорскаго Величества доставить каталоги продажнымъ графовъ Брюлевъ картинамъ, натуральному кабинету и оружіямъ имѣю честь пріобщить при семъ каталогъ картинамъ, которыхъ общая сумма въ продажѣ числится сто пять тысячь талеровъ; что же надлежитъ до натуральнаго кабинета и оружій я теперь промыслить каталоговъ онымъ не могъ, потому что оные еще не приведены въ порядокъ, за худымъ учрежденіемъ всѣхъ вещей въ домѣ, однако въ предь оные достать уповаю и не медля сообщить ихъ Вашему Сіятельству не премину.

в) Копія съ собственноручнаго Ея Императорскаго Величества письма графу Панину отъ 10-го мая 1768 года.

Monsieur le comte Panin, il y a deux ou trois jours que je vous écrivis, que volontiers je donnerai les cent cinq mille écus, auxquels on a taxé les tableaux du comte Bruhl et je vous donnais la commission d'en écrire au prince Bélosselski: 1) d'offrir les cent cinq mille écus, si les tableaux sont des maîtres, comme il est marqué dans le catalogue: 2) que si on ne les donne pas à ce prix, de demander combien les héritiers demandent. (Notez qu'il y a plus de six cents pièces, dont deux cent quatre-vingts sont seulement médiocres mais jolis.)

3) Que si l'auction de ces tableaux est inévitable, il tâche d'avoir de cette enchère *les tableaux que j'ai marqués d'une croix dans le catalogue;* et à cette fin il faut renvoyer à Bélosselski le catalogue ci-joint. Cependant j'avoue que j'aimerais mieux avoir *le tout*, et alors cent cinq mille écus sera un très-bon marché; ne pourriez-vous pas faire sonder Sacken, qui est ici par un troisième, il y a espérance qu'on vende toute la collection à ce prix, car pour peu qu'il le croie faisable, je prendrai des mesures pour le payement. Je suis fâchée d'augmenter vos embarras par cette commission, mais le temps presse, je crains qu'on ne s'achemine à la vente avant que Bélosselski, n'ait mes ordres. Adieu, monsieur. Portez-vous bien, le Grand-Duc se porte très-bien aussi et nous espérons de vous revoir dans peu.

Catherine.

г) Письмо графа Панина князю Бѣлосельскому отъ 15 мая 1768 г.

Государь мой, князь Андрей Михайловичь,

Представя въ свое время Ея Императоркому Величеству каталогъ продаваемыхъ графами Брюлями картинъ, имѣю я честь и объявить Вамъ теперь Высочайшее Ея Величества соизволеніе на оптовую оныхъ покупку за счисляемую въ продажѣ сумму ста пяти тысять талеровъ, если только въ самомъ дѣлѣ картины всѣ тѣхъ мастеровъ, подъ именами коихъ означены они въ каталогѣ. Въ сей истинѣ можно будетъ кажется отчасти увѣриться собственнымъ Вашего Сіятельства освидѣтельствованіемъ картинъ чрезъ искусныхъ въ вашемъ мѣстѣ художниковъ того же рода или знатоковъ и чрезъ письменное отъ нихъ одобреніе. Я не сумнѣваюсь почти, чтобъ господа графы Брюли не согласились охотно уступить картины свои за назначенную ими же въ продажѣ сумму: но еслибъ, паче чаянія, другой кто сталъ давать или, наслѣдники сами, требовать большую цѣну или же непремѣнно надлежало сдѣлать продажу аукціоннымъ порядкомъ, въ такомъ случаѣ прошу я Ваше Сіятельство сколько касается до передачи отъ кого другаго или не большаго требованія наслѣдниковъ, останавливая буде можно будетъ заключеніе торга съ кѣмъ другимъ, увѣдомить меня какъ наискорѣе на стафетѣ о всѣхъ обстоятельствахъ, дабы васъ еще отсюда послѣднею резолюціею снабдить было можно, а если, напротивъ, необходима будетъ продажа чрезъ аукціонъ, то посылая при семъ обратно полученный отъ Вашего Сіятельства каталогъ, скажу я Вамъ, что Ея Императорское Величество желаетъ предпочтительно имѣть всѣ тѣ картины, кои она сама въ чомъ крестиками замѣтить изволила.

Со всѣмъ тѣмъ предполагая съ вѣроятностію, что наслѣдники скорѣе

согласятся на оптовую картинъ продажу за назначенную ими самими сумму ста пяти тысячь талеровъ, ибо симъ способомъ могутъ вдругъ получить знатную сумму денегъ, нежели на разбивку ихъ чрезъ аукціонъ, стану я въ заключеніе рекомендовать Вашему Сіятельству, чтобъ при состояніи Вашего съ ними торга уговорились еще и о выгоднѣйшихъ на обѣ стороны условіяхъ платежа денегъ: на примѣръ, раздѣляя всю сумму на нѣсколько частей и устанавливая одинъ платежъ отъ другаго чрезъ нѣсколько времени, дабы весь капиталъ въ годъ или меньше здѣсь ли, въ Голландіи, или же въ Саксоніи выплаченъ быть могъ; но всѣ сіи послѣднія выгоды должны однакожъ уступать мѣсто оптовому пріобрѣтенію всего картиннаго кабинета, почему если наслѣдники будутъ требовать всѣхъ денегъ вдругъ можете, Ваше Сіятельство, и на то согласиться, ибо здѣсь конечно не станетъ за деньгами.

Впрочемъ, несмотря еще о надобности имѣть при заключеніи самаго торга точное увѣреніе, а потому и сдѣлать вышеупомянутое мною освидѣтельствованіе чрезъ искусныхъ людей, отъ чего надѣюсь, и продавцы сами не отрекутся, что картины подлинно тѣхъ мастеровъ, коимъ они приписаны, увѣрю я, напротивъ васъ о непремѣнной искренности того почтенія, съ коимъ я всегда пребуду,

Вашего Сіятельства и т. д.

д) Донесеніе князя Бѣлосельскаго графу Панину отъ 19 (30) апрѣля 1769 г.

Monseigneur!

Étant adressé par la famille de Bruhl au colonel Sacken, qui a toute leur confiance, pour faire le marché des tableaux ordonné par votre Excellence avec plein pouvoir de donner les cent cinq mille écus pour toute la galerie, je l'ai fort longtemps marchandée parce que leur prétention était de quarante-cinq mille écus au-dessus de la taxe, mais à la fin pourtant je suis parvenu de vous annoncer, Monseigneur, que j'ai conclu ce marché pour cent quatre-vingt mille florins d'Hollande, c'est encore bien au-dessous de 75 mille écus banco, desquels ils avaient grande peine de démordre. L'Impératrice gagne au-delà de douze mille écus courant même sur la taxe faite par les gens de la cour, qui la faisaient alors dans l'idée que la cour s'en accomoderait, mais pour ce qu'elle vaut précisément et que votre Excellence voie que j'ai fait ce marché avec toute l'authenticité possible, j'enclus le dernier billet que j'ai reçu par rapport à cela de Sacken et le catalogue signé de votre Excellence, de Sacken et de deux professeurs-peintres d'ici, que j'ai choisis exprès, ennemis, entre eux, pour mieux savoir la vérité mais sur ce

point ils étaient absolument d'accord comme leur signature fait foi, de même que leurs évaluations; il y avait de plus présent à cela l'inspecteur de la galerie électorale, qui a signé comme eux. C'est vrai, Monseigneur, que tout le monde s'étonne de ce bon marché; il y a, à la vérité, quelques tableaux qui ont souffert, mais le nombre de ceux-là est bien petit et vous les trouverez, monseigneur, sur le même catalogue marqué par moi avec un crayon, on a trouvé aussi d'autres (très-peu à la vérité) mal nommés, mais on les a rebaptisés la plupart à leur avantage; il y a deux tableaux de Roza de Dresde entièrement gâtés, mais la perte n'est pas forte puisqu'ils n'ont été estimés qu'à 80 écus comptant les deux, mais aussi en outre pour ces imperfections je suis parvenu à faire ajouter à monsieur Sacken un tableau du fameaux peintre en pastel, qui n'a pas été couché sur ce catalogue précédemment et qui a été évalué par ces experts à quatre cents ducats. La révision a été faite très-exactement et je n'y ai presque pas bougé de deux jours depuis sept heures du matin jusqu'au soir. Je n'ai pas disputé avec Sacken sur la réception de leur argent pour ces tableaux, puisque c'était, à ce que j'ai pu voir, la principale raison pourquoi ils l'ont donnée à ce marché; la convention entre nous fut donc, qu'il recevrait le payement avant la fin d'un mois comptant de ce jour et en argent d'Hollande, par la raison que les banquiers d'ici sont réputés depuis la foire passée pour très-peu sûrs surtout depuis quelques jours qu'on a arrêté un secrétaire du cabinet nommé Violenti, qui était le chargé des affaires particulières de Madame l'électrice convaincu d'avoir contrefait sa signature et fait des obligations pour plus de deux cent mille écus courants et a dupé avec beaucoup de banquiers d'ici et de Leipzig, de façon qu'on s'attend à des banqueroutes presque inévitables. Je prie votre Excellence d'envoyer pour la dessus dite somme et par une estafette les lettres de change de deux à trois mille florins d'Hollande chaque et pas plus forte pour les négocier plus facilement, afin aussi de pouvoir envoyer les premières en Hollande pour l'acceptation en cas qu'on se méfie de celui qui les tirera; je vous prie d'envoyer en même temps aussi les seconds. De plus, monseigneur, il faut compter au moins à un pour cent de perte pour les profits de banquiers et leur frais; ainsi votre Excellence n'oubliera pas de les faire joindre à la somme principale, aussi si l'intention de sa Majesté Impériale sera de les faire tout de suite transporter en Russie il y aura beaucoup de frais à faire surtout en caisses et l'emballage nécessaire puisque les intentions des estimeurs n'est pas de les rouler, crainte de les gâter. Il y aura quelques uns aussi à radouber; de la façon comme votre Excellence trouvera dans un mémoire inclus d'un de ces messieurs experts afin de les conserver en route, de même aussi que de leur faire à chacun

un présent pour la peine de leur estimation et les soins qu'ils donneront encore à l'emballage qui est d'une grande conséquence.

Le roi défunt a éprouvé par là des pertes considérables.

J'ose encore supplier votre Excellence si vous trouverez une occasion favorable et que sa Majesté Impériale paraîtra un peu satisfaite des mes petits soins de me mettre à ses pieds et de lui représenter la nécessité inexprimable d'avoir une augmentation de gages, nécessité que j'ai pris tant de fois la liberté de vous détailler; je suis bien malheurenx de ne la pas mériter, mais si j'avais seulement les occasions mon zèle sûrement ne resterait pas en défaut. Pour les transporter d'ici à Lubeck cette quantité de tableaux demandera à fréter un vaisseau entier; ce voyage par conséquent ne coûtera pas peu comptant avec les frais de droits de transit à payer sur l'Elbe dont la quantité se monte 32 douanes; votre Excellence le verra du compte, de voyage du vin d'Hongrie envoyé pour la cour par vos ordres.

J'ai l'honneur etc.

P. S. Je prie votre Excellence de vouloir aussi renvoyer le même catalogue, quand il s'agira d'empaqueter pour savoir les № qui entreront dans les caisses différentes.

в) Донесеніе князя Бѣлосельскаго графу Панину отъ 29 іюля (9 августа) 1768 г.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Депешу Вашего Сіятельства съ штафетомъ и наполовину опредѣленной суммы мнѣ какъ на покупку картинъ такъ и на прочія касающіяся до нихъ издержки векселями голандскими я получить честь имѣлъ, равномѣрно два дни спустя съ другимъ штафетомъ и остальная половина то же вексельми до меня дошла исправно. Барону Сакену полную сумму заплатилъ и квитанцію на оную отъ него взялъ, которая при семъ къ Вамъ, Милостивый Государь, и приложена.

Впрочемъ прошу Ваше Сіятельство быть увѣреннымъ, что я всѣ старанія приложу оныя къ назначенному Вами времени въ Любекъ отправить.

Хотя укладка еще и не началась, однако ящики для оныхъ картинъ уже сегодня заказаны; въ Берлинъ тоже я съ сею почтою къ князю Долгорукову писалъ, чтобъ онъ тамъ испросилъ дозволеніе и свободный пропускъ саксонскому судну, которое нагружено будетъ оными картинами до Любека прямо, безъ чего бы ему должно было остановиться и выгруживать въ Магдебургѣ на другое. Оное отъ сюда судно, не заходя въ Гамбургъ

прямо въ Любекъ пройдетъ и ящики нагруженные отъ приставленнаго отъ меня съ нарочною съ рукъ на руки морскому офицеру Плещееву отдадутся вѣрно и т. д.

ж) Донесеніе князя Бѣлосельскаго графу Панину отъ 12 (23) марта 1768 г.

На подлинномъ *собственною* Ея Императорскаго Величества рукою: écrivez que ses tableaux ne soient point changés qu'il y prenne bien garde, et demandez-lui s'il y a mis son cachet car les peintres font cela très-souvent et pourtant il n'y a qu'eux qui réparent, nous les aurions bien fait réparer ici.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Купленныя для ея Императорскаго Величества картины 7 (18) сего мѣсяца, водою въ Гамбургъ отправлены. Могу увѣрить Ваше Сіятельство, что при всей торопости, такъ какъ онѣ уложены были въ десять дней, работая день и ночь, къ сохраненію ихъ ничего не упущено, и въ томъ отвѣтствовать. Оставленныя же изъ триддати пяти картинъ, кои требовали починки, дватцать девять, еще здѣсь за недостаткомъ времени, отправятся послѣ при случаѣ съ такою же сохранностью и т. д.

з) Росписка въ полученіи денегъ за коллекцію картинъ гр. Брюля.

Je soussigné comme ayant plein pouvoir pour administrer les affaires de messeigneurs les comtes de Bruhl, reconnais d'avoir reçu en payement de la galerie des tableaux selon le catalogue par moi signé, de la main de monsieur le prince Bélosselski, la somme convenue de cent quatre-vingt mille florins d'Hollande en argent courant de Saxe, en foi de quoi etc.

Jean Gustave de Sacken.

Въ дополненіе къ этой перепискѣ считаемъ умѣстнымъ присовокупить здѣсь имѣвшіяся въ редакціи Сборника свѣдѣнія о покупкахъ картинъ коллекціи Вальполь и Шуазель.

ДЕПЕШИ ПОСЛАННИКА ПРИ ВЕЛИКОБРИТАНСКОМЪ ДВОРѢ МУСИНА-ПУШКИНА О ПОКУПКѢ ГАЛЛЕРЕИ ВАЛЬПОЛЬ.

Madame.

Votre Majesté aura peut-être entendu parler de la collection des tableaux du célèbre Robert Walpole. Le ministre mit en oeuvre toutes les ressources de sa longue administration, pour la rendre aussi belle que complète. Son petit fils lord Orford prend la liberté de la déposer toute, ou en partie, aux pieds de Votre Majesté Impériale. Elle est digne, de l'aveu de tous les connaisseurs, d'appartenir au plus grand des souverains. Votre Majesté en verra les prix dans ce catalogue, des gens aussi véridiques que juges compétents ne les trouvent pas exorbitants: plusieurs d'entre eux leur paraissent au contraire être si modiques, que le propriétaire pourrait en retirer davantage en les vendant en détail: des chefs-d'oeuvre aussi parfaits ne sauraient qu'être recherchés. Mais la gloire de transmettre sa collection à Votre Majesté emporte sur toutes les considérations. Ce sentiment joint à la profonde vénération pour Votre Majesté engage lord Orford de Vous remettre, Madame, entièrement tout le choix de ceux de ses tableaux qui mériteront le plus Votre attention, ainsi que la manière dont Votre Majesté voudra les faire payer.

По сей матеріи о продающихся лорда Орфорда картинахъ данъ имянной Высочайшій Указъ къ Полномочному Министру Мусину-Пушкину отъ 13-го февраля 1779 года.

S'il en reçoit une moitié dans le courant de l'été prochain, il ne s'attendra à l'autre qu'au terme que Votre Majesté daignera y mettre elle-même. Il s'agirait, Madame, de faire examiner de près sur les lieux mêmes l'état de conservation de ces tableaux. Les peintres Chipriani ou West ne se refuseront, pas je me flatte, à m'assister dans cette opération de leurs lumières, ne fût-ce qu'en les récompensant de leurs peines.

Dans le cas que Votre Majesté se détermine à faire cette acquisition, les caisses ne seront faites que sous mes yeux; elles n'auront que 12 milles d'Angleterre de chemin pour arriver à Lery, dans le Norfolk. Une fréga

pourra y venir pour les prendre; et pour la conduire plus sûrement dans ce port là, j'enverrai à Copenhague ou à Elséneur deux pilotes anglais, aussitôt que j'en aurai les ordres.

Je suis avec le plus profond respect

Madame

de Votre Majesté Impériale

le plus dévoué et le plus soumis sujet

A. Moussin-Pouschkin.

Londres, ce 4 (15) décembre 1778.

—

Державнѣйшая Императрица и Самодержица всероссійская.

Государыня всемилостивѣйшая.

Подробно осмотря картины Графа Орфорта вмѣстѣ съ Чипріаніемъ, могу я теперь вѣрнорабски Вашему Императорскому Величеству донесть, что достойны они составлять часть наилучшей въ Европѣ галереи, не только охотники, но и самые знатоки, давно уже предположили онымъ мнѣніе сіе, по множеству рѣдкихъ, капитальныхъ и наилучшихъ сочиненій славнѣйшихъ мастеровъ.

Сколько же находится между оными, нѣсколько попорченныхъ тому имѣю честь приложить здѣсь обстоятельное описаніе. Полотна двухъ или трехъ, такъ вѣтхи, что требуютъ оныя новой подкладки; что легко можетъ быть исправлено или здѣсь или уже въ Россіи, какъ то Ваше Императорское Величество указать соизволите, прочія же картины а именно тѣ кои означены въ особенномъ приложеніи такъ свѣжи и въ такой совершенной цѣлости, какъ будто бы недавно писаны.

Все такое свѣденіе занялъ я единственно отъ правдиваго а сколь-же и знающаго Чипріани, который на точное разсмотрѣніе собранія сего усердно употребилъ все надобное время и труды.

Графъ Орфортъ письмомъ ко мнѣ соглашается: 1) прибавить къ картинамъ прежде оцѣненнымъ всѣ тѣ еще кои я выбралъ и которымъ слѣдуетъ при семъ реестръ, 2) получить здѣсь въ уплату 40000 фунт. стерлинговъ, въ Ноябрѣ или Декабрѣ сего года 16 т. фунт. стерлинговъ, раздѣляя платежъ остальныхъ 24 т. фунт. стерлинговъ, на три равныя части каждую по 8 т. фунт. стерлинговъ то есть въ 1780 — 81 — 82 годахъ, или инаго, точно такимъ порядкомъ, какой Ваше Императорское Величество сами предположить соизволите, 3) дозволять между тѣмъ отпустить картины для отправленія оныхъ водою нынѣшнимъ еще лѣтомъ.

Укладка оныхъ искусными въ томъ людьми и работниками само собою потребуетъ, всемилостивѣйшая Государыня! моего тамо на мѣстѣ бытія, хотя бы на время перваго тому учрежденія и окончательнаго моремъ изъ Лина отправленія, не иначе, какъ на военномъ фрегатѣ не только по настоящему военному времени, но и потому, что многія изъ сихъ картинъ по величинѣ своей не могутъ удобно уложиться на купеческихъ корабляхъ.

Всеподданѣйше долженъ Вашему Императорскому Величеству донесть и то, что большая часть здѣшняго дворянства равно оказываетъ вообще неудовольствіе и сожалѣніе о выпускѣ картинъ сихъ изъ здѣшняго государства, и затѣваются разные проэкты, къ удержанію оныхъ здѣсь: въ уничтоженіи всѣхъ такихъ самолюбивыхъ только замысловъ, не мало вспомоществуетъ усердное Лорда Орфорта желаніе лучше присоединить оныя къ галереи В И. В. нежели продать оную и самому парламенту а меньше еще и того разбить оныя частною муждy партикулярными людьми продажею.

Впротчемъ имѣю честь пребывать и пр.

Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ.

—

При семъ приложены слѣдующіе списки:

А. Въ каталогѣ картинъ Вальполя отмѣчены по страницамъ нижеприведенныя цѣны:

Page 38	50 L.	Page 58	1040 L.	Page 76	3500 L.
40	150	59	900	80	2400
43	150	60	710	82	400
44	40	61	550	84	400
45	1280	64	1400	85	710
46	900	65	1010	86	900
47	120	66	395	87	950
48	680	67	270	88	2100
51	1100	68	440	89	600
52	550	69	500	92	900
53	700	70	2960	93	1750
54	2010	71	650	94	1450
55	2350	72	20	95	450
56	2000	73	20	96	300
57	250				
					40,550 L. St.

—

Б.

Богородица Рафаиль Да Реджи
Поварняя лавка, Теньера
Ерасмъ Гольбеинъ } нѣсколько повреждены.

Рубенсова жена, Рембрантъ нѣсколько переправлено.

Судъ Париса
Спящій бакусъ } Лука Жардоно, требуетъ новой подкладки.

Король Карлъ I
Королева Марія французская } сумнительно чтобы были Вандексовы.

Убіеніе камнями Степана Л. Сюзоръ, капитальная, но во многихъ мѣстахъ поправлено.

Умовеніе ногъ, Рубенса капитальная, мало попорченная но въ такихъ однако мѣстахъ, которыя ничего не значатъ, какъ то на скатертѣ и на грунтѣ.

Сиклопы въ кузницѣ ихъ, Лука Жордано, немного попорчена.

Галатея сидящая съ асисомъ Тритонами и Купидонами.

Богородица натуральной величины
Богородица учащая Іисуса читать
Бракъ святой Екатерины
Распятіе, Мореля, зачорнено } Карлъ Муратисъ писалъ ихъ въ своей старости.

Рубенцова жена, Вандикъ, лѣвая грудь поправлена и не очень искусно.

Христосъ въ гробницѣ, Джакома Бассано, по большей части повреждена.

Поклоненіе волховъ, Карло Мурати, походитъ на копію, но на очень хорошую.

—

В. Реестръ свѣжимъ и совершенной цѣлости картинамъ:

Архитектурная проспектива, Стинвигъ.

Ребрантова жена (капитальная), Рембрантъ.

Богородица » (капитальная), Вандикъ.

Богородица » (прекрасная), Контарини.

Богородица » » Тачіанъ.

Вознесеніе Богородицы (совершенная)
Поклоненіе пастырей } Мореліонъ.

Дедаль и Икаръ, Лебрюнъ.

Папа Клементъ 9-ый (капитальная)
Богородица Іозефъ съ Іисусомъ } Карла Марати.

Вознесеніе (прекрасная), Никола Беретона.

Голова въ профиль (капитальная), Рафаеля.
Ангелъ благовѣтствующій Богородицы, Гвидо.
Рожденіе Богородицы, Себастіана Конка.
Геркулесъ и Омфалъ, Романели.
Зима, Джакомо Юбасанъ.
Христосъ являющійся Маріи, Піетро Дакорѣно.
Христосъ въ гробу (наилучшая), Пармеджано.
Поклоненіе волховъ (капитальная), Вельетъ Брюхеръ.
Спящая Венера, Аребалъ Карачи.
Святый Іоганъ (капитальная), Карло Дорче.
Папа Иносентъ десяты (капитальная), Веляско.
Монахъ подающій милостыню и товарищъ } Іоганъ Міесъ.
Умирающій офицеръ и товарищъ его, Бургиніонъ.
Мужики играющіе въ карты, Теньеръ.
Богородица съ святымъ Іоганомъ на агнщѣ, Вилибертъ.
Богородица съ Іисусомъ (самая лучшая), Морилліонъ.
» » » Себастіанъ.
» » » Конкаръ.
Бадшеба вѣдущая Абешага къ Давыду (капитальная), Вандерверфъ.
Два военные ландшафта (очень хорошіе), Бургиніонъ.
Убіеніе невинныхъ (наилучшаго письма), Бурдонъ.
Святый Христофоръ (совершенная), Елстеймеръ.
Графъ Данби (самая лучшая), Вандекъ.
Вознесеніе (самая лучшая) } Поль Веронесъ.
Апостолы послѣ вознесенія }
Отцы разсуждающіе о присной дѣвѣ (совершенно капитальная). Гвидомъ.
Раскаявающійся сынъ (мастерская), Салватороза.
Четыре рынка: мясной, рыбный, овощной и огородный (лучшаго его мастерства), Шнейдеръ.
Львица съ двумя львами, Рубенса.
Архитектура (очень хороша), Джули Романъ.
Богородица съ нѣсколькими головами (очень хорошая), Перокочіоно.
Лихоимецъ съ женою (неподражаемая), Квинтинъ Матцисъ.
Сирусъ съ товарищи, Кастиліонъ.
Цѣломудріе Ципіонова } Никола-Пусенъ.
Моисей ударяющій въ камень }
Поклоненіе волховъ, Карломъ Марати.
Идолопоклонство Соломонова, Стелла.
Гаванъ и Тихое море, Клодъ Лоренъ.

Аполонъ, Кантарини.

Орелъ и Ганимедъ (рѣдкая), Михель Анжело Бонороти.

Богородица, Доминикина.

Благовѣщеніе (лучшей работы), Албано.

Поклоненіе пастырей, Гвида.

Равна почти отцамъ совѣтующимъ.

И нѣсколько еще другихъ.

—

Г. Прибавочныя картины безъ возвышенія прежней цѣны.

Консертъ птичей, Маріею Дефори.

Раскаевающей сынъ, Пордерпоне.

Гончая собака, Вайкъ-Старикъ.

Полѣвая охота, Вутонъ.

Портретъ Короля Вильгельма 3-го } Готфрей-Неллеръ.
» » Георгія 1-го

Гишпанскій стихотворецъ, Готфридъ-Кнеллеръ.

Архіепископъ Лаубъ, главный виновникъ несчастія Короля I-го копія съ Вандалка.

Судъ Париса, Карла Маратини, картину сію писалъ онъ на 83-мъ году старости своей.

Александръ украшающій гробницу Ахилесову.

Совѣтованіе сибилскихъ оракуловъ, Лемеръ.

Двѣ картины скота, Роза Дитиволли.

Кавалеръ Вартонъ, Вайдеикъ.

Двѣ картины овощей, Михель Анжело Комкиданіи и портретъ кавалера Роберта Валполя.

—

Всемилостивѣйшая Государыня!

Когда придворный Вашего Императорскаго Величества банкиръ Баронъ Фридриксъ перевелъ сюда на распоряженіе мое потребныя за картины Лорда Орфорта деньги, то, понимая изъ того точное Вашаго Императорскаго Величества соизволеніе, не могъ я, за неполученіемъ еще и по нынѣ какого именнаго Вашего Величества указа, далѣе отложить всеподданнѣйшимъ моимъ здѣсь производствомъ всего того, что къ наилучшему и скорѣйшему, нынѣшнимъ еще временемъ, отправленію надобно бы ни было. По всеусерднѣйшему такому предубѣжденію послалъ я генеральнаго Консула въ Гатонъ съ человѣкомъ въ укладкѣ картинъ весьма искуснымъ, съ

тѣмъ чтобы безъ потерянія времени пріуготовить какъ ящики такъ и все нужное. Въ слѣдъ же отъѣзжаю завтра туда и я, сколько для разсмотрѣнія, а можетъ быть и для поправленія перваго въ укладкѣ и отправленій картинъ сихъ плана; столько же и для совершенія прежняго моего съ Графомъ Орфортомъ договора.

Слѣдуя такимъ образомъ вѣрно рабскому моему усердію въ ономъ и чая найти предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеавгустѣйшую апробацію, которая всегда пребудетъ мнѣ верхомъ всего моего счастія.

Въ протчемъ имѣю честь пребывать со всеглубочайшимъ респектомъ, и и со всеподданѣйшимъ благоговѣніемъ.

Вашего Императорскаго Величества!

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ попеченіи моемъ о Вашихъ Графа Орфорта картинахъ, не упущено Всемилостивѣйшая Государыня! ничего того, что бы совершенное ихъ сохраненіе, и полную безопасность обезпечить могло. По полученному распоряженію вѣроятно начали вчера оныя укладывать смотря по величинѣ; одни особенно каждую, а другія и до 9-ти вмѣстѣ; почему и составятъ оныя до 50-ти ящиковъ, кои для наибольшей надежности будутъ, недѣли черезъ двѣ, отправлены на двухъ наилучшихъ корабляхъ прямо на высочайшее Вашего И. В. имя, со всѣми потребными свидѣтельствами, но для наибольшей еще предосторожности требовалъ я отъ здѣшняго адмиралтейства приказанія одинъ фрегатъ для принятія обѣихъ ихъ, съ картинами кораблей, подъ свое, въ Гамбрѣ, покровительство, на что ожидаю теперь отвѣта, надѣюсь напередъ, сходнаго съ моимъ ожиданіемъ.

Впротчемъ имѣю честь пребывать и пр.

А. Мусинъ-Пушкинъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ПОВѢРЕННАГО ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ ФРАНЦУЗСКОМЪ ДВОРѢ Н. ХОТИНСКАГО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ КНЯЗЮ А. М. ГОЛИЦЫНУ.

(Сообщено изъ Московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ.)

Сіятельнѣйшій Князь,
Милостивый Государь.

Продажа картинъ *дюка Шоазеля* кончилась третьяго дня продолжавшись пять дней, и собрано за оныя денегъ четыре ста четыре тысячи лив-

ровъ не съ большимъ *). Съ какимъ же жаромъ всѣ вообще оныя покупали, тому нѣтъ израженій, ни примѣра. Были картины, которыя проданы въ трое того, чего онѣ стоили дюку Шоазелю, хотя всѣмъ и извѣстно было, что онъ всегда ихъ покупалъ дороже другихъ. По извѣстной цѣнѣ, во что все сіе собраніе картинъ обошлось дюку Шоазелю, считаютъ что онъ получилъ на оныя около трети барыша.

Я имѣю честь пребыть съ глубокимъ высокопочитаніемъ, и пр.

ПРИЛОЖЕНІЕ X.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ КАТАЛОГА КОЛЛЕКЦІИ ГЕНЬА.

Геньа (Gaignat) былъ извѣстнымъ знатокомъ и любителемъ. По смерти его, коллекція его была продана съ публичнаго торга. Въ письмѣ отъ 11 іюля 1769 г. Дидеротъ увѣдомляетъ, что онъ купилъ въ этомъ собраніи одну картину Мурилло и три Жераръ До. Въ каталогѣ коллекціи Геньа, составленномъ Реми для продажи, картины эти описаны такъ: 1) Murillo:

*) Въ «Catalogue des tableaux qui composent le cabinet de Monseigneur le Duc de Choiseul, dont la vente se fera le Lundi 6 Avril 1772, de relevée, et jours suivants, en son hôtel, rue de Richelieu. Par J. F. Boileau, Peintre de S. A. S. Monseigneur le Duc d'Orléans. A. Paris, Prault 1772—отмѣчены другія цѣны; сказано что выручено всего 442.959 ливр. Въ одномъ экземплярѣ этого каталога, который теперь принадлежитъ гр. П С. Строганову, мы находимъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія: о Картинѣ Антонія Вандика, № 1, сказано, что ее купилъ князь Голицынъ за 7380 ливр. и прибавлено: Précieux et pur clair partout. Belles mains. L'enfant admirable. Il est agrandi du bas... Il vient de la vente Gaillard de Gagny, Paris, 1762; gravé sous le № 83. О картинѣ Рембрандта, № 6, сказано, что князь Голицынъ ее купилъ за 4200 ливр. и прибавлено: D'un effet prodigieux, c'est un très-bon tableau. Картина Жерара До № 13 была продана кн. Голицыну за 19153 ливр.; а pendant къ ней № 14 куплена была принцемъ де Конти за 17,300 ливр. За двѣ картины Давида Теньера, №№ 32 и 33, князь Голицынъ заплатилъ 37,400 ливр. За картину Филипа Вувермана, № 50, князь Голицынъ заплатилъ 20,700 ливр. Объ этой картинѣ приписана слѣдующая замѣтка: Capital et pur sauf la tête de la femme qui a été embellie, gravé à l'eau forte par B. A. Dunker et terminé au burin par R. Daudet 1772, sous le № 74. Tableau du cabinet Julienne, où il avait été payé en 1767, 16,400 livr. За картину Николая Бергема, № 59, князь Голицынъ заплатилъ 11,660 ливр За картину Карла дю Жардена, № 93, князь Голицынъ заплатилъ 2000 ливр. О ней находимъ слѣдующую замѣтку: De la première beauté, d'un grand effet, précieux. Du cabinet de Mr. Braamcamp d'Amsterdam, où il avait été acheté en 1771. За картину Ивана Штена, № 108, князь Голицынъ заплатилъ 811 ливр, и замѣчено: Finement peint. Il tient beaucoup de Metzu. За двѣ картины Мурильо, № 117 и 118, князь Голицынъ заплатилъ 4600 ливр., замѣчено: gravé par Weisbrod en 1771, sous le № 100 et 101. Très-bonnes figures naïves et de grand effet. Слѣдовательно всего князь Голицынъ заплатилъ 107,904 ливровъ

la Vierge assise, vêtue de rouge, ayant une draperie bleue; elle a la tête de trois quarts et regarde l'Enfant Jésus endormi; elle a la main gauche élevée et tient de la droite le bout d'un linge sur lequel est l'enfant, un oreiller est dessous sa tête; St. Joseph debout, ses regards fixés sur l'enfant est éclairé dans la demi-teinte; à gauche on voit deux anges qui semblent se dire l'un à l'autre de ne point faire de bruit; en bas au coin à droite sur le devant, une bouteille d'osier deux paquets et un chapeau dessus. Il est peint sur une toile de 4 pieds 2 pouces de haut, sur 5 pieds 6 pouces de large. На поляхъ каталога, принадлежащаго Гр. П. С. Строганову, отмѣчено, что за картину эту заплочено 17,535 ливровъ. Въ каталогѣ Эрмитажа 1863 г. картина эта значится на стр. 79 подъ № 367. Три картины Жераръ До, купленныя Дидеротомъ въ этой же коллекціи, отвѣчаютъ № 910, 911 и 912 того же Эрмитажнаго каталога и заплочены всѣ три вмѣстѣ 13,205 ливровъ. Въ томъ же письмѣ Дидеротъ увѣдомляетъ о высылкѣ превосходной по его свидѣтельству картины І. Б. Ванлоо, картины этой въ каталогѣ Генья не значится, а въ Эрмитажномъ каталогѣ показана лишь одна картина І. Б. Ванлоо подъ № 1480.

ПРИЛОЖЕНІЕ XI.

ПИСЬМО И. И. БЕЦКАГО ФАЛЬКОНЕТУ ОТЪ 14 АВГУСТА 1769 Г.

Votre façon de penser, Monsieur, et votre désintéressement ne me sont que trop connus, pour n'être point persuadé que tout ce que vous m'écrivez n'ait entièrement pour point de vue le zèle pour le service de Sa Majesté Impériale et la plus parfaite exécution de l'objet que vous traitez.

Il serait à souhaiter que vous dirigiez, Monsieur, la fonte de la fonte de la statue équestre de Pierre-le-Grand. Cet ouvrage conduit par vos soins, par votre vigilance ne nous peut inspirer que la plus grande confiance, par conséquent autorisé à cet égard en tout ce qui pourra vous mettre à portée de le mener à la perfection, vous jouirez de plus de confiance en rassurant la nôtre.

Quoiqu'à la vérité, il y ait des exemples que d'habiles ouvriers ont quelquefois manqué des fontes de conséquence, cela ne doit point vous décourager sur celle dont il est question. Ceux qui étaient dans ce cas

n'avaient peut-être pas vos lumières ni votre capacité; dans lequel cas Monsieur, vous devez être parfaitement rassuré, celle-ci vous devant servir de barrière et de réplique contre ceux dont vous pourriez craindre les traits mordants J'ai l'honneur etc.

Betzky.

ПРИЛОЖЕНІЕ XII.

ПИСЬМО ФАЛЬКОНЕТА БЕЦКОМУ ОТЪ 3 АПРѢЛЯ 1771 Г.

Monsieur, avant que Sa Majesté Impériale se soit décidée sur les objets des dernières lettres de Paris, permettez-moi de vous en dire mon avis.

Monsieur Cochin, dans une lettre précédente, a eu la franchise d'avertir que sa vue était trop affaiblie pour entreprendre l'eau-forte de la gravure, et dans sa dernière lettre, il dit qu'il ferait cette eau-forte. Voilà un après coup qui ne doit pas nous donner des assurances de réussite. Monsieur Dupuis pour le travail du burin, mais monsieur Dupuis a bien 70 ans, autre mauvaise recommandation. Il pourrait donc arriver, et cela est comme démontré, qu'après beaucoup de peines, et d'après un assez bon dessin, deux de nos meilleurs graveurs actuels ne fissent qu'un médiocre ouvrage.

Comme rien n'est absolument pressé, le dessin peut attendre qu'il se trouve un artiste assez habile, de quelque part qu'il soit. D'ailleurs Mr. Cochin assure qu'il est fort occupé. Vous voyez, Monsieur, que mes prédilections nationales ne vont pas au-delà du mérite de nos artistes, et qu'elles ne s'étendent que jusqu'à leur possibilité de bien faire. Je serais fâché de faire pour une gravure de quelque importance, ce qui a été fait pour les tableaux de nos peintres, qui ont si mal réussi; c'est-à-dire de m'en charger ou de m'en mêler. Je crois, en cela, avoir autant à coeur la réputation de nos graveurs, que le service de Sa Majesté; ajoutons-y l'intérêt que je dois prendre à mon ouvrage.

Quoique Mr. du Vivier soit sans contredit, un très-bon graveur en médailles, on pourrait s'en passer. Vous avez des graveurs en acier, fort passables, et pourvu que la médaille ne soit pas grande, parce qu'elle demanderait une étude plus exacte, je vois par leurs ouvrages, qu'ils y réus-

siraient bien. J'en conduirais l'exécution, comme étant faite d'après mon ouvrage; je demanderais seulement qu'il me fût permis de choisir le graveur.

Je ne suis pas aussi décidé pour la fonte de la statue, parce que j'en sais et que j'en sens toutes les conséquences qui ne sont pas petites. Il serait fort déplaisant qu'après avoir fait de grands frais pour cette opération, on se vit obligé de la recommencer, ou même de remettre des pièces qui ne résisteraient pas longtemps exposées au froid de St.-Pétersbourg.

Il n'y a pas un Russe, Sa Majesté à la tête, qui soit plus intimement persuadé que je le suis moi-même, qu'il vaut mieux mettre dans son pot des choux de son jardin, que d'en aller chercher ailleurs. Votre Excellence sait que c'est mon refrain ordinaire, et que je le lui ai dit plusieurs fois.

Comme il faut tâcher de ne point donner d'humeur à personne, autant qu'il est possible, je crois qu'il est à propos que ma réponse à Mr. Cochin ne contienne rien de décidé. L'acquisition du cabinet Crozat me fait venir cette idée qui me semble toute naturelle. Mr. Cochin, en sa qualité d'artiste distingué, d'ami de Mr. de Marigny, et d'homme d'esprit fort répandu, peut beaucoup aider ou traverser Mr. Diderot dans cette affaire. Quand on aura obtenu les tableaux pour Sa Majesté je pourrais alors, par dégrés, écrire à Paris ce qu'il conviendra; mais je crois qu'avant tout, il faut les laisser venir ici. Par événement, ce que j'ai écrit pour les graveurs et le fondeur ne peut qu'y faire du bien, ou je me trompe fort.

Je suis etc.

ПРИЛОЖЕНІЕ XIII.

ДОНЕСЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ПОСЛАННИКА МАРКИЗА ДЕ-ЖЮНЬИ.

(Изъ Парижскаго архива М. И. Д.)

Moscou, le 15 Septembre 1775.

... Falconet a manqué la fonte de la statue de Pierre Ier à St.-Pétersbourg, le 4 de ce mois. La fonte s'est échappée, et quoique l'on en eût préparé 4000 livres de plus, il n'y en a pas eu assez pour la tête du czar qui s'est trouvée nulle. La statue n'était pas découverte en entier lors des dernières nouvelles, on ne sait donc pas encore ce qu'est devenu le surplus de la fonte. Si l'ouvrage est tel cependant d'ailleurs qu'on puisse éviter une

refonte, on pourra bien s'en dispenser en se contentant d'ajouter une tête. Cette partie de l'ouvrage de Falconet devait d'abord être exécutée par un fondeur Strasbourgeois, mais il a eu des discussions avec cet artiste. L'Impératrice s'est laissée aller aux impressions du sculpteur, qui s'est cru en état de se charger de la fonte comme de la sculpture. On a renvoyé le fondeur Strasbourgeois et Falconet a échoué. Ce qui est fort désagréable. Il y a eu plusieurs personnes blessées et Falconet l'a été lui-même légèrement à la vérité, mais il s'est trouvé mal, quand il a vu le mauvais succès de son entreprise.

ПРИЛОЖЕНІЕ XIV.

КОПІЯ СЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ДОКЛАДА ПРАВ. СЕНАТА ОТЪ 4 МАРТА 1776 Г.

Помѣщаемый здѣсь всеподданнѣйшій докладъ представляетъ достовѣрныя свѣдѣнія о стоимости памятника Петру Великому.

Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской,

от Сената всеподданнѣйшій докладъ.

На подлинномъ Собственною Ея
Императорскаго Величества рукою
написано тако:

Отпустить.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Бецкій поданнымъ въ Сенатъ доношеніемъ представляетъ, что приуготовляемому Государя Императора Петра Великаго монументу хотя ожидаемо было всѣмъ окончаніемъ совершится, ежели какія въ Литвѣ препятствія не послѣдуютъ въ 1775 году; а по мѣрѣ того исчисляемаго времени на издержанныя и издерживаемыя необходимыя надобности означаемыя чеканку и постановленіе монумента съ отдѣлкою по вновь назначенному показанію одинакаго камня съ слѣдуемою при томъ разломкою анбара и съ производимою прибавкою по Собственному Вашего Императорскаго Величества повелѣнію на столъ профессору Фальконету требовано въ прибавокъ до 18000 рублей, въ которомъ числѣ и положено на чеканку только 2000 руб.; но какъ преждевременно полагаемая смѣта особливо на такія дѣла, кои отъ неудачливыхъ иногда послѣдствій

свое совершенство терять могутъ, не всегда утверждаемымъ исчисленіемъ до надлежащей вѣрности доходитъ, такъ равнымъ образомъ и при семъ случаѣ по отливкѣ оного монумента и по раскрытіи обдѣланной на немъ формы отъ много поставленныхъ бывшихъ трубокъ по коимъ растопленная мѣдь итти была должна, чтобъ въ выливкѣ чище была, оказалось весьма превышающей быть работѣ, нежели расчисляемо было, ибо сколь надлежитъ тѣ самыя мѣста съ наблюдаемою акуратностію подъ тѣло очистить, чтобъ никакихъ и слѣдовъ не могло быть видно, столь при томъ не токмо, что въ сходствіе требованія профессора Фальконета, но и въ разсужденіи самой важности сего монумента вся потребная съ приливкою нѣкоторыхъ мѣстъ чеканка должна отдѣлана быть особымъ и лучшимъ искусствомъ, съ потребнымъ въ очисткѣ скульпторнымъ художествомъ, къ чему по согласію Фальконета приглашенъ и уконтрактованъ къ той отдѣлкѣ иностранный художникъ часоваго дѣла мастеръ Авраамъ Сандоцъ за 20.000 руб., съ котораго контракта при томъ и копію приложилъ; но какъ оной же чеканкѣ необходимо продолжаться будетъ должно болѣе двухъ лѣтъ, то въ разсужденія того, соразмѣрно оной работѣ, полагая нужное пребываніе и другихъ къ тому быть назначенныхъ людей, и потребно, считая съ нынѣшнимъ 776 годомъ, въ три года какъ Фальконету на столъ по силѣ его контракта такъ и для двухъ его подмастерьевъ съ разными служителями на жалованье и съ содержаніемъ мастерскихъ 18.800 руб. и проситъ, что по вышепоказываемой необходимости всего на всю требуемую сумму 38.800 руб. опредѣлить въ отпускъ, сколько когда по требованіямъ конторы строенія домовъ и садовъ понадобится, дабы къ довершенію того по назначиваемому расположенію приступить было можно.

По справкѣ въ Сенатѣ въ 1776 году по случаю переѣзда сюда художника Фальконета на учиненныя издержки по имяннымъ Вашего Императорскаго Величества указамъ употреблено изъ Статсъ Конторы 10.529 руб. 50 коп.

Потомъ въ 1768 году на сооруженіе монумента съ начала и до окончанія онаго изчислено было сперва до 320.000 руб.

Послѣ въ 1775 году на разные въ прежнемъ счетѣ неположенные расходы требовано еще 48.521 р. 53½ коп., которыя обѣ суммы въ разныя времена по Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества, на поднесенные отъ Сената доклады конфирмаціямъ и отпущены изъ Статсъ и Экономической Конторъ по поламъ.

Да сверхъ того по Имянному Вашего Императорскаго Величества указу для литейнаго мастера Ерсмана съ его подмастерьями изъ тѣхъ же мѣстъ

отпущено 43.138 руб. А всего на тотъ монументъ и на жалованье находящимся при томъ дѣлѣ издержано 422.189 руб. $3^1/_2$ коп.

Сенатъ о вышеписанномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Бецкаго представленіи почелъ за должность всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству и проситъ Высочайшаго указа: соизволите ли повелѣть требуемую на отдѣлку монумента сумму, а именно 38.800 руб. въ контору строенія домовъ и садовъ не вдругъ, а сколько когда понадобится отпустить изъ тѣхъ же мѣстъ откуда и прежніе отпуски чинены были по поламъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XV.

ПИСЬМО БАРОНА А. Ф. БУДБЕРГА КНЯЗЮ А. Б. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ.

Mon cher ami.

Vous m'avez demandé quelques détails sur la provenance des *lettres* de l'Impératrice *Catherine II à Falconet*. Après avoir réuni mes souvenirs et les avoir vérifiés par des notes que j'ai retrouvées, je m'empresse de vous offrir le résultat de mes recherches.

En 1865 le comte Warren, dont le nom vous est connu par son ouvrage sur les Indes orientales en 1830, m'a demandé une entrevue pour m'entretenir d'une affaire concernant la *Baronne Jankowitz*, *née Falconet*, domiciliée à Nancy.

Ce nom polonais de Jankowitz réuni à celui de l'illustre statuaire, a vivement piqué ma curiosité.

Voici ce que m'a dit le comte Warren.

La *Baronne Jankowitz*, *fille du fils d'Étienne Falconet et de mad-lle Collot* qui, s'étant trouvée à St.-Pétersbourg avec son oncle Falconet, y avait modelé la tête de la statue de Pierre-le-Grand, avait fait un testament, par lequel elle destinait à l'Empereur les souvenirs que *son grand-père* avait conservés de l'Impératrice Catherine. Le comte Warren voulait m'informer de ses dispositions.

Je dois placer ici une petite digression sur le nom de Jankowitz, que

vous serez aussi étonné que je l'ai été moi-même de trouver en pleine Lorraine.

Le baron Jankowitz, mari de Mlle Falconet avait quitté, jeune encore la Pologne avec le roi Stanislas Leczinski, auprès duquel il remplissait les fonctions d'écuyer. Lorsque, en 1738, grâce à l'intervention de Louis XV la Lorraine et le duché de Bar furent donnés à l'ex-roi de Pologne, Jankowitz se fixa à Nancy et s'y fit naturaliser. Il occupa même après la mort du roi Stanislas (1766) la place de commandant de cette ville. Il mourut dans les dernières années du siècle passé. La baronne Jankowitz, sa femme, lui a survécu de plus d'un demi-siècle. Elle n'est *morte qu'en 1867*, à l'âge *de plus de cent ans*.

De cette union il n'y avait eu qu'un fils qui habitait Nancy, où il s'était lié d'une étroite amitié avec le comte Warren, voisin de campagne de sa mère, avec lequel il passait sa vie, quoique ce dernier fut plus jeune que lui.

Ce fils Jankowitz fut tué par imprudence à une chasse. Sa mère qui n'avait plus d'autres parents au monde, qui se sentait seule au milieu d'une génération nouvelle dont l'isolait son âge, reporta toute son affection sur l'ami de son fils qu'elle institua son légataire universel. Cependant, par un sentiment de piété filiale pour le souvenir de son grand-père, elle voulait que les objets provenant de l'Impératrice Catherine, ne fussent pas compris dans cet héritage et fussent remis à l'arrière petit-fils de la grande Souveraine.

Prévoyant toutes les difficultés, que — vu la législation française — nous aurions un jour pour recueillir cet héritage, j'ai usé de tous les moyens, dont je pouvais disposer pour décider la baronne Jankowitz à s'en dessaisir de son vivant en faveur de Sa Majesté l'Empereur. Ces pourparlers ont duré plusieurs mois et enfin le 11 (23) juillet 1865 j'ai été à même de de pouvoir envoyer tous ces objets au prince Gortchakow pour être transmis à leur haute destination.

Ces objets étaient:

1°. Un carton contenant les *lettres et billets* de l'Impératrice Catherine à Falconet et quelques lettres de Betsky.

2°. Un *portrait sur émail* de l'Impératrice Catherine donné par elle à Falconet, d'un beauté très-remarquable.

3°. Une *tabatière* dont le couvercle représente en repoussé la bataille de Poltava. Cette tabatière avait été donnée par l'Impératrice à Falconet. Elle a été portée par Pierre-le-Grand et par l'Impératrice Élisabeth.

4°. Une *miniature du prince Menschikow* et une petite *médaille* commémorative en or.

5°. Le *masque* en plâtre de *Pierre I*, qui a servi de modèle pour le monument.

6°. Deux *portraits de Falconet* et de *sa belle-fille*.

Voilà, mon cher ami, l'origine de ces lettres. Vous voyez qu'elle est assez compliquée. En revanche elle est tout ce qu'il y a de plus authentique.

Mille amitiés. *Budberg*.

27 mai 1869.

ОТЧЕТЪ

о

ГОДИЧНОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

5-го марта, 1876 г. въ пятницу, въ 8½ час. вечера, происходило въ Аничковскомъ Дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, годичное собраніе Императорскаго русскаго историческаго общества.

Собраніе открыто чтеніемъ секретаремъ общества А. А. Половцовымъ отчета слѣдующаго содержанія:

Ваше Императорское Высочество,

милостивые государи.

«Согласно постановленію совѣта, 5-го декабря 1874 г., обществомъ нашимъ напечатано въ истекшемъ 1875 году три тома Сборника: XIV, XV и XVI. Первый изъ этихъ томовъ содержитъ продолженіе бумагъ коммисіи депутатовъ для составленія уложенія. Заключая разсужденія депутатовъ о законахъ о юстиціи, томъ этотъ въ особенности интересенъ, какъ изображеніе печальныхъ неустройствъ, неизбѣжно сопровождающихъ безгласное судопроизводство, неустройствъ, сознанныхъ нашими предками еще въ прошломъ столѣтіи, и устраненныхъ лишь Державною Волею нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Окончивъ печатаніе этого тома, Д. В. Полѣновъ продолжалъ изготовленіе послѣдующаго тома о трудахъ коммисіи. XV томъ содержитъ переписку Императрицы Екатерины II съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и Великою княгинею Маріею Ѳеодоровною въ теченіе 1780 и начала 1790 годовъ; донесенія прусскихъ

посланниковъ за послѣдніе годы жизни Императора Петра I, царствованія Императрицы Екатерины I и Императора Петра II. Представляя интересныя данныя о внѣшней политикѣ Россіи, особенно по отношенію къ Курляндіи и Польшѣ, донесенія эти не менѣе интересны и по изображенію хода событій и личныхъ перемѣнъ въ средѣ русскаго правительства. Смерть Великаго Петра производитъ внезапный переворотъ въ дѣлахъ и людяхъ; всемогущество властолюбиваго князя Меншикова подчиняетъ все личнымъ его цѣлямъ; со вступленіемъ на престолъ Петра II лучъ надежды просвѣчиваетъ въ судьбахъ нашего отечества, но себялюбивые разсчеты приближенныхъ юнаго Монарха, основанные на потворствѣ слабостямъ его, затмѣваютъ въ глазахъ его высокое его призваніе. Петръ II сходитъ въ преждевременную могилу и печальныя пререканія о власти, въ самомъ правительствѣ, останавливаютъ успѣхъ Петровскихъ начинаній. Все это разсказываетъ баронъ Мардефельдъ старшій, день за день, съ крайнею свойственною его соотечественникамъ аккуратностью. Русскій читатель, интересующійся отечественною исторіею, не можетъ не быть благодарнымъ и барону Мардефельду и профессору Герману, сообщившему намъ эти депеши изъ берлинскаго государственнаго архива. Въ XV-же томѣ помѣщены донесенія князя Н. В. Репнина о посольствѣ его въ Константинополь въ 1775 году. Донесенія эти представляютъ весьма подробно ходъ переговоровъ Россіи съ Турціею, увѣковѣченныхъ славнымъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Интересъ этихъ переговоровъ, не смотря на протекшее съ того времени столѣтіе, столь серьезенъ, что редакція сборника сочла возможнымъ отпустить лишь самыя незначительныя обстоятельства, не имѣвшія прямаго отношенія къ ходу переговоровъ.

Громкому имени князя Репнина суждено было занять пространное мѣсто въ трудахъ общества за истекшій 1875 годъ. XVI томъ наполненъ исключительно перепискою князя Репнина за время управленія его Литвою въ 1794, 1795 и 1796 годахъ. Послѣдовавшія въ этой мѣстности и въ эту эпоху событія извѣстны, и новый томъ нашего сборника представляетъ лишь нѣкоторыя новыя подробности, не лишенныя, конечно, значенія; но, по справедливому замѣчанію издателя этой переписки Н. И. Костомарова, не менѣе фактическихъ свѣдѣній драгоцѣнны самые взгляды замѣчательно умнаго и опытнаго государственнаго человѣка на все совершавшееся вокругъ него въ эпоху его многотрудной политической дѣятельности. Напечатаніе этихъ трехъ томовъ сборника обошлось въ 4.201 руб. 83 коп.; кромѣ того переслано профессору Герману за доставленные имъ документы 1.200 р. и выдано за переписку Екатерининскихъ бумагъ въ Государственномъ архивѣ 600 р. Эти три суммы, вмѣстѣ взятыя, составляютъ 6.501 р. 83 к., что

отвѣтствуетъ приблизительно суммѣ получаемаго обществомъ изъ Государственнаго казначейства пособія 6.000 руб., съ приготовленіемъ итога членскихъ взносовъ 370 руб. Подробный отчетъ прихода и расхода, на основаніи 51 § устава, имѣетъ быть разсмотрѣнъ избранною на то ревизіонною коммисіею.

«Въ теченіи настоящаго 1876 г. совѣтомъ общества предположено издать равнымъ образомъ три тома сборника: XVII томъ, содержащій переписку Императрицы Екатерины II съ Фальконетомъ уже оконченъ печатаніемъ и поступичъ въ продажу въ самомъ непродолжительномъ времени. Сообщеніемъ этой крайне замѣчательной переписки общество наше обязано своему маститому предсѣдателю, князю П. А. Вяземскому, который, хотя и на чужбинѣ, не перестаетъ выражать обществу нашему свое неизмѣнно живое участіе, не перестаетъ трудами своими споспѣшествовать успѣхамъ литературы и науки въ Россіи. XVIII будетъ включать продолженіе депешъ англійскихъ посланниковъ при петербургскомъ дворѣ, и XIX томъ, наполненный донесеніями французскаго посланника Кампредона о царствованіи Императора Петра Великаго, приготовленъ къ изданію и будетъ напечатанъ въ теченіе настоящаго года подъ наблюденіемъ члена совѣта академія А. Ѳ. Бычкова. Независимо отъ этихъ трехъ томовъ, издаваемыхъ средствами общества, графъ С. Д. Шереметевъ, началъ на свой собственный счетъ печатаніе бумагъ изъ фамильнаго своего архива; томъ этотъ равнымъ образомъ появится въ теченіи настоящаго года и будетъ содержать документы, особенно любопытные тѣмъ, что они характеризуютъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра; обыкновенно они исчезаютъ возлѣ великаго вождя своего, но при ближайшемъ изученіи ихъ они умножаютъ еще славу того, кто умѣлъ избрать ихъ на благо Россіи.

Озабочиваясь заготовленіемъ матеріаловъ для обезпеченія дальнѣйшаго изданія сборника, совѣтъ пріобрѣлъ отъ профессора Германа списанныя имъ въ берлинскомъ архивѣ депеши прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, графа Сольмса, за первые десять лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины II. Вслѣдствіе союза, заключеннаго между Екатериною II и Фридрихомъ II въ 1764 г., Пруссія принимала дѣятельное участіе во всѣхъ касавшихся Россіи политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ, и потому депеши барона Сольмса имѣютъ важное значеніе для исторіи того времени.

Второе существенное пріобрѣтеніе общества составляютъ выписки, сдѣланныя изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Уже въ началѣ прошлаго года членъ общества Г. Ѳ. Штендманъ, въ бытность свою въ Парижѣ, сдѣлалъ выписки изъ донесеній французскихъ посланниковъ при

русскомъ дворѣ за первыя семь лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины II; затѣмъ предстояло еще получить копіи съ этихъ депешъ за послѣдующія семь лѣтъ и ограничиться этимъ, такъ какъ по принятому управленіемъ парижскаго архива правилу, архивъ этотъ открытъ для изученія лишь до эпохи смерти Людовика XV, т.-е., до 1774 года. Между тѣмъ въ виду особеннаго интереса, представляемаго многочисленными и пространными донесеніями дипломатическихъ представителей Франціи, пользовавшейся въ то время столь значительнымъ вліяніемъ, общество наше, чрезъ посредство вице-предсѣдателя своего А. Ф. Гамбургера, отнеслось къ князю Н. А. Орлову съ просьбою исходатайствовать у французскаго министерства иностранныхп дѣлъ разрѣшеніе на снятіе копій съ донесеній французскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ за все время царствованія Императрицы Екатерины II. Князь Н. А. Орловъ не замедлилъ дать ходъ этому ходатайству, которое и было передано на обсужденіе особой, существующей при французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ архивной коммисіи, поспѣшившей, въ видѣ особаго исключенія, удовлетворить желаніе нашего общества. Тотчасъ по полученіи этого разрѣшенія и по окончаніи лѣтнихъ вакацій, 1-го октября приступлено было секретаремъ общества къ занятіямъ въ парижскомъ архивѣ. Отдавая отчетъ объ этихъ занятіяхъ, слѣдуетъ прежде всего выразить живую признательность директору архива, г. Фожеру, который съ крайнею предупредительностью сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для устраненія всякаго рода затрудненій. Депеши и инструкціи министерства, переплетенныя по полугодіямъ, были передаваемы представителю общества въ безконтрольное пользованіе. Такимъ образомъ просмотрѣно шестнадцать томовъ, обнимающихъ восемь первыхъ лѣтъ царствованія Людовика XVI. Исторія отношеній за это время Россіи и Франціи крайне интересна. Со смертью Людовика XV отношенія эти измѣняются совершенно. Прежнее нерасположеніе къ русскому правительству, недовѣріе къ силамъ и значенію Россіи—исчезаютъ; двѣнадцать лѣтъ Екатерининскаго царствованія, успѣхи и въ Польшѣ, и въ Турціи, и въ законодательствѣ и въ просвѣщеніи заставляютъ смотрѣть другими глазами на то, что дѣлается въ Петербургѣ; къ тому же у Франціи на рукахъ тяжелая война, и она ищетъ союзниковъ. Молодой король преисполненъ лучшихъ миролюбивыхъ намѣреній и въ отношеніи своего народа и въ отношеніи всего человѣчества. Замѣчательныя инструкціи министра де-Верженa отражаютъ и эту возвышенность чувствъ и господствовавшее около него философское настроеніе; французскій посланникъ въ Петербургѣ маркизъ де-Жюньи получаетъ приказаніе открыто объявить русскому Правительству о намѣреніяхъ своего двора. Въ Петербургѣ сначала не вѣрятъ такой внезапной перемѣнѣ, но со-

бытія скоро являются въ подтвержденіе сказаннаго. Турція отказывается отъ исполненій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира; новая война готова возгорѣться, но французскій посланникъ графъ Сенъ-При стоитъ за-одно съ представителемъ Россіи, и Турція исполняетъ наши требованія. Восхищенная поведеніемъ графа Сенъ-При, Императрица Екатерина благодаритъ Людовика XVI и съ разрѣшенія его посылаетъ графу Сенъ-При алмазные знаки Андреевскаго ордена. Вслѣдъ затѣмъ между Австріею и Пруссіею возгорается война за Баварское наслѣдство; Россія не желаетъ усиленія ни той, ни другой изъ этихъ державъ; она является посредницею; при содѣйствіи Франціи созывается конгрессъ въ Тешенѣ, гдѣ княземъ Репнинымъ исписывается одна изъ наиблестящихъ страницъ русской политики. Умиротворивъ Европу, Императрица Екатерина хочетъ заставить царствовать безопасность и спокойствіе на самомъ океанѣ: она созидаетъ вооруженный нейтралитетъ, и Франція становится во главѣ государствъ, поспѣшно принимающихъ мысль русской Государыни.

Такое сближеніе двухъ правительствъ запечатлѣвается достопамятнымъ путешествіемъ по Франціи Наслѣдника русскаго престола. Всѣ эти событія излагаются французскими дипломатическими агентами съ крайнею обстоятельностью; сужденія нѣкоторыхъ изъ нихъ относительно внутренняго состоянія Россіи и характера лицъ въ ней встрѣчаемыхъ, иногда поверхностны и несправедливо строги; но совокупность донесеній этихъ представляетъ богатый матеріалъ для изученія нашего прошедшаго.

Кромѣ этихъ пріобрѣтеній, обществу доставлена отъ члена Государственнаго Совѣта Н. И. Стояновскаго записка, составленная государственнымъ секретаремъ Оленинымъ о засѣданіи Государственнаго Совѣта по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра I.

Независимо отъ полученныхъ въ общемъ порядкѣ матеріаловъ, долженствующихъ обезпечить изданіе сборника, совѣтъ общества получилъ предложеніе, которое поспѣшилъ принять съ крайнею предупредительностію. Ю. В. Толстой, неeавно обогатившій отечественную историческую литературу изданіемъ офиціальныхъ документовъ, относящихся къ сношеніямъ Россіи съ Англіей во второй половинѣ XVI вѣка, выразилъ готовность, при содѣйствіи нашего общества, принять на себя изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи, производившееся въ прежнее время при II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и пріостановленное нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Предположеніе это сообщено было Главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, князю С. Н. Урусову, который, отношеніемъ 26-го января 1876 г. за № 85, увѣдомилъ, что съ своей стороны не встрѣчаетъ

препятствія къ приведенію въ исполненіе этого предположенія Ю. В. Толстаго.

2-го января настоящаго года общество наше потеряло одного изъ своихъ учредителей. Графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, не смотря на обширныя свои занятія и обязанности, крайне сочуевственно отнесся къ только что возникшему предположенію объ учрежденіи общества; и сочувствіе это, не смотря на ухудшавшееся здоровье, частыя отсуствія, многосторонность обязанностей, никогда не ослабѣвало. Его государственныя заслуги, его просвѣщенное пересозданіе Императорской публичной библіотеки, его литературная дѣятельность уже извѣстны современникамъ и будутъ по достоинству оцѣнены его біографами. Намъ, упоминая сегодня о его кончинѣ, нельзя не почтить въ немъ труженика на пользу отечественной исторіи, труженика, заслуживающаго наше уваженіе и признательность тѣмъ болѣе, что постоянно лежавшіе на немъ служебные труды не только не поддерживали, а чаще затрудняли его научныя стремленія. Многолѣтнія занятія его въ области законодательства, управленія, суда, укрѣпили, а не уничтожили въ немъ убѣжденіе, что наука и прежде всего наука исторіи необходима человѣку, имѣющему притязаніе именоваться государственнымъ. Это искреннее, доказанное жизнью убѣжденіе содѣлываетъ имя графа Корфа заслуживающимъ въ глазахъ нашихъ особеннаго почитанія и, не сомнѣваемся, навсегда сохранитъ его таковымъ и въ лѣтописяхъ Императорскаго историческаго общества, и въ воспоминаніи русскаго народа.

Послѣ сего А. Н. Поповъ сообщилъ весьма интересныя письма Императора Александра I, съ изложеніемъ взгляда его на военныя дѣйствія въ отечественную войну 1812 года.

Затѣмъ академикъ Я. К. Гротъ представилъ извлеченія изъ переписки Императрицы Екатерины II съ Гриммомъ и де-Мельяномъ, выражающія взглядъ Государыни на изученіе русской исторіи.

По окончаніи сихъ чтеній князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій заявилъ собранію соображенія свои о пользѣ и важности изданія русскаго біографическаго словаря, который содѣйствіемъ общества могъ бы быть составленъ несравненно скорѣе и легче, чѣмъ трудами отдѣльнаго лица. Для обсужденія заявленія князя Лобанова-Ростовскаго избрана собраніемъ коммисія изъ князя Лобанова-Ростовскаго, А. Ѳ. Бычкова, Н. В. Калачева, К. К. Злобина и Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Въ заключеніе избраны въ члены общества: Н. И. Костомаровъ, Ю. В. Толстой и князь П. П. Вяземскій, а членъ совѣта Я. К. Гротъ переизбранъ въ ту же должность.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02675 8139

Digitized by Google

